

Солженицынские тетради
Studying Solzhenitsyn
Cahiers Soljénitsyne

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2018

6

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*
Оформление *С.А. Астафуров*
Макет *И.И. Антонова*

ISBN 978-5-85887-494-2

© Авторы, 2018
© Авторы фотографий, 2018
© Солженицын А.И. (наследники), 2018
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2018
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2018

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ: Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ДЕТСТВО

*Публикация, подготовка текста,
вступительная заметка Н.Д. Солженицыной*

К середине 1980-х, десять лет как изгнанный из СССР, завершив огромный «Март Семнадцатого» и начав «Апрель», Александр Исаевич «мог разрешить себе» и другие занятия: читать «просто для удовольствия» и записывать впечатления (так родилась «Литературная коллекция»), обрабатывать свои многолетние лексические выборки (тем готовить к печати «Словарь языкового расширения»), вернуться к ранней неоконченной повести «Люби революцию» (но так и не стал кончать), доделывать в мелочах «Телёнка» и «Невидимок» для будущего печатания, — а пожалуй, «не миновать и рассказать о своей жизни — в той части, которая не перекрывается с “Телёнком”»: «На мою жизнь уже столько наклеветано, и в крупном и в мелком, — пишет он в «Зёрнышке», — что приходится и в этом всё копощении разбираться — хотя бы только для моих сыновей да будущих внуков». И летом 1985-го «окунулся в давние годы», за два месяца написал что вспомнилось, до 1957 года.

Попутно записывал: «Труд воспоминания так, оказывается, велик и утомляет, что перу остаётся меньше художественной и языковой свободы, чем при романе. Не ожидал. Пишу — просто как дышится, безо всяких приёмов... почти не как литературное произведение, да и не для печати».

«Ни за что не хватит терпения описывать охватно всю жизнь, да и кому это нужно?»

Позже А.И. к воспоминаниям и возвращался, и покидал на многие годы, а сомнения его только усиливались:

«Не вижу формы, во что отольётся, не знаю плана. Трудности будут: как распараллелить с “Дороженькой”, с “Архипелагом”, с “Телёнком”».

«Я столько лучшего и главного отдал в произведении, что цельной биографии у меня принципиально не может быть».

«Всё время висит: а имею ли я право писать, загромождать собой?»

Работа осталась неоконченной, и распоряжение по ее поводу дано было неохотно: «Можно открыть не раньше, как лет через 10 после смерти или ещё позже».

Десять лет миновали.

В настоящем выпуске «Тетрадей» мы печатаем воспоминания Александра Исаевича о детских годах.

У крестьян не бывает родословных. По исключению, в нашем роду пропустил пунктир. В Воронеже открыт документ («Воронежская коммуна», 9 марта 1969), что Филипп Солженицын был среди других 18 ослушников, самовольно основавшихся в Бобровой слободе, за то выселенных Петром в 1698 году с уничтожением их жилищ. В роду же нашем, независимо от того, есть память, что кто-то из наших предков был насильственно выслан на Северный Кавказ из-под Воронежа. Это могло быть и не личной высылкой, а известным массовым переселением в конце XVIII века на основанную тогда Азово-Моздокскую линию против горцев. Среди составивших её станиц упоминается в начале XIX века и станица Саблинская, в которой и жили Солженицыны в прошлом и нынешнем веке¹. С 1825 года линию передвинули вперёд, к верховьям Кубани и Терека, так образовалась «Новая Линия», Азово-Моздокскую стали называть «Старой». Часть казаков переселилась на Новую, а казаки, не пожелавшие далее нести казачью службу, оставлены на старых местах в качестве свободных поселян. Саблинская и в моё время называлась «станцией», что указывает на её казачье происхождение.

Деда моего, Семёна Ефимовича, я не видел иначе как на фотографической карточке, он умер в 1918 году, когда нашу семью постигло сразу четыре смерти. Бабушки моей, Пелагеи Панкратовны, я не видел и изображения, она умерла гораздо раньше, и дед женился второй раз. От первого брака было три сына — Константин, Василий, Исаакий, и две дочери — Анастасия и Евдокия. Только первого и последнюю мне пришлось повидать потом в жизни. Так что и отца я не видел никогда, он умер за полгода до моего рождения.

В раннем возрасте мы не бываем достаточно внимательны к родителям, и от родных я не досконально успел узнать об отце. Все родные сходились на том, что характер его отличался исключительной сердечностью, вдумчивостью, он был добр, никогда не вспыливал. От него не осталось ничего письменного, кроме нескольких его стихотворений, нескольких формальных документов, да в 1963 году мне удалось обнаружить в Центральном военно-историческом архиве в Москве его офицерскую книжку артиллерийских наблюдений в 1-й Гренадерской бригаде и упоминания о

¹ Слово «станция» от «стай» означало в XVI веке передвижной отряд конной разведки на степных рубежах Московии. С XVII века на Дону, Тереке и Яике «станциями» стали называть сами казачьи поселения с семьями, городки. — *Примеч. А.И. Солженицына.*

нём в приказах. Разрабатывая его образ для «Красного Колеса», я использовал всё, что успел узнать от родных, а дальше двигался ощупью. Достоверно, что он в разное время увлекался толстовством (после гимназии, в 1909, ездил в Ясную Поляну, поклониться Толстому), то народничеством; добровольно ушёл с 4-го курса Московского университета на фронт (с 4-го никто не уходил!). Он познакомился с моей мамой во время своего отпуска весной 1917 в Москве, в августе она приезжала к нему на фронт под Барановичи, и там их обвенчал бригадный священник. Отец пробыл на фронте до марта 1918, до полного развала, затем вернулся на Северный Кавказ. Супруги прожили вместе всего три месяца. А затем роковая поездка на охоту с хутора Солженицыных. (В эту ночь мама видела сон, как большой крест упал с дымом и придавил папу. Она пыталась удержать его от поездки на охоту в тот день.) Рассказывают так, что его ружьё было со слабым курком, а он приставил его, заряженное, к телеге, сам же потрошил зайца. Лошадь дёрнула, курок спустил и угодил ему зарядом крупной дроби под сердце. В тряской телеге спутник повёз его сперва до хутора, потом, не трогая раны, повезли до Саблинской; но и в станции в тот июнь 1918 не было кому помочь, повезли ещё 55 вёрст в больницу в Георгиевск, однако и там помощь была не на высоте: дробь как будто вынули, но произошло заражение крови, и папа умер через неделю, уверенно внушая маме: «береги сына». Сама эта склонность к охоте затрудняет мне понять до конца его характер — как она умещалась в нём? Немало остаётся мне непонятным, остро сожалею, что мало расспрашивал маму в юности.

В эти последние 7 дней — какова прихлась ему эта нелепая, досадная, ничтожная смерть — после четырёх смелых лет фронта, после брошенного для войны университета, недоучившись, никуда не применив молодых сил, а вот не дождавшись и сына, свой 27-й день рождения (по старому стилю 30 мая, Исаакия Далматского) отметив, может, в полубреду, на смертной больничной койке? Возможное продолжение недостроенной жизни отца на Гражданскую войну (и как бы он себя повёл? и с какой бы стороны он был?) и на ранне-советские годы (жизнь с нами? преследование от ЧК за бывшее офицерство?) всегда сильно занимало меня, я искал тут для себя завет и решение.

А какой же силы завет оставил умирающий своей молодой жене? Мама моя после громовой потери ещё полгода носила меня (очевидно, и горькая утрата, как и упоённая их любовь отпечатлелись на ребёнке). Жена маминного брата Романа, тётя Ира, пригласила маму рожать у себя на богатой даче в Кисловодске, на Шереметьевской улице, 3. Так что Кисловодск был для меня случайное место, но Северный Кавказ — никак не случайное: оба деда и обе бабки, и родители — тамошние. Биографию мою, может быть, правильно отсчитывать несколько раньше: с того сентябрьского дня (24-го или 25-го), когда генерал Шкуро отступил из Кисловодска в горы, а крас-

ная артиллерия со стороны Минутки подвергла беззащитный город наказательному обстрелу. Два трёхдюймовых снаряда попали и на участок тётки Иры. Дом — деревянный, один снаряд пробил крышу, комнату экономки, стенку в соседнюю — и не взорвался. Второй — подбил под бетонный парапет клумбы и разорвался там. Моя мама, беременная мною на 7-м месяце, и была в том доме в ту минуту. (Большевики тотчас переименовали Шереметьевскую в улицу Троцкого; а через полвека расстарались доставить фотографию этой ещё не разрушенной тогда ими дачи в журнал «Штерн» и в «Литературную газету» для доказательства моего буржуазного происхождения.) Родился я, как это у нас называется, «в сорочке» (по-русски — примета счастья). Вскоре красные отступили, освободилась дедушкина экономия близ станции Кубанской — и на весь 1919 год меня увезли туда. В 1920, от красных, все наши снова уехали в Кисловодск, где и открылись мне самые ранние мои воспоминания.

Когда я смотрел на своего первого сына Ермолая в его два года и с изумлением видел уже определившийся характер, с точным мнением, желанием и целью во всякую минуту, я поражался: конечно, родители лишь немного из этого могли сообщить ему в эти два года, ведь и самая примитивная речь его развилась лишь на втором году: очевидно, всё главное в своём развитии ребёнок проделал самодвижением. Два, три, четыре первых года существования — как же это много по длительности, как важно в формировании будущего человека, а значит и его судьбы, сколько картин, чувств и мыслей переживает за это время ребёнок. Но если в пожилом возрасте он захочет вспомнить это время, то все первые годы спрессуются для него почти в пустое ничто, в первозданное туманное пространство, где только несколько ярких чётких воспоминаний плавают живыми образами. И весь этот период мы списываем на «несознательную жизнь». А надо бы сказать — на загадочно недоступную нам. Период, когда ещё не впечатлевается ни горе несчастного детства, ни счастье благополучного, — какое-то святое вживание в земное бытие. Впрочем, этот период каждый у себя пристрастно любит и каждому дорого, что немного он вспомнит там.

Первое и сразу очень яркое моё воспоминание: залитая солнцем небольшая чистая угловая комната, посреди которой я лежу в кроватке с верёвочной сеткой (и помню, куда головой) и понимаю, какой хороший день, а мама подходит со стороны. Почему-то этот день и этот момент только и остался от тысячи лежаний в той кроватке.

Когда-то затем, не знаю как вскоре, определяется и возвышенное, чуть ли не висящее расположение этой комнаты и всего нашего жилья (дачи другой тётки, Маруси): из окна этой комнаты видны вровень с нашей землёй застывшие цементные волны, небывающая форма крыши другого здания, на обрыве внизу (узнаю потом, что под тою крышею пекут к Пасхе куличи).

Постепенно осваивается и что за дверьми, за дверьми дальше. И вот уже бабушка посылает меня отнести ручную кофейную мельницу на второй этаж, я с нею больно грохаюсь на первых же ступеньках. И от этого удара навсегда запомнишь и ту ступеньку скошенную на закруглённой лестнице, и вид и цветá той мельницы: вся коричневая, а куполок над жерновком матово-зелёный. В другой раз, сам не помню, но рассказывает тётя, я прошусь у бабушки на горшок, когда она очень занята, — и с удивлением спрашиваю её уже весьма сложной фразой: «Бабушка, что ты меня так быстро поворачиваешь?»

Расположение тех комнат и домов, где живёшь в детстве, врезаются в память как одна из основ мирового бытия. Потом не годами, но целыми десятилетиями при чтении самых разных книг, разных времён и наций, для их действия невольно воображаешь себе какой-то дом, комнаты, ты их не выбираешь, не ищешь, они представляются тебе сами, если автор не отрезающе определённо описал их, — и вдруг узнаёшь: да ведь память подвернула один из твоих исходных, главных, всё повторных для разных книг домов. Многие чужие истории так и переживаются: всё в комнатах твоего детства.

Возвышенное расположение нашего дома постепенно определяется и дальше. На нашей высоте плоский двор-садик и соседняя дача налево, а если со старшим выйти за калитку и прогуляться по улице вправо, то окажешься на невероятной высоте, и это называется Скала, а за ней — множество ступенек вниз, к вокзалу, хорошо видимому и отсюда, сверху.

На этом вокзале — самое интересное, что только может существовать: паровозный поворотный круг. Наш город Кисловодск — конец рельсов и конец всякого света, за Кисловодском нет ничего, одни горы — и куда же дальше паровозу? Он со своими большими красными колёсами отцепляется от вагонов, всходит на Круг, а Круг поворачивается медленно — и вот паровоз уже грудью назад, и может увозить вагоны из Кисловодска. Много раз наблюдённая, эта картина создала у меня устойчивую любовь к железным дорогам, при отвращении к автомобилям и самолётам. (А сейчас думаю: называя книги то «Кругом», то «Колесом», насколько я не вспоминал о Кисловодске — а может быть, заложено оттуда? Может быть, все главные образы и закладываются в том возрасте? Уж во всяком случае, эти поражающие красные колёса тогдашних паровозов, я ещё много лет повидал их, живя близ железных дорог, и в их страшном давящем движении — так врезались в детскую память; первое же появление красного колеса в «Красном Колесе» — и есть такое.) Так и немногие мои игрушки никак мне не запомнились, ни даже любимый мишка, с которым спал и сфотографирован в день несбывшегося папиного 30-летия (а мне — два с половиной года) — но, по пристрастию к железным дорогам, хорошо помню жестяной, насколько не заводной, а рукою тягать, паровозик с тремя жестяными красным, синим и зелёным вагончиками.

Потом в другую сторону — ещё на отдельном возвышении серо-жёлтого камня церковь Святого Пантелеймона, где меня, объясняют, крестили и куда носят меня, больше дедушка. И в ней, во время службы — и это врезалось навсегда! — грозно гремя сапогами, вошли несколько в остроконечных будёновках, не снимая их, и, пренебрегая ходом службы, прорезались через толпу к амвону и в алтарь — дедушка поднял меня над головами — и я видел, как двигались пики их шапок среди обнажённых голов прихожан. «Остроголовыми» называл их дедушка — и правда, в этих однорогих шапках было не древне-богатырское, как они хотели копировать, а нечто чертячье. И говорили вокруг в перепуганной толпе, и объяснил мне дедушка: грабить церковь пришли.

Дальше вспоминается и сам Кисловодск, но отрывисто, без предыдущего и последующего, без связи мест, не составляя сцен и событий. Кисловодская Виноградная аллея, в те годы нацело крытая диким виноградом, темноватая в самый яркий летний день, усыпанная песком и дресвой, хрустящей под ногами и под колёсами экипажей. (Как и всё в СССР губили, так и этот виноград: захирел или нарочно сорвали, аллею заасфальтировали, в 1956 я застал тут скучную торговую улицу.) — Необычная остеклённая Нарзанная галерея, где женщины в белых халатах проворно подают стаканы от источника во мраморной яме — наверх на полочку, посетителям, и самый этот шипучий вкус нарзана, так и соединившийся с родиной. — По кисловодскому парку шли-шли с кем-то взрослым — и вышли к большому белому Собору. (По топографии это невозможно, слились в памяти начало и конец прогулки.) — Красные Камни, и правда удивительно сплошь тёмно-красные. — Курзал (и слово тогда же запомнилось, необычное) — наверху, как висящий в воздухе, плац усыпан морской галькой, она громко шуршит под ногами. И рядом — очень красивый дом. И — ни на что не похожее строение: раковина, для музыки.

Но прогулок мало, и мама редко, она в долгих отлучках, а с бабушкой-дедушкой всё больше дома. И такое помню: поздний вечер, горит свеча. Бабушка с передаваемой мне тревогой ожидает дедушку от рождественской — именно рождественской, запомнилось, всенощной. И по её тревоге я тоже не засыпаю в кроватке, тоже дедушку жду. (Отчего тревога? — довольно скоро я это узнаю: на земле — чекистские годы, чекистские ночи, и если человек опаздывает, то не арестован ли он?)

Особенно дедушка неутомим в посещении церкви, а в их комнате целый угол — во многих уставленных и увешанных иконах. Мне приходит в голову, никто не подсказывает, устраивать церковную службу и дома (а лет мне никак не более пяти). Наслушался и навиделся я в церкви, служил батюшка и в доме у нас — отчего ж и мне нельзя? Дедушка с бабушкой не увидели в этом забавы или богохульства, не остановили. Есть свободная лампадная подвеска, она — за паникадило, в ней курится зажжённый ладанок (у дедуш-

ки всегда в доме запас ладана), и я кажу так, чтоб он не выпал. Что-то за дьяконов орарий перекинуто через моё плечо, и что-то же читаю вслух на память, не окоlesiцу несу — ну конечно многократно «Господи помилуй», «Святы́й Боже», «аллилуйя», «аминь», и ещё же что-то запомнил от священника, дьякона, певчих. Сознание отпечаталось точнее действий: это никак было не озорство, а по душе. Во мне созрело уже, что церковная служба, что моление Богу есть опора наша и защита. Моление — это н а ш е, а враги хотят отнять.

Дедушка с бабушкой скорей увидели в этом явление чудесное, через младенца. Они, да и вся семья наша, в те годы и позже жили в состоянии разорения — душевного ещё гораздо больше, чем имущественного, в ощущении насилия, совершённого над ними и, более того, вновь и вновь угрожающего — всякий день, и особенно всякую ночь: прихода ЧК, ходившей почти только по ночам. Эта нависшая тревога, уже лет с пяти полностью сознательно и лет до пятнадцати, была неизменным небом над моими детством и отрочеством, она рано внушила мне крайнюю серьёзность жизни и, при общем нашем бессилии, оставляла один оплот — молитву. Я рано стал усердно молиться, и утром и вечером, знал уже все главные молитвы. Это настроение было, очевидно, глубоко, потому что несколько раз (до моих лет семи) мне снились изредка и яркие сны с большой силой достоверности: то икона Богородицы, плывущая по небу и обещающая, что полоса града минует наш участок (это — позже, в Гулькевичах, где я и узнал, что град бывает узкими полосами); то Спаситель с благословляющим мир крестовым жезлом, в полный рост, в ярко-голубом овале, тоже на небе; я просыпался с сильным ощущением присутствия-видения — и в деталях, теперь уже призабытых, горячо рассказывал взрослым.

И бабушка, и дедушка, и мама (меньше, да я реже и видел её, она в долгих отъездах), и две тётки всеми стараниями и одобрениями поддерживали во мне такую оживлённую склонность ко всему святому и богослужебному. Да дедушка сам чуть не ежедневно усаживался читать вполголоса-вполшёпота то Жития Святых, то Библию. Особенно любил он книгу Иова, так напоминавшую его собственное жгущее разорение, низвержение после прежних успехов и богатства, — только как Божье испытание он мог осознать происходящее, может быть прозорливее многих в те годы, и никогда, никогда на Бога не роптал. Оттого и я не заметил у Иова ропота, а уже тогда отложился урок смирения в моей душе. Вера нашей семьи была самая простонародная — безо всякого понимания построения и отдельных элементов церковной службы, символического или исторического смысла их, уж тем более — безо всякого истолкования многообразных аспектов христианства, как это уже принято было в кругах религиозно образованных, — и мне всё передалось в таком самом простом виде, не всегда с пониманием каждой фразы молитвы и даже с ошибками произношения: «иже еси на небеси»,

«оставляем должникам нашим», и так это укоренилось и в моём произношении на десятки лет. Не было интеллектуального понимания христианства и службы ни у кого в семье, даже у самой к тому пристальной тётки Иры, — но у всех, кроме дяди Ромаши, была вера, и все выходили из храма усветлённые, облегчённые, мягкие.

(Припишу в 2001 году: три года назад удостоились мои бабушка с бабушкой, что после 80-летнего чужого владения — в их кубанском доме силами окружающих верующих устроилась церковь Покрова.)

Однако в ранних же годах, никак не позже четырёх лет, помню и такое. В нашем тенистом дворе появилась незнакомая девочка в жёлтом платье, возраста около моего. А рядом со мной стоят два мальчика уже постарше, воспитанники нашей соседки генеральши Антонины Петровны Драчёвой, и велят мне или советуют: взять вот этот железный прут от забора (который, очевидно, они и выломали, куда лазили) — и ударить девочку. У меня и в мыслях такого не было, но говорят — и я делаю: подымаю прут двумя руками и ударяю девочку по боку или по спине. Девочка плачет, убегает — и исчезает для меня навсегда, так и не знаю и не узнаю, что это за девочка и откуда она приходила. Но ещё до первой слезы её, когда прут только опускается на её бок, ощущение творимой мною несправедливости, первое такое ощущение в жизни, совершенно новое, — пронизывает меня. А когда она заплакала и побежала — тёмное горе охватило меня. Это так остро было, что врезалось навсегда — хотя не помню никого более в этом саду другой раз, и никаких других гостей у нас или детей. И никто меня в том действии не упрекнул, мальчики похвалили, никто из взрослых не узнал, не наказал, а врезалось, вот и до сих пор, как из сильнейших воспоминаний детства, противоречием и первому наслоению молитв, и врождённому чувству.

Чувство это — справедливости, и на всю жизнь. Я — не любвеобилен, моя деятельная любовь избирательна, к немногому и немногим. Но решительно ко всему, всем и повседневно — сторожащее чувство справедливости. Мне нестерпимо больно, когда его нарушаю я, естественный закон мой — не причинять другому, чего не хотел бы себе. Но и так же остро чувствую всякое нарушение справедливости не мною, вообще всюду — и, где могу, восстанавливаю равновесие.

На шестом моём году меня вовсе увезли с той дачи на Скале, на улице Льва Толстого, 4 — но ещё из последних хорошо помню там один наружный, уличный зимний эпизод. Снег, мороз, солнце, катаемся с другими детьми на салазках (тогда ещё не было автомобильного движения, и все улицы — цельно-снежные) — вдруг долго слитно загудели все гудки Кисловодска, а пуще всего — паровозные, на станции, под нашей Скалой. Мы, дети, остановились, озадаченные, а кто-то взрослый объяснил нам: это — Ленина хоронят в Москве. (Наверно, дома у нас большая радость была, но этого я не запомнил.)

Да как раз в те годы коммунистические вожди очень пристрастились к Кисловодску, то и дело шлёндали туда на отдых. Запомнилось, как наш знакомый Бескоровайный (кажется, начальник станции) громко хвастался, как он возил Троцкого на охоту и как тот ему доверял. (Слышал я, что в 30-е годы пришлось Бескоровайному о своих рассказах пожалеть.)

А мамы моей вот почему всё время не было: после того как мне исполнилось три года — она уехала в Ростов-на-Дону, поступать на службу, зарабатывать. (Остальная семья жила надеждой перебиться остатками ценностей до близкого, вот-вот, краха большевиков.) Оттого я мало помню её в эти годы, но при мне читали письма от неё, я смотрел, что такое письмо, и стал тоже исписывать целые листы довольно ровными строчками, а в них — сплошные ломаные, чёрточка вверх, чёрточка вниз, ибо именно это я воспринял от маминых строчек. Исписав лист, я просил взрослых отправить маме моё письмо. (Мой сын Ермолай, не достигнув четырёх, тоже безо всякого внушения или совета писал такие же «письма».)

Большую дачу на Шереметьевской у тёти Иры — дяди Ромаши отняли, и они купили куда скромней, но тоже просторную (они были бездетны, и прислуги уже не оставалось) на разъезде Минутка, первом от Кисловодска. Там я жил у них два лета — 1923 и 1924 года, никогда не выходил за ворота, не имея никаких товарищей-сверстников и совсем не нуждаясь в них. Уже тогда определилась моя любовь к одинокому времяпровождению, и я не скучал нисколько, строя ли замки из плашек домино, таская по всем полам свой паровозик с тремя вагончиками или уже читая первые книги.

В которую-то из этих вёсен, вероятно вторую, значит, в пять лет с небольшим, я запомнил ярко одну свою одинокую прогулку, в которую *ничего* не случилось, кроме мыслей, да и то очень неопределённых. Была тёплая погода, но почему-то думаю, что — май, а не лето, и пошёл несильный тёплый дождик — та степень дождя, когда босая нога оставляет в примокшей пыли ещё сухие следы. Так дождик и крапал долго, не сильней того, но и не прекращался. Я покинул свои вагончики и стал гулять под этим дождиком, да как? — точною арестантскою прогулкою, вперёд-назад по прямой, равномерной скоростью и поворачиваясь на концах. Тётя Ира кликнула меня раз, два, но не довольно настойчиво, и я себе гулял, долго, думаю не меньше часа, пока уже не стали плечи и спина озябать от мокроты. Это была прогулка-обдумывание, прогулка-саморазговор. Оттого ли, что всё под дождём, а так люди не гуляют — как будто я открывал в себе особенность или даже назначение: я ходил и думал о какой-то своей особенной задаче, которую я буду в жизни выполнять, — хотя никто из взрослых мне никакого подобного намёка не делал, и сам я ничего предметного не воображал, и ещё никакого писательства — но наполнен был этим думаньем, и чувствовал, как я почти по минутам расту в нём, как мне бесконечно интересно это одинокое размышление, можно так и век ходить. (Мой Ермолай ещё до трёх лет не раз просил

взрослых оставить его одного, а в младшем Степане и в 12 лет сохранялась такая настойчивая потребность.)

Тётя Ира по праву должна была стать моей крёстной матерью — но, по православным правилам, перегородил ей путь дядя Ромаша, настояв, что будет моим крёстным отцом. Совсем равнодушный к православию, человек сухой и расчётливый, он мог тут иметь и «династическое» соображение: когда-то единственный заведомый наследник дедушкиной экономики, он стал в переупрямство с отцом, и тот клялся, что всё наследство отдаст внуку, то есть уже родившемуся мне. (В эти же годы дядя Ромаша придумал усыновлять меня, дикая мысль, мама гневно возмутилась, что никогда не предаст памяти отца, не отдаст из Солженицына в Щербаки.) Но никому никогда не пришлось больше касаться этого наследства, хотя в 20-е годы семья, кроме моей мамы, всё верила в возврат собственности. (Когда в 1942 немцы заняли Северный Кавказ — дядя Ромаша изблизил, из Георгиевска, осмелился поехать в экономию. Ходил, смотрел, в посёлке его все узнавали. Что ж, немцы нисколько не возражали, что вот объявился хозяин, администратор, оживит дело. Но понял дядя Ромаша, что это — уже неживляемо. И — скрылся.) Крёстной матерью моей стала потому тётя Маруся, простодушная женщина, совсем безо всякого развития и никогда не давшая мне ничего духовного.

Осенью 1924 тётя Ира с дядей Ромашей продали и дачу в Минутке, уехали в Новочеркасск, купили домик там. Уже скоро их переезды я начал понимать: они — скрывались, меняя места. Ещё удивляюсь, что они не уехали из Минеральных Вод раньше: в пятигорской ЧК в 1921 дядю Ромашу едва не расстреляли — их перед вечерами, из переполненных камер, выстраивали во дворе тюрьмы, рассчитывали на 10 или на 7, и каждого десятого-седьмого расстреливали в ту же ночь. (Во всех ЧК было так, не трудились разбираться в «делах» и вине: по идеологической установке классовое происхождение считалось хуже всякой вины, и уничтожения были достойны *все* чужеродные. А камеры надо было «разгружать» от переполнения.) Тётя Ира спасла мужа тем, что принесла двум чекистам бриллианты. «С русским», от которого зависело, договориться о взятке не смогла, но договорилась «с евреем», а тот — с тем же русским её и свёл, сидели ночью, пили самогон, вливали и ей, тут же вызвали из камеры дядю Ромашу невредимо — и отпустили. (Несмотря на внешнюю идейность, чекисты охотно брали взятки тогда, такими случаями избегают русские воспоминания. В ЧК это было едва ли не повально, а ещё больше — грабёж себе из взятого на обысках.) А ещё прежде во время чекистского обыска на даче в Кисловодске дядя-тётя были спасены тем, что у неё обнаружили несколько сот солдатских писем с фронта, благодаривших её за присылку полушубков, сапог, окопных подарков. Однако конспираторами мои дядя-тётя, видимо, были плохими: надо же было для нового места скрывать избрать Новочеркасск! — недавний центр Белого сопротивления,

ещё переполненный затаёнными «бывшими», тут ЧК не ошиблась бы, хватая каждых двух из трёх. Ну да они и прожили тут меньше двух лет и потянулись дальше, в Ейск. Дядя Ромаша нигде не работал: тайком они, видимо (я, разумеется, не слышал таких разговоров), продавали драгоценности и хорошие носильные вещи, а всё ждали близкого конца большевиков. И осуждали мою маму, что она поехала устраиваться на службу к этим сатанам. К Рождеству 1924 мама повезла меня к ним, рассчитывая вскоре взять меня в Ростов, а пока чтобы был поближе.

До того я знал только лёгкие открытые, без внутренних стенок, вагончики под Кисловодском, теперь я изведаль настоящую железную дорогу и полюбил её на всю жизнь. И гудки, и звонки, первый-второй-третий, красные фуражки дежурных, взмахи флажков, отпускные резкие свистки, первое дёрганье и передача звончатых буферных стуков, скрип тяг, вздёргивание semaфоров, красные и зелёные огни, переводные стрелки — наконец то и меня утягивает этот давно заманчивый мир. Удивительный домик вагона в движении, так баюкательно подрагивающий на ходу, удивительное и поведение телеграфных проводов, всегда прежде неподвижных, а теперь в равномерном волнении то вверх к столбам, то опадая в промежутках. И сколько же бесконечно-нового можно увидеть через окно, и всё новые станции, и уже заранее подкатывается слава знаменитой Невиномысской: там весь перрон предлагает поезду вкуснейших жареных цыплят. (На всю жизнь осталась курица как еда-блаженство, советские не балованы ею, и так странно было узнать на Западе, что курица считается едой бедняков.) И все несут этих цыплят, и крынки каймака, и чайники с кипятком в наш поездной быт, тем особенно очаровательный, что такой тесный, но и такой обдуманый: эти подъёмно-опускные столики для еды, столик, а затем превращается в часть постели, а узлы, корзины, чемоданы закидываются на высокие полки, и вот недавно все ели, и не было места, а вот и всем нашлось спать, кому лёжа, кому сидя, и посвечивают оплывающие толстые свечи в стеночных фонарях.

Самого Ростова я в этот раз как не видел, ничего не запомнил, лишь мамину комнату, где, может быть, и пробыли мы только сутки: эта маленькая комната имела окно всего лишь на чёрную лестницу, а по ту сторону лестницы было уже другое окно, наружу — и так воздуху проникнуть было вообще неоткуда, а свет — слабый, вторично-третичный. Это всё, что мама могла пока в Ростове добыть, оттого и везла она меня дальше, к тёте и дяде. (Они продолжали настаивать перед ней, что хотят меня усыновить, а она выйдет замуж — родит другого. Вообще, отношения их не были гладкие и особенно расхотелись в эти годы их настроения: мама становилась как бы предательницей, уходящей в новый советский мир.)

Тут попал я во второй город моей жизни — Новочеркасск. Зима была, и везли меня от станции круто вверх на саях с бубенчиками, какие раска-

тывали там тогда по всем проспектам и улицам. А за крутейшим подъёмом сразу вырастал невероятной мощи жёлто-серокирпичный собор, а за ним — огромная площадь, во все стороны пересекаемая весёлыми конными санями — и памятник воину, о котором уже тут, по пути, тётя Ира спешит сообщить: это памятник знаменитому Ермаку, завоевателю Сибири, большевики ненавидят его, как всё казачье, и уже пытались несколькими тракторами свалить памятник, не удалось. А от памятника — ещё новый широченный проспект, Ермаковский, со срединным бульваром — и ведёт опять к высокой церкви, но деревянной, стройной Троицкой. Вбок от неё — ещё такой же проспект, Баклановский, а от него мы спускаем с горы по Каменной улице, к заснеженной реке, тут ещё холмы не расчищенного снега. И во флигельке, как жили мы в глуби двора, и в прогулках по Новочеркасску — такая была ещё до-автомобильная, до-промышленная тишина, правда казалось: нашли дядя-тётя тихое место. Кто бы тогда вообразил, что вот именно тут, за этой скромненькой Тузловкой, вот на этой голой окраине воздвигнется Вагоноремонтный завод и, почти через сорок лет, вспыхнет на нём один из самых бурных мятежей против советской власти, и я буду первый, кто расскажет о нём громко на весь мир? Своей будущей душевной связи с этим городом как белым и казачьим центром я также ещё не угадываю, да и всего-то прожил я там три месяца, до марта — но чем-то верным и немелочным пахнуло мне в душу. Весь город был — много сотен особнячков и домиков, а в них запрягались, забились *бывшие*, а снаружи это снегом обвеяло и обвалило, и так город по видимости дремал мирно, а — стучали, стучали ночные сердца, и всевластно над недавней казачьей столицей простиралась ЧК. Тётя Ира, как полагается по возрасту, разучивала со мной Некрасова — «Я из лесу вышел, был крепкий мороз» (я одевался в мужичка-ноготка, в больших рукавицах), Крылова (трудолюбивый Муравей уже тогда был для меня самопонятным образцом, легкомысленная Стрекоза — предметом решительного осуждения) — но и начитывала мне смертно-криминальный тогда стишок (на Красной площади говорит и показывает Минин Пожарскому):

Смотри-ка, князь, какая мразь
 В стенах кремлёвских завелась:
 Под звуки пушек и мортир
 Спустили Ленина в сортир.

Всего год прошёл, как я этим похоронным гудкам удивлялся на кислотводской улице с санной верёвочкой в руках — а вот уже, кажется, определённо понимаю. Вечная угнетённость дяди-тёти, подмывающий соблазн не остановиться и тут, продать и этот дом и бежать дальше куда-то, — вполне передавались мне, 6-летнему, как главная тональность всей окружающей немоты.

Между тем мама в эти последние два года в огромной степени определяла мою будущую жизнь, сама не предполагая, насколько это дальше на мне отзовется. С 1922, когда она решила, что должна идти на заработки, она наметила себе специальность машинописи и стенографии (очень разумно отказавшись применять своё нелюбимое, но почти законченное агрономическое образование — в советские годы одна беда могла быть с того). Теперь предстояло ей избрать для постоянной жизни крупный город. Таких только два могло быть для неё, привычных, — Ростов-на-Дону, где она училась в гимназии, и Москва, где училась на высших сельскохозяйственных курсах. В Москву её тянуло гораздо больше, но она не имела там опорных знакомств, могущих помочь приезжей одинокой женщине в большом городе. В Ростове же была прочная дружба с семьёй Андреевых — Федоровских, её бывшей гимназической начальницы, у которых мама прожила теперь всё время курсов стенографии, и с семьёй Архангородских, её бывшей соученицы по гимназии, отец которой, Александр Исаакович, заведовал крупной компанией Мельстроя и мог тотчас после обучения взять маму на службу. Так и решилась моя судьба надолго: южная языковая среда, чужая и даже враждебная русскому писателю; задержка литературного и интеллектуального развития; близкое и острое знакомство с плотным еврейским окружением; и провинциальная орбита жизни, так что за 55 лет на родине я ни месяца не пробыл жителем Москвы, — этому последнему, впрочем, я радуюсь, это дало мне куда более верный взгляд на страну: я видел именно Советский Союз, а не подкупленную снабжением столицу.

Теперь, уже окончив курсы Полиглота и принятая секретарём в Мельстрой, мама окончательно решила взять меня к себе — но куда? Разорённые Гражданской войной города ещё не отстраивались тогда, а всякую жилищную нужду удовлетворяли прежде всего «пролетарскому происхождению», большей частью просто уплотняя прежние барские квартиры в «коммунальные». Мама стояла на очереди в горжилкомхозе, но очередь двигалась плохо (да конечно с перескакиваниями «по блату»), и что получила она пока — вот ту конуру со вторичным окном на чёрную лестницу, куда брать ребёнка казалось убийством, но и дальше жить без меня не хотела. И тут она сделала шаг человечески естественный, а по-советскому опрометчивый: бросила ту конуру, где-то на Казанской улице близ Таганрогского, — тем самым навсегда вышла из жителей ЖАКТов и из очереди получателей и сняла, гораздо дороже, две комнатухи у простого *частника*, домовладельца Обрезанова — тоже недалеко от Мельстроя, примитивная избушка без водопровода и уборной, но в зелёном дворике и с чистым тогда ещё воздухом — в глубоком провале, в одном из тупиков Никольского переулка. Тут я и прожил с ней один весенний месяц (календарь революции: в марте 1925 отравлен Патриарх Тихон) — а на лето всё равно отправила меня из города прочь, к бабушке и дедушке: даже в те доавтомобильные годы было принято спасать детей на лето из раскалённого камня.

Тем временем отобрали кисловодскую дачу и у тётки Маруси (в состав будущего и нынешнего санатория «Скала»), и дедушка с бабушкой, гонимые бездомностью, нашли приют на хуторе под Гулькевичами у дедушкиного племянника Михаила Лукьяновича Щербака, тоже поджатога от прежних своих, хотя и небольших, хуторских владений. И приют-то совсем неукрывный, в двух железнодорожных перегонах от дедушкиной экономии у станции Кубанской. Да дед мой, Захар Фёдорович Щербак, и не прятался никогда от чекистов, он был для того слишком негнуткого ствола.

Тогда я любил его просто по-детски, слушался, он заменял мне отца — и в наследственном характере я даже получил от него больше, чем от отца: всю его энергию, волю к движениям, преобразованиям, твёрдую руку, власть решений. Только с годами, годами, много после его смерти, я понял весь его облик. Как мог, я это уже передал в «Красном Колесе». Он был сочетание трезвости ума, неутомимого трудолюбия, неостановимой энергии; от ничтожного батраческого положения в парубчестве — это сделало его хозяином двух тысяч десятин чернозёма, овечьих стад, сложного машинного хозяйства — но никогда движения наживы не перевешивали в нём щедрости, напротив: он переплачивал, раздавал и дарил, не зная, как отблагодарить верных людей за верный труд. И на нём много раз проверилось, что рука дающего не оскудевает. Большевицкие отнятия поразили его сильнее грозы — и, я думаю, не только отнятием обширного имущества, богатой экономии, устроенного дома, вообще всякого дома и всякой крыши, но больше всего закланиями того времени, что он — эксплуататор и кровосос. Это настигло его в 62–64 года. Он был расколот, обманут, унижен — как это должно было его сжигать? — но и мог выдержать, и мог умягчить себе только пониманием происшедшего как великого Божьего испытания. И думаю, опять-таки не главным образом для того, чтоб иметь средства к жизни, не из прямого нищенства, но чтоб увериться в своей правоте, он в эти годы тут, между Гулькевичами и Кубанской, объезжал своих бывших рабочих и говорил: «То я вас кормыв, а тепер вы мэне покормыть». И — хотя стояли уже ярые и травленные советские годы, — ни от кого он не уехал с пустыми руками, а то нагружали ему телегу и целыми мешками. Может быть, и верно, что он поселился так близко к своей экономии, где все его знали: от этого ли общего народного сочувствия и не спешило его брать ГПУ?

В большевиках дедушку поражало не меньше того, что они «сатаны» и насильники — насколько ж они не умеют хозяйничать, как бессмысленно переводят и губят любое добро, — и взрослым при мне не раз говорил, и даже мне, внучёнку, втолковывал. А уж конечно жил надеждой на близкое крушение большевиков и так жадно тянулся к свежим газетам, что в хорошую погоду каждый день ходил версты за две на почту у станции купить «Известия», а то и «Бедноту» («Правды» он в руки взять не мог) — и тут же, немного отойдя, проходил сколько-то, останавливался, опять несколько прочитывал (в одной

руке сложенная газета, другою опирался на палку) и — дорога была пустынная — чертыхательно и плевательно пояснял мне и успехи большевиков, и невозможные глупость и слабость европейских деятелей. Я два лета там прожил, это были мои 7-й и 8-й годы, я не только не скучал, но слушал дедушку с большим вниманием и пристрастием, и даже подробности забастовки английских горняков, — уже всё более понимая, что наша с дедушкой жизнь — только что-то маленькое и зависимое от грозной жизни целого мира, и только в жизни целого мира может заключаться настоящий интерес.

Иконный угол был у стариков и тут, много молились дедушка с бабушкой, и я с ними, но уже не изображал службу. Однако именно в Гулькевичах приснились мне те самые яркие сны с Христом и Богородицей. (В те годы я всматривался в кучевые белые облака, искренне надеясь вдруг различить там примостившегося Николая Угодника.)

Жизнь в Гулькевичах была деревенская — для меня первые впечатления деревни и на много-много лет вперёд, увы. Простая природа, простое хозяйство, простые люди, но кубанского, а не среднерусского колорита, и не дали мне предчувствовать русскую деревню. Но — степь! Старый сад (он казался мне огромным, а был мал) с одним великолепным абрикосовым деревом (на всю жизнь стали абрикосы, вплоть до горьких косточек, из моих любимых фруктов). Яблони, сливы, потом у межевой канавы заросли тёрна и «лычи» (как называют кубанцы алычу). За канавой — огород с немудрёным набором овощей, но всё тут есть для духовитого украинского борща, и несколько видов фасоли, щавель, бурак (красная свёкла), и подсолнух, сколько надо его на лусканье (на отжим масла отдельное польце), и кукуруза, сколько надо её на горячие варёные початки, и бахча с арбузами, дынями и тыквами, а по изобилию арбузов на солнечной суховатой земле — посреди муравчатого двора в большом чану варили арбузный мёд: насажали, набрасывали бесконечные объёмы красной сладкой рыхлой массы — и она тут же сжималась, укипала, набрасывали новую — всё в ничто превращал закопчённый котёл, а в конце варки сливали из него дёготно-чёрную жидкость совершенно нового вкуса, это и был арбузный («кавунный») мёд, которого сегодня почти не знают. Две-три лошади в просторной опустевшей конюшне, плуг, борона, степная таратайка на двоих, две коровы в хлеву, несколько овец, по травяному двору кашка, по окраинам сада крапива, а за огородом пруд с лягушками и купанье, мяся и взмучая наслой чернозёмного ила, — такой жизни я не видел до, и ещё долго не видел после, многолетью надо было пройти, чтоб я осознал это как основной и дорогой образ жизни. На полевых работах я не бывал, от двора далеко не отпускался, но помню заросли густой пшеницы сразу за хутором, весёлую работу молотилки от локомотива: быстрые взлёты подавальщиков наверх, там бабы-расправщицы, всё это в гуле, в туче серо-жёлтой пыли, пыханье локомотива, бесконечный бег мощного приводного ремня, из молотилки отдельной густой струёй льётся зерно, отдель-

ной набок полова, а светло-золотистая солома вытрясывается наружу ещё в одном месте. Но и всем деревенским впервижды были испытания трактора «Фордзон» — ужасно рычащего, дрожащего, с ребристыми, страшными и тоже красными колёсами, уже тогда этого вестника будущего я воспринял с отвращением. Как и оглушили, ослепили нас всех небывалой, никаким стадом не поднимаемой пылью несколько автомобилей, промчавшихся в назначенный день мимо хутора в агитационном автопробеге: какие-то лозунги опоясывали автомобильные бока, люди с сидений махали руками, неразборно отзывалась им и толпа, высыпавшая на околицу глазеть. Никто из нас, зевак, ни тех участников, ни организаторов того похода, не могли тогда предвидеть, что эти моторные чудовища, укрупнясь, разворотят и погубят многовековые сложившиеся русские просёлочные дороги, изменят к гибели весь русский пейзаж, убьют лошадь и разрушат весь строй человеческой жизни, а города отравят перегаром.

И как же чисто, красиво, успокоительно проносились пассажирские, протягивались товарные поезда в виду хутора, метрах в трёхсот, как разумно они вписались в человеческую жизнь. На короткие десятилетия человечество нашло и быстрый и удобный, оптимальный способ передвижения по планете. Но в погоне за новым, новым вытеснили его загрязняющими и зашумляющими двигателями. Олютели нравы наших железных дорог только в германскую войну. Но даже и протягиваясь арестантскими «вагонзаками» и «краснухами», я продолжал любить железные дороги. Оскорбили меня потом новейшие цельнометаллические вагоны, утомительные для людей, заперевшие их в искусственном воздухе, без прежнего стояния на рвущем встречном ветру, у окон и на площадках, — тюрмоваты стали общепассажирские вагоны. Позже я с болью наблюдал хирение железных дорог в Европе, полное (и бессмысленное) отмирание их в Америке, кое-как ещё держался канадский трансконтинентальный экспресс с такими изумительными «румётами» (купе на одного), но уже со столькими несообразностями в общем поездном быту и движении. Умиранье железных дорог для меня едва ль не в том же ряду, что умиранье лошадей, лесов и рек.

Были на хуторе и деревенские ребята, иные старше меня, учили курить (я попробовал один-два дыха — и с отвращением отказался), ругаться, объясняли все заветные тайны женщины и деторождения, в деревне обо всём говорят просто, не стесняясь, — я воспринял их, но не как всеобщую фундаментальную реальность, а как грубый нижний испод, тогда как отношения должны быть, конечно, нежные и возвышенные. Я не втянулся в среду тех ребят и не только по возрасту: ни водительство их, ни отличиться перед ними меня нисколько не манило, я как-то не нуждался в играх и обществе сверстников, не искал мальчишеских приключений, всегда испытывал удовлетворённое наполнение, хотя и трудно сказать — чем, просто самодостаточный характер.

После 1926 года я уже не бывал в Гулькевичах: дедушка с бабушкой переехали в Георгиевск к своей старшей дочери, моей тётке Марусе. (Когда-то у них было девятеро детей, но шестеро умерло враз малыши, от единой простуды, остались старшие Роман да Маруся, оба потом бездетные, и ещё младенец Тася, моя мама.) И Михаила Лукьяновича, разумеется, раскулачили — да новые веянья уже хлестали и при мне: в начальную школу, тут же на хуторе, приезжали читать сельским лекции «против Бога», а старшую молодёжь записывали в комсомол.

С осени 1925 я стал постоянно жить с мамой, в том самом двухконурном полудомике, в провале и тупике Никольского переулка. Мама искала клочок озеленённой земли и чтоб недалеко от её службы — а нашла место более чем символическое: весь путь от её службы на углу Садовой и Почтового (потом и мой из школы) пролегал вокруг огромного квартала ГПУ: сперва квартал по Садовой — парадный фасад ГПУ, часовой у чёрных железных ворот, впускающих внутрь воронки, снующие из двери в дверь чекисты, да ожидающие своё начальство у тротуара «паккарды» и «линкольны». Потом — долгий спуск по каменистому неровному Никольскому, спад в провал, часть пути мимо вставленных в квартал полупосторонних зданий (но среди них — Союз Воинствующих Безбожников, и я много лет, сам и придумавши, никогда не забывал, снуя по несколько раз в день: от начальной черты того дома и до конечной не вбирать воздуха, как бы заражённого). Затем путь — мимо высокого каменного забора заднего двора ГПУ, и в самом низу, где в дождь и таяние ревут люки, принимая воду со всей горы, — приём арестантских передач (в 1926–28-й годы малозаметное движение, с 30-го — огромные женские очереди). От этого места и поперёк переулка начинался наш глубокий тупик, земля утрамбована шлаком, безжизненная — и снова вдоль хозяйственных зданий и заднего забора ГПУ, по отношению к тупику южная стена — то есть вечная тень ГПУ на наш путь и наш двор, только в конце переходя в тень макаронной фабрики с её высокой восьмигранной кирпичной трубой, несколькими в день раздавливающими гудками, а с какого-то года (ухудшилось топливо?) и насыпом золы в наш дворик, но первые годы снег у нас держался целинно-белый, как и не в городе. Во дворе — акация, остролистник и ясень тщетно тянулись, тянулись вверх, перевысить эту душашую стену. Вот там, под навалистой тенью гепеушных задов я и вырос: более девяти лет мы прожили там, уже на моём 16-м году оттуда уехали. Весь рельеф был — дно оврага, яма (по другую сторону от нас второй тупик, выше, дома уже стояли уступом кверху), мы — на самом дне её.

А дворик, метров 30 на 20, был совсем неплохой, хотя в каменном стеснении и на неплодородной почве. Росло тут и немного сирени и что-то неприхотливое на клумбах, всё же не асфальт, а земля; и завязь почек, и роспуск их в листья, а листья живут в ветре и осыпаются осенью, настилая землю. Чудаковатый же хозяин, старик Обрезанов, дополняя недостаточность каме-

нисто-золистой земли и следуя какой-то своей неразвитой фантастической художественной склонности, вырезал из дерева, фанеры, а больше из жести — фигуры льва, медведя, орла, совы, женщины вроде амазонки, а сын его, вечно пьяный маляр дядя Жора, размалёвывал эти фигуры с одной стороны, и они их устанавливали в разных местах по дворику, а ещё на жестяных кружках рисовали цветы, цветы и кусками твёрдой проволоки втыкали в землю. Жильцы двора привыкли к этим фигурам, и цветы для нас как и правда росли, а проходящие люди и гости всегда поражённо рассматривали: тут что — тир? Зверинец? Для нас, двух-трёх квартирантских мальчишек, стояли и качели на высоких столбах, висел и гамак, скованный из железных прутьев, раздолье. А зимой все клумбы за низкими загородками вырастали в сугробы снега, искристые при солнце или высокой луне, когда они выше загораживающих стен, — а между сугробами чудесные прорытые проходы, как и повсюду ещё бывало тогда, в городах того времени. (Ростов, на моей памяти, до 1930 года держал сплошные зимы, а с 1930 начались разрушительные большие оттепели.) А домики-то все, и наш, были гниловатые, щелястые, перекошены, просились в ремонт, а там и на слом. Уходом к частнику потеряла мама право на городскую квартиру, сгубила здоровье своё без водопровода, с каменноугольной топкой, постоянной сменой температур при стирке, при истопке, даже при разводке коптящего примуса — но в самые важные для моего роста годы дала мне уголок зелени и ощущение земли. (В этой земле мы, тайком от хозяев, закапывали папины военные ордена — их опасно было держать: офицер!) Впрочем, в первые три года ещё были все цены сносные и были средства, чтобы жила с нами в помощь то одна, то другая молодая девушка, Тоня, потом Нина, двоюродная и троюродная племянницы по Щербакам. Мама на год, если, верней, не два, задержала меня, всё не пуская в советскую школу, — а тем и откладывалось до девяти лет моё право ходить далеко по городу, шла со мной или мама, или эта девушка, остатки старых досоветских представлений.

Но тем сильно продлилось, затянулось и углубилось моё весьма одинокое детство. Это был или дворик-сад, или комнатное чтение, или дом Федоровских — или, три лета подряд, у тётки Иры в Ейске, и вот весь мир. Тут — и были главные струи всего моего воспитания.

Семья Федоровских в дошкольные два года была мой единственный выход в большой мир, и первый в моей жизни мирок вне моей семьи, там же и мой первый друг-сверстник, Миша. А для мамы они были — роднее родных, весь духовный мир и вся дружеская поддержка. Там доживала (возвышаясь над семьёй, но на самом деле уже не направляя её) властная старуха-вдова Александра Фёдоровна Андреева, бывшая, до революции, начальница частной «Андреевской» гимназии (на ростовском Старом базаре) — в годы своего учения до 1912 мама жила и в её семье, оттуда особенность почти дочерних отношений. Единственная её дочь Евгения Николаевна, замужем за ин-

женером Федоровским и с двумя детьми, — собственно, и была семья. (Всех их я описываю в «Дороженьке» и в «Красном Колесе».) Владимир Иванович Федоровский, тогда ещё только под сорок, был знающий и незаменимый инженер-теплотехник, консультант учебных заведений и промышленных мест Ростова, Новочеркасска, Шахт, Сулина, один из руководителей раннего эксперимента подземного сжигания углей, вскоре на моей памяти и профессор, преподавал в институте путей сообщения. А Евгения Николаевна — кипучая, умелая и весёлая хозяйка дома. И так скрывали они, и многие годы я и не знал, что существовали ещё два брата у Жени — Ростислав и Юрий, студент и кадет. По знаменательному противореволюционному повороту русской молодёжи в 10-е годы оба они, из либеральной семьи, в Гражданскую войну стали за белых и с ними ушли в эмиграцию. И — как не было их. — Обнаружился один из них потом, в советско-германскую войну, приезжал в Ростов. (Изменяя подробности, я обоих братьев включил в «Колесо».)

В 1925, впервые привезенный в Ростов, я застал их семью ещё «уплотнёнными» в прежней начальницкой квартире в гимназическом здании на Старом базаре. Но вскоре — вытеснили их оттуда или сами они искали просторней — переехали на самую возвышенную часть Среднего проспекта, не-вдалеке опять от базара, Нового, и собора «нового» — Александра Невского, окружённого обширным красивым сквером с оживлённой детской жизнью, из лучших мест Ростова. Им досталась квартира, которая мне виделась обширной и великолепной — из трёх просторных комнат — одной внутренней без единого окна (это столовая, малая гостиная и спальня хозяйки), одной — с окнами в тёмный непросвеченный угол двора (это кабинет хозяина, место консультаций и рабочих заседаний, и спальня его за ширмой), и одна действительно солнечная прекрасная комната, но с ширмой для тёщиной спальни, отгородкой шкафами для старшей дочери Ляли, кроватью сына, а посредине ещё каким-то образом — как бы гостиная с роялем. Но Е.Н. была такая отличная хозяйка, и с таким воодушевлением она устраивала эту квартиру, и после семилетнего российского разорения так стали непритязательны русские люди — что, я уверен, не мне одному, несмышлёнышу, но и блистательным интеллигентам, гостям этой квартиры, она казалась очаровательной. И ещё ж была тёмная кухня с чёрными полами, со службами, она же — проходная для гостей, она же гардеробная и место весёлых встреч и прощаний.

Весь дом был многоквартирный, многоэтажный, многолестничный, и двор простой городской вымощенный, почти без зелени, но с такой замечательной особенностью: он имел продолжение вглубь, вглубь обширного квартала (между Средним и Малым проспектами, между Никольской и Старопочтовой улицами), а там разворачивался просторным садом-парком — с липами, дубами, акациями, лужайками, скамьями, аллеями для прогулок (моя детская память конечно преувеличивает его размер) и площадкой для крокета. И хотя выходили туда окна домов с Малого, но никому другому не

был доступен этот парк, как только жителям Среднего, 20. Среди каменного города это было и для детей и для взрослых раздолье — со своим особым воздухом и даже пением птиц, не одних скворцов и воробьёв, какие велись и в нашем дворике Обрезанова. К вечеру туда выходили гулять и взрослые из разных квартир, и целые компании гостей, на крокетной площадке не умолкали стуки молотков о шары — а в сумерки сюда доносились с главного двора сочные зычные голоса торговков: «Бу-ублики! Горячие бу-ублики!» — и что то были за бублики, тёпло-хрустящее объядение, все спешили взять их к ближнему ужину, дети особенно любили. Ведь это ещё было блаженное время (для тех, по кому до тех пор не пришлось Колесо...), конец НЭПа — слабое подобие дореволюционной изобильной России.

Младший сын Федоровских Миша был на полтора года старше меня, но немного флегматичный, и оттого вполне мне сверстник. И у нас с ним, конечно, были бесчисленные игры в путешествия и приключения, на полах квартиры их, под роялем, и в том саду, немало играли и в шахматы, — но такова была открытая, щедрая, не чопорная и умственно-напряжённая жизнь семьи, что даже мы, маленькие, не были отгорожены ни от компании Ляли (она на 6 лет старше меня, а друзья её ещё старше; один из них, Женя Шкляревский, был внук регента Рождественского собора Власия Григорьевича Шкляревского, — узнал я об этом через 70 лет, перед его смертью, а в 20-е годы об этом не говорилось, и может быть, для него семья Федоровских была слишком светская и советская). И со взрослыми мы сидели за всеми столами, кроме поздних ужинов, — и слушали, слушали, набирались.

Владимир Иванович работал сверхсильно, ночью он спал вряд ли больше пяти часов, да полчаса пересыпал после обеда. (А сложения был нездорового, узкая грудь, перекошенное в студенчестве от занятий плечо, да, кажется, и туберкулёз лёгких посещал его.) Рано утром и на весь день отправлялся он в свои служебные места, иногда пригородным поездом; в ранневечерние часы всегда сидели у него в кабинете инженеры и дипломанты; поздними вечерами даже и в будни заходили близкие гости, а в субботу и воскресенье — многолюдно и весело. Когда-то же читал он и газеты, хотя о политике почти не было разговоров за их столами или очень сдержанные, а много об экономике, о хозяйственной тупости советских бюрократов, на этом уровне и анекдоты. Но как бы поздно гости ни разошлись — Владимир Иваныч ночью в постели непременно ещё читал новинки беллетристики, желая и тут быть в курсе. А время тогда было такое, что много переводилось западных будоражащих новинок, чаще обречённых однодневок, но в то время модных. И была система книгонош: от каких-то частных распространителей они носили книги по домам, советовали, что взять почитать, и взимали понедельную плату. Книги эти лёживали там и здесь по квартире, и я тоже прикладывался почитать из них куски — ещё как следует не зная Пушкина, читал уже из Клода Фаррера или «Атлантиду» Пьера Бенуа. Но особенно врезался мне роман

«Колесо»: откуда-то появилось грандиозное колесо, которое непрерывно катится по земле, выдавливая полосу шириною в несколько километров, потом уходит под океан, выныривает, снова катится по суше, давит города, сёла и народы, а по всей Земле — тревожная оповещательная служба, расчёты, куда оно покатится дальше и как бы его остановить. Этот образ поразил меня, и в 60-е годы помог сложиться и моему названию. (Искал я потом эту книгу в эмиграции, нашёл два романа «Колесо» — но не те, так и не знаю автора, да и саму книгу не дочитал никогда — а очень верный образ для коммунизма, как он потом по Земле покатился.)

Среди близких друзей семьи Федоровских был крупнейший в Ростове профессор механики Дмитрий Никанорович Горячев, не пропускавший нас, мальчишек, без математической шутки или серьёзной задачи. (Очень хорошо помню 40-летний юбилей его научной деятельности, который, после университета, заново торжественно, многоизобретательно и с юмором ещё раз праздновался в квартире Федоровских.) Два-три инженера (Иван Иванович Доброумов, Аполлос Петрович) с жёнами и холостых, бывший земский (и замечательный) врач Константин Яковлевич Соловьёв, светлая память ему, я ему много обязан. И холостой чудац, живописец, Герман Германович Коске, большой эстет. Среди этой компании моя мама была самой молодой женщиной, ей было под 35 тогда, и уже 10 и больше лет она вдовела. Как я понял, у неё с Г.Г. был роман (и при каком-то нашем летнем отъезде он жил в нашей избушке), думаю, что обсуждалась и женитьба, но мама беззаветно отдала свою молодость и всю свою жизнь — мне, моей судьбе. Она всегда крайне ревниво относилась к тому, не покорёжит ли мою жизнь отчим. А я — ничуть бы не возражал против отчима, нисколько не боялся над собой суровости. Впрочем, Г.Г. был очень мягкий человек. (За своё немецкое происхождение он забран в 1941 и погиб.)

Всё же главное веселье и кипенье было уже в недетские часы, я на тех вечерах не бывал, и охотно пошёл с мамой на соглашение, что она (когда уже не было с нами прислуживающей девушки) запирала меня в нашей квартирке на висячий замок снаружи, и я спокойно спал при лампадке, а она уезжала до глубокой ночи. Там были у Федоровских не только обильные ужины с выпивкой и многочисленными шутками и розыгрышами, самостоятельные концерты, споры на все темы. На тех вечерах была, видимо, непомерная весёлость, взрывы общего хохота, игры в «опанаса» или «папа римский болен», качели с завязанными глазами под кухонным потолком — в общем-то не традиционные интеллигентские развлечения. Мне кажется, это были явления тех кратких неповторимых нэповских годов, когда интеллигенция уже начинала чувствовать на себе наложенную когтистую лапу, но лапа ещё не мозжила насмерть, даже когти были скорее вобранны, и вот это бурное веселье было — самообман, что лапы нет, что не вернётся террор «военного коммунизма», но возвращается прежняя беспечная русская жизнь, которую

интеллигенция, даже техническая, прежде не ценила, по своей нервности; и предчувственная торопливость — навеселиться, пока можно. Двадцатые годы в Советской России были несравненным периодом во всех слоях общества, и жаль, что богатство и особенность тех настроений не нашли достаточного выражения в литературе: этот период слишком быстро пресекли, а его участников и свидетелей убирала густыми массами.

Хорошо помню, что для мамы все годы (до войны, когда все расстались) Федоровские и их окружение были — всё, весь замкнутый мир, и высший авторитет, и лучшее общество, и источник оценок. Она любила всех их, дружба её с семьёй никогда не знала трещин или теней.

Вместе с ней и я воспитался понимать всё от Федоровских как «наше» — от правил поведения за столом до оценок и мнений. Долгое время я не замечал никакого угла расхождения между «нашим», как оно было до сих пор, и «нашим», как я получал его от Федоровских. Это новое влияние на меня было сильно — и оно, ещё прежде чем я догадался, смягчило моё противостояние большевицкому режиму, дало мне гибкость приспособиться к советской жизни — а не то ведь я мог бы сломаться при самом начале.

И меня несколько почему-то не удивляет, что у нас в доме — иконка Богородицы и часто горит лампадка перед ней — а у Федоровских ничего этого не бывает. Что вот мы с мамой в предпасхальную ночь идём на всенощную в собор и возвращаемся на рассвете при старом месяце, — а из Федоровских никто так не ходит, и таких разговоров у них в доме не услышишь. И хотя никогда меня мама не предупреждала, что вот об *этом* говорить у них в доме не надо, — я как-то и сам понимаю неуместность, и не говорю. Это различие меня не колеблет, и я не замечаю, что мама дома и у Федоровских всё же разная (вера предков её там смешновата, её надо прикрыть). Отчасти всё маскируется пышными ёлками Федоровских под Рождество, что и заменяет весь праздник. Мы с Мишей получаем подарки и держим палочки бенгальских огней. (Станный для православной страны обычай рождественской ёлки, в те годы ещё укрепленный советским гонением на него. К середине 30-х годов большевики смекнули, что тут им бороться не с чем — и легко переняли ёлку к себе на советский Новый год. Сам я и в детстве не был ёлкой очарован, что-то показное ощущал в ней.)

Ещё помню: мама сама перепечатала на машинке, и у нас потом постоянно хранился ответ, как тогда считали, Есенина — Демьяну Бедному на его «евангелие»:

Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.

В те годы такое стихотворение, в защиту Христа, звучало как полная контрреволюция.

Но большую часть времени эти дошкольные годы я дома и дома, на Никольском, во двореике или в избушке, самые дальние выходы — в мелочную лавку Горбачёва при начале нашего заулка да по воду, в руке по полведра, это изрядно вверх по Никольскому, метров 400, так далеко от нас питьевая вода (непитьевой колодец есть во дворе). В жерле тупика — всегда мальчишечья возня, играют в *айданы* (косточки овечьего сустава), даже и на деньги, но меня к их играм совершенно не тянет, и как-то я умудряюсь проходить мимо них равнодушным, и почему-то они никогда меня не задирали, не обижали. Никакого мальчишечьего уличного мира я так и не знавал. А в нашем замкнутом дворе мальчик — совсем маленький, так я всё больше один. Брался за выпиливание лобзиком — ничего путного из моих рук не выходило. А больше всего — читаю.

Если бы в то время кто-то занялся руководить моим чтением и направленной подкладкой мне книг — я мог бы сильно развиться и многое вобрать. Но это шло как плыло, от Федоровских — сперва детские книги, «Макс и Мориц», которыми я совсем не увлёкся, четыре тома Луизы Олькотт и ещё, ещё какие-то, «Хижина дяди Тома», — и тоже по той причине, что они на полках у Федоровских. Майна Рида не было, и мы его вовсе не читали, были отчасти Жюль Верн и Фенимор Купер, какой-то «Знак Зерро» да дряннейший «Месс Менд» (Мариэтты Шагинян). «Робинзона Крузо» я прочёл раз 15, с упоением, — и от него, и от Жюль Верна, от «Великих путешественников XVIII столетия» создалась у меня большая склонность к точности данных в повествовании и любовь к мировой географии. В прекрасном вольфовском издании нашёлся у Федоровских для меня лишний однотомник Лермонтова, и он надолго стал моим задушевым спутником, а такого же однотомника Пушкина не было, и я читал его, кроме сказок, гораздо позже. (Из сказок меня тогда же поразила «О рыбаке и рыбке»: я не только навек усвоил как урок, но пронзительно узнал в этом своё прирождённое: знать меру своим желаниям, никогда не просить и не желать больше, чем даётся!) Был у них брокгаузовский полный Шиллер — я его прочёл не раз, а Шекспира не было — так и не читал долго. Потом пришёл и Шекспир с Гамлетом и историческими хрониками, и «Дон-Кихот». У самой мамы после передрыг осталось мало книг, и всё больше модернисты XX века, мне совсем не интересные. Был однотомник Гоголя, разрозненные тома Тургенева, «Том Соьер» — и все эти собственные книги, как и Лермонтова, я читал и читал неоднократно, дойду до конца — и снова сначала, и снова. Подарила мне тётя Ира полного Ибсена — и с ним же так, на полжизни он стал мне близким, хотя я сколького там не понимал. Подписалась мама для меня на журнал «Всемирный следопыт», с интересом я его читал, но он почти как провалился из восприятия, а вот приложение к нему, 48 книг Джека Лондона, стало моим насущным чтением на много лет, я прочёл их все подряд больше 10 раз! Джек Лондон огромно повлиял на меня, и вот чем: мужским духом, которого не хватало во всех видах моего

воспитания (только неприятен был у него многочисленный бокс). Но в этом повторном и повторном чтении было и много бесплодности, зря потерянного лучшего времени, когда я готов был поглощать самое наисерьёзное? Ни сам я, конечно, но и ни мама, ни Федоровские не понимали, насколько велика, ненасытима моя умственная жажда. А с университета и потом вся моя зрелая жизнь будет так перегружена, напряжена или разможжена — никогда мне не наверстать. Не столько я потерял от того, что рос в южной провинции, сколько от ненаправленности чтения.

Кроме Лермонтова и Шиллера всё это чтение и ничего не дало мне для писательского подражания. С Лермонтовым возникла у меня сердечная связь. И почему-то запало в голову опасение, не умру ли я, как он (и как мой отец!) в 27 лет?

А Гоголя — я не полюбил (и никогда потом), только над «Шинелью» плакал, это мои первые слёзы над книгой. Не веселили меня его «Вечера на хуторе», отталкивал «Вий», и «Тарас Бульба» — непомерен, чрезмерен, и от «Мёртвых душ» воспринимал я мрак и томление.

Подражания — не возникло, соревнования не возникло, но почему-то, откуда-то, никем не подсказанное, не навеянное, ничем не обоснованное, во мне к девяти годам взросло ясное убеждение, что я должен стать писателем и буду им. Зачем, почему? Для честолюбия? — нет. Прославиться я скорее хотел бы на поле боя, и даже смертью своей (и под собственную щёчную музыку часто маршировал перед маминым туалетным зеркалом, то наступая на него, то отступая, таков был малый простор нашей избушки). Сказать что-нибудь важное людям? Но у меня ничего такого не было в душе. Однако сознание возникло — и мне остаётся это удивительным. Тогда же были первые попытки стихов — и хорошо помню, как написал белым стихом стихотворение строк в 15 о том, как я хотел бы умереть в бою, держась за знамя.

Пожалуй — и на сегодня не вижу смерти лучшей, если правое то дело, за которое биться. Лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле.

В 1928 году я испытал сильный удар чувств: с волнением принесла мама изданные в массовой дешёвой библиотеке воспоминания члена IV Государственной Думы Шульгина — «Дни» и «1920 год». Волнение было в том, что в эти годы особенно напряжённо извращалась история дореволюционной России и самой революции — и вдруг в полный диссонанс появилась книга, говорящая столько правды и так резко против большевиков, и даже о белом подполье — совершенно невообразимо! Да разве против этих извергов — оказывается! — возможно подполье? (А — эмиграция? Кажется: невероятно интересная жизнь невероятно красивых людей.)

Мама и другие многие книги читала, но не приходилось мне заимствовать у неё — а тут я остро потянулся и читал с большим возбуждением, проглотил, — вот это было чтение по мне! Ни одного из этих имён прежней России, никакой Думы, ни тем более Февральской революции я не знал (хотя

12 марта отмечалось праздником «падение самодержавия», ну да 18 марта «парижская коммуна» тоже был праздник, напихано было их), и не знал никаких подробностей Гражданской войны, ни врангелевского Крыма, никто никогда меня не просвещал — всё это я впервые втягивал отсюда. И после этих двух маленьких книжечек (а я и их, по скудному своему обычаю, перечитывал несколько раз) я стал другим человеком, и в некотором отношении уже взрослым — политический яд навсегда вошёл в мою кровь.

Летние месяцы этих годов, 1927–1929, укрепляли меня в том же. Эти три лета я проводил у тётки Иры — дяди Ромаши, теперь переехавших в Ейск на Азовском море, — приятный городок, отчасти курортный (грязевая лечебница, морской пляж), отчасти — глухо-провинциальный, это различалось кварталами, и, чуть не по-средневековому, квартал базара был обнесен каменной стеной, с четырьмя запирыми воротами, с четырёх разных сторон. Дядя Ромаша по-прежнему не работал, жили они всё продажей на толкучке старых ценностей (тёте Ире выпадал этот жребий торговки, так не подходящий к её гордости), ещё с ними жила старушка, мать тётки Иры, когда-то жена непомерного богача: весной 1920 года из-за её болезни в Новороссийске они все трое и вернулись с дороги, а то уезжали в эмиграцию. Дядя Ромаша, по-моему, часто проклинал этот поворот и, по мрачности характера, упрекал за него жену и тещу.

Хотя коршуны крылья ЧК-ГПУ равно парили надо всем Советским Союзом, но в те годы среди *бывших* считалось, и, вероятно, справедливо, что безопасней жить в таком месте, где тебя никто не знает и не может напомнить прежней жизни. Однако, не приученные к подлинно советской жестокой скрытности, «бывшие» по неосторожности и на новом месте себя чем-то раскрывали — и снова надо было всё продавать, бросать, бежать дальше. Я думаю, не тысячи, но десятки тысяч поступали так в первые советские десятилетия. По марксистским учебникам обречены на уничтожение классы, но единицы из классов могут и ускользнуть из мясорубки в боковые щели. (Скоро и многие «кулацкие дети» так же растекутся спастись, и некоторые даже прочно, высоко устроятся.)

Тётя Ира, всегда дома, могла уделять мне много времени, которого никогда не доставало маме, вечно занятой работой на то, чтоб кормить и растить меня. Тётя Ира могла много беседовать со мной, как в нынешней нашей стране женщинам уже недосуг, — и в эти летние месяцы оказывала на меня решающее влияние, церковное и патриотическое. Она приучила меня ежедневно, после молитв, читать про себя одну-две главы Евангелия, и так — подряд, и много раз всё Евангелие снова и снова, — и я очень установился в этом, правда только на летние месяцы, но лет на несколько вперёд, ещё и в 1930 хорошо помню, как читал.

И в уши мои, где ещё совсем не задерживалось слово «Россия», тётя Ира с горячностью вкладывала рассказы о русской славе, бывшей и бессмертной, о

походах и шутках Суворова, его солдатах, ранее того — о Куликовской битве, позднее и более всего — об Отечественной войне с Наполеоном: у неё хранился юбилейный, к 100-летию той войны, альбом со множеством военных картинок и генеральских портретов. Пела со мной «Спите, орлы боевые». Всё это было не глубоко по фактичности, по историческому содержанию — но она дала мне толчок в патриотическом направлении, без неё оно бы не состоялось: такова была пустыня тех лет, что и за многие потом годы не от кого было услышать подобного; а когда оно зазвучало уже не гонимым шёпотом, а государственными фанфарами — оно уже не могло бы меня привлечь.

И — о белых, как они смело, малочисленные, воевали в Гражданской войне, какие это были самоотверженные герои. И я — восхищаюсь ими.

Тётя Ира же рассказывает мне, как много евреев в ЧК — я почти от неё от первой узнаю это слово, до сих пор в моей жизни были дружественные Архангородские, но не выделялось, что они евреи. И о некоем звере Абеле, который в Новочеркасске заведывал «Церковным отделом» ГПУ.

Уже и в Новочеркасске была эта вечерняя процедура, и особенно запомнилась мне в Ейске: запирание и перекрест окон. В южных домах всегда устроены ставни — против солнечной жары, их и затворяют в горячие часы летнего дня, пересидевшая в прохладной полутьме, и без мух, но кроме того, от злых людей, при ставнях есть железные кованые накладки. И вот вечером кто-то из домашних обходит весь дом снаружи, вставляет болты накладок в пробой оконного переплёта, при этом крестит каждую ставню снаружи. И он же или другой теперь изнутри обходит все окна и в проушину каждого вдвинутого болта вставляет поперечную железку — так, чтобы снаружи нельзя было до стекла добраться или влезть внутрь без рубки ставни или даже оконного косяка. И каждое окно изнутри, как и запертая потом дверь, покрывается крестным знаменем с шёпчемой молитвой. И эта сила креста, ежедневно и многократ совершаемого в воздухе, невидимым шелестом передавалась мне и оставляла — и до сих пор оставляет — ощущение самой надёжной охраны от нечисти неосязаемой и нечисти физической. Так и чувствовалось реально, что вот этим одним только и держимся мы. Крест — деревянный резной, с костяной накладкой, осеребрённый, медный или бесплотный воздушный, намеченный рукою в воздухе, не был безразличен к жестокой земной борьбе, он всегда был на нашей стороне.

Дом наш стоял среди таких же чинных замкнутых обывательских домов на окраине Ейска — в нескольких протяжных кварталах от базарного центра города, от курортной главной Черноморской улицы, тем более километров за пять от порта и удалённого морского пляжа. Но тут близко был берег лимана — мелкого тёплого морского залива, где купались мальчишки. Бегал купаться сюда и я, в одних трусах, но с нательным крестиком, которого ещё не привык стыдиться или скрывать. И если другие мальчишки обсмеивали меня, я отвечал в простоте: «А вам завидно? Так сами надень-

те». Эти два лета, 1927 и 1928, последнее дошкольное и первое школьное, были особенны тем, что я никак не привык и не нуждался скрывать свои посещения церкви. Я отчётливо понимал, что Церковь — гонима, и потому посещение храма ощущалось даже значительней, чем только присутствие на богослужении. Ближняя к нам церковь стояла совсем рядом, через два дома открывался огромный травяной пустырь, вполне сельская местность, а посреди него — церковь, и всякий субботний и предпраздничный вечер, и всякое воскресное и праздничное утро, не говоря уже об отбиваемых часах, мелодичный звон её колоколов нежно и призывно достигал нашего двора и дома — и на каждую службу я охотно ходил, даже и без тёти Иры и её матери (а дядя Ромаша никогда не ходил), и отстаивал все эти службы, и охотно, и даже с избытком стоял на коленях, я любил достояться до ломоти в коленях и до изгибной усталости в спине. Так часто и так много я стоял — чем занят? Я не учился вникнуть в полный смысл славянских текстов или в смысл и символику каждого действия службы — для того никогда не было у меня руководства. Всё время сплошь молился? Нет, так долго молиться малышу невозможно, для того не было у меня ещё ни давления грехов, ни развитой души. А просто — я общался со всем произносимым, с пением, со свечами, лампадами, с воскурениями ладана и лучами солнца в них, а больше всего — размыслительным разглядыванием икон, и евангелистов на четырёх столпах главного нефа, и Вседержителя и Духа Святого под куполом. И не помню, чтоб я соскучивался и хотел бы уйти раньше конца службы. И всегда, не только после причастия, уходил просветлённый, внутренне облегчённый, как будто не полной тяжестью касаясь земли. Такое выстаивание служб было, конечно, очень далеко от сознательного христианства, но была в нём простонародная наивность и уверенность: я предлагал заболевшим взрослым помолиться за них, уверенный, что моя молитва поможет. Среди всех летних праздников сверкало, конечно, Преображение, но я особенно отмечал день Пантелеймона-целителя, 27 июля по старому стилю, убеждённый, что и меня он уже не раз исцелял, ту связь ощущая, что я крещён в Пантелеймоновской церкви.

Так вошла в мою душу навсегда вся обрядность, весь внешний вид, всё освещение и пение православной службы, и сколько потом это во мне ни подавлялось и отвержено было, но одним только чувством вело моё перо — то описать вечерню в церкви Никиты Мученика (эта внутренняя тяга к вечерне и родила, и потянула за собой всю сцену с Яконовым), то всюнощную с выносом Креста (всегда кажется обидным, что уже литература XIX века имела такой фальшивый изворот, не описывала церковных служб, а Толстой даже и высмеивал их), то в «Крохотках» писать о сельских колоколенках, то в письме Патриарху — о влиянии службы на детскую душу. Каждый раз — произвольно, и как будто вопреки эпохе, а там, смотришь, подошла и эпоха.

От таких ревностных стояний я, однако, нисколько не стал «потусторонним» мальчиком, весь остальной день — вполне земным. Хотя — без единого приятеля, всегда одинокий. Дядя Ромаша выписывал «Известия», и я вслед за ним серьёзно читал газету, хорошо помню события лета 1927-го: полёт Нобиле, гибель Амундсена, походы «Красина» и «Малыгина», а в 1928-м — Шахтинское дело. (Ещё пока счастливо обминувшее Федоровского.)

При доме был небольшой травяной двор, старый сарай, где дядя пытался что-то мастерить по-столярному, малоудачно, а я пытался перенимать, тоже неудачно, зато там же на верстаке, помню, читали газету. В сарае вывешивались вянуть придымленные свиные окорока (всегда купленные, своих не было, но что за время ещё царило — можно купить!). Часть двора — под огородом, мы с тётей поливали его лейками из колодца. Вода в колодце была негодна для питья. Ейск, на песчаных морских берегах, плохо стоит с водой, и в каждом ейском дворе устроена оцементированная цистерна под цинковым колпаком, с доставальной дверцей в нём. При каждом дожде, после смыва грязи с крыш, всем желобам открывается слив в подземную цистерну, и всё лето эта вода бережётся как драгоценный запас для питья, оттуда вытягивают, как из колодца. (В век радиоактивных и кислых дождей уже так не попьёшь, разрушилась простота жизни.)

После сумерок долго не зажигали огня, и мы с тётей засиживались на крыльце. Она любила рассуждать о звёздах, о мирах, и особенно учила меня любить созвездие из трёх звёзд по прямой, с равными промежутками: нижняя звезда видна слабей, верхняя поярче, а средняя — самая яркая, сверкающая переливть из неземного голубоватого серебра. И действительно, я привязался к нему, годы и годы искал глазами. И только много лет спустя в ссылке, начав преподавать астрономию, установил, что это — созвездие Орла, и альфа его — Альгаир.

А ещё богатство для меня у тёти было — отчасти сохранившаяся её библиотека. Толстой — «Детство и отрочество» — не понравился мне, и дальше я его не читал. Достоевского она мне не предлагала. Зато втянула в Диккенса, в котором души не чаяла, и я каждое лето прочитывал его заново, почти всего, по своей повторительной манере. Подарила она мне сборник пословиц Даля — но я тогда ещё не оценил его, ухо моё было глухое, южное. Был у неё и «Шерлок Холмс», и «Арсен Люпен» Леблана, по возрасту зачитывался и этим.

Но я читал все эти книги, нисколько не ища для себя писательского подражания: моё намерение стать писателем как бы стояло вне зависимости от того, что я буду читать.

Однажды почему-то приехала к нам в гости та самая Тоня, одну зиму жившая у нас с мамой в помощь, теперь — со своим женихом или молодым мужем, а он оказался чекист! — конфуз для дома Щербаков — но, видимо, с образованием. Почему-то и им взрослые объявили моё намерение, и этот чекист на том же крыльчке, помню, внушал мне: что писательское дело слож-

ное, что надо начинать учиться с прямого изображения, вот, например, пойти к морю, сесть и написать своё впечатление от него.

Я слушал, не возражал, а про себя почему-то думал, что, ох, нет, не море мне нужно, и как-то всё иначе мне придётся.

Осенью 1927, и то не с начала учебного года, а лишь с 9 ноября (календарь революции: 7 ноября — попытки троцкистских демонстраций в Москве и Ленинграде, конец эры Троцкого), мама отдала меня во 2-й класс школы в Соборном переулке, с которой только вот недавно содрали имя Зиновьева, и стала она просто 15-я.

Уже с семи лет брали в 1-й класс (тогда называлась «группа»), но ещё не настойчиво. А мама выиграла для меня больше года. Я благодарен ей: она верно угадала, удóлжив мне несоветское детство, сколько могла. Она дала мне время кое в чём уже самоустояться.

УТЕРЯННАЯ КРОХОТКА

*Публикация, подготовка текста
и вступительная заметка Н.Д. Солженицыной*

«Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там — не мог...» Эту фразу из письма писателя в «Новый мир» редакция поставила эпиграфом к публикации «крохоток» 1990-х годов (1997. № 1, 3, 10; 1999. № 7). И в самом деле, за двадцать лет изгнания — ни одной крохотки. Не раз говорил с удивлением: «Смотри-ка — не пишутся...»

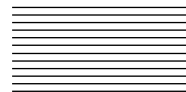
И вот в середине 2000-х, уже десять лет как дома, готовил Александр Исаевич к печати очередной том «Красного Колеса», попутно просматривал вермонтские «Сбросы» (груда конвертов, папок с черновиками и отработанными материалами), и попалась ему четвертушка листа с девятью правлеными строчками. Прочитал, повертел, дальше править не стал. Сбоку написал карандашом: «Утерянная крохотка (единственная в изгнании)» — и отдал мне «в дальний архив».

Беловика не существует, на черновике даты нет, можно сказать лишь, что написана крохотка между 1978-м и 1984 годами, когда А.И. регулярно пилил и колол дрова во дворе нашего дома в Кавендише.

НА ПОСЛЕДНЕМ...

Колол я подряд толстые бревёшки — и всё содновá, не натуживась на добивку. И эту — тоже сразу, а нет: заколодила. Я её ещё, ещё, и перевернул, с другого торца, — нет, не даётся: невидимый снаружи маленький внутренний сучок дал ей эту внезапную силу сопротивления.

Так бывает иногда и с людьми податливыми: вдруг на самой последней черте остоится — и не даётся никакому напору, не узнать его...

«АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — ПИСАТЕЛЬ, МЫСЛИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ»

Круглый стол

*Штаб-квартира ЮНЕСКО
19 марта 2018*

Ведущий: *Ж. Нива*

Приветственное слово: постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО *А.И. Кузнецов*,

директор департамента творчества ЮНЕСКО *Дж. Хосаграхар*

Выступления: *Ж. Нива, А.Н. Варламов, П. Морель, Н.Д. Солженицына,*

И. Аман, Л.И. Сараскина, Ю.М. Кублановский, Е.Г. Водолазкин, Е.Ю. Сидоров

Круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения Александра Солженицына, был проведен ЮНЕСКО в соответствии с решением о включении этого юбилея в список памятных дат 2018 года¹. Заседание состоялось в IX зале (более 200 слушателей) Штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже. В обсуждении приняли участие исследователи и писатели из России и Франции (выступления сопровождалось синхронным переводом). Русскую делегацию составили Алексей Варламов, Евгений Водолазкин, Юрий Кублановский, Людмила Сараскина, Наталия Солженицына. С французской стороны выступили Ив Аман (профессор, славист, политолог, один из солженицынских «невидимок» начала 1970-х), Пьер Морель (дипломат, посол Французской республики²), Жорж Нива, профессор, славист, историк культуры. Ведение заседания взял на себя профессор Нива. Приводим стенограмму в полном виде на русском языке³.

¹ Решение было принято на 39-й сессии ЮНЕСКО 24 октября 2017 года. В список памятных дат были включены также 200-летие со дня рождения Ивана Тургенева и 150-летие со дня рождения Максима Горького. Среди 48 наиболее значимых для истории человечества юбилеев 2018 года — Леонардо да Винчи (500-я годовщина смерти) и Фернан Магеллан (500-я годовщина первого в истории кругосветного путешествия). Полный список см. на официальном сайте ЮНЕСКО.

² Пожизненный статус, присвоенный за заслуги на дипломатическом поприще.

³ Перевод французских выступлений Г.А. Тюриной.

Программа:

- Приветственное слово постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО Александра Игоревича Кузнецова,
- Приветственное слово Джоти Хосаграхар (Jyoti Hosagrahar), директора департамента творчества ЮНЕСКО (Director of the Division for Creativity), представителя генерального директора ЮНЕСКО Одри Азуле,
- Жорж Нива. «Передавать бой, переводить энергию письма»,
- Алексей Варламов. «Автобиографическая проза Солженицына»,
- Пьер Морель. «“Невидимки”, или Искушение литературой»,
- Наталия Солженицына. «Подвижник письма»,
- Ив Аман. «Солженицын: сила художественного слова»,
- Людмила Сараскина. «Враги слева, враги справа: Солженицын перед лицом своих противников»,
- Юрий Кублановский. «Солженицын и христианство: подвижник Бога?»,
- Евгений Водолазкин. «Призыв Солженицына к покаянию и реакция общества»,
- Обсуждение, вопросы публики.

Ж. Нива: Дамы и господа! Благодарю за присутствие в этом зале и без задержки передаю слово постоянному представителю Российской Федерации при ЮНЕСКО господину Кузнецову.

А.И. Кузнецов: Уважаемая Наталия Дмитриевна! Уважаемый профессор Нива! Уважаемая госпожа Хосаграхар, представитель генерального директора ЮНЕСКО. Уважаемые коллеги, докладчики, гости!

Хотел бы прежде всего сердечно приветствовать вас всех по случаю организации круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Мне сейчас вспоминаются его знаменитые слова, которые, может быть, ярче всего отражают его творческое и жизненное кредо: «Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отчества, только её боль я слышу, только о ней пишу»⁴. Действительно, где бы ни находился Александр Исаевич, на родине или в изгнании, он всегда жил мыслями о России, о ее исторических судьбах, о ее настоящем и будущем.

Замечательно, что в те времена, когда еще никто не предполагал больших перемен в нашей стране, он выражал уверенность, что обязательно вернется в Россию. И эти слова его оказались пророческими. Конечно, Солженицын прежде всего русский писатель, продолжатель великих традиций нашей отечественной литературы, но его творчество приобрело универсальное

⁴ Изложение заседания секретариата Союза писателей СССР 22 сентября 1967 // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28: Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. С. 632.

значение. И сегодня оно принадлежит как русской, так и мировой культуре. Свидетельством тому стала единодушная поддержка государств — членов ЮНЕСКО нашего предложения включить 100-летие со дня рождения Александра Исаевича в список памятных дат ЮНЕСКО, имеющих значение для всего человечества. Поэтому символично, что сегодняшний круглый стол происходит именно здесь, в штаб-квартире Всемирной гуманитарной организации.

Эта встреча не только дань памяти Александра Исаевича, но и еще одна попытка заглянуть в необъятный мир Солженицына, в его огромное наследие. Я хотел бы сердечно поблагодарить Наталию Дмитриевну и всех организаторов и участников сегодняшнего круглого стола, известных российских писателей и литературоведов. Хотел бы также выразить признательность профессору Жоржу Нива, выдающемуся знатоку и другу российской словесности. Уверен, что этот круглый стол станет новым вкладом в осмысление жизни и творчества Солженицына и одновременно мирового значения русской культуры. Я думаю, что на фоне той беспрецедентной антироссийской истерии в некоторых западных странах правдивое слово о Солженицыне, о нашей культуре прозвучит особенно актуально. Спасибо за внимание!

Ж. Нива: Спасибо большое, господин посол! Передаю слово госпоже Джоти Хосаграхар, которая представляет генерального директора ЮНЕСКО.

Дж. Хосаграхар: Ваше превосходительство, господин Александр Кузнецов, постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО! Ваше превосходительство, господин посол Пьер Морель! Госпожа Наталия Солженицына, президент Русского благотворительного фонда Александра Солженицына! Господин Михаил Сеславинский, глава Российского агентства по печати и массовым коммуникациям! Господин Жорж Нива, господин Алексей Варламов, господин Ив Аман, госпожа Людмила Сараскина, господин Юрий Кублановский, господин Евгений Водолазкин! Уважаемые дамы и господа! От имени генерального директора ЮНЕСКО Одри Азуле с огромным удовольствием приветствую всех на этой конференции в честь одного из самых прославленных писателей и мыслителей XX века Александра Солженицына. Сегодня мы празднуем сотую годовщину его рождения. И я хочу поблагодарить госпожу Солженицыну за поддержку этой конференции. Благодарю также российское Министерство иностранных дел, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО.

Романист, историк, мастер малой формы — Солженицын оказал большое влияние как на западную литературу, так и на западную политическую мысль. В 1970 году Солженицын был удостоен Нобелевской премии по литературе не только в признание его литературного мастерства, но и за

нравственную силу его книг. В наше время, когда свобода художественного высказывания находится под все более возрастающей угрозой, знание и понимание произведений Солженицына важнее, чем когда-либо. Именно поэтому я так рада видеть здесь сегодня выдающихся специалистов, которые проведут нас по жизни писателя и откроют нам его литературный канон. Спасибо еще раз господину Кузнецову, постоянному представителю при ЮНЕСКО, и госпоже Солженицыной за поддержку этого мероприятия, а также за то, что они продолжают привлекать внимание к выдающемуся литературному мастерству Александра Солженицына, чья работа во многих формах отображает ценности ЮНЕСКО. Благодарю вас!

Ж. Нива: Спасибо, мадам! Благодарим за честь быть принятыми в этом здании, где наше мероприятие приобретает особый статус: являет единство, мост между разными странами, разными культурами нашей планеты. Также большая честь для нас — присутствие Наталии Дмитриевны Солженицыной. В определенном смысле наше собрание — спуск на воду, старт 100-летия Александра Солженицына, в этом зале и под вашей эгидой.

Перейдем к обсуждению. Каждый писатель имеет право на юбилей, на столетия. Напомню, что в этом году также десятилетие со дня кончины Александра Исаевича. Господин посол уже отметил, что есть особые причины отметить его юбилей. Здесь, во Франции, мы создали небольшую группу инициаторов, оргкомитет празднования, чтобы это событие не прошло незамеченным. И у нас тоже есть особое основание: Александр Солженицын говорил, что неожиданно Франция стала для него второй родиной. Естественно, у него есть большая родина — Россия, он вынужден был ее покинуть и вернулся. Он очень любил Францию. Несколько путешествий он совершил по Франции. И особенное обстоятельство, наверное самое главное, — «Архипелаг ГУЛАГ» был напечатан тайно в Париже. Благодаря маленькому русскому издательству, которое называется «ИМКА-Пресс». «УМСА» — это американская протестантская организация, давшая прибежище русским эмигрантам, чтобы организовать издательство. В течение многих лет его возглавлял философ Николай Бердяев. Когда взорвалась бомба «Архипелага ГУЛАГа», его руководителем был француз, русский по происхождению, православный, Никита Алексеевич Струве. И я позволю себе воздать честь его памяти здесь. Мы будем обсуждать творчество Солженицына, вглядываясь в него с разных точек зрения. Разрешите начать это обсуждение с размышлений, которые озаглавлены «Передавать бой, переводить энергию письма».

Как я уже сказал, обсуждение места и роли русского писателя Александра Солженицына в этом центре мировой культуры приобретает особое звучание. Ведь автор «Архипелага ГУЛАГа», одной из книг, запечатлевших XX век, есть автор не только русский, но европейский, и не только европейский — его творчество имеет планетарный масштаб. При этом, несомненно,

дело Солженицына — именно русское писательство, неистовое, изысканное, «широкое» в своей русскости. Но это и мировая борьба. Его грандиозное творчество — факт прежде всего борьбы, в нем живет энергия сражения, сопротивления, диссидентства. Солженицын весь в этой энергии-писательстве или, если угодно, писательстве-борьбе.

Александр Солженицын, сражаясь своим творчеством против насилия, агрессии, лжи, стал одним из самых необыкновенных деятелей XX века (как Ганди, Мандела, Мартин Лютер Кинг).

XX век (я сам пережил две его трети или около того) был веком великой и варварской европейской войны. Это была одна война в двух актах — Первая война и Вторая война, обе называются мировыми (и действительно, в них участвовали армии со всех континентов), но прежде всего это была европейская гражданская война, если воспользоваться названием знаменитой дискуссионной книги немецкого историка Эрнста Нольте (после ее выхода в свет в 1987 году это словосочетание стали употреблять и другие историки⁵).

Война, начавшаяся в августе 1914 года, получила благословение всех христианских священников во всех лагерях, была прославляема с первых же дней всеми авангардными художниками, в частности футуристами, русскими (например, Маяковским и Малевичем) и итальянскими (Маринетти). Бесконечная война, которая породила две великие тоталитарные идеологии XX века: фашизм и нацизм с одной стороны, и большевизм с другой. Целые куски цивилизованной христианской Европы после Великой депрессии обратились к поклонению силе. Вернулись к неизбывной традиции древних культур — сотворению козла отпущения. Еврей или кулак, враг расовый или враг классовый.

Александр Солженицын родился в точке разлома двух тектонических платформ мировой истории: Европы до 1914 года и после. История Европы до 1914-го была отмечена Французской революцией и революциями, которые за ней последовали, но все они были переплавлены вековыми культурными традициями или политическими компромиссами (Красный Крест женева Дюнан или Гаагский трибунал). У Солженицына не было отца (нелепый несчастный случай на охоте, через три месяца после зачатия ребенка). Мать, полностью посвятившая себя сыну, жила в большой бедности, тогда как ее отец, прежде предприимчивый и удачливый крестьянин-хозяин, питался подаванием своих бывших рабочих, чтобы окончить дни в застенках НКВД.

Ребенок, очень одаренный, все же избежал судьбы сына социального врага. Он — энтузиаст-комсомолец, молодой марксист-романтик. Он «любит революцию», но угадывает в окружающем фальшь.

⁵ Имеется в виду издание: *Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Berlin: Propyläen, 1987.*

Его первый большой опыт — это именно сомнение: сомнение, просочившееся в энтузиазм, сомнение, которое колет глаза и ведет к их открытию. «Протри глаза!» — шепчет ему сомнение. Мы читаем об этом в поэме «Дороженька», сочиненной в ГУЛАГе, а еще во второй части повести «Раковый корпус», когда более «взрослый» Шулубин просит протереть глаза Олега, вышедшего из ГУЛАГа и настигнутого раком: «Он говорил, что люди не склонны жить чистым опытом, им легче загрязнить его предрассудками. Вот эти предрассудки и есть идолы»⁶.

Урок преподносит английский канцлер Фрэнсис Бэкон и его главная книга «Новый органон». Солженицын прочел Бэкона очень рано, еще будучи школьником, и хорошо запомнил. По ходу заметим, что у канцлера был свой опыт ГУЛАГа, в стенах лондонского Тауэра. Урок сомнения — основа науки и спасение для того, кто ей занимается. Это европейский урок.

Молодой ученик канцлера Бэкона есть сын сомнения, без которого он мог бы остаться фанатиком идеологии, с утопией в заклеенных глазах. Но урок сомнения потребовал времени, нужны были встречи (как те, что описаны в «Раковом корпусе»), нужны были арест, тюрьма, советский каторжный лагерь, можно сказать, «университеты ГУЛАГа», используя название третьей части автобиографического повествования Горького. После урока сомнения, который лишает идолов святости, приходит урок тюрьмы, дополняя урок войны: крайние житейские обстоятельства, когда человек идет по лезвию бритвы, между святостью и падением. Товарищество шарашки, братство Экибастуза, лагерь, который бунтует несколько дней, где заключенные идут с кирками и кольями против автоматчиков. Великолепен гимн в главе о восстаниях в «Архипелаге ГУЛАГе». Гимн мятежу, праведной силе.

Тюрьма приносит и другой урок, урок истории. Молодой Саня там узнает, что есть другая Россия, Россия в изгнании, чьи многочисленные представители, вернувшиеся в отечество, были отправлены в лагерь. А еще есть и другой социализм, не большевицкий, но марксистский, «с человеческим лицом», как скажет несколько позже чехословацкий коммунист, лидер Пражской весны Александр Дубчек. Солженицын узнает, что среди социалистов были люди верные и чистые с точки зрения утопии, но и что свирепое подавление «русской Вандеи» (восстания в Тамбовской области в 1920–1921 годах), искусственный голод на Украине в 1931-м, череда больших процессов 1936–1937 годов — все это не что иное, как лик, деспотичный, жестокий и даже безумный, того же самого социализма, который исповедовали Прудон, социал-демократы, Короленко или Плеханов и даже, даже! эстонский товарищ по неволе Арнольд Сузи.

Неволя — это и спор между Иваном и его соседом Алешей-баптистом (финал «Одного дня Ивана Денисовича»). Повторение диалога Ивана и Але-

ши Карамазова, «русских мальчиков», но в тюрьме, на уровне, гораздо менее интеллектуальном, но, возможно, более глубоком: вместо того чтобы ждать «выхода из тюрьмы», не лучше ли было бы переживать тюрьму как дар Божий? Надеяться вопреки всякой надежде, как говорит апостол Павел. И на самом высоком уровне — спор между учеными-заключенными шарашки: надо ли спасать свою шкуру, сотрудничая с тираном?

Из необъятного «Архипелага...» выступает спор еще более общий: добро, благо, правда — существуют ли они вообще? «Архипелаг...» написан не сегодня, в эру «после-правды», где новости «фейковые», но во время и в стране «обескураживающей лжи», если позаимствовать меткое определение Анте Цилига, молодого хорватского коммуниста, который был в 1926 году в Москве, в 1930-м арестован, отправлен в Сибирь и наконец в 1935-м выслан (он итальянец, и его друзья вели компанию в его защиту).

Лидия Чуковская говорила, что в «Архипелаг ГУЛАГ»ходишь, будучи одним человеческим существом, а выходишь из него совершенно другим. Это и сегодня так, но нужно ли еще читать «опыт художественного исследования»? Эта книга — писательство, рожденное борьбой, борьба и исповедничество, исповедничество и откровение, откровение и убийственная ирония. Борьба, как кажется, заранее проигранная, но победившая именно писательством.

Условия изменились, СССР дожил свой век. Европа стала другой, единой (без России) и раздираемой подъемом слепого национализма. Проповедники слепоты возвращаются. Их слушают. С ними больше не спорят.

У Солженицына главное — диалог. Не думайте, что я хочу его спасти от обвинений в национализме, антисемитизме или темпераменте проповедника. Нет! Надо вместе с ним (как и с еще одним европейским героем сопротивления, Томасом Манном) обрести освобождающую силу диалога. Роман «В круге первом» — это огромный, глубокий, бесподобный диалог, в котором ощущаются и гротескный смех, и жертвенность. Сталин запер лучших ученых страны, чтобы поставить их себе на службу, окружил их конвойными вышками, подослал доносчиков. А они спорят о тираноубийстве: начиная с какой степени насилия надо отвечать насилием.

Среди публицистических сочинений Солженицына, где диалог очевидно переходит в монолог (как у Достоевского), есть одно, которое великолепно раскрывает ненасильственное насилие человека, жаждущего блага и правды: «Жить не по лжи!». Условия поменялись полностью, да! но этот призыв к каждому, *каждому* носителю божественного и человеческого остается абсолютно актуальным! Вместе с Сократом Солженицын считает, что каждый есть хранилище правды, даже самый слабосильный и малодушный из людей.

Шаламов в «Колымских рассказах», Визель в «Ночи», Солженицын в «Архипелаге...» и других своих произведениях — все они снова переживают европейскую ночь, ночь того культурного континента, где Иерусалим, Афины

и Рим составляют единство, посеянное, пророщенное, возросшее, а затем потерявшееся, закруженное мороком и кошмарами. Им нужно преодолеть этот провал, сбросить самоубийственную меланхолию, решиться на мятеж и разогнуть спину.

Урок «Архипелага...» почти оптимистичный. Суть здесь в *почти*. Урок «Колымских рассказов» почти пессимистичный. И *почти* здесь не менее суть.

Утопия распахивает ворота каторги, простые заступы восставших в Экибастузе выступают против автоматчиков, линия зигзага, как молния, разделяет добро и зло в каждом человеке в ключевой момент: да, писательство русское, обсуждение европейское и — больше — мировое. Тихий и неприемный Иван Денисович еще долго будет нам всем очень нужен...

Я передаю слово преподавателю, писателю, критику Алексею Варламову.

А.Н. Варламов: Спасибо большое! Уважаемый господин посол, уважаемая Наталия Дмитриевна, дорогие друзья, коллеги, дамы и господа! Большое спасибо за возможность выступить здесь, в этом зале, по такому важному поводу, который нас здесь собрал, и еще раз выразить благодарность ЮНЕСКО за то, что этот год объявлен годом Солженицына.

Тема моего выступления сформулирована как «Автобиографическая проза Солженицына», но я хочу сразу сказать, что я не ученый, не исследователь, я писатель, я читатель, что в данном случае даже важнее. Я хотел бы поговорить о своем личном восприятии некоторых произведений Александра Исаевича. Так получилось, что самая первая вещь Солженицына, которую я прочел в своей жизни, — не «Архипелаг ГУЛАГ», не «Матрёнин двор», не «Один день Ивана Денисовича». Это была книжка, которая сейчас лежит передо мной, она называется «Бодался телёнок с дубом», она хорошо известна. И читал я ее еще в советские времена, правда уже не в самые жестокие, это была вторая половина 1980-х, но все равно это была весьма взрывоопасная книжка, я помню, какое ошеломительное впечатление она на меня произвела. Я рос и воспитывался в семье вполне советской, где имя Солженицына было под запретом, где никаких книг Солженицына, конечно, никто никогда не держал (хотя моя бабушка и очень любила «Ивана Денисовича», но вынуждена была в какой-то момент эту книгу из дома изъять, мне она не досталась). А потом так получилось, что я стал читать «Бодался телёнок с дубом». И у меня было ощущение, что я читаю какой-то боевик, что я читаю какой-то невероятной силы и экспрессии роман. Совсем как в детстве, когда я читал романы про советских разведчиков, которые в одиночку где-нибудь в глубоком тылу борются с врагом, точно так же я читал эту книгу, про ее главного героя, про эту невероятную энергию, силу борьбы. Сам Александр Исаевич не определяет жанр своей книги как роман — чем еще эта книга очень интересна, уже с литературоведческой точки зрения, она представляет собой

текст и очень интересные сноски и комментарии к тексту (именно здесь, скажем, можно найти сноску, где автор возражает против того, чтобы «Один день Ивана Денисовича» называли повестью, говоря о том, что это рассказ, о том, что слово *роман*, которое он вообще не любит, мы используем неправильно). Но так или иначе, я это читал как роман. Роман, в котором есть главный герой, роман, в котором есть враждебная среда, роман, в котором есть обстоятельства, которые мешают герою, а он с ними сражается, роман, в котором есть невероятно сильная мотивация.

Ведь с чего он начинается? Он начинается не с предисловия (Солженицын не любит таких заезженных казенных слов), он начинается с Оговорки. Оговорка — небольшой текстик, где автор объясняет, что он вообще-то считает всякого рода мемуары вторичной, не главной литературой. Главная литература для него — литература художественная. Но есть некие вторичные тексты, которые Солженицын никогда не думал, что будет писать, но вот сейчас так складываются обстоятельства, что он закончил одну большую работу (как я понимаю, это «Архипелаг ГУЛАГ»), впереди другая большая работа (это «Красное Колесо», я думаю) и очень опасное время (1967 год), то есть Солженицын понимает, что его жизнь, ну, если не на волоске висит, то, по крайней мере, в крайней опасности он находится. И вот он пишет эту книгу, которую, конечно, как мемуары и читать невозможно. То есть я имею в виду, что невозможно назвать ее мемуарами, потому что все-таки мемуары, наверное, в большинстве своем пишутся людьми на склоне лет, пишутся уже в более спокойном состоянии, когда человек вспоминает какие-то события своей жизни. А здесь все не так! Это не на берегу написано, это написано посреди этой стихии, это написано человеком, над которым нависает угроза тюрьмы, гибели, ареста. И вот он пишет, ему важно успеть высказать, ему важно сказать, оставить свидетельство, потому что это его главная задача — высказать то, о чем не говорит никто.

Здесь очень хорошо видно понятие, очень важное понятие, когда мы говорим о творчестве любого писателя, понятие авторской стратегии. В этой книге она просто видна на поверхности. И это очень здорово, когда писатель (то, что называлось *обнажение приема* у формалистов), когда Солженицын, по-своему, по-солженицынски, обнажает свой прием.

Главный герой. После «Телёнка» я читал «Матрёнин двор». Это как-то даже трудно соотнести. «Матрёнин двор», как мы помним, написан от первого лица, и там более спокойная интонация, более классическая, заставляющая вспомнить, например, еще одного нашего великого юбиляра этого года — Ивана Сергеевича Тургенева, «Записки охотника». Это рассказ о крестьянстве, и образ автора там другой, занимающий свое скромное место просто для того, чтобы рассказать ту историю, которая там рассказана. А в «Телёнке» все по-другому. Здесь автор находится в центре, он и не может не находиться в центре, ему важно рассказать свою историю, историю противостояния

этой косной литературной среде, косной системе, которая глушит, всякими возможными способами глушит правду и не дает ей пробиться. Но где-то у этой системы уже есть слабые места, где-то внутри этой системы есть честные, порядочные люди. Кстати, именно в «Телёнке» есть знаменитая фраза, которую очень часто мы вспоминаем, когда говорим о Солженицыне, когда Александр Исаевич говорит: «страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили»⁷.

Это понятие не советского писателя и не антисоветского, не в этом дело, а именно писателя глубоко *не советского*, глубоко не связанного с традициями советской системы. Профессор Нива очень интересно рассказывал об этой странной смеси русской и советской среды, в которой Александр Исаевич воспитывался, рос в юности, но здесь уже видно, ничего советского в нем не осталось, перед нами русский человек, русский писатель, аввакумовского склада, пассионарный, очень яркий, который должен выполнить свою главную жизненную задачу, потому что Бог ему жизнь подарил. И это тоже в этой книге заявлено.

Я не знаю, писал ли он об этом где-нибудь раньше, думаю, что все-таки нет, о тяжких испытаниях, которые выпали на его долю в лагере, он чудом излечился от рака, и вот после того, как ему жизнь возвращена, жизнь ему второй раз дана, он должен, он *должен*, он живет не для себя. Жизнь для себя, если и была (ну, была в молодости, конечно), она кончилась, осталась жизнь... «я хотел быть правдой». И он таким становится. И механизм превращения здесь очень хорошо виден.

И что еще крайне интересно в этой книжке, как изображена и показана литературная среда. Совершенно потрясающие страницы взаимодействия с «Новым миром» и с Твардовским. Чудо появления «Ивана Денисовича», эти обстоятельства, которые удивительным образом помогли этому. Как правило, обстоятельства работают против Солженицына, но иногда возникают такие периоды, возникают такие моменты, когда они причудливо ложатся так, что они за него. Очень здорово рассказано, как рукопись попадает Асе Самойловне Берзер и та размышляет, кому в редакции ее отдать. Мне кажется, эта книга чем-то напоминает «Театральный роман» Булгакова (Солженицын, мы знаем, очень любил Михаила Афанасьевича). Там театральный неофит движется в этом сложном театральном мире, так же точно Александр Исаевич движется, и оказываются какие-то добрые люди, которые помогают ему двигаться в этом очень сложном советском мире и сделать так, чтобы повесть безвестного человека, бывшего зэка, который в литературе никто, который не прошел всю школу, которую обычно проходили советские писатели, помогают его рукописи попасть к Твардовскому, минуя других членов редакции, которые, скорее всего, ее бы зарубили.

А дальше Твардовский, который начинает ее читать, на ночь, две-три страницы, не может успокоиться и читает до самого утра. А потом эта рукопись попадает к, как там сказано, от верхнего мужика к верховному мужику, к Хрущеву. И Хрущев тоже это читает, и Хрущеву тоже это нравится, и Хрущев продавлиывает, просто продавлиывает через политбюро, которое спрашивает, а на чью мельницу вообще эта повесть льет воду, он продавлиывает ее публикацию, и происходит чудо. То, что в ноябре 1962 года советские читатели, а потом и читатели всего мира получили это совершенно удивительное произведение, это, несомненно, стечение авторской воли, безусловно, и стечение обстоятельств. Этим описанием в «Телёнке» просто зачитываешься, ты не можешь от этого оторваться.

И дальше перед ним открывается путь, и его все подталкивают на этот путь — путь советского писателя. Да ведь советские писатели тоже были разные. Советскую литературу не надо мазать одним цветом. Советских писателей всех считать только соцреалистами, считать, что это такое пропащее, гиблое время — такого никогда не было, ни в какой период, и в том числе в 1960-е, 1970-е годы. Александр Исаевич тоже с этого начинается, он в этой книге называет тех писателей, которые ему очень близки: Шукшин прежде всего, Василий Белов, Солоухин, Юрий Казаков, о котором он очень интересно говорит, какой бы мог быть писатель, если бы не испугался сказать главной правды. Но это путь все равно не солженицынский. Все равно Солженицын в какой-то момент начинает понимать, что быть на самом краю, пусть на самом краю, но быть на самом краю легальной советской литературы, идти на какие-то компромиссы, идти на какие-то уступки, находить какую-то приемлемую линию поведения — это не его путь. Я написал книгу о Шукшине, мне было дико интересно. Александр Исаевич любил Шукшина, Шукшин очень любил Солженицына, но это две стратегии совершенно разные. Солженицын в какой-то момент понял, что ему с советской литературой не по пути и он лучше уйдет в самиздат, он уйдет в тамиздат, но он будет писать только то, что он хочет, не уступая ни пяди. У Шукшина было по-другому. Отчасти потому, что он режиссер, ему надо было еще фильмы снимать, и он хорошо понимал, что писатель-то может в стол писать, а режиссер — пойдй снимай фильмы в стол, где ты деньги на это возьмешь? Эта солженицынская линия очень четко здесь видна. Его бодание с Союзом советских писателей, потрясающие документы, стенограммы, которые приведены в конце книги, заседание Союза советских писателей, как они его обсуждают, как они требуют от него пойти хотя бы на малейший компромисс, хотя бы что-нибудь сделать в их пользу, чтобы легче было пропихнуть его вещи. Это правила игры, так все живут, даже самые честные, мужественные писатели понимают: где-то нужно уступить, что-то ты за это получишь. Это не солженицынский путь. Ничего не уступать, ни в чем не сдаваться. Такая потрясающая уверенность в себе, сила, энергия, бесстрашие.

Читать это, следить за этим — потрясающее удовольствие. И здесь проявилась еще одна очень важная солженицынская черта: это человек принципиально беспартийный и внепартийный. У меня как-то раз был разговор о Солженицыне с замечательным писателем, который очень любил Александра Исаевича, и Александр Исаевич его очень любил, это Леонид Иванович Бородин. Тоже писатель с потрясающей судьбой, такой убежденный советский, не люблю слово *диссидент*, но он был заключенный брежневских, андроповских лагерей, который много лет провел в тюрьме за свои убеждения, за свою литературную деятельность. Как-то я спросил Леонида Ивановича. Он ответил: «Я — государственный, я сражался с советской системой потому, что считал, что она вредит государству, что она на самом деле антигосударственна, советские вожди и советские политики делают все назло государству». Я говорю: «А Солженицын?» Он говорит: «А Солженицын — нет». Не в том смысле, что он негосударственный, а в том смысле, что он никакой партии государственных никогда не принадлежал, он всегда был сам по себе. Его независимость была принципиальной. Причем в книге она еще усиливает ощущение полного одиночества.

Потом, уже во времена гласности, перестройки, когда шла мощная волна возвращенной литературы, когда стали печатать Ахматову, Платонову, Булгакова, когда стали печатать совершенно замечательные рассказы Домбровского, Шаламова, Солженицын, как мы знаем, был возвращен последним. Советские вожди уже горбачевских времен его не пускали, не хотели пустить, а он настаивал. И опять его бескомпромиссность: они же ему предлагали: давайте начнем с ваших менее радикальных вещей, давайте напечатать «Матрёнин двор». Он ведь был напечатан, а мы заново напечатать. Нет. «Архипелаг ГУЛАГ». Вот его позиция: я вернусь к советскому, русскому, российскому читателю (еще советские были времена) через «Архипелаг ГУЛАГ». Так, и никак иначе. Как опять же у Булгакова, помните, про Максудова, главного героя «Театрального романа», один из героев говорит: «Вы человек неподатливый» (Станиславский ему говорит: «Вы, я смотрю, человек неподатливый»). Александр Исаевич, тоже такое впечатление, «человек неподатливый». Драматургия его отношений как у Булгакова, скажем, Максудов и Станиславский. Здесь не очень удачная, может быть, параллель, но все равно параллель: Солженицын — Твардовский. Интереснейший диалог двух крупных личностей, которые очень уважали друг друга. Но видно, насколько Солженицыну важно сказать *свое* слово и насколько Твардовскому важно спасти журнал «Новый мир». Опять эти две стратегии: автор или журнал. Интересно, что потом, когда Александр Исаевич напишет вторую часть, как бы продолжит свои мемуары, и выйдет книжка «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», которая будет посвящена уже постсоветскому периоду его жизни, в Европе, в изгнании, он будет возвращаться мыслями к этому перио-

ду 1960-х и немножко даже переосмыслит историю своих взаимоотношений с Твардовским. Он увидит, что у Твардовского была своя правда. Это желание все-таки действовать в рамках советской системы, на самом краю, но все-таки в рамках советской системы — это тоже возможная линия поведения. В конце концов, не все писатели-деревенщики уходили в изгнание, уезжали за границу, оказывались в подполье, нет, мы знаем, что и Белов, и Распутин, и Астафьев, и многие писатели потом стали лауреатами Литературной премии Александра Солженицына. Это тоже очень важно в приоритете его собственных литературных вкусов, его литературного уважения и знания. Но, отдавая должное их пути (как он замечательно сказал на вручении премии Валентину Распутину, что были писатели, которые писали так, как будто советской власти и нет), все-таки это не солженицынский путь. Солженицын не был человеком, который жил и писал так, как будто советской власти нет. Ему надо было с ней конфликтовать, он был на это заряжен. Но признавал право тех, кто действовал иначе.

На меня посматривает ведущий и говорит, что уже пора заканчивать. Единственное, о чем хотелось бы буквально два слова сказать: когда читаешь «Бодался теленок с дубом», возникает ощущение одиночества. Хотя там есть еще личная жизнь, Солженицын пишет о ней скупно. Он пишет скупно, но это очень важно. Какой поддержкой, какой опорой она была в эти драматические конец 1960-х — начало 1970-х годов, когда его действительно могли и убить, и схватить и когда его в конце концов и схватили. Потрясающие страницы, когда он описывает последнюю ночь в Советском Союзе в тюрьме, как его потом отвозят на самолет. В это описание семьи, хотя не очень много про это сказано, просто вот вдуматься — человека травят, гнобят, все может произойти, и у него есть жена, которая рождает ему сыновей. С этим уже ничего нельзя сделать. Если в подобных условиях находится женщина, которая тебя любит, которая тебе предана, которая рождает тебе сыновей, то с таким человеком ничего сделать нельзя. Ни убить, ни затравить, можно только признать его правоту. Я думаю, что личность Солженицына, которая так замечательно проявилась в этой книге, как и в других произведениях, — это не менее важно, чем то, что он написал. И это тоже одна из причин, по которой мы здесь собрались и ведем наш такой интересный разговор. Спасибо!

Ж. Нива: Спасибо большое! Передаю слово Пьеру Морелю, послу Франции и президенту маленькой группы инициаторов празднования 100-летия Александра Солженицына в Париже, во Франции.

П. Морель: Спасибо, господин ведущий, дорогой Жорж! Дорогая Наталия Дмитриевна! Дамы и господа! Я буду говорить о книге, может быть, менее известной, но оттого не менее завораживающей — о «Невидимках». Про-

изведения так называемой вторичной литературы⁸, как верстовые столбы, обозначают главную дорогу мировой литературы. Они имеют разные формы: предисловие-манифест, послесловие, дневник, воспоминания — автор испытывает необходимость ввести контекст, комментарий или пояснения, а то и оправдать свое творчество.

«Невидимки» — Пятое дополнение Солженицына к его книге «Бодался телёнок с дубом» — несколько иного порядка. Временной период, покрываемый очерками, достаточно долгий, с окончания «вечной» ссылки автора в 1956-м до изгнания 13 февраля 1974-го. А на самом деле еще больше, ведь Пятое дополнение впервые вышло в свет лишь в 1992-м, уже после конца СССР (писатель не хотел подвергать опасности тех, кому, напротив, хотел воздать должное, — своих товарищей по борьбе). Несмотря на год публикации, это повествование «подпольное», современное той литературной борьбе, что описана в самом «Телёнке», напечатанном в 1975-м.

«Невидимки» — произведение единственное в своем роде: составленное в форме галереи портретов, оно рассказывает о создании, функционировании и опасностях тайной сети помощников, без которой не стало бы возможным ни написать, ни приготовить к изданию, ни опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ». Это «рассекречивание» в то же время есть проникновенное выражение восхищения смелостью, решимостью и сноровкой своих «братьев по оружию», вовлеченных в общую борьбу. Не говоря уже о том, что это захватывающий детективный роман.

Прежде чем познакомиться с каждым из активных участников сети, попробуем понять побудительные причины деятельности этих людей, принявших на себя боевую задачу настоящего военного подразделения в войне против советского режима, оружием которых был литературный труд.

Все эти «невидимки» проходили испытание тайной и конспирацией. Солженицын не говорит все обо всех, но достаточно о каждом, так, что эта опасная история раскрывается во всей полноте. Люди были разными: не все из них побывали в лагерях, чудовищность которых им предстояло вывести на свет, некоторые даже были вполне «добропорядочными» советскими гражданами. Но все они проникались особым духом, «силой зэка», характеризующейся качествами, о которых Солженицын пишет неоднократно: ненарушимая солидарность в сочетании с иронией людей, повидавших все, безграничная верность, отвага, изобретательность, духовная энергия. Таков сплав, вышедший из горнила лагерей, сущность которого Солженицын смог отразить в «Одном дне Ивана Денисовича», первом опубликованном рассказе, напечатанном в 1962 году благодаря невероятному единодушию зачарованного и отважного главного редактора журнала Твардовского и Хрущёва,

⁸ Вторичной литературой называет жанр мемуаров Солженицын в Оговорке к своей автобиографической книге. См.: *Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом*. С. 5.

решившего обозначить новый этап в борьбе со сталинизмом. Отклик на публикацию в стране был беспримерным, ведь эта бесспорная литературная жемчужина воскресила и память, и слово. Автор получил тысячи писем и сотни свидетельств. Тюрьмы, лагеря и ссылка «освободили во мне способность писать», говорит Солженицын, а с появлением «Ивана Денисовича» «судьба послала мне то, в чём я нуждался».

Сеть, однако, возникает не сама собой, для Солженицына это очередной моральный выбор, к которому он часто возвращается в воспоминаниях. «Сила зэка», без которой невозможно было бы явить миру внутренний мир ГУЛАГа с его звериной жестокостью, выковалась в самом ГУЛАГе, ужасном и абсурдном мире, который тем не менее был систематизированным, урегулированным и предсказуемым. Сети «невидимок» предстояло иметь дело со свирепостью грозной системы. Вовлеченный в борьбу с мороком, Солженицын расставляет на позициях свои боевые порядки и ищет новые военные единицы и заряды, чтобы разделить всё увеличивающиеся опасности, отягощая с каждым новым новобранцем ответственность на своих собственных плечах. Жизнь в постоянной готовности к сигналу тревоги, в постоянной заботе о возможных проявлениях собственной хрупкости или хрупкости своих друзей. Это то, что он называет «раздавливание опасностью» от риска провала сети; его кульминация — драма августа 1973-го, приведшая к публикации «Архипелага ГУЛАГа» в Париже три месяца спустя.

В повествовании Солженицына мы узнаем психологические черты тайной борьбы движения Сопротивления во Франции и остальной Европе во время Второй мировой войны. В особенности — полная отдача всего своего существа решению боевой задачи, общая для руководителей тайных сетей (хотя, конечно, каждый действует в своих обстоятельствах и своими средствами и рассказывает об этом своими словами). Солженицын убежден, что освобождение страны не может прийти извне, но должно получить импульс от сотрясения, распространившегося из центра. Он пишет о «работе для России», требующей полной самоотверженности, «гражданского жара», но также и стратегических поступков (отсюда частое использование военной терминологии в описании борьбы, которую он ведет как войну позиций). Для нее необходимы связи, включая иностранные, и «укривища», чтобы на время уходить из поля зрения и восполнять силы. Солженицын не скрывает своей главной опоры, упоминая о ней то тут то там довольно скупыми словами: чтобы взять на себя бремя постоянной опасности, жертв и лишений, необходима молитва, дарующая надежду в тайном напряжении.

Эта сеть, воюющая литературным творчеством, — настоящий фаланстер, действие которого распространяется по цепочке и вне коммуны: сбор информации и источников, включая иностранные, перевод, сбор и хранение свидетельств, создание архива; затем приготовление места для работы над текстом, машинописная перепечатка, вычитка, распределение копий; кри-

тическая считка и новые редакции; хранение и переплет; передача на Запад, юридическая защита прав и отношений с будущими издателями на разных языках.

Один-единственный пример иллюстрирует и сложность этой организации, и изобретательность, поддерживающую жизнь фаланстера: чтобы обеспечить надежное хранение нескольких копий «Архипелага...» и других произведений, Наталия Дмитриевна Солженицына собирает альбом почтовых марок, где каждая единица соответствует копии текста и точному месту хранения. Альбом хранится открыто у нее дома (в штабе сети) и постоянно пополняется.

Этот впечатляющий боевой порядок, действовавший на боевых позициях в течение нескольких лет, был настоящим «подпольным литературным государством», непризнанным, но непосредственным деятелем истории в самом СССР, а позже — и вне его.

Солженицын осознавал это со всей отчетливостью. Чтобы передать напряженность, с которой он несет свою миссию, ему достаточно пары строк: «...Это был как бы даже не я, меня несло, моей рукой писало, я был только бойком пружины, сжимавшейся полвека и вот отдающей»⁹. Он ощущает себя рупором своего народа: «После пятилетнего хрущёвского топтания около сталинского мавзолея — в горле страны сам собою нетерпеливо нарастал крик»¹⁰.

Исторический момент, проявившийся в форме литературного памятника. Человеческая власть, тронутая очень простым, но очень настоящим Иваном Денисовичем, стремительно возносит никому не известного Солженицына (очень скоро — поднадзорного, а затем и опального) на уровень величайших русских авторов. Глубокая адгезия, произошедшая вследствие этой сенсации, укрепила его в сознании, что ГУЛАГ — слишком великая катастрофа, чтобы быть только названной. Он должен был изобрести новый жанр, выбор которого был сделан после долгих поисков: опыт художественного исследования. Мы видим, как он мало-помалу приходит к убеждению в необходимости этой миссии, с неизбежным разделением опасности с другими. Это коллективное и одновременно очень личное искупление литературой воскресит и выведет из могилы еще менее видимый, чем его невидимки, дух России.

Вернемся к самому произведению и вспомним членов сети «невидимок». Солженицын представляет ее галереей героев этого коллективного романа, очень метко описывая условия, в которых они выходили на передовую в трех главных местах «сражений» — Москве, Ленинграде и Эстонии.

Каждый раз автор создает психологический портрет с большим вниманием, схватывая индивидуальные черты, иллюстрируя различие мотивации.

⁹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 435.

¹⁰ Там же. С. 462.

Неизменно им движет чувство глубокой благодарности — причина возникновения самого этого произведения. Роль «невидимок» в нужный момент, рано или поздно, станет известной во всех подробностях:

«Сел писать эти страницы — и все вызываемые памятью мои соратники, сотрудники, помощники, почти все ещё живые и угрожаемые, обступают меня тёплыми тенями, вижу глаза и вслушиваюсь в голоса — внимательнее, чем это было в пылу сражения.

Безвестные, всем рисковали, даже людского признания не получая взамен, того признания, которое скрашивает нам и гибель. И напечатка вот этих очерков придётся многим уже в пустой след»¹¹.

Помещенный первым *Николай Иванович Зубов* был зэк, разделяя этот нестираемый знак с автором. Он, однако, пришел из старого мира: «Революция застигла его 22-летним внимательным и памятьливым наблюдателем — и весь тот прежний русский мир, порушенный в месяцы невосстановимо, поразительно отчётливо сохранился в его памяти... Он всегда рассказывал такое, о чём нельзя было самому догадаться, и чего в книгах нельзя найти»¹². Врач, настоящие золотые руки, но главное, незаменимый наперсник Солженицына в казахстанской ссылке. Зубов устраивает ему тайники для хранения первых текстов, осваивает фотографию для их репродуцирования. Вместе с женой Еленой Александровной они согрели Солженицына потоком «тепла и света» в его «разгромленной погиблой жизни»¹³.

О *Николае Ивановиче Кобозеве*, большом ученом исключительного ума, Солженицын хотел бы написать отдельную повесть. Добровольный затворник, слабого здоровья и часто больной, он был как новый Иов. После публикации «Ивана Денисовича» Кобозев, вскормленный Достоевским и Соловьевым, стал одним из наиболее внимательных читателей Солженицына.

Далее следует чета *Теушей*, *Вениамин* и *Сусанна*, — читатели и «распространители» текстов Солженицына, первые хранители его архива (копий авторской машинописи). Они проглатывали эти тексты сами и делились ими со своими близкими знакомыми, что и повлекло арест архива КГБ «чёрной осенью» 1965-го: первый звонок, без особенных последствий, но повлекший продолжительное охлаждение в отношениях с Солженицыным.

Глава «Эстонцы» начинается довольно неожиданно: с воспоминания о встрече автора в лубянской тюрьме с Арнольдом Сузи, о знакомстве с Георгом Тенно, с которыми Солженицын вновь встретился в 1963 году в Тарту, а затем на уединенном хуторе. Эстония стала секретной базой для работы писателя, совершенно свободной и исключительно интенсивной, в абсолютном одиночестве. И местом хранения первой редакции «Архипелага...»

¹¹ Там же. С. 441.

¹² Там же. С. 427.

¹³ Там же. С. 432.

(«Если б это погибло, думаю — ни за что б я его не написал, не нашёл бы терпения и умения восстанавливать»¹⁴). Это теплое воспоминание заканчивается с большим чувством: «Ах, эстонцы мои родные! Сколько ж вы сделали для нашего общего дела! Разделил я с вами сердце навек»¹⁵.

Следующая «невидимка», *Елизавета Денисовна Вороньянская*, занимает место совершенно особенное. Очень живая и начитанная, воодушевленная «порывом к служению»¹⁶, не имея собственного лагерного опыта, она стала одной из главных машинисток, перепечатав в своей коммунальной квартире, не без риска, полторы тысячи страниц «Архипелага...», который ее завоужил: «к этой книге от первого же знакомства с ней... Кью относилась завоуженно, с поклонением и ужасом, — как чувствовала свою с ней роковую связь»¹⁷. Быстро войдя в доверенный круг, она приобретает прозвище Кью, от королевы Елизаветы. Солженицын излагает последовательность событий, которая приводит к драме. В момент передачи на Запад окончательного текста «Архипелага...» он передает распоряжение всем хранителям прежних редакций их полностью уничтожить, но страстная натура Кью подстрекает ее свой сохранить. Ослабленная проблемами здоровья, выслеженная и арестованная КГБ в августе 1973-го, она не будет сопротивляться на допросе. Детали ее смерти неизвестны, возможно, она повесилась от отчаяния. Некоторое время спустя КГБ захватывает ее неуничтоженный экземпляр «Архипелага...», Солженицын отдает указание «взрывать», т.е. опубликовать книгу в Париже.

Две другие особенные «невидимки» *НН*: *Наталья Аничкова* и *Надя Левитская*. «Вечные зэчки с душою не замершей; живут как попало, на перекладных; не удивятся, если завтра опять к ним придут»¹⁸. Лагерный опыт сделал их неразлучными, хотя одна принадлежала к бывшей знати, а другая — дочь ученого-биолога. Они были разом посредниками-связными, передающими работу, переводчиками, исследователями, распространителями текстов в самиздате, не только в Москве, но и в провинции. Именно у них дома на русское Рождество, в январе 1974-го, Солженицын открыл первые экземпляры «Архипелага...», полученные из Парижа, спустя десять лет с начала их сотрудничества. А через месяц его выслали, и последнее известие, которое он получил от эНэНов через свою семью: «Передайте ему, что то были счастливые годы, таких больше не будет»¹⁹.

Совершенно иной была *Мира Геннадьевна Петрова*, с которой Солженицын работал в течение четырех лет. Формы этого сотрудничества были

¹⁴ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 460.

¹⁵ Там же. С. 467.

¹⁶ Там же. С. 470.

¹⁷ Там же. С. 473.

¹⁸ Там же. С. 484.

¹⁹ Там же. С. 491.

разными: талантливый специалист по истории литературы, она одна стоила «10–20 других читателей — бесценное качество для подпольного писателя»²⁰. У нее было особое положение — в стороне от конспирации, она сохраняла «отдельную заповедную территорию», где Солженицын был «не конспиратор, а чистый писатель»²¹. Все его произведения проходили через ее решето, за исключением «Архипелага...», который писатель с ней никогда не обсуждал. Чтобы восполнить живой портрет героини, автор вспоминает и такой эпизод: «Мира же с гордостью и убежденностью повторяла, кажется, из Цветаевой: что поэт нуждается не только в сочувствии к его стихам, но и в обеде. Сильно переходя эти рамки, она расспрашивала у старой барской кухарки, какие блюда как готовили, и устраивала мне каких-нибудь рябчиков с глинтвейном, “чтоб легче было потом описывать”»²².

Исключительно важный помощник Солженицына, также весьма искусный в литературе, Елена Чуковская, Люша, которая с 1965 года «стояла в самом эпицентре и вихре... бурной деятельности»²³ Александра Исаевича. Она была внучкой Корнея Чуковского, который принял Солженицына под свою защиту после первого захвата его архива, подбадривая так: «Не понимаю, о чём вам беспокоиться, когда вы уже поставили себя на второе место, после Толстого»²⁴. Войдя в тайную работу Солженицына, Люша становится «единопособником», помогая ему «изменить всю скорость жизни и перейти в непрерывное наступление»²⁵. Она размножает на машинке «Раковый корпус» для запуска в самиздат, участвует в организации эстонского побега Солженицына в 1965-м, перепечатывает первую редакцию «Архипелага...». За скорость Кью дает ей прозвище «Паганини-tyrist»²⁶: за три года ею напечатаны пять больших книг! Но после нескольких лет интенсивного сотрудничества приходит момент расхождения взглядов и споров: как и Мира Петрова, Люша принадлежала к «либеральной» интеллигенции. Перепечатка «Августа Четырнадцатого», а затем и «Великопостного письма» патриарху в 1972-м ставит вопросы: зачем это возвращение к царизму, зачем эта попытка возродить православие? Одновременно положение Люши становится все более угрожаемым: на нее нападают в собственном доме (который постоянно был под контролем КГБ), а в начале лета 1973-го она тяжело ранена в «аварии»: на Бульварном кольце Москвы грузовик внезапно развернулся и врезался в такси, где она сидела. Поправившись, несмотря на различие убеждений, Люша «не опустила рук, хвала ей! И до самой моей высылки и после неё вы-

²⁰ Там же. С. 494.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 495.

²³ Там же. С. 498.

²⁴ Там же. С. 499.

²⁵ Там же. С. 501.

²⁶ Там же. С. 501. *Tyrist* — машинистка (англ.).

стаивала достойно. Вопреки своей среде, воспитанию, сознанию — моё открывающееся — чужое? — несла и несла на себе, держала плечи под моей задачей как завороченная, шла и шла вперёд»²⁷.

Кульминация последовательности исключительных женщин приходится на портрет *Натальи Ивановны Столяровой*, несомненно самой сильной боевой единицы в этом секретном фаланстере. Она была дочерью революционерки Натальи Климовой, приговоренной к смерти после покушения на Столыпина в 1906 году. После побега через Японию она добралась до Европы и жила вначале в Лондоне, а потом в Женеве, где вышла замуж за революционера Ивана Столярова. Там она умерла от испанки, а две выжившие ее дочери были перевезены в Париж, где и окончили школу. В 1934 году Наталья Столярова приняла решение переехать в СССР (вслед за вернувшимся на родину в числе других социал-революционеров отцом).

Посажена она была через два года, как подозрительный элемент, а освободилась лишь в 1946-м (отца ее расстреляли незадолго до начала войны). После нескольких неудачных попыток устроиться на воле она поселилась в Рязани, преподавала французский. Рукопись еще не опубликованного «Одного дня Ивана Денисовича» она читала, уже будучи секретарем Ильи Эренбурга. Она тотчас решила пустить рассказ в самиздат и непременно познакомиться с автором: «...и невинная хитрость, и решительность — всё её»²⁸. Несмотря на литературный повод, их первая встреча была «по-этически проста»²⁹. Некоторое время спустя именно Наталья Столярова организовала передачу капсулы с пленкой текстов Солженицына сыну писателя Леонида Андреева, который собирался вернуться в Женеву. Исключительный момент, полный страха и трепета, но и возбуждения: «И вот они, формально такие же советские кролики, как мы, не защищённые не только дипломатическим иммунитетом, но даже иностранным гражданством... — они брались увозить взрывную капсулу — всё, написанное мною за 18 лет, от первых непримиримых лагерных стихотворений до “Круга”! <...> Этот вечер тогда казался мне величайшим моментом всей жизни! Что грезилось ещё в ссылке, что мнилось прыжком смертным и в жизни единственным — вот совершилось обыденно тихо, в вежливом негероическом разговоре. Я смотрел на супругов стариков как на чудо»³⁰.

После этого мужественного поступка сотрудничество с Солженицыным на время прервалось, а затем снова возобновилось благодаря счастливому случаю (встрече в доме Чуковского), и так писатель получил возможность узнать, как обстоят дела с подготовкой перевода его романа за границей. Ева

²⁷ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 513.

²⁸ Там же. С. 518.

²⁹ Там же. С. 519.

³⁰ Там же. С. 521.

(ее прозвище) стала для него «вторым воздухом», это было «ощущение... просто небесной поддержки, такой всегда лёгкой, улыбочивой, бескорыстной»³¹. В мае 1968-го она организует передачу теперь «Архипелага...» через Сашу, сына Андреева. Новые страхи, сигналы тревоги, репетиции встреч, тайная передача, а потом — ожидание: «Беспомощное бездействие — тяжело»³². Мучительная задержка, вызванная забастовкой в Париже, и наконец добрая весть о благополучном получении пленки. Продолжения, однако, не последовало — пленка пролежала долгое время без действия. Солженицыну пришлось осенью 1971 года начинать все сначала.

После высылки писателя Ева находилась под пристальным надзором, но, несмотря на это, продолжала быть надежным посредником. В 1976-м она добилась разрешения поехать увидеться с сестрой в Швейцарию. Удалось Еве и добраться к Солженицыным в Вермонт, где она прожила несколько месяцев. Она могла бы там остаться, но предпочла вернуться в Россию. Из Парижа, полного воспоминаний молодости, она пишет Солженицыну потрясающее письмо, объясняя свои резоны: «Ваша помощь помогла мне прожить на Западе год, почти ни от кого не завися... Из-за Вас мне выпало никому не достающееся счастье — спокойно, свободно, сильно, глубоко *выбрать*, с сознанием, не обременённым ничем»³³. Сказав о «проклятье», которое тянет Россию вниз, она продолжает: «Казалось бы, гнёт и страх испепелили даже само понятие свободы и достоинства, но тот же неумолимый пресс над духом неожиданно удесятирил *потребность* в свободе и достоинстве. Не так лагерь, как русская “воля” научила меня ценить как ничто на свете *свободу* (жить, двигаться, мыслить), которой мы так страстно добиваемся. И ради этой страсти, этой напряжённой жизни, в которую мы — “акробаты поневоле” — тщимся вместить свободу и достоинство, ради этого я, собственно, и возвращаюсь»³⁴.

Вернувшись в Москву, до своей смерти в 1984 году она была посредником Русского общественного фонда, который был учрежден автором «Архипелага...» и тайно поддерживал политических заключенных и их семьи.

Следующая глава посвящена *Черде в тени*. О людях, которые занимали ключевые позиции в пространной цепи «невидимок», уже рассказано, но были еще и другие, такие как, например, *Анастасия Ивановна Яковлева*, биолог — Гадалка, поскольку любила раскладывать карты. Перепечатывала тексты, а еще в моменты больших тревог предоставляла Солженицыну возможность побыть в своей мирной квартире; в один из таких моментов в ответ на просьбу писателя погадать ответила: «Такому человеку, как вы, гаданья

³¹ Там же. С. 522.

³² Там же. С. 530.

³³ Там же. С. 707.

³⁴ Там же.

не нужны»³⁵. Далее следует множество других персонажей, по преимуществу представителей интеллигенции, которые помогали, предоставляя надежное место, тайное хранение, связь, — длинная цепочка взаимопомощи, в которой появляются, порой неожиданные, звенья. Например, известный писатель *Борис Можяев*, друг Солженицына, очень осторожный, но в то же время готовый прийти на помощь. И конечно, когорта бывших эзков, которая помогает творческому процессу, идет ли речь об «Архипелаге ГУЛАГ» или любом другом произведении писателя. Необходимость умножать копии, чтобы не потерять всё в случае захвата, соединяла верных людей, они шли на этот риск, а в нужный момент были готовы все уничтожить, если хранимая ими редакция становилась устаревшей.

Сеть растет и обновляется. Через неделю после советского вторжения в Чехословакию Солженицын знакомится с Андреем Сахаровым и в тот же день — с молодым математиком *Наталией Светловой*, которая будет занимать все более возрастающее место в его работе и станет его второй женой. В первую же встречу он любит ее «общественной горячностью»³⁶, а затем постепенно открывает в ней «ещё один проверяющий взгляд, оспорицу — но и постоянную советчицу, в моём же негнущемся духе и тоне»³⁷. Перед лицом опасности она намечает новые диспозиции, организует новые, не известные Солженицыну захоронки, освобождает его от необходимости устраивать всё самому. Это разделение обязанностей дает писателю свободу заниматься в первую очередь творческим процессом.

Благодаря помощи отца Александра Меня в тайной цепи Солженицына появляются фигуры служащих французского посольства, некоторые из них были русскими по происхождению. *Ася Дурова* — дочь русского белого офицера, бежавшего в Париж, двуязычная и двукультурная, но принявшая католичество, приехала в Москву на работу экономкой в посольстве, незаметно расширяя контакты с литературной и религиозной средой. Неугоминая перевозчица, она входит в контакт с ключевой фигурой русской общины в Париже, *Никитой Алексеевичем Струве*. Эта связь стала определяющей, именно она позволила осуществить в три месяца, осенью 1973-го, подготовку публикации «Архипелага ГУЛАГа» по-русски в Париже.

Три других перевозчика в недрах посольства в 1970-е одинаково незаметно будут поддерживать тайные каналы, организованные Асей Дуровой: *Эльфрида Филиппи*, атташе по кино и книгоизданию, отважная, быстрая и энергичная, и два атташе по культуре, следующие один за другим, *Степан Татищев* и *Ив Аман*, чья сноровка подвигла Солженицына изобрести термин мужского рода «Фей», чтобы выразить восхищение успехами его передач.

³⁵ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 540.

³⁶ Там же. С. 559.

³⁷ Там же. С. 561.

Плодотворная помощь сети помощников Солженицына на родине повлекла неотложную необходимость в создании структуры на Западе, способной управлять подготовкой к публикации, переводом и распространением книг. Писатель назвал эту структуру *Опорным треугольником*: уже упомянутый Никита Струве, с которым он имел обширную переписку, *Лиза Маркштайн*, литературный агент, дочь бывшего руководителя Коммунистической партии Австрии, и цюрихский адвокат *Фриц Хееб*, который отвечает за сейф с произведениями Солженицына.

Наконец, не забудем *Иностранцев*, пребывающих в Москве. Главным образом речь идет о журналистах, чей интерес к писателю резко возрос, когда ему была присуждена Нобелевская премия в 1970 году. В условиях отчетов и строго контролируемых интервью некоторые из них вступали в подполье, чтобы, в свою очередь, стать перевозчиками. Так, шведский журналист *Стиг Фредрикссон* был главным организатором передачи текстов и архивных материалов, которые ни сам Солженицын, ни его семья не смогли бы вывезти с собой после изгнания из СССР.

Впоследствии на Западе Солженицын смог в полной мере оценить героизм этих людей, впервые покинувших зону комфорта, решившихся подвергнуть опасности свою профессию, карьеру, среду, в то время как их советским собратьям риск был более привычен: «Они переступали гораздо больший моральный порог, — и я не могу без восхищения смотреть на них, вспоминать их»³⁸.

Как же закончить? После стольких перипетий достаточно подчеркнуть главное. Все эти «невидимки» готовы были жертвовать жизнью для текстов, литературных произведений, чтобы сберечь великую традицию мировой литературы, свидетельствуя о достоинстве человека в тяжелых обстоятельствах. Преодолевая испытания, препятствия и собственную неумелость, совершив беспрецедентный рывок и одержав в конечном счете замечательную победу, они изменили ход истории. Их мотивации были разными, но они имели общую заботу *искупления литературой*. Они хотели прорвать кольцо лозунгов, формул и систем, которые растаптывают, обманывают и даже убивают, словами, которые спасают (даже если для этого придется рисковать). Такой порыв необходим и сегодня, в нашем перемешанном и шатком мире, где бодрствование, рассудительность и отвага нужны более, чем когда-либо.

Ж. Нива: Спасибо, дорогой Пьер! Приносим слова благодарности нашим переводчикам, мы говорим слишком быстро, я думаю, и им трудно. Раз уж я веду эту дискуссию, должен напомнить о регламенте. Пожалуйста, не берите пример с Пьера Мореля, будьте покороче, говорите, пожалуйста, не больше 15 минут, 12–13–15 минут, иначе просто выйдем за временные рамки, которые нам отведены в этом зале.

³⁸ Там же. С. 609.

Теперь: Пьер Морель ее уже представил, она не любит сидеть по центру, она скромно сидит с правой стороны от меня, это героиня сегодняшнего дня Наталия Дмитриевна Солженицына. Все знают, чем мы ей обязаны. Я бы только заметил, что, по признанию самого Солженицына, его встреча с Наталией Светловой изменила его судьбу. Она тоже говорит, что эта встреча не была случайной. Наталия Дмитриевна, пожалуйста.

Н.Д. Солженицына: Спасибо, Жорж. Госпожа Хосаграхар, господин Кузнецов, дорогой Пьер, дорогой Жорж и все участники сегодняшнего круглого стола. Писательство Солженицына — будь то обдумывание замысла или направленный поиск, изучение материала либо собственно писание и работа над текстом, — писательство не было одним из его занятий, ни даже главным занятием, но образом жизни, формой жизни, самой жизнью. Те 40 лет, что мы прожили не расставаясь, в ежедневном общении, я была свидетелем этой слиянности, своего рода тождественности, порожденной чем-то, что следует, вероятно, назвать призванием. И не будет преувеличением сказать, что Солженицын следовал этому призванию всегда, даже когда у него не было возможности писать, ни бумаги, ни чернил, ни стола, ни простора времени, — и на фронте, и в лагере, и при двойной нагрузке школьного учителя.

Сам он вспоминал, что очень рано услышал этот призыв: «...почему-то, откуда-то, никем не подсказанное, не навешанное, ничем не обоснованное, во мне к девяти годам взросло ясное убеждение, что я должен стать писателем и буду им. Зачем, почему? <...> Сказать что-нибудь важное людям? Но у меня ничего такого не было в душе. Однако сознание возникло — и мне остаётся это удивительным»³⁹.

[Рассказ сопровождается показом слайдов на экране. — *Ред.*]

Вот сохранившиеся образцы его детских опытов: повесть «Разбойный детектив», самодельный журнал «XX век», было выпущено за полтора года 16 выпусков, каждый в объеме школьной тетради. У всех текстов этого журнала один автор, и он же, по совместительству, художник, редактор, корректор и издатель. — А вот уже у семиклассника Сани Солженицына написана комедия, в замыслах роман, а к 16 годам возникает потребность выпускать собрание сочинений, — вот сохранилась одна из тетрадок этого «собрания». Взрослый Солженицын называл свои отроческие опыты «шутейным писательством», был к ним беспощаден, запретил когда бы то ни было их публиковать.

В 1936 году Солженицын поступает на физико-математический факультет Ростовского университета. Сверх предметов, изучаемых на физмате, он посещает курсы переводчиков с английского, курсы латинского языка и за-

думывает роман о русской революции. Сохранилось два блокнота, это один из них, в которых он конспектирует, сидя в читальне, труд по военной кампании 1914 года и даже начинает писать главы самсоновской катастрофы. Студент Солженицын в постоянном напряжении, он не теряет ни часа, ни минуты, над ним витает ранняя смерть отца, ранняя смерть любимого Лермонтова. Вот сохранилась чернильница простого толстого стекла, это о ней он пишет: «В позднее вечернее время, уже одурев от математики, я сажусь посоветоваться со стеклянным кубом моей чернильницы и вытянуть из неё два десятка строк. Я спешу — что-то же оставить после моей может быть краткой жизни»⁴⁰.

В мае 1941-го университет окончен — и тут же начинается война. Но и на войне, будучи командиром звукоразведывательной батареи, пройдя с нею весь путь до Восточной Пруссии, Солженицын умудряется писать во фронтовых затишьях. Он начинает историю своего дивизиона, которую назвал «Шестой курс» (война — «шестой курс» после пяти университетских). Вот это один из немногих сохранившихся листочков «Шестого курса». Но сверх того во всякую свободную минуту, — вспоминал Александр Исаевич, — «всё, что вижу и слышу, — записываю мелким почерком, карандашом (на ходу) в блокноты военного дневника, самодельно изготовленного мне бойцом из нашей звукометрической ленты, другой бумаги не найти... — фронтовые случаи, судьбы, пейзажи, концентраты чьих-то рассказов, сценки, наверняка и зародыши замыслов, пока неясные мне самому, — вот будет главное богатство, какое я вывезу с фронта, если уцелею»⁴¹.

К февралю 1945 года заполнено было пять таких драгоценных блокнотов, но при аресте это главное богатство брошено оперативниками в чемодан, осургучено и доставлено вместе с автором на Лубянку, а там на четвертом месяце следствия, как пишет в «Архипелаге...» Солженицын, блокноты «зашвырнуты в адский зев лубянской печи, брызнули там красной лузгой ещё одного погибшего на Руси романа и чёрными бабочками копоты взлетели из самой верхней трубы». Под эту верхнюю трубу на крышу Лубянки водили арестантов гулять. «О, эта сажа! — пишет Солженицын. — Она всё падала и падала в тот первый послевоенный май... Мой погибший дневник был только минутной струйкой той сажи. <...> Сколько же гинуло в этом здании замыслов и трудов! — целая погибшая культура»⁴². Присудили артиллерийского капитана к восьми годами лагерей, после чего следовала «вечная ссылка». Первый год он провел в исправительно-трудовом лагере, вот фотография того времени, затем попадает на шарашку, где работают

⁴⁰ Личный архив А.И. Солженицына (Троице-Лыково).

⁴¹ Там же.

⁴² *Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. Гл. 3 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 133–134.*

заключенные специалисты и где держат для них неплохую библиотеку. И там Солженицын умудряется сверх 14-часового рабочего дня делать и свою работу. Вот несколько сохранившихся тетрадок, тоже самодельных, в них он конспектирует двухтомную историю философии. В библиотеке обнаружил словарь Даля, великое богатство, которым ошеломлен и упоен. Выписками из словаря Даля он затем занимался 40 лет и в результате издал словарь таких экстрактов, в надежде замедлить иссыхание русского языка. Но не только, на шарашке он начинает и писать. Вот на этих четвертушках начало повести «Люби революцию» и начальные главы «Августа Четырнадцатого», это все на чистом обороте технических бумаг трофейной немецкой фирмы.

С шарашки Солженицына услали в «особый» лагерь, это уже были лагеря каторжные, режим каторжный вернулся в Советский Союз в 1943 году, там не было имен, были только номера, женщины и мужчины содержались отдельно. Вот эти номера, Солженицын вывез их из лагеря, втайне зашив в телогрейку. Но и в лагере, на общих работах, он собирал материал к своему роману о русской революции, задуманному и начатому в 18 лет, а законченному в 60, в Вермонте. «Весь сосредоточенный интерес жизни в лагере был у меня — расспрашивать людей, что-нибудь знающих о революции. И так я всё собирал, не имея никакой возможности записывать... В памяти — без всякой записи... так много укладывается, такой обильный материал»⁴³. В лагере Солженицын научился складывать, составлять, писать в уме, без бумаги, на ходу, в конвоируемой колонне, где угодно, в литейном цехе, в гудящем бараке: «Как солдат засыпает, едва присев на землю, как собаке в мороз вместо печи служит своекожная шерсть, так и я был естественно приспособлен писать всюду»⁴⁴. Эта способность была и спасительной: «Иногда в понуренной колонне, под окрики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху — скорей туда, на объект, где-нибудь в уголке записать. В такие минуты я был и свободен и счастлив»⁴⁵. В помощь запоминанию он изготовил для самопроверки пробковые четки, был у него и блокнотик, куда не писал слов, но цифрами зашифровывал число строк в стихах, главах, сценах. Вот этот блокнотик единственный сохранился, и четки сохранились, это как бы реквизиты его лагерного писательства, мы можем их видеть.

После 8-летнего срока — ссылка. Солженицын живет в Южном Казахстане, в ауле на краю степи, это его хибарка, за которой уже ничего нет, степь. Ему везет, он работает в школе учителем математики и физики, с очень боль-

⁴³ Солженицын А.И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 418.

⁴⁴ Он же. Бодался телёнок с дубом. С. 11.

⁴⁵ Он же. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. С. 92 (Ч. 5, гл. 5).

шой нагрузкой. И тут его настигают метастазы рака, спустя год после лагерьной операции. Он болен, у него две смены школьные в день, и тем не менее он записывает, вынимает из памяти работу пяти лагерных лет, это больше 20 тысяч строк: стихи, поэмы, две пьесы. Он начинает роман «В круге первом», пишет третью пьесу, каждый день утром, уходя в школу, прячет все написанное, потому что к нему в любой момент может прийти комендант, ведь он ссыльный, а не свободный человек. Открыто он держит только «разговоры о русских писателях», «Горе от ума» глазами ээка, это как будто не криминально. Вот эта тетрадь.

Наступает 1956 год, Хрущев освобождает политическую ссылку. Солженицын живет один, отец его погиб до рождения сына, мать умерла в 1944 году, когда он воевал, жена оставила его, пока сидел. Он один, и потому ему легко подняться, он поднимается и едет в среднюю Россию. Мы все помним, как начинается «Матрёнин двор»: по ту сторону Уральского хребта его «никто не ждал и не звал, потому что [он] задержался с возвратом годиков на десять». Вот эта та самая изба Матрены, где он жил, где после школьного рабочего дня «захлёбно» писал «В круге первом», кончал первую редакцию. Спустя год он переезжает в Рязань, и там он тоже школьный учитель, 5 лет преподает физику, там появляется у него пишущая машинка, он кончает «Круг», перепечатывает его и сжигает рукопись, пишет «Ивана Денисовича», пишет «Матрёну», пишет сценарий «Знают истину танки». Вот его собственная перепечатка «В круге первом», без полей, тесно, строчка к строчке, для того чтобы уменьшить объем, — не авторский, а объем в кубических сантиметрах: чем меньше объем, тем легче прятать. И вот так же перепечатана рукопись «Ивана Денисовича», и эта странная машинопись появляется в редакции «Нового мира», и Александр Трифонович Твардовский решает во что бы то ни стало напечатать ее в журнале: «Говорят, убили русскую литературу. Черта с два! Вот она, в этой папке с завязочками»⁴⁶. Фантастический замысел Твардовскому удается, в ноябре 1962 года выходит номер «Нового мира» с рассказом никому не известного автора, рассказом, потрясшим страну и мир.

На Солженицына обрушивается ливень писем со всей России, пишут лагерные сидельцы, пишут жены и дети погибших, предлагают прислать воспоминания, письма, документы, а кто и боится писать: «Приезжай, мы тебе расскажем». Этот поток, этот ливень показал Солженицыну ясно, что, получив все это достояние как бы в наследство, он с ним получил и нравственный долг — написать «Архипелаг ГУЛАГ». Он пишет в эстонском Укрьвище, это хорошо известная история, описанная в том же «ГУЛАГе» и в «Телёнке». Вот эта бесценная рукопись, она сохранилась благодаря эстонским друзьям и вернулась к нам спустя 28 лет.

⁴⁶ Некрасов В.П. Исаичу... // Континент. 1978. № 18. Спец. приложение. С. 4.

Солженицын пишет «Раковый корпус», работает и работает, но не может больше ничего напечатать, уже только самиздат принимает его книги. На Западе в 1968 году выходят «Круг» и «Корпус» и по-русски, и в переводах, а Солженицын уже погружен в свой заветный роман о революции. Проходит 3 года, и в 1971-м публикуется в Париже «Август Четырнадцатого», Первый Узел «Красного Колеса». Александр Исаевич записывает в дневнике: «Удивляются... моей “плодовитости”, и половины её ещё не зная. А очень много... объясняется математической организацией труда — системой разноса, разметки, группировки приходящих фрагментов. Этому всему я научился, кстати, на “Архипелаге” — и никак не думал, что почти в том же виде понадобится и в большом романе. Да, в этом методе есть универсальность: как принимать материал, приходящий без воли автора и состоящий не в воле его. А исторический материал — весь такой»⁴⁷.

Но вот — провал, КГБ хватает «Архипелаг...», Солженицына арестовывают, лишают гражданства и высылают из страны. Первое время на Западе было очень тяжелым. Солженицын страшно тревожится: вдруг от этого слома, перерыва, сотрясения он не сможет больше писать? Тогда жизнь лишается смысла. К счастью, этого не происходит, он погружается в работу и в первый же год изгнания пишет «ленинские» главы будущего романа, издает их отдельной книгой («Ленин в Цюрихе»), кончает и издает «черки литературной жизни» («Бодался телёнок с дубом») и переходит (вперед на многие годы) к работе над исторической эпопеей («Красное Колесо»). Русские эмигранты присылают ему практически все, что издано до сих пор о русской революции, а издано много: кадеты и монархисты, священники и генералы — все писали и разбирались, «кто виноват». Мы живем в глухом, лесном штате, но рядом замечательный Дартмут-колледж, и Солженицын может по межуниверситетскому абонементу получать нужные книги со всего мира, а Гуверовский институт предоставляет ему богатейшую коллекцию прессы того времени, и он имеет возможность прочитать все петербургские газеты, почти все московские и много провинциальных. Газеты дают несравненный материал, гораздо более точный и непредвзятый в сравнении с любыми мемуарами и тем более позднейшими реконструкциями. Солженицын создает картотеку, тогда еще не было компьютеров, это своего рода аналог компьютерных файлов, но все это ручное, и вручную склеенные конверты, в них он вкладывает бесконечные материалы: вот серые — это конверты, посвященные литературным персонажам, вымышленным, а черные конверты — историческим. И масса папочек тематических, больших конвертов и папок, в которых накапливаются всевозможные материалы, выписки мелким почерком, этого много, каждый день

⁴⁷ Солженицын А.И. Дневник Р-17. Запись от 13 ноября 1971 // Архив А.И. Солженицына (Троице-Лыково).

идет работа, и все в семье, даже дети, в той или иной мере участвуют в ней, помогают, и уж во всяком случае никогда не мешают. Таких папочек, конвертов сохранилось около четырех сотен, архив «Красного Колеса» очень велик. Неразгибная работа над романом, сбор материалов и само писание заняли 20 лет. Эта работа все наше время в изгнании была его дыханием, он чувствовал себя — мостом из России дореволюционной в Россию послесловесную, будущую, — мостом, по которому «перетаскивается тяжело груженный обоз Истории, чтобы бесценная поклажа его не пропала для Будущего»⁴⁸. А вся эта уникальная картотека, со всем ее содержимым, — это не просто подсобные заготовки в мастерской писателя, это в некотором смысле — отдельное творение Солженицына. Без такой системной методичности и без математического воспитания ума этой работы он бы, пожалуй, совершить не смог. Он говорил: «Историческая эпопея – это не развлечение пера, она только и имеет вес при сквозной достоверности»⁴⁹. И вот, судя по всему, эта сквозная достоверность ему удалась.

После возвращения в Россию, счастливого для него, счастливого для меня, он еще много писал и много публиковал, он продолжал работать до последнего дня. Работа шла всегда. Вот так выглядит стол в доме, где мы живем под Москвой, он точно таким остался, только пыль я с него стираю, а так лежат те же очки, та же ручка и те же листики бумаги, на которых он писал в последний день его жизни, я только закрываю их, чтобы они не выгорали на свету. Меня часто спрашивают, не трудно ли было с таким человеком жить. Мне не было трудно. Я очень любила его работу, любила работать с ним. Он как-то сказал, что Бог обминул его творческими кризисами, не было у него времени бесплодия и какой-то остановки. То, что мне повезло наблюдать его жизненный полет и быть в какой-то степени ему полезной, было большим счастьем.

Ж. Нива: Спасибо большое, Наталия Дмитриевна! Остается меньше часа. Я вновь играю неблагодарную роль того, что по-французски называется *le fuet*, по-английски *the whip*, а по-русски — *плетка*. Напоминаю тем, кто будет говорить сейчас, что последние будут первыми, и потому прошу сократить свои выступления, чтобы привести их к 10 минутам. Спасибо! Передаю слово Иву Аману, о котором мы уже слышали.

И. Аман: Дорогая Наталия Дмитриевна! Дорогие друзья! «Солженицын: сила художественного слова».

Весной 1973 года Никита Струве попросил меня начать переводить в строжайшей тайне взрывоопасный текст Солженицына, чтобы в некий

⁴⁸ Он же. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С. 154 (Гл. 7).

⁴⁹ Там же. № 12. С. 146 (Гл. 10).

день X, когда писатель примет решение сжечь корабли или, как он скажет позже, положить голову на плаху⁵⁰, этот текст мог быть немедленно опубликован. Я отправился искать материалы о советской системе концентрационных лагерей в Библиотеку международных источников по современной истории в Нантере (B. D. I. C.). В каталоге фонда я обнаружил два полных ящика картотеки по этому запросу (1157 и 1158). Так что мы и без Солженицына могли бы все знать, по крайней мере, многое могли бы знать.

Так почему же «Архипелаг ГУЛАГ» вызвал такой резонанс во Франции? Миллион экземпляров! Почему же более ранние свидетельства остались неуслышанными, были задвинуты подальше и проигнорированы? Например, свидетельство Андре Санторе 1963 года, проведеншей в советских лагерях 17 лет⁵¹. Почему свидетельство Солженицына было неожиданно услышано? Во Франции, именно во Франции, которая имела особое отношение к коммунизму. Франция старшая дочь Церкви... коммунистической церкви, как можно было бы ее назвать.

Не будем сейчас говорить о коммунистической партии, ее деятелях, проводниках коммунистической идеи в политической жизни и общественном мнении Франции после Второй мировой войны. Еще прежде «Архипелага...» были моменты, которые должны были обратить на себя внимание, целая их цепочка: Берлин, XX съезд, Будапешт, процесс Синявского — Даниэля, Прага...

«Архипелаг...» стал шоком для французских левых. Откровением (хотя с этим тезисом не все согласны). Без сомнения, многие знали, *не зная*, не осмеливаясь принять эту действительность, чтобы избежать когнитивного диссонанса. «Архипелаг...» заставил их привести свою систему взглядов в согласие с тем, что они с различной степенью точности знали.

Оставим в стороне тезис американского историка, ученика Пакстона⁵² Майкла Скотта Кристоферсона о том, что французская слепота в отношении советских лагерей до публикации «Архипелага...» и открытие их ужасов после прочтения этой книги были мифом, сфабрикованным интел-

⁵⁰ «Голова на плаху» — таким словосочетанием Солженицын называет написанный, но еще не опубликованный «Архипелаг ГУЛАГ» в мемуарной книге «Бодался телёнок с дубом». См., например, его рассказ о захвате «Архипелага...» КГБ осенью 1973 года: «Провал был как будто бездний, непоправимый: самая опасная и откровенная моя вещь, которая всегда считалась “голова на плаху”, даже если б оглашена по всему миру и тем меня защищала, — теперь была в руках у них, ещё и не двинувшись к печатанью, готова к негласному удушению, вместе со мной» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 339–340).

⁵¹ Воспоминания французенки, жены служащего советского консульства в Париже: *Sentaurens A. Dix-sept ans dans les camps soviétiques*. P.: Gallimard, 1963. — (Collection L'Air du Temps).

⁵² Роберт Пакстон, специалист по истории Второй мировой войны, в частности, автор книг о режиме Виши во Франции.

лектуалами-гошистами в борьбе против коммунистической партии⁵³. Распространению такой концепции много способствовали Андре Глюксманн и Клод Лефор⁵⁴.

Я же, напротив, вспоминаю, как велики были терзания тех, кто верил в коммунистическую утопию. Я был назначен атташе по культуре в СССР уже после появления «Архипелага...» на французском языке, и сколько я выслушал людей из культурной или научной среды, которые за чем-либо приезжали в Москву и по секрету делились со мной мучениями расставания с собственными иллюзиями! Особенно памятен разговор в моей машине с одним известным режиссером у входа в гостиницу «Пекин», который длился до трех часов утра.

Чему же «Архипелаг...» обязан своим авторитетом?

Эта книга не была книгой беженца. Она вышла на русском языке в то время, что Солженицын жил в СССР, публикация повлекла его арест, и мы знаем, что власти колебались между высылкой и заключением. Она была написана человеком, свидетельствующим открыто изнутри, вовлеченным в исключительно драматичную борьбу между Давидом и Голиафом, борьбу тельника, заострившего рога против дуба (как в названии его мемуаров), человека, борющегося голыми руками против левиафана. Одинокого человека, несущего при этом коллективное свидетельство.

Конечно, «Архипелаг...» был встречен как книга свидетельства и сопротивления. Но это не была Черная книга. Это была книга писателя. Ее смысл заложен в подзаголовке: «опыт художественного исследования». Автор — писатель, свидетель и борец. Услышали бы мы свидетеля и борца без писателя?

В этом отношении весьма примечателен опыт Пьера Дэкса. Пьер Дэкс, журналист-коммунист, некогда депортированный в Маутхаузен, не обвинял ли он в 1949-м Давида Руссэ, что тот придумал советские лагеря? (Давид Руссэ, активист-троцкист, разоблачил советские лагеря после того, как разоблачил нацистские, куда он был депортирован, кажется, он уже тогда употребил слово ГУЛАГ⁵⁵). Я цитирую Дэкса:

«Исправительные лагеря Советского Союза есть явление другого рода — полная ликвидация эксплуатации человека человеком. Конечный этап усилий победившего социализма — завершить освобождение людей от эксплуатации»⁵⁶.

⁵³ Взгляды Кристоферсона см. в монографии: *Christofferson M.S. French Intellectuals against the Left: The Antitotalitarian Moment of the 1970s*. N.Y.; Oxford: Berghahn books, 2004.

⁵⁴ См., например: *Lefort C. Un Homme en trop: Essai sur l'Archipel du Goulag de Soljénitsyne*. P.: Le Seuil, 1975.

⁵⁵ *Rousset D. L'Univers concentrationnaire*. P.: Ed. du Pavois, 1946.

⁵⁶ *Daix P. Pourquoi M. David Rousset a-t-il inventé les camps soviétiques?: Une campagne de préparation à la guerre ? // Les Lettres françaises*. P., 1949. Nov. P. 7.

Именно *литературное* качество произведения Солженицына убедило Дэкса в истинности свидетельства. Позже он признался, что нужно было искусство Солженицына, чтобы его глаза на СССР открылись. Начало этому прозрению положил «Один день Ивана Денисовича». Пьер Дэкс говорил, что этот текст его буквально парализовал. Он читал его в том самом номере «Нового мира», где рассказ был напечатан впервые, причем за журнальным столиком в доме Эльзы Триоле. Дэкс читал по-русски бегло, но ему не хватало словаря, он чувствовал ритм фразы, но не всегда мог ее полностью восстановить. Эльза Триоле взялась объяснять: это великая русская проза, как если бы вы открыли случайно попавшую в руки книгу неизвестного автора и обнаружили, что со времен Флобера или Пруста никто не писал так по-французски. Пьер Дэкс пытался возражать: весь мир говорит об этом рассказе как о свидетельстве, даже о репортаже. Нет, — не соглашалась Эльза, — те, кто так говорит, ничего не понимают, они просто некультурные люди.

Я привожу французский пример, но Леона Токер, которая интересовалась рецепцией воспоминаний о ГУЛАГе в других странах, пришла к такому же выводу: произведениям, предшествовавшим «Архипелагу...», не хватало именно литературного качества, чтобы повлиять на умы и пробудить коллективную память⁵⁷.

Кристоферсон писал, что «Архипелаг ГУЛАГ» стал не столько разоблачением, сколько метафорой. Пусть и метафорой тоже — по крайней мере, название книги. Свидетель, борец неотделимы от писателя. Без сомнения, во Франции более, чем в других странах, в контексте политической поляризации, чтобы захватить внимание читателей, свидетеля и борца было бы мало, нужен был писатель.

Сейчас Солженицына нет с нами, и мне кажется, что возвеличивать свидетеля и борца без писателя значит делать из него статую или музей, т.е. лишать жизни. Наталия Дмитриевна недавно сказала, что Солженицын не хотел говорить о музеях: мой музей, говорил он, это мои книги. Необходимо и законно возводить ему памятники и устраивать музеи, но это замораживает его в истории. Только литературное творчество настоящего писателя способно передавать универсальный опыт будущим поколениям. Творчество Солженицына подлинное и динамичное. Оно его даже обгонит, как написала ему однажды Наталья Столярова, одна из «невидимок», тех людей, что помогали ему перепечатывать произведения, прятать их, передавать на Запад. Оно полисемично и не поддается идеологизации. Сегодня наметилась парадоксальная тенденция идеологизировать Солженицына, того, кто так яростно разоблачал идеологию. Некоторые его высказывания будто бы

⁵⁷ См.: *Toker L. Return from the Archipelago: Narratives of Gulag Survivors. Bloomington: Indiana Univ. press, 2000.*

подталкивают к этому. Но они должны честно и тщательно изучаться в их подлинном контексте, а не служить идеологическим нуждам сегодняшнего дня. Такова была Гарвардская речь, за которую Солженицына бранили и на Западе, будто бы он предал Запад, и в России, что он предал Россию.

Готовя этот круглый стол, Жорж Нива предложил мне поработать над следующей темой: «Солженицын: пророк или идеолог?» На этот вопрос — Солженицын: пророк или идеолог? — я ответил бы, усиленно ударяя по клавишам: ПИСАТЕЛЬ.

Вот почему мне бы хотелось, чтобы столетие стало поводом открыть или вновь открыть Солженицына-писателя, писателя во всей мощи своего художественного слова.

Я встречался с ним лишь однажды. И у меня был тот же опыт, что и у отца Александра Меня, когда он увидел Солженицына впервые. По известным ему фотографиям он ожидал приветствовать человека сурового и нелюдимого, а в комнату вошел человек, полный силы и радостный, смеющийся во весь рот. «Он излучал душевную энергию», — говорит Александр Мень.

Я добавлю: ту же самую, что источает его художественное слово.

Ж. Нива: Дорогой Ив, спасибо за то, что Вы сказали, за Вашу экономность в словах. И я благодарю Вас за теплое, живое слово об отце Александре Мене. Передаю слово Людмиле Сараскиной, автору самой полной биографии писателя.

Л.И. Сараскина: Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Мне тоже хотелось бы всех нас поздравить с юбилеем. 100-летний юбилей — это праздник литературы, праздник читателя, праздник писателя, праздник граждан, во всяком случае, России. В праздники не принято говорить о болезненном, тяжелом и злом, но мне выпала такая участь — говорить именно об этом, и я только могу надеяться, что эти реалии не испортят праздника, но оттенят его и придадут ему драматический настрой. Итак, «Враги слева, враги справа: Солженицын перед лицом своих противников».

15 лет назад, в октябре 2003 года, А.И. Солженицын написал статью «Потёмщики света не ищут», где рассказал о старых и новых обличителях, о клеветниках, которые не брезгают никакими подделками, используют фальшивки, разработанные против него в кабинетах КГБ. Но теперь, то есть в 2003 году, вся эта ложь обрела новую жизнь в новых руках.

«Кто прочёл мои книги — всем их совокупным духовным уровнем, тоном и содержанием заранее защищены от прилипания таких клевет»⁵⁸, — полагал Александр Исаевич. Так считал писатель, веривший в силу слова вообще и в силу своего слова в частности.

⁵⁸ Солженицын А.И. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 7 окт.

Но весь вопрос в том и заключался — кто прочел, как прочел, для чего прочел. И конечно, прочел ли вообще. А также в том, что следы злого умысла и ядовитой клеветы неистребимы. Известно из античных времен — можно смело клеветать и кусать, шрам во всяком случае останется. Пушкин это признавал: «Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы»⁵⁹.

Когда я начала собирать материалы о жизни Солженицына, а потом составила Летопись его жизни и творчества, чтобы самой понять его путь в литературу и в литературе, я обнаружила беспрецедентное количество противоречий, несуразицы, нелепостей, которые при ближайшем рассмотрении оказывались грубым враньем, клеветой, нарочитой ложью.

Он об этом прекрасно знал. Поэтому говорил и писал не раз: *на меня врут как на мёртвого*. Это вранье началось почти сразу после появления «Одного дня Ивана Денисовича» в 1962-м, продолжалось до конца его жизни и не умолкает после его ухода.

Линии клеветы, сочиненные полвека назад, сегодня реанимируются, варьируются и подаются в качестве свежей пищи, сенсационных разысканий и находок.

Пригождаются кагэбэшные вбросы 70-х годов:

— Солженицын — еврей, по фамилии *Солженицкер (Солженицер)*;

— Солженицын — злостный антисемит, русский националист и евреев ненавидел, всю жизнь мстил им, потому и написал книгу «Двести лет вместе»;

— Солженицын не воевал, никогда не был на передовой, изменник родины, сдался в немецкий плен и сдал с собой в плен целую батарею, стал немецким полицаем, служил в гестапо (как эта линия согласуется с версией о еврействе Солженицына, на Лубянке не подумали);

— Солженицын попал в «немецкий котел». «А как он из него выбрался и что за этим стоит, никому не известно»⁶⁰, — пишет современный публицист, заместитель главного редактора газеты «Завтра» А.А. Фёфелов, выступая на круглом столе КПРФ в Государственной думе в феврале 2015 года. «Кем на самом деле был Солженицын? Провидцем? Проектом Запада? Правдорубом? Агентом спецслужб?»⁶¹ — размышляли коммунисты, склоняясь, разумеется, к «отрицательным» ответам — правда, эти ответы давно были написаны в кагэбэшных инструкциях 1970-х годов;

— находясь на фронте, нарочно подстроил собственный арест в конце войны;

⁵⁹ Пушкин А.С. <Гости съезжались на дачу> // Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 4. С. 474.

⁶⁰ Карамазова А. В Государственной думе состоялся круглый стол «Солженицын: литература или политика» // [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/history/soviet/139545.html> (дата обращения: 12.02.2018).

⁶¹ Там же.

— так боялся погибнуть на войне, что спровоцировал опасную переписку, чтобы попасть в лагерь, а не быть убитым;

— Солженицын сидел в лагере по уголовному, а не по политическому делу;

— в лагере стал доносчиком и был им весь лагерный срок, стараясь посадить друзей и знакомых;

— выдумал онкологическую болезнь, чтобы украсить свою биографию.

В заголовке моего выступления сказано о врагах слева и справа, о противниках лицом к лицу. «При появлении “Архипелага” (декабрь 1973) травля взметнулась до визгливости. Тогда АПН принялось издавать для зарубежного распространения целые брошюры против меня, торговать тенденциозно отобранными извлечениями из прежних писем к моей бывшей жене Н.А. Решетовской. Её КГБ использовало как свою лучшую и верную помощницу — и с тех пор она неуклонно, настойчиво, на разных уровнях передёргов и лжи — мстила мне, кроме нескончаемых интервью — ещё в шести или даже семи книгах — исторический рекорд для покинутой жены писателя!»⁶²

И снова о ножах в спину: «Решетовская легко бралась истолковывать всю мою жизнь и свидетельствовать даже о моих школьных годах, о которых не знала ничего, даже о моей ссыльной жизни, будто была её соучастницей, а не покинула меня, выйдя замуж, когда я был еще в Особлаге, потом в ссылке, душимый раком»⁶³.

Но были еще и бывшие друзья, кто по школе, кто по университету, кто добровольно, кто по принуждению присоединялся к охоте на опального писателя. А его письмо к съезду писателей — о праве печататься, о свободе слова, об отмене цензуры, в защиту репрессированных писателей — в ЦК назвали *диверсией*.

Михаил Шолохов об этом письме сказал: «Солженицын ударил нас ниже пояса, ну так и мы дадим ему в солнечное сплетение, так, чтобы он не встал»⁶⁴.

Его били, но он всегда вставал. Шолохов писал о нем «наверх» (8 сентября 1967) как о душевнобольном человеке, страдающем манией величия, о человеке, который не выдержал тяжелых испытаний лагерем и свихнулся. «Я не психиатр, и не мое дело определять степень пораженности психики Солженицына. Но если это так, — человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37-го года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям, и молодым особенно. Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек.

⁶² Солженицын А.И. Потёмщики света не ищут.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Русская историческая библиотека. Солженицын, Александр Исаевич – биография и творчество // URL: <http://rushist.com/index.php/russia/3680-solzhenitsyn-aleksandr-isaevich-biografiya-i-tvorchestvo> (дата обращения: 24.02.2018).

И в том и в другом случае Солженицыну не место в рядах ССП. Я безоговорочно за то, чтобы Солженицына из Союза советских писателей исключить»⁶⁵.

Итак, обласканный властью Шолохов настойчиво рекомендовал писательским властям не доверять перо «злобному антисоветскому человеку», а перо это взяло и написало: «В конце концов – ещё бы им меня не ненавидеть! Ведь я — отрицание не только их лжи, но и всей их лукавой прошлой, нынешней и будущей жизни»⁶⁶. И главное: это ведь не их сочинения добровольцы переписывают от руки, перепечатывают на машинке, фотографируют, а наборы отпечатков дарят любимым людям в обувных коробках. Это не о них говорят на партсобраниях и в радиоголосах. Это не они интересуют культурный мир по эту и по ту стороны границы.

Солженицын и сегодня остается самым оклеветанным писателем России. Когда знакомишься ближе с обстоятельствами этой стороны его жизни, порой охватывает оторопь и растерянность — как все это можно было выдерживать, продолжать работать, растить сыновей, надеяться на возвращение домой.

Не буду перечислять все фальшивки и подделки, которые создавались органами госбезопасности. Не стану рассказывать о спецоперации «Паук», которую разработал КГБ, когда Солженицын был выслан (выдворен) из страны: во всех европейских столицах сидели резиденты советской внешней разведки и следили за писателем и его семьей, за их перемещениями, за их почтой, внедрялись в их жизнь, угрожали и порочили. Я обо всем этом написала в книге «Солженицын и медиа», она вышла в 2014 году в Москве.

Сгущение лжи порой было столь плотным, что казалось, просвета никогда не будет. Тем более что ложь шла не только из СССР, она густо лилась также из западных СМИ. Солженицын написал об этом в мемуарах «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов».

С того момента, как в 1973 году в Париже свет увидел «Архипелаг ГУЛАГ», и по сей день именно он стал главной мишенью нападения. КГБ и ЦК КПСС во что бы то ни стало должны были опорочить Солженицына, чтобы тем самым оправдать его высылку из страны в глазах своих и чужих.

Было санкционировано издание книг, в которых Солженицын представлялся в самом искаженном свете. Было рекомендовано принять меры к продвижению таких книг в зарубежные страны через иностранные издательства и фирмы. И надо сказать, что, несмотря на их заказной характер, несмотря на давно разоблаченную ложь этих книг, они до сих пор пользуются спросом, на них ссылаются, их цитируют. И все современные «разоблачители» пользуются подобной литературой как свежим, даже сенсационным материалом.

⁶⁵ Шолохов М.А. Письмо в Секретариат Союза писателей СССР // Шолохов М.А. Письма / РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Гос. Музей-заповедник М.А. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 389–390.

⁶⁶ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 192.

В 1974 году выдающийся мыслитель XX века, русский философ, теоретик европейской культуры и искусства М.М. Бахтин, который писал о Солженицыне «Я представляю его величиной формата Достоевского!», узнав о новом аресте писателя и его принудительной высылке из страны, воскликнул: «Они не простят ему “Архипелаг ГУЛАГ”. Они убьют его»⁶⁷.

1. Итак, корень проблемы вокруг Солженицына сегодня, причина яростных протестов против празднования юбилея, против установки ему памятников в стране — все тот же, что и в 1970-е годы, «Архипелаг ГУЛАГ».

2. Коммунистическая пресса на разные лады кричит:

— Этот архипелаг ГУЛАГ выдуман.

— Эти сталинские репрессии разрекламированы Солженицыным.

— Цифры жертв раздуты.

— Это лагерный фольклор.

— Его ни в коем случае нельзя использовать как исторический источник. Это ненаучная фантастика.

— «Архипелаг ГУЛАГ» развивает у народа комплекс неполноценности.

— «Архипелаг ГУЛАГ» надо закрыть, запретить, иначе год 100-летия Солженицына станет годом его позора.

— ГУЛАГ и его мертвый пророк Солженицын — главные враги России. Вся огромная машина «гулагопроизводства» должна быть задавлена.

Цитирую популярного современного писателя: «“Архипелаг ГУЛАГ” содержит просто колоссальное количество исторических ошибок даже в части статистики! Там с цифрами какой-то полный беспредел, черт знает что!»⁶⁸

Но достаточно открыть всего одну страницу «Архипелага ГУЛАГа», и мы увидим, что Солженицын нигде не пишет от себя, что он точно знает цифру уничтоженных в ГУЛАГе. Он и не мог ее знать, не будучи допущен к архивам. Он ссылается на профессора статистики Курганова и говорит, что речь идет о цифре, которая включает в себя и Гражданскую войну, и голод, и красный террор первых лет советской власти, и коллективизацию со ссылкой крестьян, где погибло четверть высланных. И еще больше десяти миллионов нерожденных.

Сильнейший всплеск недовольства радикальной печати разного толка вызвало включение «Архипелага ГУЛАГа» в школьную программу. Противники такого решения пишут — как под копирку: это таран, направленный на сокрушение страны... Официальный указ о преподавании «Архипелага

⁶⁷ Жуков Н.А. «Они убьют!.. Они непременно убьют его!..»: (Из воспоминаний о М.М. Бахтине 1978 г.) // Диалог, карнавал, хронотоп: ж-л науч. изысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М.М. Бахтина. Витебск: Изд-во Витебского гос. педагогич. ин-та. 1994. № 3. С. 121.

⁶⁸ Прилепин З. «Сталин — это не только наше прошлое. Но упаси Бог, чтобы у нас было такое будущее...» // Комсомольская правда. 2012. 20 авг.

ГУЛАГа» в школе — больше чем преступление. Это ошибка... Нельзя это все нести в юношескую среду...

Но и ультралиберальная часть нашего общества не приемлет наследия Солженицына — он для них слишком русский, слишком патриот, слишком горячо критиковал западные демократии. Он исповедует другие ценности, другие идеалы.

Наше общество по-прежнему опасно расколото.

Осип Мандельштам говорил, что настоящая литература — это *ворованный воздух*. Александр Исаевич смог этот воздух добыть, и мы смогли этим воздухом надыхаться. Сегодня эта книга не «сворована», а законно подарена школьникам и учителям. Задача школы и всех нас — чтобы «Архипелаг ГУЛАГ» остался *воздухом свободы*.

Но на какую почву попадает эта книга? По данным социологических опросов, значительная часть российской молодежи считает сегодня, что Сталин сделал много полезного и что стране нужен именно такой руководитель. «Красная» молодежь мечтает о сильной руке. Целые организации выступают за победу коммунизма во всем мире, опираются на идеологию марксизма и советизма, они же иницируют осквернение памятников Солженицыну-антисталинисту, вешают его чучело на Музее ГУЛАГа. Я читала докторскую монографию, где сказано, что система государственного управления лагерей была правильным и эффективным способом индустриализации страны. Что без рабского труда миллионов заключенных (рабочих, ученых, людей искусства) страна не поднялась бы.

Но неосталинизм и Солженицын несовместимы, компромисса тут быть не может и, по-видимому, никогда не будет. Значит, сохранится к нему прежнее враждебное отношение. Тот же Захар Прилепин пишет: «Когда у нас либералы говорят, что Путин — сталинист, это бред сивой кобылы. Как может быть Путин сталинистом с “Архипелагом ГУЛАГ” в школьной программе и со всеми этими бесконечными сериалами, которые идут по всем центральным каналам?»⁶⁹

Предлагая читать в школе «Архипелаг ГУЛАГ», мы ждем от учителя гражданского отношения к истории, мы влияем на его нравственный выбор, на мировоззренческое состояние нашего общества.

Власть насилия в нашей стране рухнула, потому что не догадалась совсем запретить Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого. Пока микроб свободы остается в нашем сознании, нас нельзя изменить бесповоротно. Школьный «Архипелаг...» добавит молодежи тот градус свободы, тот объем воздуха, на котором страна выстояла и выжила.

Солженицын — свидетель страшных лет России. Он их пропустил через свою жизнь, через свое сердце. Его судьба — это весь XX век. Теперь эта история не исчезнет. Она как красная тряпка перед глазами быка. Те, кто сегодня

кричит: «Не было ГУЛАГа, не было репрессий, в лагерях сидели уголовники», присоединяются к доносчикам, надзирателям, карателям, расстрельщикам. Становятся с ними в один ряд.

Солженицын написал о размахе нечеловеческого зла, но он дал надежду, что это зло не всеильно, что его можно победить, если помнить, что оно имеет инерцию возрождения.

Солженицын родился при Ленине, когда семью его состоятельного деда разорили и пустили по миру. Сталинское время пробовало приручить студента Солженицына, но упорство в познании главной правды неминуемо привело офицера Солженицына за решетки ГУЛАГа. Время Хрущева попыталось было использовать писателя Солженицына в своих политических целях, но быстро опомнилось, разглядев в нем чужака. Время Брежнева его душило, давило и наконец изгнало из страны, продолжая преследовать и за ее пределами. Перестроечный Горбачев так и не осмелился отменить ему расстрельную 64-ю статью об измене родине. Ельцин вернул изгнанника в Россию, но, оглядевшись, лишил его телевизионной трибуны. Пусть, дескать, живет, но молчит. Наше время признало Солженицына великим писателем, наследником Толстого и Достоевского, читает, издает и чествует его.

Для нашей все еще литературоцентричной страны в этом очевидном факте заключена серьезная надежда.

Ж. Нива: Спасибо большое, Людмила Ивановна! Я передаю теперь слово русскому поэту, чья новая книжка только что вышла на французском языке⁷⁰, Юрию Кублановскому.

Ю.М. Кублановский: Тема моего сообщения сформулирована так: «Солженицын и христианство: подвижник Бога?» Я думаю, этот знак вопроса перекочевал из вопроса, который хотел задать наш ведущий Иву Аману: пророк или идеолог? Правда?

Мое сообщение может быть очень коротким, потому что каждый из уже сегодня выступивших затрагивал эту тему. И конечно вырисовывается Солженицын только так — именно как человек, выполняющий свое предназначение. И это не уникально для русской литературы. Я многократно задумывался, откуда в русской литературе это понимание пророческого звучания своего слова. Думаю, это вот откуда. Россия, приняв от Византии православие, не пережила секулярного периода Возрождения. Во многом русское сознание осталось поэтому религиозным. Если французские писатели, разной степени талантливости или гениальности, как Бальзак, Мопассан, Флобер, были профессионалами, их профессионализм зиждился просто на их даре, таланте, порой гении, то русский писатель именно ощущал свою деятель-

⁷⁰ Koublanovski I. Crépuscule d'impressionniste. P.: Le Castor Astral, 2018.

ность, свою работу как Поручение (с большой буквы). Говорил Евгений Баратынский, друг Пушкина: «Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия...»⁷¹ Я очень люблю эти слова. Чье поручение? Конечно не общества, конечно не государства. Поручение свыше. Русский литератор ощущает свое дело как миссию, и это свойство настоящей русской литературы. Да, у нас в России не было трубадуров или миннезингеров, но, может быть, благодаря этому, именно благодаря этому, появился у нас гениальный, первозданный, несравненный Андрей Рублев, а в XIX веке Достоевский, Толстой. Это литература с безусловно очень сильным подспудным религиозным звучанием, и именно этой традиции следовал Александр Исаевич Солженицын. Это было частью его сознания, это было имманентное ощущение, что он предназначен, предопределен для того, чтобы свидетельствовать о той чудовищной трагедии, которая случилась с Россией в прошлом веке. И именно с этим своим заданием свыше Александр Исаевич справился гениально. И можно смело сказать, что он придал смысл всей настоящей русской культуре и литературе второй половины XX века. Писателей хороших было много, но попробуйте на секунду представить это время без Александра Исаевича Солженицына, и наше сознание тотчас сядет на мель. Солженицын сам подарок Бога России. Спасибо!

Ж. Нива: Спасибо поэту! Заключительное слово я передаю Евгению Водолазкину, многие из вас читали его романы, они переведены на французский, в частности «Четыре жизни Арсения».

Е.Г. Водолазкин: Спасибо! Дорогие друзья, я тезисно попытаюсь поделиться некоторыми размышлениями, которые в основном базируются на конкретном, на работе Александра Исаевича 1973 года «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни». Цитирую: «...не избегать рассмотрения общественных явлений в категориях индивидуальной душевной жизни и индивидуальной этики».

Когда я готовился, разговаривал со своими друзьями, они говорили, что странно, это ведь не должно быть тебе близко. Ты всегда говоришь, что ты исповедуешь христианский персонализм, а это вроде общественное понимание этики. И вроде бы действительно это так, на первый взгляд, потому что можно сказать, что субъект этики — это личность, а не народ или государство. То есть можно найти к этому основания. Хотя бы потому, что столько разных векторов движения людей, это броуновское, казалось бы, движение, что в единый вектор обратить ты не можешь всех остальных, а значит, ты отвечать за остальных не можешь. Единственный, за кого ты можешь ответить, это ты сам. И вроде бы это так. Но это и не так.

Дело в том, что персональная работа может давать общественные результаты. И это действительно так. И собственно говоря, во многом это ее цель, цель персональной работы. Святые не были общественными деятелями, не были волонтерами, еще кем-то, но они влияли на общество с огромной силой. Хотя не пытались сделать этого непосредственно. Почему мысль Александра Исаевича о том, что этику можно распространять на общественную жизнь, мне очень близка на самом деле? Да потому, что у него по-другому все выстроено. Не так, как это, вульгаризируя, иногда представляют. У него идет от личности к обществу, а не от общества к личности. И в этом огромная разница. Потому что, когда какая-то идея идет от общества к личности и захватывает человека, это тоталитаризм в общем смысле. Не только в политическом, в мыслительном смысле и так далее. Тоталитаризм — это не только когда дают кого-то, тоталитаризм — это когда все читают «50 оттенков серого» или еще что-то делают совместно. Знаете, я вспоминаю Сергея Сергеевича Аверинцева, который призывал быть очень осторожным в произнесении слов хором. Он говорил, что надо десять раз подумать, прежде чем произносить слова хором, даже если это хорошие слова. Потому что текст может измениться, а привычка говорить хором останется. И в этом состоит опасность. Так вот, хор возможен ли? Да, возможен. Если этот хор не навязан сверху или не навязан искусственно, если это хор свободных людей. Такой хор — это собрание в церкви, например. И Александр Исаевич писал: «...мистически (вот тут мы переходим к вопросу покаяния) спаянная в общности вины нация, направлена и к неизбежности общего раскаяния». Понимаете, если раскаяние становится официозным, телевизионным, это не раскаяние. Раскаяние должно идти из глубин души. И на мой взгляд, об этом как раз говорил Александр Исаевич.

Иногда говорят: ну как вы представляете себе раскаяние? Всем собраться на Красной площади? Нет, всем не нужно собраться на Красной площади. Александр Исаевич говорил, что достаточно, чтобы писатели говорили об этом, и люди в своем сочувствии к этой идее раскаяния войдут с ним в унисон, в резонанс. И это будет движение свободных людей. По поддержке тех вещей, о которых говорит писатель. Но не только писатель. Например, таким был Дмитрий Сергеевич Лихачев, выдающийся ученый, который декларировал те вещи, которые надо было сказать в то время.

Почему так воспринимаются идеи Александра Исаевича? И в частности идея о покаянии? Почему они вызывают такой дикий протест, такую агрессию? О членах левых партий говорить даже нет смысла, это все понятно, это предвидел Солженицын, который писал: «Партии бесчеловечные образования, а нации — живейшие». Партия этимологически — это разделение, и тут удивительного ничего нет. Нет ничего удивительного, если не считать ту ситуацию, когда, убив тысячи священников, сейчас члены левых партий очень спокойно крестятся на телекамеры. О чем речь, если глубинно брать? Пока-

яние — это работа с прошлым, и этого не любят те, кто строит свою идеологию на будущем. С будущим очень просто работать — его нет. Форма работы с будущим — это утопия, которая с греческого переводится «место, которого нет». С таким местом очень просто обходиться. Так вот, покаяние исторично в своей основе. Поэтому Солженицын был великим историком. И действительно, ведь его вещи историчны в своей основе. И это совершенно не случайно. Потому что, собственно говоря, что такое Библия? Библия — это, в одном из важных своих измерений, книга историческая. И покаяние — это история, это понимание истории. В то время как, допустим, такая идея, как коммунизм, — это утопия — то, чего нет. Почему коммунизм так люют — потому что это невозможно воплотить. А когда ты не можешь чего-то воплотить, ты прибегаешь к крайним мерам. Вспомним, что на Соловках висел плакат: «Железной рукой загоним человечество к счастью», потому что, кроме как железной рукой, его туда отправить нельзя. Что здесь существенно, в этих взглядах двух, религиозном и коммунистическом? Это противопоставление метафизического и физического: с одной стороны, — это Царство Божие, где царь Христос, а с другой стороны, речь идет о князе мира сего, и мы понимаем, о ком здесь идет речь.

XX век создал две утопии: коммунизм и глобализм. Что плохого вроде бы? Один хочет, чтоб всем было хорошо, другой хочет, чтоб все соединились. Плохо то, что в этой идее нет Бога, и это очень важный для Солженицына пункт. Самая лучшая идеология, связанная с материализмом, обречена, потому что в ней нет идеи Бога. Коммунизм вроде бы имеет религиозную структуру, там та же иерархия, где вседержитель Ленин, там святые свои и прочее, но это двухмерное пространство вместо трехмерного. Там нет воздуха, нет настоящего Бога. Без идеи Бога всякая идеология антропоцентрична, она вращается вокруг того или иного человека. А значит, разделяющая она, потому что есть хорошие с любой точки зрения, с точки зрения любой идеологии, и есть плохие люди. Значит, есть свои и чужие. Значит, можно одним воевать против других. И только для Бога все свои. Когда богоцентрична идеология, даже не идеология, а взгляды, скажем так, только тогда, собственно, и можно говорить о всеобщем объединении. Но обращение к Богу имеет неперемное условие — покаяние, условие для многих, к сожалению, невыполнимое. Спасибо!

Ж. Нива: Дамы и господа! У нас остается 5 или 10 минут. Можно задать вопрос.

[Из зала:]

Е.Ю. Сидоров, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО: Спасибо, спасибо, господин Нива!

Я хотел бы сказать буквально два слова. Слушая замечательные выступления

сегодня, я еще раз понял, что совершенно необходимо прочитать Солженицына. Сейчас, когда он ушел, мы спорим. «Красное Колесо», например. Подробно, тщательно, надо это *прочесть*. И в связи с этим я вспомнил одну идею, которая там содержится. Одно зернышко политическое, которое чрезвычайно важно для современного момента. Я считаю, чего не хватает России — это здоровья и нормы. Эти как бы абстрактные вещи совершенно необходимы любому живому организму. Так вот, Солженицын пишет в «Красном Колесе» о том, что самый трудный путь — это прочертить какую-то серединную линию общественного развития, где нет краев, где нет крика, невежества, церковного лицемерия, революционных безумств. Вот чего не хватает моей любимой родине и родине всех нас. Остановиться, опомниться, вспомнить, покаяться, когда это необходимо. Вот к чему призывает Солженицын. Он не агитатор, он не борец, он не главарь, он замечательный мыслитель, который печется о нашей стране и который говорит: «Успокойтесь, подумайте и идите серединным (но это не значит, что каким-то компромиссным), точным путем». Вот чем мне дорог Солженицын. Читать надо Солженицына! Спасибо!

Ж. Нива: Спасибо! Мы пришли к очевидному заключению «надо читать Солженицына». Просто обязаны читать Солженицына здесь, во Франции, в России, в англоязычном мире. Я позволил бы себе сказать еще несколько слов, подражая Посланию к Диогенету, сочинению II века, которое мы знаем по адресату, а не по автору, где сказано: «Верующий должен жить в двух государствах: в государстве небесном и в государстве земном». Так что, дорогой Евгений Водолазкин, конечно, вы правы, но Солженицын жил в государстве земном, где совсем не все верят в Бога. Где есть сомнения, где его герой Глеб Нержин окружен справа Сологдиным, а слева марксистом Рубиным. И Рубин, хоть и отказался от части своих убеждений, увидев своими глазами то, что украинцы называют голодомором, но от раскаяния он очень далек. Солженицын призывает нас также сражаться, бороться, засучивать рукава в государстве земном. И я хочу поблагодарить всех участников, думаю, мы совершили довольно интересное путешествие по творчеству Александра Солженицына. Спасибо всем!

А.Д. Шмелев

ГОРДОСТЬ, СТЫД И ПОЗОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА¹

В статье рассматривается история понятий 'гордость', 'стыд' и 'позор' в русской языковой концептуализации мира за последние два столетия и отражение некоторых моментов, связанных с этой историей, в произведениях Александра Солженицына. Делается попытка на материале языковых выражений, связанных с этими понятиями, показать, что языковые изменения, приведшие к существенной перестройке соответствующих фрагментов русской языковой концептуализации мира, находят непосредственное отражение в произведениях Солженицына и иногда оказываются ключевыми для восприятия текста.

Следует сразу сказать, в чем заключалось главное из этих изменений. В традиционной русской языковой концептуализации мира *гордость* понималась как общая жизненная установка, состоящая в чрезмерно, необоснованно высоком мнении о себе самом, часто сочетающемся с презрением по отношению к другим. Это понимание определенным образом соотносилось с христианской этикой, в которой *гордость* считалась первым из смертных грехов и противопоставлялась *смирению*. Соответственно, актуальными были противопоставления *гордый vs. смиренный*, *гордиться vs. смириться*. Постепенно в процессе секуляризации общества, а также в связи с распространением романтических настроений понятие *гордости* стало переосмысляться. *Гордость* стала пониматься как чувство человека, который думает, что с ним связано нечто хорошее, из-за чего другие люди будут думать о нем лучше, а в качестве общей жизненной установки *гордость* стала восприниматься как нечто близкое «чувству собственного достоинства». При понимании гордости как чувства возникает новое противопоставление *гордости* и *стыда*: если *гордость* — это чувство человека, который считает, что с ним связано нечто хорошее, из-за чего другие люди будут думать о нем лучше, то *стыд* — это чувство человека, который считает, что с ним

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 22 февраля 2017 года в ДРЗ.

связано нечто плохое, из-за чего другие люди могут думать о нем хуже. Это новое противопоставление находит отражение в противопоставлении глаголов *гордиться* и *стыдиться*. В некоторых метонимических употреблениях *гордость* противопоставляется *позору* (ср.: *Петя — гордость нашей школы* и *Петя — позор нашей школы*). Это побуждает остановиться и на соотношении *стыда* и *позора* в истории русского языка и в современном языке².

Гордость: «демонская твердыня» или чувство собственного достоинства?

Этические представления, характерные для традиционной русской языковой концептуализации мира, оценивали *гордость* резко отрицательно. Характерны толкования словаря Даля³:

Гордый... надменный, высокомерный, кичливый; надутый, высоконосый, спесивый, зазнающийся; кто ставит себя самого выше прочих. *Гордым быть, глупым слыть. Гордым Бог противится, а смиренному дает благодать. В убогой гордости дьяволу утеха. Во всякой гордости черту много радости.* <...> **Гордиться** чем, быть гордым, кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться; | хвалиться чем, тщеславиться; ставить себе что-либо в заслугу, в преимущество, быть самодовольным. *Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился; а мы гордимся, куда годимся?*

Заметим, что как в предлагаемых синонимических заменах и толкованиях, так и в приводимых примерах отрицательная оценка ясно видна не только у прилагательного *гордый*, но и у глагола *гордиться*. При этом, как видно и из пояснений, и из приведенного примера, для глагола *гордиться* характерно абсолютное употребление (просто *гордиться*, а не *гордиться чем-либо*). В сборнике пословиц, собранных Далем, обнаруживается та же отрицательная оценка гордости, напр.: *Гордый покичился, да и в прах свалился*⁴. В литературе того времени такое восприятие *гордости*, связан-

² В последующем изложении использованы (с определенными уточнениями) некоторые результаты, изложенные в более ранних работах автора: Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Грамматика позора // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 216–234; Шмелев А.Д. Плурализм этических систем в свете языковых данных // Там же. С. 380–389.

³ *Даль В.И.* Толковый словарь. М.: ГИХЛ, 1935. Т. 1. С. 388.

⁴ *Он же.* Пословицы русского народа. М.: ГИХЛ, 1957. С. 729.

ной с тем, что субъект необоснованно считает себя лучше других, вполне обычно; ср.:

Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алеши от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордый и непослушный. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алеша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправиться, то никто тебя любить не будет, и тогда ты, при всей своей учености, будешь самое несчастное дитя!»⁵

Обостренное чувство собственного достоинства также могло восприниматься как проявление отрицательно оцениваемой *гордости*. Не случайно в русской культуре возник стереотип *кичливого ляха* (выражение из стихотворения Пушкина «Клеветникам России»). Дело в том, что в польской культуре чувство собственного достоинства, не позволяющее унижаться и отступать от собственных принципов ради выгоды или избавления от опасностей, ценится чрезвычайно высоко. Для обозначения вытекающей из такой установки готовности к жертвам в польском языке есть специальное слово — *honor*. В русском восприятии поведение, вытекающее из такой установки, очень часто представляло как высокомерие, надменность, отсутствие подлинного смирения. Соответственно, будучи заимствовано в русский язык в виде *гонор*, это слово вошло в ряд таких отрицательно окрашенных слов, как *спесь*, *кичливость*, *самоуверенность*, *самонадеянность*, *само мнение* и т. д. (проявление гонора никак не одобряется). При этом *гонор* часто воспринимался как специфически польское качество, и это подпитывало стереотип *кичливого ляха*, сохранявшийся и в более позднее время. Ср.:

Пан запыхтел от гонора...⁶

Но уже в первой половине XIX века в романтическом дискурсе, а следом и в повседневном употреблении появляются высказывания, в которых *гордость*, напротив того, оценивается скорее положительно. Ср.:

⁵ Погорельский А. Черная курица, или Подземные жители // Погорельский А. Соч. Письма. СПб.: Наука, 2010. Этот и некоторые последующие примеры взяты из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ).

⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 388.

Барабаны и рожки зазвучали зорю. Как невыразимо величественна военная музыка среди битвы! Как гордо и торжественно звучала она в горах Кавказа! Горцы перестали стрелять, — им дивны были русские песни⁷.

Две только драгоценности вынес я из потопа: это гордость души и умиление перед всем, что прекрасно⁸.

...Она опустила голову; казалось, ей тяжело продолжать. Но вдруг она подняла ее, гордую и величественную, и, ясно взглянув на меня, сказала:

— Я сдержала слово!..

Я готов был броситься к ногам этой женщины. Как высока, как сильна, как чудно изящна казалась она мне в эту минуту признания!⁹

«Положительная» окраска *гордости* обычно была обусловлена одним из следующих двух моментов. С одной стороны, *гордость* изначально связана с чувством, которое бывает у человека, когда он сам или близкие ему люди, как ему кажется, сделали что-то очень хорошее (из-за чего другие люди могут думать о нем лучше). Такая *гордость* может быть обоснованной или необоснованной. Именно необоснованная гордость воспринимается как кичливость, надменность, высокомерие, спесь, тогда как обоснованная гордость представляет собою естественное человеческое чувство, в котором трудно видеть что-то плохое. С другой стороны, гордость бывает связана с тем, что человек сознает свою ценность в качестве самостоятельной личности и потому не хочет зависеть от других людей и готов отстаивать свою независимость. Это сходно с установкой, лежащей в основе польского концепта *honor*. Ср.:

Раненный два раза, он отвечал гордо на предложение к сдаче, что честь русского солдата повелевает умереть с оружием в руках¹⁰.

Положительные коннотации *гордости* встречаются и в поэзии того времени. Так, если в 1831 году Пушкин эксплуатирует стереотип *кичливого ляха*, то в 1836 году в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» он уже использует по отношению к полякам перифрастическое обозначение *гордый внук славян* без каких-либо отрицательных коннотаций.

⁷ Бестужев-Марлинский А. А. Письма из Дагестана // Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. С. 116.

⁸ Он же. <Письмо Н.А. и Кс. А. Полевым от 16 декабря 1831> // Там же. С. 507.

⁹ Герцен А.И. Сорока-воровка // Собр. соч.: в 9 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 348.

¹⁰ Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 411.

Еще более заметным оказался сдвиг, связанный с глаголом *гордиться*. Значение ‘быть чрезмерно высокого мнения о себе самом, необоснованно считать себя лучше других’ (т. е. *гордиться* вообще, безотносительно к чему-либо) постепенно сменяется другим — человек *гордится* чем-то, т. е. ‘считает, что с ним связано нечто хорошее, из-за чего другие люди могут думать о нем лучше’. Такая *гордость* может быть естественна и не подлежать этическому осуждению. Ср.:

Он гордился тем, что был братом его, и такая гордость не только простительна, но и естественна и благовидна¹¹.

Возникает новое противопоставление: *гордиться* <чем-то> vs. *стыдиться* <чего-то>:

«Полная биография в нескольких словах, — заметил Блудов, — тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен»¹².

Глагол *гордиться* начинает активно употребляться в первом лице (*горжусь, гордимся*), а также в императиве без отрицания и в сочетании с модальным глаголом во втором лице (*гордись, ты можешь гордиться*).

Разумеется, в качестве реакции на такие употребления актуализуются призывы к смирению, к тому, чтобы *не гордиться*. Приведем два отрывка из стихотворений Алексея Хомякова:

«Гордись! — тебе льстецы сказали. —
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!»
России (1839)

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты...
Раскаявшейся России (1854)¹³

¹¹ *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. М.: Захаров, 2003. С. 232–233.

¹² Там же. С. 125.

¹³ *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 110, 137.

Первый отрывок показывает, что вполне обычным стал призыв *гордись*, причем обращенный к целой стране, однако этот призыв используют «льстецы». Второй отрывок противопоставляет *слепую гордость*, которой человек *упивается*, и *резвенную силу смирения*, вновь актуализуя традиционное противопоставление *гордости* и *смирения*. Это противопоставление заново актуализуется и в знаменитой «пушкинской речи» Достоевского (1880), в его призыве:

Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость¹⁴.

Однако смирение приходится отличать от ложного смирения, которое, как оказывается, вполне совместимо с тем, чтобы декларировать: «Я горжусь...» Об этом свидетельствует отрывок из письма Алексея Толстого Б.М. Маркевичу от 2 января 1870 года, приводимый в переводе с французского, выполненном издателями собрания сочинений А. Толстого (текст, написанный в оригинале по-русски, дается вразрядку):

...я не презираю славян, я к несчастью не имею на то права, но считаю, что им подобало бы больше смирения, только не того смирения, которое мы явили в преизбытке и которое состоит в том, чтобы сложить все десять пальцев на животе и вздыхать, возводя глаза к небу: «Божья Воля! Поделом нам, г...ам, за грехи наши! Несть батогов аще не от Бога!» и т. д., а иного смирения, полезного, которое заключается в признании своего несовершенства, дабы покончить с ним. Это — противоположность тому самоуспокоению, которое говорит: «Я горжусь простором русской земли и широтою русской природы, которая не может и не хочет ничем стесняться! Всякое ограничение противно русской природе (ограничение противно!), нам не нужно ни заборов, ни классов! Гуляй душа! Раззудись плечо!»¹⁵

Мы видим, что ложное смирение и связанное с ним самоуспокоение совсем не препятствуют тому, чтобы *гордиться* и открыто декларировать это. Напротив того, подлинное смирение предполагает признание своего несовершенства и с *гордостью* несовместимо. Характерно также, что в этом отрывке появляется тема *ограничения*, которое «противно» тем, кто *гордится* «широтою русской природы». С этим очевидным образом переключается тема

¹⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя на 1880 год. Август. Глава вторая. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 139.

¹⁵ Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1980. Т. 4. С. 478. Этот отрывок уже цитировался в статье: Шмелев А.Д. Плюрализм этических систем... С. 383.

«самоограничения» (как неперменной составляющей *свободы*), которая впоследствии многократно возникала в публицистике Александра Солженицына (и вошла в качестве составляющей названия одной из самых известных его статей «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни»).

В целом «новое» представление о *гордости*, в соответствии с которым она представляет собою положительное качество, смыкающееся с «чувством собственного достоинства», постепенно становилось преобладающим, хотя продолжались попытки отстоять «старое» понимание. Когда одна писательница в соответствии с «новым» пониманием назвала Чехова *гордым мастером*, он возразил: «Почему вы назвали меня гордым мастером? Горды только индюки»¹⁶. Показательны также воспоминания Наталии Соколовой, дочери известного духовного писателя Николая Евграфовича Пестова. Юную Наташу Пестову (будущую матушку Соколову) родители оберегали от влияния советской идеологии, давая ей читать лишь дореволюционную и переводную литературу. Однако оказалось, что и в дореволюционной литературе содержались чуждые христианству ценности. Вот что об этом пишет сама матушка Соколова в своих воспоминаниях, озаглавленных «Под кровом Всевышнего»: «Находясь в школе в безрелигиозном обществе, начитавшись светской литературы, я нравственно падала. Понятие “гордость” тогда превозносилось, особенно это сквозило в произведениях Лидии Чарской, которыми я увлекалась. Еще не сознавая в этом греха, я душой превозносила над другими детьми»¹⁷. Дело не просто в том, что Лидия Чарская употребляла слово *гордость* в «новом» значении, но скорее в том, что гордость считалась неперменной принадлежностью всякого, обладающего чувством собственного достоинства.

В советское время «новое», положительное понимание *гордости* полностью возобладало. Оно поддерживалось использованием слов со значением ‘гордости’ в «неоромантической» словесности начала XX века, напр. у Максима Горького, цитаты из которого знал каждый советский школьник (*гордо реет Буревестник; гордый Буревестник реет смело и свободно; Человек! Это звучит гордо!* и т. п.). Связь *гордости* и готовности отстаивать свою независимость ярко отражалась в революционной литературе, напр. в словах из песни «Варшавянка» на слова Г. Кржижановского: *Но мы подыдем гордо и смело / Знамя борьбы за рабочее дело... Но сходное словоупотребление стало обычным и для текстов, не имеющих отношения к революционной борьбе (Врагу не сдается наш гордый «Варяг»¹⁸).*

¹⁶ Чуковский К. Люди и книги. М.: Гослитиздат, 1958. С. 459.

¹⁷ Соколова Н.Н. Под кровом Всевышнего. Новосибирск: Правосл. гимназия во имя преп. Сергия Радонежского, 1998. С. 37.

¹⁸ Эта строчка представляет собою перевод с немецкого (*Der stolze Warjag ergibt sich nicht* из песни *Der «Warjag»* на слова австрийского поэта Рудольфа Грейнца). Однако показательны, что и в песне о гибели «Варяга» с оригинальным русским текстом (*Плещут холодные волны...*) также используется эпитет *гордый*, а именно — *Бьется с неравною силою / Гордый красавец «Варяг».*

Характерно, что когда Корней Чуковский упомянул приведенный выше диалог «гордый мастер — горды только индюки» в статье о Чехове, то, поскольку в понимании Чуковского слово *гордый* было окрашено уже почти исключительно положительно, то далее он (возможно, не замечая иронии) вполне сочувственно цитировал высказывание театрального критика Кугеля: «Чехов был человек гордый» — и дополнил его следующим комментарием: «Такой же гордости требовал Чехов от всех»¹⁹.

В этом отношении показательна знаменитая цитата из выступления Алексея Суркова на съезде советских писателей в 1934 году:

Слово это — гуманизм. Рожденное в замечательную эпоху, это слово было запакощено и заслужено тщедушными вырожденцами <...> Они подменили могучее его звучание — человечность — христианским сюсюканьем — человеколюбием <...> У нас по праву входят в широкий поэтический обиход понятия *любовь, радость, гордость*, составляющие содержание *гуманизма*. Но некоторые <...> поэты как-то стороной обходят четвертую сторону гуманизма, выраженную в суровом и прекрасном понятии *ненависть*²⁰.

Почти все, кто комментировал эту поразительную цитату, обращали внимание именно на апологию *ненависти*, тем более что это слово и было выделено в стенограмме. Но для понимания языковой концептуализации мира важнее не столько то, что эксплицитно декларируется, сколько то, что как бы остается за скобками, воспринимается как само собою разумеющееся. То, что *гордость* стала восприниматься как очевидно положительное качество (которое только потому и могло стать одной из составляющих «гуманизма»), стоящее в одном ряду с *любовью* и *радостью*, уже никого не удивило: это соответствовало словоупотреблению большинства носителей русского языка того времени.

Советские штампы (*прекрасные, гордые люди*) выражали именно «новое» представление о гордости. Казалось, что «старое» понимание *гордости* в ее противопоставлении подлинному *смирению* ушло в прошлое. Только в нонконформистском и в эмигрантском словоупотреблении понятию ‘гордость’ могло придаваться «старое» значение. Как писал свящ. Александр Ельчанинов в статье «Демонская твердыня» (само название дает недвусмысленную характеристику *гордости*), «гордый терпит поражение на всех фронтах» (ср. также и другие формулировки о. Александра Ельчанинова: *главные этапы*

¹⁹ Чуковский К. Люди и книги. С. 489; ср.: Шмелев А.Д. Плюрализм этических систем... С. 387.

²⁰ Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. С. 513–514. Репр. изд.: М.: Сов. писатель, 1990.

развития гордости от легкого самодовольства до крайнего душевного омрачения и полной гибели; Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи)²¹. Однако для дискурса советского времени такое понимание совсем не характерно.

Впрочем, секуляризованное понимание *гордости*, нашедшее отражение в «новом» словоупотреблении, никак не может считаться исключительной принадлежностью русского языка советского времени. Английский язык (особенно в американском варианте) пошел в этом отношении еще дальше, так что смысл слов *proud* и *pride* отчасти даже стерся. В связи с этим можно цитировать замечание Веры Белоусовой (из статьи «Lost in translation», опубликованной в журнале «Новый мир»):

...возьмем, к примеру, систему похвал. Во множестве американских фильмов есть какая-нибудь такая сцена: ребенок сообщает кому-нибудь из родителей о хорошей отметке за контрольную. И этот родитель, персонаж, в целом простой как правда, говорит в ответ что-нибудь вроде: «I am so proud of you!» На первый взгляд это значит именно то, что значит, но когда тот же персонаж в русском дубляже говорит: «Я так горжусь тобой!» — это немедленно начинает порождать дополнительные смыслы. То ли родитель оказывается патологически высокопарным, то ли у ребенка были какие-то неслыханные проблемы, о которых нам почему-то не сказали. Между тем ничего этого нет. Эта похвала, по сути дела, гораздо ближе к русскому «умница!», чем к выражению гордости²².

Когда слово *гордость* метонимически указывает на причину чувства, т. е. на то, чем можно *гордиться*, как во фразе *Петя — гордость нашей школы*, для этической оценки не остается места: ясно, что говорящий это не обвиняет в смертном грехе гордости ни Петю, ни школу. Глагол *гордиться* стал почти исключительно употребляться для обозначения чувства, которое может оцениваться положительно, если говорящий считает причину гордости достаточным основанием для возникновения этого чувства (напр., в сочетаниях *по праву гордиться*, *с полным основанием гордиться*, во фразе *вы можете гордиться...*, в форме *гордись* и т. п.). Это употребление проникло и в церковно-проповеднический язык, и, когда Святейший Патриарх Алексий II, обращаясь к родственникам погибших подводников, говорил: «Вы можете

²¹ Ельчанинов А., *свящ.* Демонская твердыня // Ельчанинов А., *свящ.* Записи. Р.: УМСА-Press, 1990. С. 172, 170, 168.

²² Белоусова В. *Lost in translation* // Новый мир. 2001. № 2. С. 147.

ими гордиться», — он, конечно, не призывал слушателей впадать в смертный грех гордости.

Тем самым противопоставление *гордиться vs. стыдиться*, пришедшее на смену противопоставлению *гордиться vs. смириться*, стало общепринятым. И это дало почву для противопоставления *гордости* и *стыда*. Можно в связи с этим цитировать высказывание Наталии Солженицыной в интервью «Ленте.ру» в связи с выходом отдельной книгой двух статей Александра Солженицына: «Размышления над Февральской революцией» (1980–1983) и «Черты двух революций» (1984):

Подлинный патриотизм — это не только любовь и гордость за свою страну, но и стыд в тех случаях, когда страна делает что-то не так²³.

В самом деле, толкования слов *гордость* (в одном из значений) и *стыд* почти симметричны: *гордость* — это 'приятное чувство, вызванное тем, что, по мнению субъекта, он или кто-то, к кому он имеет непосредственное отношение, обладает чем-то очень хорошим или сделал что-то очень хорошее, из-за чего другие люди могут думать о нем лучше', тогда как *стыд* — это 'неприятное чувство, которое испытывает человек, вопреки своей воле попавший или могущий попасть в ситуацию, по его мнению, в каком-то отношении отклоняющуюся от нормы, из-за чего другие люди думают или могут думать о нем хуже'.

Любопытно, кстати, что слово *гордыня*, сохранившее отрицательную окраску в неидеологическом дискурсе, стало использоваться с отрицательной окраской и в языке советской идеологии (в значении 'противопоставление себя коллективу'). Отсюда цитата:

Писательница Вера Панова такими словами определила свое отношение к Пастернаку: «В этой озлобленной душе, которая раскрывалась во всем этом деле, начиная с написания романа и кончая письмом, — нет ни чувства родной почвы, ни чувства товарищества, кроме безмерного эгоизма, неприемлемого в нашей стране, кроме невыносимой гордыни, неприемлемой в коллективистском обществе. Видеть это отторжение от Родины и озлобление даже жутко»²⁴.

²³ «Патриотизм — это не только гордость за свою страну, но и стыд»: Наталия Солженицына о семье, долге и революции / беседовала Н. Кочеткова // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/07/revolution/> (дата обращения: 8.02.2017).

²⁴ <Поликарпов Д. > Записка Отдела культуры ЦК КПСС об итогах обсуждения на собраниях писателей вопроса «О действиях члена Союза писателей СССР Б.Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя» // «А за мною шум погони...»: Борис Пастернак и власть: Документы, 1956–1972. М.: Росспэн, 2001. С. 158. Разумеется, за адекватность передачи слов Веры Пановой может нести ответственность только Отдел культуры ЦК КПСС и его заведующий Д.А. Поликарпов.

Гордость в произведениях Солженицына

Если мы обратимся к произведениям Солженицына, то увидим, что он часто вполне следует «новому», секулярному пониманию *гордости*. В более ранней статье я писал: «В прозе Александра Солженицына слово очень часто аккумулирует в себе память о своем происхождении и месте в истории русского языка, причем вниманию к исторической памяти слова сопутствует в ней чуткость к новейшим языковым изменениям», однако сосредоточился в ней в первую очередь на внимании к исторической памяти слова²⁵. Употребление Солженицыным слов, связанных с понятием ‘гордости’, демонстрирует в первую очередь его чуткость к языковым изменениям и новым тенденциям в словоупотреблении. Эти слова весьма часто используются в произведениях Солженицына (как в художественной прозе, так и в публицистике).

Изредка слова *гордость*, *гордый*, *гордо* используются в соответствии с традиционными народными представлениями. Так, когда Солженицын цитирует пословицу, его отношение к *гордости* ничем не отличается от традиционного:

Нарастает гордость на сердце, как сало на свинье²⁶.

Но, напротив того, *гордость* воспринимается безусловно положительно, когда речь идет о стойкости, смелости и независимости в противостоянии с тоталитарным государством:

О, я кажется уже начинаю любить это своё новое положение, после провала моего архива! Это открытое и гордое противостояние, это признанное право на собственную мысль! (XXVIII, 162; «Бодался телёнок с дубом»).

Но даже и вне противостояния с властью (а просто как характеристика внешнего поведения) слова, соотносимые с *гордостью*, могут использоваться в качестве положительной характеристики:

Она так гордо вскидывала голову со вьющимися каштановыми волосами, избежавшими моды короткой стрижки, так умно смотрела и, примарщивая лоб, суждения высказывала чётко (I, 338; «Молодняк»).

²⁵ Шмелев А.Д. Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: *мир и воля* // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 115.

²⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 155. Далее произведения Солженицына (кроме особо оговариваемых случаев) цит. по этому изд. (2006 – ...); номера томов (римские цифры) и страниц (арабские цифры) даются в тексте в скобках.

Также в положительном смысле употреблено слово *гордый* в словах Сусанны Корзнер из «Октября Шестнадцатого»:

Я не только не угнетена, но я — горда и счастлива, что я — еврейка!
Что я из породы этих талантливых, справедливых, сильных духом
и — храбрых людей. Да, храбрых! (IX, 109).

Тема *гордости* и при описании событий более позднего времени иногда заставляет вспомнить о словоупотреблении начала XX века — напр., как понятие 'гордости' обсуждалось в произведениях Чарской. Так, в романе «В круге первом» Сологдин пытается вызвать Рубина на спор и предлагает ему:

Титл нравственный: о значении гордости в жизни человека!

Ответ вполне закономерен:

Рубин скучающе пожевал:
— Неужели мы гимназистки? (II, 477).

При этом интересно, что Солженицын демонстрирует понимание *гордости* как важнейшей ценности польской культуры, соединенной с готовностью к жертвам. Это особенно ярко отражено в известном эпизоде из «Архипелага ГУЛАГа»:

И тут я понял, что значит польская гордость — и в чем же были их самозабвенные восстания. Тот самый инженер поляк Юрий Венгерский был теперь в нашей бригаде. Он досиживал свой последний десятый год. Даже когда он был прорабом — никто не слышал от него повышенного тона. Всегда он был тих, вежлив, мягок.

А сейчас — исказилось его лицо. С гневом, с презрением, с мукой он откинул голову от этого шествия за милостыней, выпрямился и злым звонким голосом крикнул:

– Бригадир! Не будите меня на ужин! Я не пойду!

Взобрался на верх вагонки, отвернулся к стене и — не встал. Мы ночью пошли есть, а он — не встал! Он не получал посылки, он был одинок, всегда не сыт — и не встал. Видение дымящейся каши не могло заслонить для него — бестелесной Свободы! (VI, 235).

И напрашивающийся вывод, выраженный в риторическом вопросе:

Если бы все мы были так горды и тверды — какой бы тиран удержался? (VI, 236).

И даже для слова *гонор*, которое в результате заимствования приобрело в русском языке отрицательную окраску, Солженицын как бы восстанавливает «исконное» значение, которое слово *honor* имеет в польском языке: в киносценарии «Знают истину танки», когда начинается стрельба по колонне заключенных, один лишь поляк Гавронский не теряет достоинства:

...Гавронский. Вскинутая голова! Грудь, подставленная под расстрел! Гонор — это честь и долг!
С презрительной улыбкой он оглядывает стреляющий конвой...
(XIX, 484)²⁷.

Так понимаемая *гордость* может удерживать от нравственного падения. Солженицын, рассказывая, как «в несколько лет сломали хребет старой русской инженерии, составлявшей славу нашей страны, излюбленным героям Гарина-Михайловского и Замятина», вспоминает:

...тогда люди ещё бывали горды, у многих ещё не было понятия, что нравственность — относительна, имеет лишь узкоклассовый смысл, — и люди смели отказываться от предлагаемой службы, и всех их карали без пощады. Как раз вот за кругом инженеров предложили следить молоденькой Магдалине Эджубовой, а она не только отказалась, но рассказала своему опекуну (за ним же надо было и следить): однако тот всё равно был вскоре взят и на следствии во всем признался. Беременную Эджубову «за разглашение оперативной тайны» арестовали и приговорили к расстрелу (IV, 58; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 1, гл. 2).

Именно *гордость* не позволяет унижаться перед тюремщиками или тем более сотрудничать с ними. В перебранке Сологодина и Рубина в романе «В круге первом» укол Сологодина, упрекающего Рубина в отсутствии *гордости*, оказывается особенно болезненным:

Вот ты не захотел спорить о гордости в жизни человека, а тебе очень бы надо гордости подзанять. Каждый год два раза суешь им просьбы о помиловании...

Ответный укол Рубина тоже может рассматриваться как упрек в отсутствии *гордости*:

²⁷ Ср.: Шмелев А.Д. Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу». М.: Русский путь, 2013. С. 490–491.

— А ты бы не клянчил? У тебя просто нет возможности получить свободу. А то бы на брюхе пополз!
— Никогда! — затрясся Сологдин (II, 507).

Мы знаем, что через очень небольшое время Сологдин идет на сотрудничество с тюремщиками, обещая выполнить для них важную инженерную работу в надежде на то, что это откроет ему путь к освобождению. (Впрочем, в разговоре с Яконовым, когда Сологдин выражает такую готовность, он не теряет чувства собственного достоинства.)

Иногда у Солженицына просвечивает память о связи с революционной этикой, но и тогда *гордость* в целом вызывает симпатию:

Вера Рыбакова, студентка-социал-демократка, на воле *мечтала* о суздальском изоляторе: только там она рассчитывала встретиться со старшими товарищами (на воле их уже не осталось) и там выработать своё мировоззрение. Эсерка Екатерина Олицкая в 1924 году даже считала себя недостойной быть посаженной в тюрьму: ведь её прошли лучшие люди России, а она ещё молода и ещё ничего для России не сделала. <...> Так обе они шли в тюрьму — с гордостью и радостью (IV, 32; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 1, гл. 1).

Верность традициям «революционной гордости» вызывает у Солженицына уважение:

Сам я довольно писал в «Архипелаге», как ещё в 20-е годы отстаивала молодёжь гордые традиции прежних русских политических: при входе тюремного начальства не вставать и др. (XXVIII, 395; «Бодался телёнок с дубом»).

Но, когда «революционная гордость» оказывается ни на чем не основанной и сменяется трусостью и капитулянством, это не вызывает у Солженицына ничего, кроме презрения:

Если подробно рассматривать всю историю посадок и процессов 1936–38 годов, то главное отвращение испытываешь не к Сталину с подручными, но — к униительно-гадким подсудимым, омерзение к душевной низости их после прежней гордости и непримиримости (IV, 127; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 1, гл. 3).

Впрочем, не только «революционная гордость» бывает безосновательной:

Почему нашему гордому интеллектуальному плюрализму с первых же шагов понадобилась ложь?²⁸

Отклонение от того, чего требовала бы предполагаемая и нередко демонстрируемая *гордость*, неизменно вызывает у Солженицына насмешку. Вот описание того, как была сделана попытка передать на Запад «левое» письмо через видного коммунистического литературного критика:

Говорят, Витторио Страда в Москве, на днях уезжает, коммунистический литературный критик, — вот его и попросим. <...>

А на него, видно, *стукнули*, что многое везёт, — и осмелились проверить, да! — где гордость «свободных независимых» коммунистов? — протряхнули и ободрали как последнего буржуазного туриста (XXVIII, 219; «Бодался телёнок с дубом»).

Наряду с этим у Солженицына часто упоминается особый тип *гордости*, к которому он проявляет добродушное сочувствие, — крестьянская гордость результатами своего труда. Это всплывает, когда Солженицын говорит о *гордости* Твардовского:

...он вникал в расчёты и вычеты по своим изданиям, похвалив издание, добавлял «да и деньги немалые», но это было не жадно, а с добродушной гордостью труженика, как крестьянин возвращается с базара... (XXVIII, 100; «Бодался телёнок с дубом»).

И в связи с этим возникает и тема «редакторской» гордости Твардовского за открытых и напечатанных им авторов. Вот из сцены редакционного обсуждения «Одного дня Ивана Денисовича»:

Он неторопливо перебирал те разные примеры из рассказа, мелкие и крупные, что приходили ему на ум, — перебирал с удовольствием, гордостью и радостью даже не открывателя, не покровителя, а творца; он с такой ласковостью и умилением цитировал, будто сам это всё выстрадал и это даже любимая его вещь (XXVIII, 25–26; «Бодался телёнок с дубом»).

Однако *гордость* чужими достижениями чревата самообманом и, что хуже, саморазоблачением. Солженицын в первой камере после ареста, поняв, что его сокамерники ничего не знают «ни о Ялтинской конференции, ни об окружении Восточной Пруссии, ни вообще о нашем наступлении под Вар-

²⁸ Солженицын А.И. Наши плюралисты // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 440.

шавой с середины января, ни даже о декабрьском плачевном отступлении союзников», был готов подробно рассказывать им об этом:

Я готов был полночи теперь им обо всем рассказывать — с гордостью, будто все победы и охваты были делом моих собственных рук (IV, 173; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 1, гл. 5).

Однако он быстро осознал, что его ближайший сокамерник был «наседкой», и воздержался от подробного рассказа.

Тюремный и лагерный опыт подсказывает, что *гордость* часто сопутствует полной моральной деградации:

Воровские и бандитские статьи не только не угнетают блатного, но он гордится ими — и в этой гордости его поддерживают все начальники в голубых погонах или с голубыми окаёмками... (IV, 447; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 2, гл. 1).

На воле причины для *гордости* часто бывают ничуть не более возвышенны. *Гордость* прокурора Макарыгина за зятя, неоднократно получавшего Сталинскую премию, попадает в этот же ряд:

— А зять старший — лауреат трижды?
— Трижды, — с гордостью отозвался прокурор (II, 459; «В круге первом»).

В таких случаях *гордость* оказывается объектом авторской насмешки:

Где это у вас? — тихо спросил он, не выказывая намерения торопиться в карцер, пропахший керосином. — В контрразведке СМЕРШ! — гордо и звончей, чем требовалось, отрубил старшина. (Контрразведчики очень любили это безвкусно-сляпанное — из «смерть шпионам!» — слово. Они находили его пугающим.) (IV, 39; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 1, гл. 1).

От этого мало чем отличается *гордость* Сталина, как она описана в романе «В круге первом»:

А в общем, прошёл замечательный юбилей — такая гордость! такие победы! такой успех, какого не знал ни один политик мира! (II, 110).

И в свете всего этого уже не удивительны декларации бывшего члена объединения «На посту» Шурки Гена из рассказа «Настенька»:

Теперь он признавал, что напостовцы ошиблись, во время партдискуссии став на сторону Троцкого, — но они и признали ошибку, и исправились! И ещё прежде «Шахтинского дела» смело заявили: «Мы гордимся званием литературных чекистов и что враги называют нас доносчиками!» (I, 362).

Когда речь идет о бытовом поведении, *гордость* в манерах иногда описывается с явной симпатией, как у Лели Воздвиженской в рассказе «Молодняк»:

Она так гордо вскидывала голову со вьющимися каштановыми волосами, избежавшими моды короткой стрижки, так умно смотрела и, примарщивая лоб, суждения высказывала чётко (I, 338).

Иногда, впрочем, бытовая *гордость* бывает описана с добродушной иронией, как в поведении Захара из рассказа «Захар-Калита»:

Заметили, что при ходьбе он на одну ногу улегает, спросили — отчего. Он ответил гордо:
— Память фронта! (I, 254).

В некоторых случаях *гордость* представляет собою внешнюю характеристику при олицетворении, как в описании петуха:

Вот тут где-то он расхаживает гордо, бело-оранжевый, со знатным рыцарским красным гребнем.
Беспечально держится.
Нам бы — так (I, 568; «Петушьё пеньё»).

В таких случаях этическая оценка на основе человеческих мерок становится неуместной. И разумеется, не предполагается этическая оценка при метонимическом использовании слова *гордость*:

...ну а гордость-то наша — Дмитрий Дмитрич! (II, 58; «В круге первом»).

Метонимическое употребление иногда сопровождается очевидной иронией, как в реплике Сологодина в разговоре с Еминой в романе «В круге первом»:

Я ношу гордость нашего русского убранства — портянки! (II, 229).

96 В целом *гордость* в произведениях Солженицына часто выступает как внешняя характеристика поведения, за которой не скрывается внутренняя

сила. В ироническом описании поведения девушки-регистраторши в рассказе «Правая кисть» это особенно ясно:

— Ещё чего! Буду я ходить больных собирать! Я не санитарка!
И гордо дрогнула своим носом-туфелькой (I, 156).

«Национальная гордость» нередко оказывается столь же обманчивой:

Таков человек: ничто нас не убедит, что наш голод, нищета, ранние смерти, вырождение детей — что какая-то из этих бед первой нашей национальной гордости!²⁹

В следующей цитате из той же статьи бросается в глаза переключка с приведенным выше замечанием А.К. Толстого (...тому самоуспокоению, которое говорит: «Я горжусь простором русской земли и широтою русской природы...»):

Надо перестать попугайски повторять: «мы гордимся, что мы русские», «мы гордимся своей необъятной родиной», «мы гордимся...»³⁰.

Как и в случае индивидуального поведения, «национальная гордость» может казаться оправданной и вызывать сочувствие — но тем разительнее контраст, когда политика властей оказывается непоследовательной и обнаруживает отклонения от «требований гордости». Вот цитата из «Письма вождям Советского Союза»:

И какая ирония: с 1920 года, полвека, мы гордо (и справедливо) отказывались доверить иностранцам разработку наших природных богатств — и это могло выглядеть обещающими национальными чаяниями. Но мы тянули, тянули, но мы теряли, теряли время, и вдруг именно теперь, когда обнажилось истощение мировых энергетических ресурсов, мы, великая промышленная сверхдержава, подобно последней отсталой стране приглашаем иностранцев разрабатывать наши недра и предлагаем им в расплату забирать бесценное наше сокровище — сибирский природный газ, за что через полпоколения наши дети будут нас проклинять как безответственных мотов³¹.

²⁹ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 539.

³⁰ Там же. С. 543.

³¹ Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза // Там же. С. 165.

Предостерегая против *гордости*, Солженицын часто подчеркивает, что для гордости нет оснований, хотя гордость может быть и «законной» (и здесь мы видим отличие от общих предостережений против гордости как таковой, как «демонской твердыни»):

Надо понять, что после всего того, чем мы заслуженно гордились, наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года (шире: 1915–1932), и с тех пор мы — до жалкости не прежние, и уже нельзя в наших планах на будущее заноситься: как бы восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России³².

Такая «национальная гордость» Солженицыным почти неизменно заключается в кавычки:

Не «гордиться» нам, не протягивать лапы к чужим жизням — а осознать свой народ в провале измощающей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того³³.

И здесь становится актуальным противопоставление *гордости* и *стыда*. Так, инженер-энергетик из романа «В круге первом», свесившись с верхней койки и обращаясь к Рубину, естественным образом использует это противопоставление, употребив глаголы *гордиться* и *стыдиться*, для которых данное противопоставление особенно ярко выражено:

Надо так перестроить совесть человечества, чтобы люди гордились только трудом собственных рук и стыдились быть надсмотрщиками, «руководителями», партийными главарями (II, 401).

Точно так же в «Октябре Шестнадцатого» ответ на вопрос Воротынцева: ...отчего само слово «правые» вы допустили сделать бранью? — генерал Нечволодов говорит, прямо противопоставляя глаголы *стыдиться* и *гордиться*:

А поведём себя так, чтобы не было стыдно. Вот я — нисколько не стыжусь. Я где угодно вслух скажу, что горжусь быть причисленным к чёрной сотне (X, 439).

В связи с этим уместно остановиться на понятии *стыда* и связанном с ним понятии *позора*, как они представлены в русском языке и в произведениях Солженицына.

³² Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? С. 543.

³³ Там же. С. 543–544.

Стыд и позор в русском языке и в произведениях Солженицына

Ситуация, когда с человеком связано нечто, что, по его мнению, отклоняется от нормы, и связанное с этим неприятное ощущение, что из-за этого другие люди думают или могут думать о нем хуже, по-разному концептуализуется в разных языках. В частности, показательно, что концепту, воспринимаемому как единый во многих языках (ср. английское *shame*, французское *honte* и т. д.), в русском языке соответствуют две разные концептуальные конфигурации, представленные фрагментами словообразовательных гнезд с вершинами *стыд* и *позор*.

Разница между *стыдом* и *позором* особенно ярко проявляется в некоторых производных словах, в частности в глаголах *стыдиться* и *(о)позориться*. Глагол *стыдиться* прямо указывает на внутреннее, эмоциональное состояние человека, который ассоциирует себя с чем-то таким, из-за чего другие люди могут думать о нем хуже; глагол *опозориться* представляет собою не прямое описание некоторого события, т. е. дает характеристику объективной ситуации, в которой имеют место своего рода обманутые ожидания, связанные с несоответствием действительных качеств *опозорившегося* человека его претензиям или репутации.

Поэтому мы можем услышать призыв *стыдись*, направленный на то, чтобы вызвать у адресата речи определенное эмоциональное состояние, пробудить у него чувство стыда по поводу какой-то ситуации, которая и так имеет место. Косвенным образом при этом говорящий призывает адресата речи прекратить или изменить ситуацию, по поводу которой делается данный призыв. Но странно звучал бы призыв **(о)позорься*, поскольку в этом случае говорящий призывал бы адресата речи не оправдать каких-то надежд или ожиданий, запятнать свою репутацию.

С другой стороны, желая прекратить или не допустить некоторую *позорную* ситуацию, вполне можно сказать *не позорься!* — призыв при этом непосредственно направлен на саму ситуацию, а в качестве аргумента используется косвенное обозначение этой ситуации при помощи глагола *позориться*. Выражение *не стыдись!* используется противоположным образом — говорящий осуществляет призыв, не стесняясь, произвести действие, о котором идет речь (как лисица, которая в басне Крылова призывала ворону: *Спой, светик, не стыдись*). Иными словами, *не позорься!* означает ‘не делай’, а *не стыдись!* — ‘сделай’.

Стыдиться можно за другого человека, *позорится* человек всегда сам. При этом то, что человек *позорится* (т. е. его репутация оказывается подорванной), может быть результатом его контролируемых поступков, однако само по себе им не контролируется: маловероятно, чтобы человек сознательно решил *опозориться*.

Соответственно различаются и значения невозвратных глаголов *стыдить* и *(о)позорить*. Если *стыдить* — это ‘призывать стыдиться’, то *позорить* — ‘навлекать позор’ (часто своими «позорными» поступками). Иными словами, *стыдить* указывает на речевой акт, посредством которого субъект пытается пробудить у адресата речи соответствующее эмоциональное состояние (обозначаемое глаголом *стыдиться*); поэтому субъект глагола *стыдить* — всегда лицо. Напротив того, глагол *(о)позорить* указывает на сам тот факт, что репутация того, кого *опозорили/позорят*, оказывается подорванной по той или иной причине.

Отмеченные различия обусловлены коренными различиями *стыда* и *позора*. *Стыд* представляет собою непосредственное чувство по поводу предосудительной ситуации, в которую оказался вовлечен человек, а также врожденную способность испытывать такое чувство. Способность испытывать *стыд* чем-то родственно *совести* (отсюда распространенное выражение *ни стыда ни совести*). Не случайно именно *стыд* (наряду с *жалостью* и *благоговением*) считал одной из первичных основ нравственной жизни Владимир Соловьев³⁴. При этом, как известно, из трех первичных основ нравственности только *стыд* он считал исключительной принадлежностью человека и называл его «корнем собственно человеческой нравственности»³⁵. *Стыд* даже может повелевать человеку (как царевне из стихотворения Алексея Толстого «Поток-богатырь», которая заявила: *Кабы только не этот мой девичий стыд, / Что иногo словца мне сказать не велит, / Я тебя, прощельгу, нахала, / И не так бы еще обругала!*³⁶) и, как и всякая подлинная ценность, может профанироваться (ср. название брошюры Лидии Чарской «Профанация стыда»).

Стыд как этическая способность человека сближается с *честью*, как в характерном сочетании *стыд и честь* в «Полтаве»: *И вскоре слуха Кочубея / Коснулась роковая весть: / Она забыла стыд и честь, / Она в объятиях злодея!*³⁷ (и здесь *стыд* прямо противостоит *позору*: именно в том, что Мария забыла *стыд*, и состоит *позор*). Характерно лексическое варьирование русских пословиц и поговорок: *Пора и честь знать — Пора и стыд знать; За честь голова погибает — За стыд голова погибает*³⁸.

Стыд непосредственно связан с представлением о «должном»; отсюда соединение в слове *стыд*, и его производных представления об актуально переживаемом эмоциональном состоянии и представления об общезначи-

³⁴ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 119–132.

³⁵ Там же. С. 131.

³⁶ Толстой А.К. Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб.: Академический проект, 2004. С. 212.

³⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4. С. 183.

³⁸ Даль В.И. Пословицы русского народа. С. 306.

мой этической норме. Соответственно, слово *стыдно* употребляется в двух режимах. С одной стороны, оно может указывать на актуальную эмоцию (кому-то *стало стыдно*); с другой, давать этическую оценку какому-либо поступку (*Стыдно так поступать*). В первом случае можно говорить об эмоциональном *стыдно*; во втором — о деонтическом *стыдно*. Между этими двумя режимами можно установить очевидную связь: *Стыдно так поступать* указывает на то, что человеку, который так поступает, должно быть *стыдно*. Отметим, что в обоих случаях *стыдно* используется как предикатив; наречные употребления для *стыдно* не характерны.

Остановимся чуть подробнее на деонтическом *стыдно*, поскольку данное употребление в современном узусе воспринимается как устаревающее. Когда Андрей Петрович Гринев писал Савельичу: «Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах», — он, конечно, не имел в виду сообщить Савельичу о том, какие чувства тот испытывает, претендуя на то, что знает это лучше, чем сам Савельич. Цель состояла в том, чтобы сделать Савельичу выговор, указав на этическую неприемлемость его поведения — неисправность в исполнении господской воли (вспомним, что далее Андрей Петрович писал: «Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку»³⁹). Точно так же в басне Крылова «Булат» рассказывается, как острый клинок булатной сабли был отнесен вместе с хламом на рынок и там продан некоему мужику, который стал использовать клинок для того, чтобы драть лыки, щепать лучины, обрубать сучья, так что не прошло и году, как клинок заржавел, покрылся зубцами и был брошен под лавку. В ответ на упреки ежа клинок заметил:

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен!..

Ясно, что клинок не утверждал, будто мужик испытывает чувство стыда, а давал этическую оценку его действиям⁴⁰.

³⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 292.

⁴⁰ Эту басню вспоминает в процессе ночных размышлений герой романа «В круге первом» Лев Рубин (II, 519); ср.: Крылов И.А. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1956. Т. 1. С. 193. Подчеркнем, что в выражении *как не стыдно* мы имеем дело не с деонтическим, а с эмоциональным *стыдно*: посредством таких высказываний говорящий *стыдит* адресата речи, пытаясь оказать на него моральное воздействие (*пристыдить* его), рассчитывая на то, что ему станет *стыдно* и он перестанет совершать *постыдные* действия. Ср.: *Эти девушки принялись стыдить конвой: «Как не стыдно вам так везти? Ведь это же ваши матери!»* (IV, 439; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 2, гл. 1; выделено полужирным мной. — А.Ш.).

Слова, связанные с *позором*, относятся к ситуации, которую говорящий интерпретирует следующим образом: действия некоторого субъекта свидетельствуют, что его претензии не соответствуют его действительным качествам, и это подрывает его репутацию в глазах других. *Позор* бывает связан с несоответствием между амбициями субъекта и ставшими известными публике его действительными качествами.

Поэтому можно *клеймить* <кого-то> *позором*, но нельзя **клеймить стыдом*. Когда кого-то *клеят позором*, используют конструкцию *позор <такому-то>*; слово *стыд* в такой конструкции не используется (точнее используется только в сочетании *стыд и позор <такому-то>*⁴¹). Чтобы *клеймить позором*, нужна публичность; *пристыдить* кого-то можно и наедине, поскольку *пристыдить* — значит взывать к совести человека.

Если *стыд*, как внутреннее чувство, противоположен *гордости*, то внешний *позор* может быть с *гордостью* совместим. Ср. фразу о Распутине, произносимую в «Октябре Шестнадцатого»:

...Он так подчиняет, что женщины даже гордятся своим позором, не скрывают (IX, 148).

Прилагательное *позорный* чаще всего сочетается с существительными, обозначающими или характеризующими какое-либо «бесславное» действие или ситуацию, участники которой оказались не на высоте. Часто лишь контекст или общие знания коммуникантов позволяют установить, чем именно ситуация оказалась *позорной*. Когда в «Раковом корпусе» доктор Донцова говорит Костоглотову: «Вы мне сегодня на обходе <...> устроили позорную сцену» (III, 71), — она исходит из того, что он прекрасно помнит, в чем состояла «сцена», и поймет, почему она называет ее *позорной*.

Слово *позорно*, как правило, используется в функции обстоятельства «образа действия» (напр., *позорно выступил, позорно провалился*). Употребления, в которых *позорно* используется в качестве предикатива со значением этической оценки, обычно ощущаются устаревшими или стилизованными. Лишь привычность известных строк Пастернака *Позорно, ничего не знача, / Быть притчей на устах у всех*⁴² мешает осознать, что они для современного языка находятся на грани, если не за гранью нормы. Для обозначения чувства *стыда* предикативное *позорно* вообще не употребляется. Поэтому anomalно: **Мне позорно*; **позорно перед ним*.

⁴¹ Ср. стихотворение под названием «Стыд и позор»: «Стыд и позор Пустякову Василию: / Он нацарапал на парте фамилию» (Маршак С.Я. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1968. Т. 1. 276).

⁴² Пастернак Б. «Быть знаменитым не красиво...» // Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2004. Т. 2. С. 149.

Если мы обратимся к использованию этих слов в произведениях Солженицына, то первое впечатление будет состоять в том, что они используются в почти точном соответствии с их статусом в современном языке; существен, однако, художественный или публицистический смысл их появления.

Так, часто встречается эмоциональное *стыдно*. Это может быть ощущение *стыда*, которое испытывает тот или иной персонаж. Среди них выделяются совестливые люди, особенно склонные к такому чувству (при этом причины для *стыда* могут быть самые разные). В частности, чувство *стыда* характерно для лейтенанта Зотова из рассказа «Случай на станции Кочетовка». Так, он говорит военному диспетчеру Вале Подшебякиной:

Не время сейчас, Валечка, на мягком нежиться. А мне — тем более. И так стыдно, что не на фронте.

Характерно и возражение Подшебякиной:

Так что ж вы? дела не делаете? Чего тут стыдного! (I, 174).

Ср. также:

Окруженцы, когда их много вместе, — страшный, лихой народ. Они не часть, у них нет оружия, но чувствуют они себя вчерашней армией, это те самые ребята, которые в июле стояли где-нибудь под Бобруйском, или в августе под Киевом, или в сентябре под Орлом. Зотов робел перед ними... Он стыдился за своё положение тылового коменданта (I, 170).

Вспоминая некоторый неудобный эпизод, Зотов думает, отвлекаясь от мыслей о работе:

Но вот, видно, разнеслась сплетня по Кочетовке. Неужели до Полины дойдёт? Стыдно... (I, 179).

Здесь уже имеет место не просто абстрактное чувство *стыда*, а *стыд* перед конкретным человеком (Полина — «чернявенькая стриженная киевляночка с матовым лицом» (I, 176), работала на почте, куда, если выдавалось время, Зотов ходил читать свежие газеты).

В рассказе «Для пользы дела» чувство *стыда* испытывает директор техникума Фёдор Михеевич, также человек совестливый. Этот *стыд* он испытал перед всеми, кому он обещал переезд в новое здание, когда выяснилось, что переезд не состоится:

Фёдору Михеевичу было так стыдно сейчас — стыдно перед студентами, перед преподавателями, перед всеми, кого он призывал строить, уверенно обещая им переезд; и было у него так разрушено сейчас всё, что он месяцами и даже годами со своими помощниками обсуждал над планом здания, — что ему легче теперь было бы, кажется, сменить свою собственную квартиру на худшую, только б новое здание отдали техникуму (I, 226–227).

Упоминает Солженицын и стыд за других людей, напр.:

Подымаясь от общей согнутости, Шафаревич вступил и в сахаровский «комитет прав»: не потому, что надеялся на его эффективность, но стыдясь, что никто больше не вступает... (XXVIII, 386; «Бодался телёнок с дубом»).

С иронией описывает Солженицын свою реакцию на отказ Пастернака поехать за границу за получением Нобелевской премии (*стыд* за Пастернака) и новое понимание, пришедшее, когда Нобелевская премия была присуждена ему самому («Бодался теленок с дубом»):

Ясно, что поездка его — не на три дня. Ясно, что назад его не пустят, да ведь он тем временем весь мир изменит, и нас изменит — и воротится, но триумфатором!

После лагерной выучки я, искренно, ожидать был не способен, чтобы Пастернак избрал иной образ действий, имел цель иную. Я мерил его своими целями, своими мерками — и корчился от стыда за него как за себя: как же можно было испугаться какой-то газетной брани, как же можно было ослабеть перед угрозой высылки, и униженно просить правительство, и бормотать о своих «ошибках и заблуждениях», «собственной вине», вложенной в роман, — от собственных мыслей, от своего духа отречься — только, чтоб не выслали??

Я вот как сделать уже хотел: записать нобелевскую лекцию на магнитофон, туда послать ленту, и пусть в Стокгольме её слушают. А я — здесь. Это — сильно! Это — сильнее всего!

Но в напряжённые эти полтора месяца (тут наложилось семейного много) я уже не в состоянии был составить лекцию.

А в Саратове или в Иркутске будущий, следующий наш лауреат корчится от стыда за этого Солженицына: почему ж не мычит, не телится? почему не едет *трахнуть речугу?*

Наши очень ждали моего отъезда, подстерегали его! Как раз бы и был он в согласии с правилами поддавков: я как будто пересекал всю

доску, бил проходом несколько шашек — но на том-то и проигрывал!
(XXVIII, 287, 298).

Иногда *стыд* регулирует поведение персонажа, не дает ему что-то совершить. В «Архипелаге ГУЛАГ» заключенные рассказывают друг другу о пересыльных тюрьмах, и объясняется, почему автор не включился в обсуждение:

Хочется и мне вмешаться, рассказать о Красной Пресне в августе 45-го, в лето Победы, да стесняюсь: у нас всё же на ночь ноги как-то вытягивали, и клопы были умеренные, а всю ночь при ярких лампах нас, от жары голых и потных, мухи кусали — да ведь это не в счет, и хвастаться стыдно (IV, 471; «Архипелаг ГУЛАГ». Ч. 2, гл. 2).

Именно так в романе «В круге первом» Даша в беседе с подругами по комнате в общежитии объясняет поведение отсутствующей Нади:

— Да неужели не ясно? — вскрикнула Даша, вовсе откладывая шитьё.
Нет, им не было ясно.
— Он жив, но бросил её! И ей стыдно в этом признаться! И придумала — «без вести» (II, 354).

Как способ *пристыдить* собеседника может использоваться оборот *как не стыдно*. Лейтенант Зотов говорит Вале Подшебякиной, пропустившей ноль в условном цифровом обозначении эшелона:

Ты ж десятилетку кончила, как тебе не стыдно? (I, 173; «Случай на станции Кочетовка»).

В публицистике Солженицына, наряду с оборотом *как не стыдно*, иногда говорится просто *не стыдно* (смысл в обоих случаях — должно бы быть стыдно):

Но более всего характеризуется интеллект центральной образованщины её жадной наград, премий и званий, несравненных с теми, что дают рабочему классу и провинциальной образованщине, — и суммы премий выше и какая звучность: «народный художник (артист и т. д.)... заслуженный деятель... лауреат...»! Для всего того не стыдно вытянуться в струнчайшую безукоризненность, прервать все порицательные знакомства, выполнять все пожелания начальства, осудить письменно или с трибуны, или неподанием руки любого коллегу по указанию парткома⁴³.

⁴³ Солженицын А.И. Образованщина // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 103.

«Только тогда у них открылись глаза на колоссальные преступления прошлого» (Синявский). И как не стыдно такое печатать? Кому «открыл глаза XX съезд» — вот это и есть р а б ы: о миллионных преступлениях им должны открыть сами палачи, иначе они не догадываются⁴⁴.

Однако чаще всего слова, связанные со стыдом, используются для характеристики персонажа или общественной обстановки. Узнавая, чего персонаж *стыдится* или, наоборот, о чем говорит или думает *не стыдно*, мы проникаем в сущность его характера; для общественной обстановки важно, что считается *стыдным*. Так, мысли Сталина в романе «В круге первом» передаются так:

Уж о НЭПе совсем не говори, это хитрей всего, таким манёврам и поучиться не стыдно.

А однажды получил Сталин суровый урок, что не все средства в борьбе хороши, что есть запретные приёмы: вместе с Зиновьевым они пожаловались в Политбюро на самоуправные расстрелы Троцкого. И тогда Ленин взял несколько чистых бланков, по низам расписался «одобряю и впредь!» — и тут же при них Троцкому передал для заполнения.

Наука! Стыдно! На *что* жаловался?! Нельзя даже в самой напряжённой борьбе апеллировать к благодущию. Прав был Ленин, и в виде исключения также и Троцкий прав: если без суда не расстреливать — вообще ничего невозможно сделать в истории (II, 122, 124).

Жуков пишет мемуары (рассказ «На краях»):

...написать своей рукой в воспоминаниях, что за все свои мировые победы четырежды Герой Советского Союза — единственный такой в стране! — был сброшен в командующего военным округом, — перо не берёт, перед историей стыдно, об этом надо как-то промолчать (I, 324).

В «Архипелаге ГУЛАГе»:

В протоколе писалось «двести метров пошивочного материала». Все-таки стыдно было писать «катушка ниток» (IV, 94; Ч. 1, гл. 2).

За попытку же воздействия на умы приговор: газету, издаваемую с 1864 года, перенесшую все немыслимые реакции — Делянова, По-

бедоносцева, Столыпина, Кассо и кого там ещё, — ныне *закрывать навсегда!* <...> А редактору Егорову... стыдно сказать, как в какой-то Греции... три месяца одиночки. (Не так стыдно, если подумать: ведь это только 18-й год! ведь если выживет старик — опять же посадят, и сколько раз ещё посадят!) (IV, 287; Ч. 1, гл. 8).

Он заранее готовился к этапу еще в тюрьме, и люди по вагонам рассованы не как-нибудь, а по спискам с его визой. Это он утверждает старосту каждого вагона и в каждый вагон обучил и посадил стукача. На долгих остановках он находит повод вызвать из вагона одного и другого, выпрашивает, о чём там в вагоне говорят. Уж такому оперу стыдно окончить путь без готовых результатов — и вот в пути он закручивает кому-нибудь следствие, смотришь — к месту назначения арестанту намотан и новый срок (IV, 500; Ч. 2, гл. 3).

Интересно, что у Солженицына обнаруживаются употребления, для которых не вполне ясно, имеется ли в виду эмоциональное или деонтическое *стыдно*, точнее — имеет место диффузное понимание. В романе «В круге первом» о младшем лейтенанте Наделашине говорится:

Он обшивал ребятишек, шил платья жене и костюмы себе. Только скрывал это.
Военнослужащему — считалось стыдно (II, 196).

С одной стороны, конструкция наводит на мысль о деонтическом *стыдно*. Об этом говорит слово *считалось*, указывающее на некое общее правило, а не на эмоцию, которую испытывал Наделашин. С другой стороны, было бы преувеличением сказать, что речь идет об особой этической норме для военнослужащих. Сам Наделашин ощущал свою портновскую работу как *стыдную* для военнослужащего и поэтому и считал необходимым ее скрывать: если бы сослуживцы об этом узнали, ему стало бы *стыдно* перед ними уже в смысле испытываемой эмоции.

Еще более заметна «диффузность» в знаменитом эпизоде августа 1968-го:

Эти дни — 21, 22 августа, были для меня ключевые. Нет, не будем прятаться за фатум: главные направления своей жизни всё-таки выбираем мы сами. Свою судьбу я снова сам выбирал в эти дни. Сердце хотело одного — написать коротко, видоизменить Герцена: *стыдно быть советским!* В этих трёх словах — весь вывод из Чехословакии, да вывод из наших всех пятидесяти лет! Бумага сразу сложилась. Подошвы горели — бежать, ехать. И уже машину я заводил (ручкой).

Я так думал: разные знаменитости, вроде академика Капицы, вроде Шостаковича, ищут со мною встреч, приглашают к себе, ухаживают за мной, но мне даже и не почётна, а тошна эта салонная лескотня — неглубокая, ни к чему не ведущая, пустой перевод времени. А ну-ка, на машине быстро их объеду — ещё Леонтовича, а тот с Сахаровым близок (я с Сахаровым ещё не был знаком в те дни), ещё Ростроповича (он в прошлом году в Рязани вихрем налетел на меня, знакомясь, а со второго свидания звал к себе жить), да и к Твардовскому же, наконец, — и перед каждым положу свой трёхфразовый текст, свой трёхсловный вывод: *стыдно быть советским!* И — вот выбор вашей жизни — подписываете или нет?

А ну-ка, за семью такими подписями — да двинуть в Самиздат! (XXVIII, 226–227; «Бодался телёнок с дубом»).

Инфинитивная конструкция в отсутствии указания на то, кому *стыдно*, наводит на мысль о деонтическом *стыдно* (*Стыдно так поступать*); смысл, как всегда при деонтическом *стыдно*, — ‘должно быть стыдно’. Однако *быть советским* не поступок, это не контролируемый предикат, так что речь скорее идет не об этической оценке контролируемого поступка, а о «должном» чувстве стыда.

При помощи слова *позорный* Солженицын часто дает этическую оценку, выражая свое негодование или презрение. Напр., в «Архипелаге ГУЛАГе»:

Материал для этой книги также представили тридцать шесть советских писателей во главе с Максимом Горьким — авторы позорной книги о Беломорканале, впервые в русской литературе восславившей рабский труд (IV, 13).

Почти неизменно слово *позорный* в «Архипелаге ГУЛАГе» используется, когда речь идет о военных поражениях в первый год советско-германской войны:

Пятый пункт: склонение иностранного государства к объявлению войны СССР.

Упущенный случай: распространить этот пункт на Сталина и его дипломатическое и военное окружение в 1940–41 годах. Их слепота и безумие к тому и вели. Кто ж, как не они, ввергли Россию в позорные невиданные поражения, несравненные с поражениями царской России в 1904 или 1915 году? поражения, каких Россия не знала с XIII века? (IV, 72–73; Ч. 1, гл. 2).

«России гордые сыны», они нужны были ей, пока ложились под танки, пока еще можно было поднять их в атаку. А взяться кормить их

в плену? Лишние едоки. И лишние свидетели позорных поражений (IV, 217; Ч. 1, гл. 6).

Однако в ком-то же и занял позорный Сорок Первый год, ошеломляющее поражение после многолетнего хвастовства; и кто-то же счёл первым виновником вот этих нечеловеческих лагерей — Сталина (IV, 242; Ч. 1, гл. 6).

Но можно отметить, что Солженицын и в художественной прозе, и в публицистике охотно использует несколько устаревшее предикативное *позорно*:

Она воровато оглянулась вправо, влево — никого на бульваре не было, только далеко чья-то спина. Очень это было неприлично, позорно, но...

Газета держалась на трёх верхних кнопках (I, 261; «Как жаль»).

Да, больно и позорно вспомнить указы времен Александра II (1863, 1876) о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе, — но это не продержалось долго, и это было из тех умопомрачных окостенений и в управительной, и в церковной политике, которые подготовляли падение российского государственного строя⁴⁵.

Слово *позор* тоже характерно для произведений Солженицына, и, что особенно интересно, оно иногда используется в значении, близком слову *стыд*:

А. Т. настаивал непременно это слово убрать, ибо их действия не могут быть «незаконными». Я вяло сопротивлялся. (На следующий день в Москве он ещё по телефону отдельно проверял — заменил ли я слово. К позору своему я уступил, переправил холуйским словом «незаслуженное». В затемнённый ум не входило более подходящее с теми же начальным буквами, чтоб исправлять меньше.) (XXVIII, 128; «Бодался телёнок с дубом»).

Обычно говорят *к стыду своему*. Однако выбор слова *позор* очевидно не случаен. Оно подчеркивает, что дело не в эмоциях, а в общественном звучании.

Особенно обращает на себя внимание выбор слова *позор* в стихотворении в прозе (из «Крохоток»), которое так и называется — «Позор». Оно начинается:

Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину.

⁴⁵ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Т. 1. С. 544–545.

Вообще говоря, сочетание *испытывать позор* находится за пределами современного литературного стандарта. Глагол *испытывать* сочетается с обозначениями внутренних чувств, а слово *позор*, как мы уже выяснили, указывает в первую очередь на внешнюю ситуацию. Еще более важно, что можно *стыдиться* за кого-то другого, а *позорится* человек всегда сам — невозможен *позор* за кого-то или что-то. Однако выбор слова *позор* не случаен и здесь. Чувство подается как неразрывно связанное с тем, как родину видит остальной мир. Так, собственно, и говорится:

В каких заносчивых, или коварных, или стёртых лицах видится Она миру.

И заключительный абзац показывает, что *позор* здесь не субъективное чувство, а объективная данность, которая проникает внутрь и которую человек начинает испытывать как внутреннее чувство:

Но Позор висит и висит над нами, как жёлто-розовое отравленное облако газа, — и выедаёт наши лёгкие. И даже сдув его прочь — уже никогда не уберём его из нашей истории (I, 563).

Заключительное замечание

Как и во многих других случаях, выбор слов в произведениях Солженицына бросает вызов переводчикам. Казалось бы, все названные слова имеют более или менее точные эквиваленты, по крайней мере, в основных европейских языках. Однако прямолинейный перевод с использованием словарных эквивалентов может привести к потере нюансов, которые оказываются ключевыми для передаваемого смысла.

Поэтому не лишней представляется инвентаризация всех случаев употребления рассмотренных слов у Солженицына, детальный анализ их семантики и их роли в соответствующем тексте на фоне общезыковых норм. Разумеется, такое рассмотрение не сделает работу переводчиков тривиальной, однако в определенных случаях позволит осуществлять выбор переводного эквивалента более сознательно.

Т.Е. Фейгина

ГРАФИКА В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»¹

Текст романа А.И. Солженицына «В круге первом» имеет долгую, непростую и даже драматическую историю создания. Тайное писательство, начатое еще в ссылке, выдвигало особые требования к тексту: «важней всего был о б ъ ё м вещи, — не творческий объем, в авторских листах, а объём в кубических сантиметрах»². Поэтому писателю-подпольщику приходилось не только уничтожать черновики, промежуточные варианты, но и пренебрегать традиционным оформлением белой страницы: «теснейшая, строчка к строчке... без всяких полей и двусторонняя перепечатка»³. Такой непривычный облик имела, например, рукопись рассказа «Щ-854», вызывая недоумение и любопытство у первых профессиональных читателей в редакции «Нового мира»: почему так тесно напечатано — без просветов, с обеих сторон?

Судя по описанию в биографическом повествовании «Бодался телёнок с дубом», рукопись романа «В круге первом», переданная Солженицыным Твардовскому в 1964 году, выглядела так же: «Как и все мои пещерные машинописи, эта была напечатана обоесторонне, без интервалов и с малыми полями»⁴.

Самая ранняя из сохранившихся редакций «Круга» — третья (1959) — дает представление об этом. Вынужденно отказавшись от привычных интервалов и полей, Солженицын очень тщательно работает с другими визуальными элементами. При этом писатель не придумывает дополнительные средства, а использует традиционные: разрядку, ударения, латиницу, разбиение на слоги. Ожидаемого курсива нет — пишущая машинка такой возможности не предоставляла. Курсив в рукописи было принято в «докомпьютер-

¹ Доклад на заседании семинара отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья 25 мая 2017 года.

² *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 98.

ную эпоху» заменять подчеркиванием. Но такого приема в машинописном беловике третьей редакции тоже нет: в столь густом тексте подчеркивание мешало бы чтению. Функция перехода на латинский шрифт у пишущей машинки отсутствует, поэтому необходимые написания латиницей автору приходилось выполнять от руки.

Однако эти обычные элементы графики используются автором романа так щедро, что в целом создают необычную картину. Современниками такие приемы подчас воспринимались как неслыханное и возмутительное новшество. Так, Солженицын рассказывает в «Телёнке», как Твардовский отреагировал на непривычный, но значимый для автора визуальный прием оформления текста «Ракового корпуса»: «...до белых гневных глаз запрещал мне давать впереди оглавление (как это было в ненапечатанном «Круге». — Т.Ф.), — и сама идея, и шрифт, и возможное расположение — всё было ему отвратительно: “Так никто не делает!” А я стоял на своём — и хоть поссорься и разойдись, хоть рассыпь набор!»⁵ Там, где Твардовский видел упрямство, выкрутасы, у Солженицына было принципиальное визуальное решение, работающее на раскрытие смысла.

В последующие годы (не одно десятилетие!) Солженицын продолжал работать над романом. Пройдя через семь редакций, профессиональные корректуры, множество авторских уточнений, текст романа «В круге первом» печатается с характерными особенностями графического оформления.

Первая группа приемов, которые использует Солженицын, — это авторское, необычное употребление традиционных способов выделения текста: курсива, кавычек, разрядки и заглавных букв. Важно при этом отметить, что новым является не придание слову дополнительного смысла с помощью этих приемов, а разница оттенков значения каждого из них при одновременном использовании (курсив, например, значит не то же самое, что разрядка).

Самый распространенный из способов выделения текста — курсив. Наиболее очевидное его употребление (особенно в контексте эпохи, когда многое нельзя было сказать прямо) — эвфемизмы, в основном связанные с деятельностью МГБ и лагерями, а также с «теневой» стороной жизни, о которой упоминает Руська в беседе с Кларой («в школе говорят красивые слова, а дальше не ступишь без блата, а нигде нельзя без лапы»):

«Выставки? Так он не умел себе их *устраивать*, и за все годы ни единой картины не выставил в хорошем зале»⁶.

«Не знала она, как скоро будут её трепать, как стращать — всё равно, возьмут ли Иннокентия *тут* или он вырвется и останется *там*» (471).

⁵ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 197.

⁶ Он же. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 326. Далее роман цит. по этому изд.; страницы указываются в тексте в скобках.

Так как употребленные слова имеют, кроме эвфемистического, еще одно, обычно вполне нейтральное значение, курсив служит чем-то вроде стоп-сигнала: привлекает внимание читателя, намекая на «двойное дно» выделенного слова или выражения.

Следующая функция курсива — выделение эковского жаргона, которого в романе, естественно, очень много и который, скорее всего, неизвестен потенциальному читателю. Автор, как учитель на уроке, выделяет непонятное и либо вскоре объясняет его, либо предлагает догадаться о значении «в качестве самостоятельного упражнения»:

«А между тем всё это была *чернуха*, Нержин *темнил* по вечерам на случай захода начальства» (34).

«Лука была ему абсолютно не нужна, так как ВИР давал записи самые разляпистые, но делалось это, по лагерному выражению, *для понта*» (240).

«За пять лет сидения он выработал в себе и особую решительную манеру разговаривать с начальством — то, что на языке эков называется *культурно оттягивать*. Слова он употреблял только корректные, но высокомерно-иронический тон, к которому, однако, нельзя было придраться, был тоном разговора старшего с младшим» (698).

То же самое — с Языком Предельной Ясности: иногда то, что говорит Сологдин, поясняется в скобках, иногда читатель может догадаться и сам, но в любом случае курсив служит средством привлечения внимания, а также выделяет оборот, который целиком определяет одно заимствованное слово:

«Эти правила — как бы *общий огляд на пути подхода* к работе» (185).

«Вот вы, *прозрачно-обводчица* МГБ, — сколько вы получаете в месяц?» (230).

Еще одно употребление курсива, имеющее отношение к привлечению внимания, — выделение уже устоявшихся фоноскопических терминов. Рубин создает новую терминологию на основе существующих в языке слов и корней, поэтому важно подчеркнуть специфическое, не обиходное значение слова:

«Видите ли, — говорил он, называя замминистра по имени-отчеству и безо всякой угодливости, — у нас ведь есть прибор видимой речи — ВИР, печатающий так называемые *звуковиды*, и есть человек, читающий эти звуковиды, некто Рубин» (237).

«Вот, Лёвка, когда я поймал валентулин голос! *Колокольчатый* у него!» (31).

«В сочетании с *видимой речью* у нас хорошее оружие» (Там же).

В этих же целях выделяются ошибки венгерки Эржики, только причина здесь другая: слова употреблены неправильно, неточно, и задача автора — указать на то, что слово имеет отличное от привычного значение, подчеркнуть комический эффект:

«Но ведь это — явление *моментальное?*» — спрашивала Эржика. (Она хотела сказать — временное.)» (348).

«И ты... и в Советском Союзе тоже выходят замуж *по счёту?*» (Там же).

Курсив употребляется и для смыслового усиления, когда в слово вложен дополнительный, понятный героям/читателю смысл или оно несет основную нагрузку фразы — противопоставление, обобщение etc.:

«Всё происходит от *руки?* Марр?» (47).

«Разве её *ешь!* разве её *кушаешь!* — ею причащаешься! к ней со священным трепетом приобщаешься, как к той пране йогов!» (49).

«Если уж *так* запуталось, то это не в убеждениях только, это обязательно и в семье» (302).

Кроме того, курсив используется для интонационного выделения, для приближения письменного текста к устному высказыванию. Он маркирует повышение интонации по сравнению с остальным потоком речи («относительную громкость»), но, в отличие от разрядки, о которой речь пойдёт ниже, не указывает на «абсолютную громкость» сказанного (крик, шёпот etc.):

«Нет, уважаемый, — не хватает *рыцарей!!*» (331).

«Как раз я *очень* могу понять!» (358).

«В числе трёх основных зол, мешающих человеческому счастью, Эпикур называет *ненасытные желания!*» (450).

Есть и два специфических случая употребления курсива. Первый скорее относится к подчеркиванию дополнительного смысла, вложенного в слово:

«Правда, Кондрашёв-Иванов плохо удовлетворял этим запросам: картины он писал хотя большие, хотя бесплатные, но *не красивые*» (323).

Здесь в словах «не красивые» заключено скрытое противопоставление, спор с официозом: картины Кондрашёва-Иванова некрасивы не в общечеловеческом смысле, а с точки зрения заказчиков — сотрудников МГБ, с критериями которых «крепостной художник», конечно, не может быть согласен.

А второй связан с отличием функций курсива от функций кавычек, о которых еще будет сказано дальше:

«Внизу под ними шёл извечный камерный спор: *когда лучше садиться*» (398).

Но: «Спор “когда лучше садиться” принадлежал, однако, к тем, которые не раздражают спорщиков, а умиряют их, осеняют философской грустью» (Там же).

Вероятно, здесь курсив подчеркивает, что и формулировка, и предмет спора уже устоявшиеся, почти как термин.

Второй способ выделения текста, также чрезвычайно широко используемый, — кавычки. Не имеет смысла рассматривать случаи их употребления для передачи прямой речи или цитирования, поскольку здесь Солженицын

придерживается традиционных норм пунктуации. Однако имеется несколько любопытных функций, выполняемых кавычками, характерных именно для текста «В круге первом», и первая из этих функций — выделение жаргона МГБ, который таким образом отделяется от эковского и маркируется как чуждый:

«В ту же девятилетнюю полосу отчуждения врезались ярко-голые “боксы” и камеры Большой Лубянки. Серые провонявшиеся пересылки. Удушливые отсеки “вагон-заков”» (57).

«Из-за угла, со стороны прогулочного двора и отдельно стоящего одноэтажного здания “тюремного штаба”, показался Нержин» (178).

Другой случай употребления кавычек — обозначение зарождающихся терминов фоноскопии. Вероятно, их можно пока считать частным случаем цитаты (из речи Рубина), потому и оформлены они соответственно:

«Он уговаривал теперь в этом жену, растягивал слова, как всегда делает человек, говоря о неприятном, жена настаивала, — и отчётливые “форманты” его “индивидуального речевого лада” ложились на узкую коричневую магнитную плёнку, чтобы к утру быть превращёнными в звуковиды и мокрою лентою распростереться перед Рубиным» (427).

«Порывисто брался Рубин за свой альбом с образцами звуковидов, классифицированных то по звукам-“фонемам”, то по “основному тону” различных мужских голосов» (617).

И пожалуй, самая интересная функция кавычек — снижение, «анти-заглавные буквы»: обозначение противоположного выражаемому заглавными буквами (святыня, важное понятие в мировоззрении) отношения героя к тому или иному «понятию» (пренебрежение или насмешка):

«Не Руську одного, но всё поколение руськино приучали считать “жалость” чувством унижительным, “доброту” — смешным, “совесть” — выражением поповским» (341).

Кроме того, в кавычки может быть заключен вообще любой сначала непонятный термин (что сближает их с курсивом), который при повторном употреблении кавычками уже не выделяется, аналогично тому, как в математике раз введенное обозначение (пусть x — ...) уже не объясняется вновь:

«После этого, стоя к Еминой почти спиной, он прикрепил принесенный чертёж к подвижной наклонной доске “кульмана”. <...> Конструкторское бюро — просторная светлая комната третьего этажа с большими окнами на юг, была, вперемежку с обычными конторскими столами, уставлена десятком таких кульманов...» (227).

Так же происходит и с курсивом, когда им выделяется, например, фоноскопический термин (см. пример про звуковиды).

Третий способ выделения текста, пожалуй, наименее распространенный, хоть и самый простой технически, — разрядка. Первой ее функцией является обозначение «абсолютной громкости» звука, проще говоря — крика:

«Подождите, — опомнился Абакумов. — Вы мне только скажите одно: когда будет готово? Г о т о в о — когда?» (101).

«О т м и р а т ь ? — взвопил Сологдин» (501).

«Ведь объективно мой немец з а социализм, а твой зэк п р о т и в социализма!» (502).

Во втором случае разрядка совмещает две функции курсива, в выделенное графически слово одновременно вложено дополнительное значение (смысловое усиление) и произношение с повышенной интонацией (интонационное усиление):

«Ото всех них он отличался тем, что п о н и м а л людей» (122).

«До того не знали, что оба вздрогнули, когда соседи назвали станцию Н а р а!» (298).

«Выпьём — за в о с к р е с е н и е м ё р т в ы х !» (373).

Четвёртый способ выделения фрагмента текста — написание с заглавных букв. Первый случай использования этого приема — прозвища Сталина. Прозвища есть у нескольких персонажей (Агния, например, — Лесной Ручеёк), и вполне логично писать их с заглавных букв. Но именно в совокупности часто состоящие из нескольких слов прозвища Вождя дают картину официальной идеологии того времени, отражают культ личности, сочетают едкую иронию (в частности, по поводу газет, из которых они, вероятно, взяты) с ужасом по поводу той помпезной лжи, которую ежедневно слышат и читают миллионы людей:

«Однажды Вождь Всего Прогрессивного Человечества разговаривал с китайской провинцией Юнь-Нань и остался недоволен хрипами и помехами в трубке» (64).

«Но и руководство, если б это было руководство делом заведомо гиблым, не могло вернуть ему расположения Лучшего Друга Связистов» (66).

«Самый Родной и Любимый стоял над ним лишь немного дальше, чем мог бы Абакумов достать протянутым кулаком, и следил за каждой чёрточкой министра, как он поймёт эту шутку» (148).

Еще одна важная функция заглавных букв — обозначение каких-либо важных понятий (противоположно кавычкам). Причем в отличие от большинства текстов, в которых используется подобный прием, в романе слова, написанные с заглавных букв, варьируются в зависимости от жизненных ценностей и мировоззрения персонажа, о котором идет речь, и часто являются важной характеристикой героя без дополнительных пояснений:

«Он никогда не праздновал ни Рождества, ни Пасхи, но в тюрьме из духа противоречия стал их праздновать. <...> А на октябрьскую и на первое мая он придумывал себе стирку или шитьё» (212).

«Вот и ему сейчас доведётся посильно поработать на старуху-Историю. Он снова — в строю! Он снова — на защите Мировой Революции!» (246).

«Взошло солнце Нового Девятьсот Тридцатого года, и все вышли полюбоваться» (393).

« — ...Не надо этих больших букв над добром и злом...

— ...Не только большие, но пятиэтажные буквы надо над Злом и Добром, и чтоб мигали как маяки!» (330).

Вторая большая группа графических приемов, используемых Солженицыным, связана с воспроизведением произношения без каких-либо дополнительных оттенков смысла с помощью ударений, деления на слоги и буквы, написания иностранных слов латиницей/кириллицей и специфических способов использования «интонационных» знаков препинания.

Одна из важнейших характеристик интонации — ударения. И такой, в общем-то, незатейливый способ приближения письменной речи к устной, как расстановка акцентов, Солженицын использует для трех различных целей. Первая из них — интонационное усиление, акцент во фразе, причем, в отличие от курсива, обозначается резкий подъем интонации при произношении отдельного слога, а не слова:

«Что устарело?! Злодейство устарело???» (330).

«Так что они вам? — разорвался Сологдин, не соображаясь с тишиной комнаты, — три закона? — вообще не нужны?!» (481).

«Может у нас быть что-нибудь другое на душе, чем твои вечерние удовольствия?» (362).

В этом примере, вероятно, роль ударения — двойная: автор подчеркивает еще и синтаксическую функцию слова, показывая, что это сказуемое, а не вводное слово.

Вторая функция ударений, чем-то схожая с первой, — графика интонации в специфических с точки зрения постановки ударения конструкциях (например, одноударные сочетания не предлога с существительным, а двух служебных частей речи):

«На́ вот, — подставил ему Нержин пустую пачку из-под “Беломора” вместо пепельницы» (85).

«А то!» (228).

И третий случай использования ударений — отражение грузинского акцента Сталина:

«Па́-смотрим, — устало ответил Сталин и моргнул. — Не́ знаю» (112).

«Когда всем уже ясно, что ка́мунизм на́-верной-дороге и-не́-далёк а́т-завершения, — высовывается этот кретин Тито са́-своим талмудистом Карделем и заявляет, шьто́-камунизм надо строить не́ так!!!» (133).

«Да ско́лько жи раз вам объяснять?! На́да жи вам понять наконец...» (147).

Любопытно, что Солженицын чрезвычайно точен в вопросах графики произношения: при размышлении никаких ударений в речи вождя не стоит, а их появление как раз свидетельствует о незаметном для самого героя пере-

ходе к «мыслям вслух». Кроме того, единственный во всем романе раз, когда Сталин говорит по-грузински, его речь также не содержит отступлений от норм произношения, выраженных акцентами:

«Он позвонил Берии и сказал по-грузински:

— Лаврентий! Какой дурак у тебя начальником связи? Убери» (64).

Ещё один способ воспроизведения произношения — разделение дефисами слов на слоги (раздельное произнесение при удивлении, гневе или подчёркивании важности слова — последнее характерно для речи Потапова):

«Ве-ли-ко-лепно!! — густым выдохом отдал Сологдин» (184).

«Са-мо-му» (438).

«Для при-зра-ков закрыл я вежды.

Лишь отдалённые надежды

Тревожат сердце и-но-гда» (707).

Сюда же можно отнести повторение и разделение дефисами аффрикат и сонорных, т.е. тех согласных, которые можно растягивать при помощи голоса:

«Хотя бы... Ч-ч-чёрт его знает, — заколебался Глеб» (87).

«Н-надя!..» (368).

«Да... м-м-может быть...» (655).

Следованием произношению в большинстве случаев обусловлен и выбор латиницы или кириллицы при написании иностранных (немецких, французских и английских) слов. Если герой хорошо владеет языком, то его правильный прононс отражает написание слова латиницей. Если же он плохо знает язык или употребляет иностранное слово или выражение в шутку, то его русский акцент (в случае иронии нарочитый) показан через транслит:

«А зачем вас вызывали? *qu'est-ce qu'il est passé?*» (74).

Но: «Рот фронт, ребята! Ха-ха! *Адъё!*» (82).

Или: «Да! *Hier stehe ich und kann nicht anders*» (51).

Но: «Мышин вспомнил, что он и сам за четыре года службы комиссаром роты охраны лагеря немецких военнопленных изучил только три слова: “хальт!”, “цурюк! и “вэг!” — и сократил инструкцию» (190).

Интересный пример сочетания кириллицы и латиницы находим в 4-й главе:

«Оберштурмбаннфюрер SS Райнгольд Зиммель, чей длинный корпус едва умещался между тумбочкой и сдвоенной кроватью, не оценил тонкой учтивости Рубина» (26).

Видимо, Солженицын считал, что SS — устойчивая аббревиатура, как НКВД, и писать ее надо «на языке оригинала». Любопытно, что (при поиске по Национальному корпусу русского языка в произведениях, написанных с 1940-го по 1970 год) Солженицын единственный, кто не пишет аббревиатуру СС кириллицей.

Фразы и словосочетания, написанные латиницей, обычно выделены также и курсивом. Здесь имеется два исключения: устойчивые выражения («summa summarum», «nicht wahr», то же самое «Hier stehe ich und kann nicht anders») и названия (SS, Hitlerjugend).

И еще один способ дополнительного подчеркивания интонации — необычное использование обычных знаков препинания, неправильное с точки зрения традиционной пунктуации, но нужное для передачи живой речи. В «Некоторых грамматических соображениях» по поводу пунктуации несколько раз говорится о главенстве интонации над традицией: «Для синтаксиса интонация должна быть ведущей. <...> Я считаю нужным следить, чтоб не происходило такого резкого отрыва письменной речи от гибкой устной»⁷.

Первый из таких знаков препинания — тире. Продолжая еще цветаевскую традицию («Поэт — издавелека заводит речь»), Солженицын превращает его в музыкальный знак паузы:

«Вас — срочно к городскому телефону» (74).

«И вы об этом рассказываете — смеясь?» (286).

«После вчерашнего — безжалостно обращаться к вам. Но труд многих лет моих гибнет. Мне его — сжечь?» (701).

Традиционно «интонационные» знаки препинания — восклицательный и вопросительный знаки, обычно маркирующие интонацию всего предложения. Но автора не устраивает такая «приблизительная оценка»: он хочет точно передать интонацию каждого отдельного слова или даже слога:

«Это то мгновение, когда Парсифаль впервые увидел — замок! святого!! Грааля!!!» (331).

«Ру?-ка?-вички?..» (350).

Если первая группа графических приемов связана со смысловыми и частично звуковыми особенностями текста, а вторая полностью с «озвучкой», то третья состоит из зрительных, «надтекстовых» способов вовлечь читателя в мир романа. Первый из этих способов — «текстовые картинки»: попытка максимально точно, кинематографически передать внешний вид текста, фигурирующего в тексте романа (записи в блокноте, таблички, надписи) через графическое его оформление (размер шрифта, расположение слов на странице, заглавные буквы):

«В коридоре толкнул дверь с надписью: “АКУСТИЧЕСКАЯ”» (29).

«И двцветным грифелем толстого карандаша начертил в настольном блокноте:

“Нержина — списать”» (61).

«В чьей-то гениальной голове возникла догадка: конструировать воронки одинаково с продуктовыми машинами, расписывать их снаружи теми же оранжево-голубыми полосами и писать на четырех языках:

⁷ Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 535.

Хлеб
Pain
Brot
Bread
или
Мясо
Viande
Fleisch
Meat» (716).

Второй прием — отображение внутреннего восприятия героем написанного текста — отличается от первого тем, что «картинку» мы получаем «из вторых рук», не сами имеем возможность «увидеть» надпись, как это было с акустической, а *видим, как видит это персонаж*, глазами которого дан текст, в данный момент не находящийся в поле его (и нашего) зрения. Например:

«Шесть-Гэ-семь нету, но, кажется, есть шесть-Гэ-два» (78).

Симочка не держит в руках двойной диод-триод, но она неоднократно видела его и помнит, что (по тогдашним правилам маркировки) в номере детали есть заглавная буква.

Или:

«Обвинительное заключение по следственному делу номер пять миллионов дробь три миллиона шестьсот пятьдесят одна тысяча девятьсот семьдесят четыре по обвинению ОЛЬГОВИЧА ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА.

Органами Государственной безопасности привлечён в качестве обвиняемого по настоящему делу *Ольгович И.С.* <...> Вместо всего этого обвиняемый ограничился, уже в виду половцев, совершенно безответственным призывом к войску:

“Братья, сего есмы искали, а потягнем!”

(следственное дело, том 1, лист 36)»
(383–386).

Такое графическое оформление текста объясняет сам Солженицын: «Рубин заговорил с такой лёгкостью и складом, будто глаза его действительно скользили по бумаге (его самого судили и пересуживали четыре раза, и судебные формулы запечатлелись в его памяти)».

Наблюдения, связанные с графическим оформлением текста романа «В круге первом», дают возможность сделать следующие выводы:

1) Не надеясь издать роман при жизни, Солженицын считал необходимым подробно указать возможным читателям, как надо читать его текст.

2) «Полифонический роман» позволяет читателю взглянуть на события с точки зрения разных героев, в том числе используя визуальные средства. Графика, таким образом, усиливает «необъективность» восприятия читателем происходящего. Но именно сумма необъективностей дает на самом деле настоящую объективность, объемность мира «В круге первом».

А.С. Немзер

ДЕВЯТЬ ЭТЮДОВ К МОНОГРАФИИ О ПОВЕСТИ «РАКОВЫЙ КОРПУС»

По сюжетной организации «Раковый корпус» резко отличается от романа «В круге первом» (написанного раньше, но обретавшего окончательную редакцию по завершении работы над повестью — 1968). Если в романе сцепление «историй» никогда не видевших друг друга Нержина и Володина строит собственно сюжет, то контрастные линии «главных героев» повести — Костоглотова и Русанова — идут строго параллельно. Испытывающие взаимную неприязнь персонажи многожды резко спорят, но сюжетного взаимодействия между ними *не* происходит, ни тот ни другой не вмешиваются в жизнь антагониста (так Русанов, владея «материалом», дважды *не* доносит на Оглоеда, т.е. снимает возможный сюжетный ход). Столь же автономно протекают более или менее подробно представленные истории примерно двух десятков персонажей: больных (Поддуев, Дёмка, Вадим, Федерату, Шулубин, Сибгатов, Ахмаджан, Прошка, Азовкин, Ася — единственная из женщин-пациенток, что наделена именем и «биографией») и врачей, медсестер, санитарок (Вега, Зоя, Елизавета Анатольевна, Нэля, Мита, Лев Леонидович, Орещенков; Донцова принадлежит обеим группам, по ходу действия «перемещается» из второй в первую; среди больных преобладают мужчины, а среди врачей — женщины¹, что, вероятно, мотивировано не только житейской реальностью). И в этих случаях сюжетное взаимодействие отсутствует: персонажи спорят, советуются, выражают друг другу сочувствие, но не влияют на жизнь окружающих. (Ясно, что вмешательства медицинские — операции, облучения, уколы и т.п. — носят иной характер: это не «личные» действия — независимо от чувств врача к пациенту.) Понятное исключение — истории любви (треугольник Костоглотов — Вега — Зоя; история Аси и Дёмки), но и здесь сюжетность ослаблена. Соперничество Веги и Зои обозначено, но не развернуто. Отношения «детей» между знакомством и после(пред)операци-

¹ Даже если взять в расчет персонажей-медиков «без историй» или с историями минимализированными (главврач, Тургун, Халмухамедов, Евгения Устиновна, Анжелика и др.), картина принципиально не изменится.

онным свиданием не описаны; продолжение их любви в принципе возможно, но автором не обещано — как, впрочем, и расставание персонажей.

Повесть Солженицына напоминает цикл рассказов, основанный на единствах места («раковый корпус», расширяющийся в главах о врачах и двух финальных до большого среднеазиатского города) и времени. «Истории» персонажей «разрезаны» и — при соблюдении хронологического порядка — перетасованы. Такое построение предвещает, с одной стороны, композицию «Красного Колеса» (особенно в «личных» линиях как вымышленных, так и исторических персонажей), с другой же — «двучастные рассказы» (1993–1998). Согласно записи автора в «Дневнике Р-17» от 8 декабря 1968-го, «зерно» «Ракового корпуса» — наметившийся в пору пребывания в ташкентской клинике (1954) замысел рассказа «Два рака»². Если в порядке эксперимента «извлечь» из повести истории пребывания в больнице Костоглотова и Русанова, мы получим этот «двучастный рассказ». Сходный результат даст другой эксперимент: «монтирование» вычлененных из повествования главы «Дети» и финальной части главы «Всюду нѣчет» даст «двучастный рассказ» о любви пораженных недугом подростков.

Ослабленная «сюжетность» и связанная с ней центробежность повествования не превращают, однако, «Раковый корпус» в собрание отдельных историй. Поэтическое единство повести обусловлено непрерывным варьированием уже знакомых читателю ситуаций, этических коллизий, мотивов в меняющихся контекстах, неожиданными «сопряжениями» повествовательных фрагментов (от главы до фразы), зачастую далеко отстоящих друг от друга. Эпизод, характеристика персонажа, реплика, сперва воспринимаемые как «служебные» или «фоновые», по мере продвижения по тексту обретают новые — более сильные — смыслы; сложившиеся представления о персонажах, их проблемах и перспективах подвергаются корректировке; «позднейшие» ситуации бросают новый свет на представленные ранее. Для понимания «Ракового корпуса» необходимо одновременно видеть (или, скорее, слышать) *весь* текст. Парадигматика здесь не менее значима, чем синтагматика. Если не более.

В предлежащей работе я пытаюсь показать высокую «внутреннюю связность» солженицынского текста, выявить взаимоотражения эпизодов, коллизий, высказываний персонажей, отнесенных автором к разным фрагментам одной главы («сцепленность» близко соседствующих элементов текста далеко не всегда бросается в глаза) и/или разным главам, нередко входящим в разные (первую и вторую) части повести. Анализируются, по мере надоб-

² См. комментарий В.В. Радзишевского: *Солженицын А.И. Раковый корпус* // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. С. 450. Далее повесть цит. по этому изд., номера страниц указываются в скобках. Другие сочинения Солженицына, кроме особо оговариваемых случаев, цитируются по этому же изданию (2006– ...); в скобках номера томов даются римскими цифрами, страниц — арабскими. Шрифтовые выделения в текстах (курсив, разрядка, прописные буквы) принадлежат Солженицыну; в иных случаях дается помета: курсив мой.

ности — комментируются и интерпретируются «при свете целого» небольшие фрагменты девяти глав, как отчетливо маркированные (зачин главы «Вообще не рак», т.е. всей повести), так и при беглом чтении кажущиеся «проходными». Восемь глав были выбраны без умысла — это начальные главы повести. Завершает работу анализ фрагмента последней главы первой части — «Тени расходятся». Как я пытался показать в других работах, «промежуточные финалы» объемных произведений Солженицына (романа «В круге первом», четырех Узлов «Красного Колеса») по огромной смысловой нагрузке сопоставимы с собственно финалами. Меж тем о вершащем «Раковый корпус» диптихе («Первый день творенья» — «И последний день») подробно говорится при анализе фрагментов первой части.

Вообще не рак

«Раковый корпус носил и номер тринадцать. Павел Николаевич Русанов никогда не был и не мог быть суеверен, но что-то опустилось в нём, когда в направлении ему написали: “тринадцатый корпус”» (9).

О том, что Родичев, бывший друг и сосед Русанова, на которого тот в 1937 году дал «материал», появился в городе К. и «ре-а-би-ли-тирован» (161), Павел Николаевич узнает в главе с тем же «дурным» номером — 13 («И тени тоже»). Название «русановской» главы диалогически подхватывает предшествующее — 12 («Все страсти возвращаются»). «Двенадцать» — число счастливое: в соответствующей главе речь идет о пробуждении любви Костоглотова к Зое. Действие 13-й главы разворачивается в воскресенье — когда же, как не в этот день, подниматься из небытия тем, кто считался мертвыми?

Мотив суеверия возникает как при первом, так и при последнем появлении Русанова (33: «Счастливый конец»). «Когда выезжали из медгородка, Капа отвертела стекло и, выбрасывая что-то мелкое через окно назад, сказала:

— Ну, хоть бы не возвращаться сюда, будь он проклят! Не оборачивайтесь никто».

Рекомендация противоречит уже свершенным действиям как жены Русанова, так и — еще раньше — его младших беззаботных детей. Вертит головой «гуднувший» на «классового врага» Костоглотова Лаврик.

«— Ты — не смей головой вертеть! — испугалась Капитолина Матвеевна.

И правда, машина вильнула.

— Ты не смей головой вертеть! — повторила Майка и звонко смеялась. — А мне можно, мама? — И крутила головку назад, то через лево, то через право» (388, 387).

«Счастливый конец» дискредитирован заранее. Выздоровление Павла Николаевича мнимо. В предшествующей главе, выслушав благодарность

считающего себя выздоровевшим (освободившегося от «несуразных» страхов) Русанова, «Донцова неопределённо кивнула. Не от скромности так, не от смущения, а потому что ничего он не понимал, что говорил. Ещё ожидали его вспышки опухолей во многих железах. И от быстроты процесса зависело — будет ли вообще он жив через год» (381). Проклято отнюдь не здание, в котором пытаются спасти даже Русанова.

Образование ума не прибавляет

«— На какой же ты факультет хочешь?

— Да вот не решил. На исторический хочется, и на литературный хочется.

— А на технический?

— Не-а.

— Странно. Это в наше время так было. А сейчас ребята все технику любят. А ты — нет?

— Меня... общественная жизнь очень разжигает.

— Общественная?.. Ох, Дёмка, с техникой — спокойней жить. Учись лучше приёмники собирать» (26–27).

Сходные диалоги возникают еще дважды. В главе 15 «Каждому своё» Дёмка беседует с Вадимом Зацырко:

«— Да я мечтаю в Университет.

— На какой факультет?

— Да или филологический, или исторический.

— А конкурс пройдёшь?

— Думаю, что да. Я — никогда не волнуюсь. Спокойный очень.

— Ну и хорошо. И чем же протез тебе будет мешать? И учиться будешь, и работать. Даже ещё усидчивей. В науке больше сделаешь.

— А вообще жизнь?

— А кроме науки — что вообще?

— Ну, там...

— Жениться?

— Да хотя бы...

— Найдё-ошь! На всякое дерево птичка садится...» (173).

Для Вадима «личная жизнь» сводится к удовлетворению физиологических потребностей. Эту мелкую проблему всегда можно решить. Она не стоит внимания, как и гуманитарные склонности простодушного подростка, на лице которого Вадим не примечает «светлой печати таланта» (219). Поэтому он сворачивает разговор о любви и не отговаривает Дёмку от овладевшей им мечты (по Вадиму — бессмысленной).

Пытается это сделать Костоглотов — третий диалог о выборе стези происходит после перенесенной подростком операции. Но тщетно. «Топила, топила ему опухоль жизнь, а он вырубивал на своё.

— И в университет?

— Надо постараться.

— На литературный?

— Ага.

— Слушай, Дёмка, я тебе серьёзно: сгубишься. Займись приёмниками — и покойно жить, и подшибать будешь.

— Ну их на фиг, приёмники, — шморгнул Дёмка. — Я правду люблю.

— Так вот приёмники будешь чинить — и правду будешь говорить, дура!

Не сошлись. Толковали и ещё о том о сём. Говорили и об Олеговых делах. Это тоже была в Дёмке совсем не детская черта: интересоваться другими» (332). Взрослый «интерес к другим» той же стати, что страсть Дёмки к «общественной жизни», «правде», гуманитарии (литературе) и его скрытая мечта о настоящей любви. Поэтому следующий за диалогом с Костоглотовым отчетливо «плотский» эпизод (утешая Асю, Дёмка говорит, что готов жениться на ней, а потом целует ее обреченную, но еще прекрасную грудь (336–337)) не подтверждает циничное суждение Вадима, а его опровергает. Так корректируется и название главы («Всюду нечет»), и, на поверхностный взгляд, жестко выдержанная в повести антитеза «любовь земная — любовь небесная». Напомню, что при первой встрече с Дёмкой Ася демонстрирует аффектированное — подчеркнуто плотское — жизнелюбие и хвастается (скорее всего — без основания) своим сексуальным опытом:

«— А ты — что?.. — полушёпотом спросила Ася, готовая рассмеяться, но с сочувствием. А ты до сих пор не... Лопушок, ты не...? <...>

— А ты?..

Как под халатом была у неё только сорочка, да грудь, да душа (курсив мой. — А.Н.), так и под словами она ничего от него не скрывала, она не видела, зачем прятать:

— Фу, да у нас — половина девчёнок!.. (заметим, что далее Ася рассказывает о других! — А.Н.) <...> Да чем раньше, тем интересней!.. И чего откладывать — атомный век» (119).

Цитированная глава 10 называется «Дети» — в главе «Всюду нечет» акцентирована Дёмкина «взрослость», а заклинания Аси — «Ты — последний, кто ещё может её увидеть и поцеловать! Уже никто больше не поцелует!» (336) — вовсе не доказывают, что кто-то уже ее грудь целовал.

Сопряжение мотивов «любви» и «литературы», присутствующее в главах «Каждому своё» и «Всюду нечет», возникает уже в главе «Дети». Именно Ася дает Дёмке правильный ответ на мучающий его вопрос:

«— Ну а правда, как ты думаешь? Для чего... человек живёт? <...>

— Как для чего? Для любви, конечно!

Для любви!.. “Для любви” и Толстой (которого Дёмка понять не может. — А.Н.) говорил, да в каком смысле?» (118). Смысл (как бы его ни изворачивали адепты «идейности» и алчные «материалисты») один. И путь к нему указывает истинное знание о человеке, обществе, истории — истинная («искренняя», а не удостоенная Сталинских премий) литература. Когда Костоглов в главе 2, удивляясь Дёмкиной «гуманитарности», оглядывается назад («Это в наше время так было!» — прошедшие страшные годы, по мысли Олега, должны были бы отворотить новое поколение от «истории» и «литературы», строящихся только на лжи), автор, несомненно, еще и указывает на будущее, на «современность» своих первых читателей — 1960-е годы с их наивным «техническим» сциентизмом (ср. линию Вадима Зацырко). Эта тема возникает во внешне необязательном, словно бы с сюжетом не связанном, эпизоде рассказа «Для пользы дела» (1963):

«— Конечно, ребята, не в нашем техникуме, где вы изучаете телевизоры, мне вас агитировать против телевидения, но всё же помните: телевизионная программа — мотылёк, живёт один день, а книга — века! (Ср. восторги «писательницы» Авиеты в 21-й главе «Ракового корпуса»: «В Москву съездишь — как заглянешь на пятьдесят лет вперёд. Ну, во-первых, в Москве все смотрят телевизоры <...> Ведь прямо жизнь по Уэллсу: сидят, смотрят телевизоры» (243). Полувека не потребовалось — меньше чем через десять лет так будет и в областном городе. — А.Н.)

— Книга? И книга — один день! — возразил взъерошенный Чурсанов в серой рубашке с вывернутым и уже подлатанным воротником.

— Откуда ты взял? — возмутилась Лидия Георгиевна.

— А я в одном дворе с книжным магазином живу. Знаю: их потом складывают и назад увозят. На макулатуру, под нож.

— Так надо ж ещё посмотреть, к а к и е книги увозят <...>

Прищурился:

— Я и смотрел, пожалуйста, вам скажу. Многие из этих книг в газетах очень хвалили. (Недавно! Вот и Дёмка «положил... прочитывать все книги, получившие сталинскую премию. Таких было в год до сорока...» (109). — А.Н.)

Тут и другие стали забивать. Здоровяк с фотоаппаратом через плечо протеснился и объявил:

— Лидия Георгиевна, давайте говорить откровенно. Вы нам на прощанье дали длиннющий список книг. А зачем они нам? Человеку техническому, а таких в нашей стране большинство, надо читать свои специальные журналы, иначе болван будешь, с завода выгонят, и правильно.

— Правильно! — кричали другие. — А спортивные журналы когда читать?

— А «Советский экран»?

— Но поймите, ребята, книга запечатлевает нашего современника! наши свершения! Книга должна нам дать глубины, которых...

— Насчёт классиков дайте скажу! — тянул руку сутулый, почти с горбом, серьёзный мальчик.

— Насчёт сжатости дайте скажу! — ещё кричали.

— Нет, погодите! — смиряла Лидия Георгиевна бунтарей. — Я вам этого так не оставляю! Теперь у нас будет большой актовый зал, устроим диспут, я вытащу на трибуну всех, кто сейчас...» (I, 214–215). «Большого актового зала» герои рассказа, как известно, не получают. И еще раз убеждаются, что «литература» (в том числе — классика) с ее «нравственными нормами», «идеями» и «высокими чувствами» — это одно, а жизнь — другое. Следующая стадия развития «советской молодежи» запечатлена в рассказе «Пасхальный крестный ход», написанном в пору работы над «Раковым корпусом» (10 апреля 1966):

«Крестный ход без молящихся! Крестный ход без крестящихся! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди — первые ряды этой публики, как они втискиваются в ограду, должны еще обязательно попасть на картину! <...>

Что ж будет из этих роженных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещенные усилия и обнадежные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждем мы от нашего будущего?

Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех!

И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут» (I, 267).

Тем веселее звучат слова из предотъездного (прощального) письма скептика Костоглотова «идеалисту» Дёмке: «На тебя — надеюсь!» (442). В «Раковом корпусе» — в отличие от рассказа «Матрёнин двор» и романа «В круге первом» — отсутствует «автопортрет» писателя. (Солженицын не зря энергично настаивал на своем *несходстве* с Костоглотовым.) Но намек на возможное появление настоящего писателя (совсем не такого, как московские покровители Авиеты Русановой и она сама) в повести есть. Потому как жизнь *требует* запечатления в слове. Впрочем, прежде всего, Костоглотов просто выполняет просьбу Дёмки: «Нет, ты обязательно пойди (в зоопарк. — А.Н.)! Я прошу тебя: пойди! И знаешь что — напиши мне после этого открытку, а? Ну что тебе стоит?.. А мне какая радость будет! Напишешь, кто сейчас из зверей есть, кто самый интересный, а?» (333). Долг платежом красен: именно из-за Дёмки Костоглотов отправился в зоопарк, где увидел не только несчастных жертв и наказанных за свирепство хищников, не только Сталина-тигра и погубленную двойником верховного людоеда макаку-резус, но и «чудо духовности после тяжёлого кровожадия» — антилопу Нильгау, в которой узнал Вега (426). И понял, что Вега его любит. О чем почти проговорился в письме Дёмке. Не будь обязательства послать открытку с отчетом о зоопарке, может, и не решился бы Олег написать двум женщинам, что хоть и по-разному, но возвращали его к жизни, — «земной» Зое (чувство к которой стало чисто дружеским) и «небесной» Веге, губы которой он теперь, теряя ее навсегда, целует без разрешения (442–444).

Пчёлка

«При выписке он (Сибгатов. — А.Н.) руки целовал Людмиле Афанасьевне, а она его только предупреждала: “Будь осторожен, Шараф! Не прыгай, не ударяйся!” Но на такую работу его не взяли, а пришлось опять экспедитором. Экспедитору — как не прыгать из кузова на землю? Как не помочь грузчику и шофёру? Но всё было ничего до одного случая — покатила с машины бочка и ударила Шарафа как раз в больное место. И на месте удара загнойлась рана. Она не заживала. И с тех пор Сибгатов стал как цепью прикован к раковому диспансеру» (31).

Ср. в главе «Дети»: «И только в футбол — в футбол он изредка бегал с ребятами. И за это одно маленькое удовольствие судьба его наказала: кто-то в суматохе с мячом не нарочно стукнул Дёмку бутсой по голени, Дёмка и внимания не придал, похромал, потом прошло. А осенью нога разбалывалась и разбалывалась, он ещё долго не показывал врачам, потом ногу грели, стало хуже, послали по врачебной эстафете, в областной город и потом сюда» (111).

Оба эпизода вызывают ассоциации с рассказом Толстого «Смерть Ивана Ильича»: «Он так был занят этим, что сам часто возился, переставлял даже мебель и сам перевешивал гардины. Раз он влез на лесенку, чтобы показать непонимающему обойщику, как он хочет драпировать, оступился и упал, но, как сильный и ловкий человек, удержался, только боком стукнулся об ручку рамы. Ушиб поболел, но скоро прошел — Иван Ильич чувствовал себя все это время особенно веселым и здоровым. <...> ...Когда за чаем Прасковья Федоровна спросила его, между прочим, как он упал, он засмеялся и в лицах представил, как он полетел и испугал обойщика.— Я недаром гимнаст. Другой бы убился, а я чуть ударился вот тут; когда тронешь — больно, но уже проходит; просто синяк»³.

Случайный роковой удар в повести Солженицына получает не Русанов (аналог толстовского грешника — оба профессионально и с удовольствием судят ближних), но персонажи безвинные, душевно чистые и вызывающие глубокое сочувствие автора — ссыльный (лишенный родины) крымский татарин Шараф Сибгатов и оставшийся без отца, ушедший от «сcurвившейся» матери (110) Дёмка. Солженицыну необходимо «присутствие» в его повести рассказа об Иване Ильиче (и других сочинений Толстого), но не «удвоение» толстовского художественного решения. О причинах заболевания Русанова не говорится вовсе. В отличие от Ивана Ильича, Русанов до появления опухоли совершенно доволен своей жизнью; благополучие заботит его больше, чем карьера («...в 1939 году

³ Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1964. Т. 12. С. 77, 78.

не решился, хотя его звали, надеть чекистскую форму. Жаль, а может быть, по неустойчивой атмосфере двух последних лет, и не жаль. Покой дороже» (157); ср. сжигающее честолюбие Ивана Ильича); приязнь Русанова к жене и детям сохраняется и в «раковом корпусе» (глубокое и постоянное недовольство Ивана Ильича семейной жизнью начинается задолго до случившейся с ним беды, во время болезни он все больше проникается ненавистью к жене и собирающейся замуж дочери). Несовпадения эти объясняются, в первую очередь, глубоким различием исторических ситуаций, в которых находятся персонажи Толстого и Солженицына, пропастью, разделяющей имперскую и советскую системы, по-разному пестовавших своих верных слуг (по сравнению с «выдвиженцем», любой ценой рвущимся к недополученным благам, и пресыщенный судейский чиновник может показаться «благообразным»). Впрочем, нам не дано знать, как будет относиться Русанов к Капе и детям, когда его настигнет ремиссия. Окрашиваются же в первый больничный вечер его размышления о семье (попытка утешиться) в черные тона: «Но вся дружная образцовая семья Русановых, вся их налаженная жизнь, безупречная квартира — все это за несколько дней отделилось от него и оказалось п о т у с т о р о н у опухоли. Они живут и будут жить, как бы ни кончилось с отцом. Как бы они теперь ни волновались, ни заботились, ни плакали — опухоль задвигала его как стена, и по эту сторону оставался он один» (21). Когда же болезнь, как кажется обреченному, отступает, Русанов с удовольствием рассказывает Федерату «о квартире, которую он душевно любил <...> После сорока лет о человеке, чего он заслужил, вполне можно судить по его квартире. И Павел Николаевич рассказывал, не в один даже приём, как расположена и чем обставлена у него одна комната, и другая, и третья, и каков балкон и как оборудован. У Павла Николаевича была ясная память, он хорошо помнил о каждом шкафе и диване — где, когда, почём куплен и каковы его достоинства. Тем более подробно рассказывал он соседу о своей ванной комнате, какая плитка на полу уложена и какая по стенам, и о керамических плитусах, о площадочке для мыла, о закруглении под голову, о горячем кране, о переключении на душ, о приспособлении для полотенец. Всё это были не такие уж мелочи, это составляло быт, бытие, а бытие определяет сознание, и надо, чтобы быт был приятный, хороший, тогда и сознание будет правильное» (318–319). Несчастье настигло Ивана Ильича именно в ту пору, когда он упоенно занимался устройством новой квартиры. Да и «марксистский» финал рассуждений Павла Николаевича принял бы Иван Ильич вполне — даром что, как все государственные служащие Российской империи, исправно говел, исповедовался и причащался.

Все-таки похожи. Прав Костоглов, когда кроет обличителей «остатков буржуазного сознания»: «И до буржуазии жадные были, и после будут» (343). Не об одной «жадности» тут речь — о всяком зле. Справедливое осуждение которого необходимо, но не достаточно. Наговорив «почти на статью», Костоглов «зевнул вслух и пошёл на свою койку. И ещё зевнул. И ещё зевнул.

От усталости ли? от болезни? Или оттого, что все эти споры, переспоры, термины, ожесточенные и злые глаза внезапно представились ему чавканьем болотным, ни в какое сравнение не идущим с их болезнью, их предстоянием перед смертью» (347). Их — ушибленного во время футбола Дёмки, ударенного бочкой Сибгатова, Вадима, философа-доцента, Костоглотова, Русанова, оступившегося Ивана Ильича...

«А хотелось бы коснуться совсем чего-нибудь другого. Незыблемого.

Но где оно такое есть — не знал Олег» (347).

Тут-то и читает он в письме доктора Кадмина пересказ легенды о Китоврасе, что сломал себе ребро, вняв просьбам вдовы — пощадив ее домик. «И промолвил тогда: “Мягкое слово кость ломит, а жестокое гнев вздвизает”» (348). Глава 29, в которой идет спор о «жадности», а прежде Русанов корит сына за «доверчивость и наивность» (сбивчивое движение к человечности), и называется «Слово жёсткое (NB! — А.Н.), слово мягкое». «Жёсткое» значит «жестокое».

Не в «мягком», насквозь проникнутом духом милосердия и надежды «Раковом корпусе», но в тайно создаваемом параллельно повести сокрушительно-набатном «Архипелаге...» читаем: «В толщине этой книги уже много было высказано прощений. И возражают мне удивленно и негодуяще: где же предел? Не всех же прощать!

А я — и не всех. Я только — павших. Пока возвышается идол на командной своей высоте и с властительной укладкой лба бесчувственно и самодовольно коверкает наши жизни — дайте мне камень потяжелее! а ну, перехватим бревно вдсятером да шибанём-ка его!

Но как только он сверзился, упал, и от земного удара первая бороздка сознания прошла по его лицу — отведите ваши камни!

Он сам возвращается в человечество.

Не лишите его этого божественного пути» (VI, 384–385).

Но как быть, если в письме доктора Кадмина говорится не только о Китоврасе, но и об убийстве Жука? (348). Если «злой человек сыпнул табака в глаза макаке-резус»? (424). Если Русанов (и не он один!) *не хочет* выходить на божественный путь? Если Иван Ильич прозревает лишь с приходом смерти?

Тревоги больных

«Ефрем в своей бинтовой, как броневой обмотке, с некрутящейся головой, не топал по проходу, не нагонял тоски, а, подмостясь двумя подушками повыше, без отрыву читал книгу, навязанную ему вчера Костоглотовым. Правда, страницы он переворачивал так редко, что можно было подумать — дремлет с книгой» (44).

130 Что Ефрем не «дремлет», автор понять дает (на это и указывает оговорочное «можно было подумать»). Что книга на него сильно действует — тоже.

Для того перечислены с отрицанием описанные прежде «занятия» Ефрема: статика сменила динамику, отделенность от всех — агрессивную экстравертность. Но какая книга заставила Ефрема изменить поведение (как поймем позже, измениться внутренне), мы все еще не знаем. Как не знаем в главе «Образование ума не прибавляет», когда видим глазами Русанова ее впервые. «Наискось по тёмно-синему переплёту и такая же по корешку шла тиснённая золотом и уже потускневшая роспись писателя. Чья это роспись, Павел Николаевич не разобрал, а спрашивать у такого типа не хотелось <...>

Оглоед угрюмыми глазищами смотрел на книгу и объявил беззастенчиво громко на всю комнату:

— Если б не Дёмка эту книгу в шкафу выбирал, так поверить бы нельзя, что нам её не подкинули <...>

— По всему городу шарь — пожалуй, нарочно такой не найдёшь. <...> Ефрем! Хватит скулить. Возьми-ка вот книжку почитай.

Ефрем остановился как бык, посмотрел мутно.

— А зачем — читать? Зачем, как все подохнем скоро?

Оглоед шевельнул шрамом:

— Вот потому и торопись, что скоро подохнем. На, на» (18–19).

Читателю (но не Ефрему и не слышащему разговор Русанову) ясно, что в книге речь идет о жизни и смерти, но не более. Часть аудитории, знакомая с наследием Толстого, разгадывает загадку, увидев название главы 8 — «Чем люди живы» (87), помещенный в ней перечень рассказов (первый из которых «Труд, смерть и болезнь», а последний — «Ходите в свете, пока есть свет» (92)) и процитированный зачин особо захватившей Ефрема истории (93), но имя автора по-прежнему не называется. Важен смысл текста, а не его носитель. Когда Русанов, возмущенный «не нашей моралью», интересуется авторством, Ефрем искренне недоумевает: «Угибали его куда-то от сути в сторону <...> А что было в фамилии? Что она имела к сути — к их болезням? к их жизни или смерти? Ефрем не имел привычки читать на книгах эту верхнюю фамилию, а если читал, то забывал тут же» (97). Потому и путаница с двумя Толстыми — «нашим» и «не нашим» — его совершенно не занимает. «Составителю» «Азбуки», «Русских книг для чтения», «Круга чтения», «На каждый день» и «Пути жизни» такое отношение к записанным историям и размышлениям пришлось бы по сердцу. (В «очерках литературной жизни» Солженицын замечает: «Толстой перед смертью написал, что вообще безнравственно: писателю печататься при жизни. Надо, мол, работать только впрок, а напечатают пусть только после смерти» (XXVIII, 15). Мысль эту, близко подходящую к идее «авторской анонимности», Солженицын твердо оспаривает, но внимание к ней представляется показательным.) Одобрил бы Толстой и предпочтение, которое отдает Ефрем «маленьким рассказикам» — «...он бы не стал читать, если бы это был роман» (92). И его «применение» прочитанного к себе. Не об отношениях

мужчин и женщин говорится в «рассказиках», но, прочитав их, Поддуев обнаруживает свой грех. «Хоть везде говорилось “равенство”, и Ефрем не возражал, но нутром никогда он женщин за полных людей не считал — кроме первой своей жёнки Амины. И удивился бы он, если б другой мужик стал ему серьёзно доказывать, что плохо он поступает с бабами. А вот по этой чудной книге так получалось, что Ефрем же во всём и виноват» (94). Ср. в разговоре о возможности самопроизвольного исцеления: «Для этого надо, наверно... чистую совесть <...> Я — баб много разорил. С детьми бросал... Плакали... У меня не рассосется» (121, 122). (Русанов здесь закономерно возмущается: «При чём тут совесть? Стыдитесь (пробуждения совести. — А.Н.), товарищ Поддуев <...> Да это же махровая поповщина, так думать! Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддуев, и разоружились идеологически.») «Не для нашего века. Слишком безформенно, неэнергично» (175), — говорит о переменившей Ефрема книге Вадим Зацырко, верящий, что люди живы «творчеством», и отлично чувствующий себя в одной партии с Русановым. «Не для нашего...», но Толстой понял бы, почему Ефрему вспомнились слова обессилевшего заключенного — «малого» (ровесника Вадима): «Ничего. И ты будешь умирать, десятник!» (178). Понял бы и охватившую его безысходную тоску. «Это бы первая жёнка его Амина могла бы собирать-присылать (целительную чагу. — А.Н.). Туда, за Урал, некому и написать, кроме как только ей. А она напишет: “Подыхай под забором, старый кобель!” И будет права.

Права по тому, как это принято. А вот по этой синей книжечке не права. По книжечке выходит, что Амина должна его пожалеть, и даже любить — не как мужа, но как просто страдающего человека. И посылки с трутовицей — слать.

Книга-то получалась очень правильная, если б все сразу стали по ней жить...» (179)⁴. Понять-то понял бы, но с печалью сказал бы, что и в его веке часто случалось иначе. Заподозрив жену в измене, Корней Васильев зверски ее избивает (заодно калечит на всю жизнь маленькую дочь) и покидает свой дом. Нищим опустившимся стариком поднимается он на знакомое крыльцо и отворяет дверь в сени.

«— Чего лезешь не спросясь, — окликнул его женский голос из избы. Он узнал ее голос. И вот она сама, сухая, жилистая, морщинистая старуха, высунулась из двери. Корней ждал той молодой красивой Марфы, которая оскорбила его. Он ненавидел ее и хотел укорить, и вдруг вместо нее перед ним была какая-то старуха. — Милостыни — так под окном проси, — пронзительным, скрипучим голосом проговорила она.

— Я не милостыни, — сказал Корней.

⁴ Ср. в «Одном дне Ивана Денисовича»: «Безотказный этот Алёшка, о чём его ни попроси. Каб все на свете такие были, и Шухов бы был такой» (I, 73).

— Так чего же ты? Чего еще?

Она вдруг остановилась. И он по лицу ее увидел, что она узнала его.

— Мало ли вас шляется. Ступай, ступай. С Богом.

Корней привалился спиной к стене и, упираясь на клюку, пристально смотрел на нее и с удивлением чувствовал, что у него не было в душе той злобы на нее, которую он столько лет носил в себе, но какая-то умиленная слабость вдруг овладела им.

— Марфа! Помирать будем.

— Ступай, ступай с Богом, — быстро и злобно говорила она.

— Больше ничего не скажешь?

— Нечего мне говорить, — сказала она. — Ступай с Богом. Ступай, ступай. Много вас, чертей, дармоедов, шляется.

Она быстрыми шагами вернулась в избу и захлопнула дверь. <...>

Во всю ночь эту Марфа не могла заснуть и все думала о Корнее. Наутро она надела зипун, накрылась платком и пошла узнавать, где вчерашний старик. Очень скоро она узнала, что старик в Андреевке. Марфа взяла из плетня палку и пошла в Андреевку. Чем дальше она шла, тем все страшнее и страшнее ей становилось. “Попрощаемся с ним, возьмем домой, грех развяжем. Пускай хоть помрет дома при сыне”, — думала она. <...>

Когда Марфа вошла в избу и народ расступился, пропуская ее, она под святыми увидела обмытое, убранное, прикрытое полотном мертвое тело, над которым грамотный Филипп Кононыч, подражая дьячкам, читал нараспев славянские слова псалтыря.

Ни простить, ни просить прощенья уже нельзя было. А по строгому, прекрасному, старому лицу Корнея нельзя было понять, прощает ли он, или еще гневается⁵.

Другая, чем у Ефрема Поддуева, история? О «претворении» Солженицыным сочинений Толстого см. выше. Про свои грехи Поддуев все понял, мира же в душе обрести не сумел. Потому и пересказывает он «Чем люди живы» не до конца. Потому и добровольно уходит в смерть, которая настигает его на вокзале (224), — ехать бедняге некуда.

Возвращаясь же к исходному пункту (главе 4), должно отметить, что уже здесь Ефрема донимают не те «тревоги», что остальных больных.

Тревоги врачей

«Из-за того, что она терялась с ним, однажды произошла нескладность. Костоглотов сказал:

— А вы непохожи на немку. У вас, наверно, фамилия по мужу?

⁵ Толстой Л.Н. Корней Васильев // Собр. соч. Т. 14. С. 232–233, 235–236.

— Да, — вырвалось у неё.

Почему она так ответила? В то мгновение показалось обидным сказать иначе.

Он больше ничего не спросил.

А Гангарт — её фамилия по отцу, по деду. Они обрусевшие немцы.

А как надо было сказать? — я не замужем? я замужем никогда не была? Невозможно» (63).

Политическая тема (ссылка народов) здесь мерцает слабо.оборот «обрусевшие немцы» заставляет предположить, что Вера Корнильевна не из ссыльных, что оказалась она в столице среднеазиатской республики (не названном прямо, но распознаваемом Ташкенте) «естественным образом». (Из дальнейшего следует, что Вера если не родилась здесь, то, по крайней мере, училась в школе.) Напомним, однако, что в начале той же главы «Тревоги врачей» сильно проведен мотив подозрительности по отношению к медикам-инородцам (немцам и евреям, неразличимым для озлобленных и не шибко грамотных представителей «главного народа») — эпизод с шофером МГБ (55). Ср. также в самом начале повести специфический характер вопросов жены Русанова в разговоре со старшей медицинской сестрой:

«— Девушка, вы что, так торопитесь?

— Да н-немножко...

— Как вас зовут?

— Мита.

— Странное какое имя. Вы не русская?

— Немка...

— Вы нас ждать заставили» (12).

Конечно, советская барынька и с русской медсестрой разговаривала бы по-хамски, но все же несколько не так. Мита, почти не возникающая в повествовании, появляется ближе к финалу, в день выписки Русанова. Именно она спешит поделиться с Костогловым новостью:

«— Говорят, нас всех к концу года распустят! Просто упорно говорят! — Некрасивое лицо её сразу помилело, как только она заговорила об этом слухе.

— А кого — нас? Вас?

То есть, значило — *спецпереселенцев*, нации.

— Да вроде и нас, и вас! Вы не верите? — с опаской ждала она его мнения».

Отвечая на вопрос Костоглова, лучше ли на родине, куда Мита чает вернуться, чем здесь, она «прошептала»: «Сво-бо-да». Вопросительно-скептическая внутренняя реплика Костоглова (едва ли автора, но двусмыслен-

ность здесь есть) — «А верней-то всего — в своём краю надеялась она ещё замуж выйти?» (389) — ничего не меняет⁶. Возможность семейного счастья и домостроительства связана (хоть и не однозначно) с естественным бытием человека — свободой и жизнью на родине. А планирует ли «некрасивая» Мита замужество — бог весть. Красивая Вера Гангарт *не* планирует — по крайней мере, в начале повести, когда она непроизвольно обманывает Костоглотова.

Здесь читатель оповещается о тайне героини. (Почему невозможно признать в «девичестве»? Причины могут быть разные. От трагических до фарсовых.) Разгадке (глава 25: «Вега», «подготовленная» главой 24: «Переливая кровь») предшествует «проговорка» в главе 17: «Иссык-кульский корень». Вера Корнильевна отвечает на совершенно «не медицинский» вопрос Костоглотова: «Скажите, как вас в школе звали?» Движение мыслей героя, приведшее к этому вопросу, прямо не описано, но легко реконструируется. Врач находит в тумбочке больного настойку иссык-кульского корня; для него это спасительное средство, для нее — смертельный яд. (Правы оба.) Вера долго уговаривает Костоглотова так или иначе ликвидировать настойку. В конце концов он соглашается («Шут с ним, с флаконом, не жалко и отдать, дома у него ещё вдесятеро этого акотинума» (209)). Герои направляются во двор, дабы вылить зелье. Костоглотову это кажется забавной игрой — особенно из-за того, что Гангарт идет «вполне серьёзно, как бы делать важное дело. Ему стало смешно» (201). Незаметно выстраивается ассоциативный ряд: игра — детство (когда играют «серьёзно», играют в идеализированных «взрослых») — школьное «имя» (игровая кличка). Невольно (усмешливостью Костоглотов пытается преодолеть уже овладевшую им любовь — но тщетно) не имеющий значения (реплика Веры) вопрос оказывается самым главным.

«Несколько шагов она прошла молча, чуть пристукивая по плитам. Её газельи тонкие ноги он заметил ещё в первый раз, когда лежал умирающий на полу, а она подошла.

— Вега, — сказала она.

(То есть, и это была неправда. Неполная правда. Её так в школе звали, но один только человек. Тот самый развитой рядовой, который с войны не вернулся. Толчком, не зная почему, она вдруг доверила это имя другому.)» (201).

⁶ Диалог Костоглотова с Митой несколько корректирует семантику названия главы. В нем начинает слышаться не только жесткий сарказм (тема мнимого выздоровления Русанова), но и надежда, пусть неуверенная и «одернутая» названием главы следующей — 34: «Потяжелей немного». «Вибрация» надежды проходит сквозь всю повесть, становясь особенно напряженной в финальных главах. «Боже мой, да ведь пора! Да ведь давно пора, как же иначе! Человек умирает от опухоли — как же может жить страна, прорашённая лагерями и ссылками?» (436). А ведь живет — и через десять с лишком после описанного в повести «переходного» периода, в пору работы над «Раковым корпусом» и «Архипелагом...», в заключительной части которой читаем: «Правители меняются. Архипелаг остаётся.

Он потому остаётся, что *этот* государственный режим не мог бы стоять без него. Распустивши Архипелаг, он и сам перестал бы *быть*» (VI, 443).

О «развитом рядовом» доктор вспоминает выше — после истории Костоглотова о том, как он из-за приверженности демократии не стал офицером:

«У меня один близкий человек, — сказала Гангарт, глядя в одеяло, тоже имел такую судьбу: очень развитой — и рядовой. — Полпаузы, миг молчания, пролетел меж их головами, и она подняла глаза. — Но вы и сегодня таким остались» (191). Вера Корнильевна говорит о погибшем на войне женихе. Их история досказана в главе, носящей имя героини, где сказано: «*Этот мальчик и придумал звать её Вегай*» (293). В главе «Иссык-кульский корень» Вега трижды (хоть и не отдавая себе в том отчета) «сближает» его с Костогловым: отмечает сходство погибшего и выжившего; доверяет Олегу имя, которым одарил ее «мальчик»; отменяет «неправду» о своем замужестве, оброненную в главе «Тревоги врачей». Существенно, что о том разговоре она помнит; отсюда: «...и это (как и «то», сказанное раньше; курсив мой. — А.Н.) была неправда». Точнее — *тоже* «неполная правда». Что и обращает нас к разговору в «Тревогах врачей». Вера не носит фамилию мужа, она живет с именем, полученным от жениха. Намек на то дается читателям (и Костоглову!), когда героиня снимает формально «обоснованное» недоумение собеседника (являющего себя здесь не лучшим образом).

«— Вега? В честь звезды? Но Вега — ослепительно белая.

Они остановились.

— А я — не ослепительная, — кивнула она. — Но я — ВЕ-ра ГА-нгарт. Вот и всё» (201).

Это значит: *я была Гангарт и в школе, а мужа у меня нет. Есть мертвый жених. И ты.* Но договорить до конца не только «неприлично». (Ср. внутренний крик Веры после шутиwego — или провоцирующего? — предположения Костоглотова о том, что и у нее дома кто-то может яд случайно выпить: «Кто! Кто выпьет дома?.. Она жила одна. Но сказать это было сейчас невозможно, неприлично» (200); реплика дана в скобках.) Вега не только сейчас, но и позже (даже после «переливания крови»!) не может признаться себе самой, что любит Костоглотова. Как и Костоглов долго не позволяет себе того же признания. Читатели представляют себе чувства героев раньше и «тверже», чем они сами, хотя Солженицын последовательно избегает того, что называется «авторским комментарием».

Переключка глав «Тревоги врачей» и «Иссык-кульский корень» не сводится к коррекции первого диалога (о фамилии) вторым (о «детском» имени; ср. окончательное открытие Костогловым в Вега «девочки его детства» (287) в главе «Переливая кровь»). В обеих описывается первая встреча героев — в «ненастный январский день», когда доктора Гангарт позвали унять неведомого «безобразящего» больного (59). Первая версия мучительно напряженного знакомства (в корпусе нет свободных мест; странный больной резко грубит ищущему решение врачу — всё это в призме воспоминаний Веры) позже «расширяется» и «комментируется» Костогловым, кроме прочего, сообщаящим:

«Теперь (оформившись в комендатуре. — А.Н.) еду... не к вам ещё, в центр. По фишам вижу, что идёт “Спящая красавица”».

— Ах вот как! Так вы ещё — по балетам? Ну, знала б — не положила б! Не-ет!

— Вера Корнильевна, это — чудо! Перед смертью последний раз посмотреть балет! Да и без смерти я его в своей вечной ссылке никогда не увижу. Так нет же, чёрт! — заменён спектакль! Вместо “Спящей красавицы” пойдёт “Агу-Балы”» (192).

Взамен свидания со «Спящей красавицей» (скрытая надежда на целящую силу искусства) Костоглокову дана встреча с новой ипостасью героини балета Чайковского, со своей Спящей красавицей, которую умирающий «принц» не может с первого взгляда распознать. История Веги и Костоглотова повторяет сказочный (балетный) сюжет: после «переливания крови», в свой счастливый вечер, уже пробужденная к жизни (хоть и не вполне понимающая, что же случилось), героиня ставит пластинку с сюитой из «Спящей красавицы». «Шло адажио, потом “Появление фей”. (Конечно, не названы «номера» третьего акта. Солженицын применяет здесь прием, остроумно названный «недоцитатой»⁷. — А.Н.).

Вега слушала, но не за себя. Она хотела представить себе, как должен был это адажио слушать с балкона оперного театра вымокший под дождём, распираемый болью, обречённый на смерть и никогда не выдавший счастья человек.

Она поставила снова то же» (291).

Психологическая зарисовка обретает символический (мифопоэтический) смысл. Сюжет сказки дается в двух — накладывающихся — вариантах: «рокированном» и «прямом». В январский вечер умирает (почти мёртв) мужчина, вернуть жизни его должна женщина с небесным именем (Аврора-заря балета, оборачивающаяся «звездой» Вегой в «реальности» повествования). Но одновременно формально не свершивший назначенного ему подвига, не поцеловавший Спящую красавицу (ср.: «И сейчас я без разрешения⁸ целую их» (444). Это последняя строка письма Олега возлюбленной. Целует он губы.), сперва «изменивший» (история с Зоей), а потом покинувший заколдованный замок «принц» (бывший зэк, «вечный» ссыльнопоселенец) всё же ее пробудил.

«Именно сегодня новый законченный смысл приобрела её многолетняя верность.

⁷ *Бездородный М.* Конец цитаты. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 73. Анализируется стихотворение С. Гандлевского «Устроиться на автобазу...» на фоне блоковского «Грешить бесстыдно, непробудно...».

⁸ Возможно, здесь реминисценция очень популярной в свое время песни «По росистой луговой...» (1947, музыка М.И. Блантера): «Я в глаза ему смотрю. / — Раз такое положенье, / То уж ладно, — говорю, — / Поцелуй без разрешенья» (*Исаковский М.В.* Стихотворения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 288).

Почти верность. Можно принять как верность. В главном — верность. (Вспомним «неправду» и «неполную правду» в диалогах с Костоглотовым. — А.Н.)

Но именно теперь она ощутила умершего как мальчика, не как сегодняшнего сверстника, не как мужчину — без этой косной тяжести мужской, в которой только и есть пристанище женщине. Он не видел ни всей войны, ни конца её, ни потом многих тяжёлых лет, он остался юношей с незащищёнными чистыми глазами.

Она легла — и не сразу спала, и не тревожилась, что мало сегодня поспит. А когда заснула, то ещё просыпалась, и виделось ей много снов, что-то уж очень много для одной ночи. И некоторые из них совсем были ни к чему, а некоторые она старалась удержать при себе до утра. (До чаемой «окончательной» встречи с Костоглотовым, которая будет отменена «разляпистым голосом»: «Вот этот лохматый <...> — как ночное дежурство, так Зойку, медсестру, тискает! (299). — А.Н.)

Утром проснулась — и улыбалась» (296–297).

Мотив «спящей красавицы» поддержан отсылкой к двум другим сочинениям ее автора. «Доносилась эта музыка из парка, Олег слышал её — но и не её, а как будто Четвёртую симфонию Чайковского, звучавшую в нём самом, — беспокойное трудное начало этой симфонии, одну удивительную мелодию из этого начала. Ту мелодию (Олег истолковывал её так), где герой, то ли вернувшись к жизни, то ли быв слепым и вот прозревающий, — как будто нащупывает, скользит рукою по предметам или по дорогому лицу — ощупывает и боится верить своему счастью: что предметы эти вправду есть, что глаза его начинают видеть» (135). Как в доносящейся с танцплощадки музыке (ясно, что совсем не «классической») герой (значимо названный здесь по имени) слышит Четвёртую симфонию, так и «сквозь нее» слышит он «Иоланту» («глаза его начинают видеть»). И здесь (как при варьировании сюжета «Спящей красавицы») происходит «рокировка» мужского и женского персонажей. Обретает зрение (жизнь, свободу) мужчина, но благодаря женщине, пока еще обобщенной. Процитированному фрагменту предшествует перечисление «прав» или «самосущих радостей», обретение которых переживает Костоглотов; последнее (в этом контексте — важнейшее) из них — «Право разговаривать с женщинами» (135). С женщинами вообще. Ни о какой конкретной женщине внемлющий музыке Костоглотов не вспоминает. Но женщина — Вечная женственность — здесь скрыто присутствует. Далее эта обобщенная героиня предстает, как и должно быть, в разных обличьях («соперницей» Веги оказывается не одна Зоя; притягательная тайна есть почти во всех женщинах, девушках, девочках, которых видит или вспоминает Костоглотов), но это не отменяет единственности той, что ассоциируется со Спящей красавицей, тайной целительницей Четвертой симфонии, Иолантой. В переливающимся смыслами названии главы 35 — «Первый день тво-

рения» (развернутой вариации начала Четвертой симфонии Чайковского, как его воспринимает Костоготов) слышен и отголосок арии Водемона, открывающего Иоланте, что есть свет:

Чудный первенец творенья,
Первый миру дар Творца,
Славы Божьей проявление,
Лучший перл Его венца!
Солнце, небо, звезд сиянье
Наполняют мир земной,
Всю природу и созданья
Несказанной красотой!⁹

Продвигаясь по тексту «Ракового корпуса», мы все больше и больше убеждаемся в глубинном родстве (и/то есть предназначенности друг другу) Веги и Олега. Мена мужских/женских ролей при завуалированном использовании традиционных сюжетов лишь один (идущий под сурдинку) обертон этой сюжетно-смысловой линии. На нее работает и мотив волшебного «любовного напитка», тоже введенный трансформированно и прикровенно. Любовь соединяет героев не когда они пьют колдовское зелье, но когда вместе выливают яд (он же целительное средство), когда доктор Гангарт переливает больному кровь — не свою, но женскую («Кровь Ярославцевой, Ирины. Девушки? старушки? студентки? торговки? — Милостыня...» (285) — на самом деле, вопреки «фактам», Веги. — А.Н.). Тристана и Изольду разделяет (до поры) меч, героев Солженицына то, что должно соединять, — постель, «подушечные бастионы», которые, однако, бьют «пулемётами» (430–431), оружием страшнее меча.

В повести не раз возникают ситуации, свидетельствующие о невозможности соединения Принца и Спящей красавицы, Водемона и Иоланты (между прочим, героиня оперы Чайковского соглашается прозреть ради спасения жизни любимого), Тристана и Изольды...

«— Вега! Ве-га! — вполголоса проговорил он, стараясь внушить издали. — Вернись, слышишь? Вернись! Ну обернись!

Но не внушалось. Она не обернулась» (202).

Это концовка главы 17 «Иссык-кульский корень». В главе следующей — 18 («И пусть у гробового входа...») — Костоготов начинает «тискать Зойку» (целует ее в губы). Этим же он, вероятно, занимался в ту самую ночь, когда

⁹ Иоланта / либретто М.И. Чайковского // Оперные либретто. URL: <http://libretto-oper.ru/tchaikovsky/iolanta> (дата обращения: 07.09.2018). М.И. Чайковский был стихотворцем бесхитростным, а потому простодушно вторил переложению «An die Freude»: «Радость, первенец творенья, / Дочь великого Отца» (Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 62).

«горела зелёная шкала» проигрывателя (298) — когда окончательно просыпалась Спящая красавица, вернуть к жизни которую может только поцелуй, только любовь. В день выписки Костоготов, как ему кажется, «разменял... свою цельную утреннюю душу... В Универмаге... Ещё раньше — пропил с вином. Ещё раньше проел с шашлыком. (Но ведь и вино, и шашлык, и блуждание по улицам дарили настоящую радость. — А.Н.)

А ему надо было посмотреть цветущий урюк — и сразу же мчаться к Веге» (420). Предпоследний рывок (по чудесно слышанному зову антилопы Нильгау) завершается бегством от «подушечных бастионов» (431). Последний — когда Олег вдруг, вопреки всему своему экзотическому опыту, поверил развеселому армянину-коменданту («Скоро это всё кончится <...> Как что? Отметки. Ссылка. Ко-мен-дан-ты!» (435)) — тоже. Прижатый в трамвае к беленькой девушке, уверенный, что бесповоротно утратил «мужское начало», «понял Олег, что едет к Веге — на муку и обман». Свой обман — ее муку. И отправился на вокзал.

Всё так. Но «фабула» (героям не суждено быть вместе) окажется слабее «мотивной системы»: Любовь Олега и Веги — реальность, не зависящая от их «житейских обстоятельств». Здесь особенно важны два сцепленных поэтических решения Солженицына: писатель наделяет Костоготова таким знанием о Веге, что легче объяснить «мистически» (обмен мыслями), чем рационально, и неожиданно поворачивает общеизвестную легенду о «мертвом женихе» и его возвращении.

Прощаясь с «раковым корпусом» (в отличие от Русанова, Костоготов не боится оглянуться!), герой заглядывается на изменившиеся с приходом весны деревья. «На клёнах уже висели кисти-серёжки. И первый уже цвет был — у алычи, цвет белый, но из-за листьев алыча казалась бело-зелёной.

А вот урюка здесь не было ни одного. А он уже, *сказали* (курсив мой. — А.Н.), цветёт. Его хорошо смотреть в Старом городе.

В первое утро творения — кто ж способен поступать благорассудно? Все планы ломая, придумал Олег непутёвое: сейчас же, по раннему утру, ехать в Старый город смотреть цветущий урюк» (406). Что означает неопределённо-личная форма закурсивленного мной глагола? Кто поведал Олегу о зацветшем урюке? И почему его так влечет именно это дерево? «Ничего в их городе не бывало красивее цветущего урюка. Вдруг захотелось ей сейчас, в обгон весны, непременно увидеть хоть один цветущий урюк — на счастье, за забором где-нибудь, за дувалом, хоть издали, эту воздушную розовость не спутать ни с чем.

Но — рано было для того» (288). Не рассказывала доктор Гангарт Костоготову об урюке. Но он хочет обрести то самое чудо, о котором Вега мечтала в свой счастливый день. И обретает: «И тогда с балкона чайханы он увидел над соседним закрытым двором прозрачный розовый как бы одуванчик, только метров шесть в диаметре — невесомый воздушный розовый шар. Такого большого и розового он никогда не видел в росте!

Урюк??. (409–410)». После лицезрения которого, как осознает герой позже, должно было «сразу же мчаться к Веге» (420). (Или *не* должно?) Да и все бесцельно-счастливое путешествие Костоглотова по незнакомому городу отражает возвращение Веги домой после «переливания крови». (Только Вега ни в один магазин не зашла, а Костоглов тыркнулся в Универмаг. Как пораженная недугом и не перестающая думать о больных Донцова заглянула — и успешно — в «зеркальный “Гастроном”» (288, 416–420, 87); примечательно, что безрадостное посещение Универмага описано весьма подробно, замедленно, а удачный заход Донцовой — «будут давать ветчинно-рубленную по килограмму в руки» — вместился в два абзаца. — А.Н.). Даже когда Олег замечает, что в чайхане сидят только мужчины, и задумывается, не хотят ли они «этим выразить, что их главная жизнь идёт без женщин» (409), он словно откликается на обращенные к нему же размышления Веги об ущербности мировидения прославленного (модного, полузапретного) американского писателя: «Хемингуэевские сверх-мужчины — это существа, не поднявшиеся до человека, мелко плавают Хемингуэй» (292)¹⁰.

Узнав «школьное» имя Веры Гангарт, Олег может уразуметь, что она не замужем — не более. Да и эту шараду разгадывает он не слету — «что-то тут не сошлось, но он сейчас не мог понять» (202). После разговора за переливанием крови он узнал в Вере «школьную подругу», понял, как она видит отношения меж мужчинами и женщинами. Но не только деталей — даже общего контура ее судьбы — узнать Костоглотову было неоткуда. Их житейское «интимное» общение прекратилось на следующий день — когда Вере стало известно о ночных свиданиях Костоглотова с Зоей. И даже догадалась, почему у ее больного «слабо выраженная реакция на гормонотерапию» (316). В главе 27 («Что кому интересно») Костоглов разом теряет Зою, смекнувшую, что «колесу игры» катиться некуда, а риск велик, и Вегу, совершенно не понимая, почему та «не хочет на него даже смотреть» (317). Одновременно же «соперницы» и простят Костоглотова — перед выпиской обе пригласят его переночевать. Что еще раз доказывает: в «Раковом корпусе» оппозиция «любовь земная — любовь небесная» *не абсолютна*. «В том ледяном мире, который отформовал, отштамповал Олегову душу, не было такого явления, такого понятия: “нерасчётливая доброта”. И Олег — просто забыл о такой. И теперь ему чем угодно было легче объяснить это приглашение, чем простой добротой» (396). Зря забыл. Потому как «нерасчетливая доброта» (самим Костогловым не раз овладевающая) — часть того, что зовется любовью, того,

¹⁰ Хемингуэевский обертон размышлений Костоглотова в чайхане был отмечен; см.: Баранович-Поливанова А.А. «Мелко плавают Хемингуэй» // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 177. В той же пронизательной работе указаны другие вероятные реминисценции прозы американского писателя в сочинениях Солженицына, в частности — в «Раковом корпусе». «Мужчины без женщин» («Men without women») — заглавный рассказ сборника Хемингуэя (1927).

чем люди живы. Но никакого «примирения» меж Вегой и Костоглотовым до дня расставания не было; уже получив приглашение, он спрашивает: «А за что вы на меня так долго сердились?» (392) — и не получает ответа.

Так почему же Олег уверенно пишет возлюбленной: «Вы полжизни своей закололи, как ягнёнка, — пощадите вторую!» (444)? Он точно «достроил» судьбу другого человека — что посильно только художнику (Нержину романа «В круге первом»¹¹) и любящему (Костоглотову).

Олега и Веги разделяет его недуг (обусловленный страшным прошлым с неизничтожимым до конца последствием), но не тень погибшего на войне жениха. Пробудивший Вегу-Аврору Костоглотов не самозванец. Он не вытесняет погибшего, но его замещает. Трансформируется не только сюжет «Спящей красавицы», но и странно накладывающийся на него сюжет «Леноры». Героиня баллады Бюргера и ее переложений Жуковского была наказана (и/или осчастливлена) за *верность* жениху¹². В повести Солженицына мертвец приходит к невесте, но в ином внешне обличье (он не погиб на войне, а перенес после нее еще и лагерь), которое для Веги не важно — она узнает своего «развитого рядового». Он пришел не для того, чтобы унести невесту в могилу, а для того, чтобы вернуть ее жизни: «...именно теперь она ощутила умершего как мальчика, не как сегодняшнего сверстника, не как мужчину — без этой косной тяжести мужской, в которой только и есть пристанище женщине» (296). Но и в Костоглотове (вопреки его истории, складу, желаниям, поступкам) Вега видит (любит) такого же мальчика. Она перенесла его в страну детства, где браки не заключаются (там в них можно только играть). Перенесла, чтобы, сохраняя в себе дух этой страны, оба они могли жить в той жизни, что им досталась. Порознь. Потому что детство — в отличие от переливаемой крови — не консервируется. Они отказываются друг от друга ради того будущего, которое оба видят открытым для любимого (любимой): «...будущую себя угадать вам не дано» (444), — пишет Костоглотов Веге в день их не-встречи, в их «последний день».

В окончательном тексте «Ракового корпуса» Солженицын снял два коротких последних абзаца, памятных читателям сам- и тамиздата. «Хорошо лежать. Хорошо.

Только когда дрогнул и тронулся поезд — там, где сердце, или там, где душа — где-то в главном месте груди, его схватило — и потянуло к оставляемому. И он перекрутился, навалился ничком на шинель, ткнулся лицом зажмуренным в угловатый мешок с буханками.

Поезд шёл — и сапоги Костоглотова, как мёртвые, побалтывались над проходом носками вниз» (447).

¹¹ Об этом см.: Немзер А.С. Жизнь и поэзия в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 101–117.

¹² Примечательно, что во всех трех переложениях баллады Бюргера Жуковский не надевает жениха именем. Так не только в «Людмиле» и «Светлане», но и в ориентированной на точность «Леноре» (у Бюргера жених Леноры поименован — Вильгельм). Безымянным остается и погибший жених верной Веги.

Далее следовало: «Злой человек насыпал табаку в глаза макаке-резус. — Просто — так» (546).

Доводилось слышать, что писатель убрал концовку, дабы отвести возможный (или даже прозвучавший) вопрос читателей: не умирает ли при начале движения Костоглотов — перемогший войну и лагерь, перебарывающий рак, чувствующий, что «ссылка колетя, как яичная скорлупа» (447)? Представляется, что и при «старом» варианте финала вопрос был не правомочен, и при новом у кого-то все равно может возникнуть. Костоглотов, конечно, *не умирает* — не зря Солженицын написал, что сапоги его болтались как мёртвые.

Название последней главы «Ракового корпуса» должно читаться «слитно» с названием главы предшествующей, отсылая к общеизвестным строкам и их контексту:

Клянусь я первым днем творенья
Клянусь его последним днем...
<...>
Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня!..¹³

Клятва Демона — зачин последнего его соблазняющего монолога. За ним следует смерть Тамары от поцелуя. Умерев, она, по «умыслу жестокому», должна соединиться навсегда с алчущим любви Демоном. Демон «замещает» нежданно перешедшего в иной мир жениха Тамары, им же и погубленного¹⁴. Солженицын и здесь варьирует узнаваемый романтический сюжет (контрастно соотносённый с историей Спящей красавицы мотивом оживляющего/губящего поцелуя, корреспондирующий и с легендой о приходе мертвого жениха — не только метонимически). Его герой *не* увлекает возлюбленную в свое «небытие». И не проклинает «мечты безумные свои»¹⁵. Ему просто очень больно покидать «девочку» — женщину, про которую он понял: «Бог посылает» (444). Посылает — но не для соединения.

¹³ Лермонтов М.Ю. Демон: Восточная повесть // Полн. собр. стихотворений: в 2 т. Л.: Сов. писатель, 1989. Т. 2. С. 460.

¹⁴ «Властитель Синодала» погибает в стычке с осетинами потому, что «презрел... обычаем прадедов своих», не помолился в придорожной часовне: «Его коварною мечтою / Лукавый Демон возмущал: / Он в мыслях, под ночною тьмою, / Уста невесты целовал». Прописная буква в слове «демон» указывает, что речь идет не о каком-то из злых духов вообще, но о герое «восточной повести». Того существеннее, что истории гибели жениха *предшествует* описание пляски Тамары: «И были все ее движенья / Так стройны, полны выраженья, / Так полны милой простоты, / Что если б Демон, пролетая, / В то время на нее взглянул, / То, прежних братий вспоминая, / Он отвернулся б — и вздохнул... (здесь заканчивается глава и начинается следующая, с номером 9. — А.Н.) // И Демон видел...» (Там же. С. 443, 441–442).

¹⁵ Там же. С. 465.

История анализа

«— Костоглотов! За двенадцать сеансов рентген сделал вас живым человеком из мертвеца — и как же вы смеее руку заносить на рентген? Вы жалуетесь, что вас в лагере и ссылке не лечили, вами пренебрегали — и тут же вы жалуетесь, что вас лечат и о вас беспокоятся. Где логика?»

— Получается, логики нет, — потряс чёрными кудлами Костоглотов. — Но может быть, её и не должно быть, Людмила Афанасьевна? Ведь человек же — очень сложное существо, почему он должен быть объяснён логикой? или там экономикой? или физиологией?» (72).

Ср. в главе 25 («Вега») размышления-переживания заглавной героини после ее разговора с Костоглотовым на сеансе переливания крови:

«Праздник в том, чтобы почувствовать себя правой. Твои затаённые, твои настойчивые доводы, осмеянные и непризнанные, ниточка твоя, на которой одной ты ещё висишь, — вдруг оказываются тросом стальным, и его надёжность признаёт, уверенно виснет и сам на него такой бывалый, недоверчивый, неподатливый человек.

И как в вагончике подвесной канатной дороги над немислимой пропастью человеческого непонимания, они плавно скользят, поверив друг другу.

Это просто восхитило её! Ведь мало знать, что ты — нормальная, не сумасшедшая, но и услышать, что — да, нормальная, не сумасшедшая, и от кого! Хотелось благодарить его, что он так сказал, что он сохранился такой, пройдя провалы жизни.

Благодарить, а пока что оправдываться перед ним — за гормонотерапию. Фридлянда он отвергал, но и гормонотерапию тоже. Здесь было противоречие, но логику спрашивают не с больного, а с врача.

Было здесь противоречие, не было здесь противоречия — а надо было убедить его подчиниться этому лечению! Невозможно было отдать этого человека — назад опухоли! Всё ярее разгорался у неё азарт: переубедить, переупрямить и вылечить именно этого больного! Но чтобы такого огрызливого упрямяца снова и снова убеждать, надо было очень верить самой. А ей самой при его упреке вдруг прояснилось, что гормонотерапия введена у них в клинике по единой всесоюзной инструкции для широкого класса опухолей и с довольно общей мотивировкой. О том, как оправдала себя гормонотерапия в борьбе именно с семиномой, она не помнила сейчас специальной отдельной научной статьи, а их могла быть не одна, и иностранные тоже. И чтобы доказывать — надо бы все прочесть. Не так много она их вообще успевала читать...

Но теперь-то! — она всё успеет! Теперь она обязательно прочтёт» (288–289).

Мысли и/или чувства Костоглотова (больного) и Веры Корнильевны (врача) равно противоречивы. В предшествующей главе Вега, выйдя из поля

зрения Костоглотова (находясь «за кадром»), слышит его словно бы внутренний монолог: «Сперва меня лишили моей собственной жизни. (Герой имеет в виду годы войны, лагеря, ссылки, которая должна быть «вечной». — А.Н.). Теперь лишают и права... продолжить себя. Кому и зачем я теперь буду?.. Худший из уродов! На милость?.. На милостыню?..» (284). В сбивчивой речи тридцатичетырехлетнего, прошедшего тяжелейшие испытания мужчины слышится то же, что будет, рыдая, кричать Дёмке Ася: «Из её опыта только и выходило: незачем теперь жить!

— Ком-му-я-теперь-буду-н-нужна?.. — спотыкалась она безутешно. — Ком-му?..» (335).

Дёмка утешает Асю обещанием взять ее в жены и робкими поцелуями — неумелым, нелепым, неожиданным для него самого, но истинным признанием в любви. Доктор Гангарт, словно зная об этом еще не случившемся эпизоде, вроде бы должна (да и намеревается) сказать Костоглотову что-то вроде: вы же не глупенькая девочка, будьте взрослым, к жизни надо относиться серьезно (и дальше — в тональности то ли уставшего от бабьих штучек Льва Леонидовича (326), то ли поднимающегося над любовью ради дела Вадима Зацырко). Но говорит она совсем другое: «Да ведь неправда же!.. Да неужели вы так думаете? Я не поверю, что это думаете вы!.. <...> Должен кто-то думать и иначе! Пусть кучка, горсточка — но иначе! А если так — то среди кого ж тогда жить? Зачем?.. И можно ли!» Так «лечащий врач» возвращает Костоглотова в «страну детства» (285). (Его полёт «по сумасшедшей параболе» рифмуется с грезящимся Вега далее движением «в вагончике подвесной канатной дороги над пропастью человеческого непонимания» (285, 289).) Детство, в которое посылает Костоглотова Вега, не то, откуда рвутся во «взрослую жизнь» (вспомним еще раз Асю в главе «Дети»), но особое пространство, напоминающее о мире до грехопадения. Можно ли в него вернуться? Из этой мечты растет большая ветвь «идиллической» словесности — миф о Филемоне и Бавкиде, повесть о старосветских помещиках, солженицынская история четы Кадминых (231–237), счастливых своим соединением после долгих лагерных лет, вдали от родины, в ссылке и бедности. Вега и Олег не дети и не старики, но отринуть безгрешный чистый мир они не хотят и не могут. Потому Костоглов «узнает» в своем враче «девочку его детства» (287), потому, продолжая мысль Веги, с ужасом вспоминает книги венеролога, после которых «ощущение было... что не хочется даже жить...» (286).

Кажется, гармония достигнута. Отсюда счастливое состояние Веги в главе, несущей интимное имя героини. Но в той музыке, что звучит в душе Веги, слышатся и непредусмотренные ноты. Разумеется, Вера Гангарт и прежде стремилась спасти всякого больного, и впредь будет бороться за каждого, но *этого* ей особенно хочется спасти. Наверно, она и сама бы дошла до мысли о том, что гормонотерапия чревата опасностями, но ее сегодняшние рефлексии (и надежды на лучшее! — «теперь она обязательно прочтёт» все

нужные специальные статьи и найдет в них истину) вызваны сетованиями Костоглотова. Доктор открывает в пациенте не столько даже единомышленника, сколько со-чувственника, еще не вполне понимая, что в ней пробуждается любовь, что она вновь становится женщиной.

Этот сюжет был подробно рассмотрен выше. Сейчас же должно подчеркнуть: ключевая для повести Солженицына тема «алогичности» человека, его несводимости к тем или иным объективным «закономерностям», его внутренней противоречивости, его необъяснимости вводится в «неприятном» разговоре дотошливого пациента и замotanного, но, как кажется, неуклонно блюдущего профессиональные нормы врача. Не о любви или возможности счастья разговаривают Донцова и Костоглов. О методах борьбы со злокачественной опухолью. О каждодневном деле. В то же время — о жизни и смерти.

Право лечить

«Но можно ли так? — ставить вопрос о *праве* врача лечить? Если думать так, если сомневаться в каждом научно-принятом сегодня методе, не будет ли он позже опорочен или отвергнут, — тогда можно чёрт знает до чего дойти! Ведь смертные случаи описаны даже от аспирина: принял человек свой первый в жизни аспирин и умер!.. Тогда лечить вообще нельзя! Тогда вообще нельзя приносить повседневных благ.

Этот закон, вероятно, имеет и всеобщий характер: всякий *делающий* всегда порождает и то, и другое — и благо, и зло. Один только — больше блага, другой — больше зла» (83–84).

Глава прямо продолжает предшествующую: речь идет о том, что делала и о чем думала доктор Донцова, одержав победу над упрямцем. (Правда, в самом финале «Истории анализа» «донцовская» линия сильно перебивается «костоглотовской»: «Он шёл от неё и думал, что идёт между двумя вечностями. С одной стороны — список обречённых умереть. С другой стороны в е ч н а я ссылка. Вечная, как звёзды. Как галактики» (76). Вот эти мысли пациента доктору недоступны. Как непонятно ей, почему так запущен недуг бывшего эка. Как ни объясняй Костоглов, *где и когда* его оперировали, что кругом творилось, «дикости» (63) этой Людмила Афанасьевна уразуметь не может. Как не может принять в расчет костоглотовскую «вечность».) Но не менее тесна связь седьмой главы с пятой («Тревоги врачей»), которая начинается с мрачайших обертонов коллизии, представленной в «Праве лечить».

«Этот Русанов мог причинить “маме” (Донцовой, резко поговорившей с капризным «важным» пациентом. — А.Н.) тягучие неприятности. Мудрено голову приставить, а срубить немудрено.

Да если бы только один Русанов! Это мог сделать любой больной с ожесточённым сердцем. Ведь всякая травля, однажды кликнутая, — она не лежит, она бежит. Это — не след по воде, это борозда по памяти. Можно её потом заглаживать, песочком засыпать, — но крикни опять кто-нибудь хоть спьяну: “бей врачей!” или “бей инженеров!” — и палки уже при руках» (55). Так думает Вера Гангарт, тут же вспоминая подобные сюжеты. В частности — «свой», с шофером МГБ, который заподозрил докторшу с «ненашей» фамилией в намерении его отравить.

От «дела врачей» время действия «Ракового корпуса» отделяют всего два года. «Ключки подозрений остались там и сям, проносятся» (55). Как «проносятся», рассказывает в 26-й главе Лев Леонидович, накануне посетивший суд — «пока товарищеский» (298) — над хирургом. Обвинение: через несколько дней после операции («жил, уже играл») умер ребенок. «Восемь месяцев этого несчастного хирурга трепали следствием — как он там эти месяцы оперировал! Теперь на суд приезжают из горздрава, приезжает главный хирург города, а общественный обвинитель — из мединститута, слышите? И фугует: преступно-халатное отношение! Тянут в свидетели родителей — тоже нашли свидетелей! — какое-то там одеяло было перекошено, всякую глупость! А масса, граждане наши, сидят глазают: вот гады врачи! И среди публики — врачи, и понимаем всю глупость, и видим это затягивание неотвратимое: ведь это нас самих затягивают, сегодня ты, а завтра я! — и молчим» (311). Впечатленный поездкой в Москву, где ощутиее «новые времена», Лев Леонидович «полез выступать», сказал, что случай — «предмет разбирательства *научного*, а никак не судебного», что работа врача «основана на доверии» (311–312)... и сорвал аплодисменты. «Новые» же времена: не автоматическое шлепанье срока (с предшествующим единодушным злобным воем на собрании по месту службы), а «товарищеский суд», прения (хоть и одергивали Льва — «слова лишим»), торжество справедливости: «Отстояли. Весь суд — на пшик, признали только, что неправильно велась история болезни» (313). Но ведь запросто — не съезди Лев в Москву, не найдись ему поддержки — все могло сложиться иначе. «И это ещё — русский хирург! А если бы был немец, или, вот скажем, жьжьид, — протянул он мягко и долго “ж”, выставляя губы, — так повесить, чего ждать?..» (312). (По бродившим зимой 1953 года и позже слухам, «врачей-убийц» намеревались казнить именно так. Публично. Вот и пациент ракового корпуса П.Н. Русанов *мечтал* о введении публичных казней для спекулянтов» (131). И, надо думать, всей душой принял бы применение этой меры наказания к «убийцам в белых халатах». Как и шофер МГБ, озабоченный национальностью доктора Гангарта.) Ну, а «новые времена» требуют «новых» форм: широкого привлечения общественности, острых дискуссий, повышения ответственности, развития самокритики... (возвращения к «ленинским нормам»). «И в заключение выступает главный хирург города! И что ж он из всего вывел? что понял?

Судить врачей, — говорит, — это *хорошее начинание*, товарищи, очень хорошее!..» (313). 26-я глава и называется «Хорошее начинание».

Примечательно, однако, что Донцова спорит с постоявшим за правду коллегой. «А как с нами, врачами, можно разговаривать иначе? Там салфетку в живот зашили, забыли! Там влили физиологический раствор вместо новокаина! Там гипсом ногу омертвили! Там в дозе ошиблись в десять раз! Иногруппную кровь переливаем! Ожоги делаем! Как с нами разговаривать? Нас за волосы надо таскать, как детей!» (312). Эти самообвинения обусловлены не только тем, что доктор обнаружила у себя (почти? уже вполне?) тот самый страшный недуг, с которым всю профессиональную жизнь борется.

Позднее, в главе «Старый доктор» Донцова жалуется своему учителю:

«— Но почему такая несправедливость: почему меня, онколога, должна настичь именно онкологическая болезнь, когда я их все знаю, когда представляю все сопутствия, последствия, осложнения?..

— Никакой тут несправедливости нет, — басовостью и отмеренностью очень убеждал его голос. — Напротив, это в высшей степени справедливо. Это самое верное испытание для врача: заболеть по своей специальности.

(В чём же тут справедливо? В чём тут верно? Он рассуждает так потому, что не заболел сам.)

— Вы Паню Фёдорову помните, сестру? Она говорила: “ой, что это я неласковая с больными стала? Пора мне опять в больнице полежать...”» (353).

Опасения за себя (смогут ли мне помочь? не ошибутся ли те, кому я больше всех доверяю?) слиты с тем, что принес долгий опыт работы, в которой должно следовать легендарному Гиппократову правилу «Не навреди». Должно. Но получается не всегда. И не только из-за того, что работать немногим истинным врачам приходится в варварских советских условиях, рядом с толпой бездельников, неумех, просто случайно попавших в медицину людей. Опасающийся рентгеновской передозировки больной «уязвил» Людмилу Афанасьевну не дикостью и упрямством, а возможной правотой. «Она действительно должна была скоро делать сообщение в обществе рентгенологов на тему: “О поздних лучевых изменениях”. Почти то самое, в чём упрекнул ее Костоглотов» (81). Отсюда размышления Донцовой в главе «Право лечить». Вопреки ситуации возбужденного спора *подтверждаемые* в главе «Хорошее начинание» страстным оппонентом Донцовой (но и высоко ценимым ею коллегой, человеком, которому Людмила Афанасьевна готова доверить жизнь): «Да вы меня убиваете, Людмила Афанасьевна! — пятерню большую, как защищаясь, поднял к голове Лев Леонидович. — Да как можете так говорить — вы!? Да здесь вопрос, выходящий даже за медицину! Здесь борьба за характер всего общества!» (312).

Вот-вот. Борьба за характер всего общества. И даже более того. Право лечить и — право учить, право строить, право вводить новые технологии, право изменять социальные нормы... (Да и право на личное счастье, на лю-

бовь, на человеческую жизнь.) Донцова думает: «...всякий *делающий* всегда порождает и то, и другое — и благо, и зло» (84). И словно бы в полном с ней единоклюнии бодро витийствует поэтесса Алла Русанова, освобождая отца от робко пробуждающейся совести (пусть замешанной на животном страхе возмездия): «тот, кто идёт и *сигнализирует* — это передовой, сознательный человек! Он движим лучшими чувствами к своему обществу, и народ это ценит и понимает. В отдельных случаях такой человек может и ошибиться. *Но не ошибается только тот, кто ничего не делает.* (Здесь курсив мой. — А.Н.) Обычно же он руководится своим классовым чутьём — а оно никогда не подведёт» (241). Что ж, про такие «толкования» реальной сложности бытия (изошренные ли, простодушные ли опыты «оправдания зла») всё, что требуется, коротко и ясно сказал Нержину (и нам) дворник Спиридон: *Волкодав — прав, а людоед — нет* (II, 499).

Чем люди живы

«Жил сапожник с женой и детьми у мужика на квартере. Ни дома своего, ни земли у него не было, и кормился он с семьёю сапожной работой. Хлеб был дорогой, а работа дешёвая, и что заработает, то и проест. Была у сапожника одна шуба с женой, да и та износилась в лохмотья» (93)¹⁶.

В следующем абзаце появляется еще одна цитата из толстовского рассказа — резкий до гротеска, подчеркнуто грубо телесный портрет барина (противопоставленного Толстым «поджарому» Семёну и «худощавому» Михайле):

«...как с другого света человек: морда красная, налитая, шея как у быка, весь как из чугуна вылит... С житья такого к а к им гладким не быть, этакое заклепа и смерть не возьмёт»¹⁷. Поддуев распознает в барине сходство со многими знакомыми начальниками. «Да и сам ли Ефрем не начинал ли на такого вытягивать?» (93).

Первые строки рассказа цитируются вновь — после череды ответов на предложенный Ефремом (книжкой) вопрос «Чем люди живы?». Поскольку читать вслух Ефрему трудно, «он стал перелагать Сибгатову своими словами» (96). Девять страниц (пять главков) толстовского текста (до появления барина) укладываются в четыре фразы. Не упоминаются чудесные обстоятельства. Не говорится о том, что пристыженная мужем Матрена («...али в тебе Бога нет?!») дает мужикам на ужин последнюю краюшку. Опущен пред-

¹⁶ Ср.: Толстой Л.Н. Чем люди живы // Собр. соч. Т. 10. С. 252.

¹⁷ Там же. С. 262, 263. Солженицын «стягивает» цитату: последняя фраза — реплика Матрены после отъезда барина, концовка IV главки рассказа.

сонный разговор Семена с Матреной («Мы-то даем, да что ж нам никто не даст? Не знал Семен, что сказать. Говорит: “Будет толковать-то”. Повернулся и заснул»¹⁸). История же барина (для помнящих рассказ Толстого — второго прозрения наказанного ангела) представлена достаточно подробно. Ясно, что именно неожиданная смерть «вечного» хозяина, которого, как казалось Семену, «долбней не убьешь», проняла баринова двойника, который в свою пору не расслышал предупреждения: «И ты будешь умирать, десятник!» (178). О третьем прозрении ангела Ефрему поведать не удалось. Да и о том, кто такой Михайла и что с ним приключилось, сопалатники Поддужева не узнают. И без того возмущенный «не нашей» моралью Русанов требует ответа по существу: «И чем же там — люди живы?» (97). Тут-то Ефрема и берет настоящая тоска. Раньше, при ответе Русанова на вопрос из книжки, просто «досадно стало, что хияк вывернулся. Уж где идейность — там заткнись» (96). Теперь же Ефрему «досаждало, что лысый едва ли не угадал. В книге написано было, что живы люди не заботой о себе, а любовью к другим. Хияк же (не слышавший конца рассказа! — А.Н.) сказал: общественным благом» (97). Только «общественное благо» для него есть благо *своего* класса — теперь именуемого не «господским», а «господствующим», «потомственных пролетариев» (забывших, как к станку подходят), «настоящих коммунистов», «верных сталинцев», «ответственных работников»... И имеет к благу сопалатников Русанова такое же отношение, как затыкающая рты «идейность» к «идеализму». Ответив на вопрос из книжки, материалист-диалектик «выкусил тот самый сладкий хрящик в суставе» курицы (96). Механически используя «правильные» слова, Русанов (как и любой инфицированный злом) не помнит их изначального смысла и — одновременно — его ненавидит. Поэтому он и не узнает в своем «общественном благе» той «любви» друг к другу, которой живы люди.

Не менее существенно, однако, что для обитателей онкологической палаты не может быть ясно, почему из истории быкообразного барина следует, что люди живы любовью. (Вновь «недоцитата».) Вот что остается за кадром.

«И сказал ангел:

— Узнал я, что жив всякий человек не заботой о себе, а любовью.

Не дано было знать матери, чего ее детям для жизни нужно. Не дано было знать богачу, чего ему самому нужно. И не дано знать ни одному человеку — сапоги на живого или босовики ему же на мертвого к вечеру нужны.

Остался я жив, когда был человеком, не тем, что я сам себя сдумал, а тем, что была любовь в прохожем человеке и в жене его и они пожалели и полюбили меня. Остались живы сироты не тем, что обдумали их, а тем, что была любовь в сердце чужой женщины и она пожалела, полюбила их. И живы все люди не тем, что они сами себя обдумывают, а тем, что есть любовь в людях.

Знал я прежде, что Бог дал жизнь людям и хочет, чтобы они жили; теперь понял я еще и другое.

Я понял, что Бог не хотел, чтобы люди врозь жили, и затем не открыл им того, что каждому для себя нужно, а хотел, чтоб они жили заодно, и затем открыл им то, что им всем для себя и для всех нужно.

Понял я теперь, что кажется только людям, что они заботой о себе живы, а что живы они *одною* любовью. Кто в любви, тот в Боге и Бог в нем, потому что Бог есть любовь»¹⁹.

Почему так? Из опасений цензуры? Возможно. В расчете на памятьливость одних читателей и благородный интерес других, что после прочтения «Ракового корпуса» обратятся к рассказу Толстого? Весьма вероятно. (Кстати, рассказ «Смерть Ивана Ильича», ассоциации с которым возникли уже у первых читателей солженицынской повести, в тексте ее прямо не назван. В отличие от ряда иных сочинений Толстого — кроме «Чем люди живы» и других поздних рассказов, это повесть «Казачи», романы «Война и мир» и «Анна Каренина», воспоминания о брате Николае. Тоже «недоцитата».) Из-за того, что Ефрему проще понять мысль о воздаянии за грехи, чем о силе любви, которой он в жизни (почти?) не видел? И так. Но, кажется, и потому еще, что глава «Чем люди живы» следует за главой «Право лечить» и вступает с ней в напряженный (неразрешимый банально) диалог. Можно ли спастись только любовью? Можно ли не вмешиваться в ход жизни вовсе? Ангел был наказан за то, что пожалел мать, оставил ее в живых, с новорожденными девочками. Но когда своеволие ангела было исправлено, а одинокая женщина умерла, ее соседка взяла двойняшек и выкормила их. А что случилось бы, сочти она, что о детях Бог позаботится? Что случилось бы с ангелом (Михайлой), если бы переложили заботу о нем на Бога Семен и Матрёна? В «Августе Четырнадцатого», готовясь к вражеской канонаде, какой-то солдат выкрикивает «Богу молись, а к берегу гребись!» (VII, 238). Не только ведь для войны сложена была эта — известная Гоголю и записанная Далем — пословица.

Тени расходятся

«Эротический момент есть и у современных авторов. Он не лишней, — строго возразила Авиета. — В сочетании и с самой передовой идейностью» (247).

Героиня, произносящая эту замечательную сентенцию, достойна пристального внимания. Она принципиально отличается от *всех* сколько-то подробно описанных персонажей повести Солженицына. Это авторское решение было замечено первыми читателями «Ракового корпуса» (точнее — первой

¹⁹ Там же. С. 271–272.

его части), принадлежащими к литературской среде. Замечено и осуждено. Как и глава 21 («Тени расходятся») в целом. Реакции на нее читателей самиздата мне неизвестны, но среди «профессионалов» разногласий не было.

На удалении эпизода настаивали сотрудники «Нового мира», в том числе энергично борющиеся за публикацию «Ракового корпуса». Из пятнадцати выступавших на писательском обсуждении первой части повести сочли должным укорить «литературную» главу *восемь* (больше половины). Тут сходились противники Солженицына и его союзники. Возможно, кто-то думал иначе, но мнение свое оставил при себе²⁰. Разумеется, оппоненты Солженицына руководствовались разными мотивами — от элементарного страха (взятая в «Раковом корпусе» под защиту статья «Об искренности в литературе» была однозначно осуждена ЦК правящей партии²¹, а решения этого «органа» срока давности не имели и какому-либо обсуждению не подлежали) до заботы (допускаю, что в иных случаях — субъективно честной) о

²⁰ О двух редакционных обсуждениях первой части «Ракового корпуса» Солженицын рассказал в «очерках литературной жизни». После первого (18 июня 1966) писатель, уверенный, что повесть принята к печати в любом случае не будет, тактически внес в текст некоторые исправления, в том числе «со вздохом» отсек главу «Тени расходятся». Через неделю правка была сочтена редакцией недостаточной, и автор, не подписав договора, забрал рукопись, уже широко ходившую в самиздате (XXVIII, 151–155). Негативные суждения о 21-й главе, прозвучавшие на дискуссии в ЦДЛ (16 ноября), см.: Стенограмма расширенного заседания бюро творческого объединения прозы московской писательской организации СП РСФСР // Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и документов об А.И. Солженицыне, 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 248, 258, 260, 261, 266–267, 269, 274, 284, 290. Ср. также: «Познакомился с Солженицыным. Пятнадцать минут разговаривал около магазина в Жуковке. Его “Раковый корпус” прекрасный, кроме конца первой части» (*Самойлов Д.* Поденные записи: в 2 т. М.: Время, 2002. Т. 2. С. 28 (запись от 27 августа 1966)).

²¹ Статья В.М. Померанцева «Об искренности в литературе» была напечатана в № 12 «Нового мира» за 1953 год (ср. реакцию Донцовой на журнал, который читает Дёмка: «Ой, старый какой, позапрошлого года» (45)). Републикацию статьи см.: Оттепель. 1953–1956: Страницы истории русской советской литературы. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 17–60. В закрытом постановлении ЦК КПСС «Об ошибках редакции журнала “Новый мир”» (23 июня 1954) таковыми были названы статьи Померанцева, М.А. Лифшица («Дневник Мариэтты Шагинян» — 1954. № 2), Ф.А. Абрамова («Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» — 1954. № 4) и М.А. Щелгова («Русский лес» Леонида Леонова» — 1954. № 5). Главный редактор журнала был ознакомлен с постановлением 3 августа (этому предшествовали его обращения к партийному руководству); 11 августа состоялось заседание президиума правления Союза советских писателей, на котором Твардовский был освобожден от занимаемой должности. Здесь А.А. Сурков произнес утверждённый ЦК вердикт: «...позиция авторов этих (указанных выше. — А.Н.) статей вызывает такое противодействие потому, что авторы эти под видом критики недостатков советской литературы на тридцать седьмом году нашего пути поставили в “Новом мире” под сомнение такие ценности, которые святы для нас, для наших читателей у нас в стране и во всем мире. Вот почему так отвратителен нездоровый мещанский нигилизм авторов названных статей в “Новом мире”» (цит. по: <Чупринин С.И.>. Оттепель: Хроника важнейших событий 1953–1956 гг. // Оттепель... С. 440. Подробнее о первом разгроме «Нового мира» см.: Твардовский А. Дневник: 1950–1959. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 138–146; ср. также записанный Солженицыным рассказ В.Я. Лакшина о событиях лета 1954 года (XXVIII, 200–201).

духовной и эстетической высоте повести Солженицына (как выразился Е.Ю. Мальцев, «все разговоры о литературе мельчат рядом с этой большой темой, поставленной в этой вещи»). Сколь бы, однако, ни различались побуждения и убеждения недоброжелателей 21-й главы, ее смысл и роль в поэтическом целом «Ракового корпуса» ими дружно игнорировались²².

Отвечая критикам в конце обсуждения, Солженицын не без лукавства с ними «частично» соглашался: «Говорят (о 21-й главе. — А.Н.): фельетон. Согласен, — да. Говорят: фарс. Согласен, да. Но вот в чем дело: фельетон-то не мой, фарс-то не мой. <...> Речь Авиеты состоит из цитат из произведений известных ведущих критиков. Говорят: не надо сердиться на литературу. Да, с точки зрения вечности, конечно, не надо. С точки зрения вечности этой главе здесь не место. Но в течение некоторого времени эти цитаты произносились не Авиетой, глупенькой девчонкой, а людьми уважаемыми, с трибун побольше этой, и в печатном слове. Справедливо ли забыть это? Эти весы между вечностью и современностью очень трудные, сложные. Конечно, в этой главе я откровенно пренебрегаю чашкой вечности, откровенно даю фельетон и фарс. Но говорю: не мой»²³.

Что Авиета шпарит цитатами, конечно, понимали все сколько-то вмещающиеся литераторы. А вот о том, почему нужны эти цитаты, зачем автору понадобились «фарс» и «фельетон», что за ними стоит, думать они не хотели. Между тем, лишь разобравшись в этих вопросах, допустимо толковать о том, действительно ли Солженицын в финале первой части «Ракового корпуса» пренебрегает «чашкой вечности».

Итак, Авиета принципиально отлична от остальных действующих лиц. Это единственный из сколько-то подробно описанных персонажей, что по-является на сцене *один раз*²⁴. Во второй части повести имя ее не упоминается

²² Здесь необходима оговорка. Противники «литературного эпизода» находились в иной (худшей) позиции, чем сегодняшние читатели повести; они были знакомы лишь с первой частью, т.е. не имели возможности судить о целом. Однако профессиональные литераторы должны были понимать: «промежуточный финал» любого сколько-то грамотно выстроенного сочинения не может быть «случайным» или «дополнительным», не сцепленным с предшествующим повествованием и не намечающим его перспективу. Сомневаться в «квалификации» Солженицына у московских литераторов — несомненно прочитавших, кроме первой части «Ракового корпуса», хотя бы пять опубликованных рассказов — не было и быть не могло.

²³ Стенограмма расширенного заседания... С. 294.

²⁴ Строго говоря, не единственный: в тексте представлено лишь *одно* посещение Русанова старшим сыном, что, разумеется, тоже не случайно. Это решение автора, однако, жестко обусловлено единичностью визита Авиеты, которому посещение Юры противопоставлено по всем параметрам. Поскольку смысловые оппозиции очевидны, укажу лишь формальные: дети приходят к отцу в первой и второй частях повести; дочь перед походом в больницу была в Москве, сын — в глубинке; эпизод Авиеты разворачивается в палате (на глазах у других больных, двое из которых втягиваются в действие), эпизод Юры — на воздухе и без зрителей. Не будь «Раковый корпус» написан, «поздний» Солженицын вполне мог бы выстроить из такого материала «двойной рассказ».

вовсе. Даже в главе «Счастливый конец» — сказано, что Капитолина Матвеевна приехала забирать мужа из больницы с младшими детьми, «без старших». При этом отсутствию старшего сына (имя которого в тексте появляется) даны две мотивировки — прямая и скрытая.

Прямая: «...машину привёл Лаврик: он накануне получил права! <...> Лаврик выговорил, что после этого (транспортировки отца домой. — А.Н.) повезёт покатать друзей, — и должен был показать, как уверенно водит и без Юрки!» (385). Скрытая: Юра — тот самый «урод», которым должна быть, по пословице, нагружена любая семья²⁵. Об этом думает Русанов в первый свой больничный вечер: «Юра — не напористый, растяпа, он как бы не опозорился» — в первой «практической инспекции» молодого работника прокуратуры (21). Об этом через три дня беседует с женой: «...нет в нём русановской жизненной хватки. Ведь вот хорошая юридическая специальность, и хорошо устроили после института, но надо признаться, он не для этой работы. <...> Вероятно сейчас, в командировке, наделает ошибок. Павел Николаевич очень беспокоился. А Капитолина Матвеевна беспокоилась насчёт его женитьбы. Машину водить навязал ему папа (то ли дело Лаврик, уже школьником получивший права; не случайна эта деталь — как и кажущееся родителям сейчас «неудачным» имя их младшего сына. — А.Н.), квартиру отдельную добиваться тоже будет папа — но как доглядеть и подправить с его женитьбой, чтоб он не ошибся? Ведь он такой безхитростный, его охмурит какая-нибудь ткачиха с комбината, ну, положим, с ткачихой ему негде встретиться, в таких местах он не бывает, но вот теперь в командировке?» (159).

В обоих случаях Юре противопоставляется Авиета. А вот когда печальные предчувствия родителей сбылись²⁶ (глава 29: «Слово жёсткое, слово мягкое») — о «правильной» дочери Русанов не вспоминает. Коли искать «правдоподобия», необъяснимо. Как необъяснимо, почему старшая дочь навестила отца только (и сразу) по приезде из Москвы. Тут не работают «психологические» или «бытовые» мотивировки, чтобы выстроить которые не надо быть Солженицыным. Просто больше поэтесса Алла Русанова автору не нужна. Ей в «Раковом корпусе» отведена роль важная, но короткая. На одну сцену. Зато здесь персонаж занимает всю площадку.

«Олегу посчастливилось встретить её в самых дверях клиники. Он посторонился, придерживая для неё дверь, но если б и не посторонился — она с таким порывом шла, чуть наклоняясь вперёд, что, пожалуй, и сшибла бы» (238). «Посчастливилось» не только палатному соседу, но и дочери Русанова.

²⁵ Такая роль в замечательной семье Ростовых отведена Вере (в «правильном» замужестве — Берг).

²⁶ В командировке Юра и «ошибок» наделал, и, разоблачив нищих канцеляристок, одну из них в кино позвал. Неизвестно еще, что бы вышло, если б она не послала борца за государственные интересы куда подальше, а взяла его в оборот (говоря не по-русановски, а по-человечески: поняла, что хотел-то юноша хорошего, простила, полюбила...).

Костоглотов избежал сеанса агрессивной и бессовестной пошлости, то есть чуток нервов сберег, Авиета — отпора, который непременно дал бы ей закоренелый зэк. При столкновении физически она бы доходягу сшибла запросто (может, бросив «извиняюсь»), но в «дискуссии» пришлось бы поэтессе худо — Костоглотов ее «тактичному» хворому отцу спуску не давал, так уж тем более бы оттянулся на бодрой красотке. Но Солженицыну здесь вовсе не нужен спор, неизбежно переходящий в скандал, — ему необходимо дать Авиете выговориться без помех. Игнорируя окружающую реальность и тем самым, как убеждена поэтесса, «отменяя» ее. Единичность появления бодрой, пышущей здоровьем, самоуверенной сияющей девицы в раковом корпусе — знак ее *абсолютной чуждости* не только обитателям больничной палаты, но подавляющему большинству населения Страны Советов. (Да и иных — куда более благоустроенных — стран.) Потому что человеческая жизнь подразумевает страдания, а «миропонимание» Авиеты — нет.

Она отменяет мрачную больничную атмосферу и вызывающих отвращение у Русанова соседей: «...живым движением лба показала ему, что — убожество невыносимое, но надо рассматривать это с юмористической точки зрения» (240). Отменяет русановские страхи: реабилитации и значения не имеют, и не означают, что сажали (и убивали) без оснований («Что-то обязательно там есть, только небольшое» (240)²⁷); *сигнализовали* передовые, сознательные люди (241); за ложные показания судить не будут (241). Отменяет ужас бытия и надежды миллионов («зачем же теперь этих отдалённых возвращать сюда? Да пересаживать их сейчас в прежнюю жизнь — это болезненный мучительный процесс, это безжалостно прежде всего по отношению к ним самим! А некоторые умерли — и зачем же шевелить тени? Зачем и у родственников возбуждать необоснованные надежды, мстительные чувства?..» (240)). Отменяет даже то, что только что сама признала: «Стыд и позор! Кто-то пустил — и вот вьётся, вьётся... Ну, правда, говорят и “культ личности”, но одновременно говорят и “великий продолжатель”. Так что надо не сбиться, ни туда ни сюда. Вообще, папа, нужно гибко смотреть» (242).

Но до всего этого ровно таким же образом отменяет Авиета болезнь отца: «Ну, и ничего ужасного! — определила она. — Увеличенная железа и только. <...> Вот, говоришь, стало свободнее. Значит, уколы помогают. <...> А потом ещё меньше станет. А станет в два раза меньше — тебе она и мешать не будет, ты можешь хоть выписаться» (239). Совершенно бессмысленно задаваться вопросом, искренне ли будущий член ССП порицает словосочетание «культ личности», отвергает возможность наказания стукачей, говорит о скором выздоровлении отца. «Искренность» — понятие не из ее интеллектуального багажа. Оппозиции «правда — ложь» для нее не существует. Она твердо знает

²⁷ Ровно так же мыслит Зацырko: «...говорили в палате о сосланных нациях, и Вадим, подняв голову от своей геологии, посмотрел на Русанова, пожал плечами и тихо сказал ему одному (как коммунист — коммунисту. — А.Н.): “Значит, что-то было. У нас даром не сошлют”» (265).

одно: «колесо истории» невозможно «повернуть назад». Что на самом деле означает: в мире происходят только внешние изменения. Например, появились телевизоры. Подходит «полная революция быта <...>. Абажуры матерчатые, как у нас дома, — это теперь позор, мещанство, только стеклянные» (243). Родителям имя «Авиета» казалось (да по отсталости их и сейчас кажется) «красивым», а ныне (еще жива память о борьбе с космополитизмом) оно не годится (159)²⁸. (Зато фамилия у русской поэтессы хоть куда!) Ну и наконец: «...важно не пропускать повороты, какими полна жизнь. Например, говорили: “конфликтов быть не должно”! А теперь говорят: “ложная теория бесконфликтности”. Причем, если б одни говорили по-старому, а другие по-новому, заметно было бы, что что-то изменилось. А так как все сразу начинают говорить по-новому, без перехода — то и не заметно, что поворот. (Курсив мой. Не удержался. — А.Н.). Вот тут не зевай! Самое главное — быть тактичной и отзывчивой к дыханию времени. И не попадешь под критику...» (245).

Все, что говорит Авиета, Русанов принимает с восторгом. Если сказала, что выздоровлю, — выздоровлю. Объяснила, что народ стукачей ценит, значит, так и есть. Тактично пресекала возникшее было желание почитать «чувствительное» (брать в руки «заупокойного» Толстого и боязно, и — после собственных обличений — неловко, но жалость к себе будит какие-то странные чувства) — правильно. (Хоть и попросил Павел Николаевич дочь поискать «чего-нибудь» (246) не из знакомого ряда «Молодость с нами» (246), однако в дальнейшем, уверовав, что «смерть ему не грозит», обходился «Крокодилом» да «Огоньком» (259). Больше на «чувствительное» не тянуло.)

В общем, вернула дочь папашу на единственно верную дорогу. Дважды за пребывание в больнице Павел Николаевич пренебрег долгом — дважды не заложил Костоглотову. Но как же по-разному! До посещения Авиеты (глава 19: «Скорость близкая свету»): «И не потому, что не хватило дыхательных сил выговорить или бы он боялся мести Оглоеда — нет. <...> Даже было такое странное чувство, что этот крикун и грубиян <...> в конце концов взрослый человек, имеет свою судьбу, может не очень счастливую, и пусть живёт как хочет» (222–223)²⁹. А вот — после (глава 27: «Что кому интересно»): «И если б только шло об одном Оглоеде, Павел Николаевич наверно бы шепнул врачам <...>. Но Зойке он портить не решался <...> он понял, что даже ничтожная сестра может очень больно досадить, отомстить <...>. А если Огло-

²⁸ О единственном выраженном несогласии «жемчужины русановской семьи» с родителями мы узнаем еще до выхода героини на сцену (гл. 13: «И тени тоже»).

²⁹ И немного далее: «Русанов поддался заливающим безразличию: пусть Костоглотов; пусть Федеру; пусть Сибгатов. Пусть они все вылечиваются, пусть живут — только б и Павлу Николаевичу остаться в живых <...>. Пусть они живут, и Павел Николаевич не будет их спрашивать и проверять. Но чтоб они его тоже не спрашивали. Чтоб никто не лез ковыряться в старом прошлом. Что было — то было, оно кануло, и несправедливо теперь выискивать, кто в чём ошибся восемнадцать лет назад» (223). Здесь не только страх и равнодушие. Из этой точки Русанов мог бы двинуться вверх. Но с ним случилось иначе — дочь обнадеедила.

ед по дуруости отказывается от уколов — так пусть ему и будет хуже. Пусть он хоть и подохнет» (317).

Даже когда во вторую годовщину смерти главного людоеда «Правда» отделилась пустопорожней статьей, явив кощунственное пренебрежение к памяти Отца и Учителя, Русанов не рассиропился, а достойно выдержал удар. То есть сперва поддался: «Даже не опасность, нет, не та опасность, что отсюда росла для оставшихся жить, но — *неблагодарность!* неблагодарность, вот что больше всего сейчас уязвило Русанова — как будто на его собственные личные заслуги, на его собственную безупречность наплевали и растолкли. Если Слава, гремящая в Веках, куцо обгрызлась уже на второй год; если Самого Любимого, Самого Мудрого, того, кому подчинялись все твои прямые руководители и руководители руководителей — свернули и замяли в двадцать четыре месяца — так что же остаётся? где же опора? И как же тут выздоравливать?» (266). Но опора нашлась. Не столько в аппетитной закуске, запретной водке (и помыслить о ней Русанов в больнице не смел), неведомой прежде лихой карточной игре, сколько в правиле, которым руководствуется новый сосед Павла Николаевича, одаривший его всеми перечисленными радостями. Правило простое (и Русанову давно известное): «Зачем жить плохо?» — так называется 23-я глава, действие которой происходит ненастным 5 марта. Русанову только кажется, что, поминая Сталина «истинно по-русски», он хранит верность Хозяину — на самом деле он блестяще сдает экзамен по, как выразилась Авиета, «отзывчивости к дыханию времени» (245). В котором, как помним, по существу ничего не меняется. А внешние изменения принимать надо. Вот и не спорит Русанов, когда Чалый хвалит разрешение абортот (270). Правда, замечает, что торговые мероприятия милейшего сопалатника идут «вразрез» (272), но не плюет в глаза одному из тех самых спекулянтов, о публичных казнях которых он еще недавно мечтал (131), а продолжает выпивать-закусывать с Максимом Петровичем, который работает, «чтобы всегда с карманом» (273). (А ведь совсем недавно возликовал коммунист Русанов, услышав, как Вадим Зацырко дает отпор кисляю Поддуеву: «А по-нашему: работайте больше! И не в свой карман» (175). И тут же понял, что Вадим — коммунист.) И на откровенное предложение взятки «обиделся» Русанов лирически: «Ну что ты! Ну как ты мог подумать!» (273), что можно понять и как согласие устроить «одного хорошего человечка» без «вступительного взноса». Главное же, что допрежь всех этих «компромиссов» с удовольствием выслушал верный сталинец credo Чалого: «Будем жить! Будем жить, Паша! <...> Кому нравится — пусть дохнет (да хоть бы и Самый Любимый. — А.Н.), а мы с тобой будем жить!» (271).

Могут спросить: при чем тут «литературная девушка», если сбивает с панталыку анкетных дел мастера проходимец Чалый? Да при том, что именно она объяснила отцу: бояться нечего (что совести, что мести, что смерти), мы и в «новой» ситуации останемся хозяевами. И была права. Потому как Чалый не за два последних года наострился помидорчики в Караганду гнать,

раздавая направо-налево *бумажки* (272)³⁰. Чалый был и будет заинтересован в Русанове. А Русанов — в Чалом. Кто бы из них формально ни занимал более «сильную» позицию.

Потому хоть и пытался Русанов в день выписки распрощаться навсегда с больничным знакомцем (не дать ему телефончика), ничего из этой затеи не вышло: резина-то для колес нужна! «Будем звонить! <...> Будем дружить! <...> Будем жить!» — «прощался», «подбадривал», «кричал Максим, держа руку как “рот фронт”» (387). Эти выкрики вполне соответствовали мажорному настрою Русановых, почувствовавших, что «начинается самая верная и безповоротная весна» (385). Весна, в которую уверовал обреченный кадровик-стукач. Весна, от которой все «тени расходятся». Весна, о скором приходе которой возвестила крупная, стремительно движущаяся, пышущая здоровьем девица в бордовом свитере с «широким белым весёлым зигзагом» (242), что только однажды осчастливила своим посещением раковый корпус.

Об исполнившей свою жуткую миссию в конкретной сфере (судьбе отца) и решающей сходные задачи за кадром Авиете во второй части повести напоминают два бегло упоминаемых персонажа — дочери других пациентов тринадцатого корпуса. Об одной из них говорится (тоже мельком) уже в первой части (глава 9: «Tumor cordis»): «Во всяком случае надо было посоветоваться с женой, а особенно с дочерью Генриеттой, самой образованной и решительной у них в семье» (105). Не один Русанов переживает «истинный расцвет» в дочери, согревается «в её свете», ждет от нее — лучше встроенной в сегодняшние обстоятельства — умной подсказки и надежной поддержки. Точно те же чувства владеют его соседом — ссыльным немцем Генрихом Федерату³¹.

³⁰ Ср.: «Это при Берии за овощи, за фрукты ловили. А сейчас только за промтовары ловят» (446).

³¹ Если «забыть» (на минуту, условно!), что такое «всесильное учение» Маркса — Энгельса — Ленина (и иже с ними) и обусловленная им неизбежно человеконенавистническая практика, а затем использовать фразеологизм «настоящий коммунист» в том значении, которое ему приписывалось (порядочный, мужественный, любящий и хорошо знающий свое дело, бескорыстный человек), то из всех персонажей «Ракового корпуса» точно соответствовать этому определению будет именно тихий, скромный, молчаливый — «безцветный» (319) — механик МТС. Несмотря на то что *не* выбросил он партийного билета, который палачи, зачислив во враги, оторвав от родного дома, лишив всех прав, сочли полезным у него не отбирать. «Отметка в комендатуре — отметкой, а членские взносы — взносами. Руководящих постов занимать нельзя, а на рядовых постах должны трудиться образцово» (221). Он и трудится. Как прежде. Разговору о дозволении (приказе — поди-ка не подчинись!) сохранить партбилет предшествует история о совершенном Федерату подвиге на предвоенном «трудовом фронте», после которого он «чуть не умер от воспаления мозговой оболочки» (220). Ср. об «отменном» трудолюбии и хозяйственности ссыльных немцев в «Архипелаге...» (ч. 6: «Ссылка», гл. 4: «Ссылка народов»): «Не зря говорили в прежней России: немец что верба, куда ни ткни, тут и принялся. На шахтах ли, в МТС, в совхозах не могли начальники нахвалиться немцами — лучших работников у них не было. К 50-м годам у немцев были — среди остальных ссыльных, а часто и местных — самые прочные, просторные и чистые дома; самые крупные свиньи; самые молочные коровы. А дочери их росли завидными невестами не только по достатку родителей, но — среди распушенности прилагерного мира — по чистоте и строгости нравов» (VI, 353). Последнее вплотную касается нашего сюжета.

Только — в отличие от Русанова — ему не удастся обсудить с умницей проблему жизни и смерти (соглашаться ли на операцию — при отсутствии зримых признаков возвращения болезни) — слишком долго добиралось бы до нее даже отцовское письмо, еще дольше и тяжелее поездка «домой» (на место ссылки), а клинике важен не «письмо-», а «койкооборот» (106). Федерату на операцию соглашается — надо полагать, сочтя, что «решительная» Генриетта сделала бы такой выбор. И поскольку Федерату последовательно (хоть и не прямыми авторскими оценочными суждениями) противопоставляется Русанову, у читателя возникает ощущение: велика вероятность, что Генрих Якобович выкарабкается.

Антитеза «Русанов — Федерату» поддержана противопоставлением их дочерей, контраст же становится ощутимым («работающим»), когда дается на фоне внешнего сходства. Так с отцами-«коммунистами» (в одном слове спрятаны антонимы). Так с дочерьми, наделенными не только «разумностью и решительностью» (знаем, каковы они у студентки Русановой), но и «похожими» — рифмующимися — именами. Похожими — и принципиально разными.

Генриетта — обычное немецкое имя, в нашем случае знаменующее семейную традицию (дочь Генриха названа по отцу). Авиета — имя внеположенное как русской культуре (его нет в святцах), так и европейской — придуманное. Конечно, не лично П.Н. и К.М. Русановыми, но «коллективным разумом» их сословия — советских малограмотных выдвиженцев, падких до «красивого» и «современного». «Авиета» ассоциируется с «авиацией», которая в начале 30-х, когда у Русановых родилась девочка, являла собой символ сверхпрогресса. Имя «Авиация» вошло в совеский онамастикон — наряду с «Трактором». Но «Авиета» звучит еще «красивее», т.к. еще «иностранный»³² — как Мариетта, Жоржетта, та же Генриетта. О том, что суффикс «ett» («ет(т)») нагружен не только «женской», но и «уменьшительной» семантикой, Русановы, понятно, не ведают³³, а потому не догадываются, что какой-нибудь умник (любитель «народной этимологии», они среди литераторов водятся) может поднять их дочь на смех, клича ее «птичкой». Так что правильно делает поэтесса, меняя имя: Алла — это для 1955 года еще не банально, «иностранный», но в меру (вообще-то это имя — по жившей в IV веке св. Алле — в святцах есть, но нарекали им в России нечасто), ассоциируется (пусть, если «по науке», обосновательно) с цветом нашего знамени (вспомним колористику «эпизода Авиеты») и нормально сочетается с «идеальной» фамилией. Так «сходство» выявляет противоположность.

³² Угрюмый «квасной патриотизм» советских «хозяев жизни» (и их постсоветских наследников — «новых русских») зачастую (хоть и не всегда) сочетается с завистливым восхищением Западом. Ср.: «...доставали (для Авиеты. — А.Н.) вещи с рук, и импортные», «В гостиницах ставят столики низкие — совсем низкие, как у американцев...» (Авиета о московской «революции быта») (242, 243).

³³ Фильм «Соломенная шляпка» будет снят только в далеком 1974 году.

Эта игра продолжена в главе 27. Как во всей второй части, Авиета здесь отсутствует. Но поэтессу удачно «замещает» Вадим — другой представитель «молодой интеллектуальной элиты», яростный спор которого с Шулубиным о назначении науки и ценности человека — смысловое ядро главы, обозначенное ее названием — «Что кому интересно». Этому идеологическому ратоборству предшествует разговор Русанова с Федерату, в ходе которого выясняется, что ссыльная дочь ссыльного (конечно, по «государственной необходимости», но ведь и не без вины же³⁴) — студентка. Пусть областного учительского института, но студентка — как и его (ответственного работника) дочь, заканчивающая университет в республиканской столице! «Ну подумайте! <...> она институт кончает! (Обучение в учительских институтах, занимавших позицию между педучилищами и пединститутами, было трех- или двухгодичным. Генриетта учится на втором курсе. — А.Н.) Кто мог бы об этом мечтать в царской России. Никаких препятствий, никаких ограничений»³⁵. Тихий Федерату возражает. «Без ограничений» стало «с этого года», раньше получившим разрешение комендатуры «институты бумаги возвращали: не прошла, мол, по конкурсу». Форма женского рода последнего глагола ненавязчиво сигнализирует: весьма вероятно, что так было и Генриеттой. Ее, нынешнюю второкурсницу (поступавшую до отмены ограничений, возможно — не один раз) «взяли» потому, что «в баскетбол хорошо играет» (320) — именно за это. Интересна тут нам не столько тема «привилегии спортсменов»³⁶, сколько внешнее сходство «карьерных дорог» двух студенток. Почему сборник стихов Аллы Русановой поставлен в ближайший издательский план? («Но быстрее — не бывает!») Да потому,

³⁴ Вспомним реплику Вадима: «Значит, что-то было. У нас даром не сошлют» (265).

³⁵ Ср. в «Архипелаге...»: «Просмотрим хотя бы хорошо известную всем биографию Ленина. Весной 1887 года его родной брат казнён за покушение на Александра III. <...> И что ж? В том же году осенью Владимир Ульянов поступает в Казанский Императорский Университет, да еще — на юридическое отделение!» (VI, 76). Кстати, процитированная здесь глава части пятой («Каторга») называется «Почему терпели?». А в разбираемой главе «Ракового корпуса» «Кому что интересно» вспыхивает диалог бывшего ээка с геологом-коммунистом: «Вадим Олегу сказал: “Надо было бороться. Не понимаю, почему вы там не боролись”. (И это — правильно было. Но не смел ещё Олег рта раскрыть и рассказать, что они-таки боролись.)» (321). Многочисленные «соприкосновения» текстов «Ракового корпуса» и «Архипелага...» могут и должны стать темой отдельной работы.

³⁶ Ср. щебет Аси в главе «Дети»: «А спорт как высоко оплачивается! — везут бесплатно, кормят на тридцать рублей в день, гостиницы! А ещё премии! А сколько городов повидеешь!» (116). Тут Солженицын вновь заглядывает в будущее. В годы работы над повестью «стимулирование» детского и юношеского спорта (предполагающее жесткую селекцию и подкуп «избранников» — как деньгами, так и разного рода преференциями, в том числе приемом в вузы при стремящемся к нулю уровню знаний) приобрело куда большие масштабы, чем в середине 50-х. А дальше — того пуще. Ср. в работе «Как нам обустроить Россию?» (1990): «А вот спорт, да в расчёте на всемирную славу, никак не должен финансироваться государством, но — сколько сами соберут, а рядовое гимнастико-атлетическое развитие даётся в школе» (Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 562).

что Анна Семеновна познакомила юное провинциальное дарование с М* и С*, та «прочла им два-три стиха, им обоим понравилось». Ох, не врут глагольные формы. «Вообще, я насмотрелась на их жизнь <...> Лауреаты (М* и С*, по звонкам-запискам которых перекраиваются давным-давно утвержденные издательские планы; ну, и приятели, с которыми они «по именам». — А.Н.) <...> Всем радостям жизни они открыты, любят выпить, закусить, прокатиться — и всё это в компании» (244). Для которой прямо-таки необходимы новые — здоровые, красивые и без комплексов — девицы. Обычно с литературными амбициями. (Так будущие докторши, вроде преследующей Льва Леонидовича уже дипломированной «хирургини» с «красивым» — тоже! — именем Анжелины, на своей заре стремятся познакомиться с профессорами-медиками, на худой конец — доцентами. У кого-то получается.) Что ж, стихи у них конечно «те еще» (Алла Русанова допускает, что ее могут ругать «по художественной части»; наверно, предупредили девушку), но без «идейных вывихов» и не хуже, чем у других (включая самих М* и С*). Так что вовсе не сдуру восклицает «морально здоровая» (по Русанову) Авиета: «...внешние качества у меня для литературы исключительные!» (245). И про «эротический момент у современных авторов» говорит она со знанием дела. О чем и напоминает нам короткая история об умной и целеустремленной ссыльной девушке, которая, козырнув баскетбольными достижениями, сумела пробиться к вождьленному образованию³⁷.

Другое, на сей раз не контрастное, а почти идеально точное, отражение Авиеты (указание на ее *не* одиночность в большом советском мире) открывается читателю в исповеди Шулубина. Прежде он пересказывает Костоглозову учение Френсиса Бэкона об идолах, господствующих под «небом страха» (366). В числе их — «идолы рынка» (так и называется обсуждаемая глава 26) — «ошибки, опутывающие человека из-за того, что установилось употреблять формулировки, насилюющие разум» (366). А затем — поведав о том, как сам нес идолову службу, как, попытавшись спрятаться на тихой должности библиотекаря, совал в печку «генетику! левую эстетику! этику! кибернетику! арифметику!...» — говорит о своем главном «свершении»: «Зато я вырастил семью. И дочь моя, редактор районной газеты, написала такие лирические стихи:

Нет, я не хочу отступаться!
Прощенья просить не умею.
Уж если драться — так драться!
Отец? — и его в шею!» (368)

³⁷ Может, и не такому убогому. Мог ведь иногда и загнанный в ссылку незаурядный ученый быть допущен к преподаванию в захолустном учительском институте. Мог там оказаться и молодой ученый, по тем или иным причинам «не востребованный» более престижными вузами. Между прочим, преподавательская карьера одного из крупнейших русских филологов XX века началась в 1950 году в Тартуском учительском институте; см.: Лотман Ю.М. Немемуары // Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб.: Искусство — СПб., 2003. С. 43.

Солженицын использует здесь стихотворение Н.Н. Топниковой, дочери узника ГУЛАГа Н.Я. Семенова, цитируемое в «Архипелаге...» (Ч. 4: «Душа и колючая проволока», гл. 3: «Замордованная воля»). Там опущены две первые строки из припомненных Шулубиным и приведен еще один катрен: «Мораль?! Вот придумали люди! / Знать не хочу я об этом! / В жизни шагать я буду / Только с холодным расчётом» (VI, 525; ср. III, 533, комментарий В.В. Радзишевского; буква «ё» в последнем слове явно поставлена Солженицыным — у Топниковой невозможное «расчетом» стоит в рифменной позиции). Нелишне заметить, что Топникова равнялась в своем опусе на «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи» (И.В. Сталин), воспринимаемого в «оттепель» с новым энтузиазмом. Ср.: «А мы — / не Корнеля с каким-то Расином — // отца, — / предложи на старье меняться, — мы / и его / обоьем керосином // и в улицы пустим — / для иллюминаций» («Той стороне», 1918)³⁸; «Мы / тебя доконаем, / мир-романтик! // Вместо вер — / в душе / электричество, пар. // Вместо нищих — / всех миров богатство прикарманьте! // Стар — убивать. / На пепельницы черепа!» («150 000 000», 1920)³⁹. Вирши Топниковой «встраиваются» скорее в 1961 год (когда и были сляпаны), чем в 1955-й. Но Солженицыну, кроме прочего, важно постоянно показывать, как в недавнем прошлом коренится «настоящее», время работы над «Раковым корпусом». Стишки дочери Шулубина «замещают» творенья Аллы Русановой. И тут не имеют значения ни точная приуроченность текста ко времени (кто-то и в 1955-м являл «смелость»), ни «личные чувства» строчкогонов. В 1961-м (году XXII съезда) Топникова побивала не узника сталинских лагерей, а «отца вообще». Шулубин хоть и неудачник, но не зэк, от которого должно публично отречься. Солженицын избавил нас от знакомства со стихами Аллы Русановой, но дал понять: учует, что «дыханию времени» соответствует словесная расправа с отцом (как, к примеру, с «мещанином», а то и «сталинистом») — «обоьет керосином». Вне зависимости от того, будет ли жив ее «физический» отец.

Это сегодня продолжает действовать инструкция, согласно которой «правда... должна быть сверкающей, увлекательной, оптимистической», а потому нужно описывать «наше чудесное “завтра”» (247, 248). Завтра могут приказать повесить в «правде» долю «суровости» (не поступаясь, конечно, оптимизмом) и поменьше соваться в «послезавтра». Алла Русанова и с этим справится. Еще раз доказав, что «роль литературы вообще сильно преувеличивают». Это реплика Вадима. Сперва он вроде бы поддержал Аллу: «А зачем, правда, уныние нагонять?», т.е. читать Толстого, который писал «не для нашего века» и «слишком безформенно, неэнергично» (175). Но тут же ее одернул: «Литература — чтобы развлечь нас, когда у нас настроение плохое» (247). Если бы Русанов понимал, о чем спорят, он бы сказал, что слова Вадима идут «вразрез». И был бы прав! Потому как для Вадима одним миром

³⁸ Маяковский В.В. Той стороне // Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1939. Т. 2. С. 37.

³⁹ Он же. 150 000 000 // Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 6. С. 22.

мазаны Дёмкино «Литература — учебник жизни» (коряво, «по-школьному», «по-советски» выраженная мечта о меняющем мир и просветляющем душу слове) и принесенные Авиетой книжки лауреатов, написанные с такой скуловоротно-«учительной» скукой, что едва ли хоть кому-то могут настроение поднять. Тем более Вадиму, который уже «стал находить, пожалуй, что язык тех речей (сталинских. — А.Н.) был пресен, а мысли отнюдь не сжаты, но гораздо короче могли бы быть изложены, и на тот объем их могло бы быть больше» (266). Но если такие мысли о Сталине (которого боготворил Вадимов отец и за которым Вадим числит другие заслуги) лучше держать при себе, то изображающих «учителей жизни» лауреатов, пожалуй, пора послать куда подальше. (Вместе с точно таким же Толстым и всеми прочими, кого «проходили» в школе. Тратя на то драгоценное время, которое могло быть использовано для углубленного изучения физики, химии и других настоящих наук. Кому что интересно.) Вадим ведь твердо знает о своем поколении: «Мы не роботы. Мы ничего на веру не принимаем» (344)⁴⁰, хотя и лепит в той же главе одну советскую пошлость за другой. Вот он и выдает разом Дёмке и Авиете: «Что ж, писатели умней нас, практиков, что ли?» А затем ставит всю литературу на подобающее ей место. Так сказать, у параша. Поскольку далее следует: «Превозносят книги, которые того не заслуживают. Например — “Гаргантюа и Пантагрюэль”. Не читавши, думаешь — это что-то грандиозное. А прочтёшь — одна похабщина, потерянное время» (247).

Как исхитрился геолог обзавестись таким представлением о романе Рабле, понять затруднительно. Читать бурлескную эпопею в подлиннике по-сильно редким профессионалам. Изданный пятитысячным тиражом в 1929 году перевод В.А. Пяста двадцать пять лет спустя был раритетом⁴¹. Да и с чего потянуло жестко экономящего время, всегда занятого Вадима на книгу даже не из прошлого, а из невесть какого века? Да еще огромную! И кто в начале 1950-х так уж Рабле «превозносил»? Самое же забавное, что в сочинении мэтра Франсуа «похабщины» («материально-телесного низа» тож), если угодно, с избытком, но «эротика», почитай, вовсе нет. (Не считать же «эротичными» философствования Панурга о том, стоит или не стоит ему жениться.)

⁴⁰ Не о поколении он говорит, а о своем узком круге. О молодых и успешных «технарях». Чья «звездная пора» — в жизни и в литературе — в близком будущем героев «Ракового корпуса», оно же совсем недавнее прошлое (да и настоящее) первых читателей повести. А к «поколению» Вадима (или чуть младшему) принадлежат и красотка-бездельница Алла Русанова (с которой он корректно, но презрительно пикируется), и Зоя (которой он не замечает), и «развязная» (что правда, то правда!) санитарка Нэля, ненужная человечеству (224), и «невредный парень» Ахмаджан, интересующийся, какая «задача поставлена» перед звенками (218), и — наверняка — кто-то из женщин, управляющихся в колхозном птичнике (323).

⁴¹ Сильно выхолощенный пуристами (идеологами, озабоченными нравственностью советских читателей) перевод Н.М. Любимова был выпущен в 1961 году издательством «Художественная литература», там же в гораздо более близкой оригиналу версии книга была издана в 1966-м, еще какие-то купюры заполнились в издании 1973 года. Но, кажется, не все.

В общем, Вадим несет стопроцентую ахиною. Без сомнения, с чужого голоса. («Мы ничего на веру не принимаем». Кроме того, что принимаем.) Похоже, информатор его спутал роман Рабле с «Декамероном». Меж тем Авиета тут и бровью не ведет, хотя должна бы: на филфаке любого университета «проходил» курс «зарубежной» литературы. Но будущий автор сборника стихов, выпущенного столичным издательством, прошла мимо Рабле (он ведь не М* и не С*, из «великого может быть» в «Советский писатель» не позвонит). Хорохорясь друг перед другом, Авиета и Вадим одинаково глубоко равнодушны к литературе — любой. (Как и к жизни других людей, не входящих в их круги.) Изображая фарсовую дискуссию в больничной палате, Солженицын блестяще пародирует «будущий» (случившийся уже) спор «физиков» и «лириков» (циников и демагогов), увы, захвативший и людей совсем иной стати, увековеченный в памятном двусмысленном стихотворении достойного поэта⁴².

К счастью, невольно спровоцировавший полемику Дёмка пропускает трескотню старших мимо ушей. Он *не* понимает, почему *искренность* может быть вредна, почему описывать нужно чудесное «завтра», почему значение литературы «сильно преувеличено». Он *не берет на веру* эти комфортные пошлости. Мальчишка морщит «туповатый лоб» (248) — оценка Авиеты совпадает с прежде зафиксированным мнением о Дёмке Вадима («не было светлой печати таланта» (219)). Противостояние «физика» и «лирика» условно и временно, это чувствует Авиета, привыкшая делить людские мысли «на две четкие группы верных и неверных доводов», а потому не понимающая: Вадим «за или против неё»? Конечно «за» — хоть и вносит, с точки зрения Авиеты, «идейную путаницу» (248). Они *вместе* противопоставлены Дёмке, которого «воспитывают», что называется, «для порядка», не ставя мальчика ни в грош и не заботясь о том, усвоит ли он их наставления. Не поймет, ему же хуже⁴³.

Выстроенная Солженицыным антитеза (Демка — Авиета с Вадимом) напоминает о поколенческих коллизиях у Достоевского. В «Идиоте» соблазнами «современности» так или иначе отравлены все молодые люди (от Гани Иволгина до Ипполита), а душевной чистотой, человечностью и истинной любовью к князю Мышкину наделены отрок и отроковица — Коля Иволгин и Вера Ле-

⁴² Стихотворение «Физики и лирики» было впервые напечатано в «Литературной газете» от 13 октября 1959 года. Вызвало множество полемических откликов. Текст см.: *Слуцкий Б.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. С. 351. О генезисе и контексте «Физиков и лириков» см.: *Слуцкий Б.* К истории моих стихотворений // *Слуцкий Б.* О других и о себе. М.: Вагриус, 2005. С. 189–190.

⁴³ Ситуация близка описанной в «Одном дне Ивана Денисовича». Яростно спорящие об «Иване Грозном» Эйзенштейна апологет эстетики (Цезарь) и хранитель этики («двадцатилетник» X-123) одинаково не замечают пришедшего с мороза Шухова (I, 60–61); убедительную интерпретацию этой сцены см.: *Архангельский А.* О символе бедном замолвите слово... («Поэзия и правда» в малой прозе Солженицына) // *Архангельский А.* У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Сов. писатель, 1991. С. 257–258.

бедева. Младший из братьев Карамазовых причастен к случившейся трагедии (хоть с любой рациональной точки зрения и «менее других»); искупление его вины прямо зависит от того, сумеет ли он убедить «мальчиков» (конечно, не только речью у камня Илюшечки!) сохранить в себе добрые начала, строить по ним предстоящую жизнь: «Господа, милые мои господа, будем все великодушны и смелы, как Илюшечка, умны, смелы и великодушны, как Коля (но который будет гораздо умнее, когда подрастет), и будем такими же стыдливými, но умненькими и милыми, как Карташов»⁴⁴. Эквивалентом Алешиной речи у камня становится в «Раковом корпусе» обращенное к Дёмке костоготовское: «Выздоровлявай — и будь человек! На тебя — надеюсь!» (442).

Дабы понять «большой смысл» этого доброго пожелания, следует учесть еще одну реплику в проходящем сквозь всю повесть споре о литературе. На Авиетин призыв описывать «наше чудесное “завтра”» (248) откликается Елизавета Анатольевна, не слышавшая ее «лекции», зато поневоле слишком хороша знакомая с «образцами», коим неукоснительно следует литературная девушка (глава 34: «Потяжелей немного»): «Близко я не знаю книг, какие бы не раздражали. В одних — читателя за дурачка считают. В других — лжи нет, и авторы поэтому очень собой гордятся. Они глубокомысленно исследуют, какой просёлочной дорогой проехал великий поэт в тысяча восемьсот таком-то году, о какой даме упоминает он на странице такой-то. Да может это им и нелегко было выяснить, но как безопасно! Они выбрали участь благую! И только до живых, до страдающих сегодня — дела им нет» (401). Безропотная и старательная санитарка, верная жена зэка-повторника, интеллигентная женщина, выброшенная в одночасье в 1935 году из родного города, похоронившая дочь и в одиночестве воспитывающая мальчика-сына, говорит не только о дебильной «лакировочной» словесности. (Ей цену знает и Вадим.) Не врачуют душу, а терзают ее интеллигентные, «хорошо написанные» сочинения о прошлом. (Только ли о прошлом? или и о настоящем, но «избавленном» авторами от каждодневного ужаса реальности? Мелькает тут тень Паустовского.) Перестает помогать классика: «...зачем мне перечитывать “Анну Каренину”? Может быть, мне хватит и этого?..»⁴⁵ (*Это* — не только высылка из Ленинграда, о ко-

⁴⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 196. Ср. название III главы части второй — «Связался со школьниками» (Там же. Т. 14. С. 160). То, что Алешино общение с мальчиками начинается до катастрофы, providенциально смысла их дружбы не отменяет.

⁴⁵ Могут возразить. И чтение Толстого (Пушкина, Чехова) в страшные годы многим помогало «держаться», и книги современников, свободные от наглой лжи, холуйства и «науки ненависти», напоминающие о красоте природы, высоких чувствах, реальности человеческого благородства, отличии Добра от Зла, кому-то душу согревали. Знал об этом Солженицын. И в «Раковом корпусе» читаем о чувствах ссыльных Кадминых: «Двухтомник Паустовского в книжный магазин привезли — радость!» (231). Что ж, учтем. Но учтем и тихий крик Елизаветы Анатольевны, персонажа со *своей* судьбой (не такой, как у Кадминых), чьи мысли и чувства не могут (и не должны) в каждой точке дублировать авторские.

торой только что рассказала Елизавета Анатольевна. *Это* — вся ее жизнь. Не изменившаяся за те два года, что нет Сталина.) И тут — главное: «Где мне о нас прочесть, о нас? Только через сто лет?» (401).

В отчаянном вопросе Елизаветы Анатольевны слышится и актуальный для 60-х годов обертон. После ареста романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» (февраль 1961; власти считали, что захвачены все экземпляры, что роман стал абсолютно недоступен) писатель напряженно боролся за освобождение своей заветной книги. В письме на имя Н.С. Хрущева Гроссман сообщил, что еще до изъятия романа один из литературных начальников сказал ему: «...печатать книгу можно будет через 250 лет». Реакцией на письмо стал вызов Гроссмана к главному партийному идеологу М.А. Суслову, который разъяснил писателю: «Нет, нет, вернуть нельзя. Издадим пятитомник (солгал, не издали; даже после скорой и безвременной кончины Гроссмана. — А.Н.), а об этом романе и не думайте. Может быть, он будет издан через двести-триста лет»⁴⁶. Солженицын знал, что случилось с романом Гроссмана: в сентябре 1965-го он предполагал, что та же участь постигнет роман «В круге первом», а потому забрал его из редакции «Нового мира» (XXVIII, 123). Знал он и о том, что «в июле 1962 <...> Суслов вызвал В. Гроссмана по поводу отобранного романа» (XXVIII, 297). Весьма вероятно (хоть и не доказуемо строго), что до Солженицына дошла и колоритная деталь «рассуждений» главного идеолога партии. Но даже если мы имеем дело со случайным совпадением, Елизавета Анатольевна отвечает не только мелкой «литературной» потаскушке и охотнику до поднимающих настроение книжек, но и «всемогущему» Суслову, разветвленному цекистско-чекистско-союзписательскому аппарату (организаторам смертоносной травли Пастернака, тайным «рецензентам» романа Гроссмана, наглым изготовителям-распространителям клеветы о Солженицыне), всем, кто надеется отложить появление свободного и правдивого слова о нас (о сегодня, несущем груз вчера) на сто, двести, триста лет. Елизавете Анатольевне нужна *такая* литература. Как и Дёмке, который сейчас еще не может ясно уразуметь, чего же он ждет от книг и в них не находит. Дёмкино «тупое» недоверие к искрометным аргументам «поэтессы» и «практика» вкупе с его упертой гуманитарностью позволяют надеяться, что мальчик со временем станет *настоящим* читателем. А при наилучшем стечении обстоятельств — писателем. Необходимым для выздоровления страны, которое не может произойти в отсутствие живой литературы.

Поэтому финал первой части двойится. Покидая «раковый корпус», Авиета восклицает: «Ну, отец, борись за здоровье! Борись, лечись, сбрасывай опухоль — и ни о чём не беспокойся! Всё-всё-всё будет отлично!» (248). Слышна тут уверенность в собственном светлом будущем тех, кто без намека на раздумья, как и вчера, игнорирует разлитую в мире боль (чужая же!) и убежден в своей избранности (вообще-то люди смертны, но ведь когда еще это будет... и будет ли? ученые что-нибудь придумают). Но, прочитав вторую часть повести,

⁴⁶ Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Липкин С. Квадрига: Повесть. Мемуары. М.: Книжный сад, 1997. С. 381.

мы узнаем, какой «счастливый конец» ждет Русанова, освобожденного дочерью от страхов, сомнений, тяги к «чувствительному». Напористая «философия оптимизма» погашается авторским сарказмом. Более того: опустошенные и вывернутые слова обретают желанный естественный смысл: *всё будет отлично* — для обычных (пусть грешных и искореженных жизнью) людей, для ждущей выздоровления страны, для мира. Тогда и в заглавии «Тени расходятся» пробивается добрый смысл: «расходятся» не страшившие Русанова неожиданно «воскресшие мертвецы» (выжившие узники ГУЛАГа), а людоеды и упыри, долгие годы загонявшие живых людей и саму Россию в смерть. (Исчезновение Авиеты во второй части может читаться и в таком ключе. Увы, тут надежда сильно корректируется позднейшим горьким опытом.) Сбываются мечты Русанова: «дети» оказываются лучше «родителей» — это не только о сироте Дёмке (хотя, в первую очередь, о нем), но и о «безхитростном» (159) Юре Русанове. А в фарсовом литературоведческом суждении Авиеты о сочетании у современных авторов «самой высокой идейности» с «эротическим моментом» (247) обнаруживается не только язвительная и точная характеристика советского «литературного быта», но и ключ к поэтической системе «Ракового корпуса». Действительно, «высокая идейность» — утверждение незыблемых человеческих ценностей, осуждение зла в его исторической конкретности, но при свете вечности, разговор о жизни и смерти, надежда на будущее... Действительно, «эротический момент» — да не один, вся повесть — история любви, которой «покорны» не только Костоглотов и Вега, но и другие герои — от Аси и Дёмки до старичков Кадминых⁴⁷.

Значит, «всё отлично»? Не значит. И не только потому, что потери невозполнимы, боль прошлого никогда не уходит совсем, Костоглотову не дано обрести счастья с Вегой, его исцеление возможно, но автором не гарантировано, положение Дёмки не менее проблематично, на несомненную смерть из ракового корпуса уходит не один мерзавец Русанов, но и, скажем, ничем дурным не отмеченный Прошка... Так устроена земная жизнь — так строятся великие книги, включая те, концовки которых можно без иронии и сомнения назвать «счастливыми»⁴⁸. В «Раковом корпусе» есть и другое: надежды

⁴⁷ Даже вздорная рекомендация описывать «завтра» учтена. Выше я пытался показать, как Солженицын не раз «совмещает» время действия повести со временем ее создания, середину 50-х с серединой 60-х.

⁴⁸ Воскресение Раскольников, твердо возвещенное автором, не отменяет ни совершенных им убийств, ни безвременной смерти его матери, которая не смогла жить, зная о преступлении сына. Так и в сочинениях более «добрых» или «простодушных» писателей. В предисловии к «Айвенго» (появившемся через одиннадцать лет после первого издания романа) автор счел должным ответить читательницам, укорявшим его за то, что Ревекка не стала женой заглавного героя: «Читателем романов в первую очередь является молодое поколение, и было бы слишком опасно преподносить им роковую (курсив мой. — А.Н.) доктрину, согласно которой чистота поведения и принципов естественно согласуется или неизменно вознаграждается удовлетворением наших страстей или исполнением наших желаний» (Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 8. С. 18). Когда Диккенс (вопреки первоначальному замыслу, вняв дружескому совету) соединил героев «Больших ожиданий», финал романа не стал от того менее печальным.

середины 50-х сбывлись далеко не полностью. Тоталитарно-идеологическая система власти и неотделимый от нее Архипелаг выстояли и в отсутствие Сталина.

«Раковый корпус» — книга о «переходном периоде», о времени, когда колебались весы истории, когда шанс на выздоровление России был больше, чем когда-либо после катастрофы 1917 года. Солженицын, всегда крайне внимательный к «фактической точности», сдвинул время действия сравнительно со своим пребыванием в ташкентской больнице на год вперед, ему требовалось ввести в текст сильные приметы ожившей истории — смену Верховного суда, отставку Маленкова, оказавшиеся верными слухи о роспуске ссылки. Ровно через год после описанных в повести событий состоялся XX съезд... «Раковый корпус» писался в другой «переходный период» — после отстранения Хрущева от власти. «Близко к уверенности можно сказать, что готовился крутой возврат к сталинизму во главе с *Железным Шуриком Шелепиным*» (XXVIII, 121). 11 сентября 1965 года гэбисты взяли (арестовали) архив Солженицына (XXVIII, 124). Но: «...*Железный Шурик*, начавший аппаратное наступление с августа, не сумел свергнуть никого из преемников Хрущева. Были за полгода назначены на XXIII съезд докладчики — но не Шелепин» (XXVIII, 133)⁴⁹. Весы колебались. Не так, как двенадцать и десять лет назад, но колебались. Весной 1966 года Солженицын вплотную приступил к повести о больных раком. 8 декабря 1968-го (повесть уже разошлась в самиздате и напечатана «Посевом») Солженицын занес в «Дневник Р-17» упоминавшуюся выше запись — размышление о судьбе «Ракового корпуса». Здесь читаем: «Надо было создаться отчаянной ситуации после отнятия архива, чтобы в 1966 г. я просто *вынужден* был из тактических соображений, чисто из тактических: сесть за “РК”, сделать открытую вещь, и даже (с поспеху) в два эшелона» (451)⁵⁰.

Нелепо спорить с автором о том, почему он написал (дописал) свое сочинение. Но не получается и вполне поверить, что дело сводилось к тактике — необходимости прикрыть зримым для литературного сообщества сочинением «Ракового корпуса» абсолютно тайную работу над смертельно опасным «Архипелагом...» — книгой, завещанной писателю всеми бесчисленными жертвами советского режима, ради завершения которой надлежало сберечь себя. Функцию «прикрытия» можно было возложить на «военный роман» «Август Четырнадцатого» — тем более что по завершении «Архипелага...» Солженицын намеревался полностью сосредоточиться на эпопее о революции. И еще: Солженицын настойчиво боролся за «открытость» «Ракового

⁴⁹ Съезд этот (29 марта — 8 апреля 1966) не вынес Шелепина на вершину; он остался членом политбюро, еще примерно год намеревался взять реванш, но был резко отстранен от рычагов власти (направлен рулить профсоюзами).

⁵⁰ Цитирую по комментарий В.В. Радзишевского, где обстоятельно прослежена творческая история повести.

корпуса» как можно более широкому кругу читателей. И предложение повести редакциям нескольких журналов (вероятность удачи мала, но вдруг!), и циркулирование рукописи в литературской среде перед «потребовавшимся» писателю обсуждением, кроме прочего, пополняли «самиздатские батальоны» (XXVIII, 154). Борьба за публикацию «Ракового корпуса» в отечестве продолжалась до тех пор, пока оставался на то хоть какой-то шанс. И с романом «В круге первом», и со сплоткой рассказов, которую Солженицын пытался опубликовать в 1965 году, дело обстояло иначе.

Тактика — тактикой, но, работая над «Раковым корпусом», Солженицын решал и стратегическую задачу. Это была та книга о нас, которую ждали (уж сколько лет) вместе с Елизаветой Анатольевной все униженные и оскорбленные. Эта была история, самые неприятные герои которой (за единственным исключением) вызывали сострадание. Это было то самое «слово мягкое», что «кость ломит», напоминает, что все мы — люди. Ибо вспомнившиеся Ефрему Поддуюево слова стоящего на краю жизни «малого» — «И ты будешь умирать, десятник» (178) — это не только мстительное проклятье, не только констатация общеизвестного (и редко берущегося во внимание) факта, но и воззвание к нашему божественному началу. Это было обращение ко всем — от «царя» до последнего пса. Опомнись, подумай о чужих печалях, душевно выпрямиться могут все. Если захотят. Не получилось в 1955–1956-м — попробуем одиннадцать-двенадцать лет спустя.

Да хоть бы и позже. Хоть бы и после того, как писатель со всех трибун был объявлен врагом, а его книги изъяты из обращения. Узнав в октябре 1970-го о награждении Нобелевской премией, Солженицын направляет письмо Суслову, предлагая власти в неприятной для нее ситуации сохранить (обрести) человеческое лицо. Что требует писатель? В первую очередь, немедленно опубликовать «Раковый корпус» (не «В круге первом», не ненапечатанные рассказы, не старые раскаленные пьесы, тем более — не взрывной «Архипелаг...», о котором хозяева еще не знают) и снять наказания со всех, кто преследовался за чтение и обсуждение его книг. Самое важное — издание повести о жизни, смерти, любви, возможности выздоровления. «Если здесь сдвинуть только то, что я предложил <...> это было бы изменение не только со мной, а — всей литературной обстановки, а там дальше и не только литературной. И хоть сердце рвется к большему, к чему-то решающему, но историю меняют всё-таки постепенницы, у кого ткань событий не разрывается. Если б можно плавно менять ситуацию у нас — надо с этим примириться, надо б и делать» (XXVIII, 663, 297).

Не сбылось. «Раковый корпус» не стал на исходе 60-х *открытой* — доступной всем — книгой. С тех пор привычка читать и — соответственно — навыки чтения сильно пошли на убыль. Чему немало споспешествовала неустанная энергичная деятельность поэтессы (песенника, прозаика, драматурга, критика, литературоведа, публициста, детского писателя, фантаста,

СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

изготовителя «женских» романов и «крутых» детективов и т.д.) Аллы Русановой, равно как ее почтенных покровителей, славных сверстников-союзников (по писательскому союзу) и даровитых учеников. Что ж, как есть, так есть. Читать Солженицына (Шекспира, Сервантеса, Гёте, Пушкина, Диккенса, Достоевского, Толстого, Пастернака...) никогда не поздно. Каждому.

.....

Принято ныне (даже предписано) помещать при статьях «ключевые слова». Считается, что такие списки облегчают профессиональное чтение — сразу видишь, о чем пойдет речь, если не «твое» — времени тратить не будешь. Мне показалось полезным снабдить работу перечнем тех «ключевых слов», которые в тексте, к глубокому моему сожалению, отсутствуют либо «учтены» недостаточно: *аптека, армия, Берия, Бетховен, Восток, газеты, звезды, Ленинград, Лермонтов, месяц, Москва, обезьяны, одежда, погода, письма, Пушкин, социализм, равенство, радио, родина, собаки, счастье...*

А.Е. Аркатова

КЕНГИРСКИЙ МЯТЕЖ КАК РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВЕДНИКОВ: ВРЕМЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Советская система лагерей и тюрем, увековеченная Солженицыным как растянутый по карте Европы и Азии «архипелаг», предстает в его произведениях в двумерном, историографическом и нравственно-образном, измерении. Это и доподлинно реальное, исторически существовавшее трансконтинентальное пространство, где «нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий»¹, где «люди и места названы их собственными именами» (IV, 11), и метафорический локус — «почти невидимая, почти неосязаемая страна» (IV, 9), «вывороченная земля» (V, 190), на которой условия человеческой жизни настолько античеловечны и противоестественны, что выходят за пределы логики обыденности или даже тирании и представляются «неправдоподобными» (IV, 10).

Против этой «вывороченности» восстали заключенные Кенгира в 1954 году — событие, изображенное Солженицыным в «опыте художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ» (1964–1968), а также, более сжато и импрессионистически, в киносценарии «Знают истину танки» (1959). В продолжение 40 дней и ночей восстания его участники вернулись к *жизни*, хотя десятки (согласно официальным документам) или сотни (по словам очевидцев) из них погибли во время его подавления².

Прежде чем приступить к анализу темы Кенгирского мятежа в творчестве писателя, отметим, что искажение нравственной и физической природы человеческих отношений, достигшее крайней формы выражения в ГУЛАГе и ставшее причиной восстания, имеет своим истоком политиче-

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 11; далее ссылки на это изд. приводятся в скобках; римские цифры означают тома, арабские — страницы.

² См.: Фонд Александра Н. Яковлева. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. Гл. IV: Режим содержания заключенных. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010416> (дата обращения: 12.03.2018).

ские конфликты и события более раннего исторического периода. Эпопея «Красное Колесо» (1965–1990), являющаяся своеобразным литературно-историографическим прологом к опыту художественного исследования, демонстрирует зарождение этого процесса в конце XIX века и его все расширяющееся развитие в период Первой мировой войны и революции. В эпопее «выворачивание» человечности бытия прослеживается на разных уровнях: военном, политическом, религиозном, а также на уровне формирования характера и ценностей отдельных личностей, в том числе ряда женских персонажей.

Узлы «Август Четырнадцатого» и «Март Семнадцатого» включают портреты двух прославляющих революционный террор «тетушек» Адалии и Агнессы Ленартович, представительниц поколения бомбистов-народовольцев. Их взгляды и поведение иллюстрируют первичную стадию процесса нравственной энтропии и инверсии духовных, семейных и личных связей между людьми. Несмотря на зрелый возраст, Адалия и Агнесса одержимы нигилистической жадой разрушения. Эти две сверхполитизированные личности несут в себе зачатки тоталитарно-партийной психологии: «Так и о моральной чистоте революционера мы можем говорить не абсолютной, а — о чистоте *постольку поскольку*. <...> Поскольку он живёт в гармонии политических, общественных и нравственных идеалов. <...> Лишь бы только революционер не совершил преступления против духа святого — против своей партии! Всё остальное ему простится!» (VIII, 86–87).

Суждения тетушек о добре и зле, любви, искусстве и даже их отношении к собственным племяннику и племяннице (впрочем, со временем сравнявшихся с ними по степени революционного накала) обусловлены пафосом «борьбы за идею» (VIII, 69). Четкая формула «чистота постольку поскольку» станет фундаментальной для будущих создателей ГУЛАГа: примат революционно-классовых ценностей над ценностями абсолютно нравственными, будь они богоданными, общечеловеческими или семейно-личностными.

При этом Адалия и Агнесса враждебны Эросу, и в первую очередь в его женском облики. Эти две почти неотличимые друг от друга «революционные монашки» (VIII, 60) исполнены страсти, но это страсть к абстракции — к революционному идеалу установления общества совершенной и полной справедливости. Неудивительно, что для этих бездетных женщин революция осмысливается через метафору деторождения: «Революция — это великие роды, это переход от произвола — к лучшему праву и к лучшей справедливости, к высшей Правде» (VIII, 85).

Мысли, страсти и даже плоть Адалии и Агнессы предвещают будущее лагерное овеществление человеческого тела и его превращение в беспольный производственный или политический материал. Мир ГУЛАГа выхолащивает женское начало и инвертирует внешний облик женщины. Условия «лагерной нечистоты» (V, 180), непосильного труда, наказания голодом,

холодом и карцером уничтожают женщину физиологически. Они разъедают, иссушают и суживают женскую плоть, трансформируют женщину в инструмент тюремной экономики, делая ее не только непривлекательной, но и биологически бесплодной: «Тело истощается на такую работу, и всё, что в женщине есть женское, постоянное или в месяц раз, перестаёт быть. <...> ...Плечи её выступают острыми углами, груди повисли иссохшими мешочками; избыточные складки кожи морщатся на плоских ягодицах, над коленями так мало плоти, что образовался просвет... (А за несколько месяцев лесоповала, говорит гинеколог, опущение и выпадение более важного органа.)» (V, 185–186).

Глава «Сорок дней Кенгира» описывает победу узников ГУЛАГа, мужчин и женщин, над лагерной инверсией физических и нравственных сторон человеческого существования. Во время восстания происходит временный прорыв из искаженного и нравственно перевернутого измерения, основанного на ценностях, декларируемых Адалией и Агнессой Ленартович, в измерение нормальной жизни. Она обретает пусть и «сновиденное» и «фантастичное» (VI, 289), но человечески-обыденное и эмоционально-гармоничное содержание: «Восемь тысяч человек вдруг из рабов стали свободными, и предоставилось им — жить!» (VI, 267).

Первое, что в этом новом измерении *жизни*, то есть пространстве воссозданной человечности, приходит в норму — это отношения между мужчинами и женщинами. Прежде их разделяла искусственная вертикаль «возросшей» между ними «пятиметровой стены» (V, 195), обтянутой колючей проволокой и оснащенной проводом высокого напряжения. Эта стена не только была преградой к обыкновенному общению между мужчиной и женщиной, но и предотвращала всякую возможность их физического сближения и соединения: «Ведь чего-то же стоит и бессмертный Эрос! <...> Чувствовали ээки, что кладётся черта надолго, и будет она каменеть, как всё в ГУЛАГе. <...> Стены росли — и Эрос метался. Не находя других сфер, он уходил или слишком высоко — в платоническую переписку, или слишком низко — в однополоую любовь» (V, 194–195).

Теперь на территории Кенгирского лагеря эта вертикаль, призванная согласно революционному завету тетушек Ленартович стереть границу между полами, опрокинута и разомкнута. Происходит (увы, временное) возвращение к «горизонтالي человечности». Мужчины и женщины получают возможность «свободного» перемещения, созерцания и осязания друг друга: «...и ещё больше, конечно, мы любим женщин, которые вот опять рядом с нами, как полагается в человечестве, и сёстры наши по судьбе» (VI, 264; зд. и далее курсив мой. — А.А.); «А кто-то был молодожён... Для этих молодожёнов горечь и сладость сочетались в такой *переслойке*, которой не знают люди в их медленной жизни» (VI, 288); «Женщины увидели мужчин, и мужчины взяли их за руки» (VI, 267).

Ранее «окаменелые» за «стенными» преградами эротические переживания узников освобождаются от статичности и *переслаиваются* возродившимся движением многогранной («горечь и сладость») человеческой жизни. Насыщенность этой жизни, вызванная размыканием внутренних стен между лагпунктами, образно оформляется в горизонтально выстраивающиеся *слои* женских и мужских эмоций. Соединение мужских и женских рук — встречное движение в горизонтальном направлении, жест скрепления горизонтали восстановившейся человечности и человеческой общности. Встреча мужчины и женщины в лагерных условиях сопричастна библейскому чуду первооткрывания и узнавания друг друга во плоти, на небе и на земле, как сказано в Песне песней: «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня»³.

Этот же момент встречи восставших в Кенгире мужчин и женщин представлен в киносценарии «Знают истину танки» (далее — ЗИТ). Мужчины, которые «долбят стену ломами, кирками, лопатами», напоминают дикарей *каменного* века. Они ведут борьбу за жизнь, за право её продолжения: «Они рубят как бы дыру, арочный свод, стена держится над ними... А справа — сгущается стайка женщин в ожидании. Они тесно стоят, держатся друг за друга» (XIX, 531). Женщины сравниваются с птичьей «стайкой» — образ, высветляющий их единение и устремление ввысь. Они — хрупкий, но сплоченный легион («держатся друг за друга»), душевно вспорхнувший и эмоционально вознесенный первым веянием «свободы»: «Есть проход! Мужчины бросают ломы и кирки, они протягивают руки в пролом и стайка женщин бросается к ним! <...> Соединённые руки! Соединённые руки! Союз мужчины и женщины — старше всех союзов на земле!» (XIX, 532). В иерархии бесчисленных человеческих общностей высшее место принадлежит союзу, без которого невозможна жизнь. Его примат и архаичность («старше всех») восходит к библейскому нарративу о сотворении Богом первых людей (Адама и Евы) и их телесной неразделимости; и к платоническому мифу («Пир») об андрогинах, предках человека, сочетавших в себе мужское и женское начала, *восставших* против богов и за это разрезанных Зевсом на две извечно ищущих друг друга половинки. Велик и страстен порыв заключенных мужчин и женщин к воссоединению. Зэки «рубят», «долбят» «проход» к жизни, «стучатся» в нее, «бросаются» ей навстречу, прорываясь через «камень» и «лёд» гулаговского мира, проламывая затверделость партийного зла.

С разрушением «стенной» вертикали античеловечности естественным образом выстраивается и очеркивается иная, духовная вертикаль — вертикаль Божественного: «Те литовки, чьи браки заключали ксёндзы через стену, теперь увидели своих законных по церкви мужей — *их брак спустился от Господа на землю!*» (VI, 267). В восприятии повествователя браки литовок

«через стену» образно связываются с «хором ангелов» и «безкорыстным созерцанием небесных светил» (V, 195). Эти созерцаемые, но недостижимые светила теперь обретают форму сошедших на землю и дотянувшихся до ее обитателей лучей Божественного прикосновения. «Хор ангелов», слышимый повествователю, но ранее приглушенный «стенной» преградой, разделявшей молодоженов, получает свой земной резонанс. Личная жизнь людей преображается согласно изначальному Божественному замыслу неотторженности мужчины и женщины друг от друга и следующей из этого единства непрерывной возможности возобновления жизни.

«Нисхождение» брака литовок с небес на землю в направлении, обратном вектору, по которому шло возведение «стены» бесчеловечности, и есть проявление воссозданной духовной геометрии, многократно осуществленное в жизни восьми тысяч людей. «Спускающаяся» и обретающая образно зримые (и даже слышимые) очертания Божественная вертикаль соприкасается с горизонталью возродившейся человечности, оформляясь на метафорическом уровне в контур креста. Эта скрыто, а иногда и явно присутствующая в тексте крестная схема размыкает пространство Кенгирского лагерного отделения, «прямоугольник этих стен» (VI, 263) (закрытый, клаустрофобный хронотоп), сдавливавших *жизнь* и искривлявших ось Небо-земля.

Символично, что восстание длится 40 дней («40 дней Кенгира»). 40 — библейское число, основная составляющая которого — 4 — в библейской системе образности ассоциируется с крестом и перекрестием (4 конца креста), а цельность всего числа — 40 — с испытаниями веры. 40 дней и 40 ночей продолжался великий потоп. Перед началом Нагорной проповеди Христос удалился в Иудейскую пустыню и постился 40 дней, ничего не вкушая⁴. В кенгирском эпизоде восставшие мужчины и женщины подобны спасающимся от потопа на корабле (в ковчеге) праведникам, которые в течение сакрально отмеченного периода времени (40 дней) дают сигнал тревоги: «А над столовой, где только что прошли выборы, поднялся видный всему посёлку флаг. Он висел потом долго: белое поле, чёрная кайма, в середине красный санитарный крест. По международному морскому коду флаг этот значил:

“Терпим бедствие. На борту — женщины и дети”» (VI, 269).

Традиционную корабельную геральдику флага можно прочесть и по-другому: «белое поле» — невинность, поле духа; «чёрная кайма» — контур зла; крест — искупление, спасение во Христе. Следует отметить, что библейские тексты включают числа и исторические, и символические. В случае описания Кенгирского мятежа происходит наложение этих двух нумерологических кодов, пересечение конкретно-исторических реалий с символически-христианскими смысловыми параметрами.

⁴ См.: Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 630; Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. С. 298–299.

Наряду с библейским подходом *формы* временного возвращения заключенных к жизни можно интерпретировать исходя из понятия карнавализации: «Карнавальная же жизнь — это жизнь, выведенная из своей *обычной* колеи, в какой-то мере “жизнь наизнанку”, “мир наоборот” <...> В карнавале вырабатывается <...> *новый модус взаимоотношений человека с человеком*, противопоставляемый всемогущим социально-иерархическим отношениям внекарнавальной жизни. Поведение, жест и слово человека освобождаются из-под власти всякого иерархического положения...»⁵ Кенгирский мятеж — это лагерная жизнь, вывернутая «наизнанку», низвержение бесчеловечного тюремного устава, праздник обретенной «свободы». Восстание — тот «новый модус взаимоотношений», где заключенные даже создают свои «институты» власти: «Ходили по баракам дневальные и звали в большую столовую на выборы Комиссии — комиссии для переговоров с начальством и для самоуправления (так скромно, так боязливо она себя назвала). Её избирали, может быть, на несколько всего часов, но суждено было ей стать сорокадневным правительством Кенгирского лагеря» (VI, 267–268).

В этом мире, на время сорвавшемся с лагерной колеи, женщина из орудия производства или предмета сексуальной эксплуатации вновь становится суверенной личностью. Даже «социально-близкий контингент» блатарей и воров демонстрирует уважительное отношение к ней: «Главный же расчёт начальства был, что блатные начнут насиловать женщин, политические вступятся — и пойдёт резня. Но и здесь ошиблись психологи МВД! <...> Все свидетельствуют, что воры вели себя *как люди*, но не в их традиционном значении этого слова, а в нашем. Встречно — и политические, и сами женщины относились к ним подчёркнуто дружелюбно, с доверием. <...> Если кенгирскому мятежу можно приписать в чём-то силу, то сила была — в единстве» (VI, 272). Единство восставших, добившихся кратковременного прорыва «в жизнь», — это свершившееся чудо, сопричастное христианскому идеалу праведной жизни. В этом мире, выведенном из-под власти зла в другое, человечески-нормальное измерение, вор перестает воровать и обижать, и даже убийца — убивать и истязать, и оба равноправно возвращаются в человеческую общность.

В этом на время очеловеченном пространстве женщина обретает не только уважительное к себе отношение, но и наравне с мужчиной включается в общую борьбу благодаря «посланной судьбой возможности защищать свою волю» (VI, 272): «В пуританском воздухе ранней революции, когда присутствие женщины на баррикаде тоже становится оружием, — мужчины и женщины держались достойно тому и достойно несли свои пики остриями в небо» (VI, 272). Женщина поддерживает мужчин, укрепляет их мужской дух и сама становится воином: «Учитывая ту особенность мужской психоло-

гии, что при женщине мужчина не побежит и вообще проявит себя храбрее, пикеты составляли смешанные. <...> И женские взводы, направляемые на ночь в мужскую зону в отведенные для них секции, чтобы по тревоге высыпать навстречу наступающим (было такое наивное предположение, что палачи постесняются давить женщин), шли, ошетиленные кончиками пик. <...> Пики и сабли были для нашего века игрушечные, но не игрушечной была для этих людей тюрьма в прошлом и тюрьма в будущем» (VI, 271–272).

«Игрушечность» оружия, оттеняющая изначальную незащищенность и уязвимость восставших, и особенно «присутствие» женщин, укомплектованных во «взводы», определяет характер восстания, неоднократно именуемого автором «революцией». Хотя и вооруженная, это в первую очередь духовная революция восстановления человеческого права на жизнь и возвращения в нее справедливости и любви. Это — революция праведников.

В творчестве Солженицына мотив рыцарства и воинской чести занимает заметное место (см. образы Сологдина в романе «В круге первом» и Столыпина и Воротынцева в «Красном Колесе»). Поднявшие мятеж мужчины и женщины уподоблены средневековым воинам, противостоящим мощи современной («нашего века») машинной цивилизации: «Зэки не в шутку готовились выходить с пиками против пулемётов. <...> И раз была дневная атака. <...> ...В пролом были двинуты автоматчики. <...> И режимные офицеры, прокуроры и политработники, и кто там ещё был, все члены партии, конечно, — смеялись дикому зрелищу этих воодушевленных первобытных с пиками» (VI, 285–286). Для «передовых» партийцев и гэбистов восставшие подобны дикарям, туземцам, готтентотам, которых следует подавлять и подчинять при помощи передовой военной техники. Запомним, однако, слова «воодушевленные» (душа) и «первобытные» (первые люди), снова отсылающие к книге Бытие.

«Кончики пик», направленные «остриями в небо», в очередной раз образно-геометрически вычерчивают взаимосвязь восставших с Божественным. «Женские взводы», идущие «ошетиленные кончиками пик», таким образом, являют своеобразное шествие праведниц. «Военный поход» кенгирских женщин напоминает пасхальный крестный ход в одноименном рассказе писателя (1966) с его описанием маленькой колонны верующих женщин, шествующей в окружении толпы глумящейся молодежи: «...в пять рядов по две идут десять поющих женщин с толстыми горящими свечами. <...> Женщины пожилые, с твёрдыми отрешёнными лицами, готовые и на смерть, если спустят на них тигров. <...> Десять женщин поют и идут сплочённым строем» (I, 266–267).

«Толстые горящие свечи», вертикально восходящие к Богу, образно параллельны уходящим «в небо» кончикам пик. И в том и в другом случае строй праведных женщин испытывает нравственный подъем, позволяющий им воспрянуть над жестокостью и изменностью адептов зла: гэбистских сол-

дат и офицеров в главе о Кенгире и звероподобной молодежи в рассказе. Пулемёты и автоматы не смогли сломить дух кенгирских ратников, страдания которых нравственно преобразили и возвеличили их: «Они поднялись на ту духовную ступень, откуда говорится палачам: — Да пропадите вы пропадом! Травите! Грызите!» (VI, 287).

Но хотя заключенные стремились отвоевать постоянное право на жизнь, они смогли отстоять лишь 40 дней ее настоящего, человеческого проявления. Воссоздавшееся на сорокадневный период пересечение вертикали Бога и человеческой жизни постепенно исчезает. «С воздуха или с вышек» (VI, 292) начинается скрытое наблюдение над заключенными: цепкий взгляд наблюдателей скользит по образной диагонали зла, отходящей от оси Божественного. «Рёв тракторов» заглушает «ангельское звучание» человеческой любви: «Этот недобрый какой-то рёв добавил мраку» (VI, 290). Утром 25 июня танки, «давящие» гусеницами живых людей, окончательно свертывают, сплющивают горизонталь «более семиста» (VI, 293) человеческих жизней вниз — в смерть: «Танки давили всех попадавшихся по дороге (киевлянку Аллу Пресман гусеницей переехали по животу). Танки наезжали на крылечки бараков, давили там (эстонок Ингрид Киви и Махлапу). <...> Семён Рак со своей девушкой в обнимку бросились под танк и кончили тем. ...Как во сне, отвалился угол барака, и наискосок по нему, по живым телам, прошёл танк; женщины вскакивали, метались; за танком шёл грузовик, и полуодетых женщин туда бросали. <...> Победители-генералы спустились с вышек и пошли позавтракать» (VI, 291–292).

Вспомним формулу «опыт художественного исследования». Особое *исследовательское* внимание, акцентируемое повествователем на «сдавливании» именно женских тел, имеет и свою *художественную* функцию. Оно подчеркивает крайнюю степень жестокости подавления Кенгирского мятежа. Читателю показано «свёртывание» женского материнского предназначения («переханный» живот) — удвоенное «сдавливание» жизни, не только настоящей, но и будущей, пресечение возможности ее возобновления как таковой. Вспоминается также и высказывание Адали и Агнессы Ленартович о том, что «революция — это великие роды» (VIII, 85). Но столь страстно ожидаемое ими рождение нового партийного государства повлечет за собой вырождение людей.

Образ «всё давящего» (VII, 294) колеса и изуродованного им женского тела присутствует уже в рассказе «Матрёнин двор» (1959), имя главной героини которого матриархально (первый слог имени Матрёна, от латинского «почтенная женщина») созвучен русской морфеме «мат-»⁶. Подобно восставшим заключенным в Кенгире, уловившим зловещее, «звериное» («Ведь они же не звери!», XIX, 542) в реве танковых моторов, Матрёне задолго до ее смерти шум

⁶ См.: The Solzhenitsyn Reader: New and Essential Writings, 1947–2005 / ed. by E.E. Ericson, Jr. and D.F. Mahoney. Wilmington, DE: ISI Books, 2006. P. 24.

поезда внушал ужас и страх: «Как мне в Черусти ехать, с Нечаевки поезд вылезет, глаза здоровенные свои вылупит, рельсы гудят — аж в жар меня бросает, коленки трясутся» (I, 128). Как и танк, поезд — олицетворение «вылезшего» из ада и несущегося со скрежетом на человека монстра. В ЗИТ текст выделяет, высветляет, «почти уцелевшее лицо» одного из раздавленных гусеницей зеков, Гая («Около нас — месиво трупа Гая. Голова запрокинулась в нашу сторону — почти уцелевшее лицо с тем же азартом боя», XIX, 543). А в «Матрёнинном дворе» читаем, что у «отсутствующего, изуродованного» тела героини остаются целыми правая рука (фольклорно-семантически и библейски нагруженная часть тела) и «спокойное, больше живое, чем мёртвое» лицо (I, 142). «Живое», эмоционально окрашенное выражение лиц погибших персонажей оттеняет — высветляет — праведный характер их жизни: «У тех людей *всегда* лица хороши, кто в ладах с совестью своей» (I, 137).

И. Кукулин отмечает, что экранная сцена «всё давящего», «багряного» колеса в «Августе Четырнадцатого», «аллегорически <...> предвосхищает “красное колесо” двух революций 1917 года и Гражданской войны, во время которой междоусобица, “стрельба по своим” стала, по мысли писателя, уже не локальной трагедией, а общей катастрофой России»⁷:

Оно все больше!!
Оно во весь экран!!!
КОЛЕСО! — катится, озарённое пожаром!
самостийное!
неудержимое!
<...>
= И — лица маленьких испуганных людей: почему оно катится само? почему такое большое? (VII, 294)

В художественном осмыслении Солженицыным Кенгирского восстания колесная давка «по своим», происходящая уже после смерти Сталина, представлена как историческая пролонгация «междоусобицы» в стране. Не случайно в ЗИТ танковое человекоубийство сопровождается «хором мужских голосов» (XIX, 542), исполняющих самую известную патриотическую песню Великой Отечественной войны:

*ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!
ВСТАВАЙ НА СМЕРТНЫЙ БОЙ
С ФАШИСТСКОЙ СИЛОЙ ТЁМНОЮ,
С ПРОКЛЯТОЮ ОРДОЙ!* (XIX, 542)

⁷ Кукулин И. Машины зашумевшего времени: Как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Нов. лит. обозр., 2015. С. 307.

«Боевые прославленные Т-34» (XIX, 541), столь много сделавшие для защиты отечества от вражеского нашествия, теперь разворачиваются на «смертный бой» против своего же народа. Киносценарий ЗИТ, в котором описана атака танков на живых людей в Кенгире, представляет собой ранний и более развернутый аналог «экранов» эпопеи «Красное Колесо». Недаром и Матрёна (рассказ и сценарий написаны в одном и том же году) неодобрительно относится к изобретению новых машин, видимо не придавая значения индустриальному развитию страны и нарастанию ее оборонной мощи, а чутким сердцем и «чистым» слухом предчувствуя и улавливая в «рычании», гудении «механизмов» (I, 124, 133) знаки жестокости и зла.

Знаменательна подробность, что после расправы над восставшими Кенгира лагерные начальники «пустились с вышек и пошли позавтракать» (VI, 292) — скрытая метафора людоедства. Она отсылает читателя к заключительным строкам романа «В круге первом» (1955–1968), где этапиремых из шарашки эзков везут по московским улицам в закрытом фургоне с камуфляжной надписью:

Мясо
Viande
Fleisch
Meat (II, 720)

По ту сторону этой надписи, напоминающей рекламу общепита, находятся живые и голодные люди, «стиснутые» (II, 719) *внутри* машины, спрессованные в тюремную биомассу. И. Кукулин отмечает, что «эта надпись — единственный фрагмент текста романа, выделенный графически: она записана “лесенкой” и отсылает к поэтике авангарда 1920-х годов. <...> Вероятно, столь же неслучайно у Солженицына проза “лесенкой” впервые появляется в ЗИТ»⁸:

Давят!..
Танки!..
Спасайся!..
Спокойно! (XIX, 542)

Добавлю, что этот кусок прозы, полиграфически развернутый «как бы наискосок» (XIX, 542), есть материализованное воспроизведение диагонали зла, зримое отклонение от оси Божественного. По такой же «лесенке» или лестнице в «Архипелаге ГУЛАГ» генералы-каратели снисходят в пространственную плоскость, где их танки превратили восставших в человеческое «мясо» или месиво.

Солженицын подводит итоги Кенгирского мятежа цитатой из шотландского поэта:

Мятеж не может кончиться удачей.
Когда он победит — его зовут иначе...
(Бёрнс) (VI, 294)

Слово *мятеж* морфологически содержательно и текстуально ассоциативно. В нем слышится и *смятие* (мят) человеческих жизней, и смертоносная *тяжесть* (теж) танков. В описании расправы над участниками восстания читаем: «По мере захвата очередной группы пленных её вели в степь через проломы, через внешнюю цепь конвойных кенгирских солдат, обыскивали и клали в степи ничком, с *протянутыми над головой руками*. Между такими *распято лежащими* ходили лётчики МВД и надзиратели и отбирали, опознавали, кого они хорошо раньше видели с воздуха или с вышек» (VI, 292). А в ЗИТ расстреливаемые во время танковой атаки заключенные «падают кучами, по несколько вместе, друг на друга *вперекрест*» (XIX, 544). Это перекрестное падение погибших повстанцев и «распятое лежание» их оставшихся в живых, но обреченных на новые мучения товарищей превращается в проекцию отображенного от земли и проецируемого в небесное, Божественное измерение Креста:

«Смирил себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной...» (Флп. 2:8).

Т.Е. Смыковская

«НАСТАНЕТ ГОД, РОССИИ ЧЕРНЫЙ ГОД...»

*Из наблюдений над символикой черного цвета
у Солженицына*

Цвет необычайно важен в поэтическом мире Солженицына. Писатель, стремясь зафиксировать стержневые моменты повествования, выносит колористическую характеристику в название отдельных глав своих сочинений («Голубые канты», «Белый котёнок», «Синий свет»), делает ее неотъемлемым элементом эпопеи «Красное Колесо». Однако, несмотря на очевидность авторского тяготения изображать мир в красках, до сих пор нет специальных работ, посвященных изучению «колористики» Солженицына. Существуют лишь замечания, высказанные по ходу исследования. Так, А.В. Урманов, анализируя мотив разрубания в «Матрёнинном дворе» (1959), обращает внимание на символику черного цвета в обрисовке Фаддея¹. С.В. Шешунова, рассматривая демоническую семантику образа Колеса, фиксирует ее связь с народными цветовыми представлениями².

К колористическим эпитетам писатель прибегает для решения разных художественных задач. В одних случаях они органичная часть пейзажных зарисовок, в других необходимый элемент характеристики героя или события. Однако какую бы роль ни выполняли цвета в солженицынских произведениях, они чаще всего не просто выделяют портретные, интерьерные или природные детали, а выступают как символы, призванные приоткрыть глубинные бытийные смыслы, выявить специфику авторского мирозерцания. Таким символом в творчестве Солженицына нередко является черный цвет.

Черный в качестве символической подробности встречается уже в «Матрёнинном дворе»: «Высокий чёрный (зд. и далее в абзаце выделено мной. — Т.С.) старик, сняв на колени шапку, сидел на стуле <...>. Всё лицо его обле-

¹ См.: Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. С. 206–207.

² См.: Шешунова С.В. Национальный образ мира в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо». Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2005. С. 25–26.

гали густые чёрные волосы, почти не тронутые сединой: с чёрной окладистой бородой сливались усы густые, чёрные, так что рот был виден едва; и непрерывные бакены чёрные, едва выказывая уши, поднимались к чёрным космам, свисавшим с темени; и ещё широкие чёрные брови мостами были брошены друг другу навстречу»³. К схожему приему цветовой наполненности Солженицын прибегает в «Красном Колесе» при создании образа анархиста Жоры. В описании жестянщика доминирует черная гамма: «черноволосый», «чёрный фартук», «чёрная щетинка», «чёрный взгляд», «чёрные глаза». Внешняя «чернота» героя, безусловно, призвана акцентировать мрак, царящий внутри. Жора зол и жесток, в нем отсутствуют жалость и сострадание, цель «подземного кузнеца» — беспощадная борьба с миром, который его окружает. Если в «Матрённом дворе» символом разрушительной сущности Фаддея является топор, то главным орудием Жоры становится молоток, обладающий в христианской культурной парадигме семантикой смерти⁴. Вербальные единицы, формирующие образ жестянщика, показывают, что молоток — это не обычное орудие труда, а предмет, направленный на насильственные действия. Слова, возникающие в эпизоде с Жорой, содержат значение «бить» («обивать», «подбивал», «бил», «бить», «бой»), присутствующее и в существительном «убийство». Идея убийства «конкретизируется» в речи персонажа. Анархист говорит: «Всех подлецов стрелять по одному! <...> А попам долговолосым — расчесать гривы, за гривы вешать» (VII, 68). Молоток в руках Жоры является не просто знаком убийства отдельного человека, но предвестником уничтожения целого государства. Под знаком молота входят в повествование революционеры Матвей Рысс, подбивающий обуховцев на мятеж, и Машистов — «заводской организатор» (IX, 448). «Товарищ Вадим» характеризует себя как человека с сердцем, откованным молотом, ведущим, вопреки войне, свою подпольную агитационную деятельность, подтачивающую государство изнутри. Машистов — живое воплощение революционного безжалостного молота. Именно так воспринимает его Вероника: «Не только лицо его как будто вышло из-под того молота <...> с твёрдыми неподвижными глазами, но и вся его ощутимая душевная железность <...>» (IX, 446).

Молотками в «Марте Семнадцатого» орудует толпа, разбивая российские гербы:

Опять — весь герб целиком. И теперь мы видим его внутренние скрепы. Через шею и спаянное двойное тело усилия переданы на лапы, вся сила в этих лапах, и держит одна лапа скипетр, другая лапа — державу, — для той, верхней, короны. <...>

³ Солженицын А.И. Рассказы и Крохотки // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 131; далее произведения Солженицына цит. по этому изд. с указанием томов и страниц в скобках.

⁴ См.: Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. С. 296.

Но — вошёл в кадр молот на ручке, от рук невидимых,
 навис сверху сбоку —
 Удар!
 Удар! — и —
 и — нет короны! И — нет одной головы!
 Римская ли, Византийская, Российская —
 Удар!
 под молоток!
 под молоток!
 И — нет державы, отбита! <...>

 И — ещё орёл, выступающий из вывески,
 и — ещё его молотком! <...>
 И — молотком его, проклятого!» (XIII, 136–137).

Когда-то цельное тело орла, скрепленное георгиевским щитом, разбивается на куски. Процесс разламывания государственной геральдики воссоздан с помощью *экрана*, отчетливо фиксирующего быстрое, последовательное, намеренное, злорадно-веселое крушение. Прежде всего, кадры выхватывают расколоченные символы монархии — корону, державу и скипетр. Такие нацеленные удары — знак убийства монархической России, знак ее жертвенной обреченности, обозначенной уже в «Августе Четырнадцатого» с помощью образа «черного» анархиста, беспощадно бьющего молотком по железу. Симптоматично, что нарисованные орлы, не поддающиеся молотку, замазываются «чёрной кистью», цветом смерти. Следует добавить, что молот — эмблема безжалостной ломки прежнего мира, выражающая в знаковой форме центральную идею революции, соотносится в «Красном Колесе» с топором. Г. Бидерманн пишет: «...инструмент (молот) <...> иногда трудно отличить от *двойного топора*»⁵. Топор, как и молот, по замечанию А.В. Урманова, становится прообразом революции, архетипом универсальной, неумолимо беспощадной, первобытной жестокости, составляющей суть революционных событий⁶.

Черным согласно христианской цветовой иерархии могли обозначаться исключительно бесовские сущности. В иконописи, по утверждению В.В. Бычкова, только глубины пещеры — символ могилы, ада — закрашиваются черной краской: «Это значение черного цвета было настолько устойчивым, что наиболее тонкие живописцы, желая избежать его там, где требовался простой черный цвет без всякой символики, или заменяли его темно-синим и темно-коричневым, или же корректировали его сине-голубыми бликами»⁷.

⁵ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. С. 171.

⁶ См.: Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. С. 211.

⁷ Бычков В.В. Византийская эстетика: Теоретические проблемы. М.: Искусство, 1977. С. 105.

На иконах, воспроизводящих житийный сюжет «Чудо Георгия о змие», черным изображалась скалистая пропасть, в которую святой Георгий сталкивает черного дракона, воплощающего стихию зла. Именно такой адовой бездной предстает кузница жестянщика. Посреди летнего цветущего Пятигорска мастерская Жоры — некое углубление, яма («подполье», «колодец», «подземная кузница»), «черный» «капкан», из которого не выбраться. Повествователь не раз обозначит жестяную лавку знаком ада — пещерой, в которой согласно житийному повествованию и жил дракон: «Из своей полутёмной пещерки-ларька недоброжелательно искоса смотрел... <...> и подняв доску, вступила в узкий зев прилавка» (VII, 64; 69). «Чёрный» хозяин пещеры наделен чертами зловещего мифического существа. Стихия анархиста, жаждущего разрушать динамитом, — огонь: «Молчал, смотрел, соображал. Сильные чёрные глаза. Но заогнились, от подземной кузницы, от скрытого горна?» (VII, 68). Жестянщик даже внешне напоминает дракона: «...стоял дыбчатый фартук неподвижным хребтом» (VII, 67). Символично, что в 1918 году Е. Замятин сравнит человека, рожденного революционной стихией, с драконом: «Из бредового, туманного мира выныривали в земной мир драконо-люди, изрыгали туман, слышимый в туманном мире как слова...»⁸

О причастности Жоры к демонологическому миру говорит и его телесная несоразмерность, присущая персонажам, олицетворяющим нечистую силу (остроголовость, хромота, кривизна⁹ и др.): «...при широкораздатом лице, и во лбу и в нижней челюсти, уши у него были неожиданно маленькие. <...> Поднялся — неровно, как ногу отсидев <...>» (VII, 63; 69). Жестянщик — фигура раздробленная, его облик далек от одухотворенной цельности, от упорядоченной божественной гармоничности, печать которой, по авторскому убеждению, лежит на каждом человеке, проявляясь в зависимости от жизненных установок и качеств.

Инфернальный эпитет «чёрный» в описании анархиста соединяется с такими характеристиками, как «грубый», «сердитый», «хмурый», «угрюмый», «злой», представляющими Жору не просто жестоким человеком, а сгустком темной, негативной энергии, ожидающей момента взрыва. Первой жертвой анархиста становится Варя Матвеева, воплощающая житийный образ девушки, похищенной драконом. Однако, в отличие от агиографического повествования, Варя попадает в «пещеру» по собственному желанию. Героиня, оказываясь между белым и черным, между высветленным («белая чистая рубашка», «пшеничные волосы»), жалеющим воюющую Россию Саней и подземным беспощадным кузнецом, выбирает второго, оставляя на себе его черную метку: «...не видела сажевого пятна на локотке, может где и платье...» (VII, 69). Варя, организовав солдатскую чайную в революционном

⁸ Замятин Е.И. Дракон // Замятин Е.И. Мы. М.: АСТ: Люкс, 2005. С. 307.

⁹ Об этом см.: Русская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С. 313.

Петрограде, становится причастной к процессу крушения государства. В эпизоде с Жорой Варя символизирует Россию, которая, практически не сопротивляясь деструктивным процессам, сама сползает в пропасть революции. Спустя несколько десятилетий без борьбы сдастся и русский народ, миллионами последуя в «зловонную» яму ГУЛАГа.

Жора предстает статичным персонажем, абсолютным олицетворением зла, он лишен возможности развития. Герой тверд как железо, присущая ему непроницаемость акцентируется на протяжении всей главы. Его окружают тяжелые предметы, имеющие окаменелую природу: «твёрдостоялый фартук», «молоток», «лохань», «кастрюли», «вёдра», «жестяная ванна». Грузность отражена в портрете анархиста: «плотная рубашка», «широкораздатое лицо», «крупнолицый», «сильные, крепкие, мясистые губы», «тяжёлые губы». Свою застылость кузнец подчеркивает и сам: «...анархист-коммунист не должен ничего читать, чтоб не поддаться чужому влиянию» (VII, 67). Примечательно, что описание пятнадцатилетнего Жорки, еще полностью не захваченного разрушительной анархистской идеей, лишено не только статичности, но и сатанинских черных отметин. В воспоминании Вари герой предстает в «движенье рук» и в «клетчато-бордовой» рубашке.

Черный провал кузницы, засасывающий Варю, — вместилище темных деструктивных сил, окутавших государство и жадующих выхода, распаивающаяся бездна, в которую с началом войны «неумолимо» затягивается Россия. Это вектор, направленный «вниз», влекущий в беспросветную революционную пропасть. Начало десяти томного повествования обозначено противопоставлением двух равномасштабных знаковых образов. С одной стороны, «ярко белый Хребет» — символ духовного восхождения и очищения, с другой — адова пещера, манящая своей чернотой. Россия оказывается не просто местом борьбы мнений, идей, течений, партий, а частью глобального космического противостояния, от которого не скрыться, ареной столкновения мрака со светом. Во вселенской схватке, начало которой обозначено в первых главах «Августа...», чернота затмевает Россию, избирающую путь тьмы. Исследователь справедливо замечает: «У Солженицына горы... обнаружившись в зачине повествования, затем исчезают. Реальный маршрут (Саня Лаженицын едет от гор) обретает символическую окраску — из мира уходит вертикаль, связывающая землю с небом»¹⁰.

Одним из результатов такого исхода становится лагерь, адова пропасть, в деталях воссозданная в «Архипелаге ГУЛАГе» (1964–1968). Осмысление лагерной зоны как преисподней обозначено у Солженицына уже в романе «В круге первом» (1955–1968). Как известно, место действия романа — шарашка, являющаяся для Нержина начальной ступенью пути в кромешную тьму ада — лагерь. О том, что лагерь — это адский топос, свидетельствует

¹⁰ Немзер А.С. «Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. М.: Время, 2010. С. 41.

и черный цвет, не раз соединенный в «Архипелаге...» с лагерными константами. Черный цвет выступает в роли реалистической подробности, характеризующей лагерный быт. Черные колонны заключенных, одетых в однотипно темные телогрейки и куртки, «черная баланда» из листьев крапивы, черные смрадные бараки. Эпитетом «черный» автор подчеркивает особенно ненавистные ему лагерные реалии: «Радио в бараке, на трассе, у ручья, в карельской избе, с грузовика, радио, не спящее ни днём, ни ночью (вообразите!), эти безчисленные чёрные рты, чёрные маски без глаз (образно) кричат неустанно...» (V, 77). Радио навсегда осталось для Солженицына символом тоталитаризма, знаком однолинейного потока информации, эмблемой «изуродованного мышления», что нашло отражение как в публицистических («На возврате дыхания и сознания», «Образованщина»), так и художественных произведениях («Матрёнин двор», «Раковый корпус», «В круге первом»).

ГУЛАГ для Солженицына — огромное мрачное подземелье, издающее зловещее зловоние, это гниlostная яма, в которую провалились не только заключенные, но и вся страна: «Потоки льются под землёю, по трубам, они канализируют поверхностную цветущую жизнь. <...> те, кто своими телами ещё не грохнулись в канализационные люки, кого ещё не понесли трубы на Архипелаг, — те должны ходить поверху со знамёнами, славить суды и радоваться судебным расправам» (IV, 59). Многие лагерные топосы осмыслены как пространства пещерные, первое из них тюремный воронок — «чёрный ворон»: «...ни единой щёлки, ни электрической лампочки внутри, уже нельзя было нидохнуть, ни глянуть» (IV, 464). «Полутёмной пещерой» предстает купе пересылочного вагонзакла, в котором приговоренный наверняка будет ограблен и унижен если не уголовниками, то конвоем. Однако истинными пещерами становятся Штрафные Изоляторы и Бараки Усиленного Режима, выбраться из них можно, лишь проглотив столовую алюминиевую ложку: «Что требуется от ШИЗО? Он должен быть: а) холодным; б) сырым; в) темным; г) голодным. Для этого не топят <...> не вставляют стекол на зиму, дают стенам отсыреть (или карцерный подвал ставят в мокром грунте). Окошки ничтожные или никаких (чаще)» (V, 332). Адовым местом изображается карцер, явленный в виде «простой ямы», знаменующей вектор, уводящий вниз, в подземелье лагерной канализации.

«Драконы» ГУЛАГА — «урки», существа, высвобожденные февральским бесовским разгулом и подпитывающиеся советским режимом: «Сразу после Февральской революции — кто заодно с политическими, в суматохе, кто быстро вослед, по льготным амнистиям Керенского, — уголовники привольно хлынули на свободу и перемешались со свободными гражданами. В миллионном дезертирстве 1917 года, потом за Гражданскую войну все человеческие страсти очень распустились, а воровские первее всех, и уж никак не хотели головы гнуться под ярмо, да им объявили, что и не надо. Находили очень полезным и забавным, что они — враги частной собственности, а зна-

чит, сила революционная, надо только ввести её в русло пролетариата...» (V, 341). Если в Жоре олицетворены сгустки зла предреволюционной России, то массы «социально-близких» — это зловещий результат послереволюционных изменений, итог нравственной деградации. Уголовники — это «нежить», твари, лишённые не просто морали, но даже человеческого обличья, они вне людских отношений и слов. На протяжении всего повествования Солженицын, описывая блатных, употребляет характеристики двух групп, первая из них — «звери»: «Вталкиваясь в сталинское купе, ты и здесь ожидаешь встретить только товарищей по несчастью. <...> И вдруг ты поднимаешь голову к квадратной прорези в средней полке, к этому единственному небу над тобой — и видишь там три-четыре — нет, не лица! нет, не обезьяньих морды, у обезьян же морда гораздо добрей и задумчивей! нет, не образину — образина хоть чем-то должна быть похожа на образ! — ты видишь жестокие гадкие хари с выражением жадности и насмешки. Каждый смотрит на тебя как паук, нависший над мухой. Их паутина — эта решётка, и ты попался!» (IV, 444). У «урок» не лицо, а «мурло», они не говорят, а «чирикают» и, подобно свиньям, «откармливают мускулы». Блатные — это «крупные твари», «гориллоиды», «паразиты», присосавшиеся не только к политическим заключённым, но и к телу всей страны. Мир социально-близких структурен, его нижний ярус занимают малолетки, «посланники харь». В авторском изображении малолетки — «звери худшие», это «злые и гадкие хорьки», «крысы». Для пожилых измученных заключённых они «змееныши» и «бешеные собаки»: «Хуже фашистов зверье!» (V, 367). О том, что блатные, переступившие порог злодейства, покинули человечество, свидетельствуют наименования второй группы — «нечисть»: «А как же принять их за людей, если они сердце твое вынимают и сосут? Вся их “романтическая вольница” есть вольница *вурдалаков* (зд. и далее в абзаце выделено мной. — Т.С.)» (V, 350). Блатнячка Береговая, чьи руки «умеют бить мужчин», имеет «ведьмины глаза». Охвостье урок — малолетки, налетающие с быстротой бесов на стариков, считающих их «чертями», для которых «пулемета не жалко»: «Не-нависть порождает ненависть. *Чёрная вода ненависти* с лёгкостью разливается по горизонтали. Это легче, чем извернуться по жерлу вверх — к тем, кто и старого и малого обрёл на рабью участь» (V, 368). «Архипелаг ГУЛАГ» во многом конкретизирует концепцию личности Солженицына. В каждом человеке, по мнению писателя, заключён Божий облик, но он сохраняется, лишь пока человек остается человеком: «И видимо, злодейство есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между злом и добром, оскользается, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется, но пока не переступлен порог злодейства — в его возможностях возврат, и сам он — ещё в объёме нашей надежды. Когда же густотою злых поступков или какой-то степенью их или абсолютностью власти он вдруг переходит через порог — он ушёл из человечества. И может быть — без возврата» (IV, 164).

Уподобиться «урке» может любой, оказавшийся в лагере. Попадая в «канализацию», человек погружается во тьму. Первая ночь заключенного наполнена мраком, ее описание — это сгустки черноты, воплощающей безнадежность положения, отчаяние, страх, чувство бесконечной несправедливости: «Всё черно. <...> И в жилой зоне темно — только адским красноватым огнём горит из-под плиты “индивидуальной варки”. <...>

И завтра так будет, и каждый день: шесть вагонеток рыжей глины — три черпака чёрной баланды. <...>

А в бараках — и вовсе тьма. <...>

Раскрытые глаза — к чёрному потолку, к чёрному небу.

Господи, Господи! Под снарядами и под бомбами я просил Тебя сохранить мне жизнь. А теперь прошу Тебя — пошли мне смерть...» (V, 155). Зона предстает преисподней, выход из которой — только небытие. В первые дни, ночи, годы лагерь — незаслуженное адово наказание, несущее лишь «растление» души. Однако для человека, прошедшего все круги ада, сумевшего не сломаться и выстоять, сохранить совесть, опыт лагеря скорее положителен, поэтому в конце срока обрисован светлыми тонами: «Наше первое тюремное небо — были чёрные клубящиеся тучи и чёрные столбы извержений, это было небо Помпеи, небо Судного дня, потому что арестован был не кто-нибудь, а Я — средоточие этого мира.

Наше последнее тюремное небо было бездонно-высокое, бездонно-ясное, даже к белому от голубого» (V, 485). Процесс претворения черного в белое соотносится у Солженицына с христианской концепцией духовной эволюции, поскольку «черный — это и обещание будущего воскресения, во время которого он светлеет, становится серым, а потом и белым»¹¹. В человеке как Божьем творении сильна тяга к свету, в нем изначально заложена способность преодолевать тьму. Выделяя эпитет «белый», писатель подчеркивает масштабность духовных перемен, высветленность душ заключенных, не пошедших против этических законов. Писатель признает, что таких было меньшинство, «но, к счастью, — и не одиночки. Их много, людей — кто так избрал. <...> Десятки раз поднимался и перед ними выбор, а они знали да знали своё» (V, 486). Солженицын, изображая внутреннюю трансформацию лагерного человека, избирает традиционный образ неба, обители Божьей. Этой художественной константой писатель стремится зафиксировать не только глубину нравственных изменений, но и обращенность многих людей к вере, отвергнутой в ходе революционных потрясений.

Сложность процесса духовного перерождения подчеркнута с помощью предметных деталей, одна из них — черная куртка. Эта реалия встречается как в «Архипелаге...», так и в «Красном Колесе». В повествовании о революции черная куртка — предмет авторской иронии. Эта часть гардероба неот-

¹¹ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. С. 295.

делима от облика Керенского, с помощью нее он, с одной стороны, стремится выделиться среди членов правительства, с другой, жаждет слиться с «черной толпой» рабочих. В опыте художественного исследования образ черной куртки двояк. Повествуя о поездке Горького в ГУЛАГ, Солженицын пишет: «Знаменитый писатель сошёл на пристань в Бухте Благоденствия. Рядом с ним была его невестка, вся в коже (чёрная кожаная фуражка, кожаная куртка, кожаные галифе и высокие узкие сапоги), — живой символ ОГПУ плечо о плечо с русской литературой» (V, 51). Черная кожа — признак духовной непроницаемости и абсолютного безразличия, а также показатель принадлежности к демонической стихии, своеобразный знак оборотня, сменившего белый цвет кожи на черное обличье. Однако владельцами черных курток являются и заключенные: «...сколько поэтичных людей открылось мне в бритой головной коробке, под чёрной курточкой зэка!» (VI, 110). Представляется, что диминутивом автор желал подчеркнуть не столько небольшой размер одежды, сколько отношение к ней зэков. Куртка и телогрейка — то единственное, что согревало в стужу, то единственное, что по праву принадлежало заключенному, сопровождало долгие годы несвободы. Достаточно вспомнить об отношении Игнатича, главного героя «Матрёнина двора», бывшего зэка, к своей лагерной телогрейке: «Тут заметил я, что она в моей телогрейке, уже измазала рукава о льдистую грязь брёвен, — и с неудовольствием сказал ей об этом. Телогрейка эта была мне память, она грела меня в тяжёлые годы» (I, 137). Телогрейка — вещь, которая напоминает Игнатичу, частью какого мира он навсегда стал, какой духовный опыт вынес из заключения.

Символом духовной стойкости в «Архипелаге...» становится «белый котёнок», противопоставленный в произведении «серо-чёрному лагерю»: «И вдруг — вдруг что-то очень лёгкое коснулось моих ног. Я посмотрел: что-то маленькое, белое. Наклонился, вижу: это белый котёнок. <...>

Я почувствовал: что бы Коля мне сейчас ни сказал, я не могу не только жизнь у них отнять, но даже их трудовых кровных денег» (VI, 160). Белый котенок пробуждает в «убеждённом беглеце» Георгии Тэнно жалость и сострадание к вольным, напоминая о том, что сохранение души значительнее даже свободы, важнее физической жизни.

В «Архипелаге...», несмотря на общий зловеще-темный фон, обозначено постепенное, многотрудное преодоление вектора, влекущего вниз, в адскую пещеру, распахнувшуюся с началом революции. Солженицын показывает: человек силой духа способен сопротивляться режиму, претворять черное в белое и во мраке видеть свет.

Л.И. Сараскина

«КРАСНОЕ КОЛЕСО» — ЭПОПЕЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

«Революция — это хаос с невидимым стержнем. Она может победить и никем неуправляемая»², — писал А.И. Солженицын в начале 1980-х, в «Размышлениях над Февральской революцией».

Это, пожалуй, одно из самых цитируемых высказываний Солженицына о революции.

Невидимый стержень...

Уместно задать вопрос: кем не видимый? Теми, кто находится внутри событий и является их участниками, или теми, кто много позже пытается их понять и осмыслить?

Солженицын писал о революции так, как будто был внутри событий, по меньшей мере ее свидетелем, очевидцем, наблюдателем, хроникером. Вместе с тем — одновременно — он в совершенстве владел и взглядом «над событиями», как историк и аналитик.

«Я ношу в себе заряд историка / И обязанности очевидца», — признавался он еще в конце 1940-х, в поэме «Дороженька»³.

Владение этими двумя зарядами и дало возможность ему писать и большие художественные вещи, и размышлять о них публицистически, в жанре исторической аналитики.

Существенно, что этот владельческий дар явился Солженицыну не в одночасье, когда он уже начал писать «Красное Колесо». Этот дар вместе с замыслом сопровождал, вернее, руководил им всю жизнь, с молодых лет. Доказательств этому — море: и извне, и изнутри, из гущи строчек.

¹ Доклад 26 октября 2017 года на круглом столе «История русской революции в творчестве Александра Солженицына», который проводился в рамках Международной научно-просветительской конференции «1917 год в истории и судьбе русского зарубежья» (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 26–28 октября 2017).

² *Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией* // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 463.

³ *Он же. Протеревши глаза*. М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. С. 103.

А вот какие мысли одолевают двадцатипятилетнего капитана на пути в Восточную Пруссию, походом через Польшу:

Как пред сфинксом, я стою пред государством,
Водянистые глаза его не говорят:
Убивать — или лечить? Реформы и лекарства —
Или меч и яд?
На столе — процесс Бухарина — Ягоды
И четырнадцатый съезд ВКПб...
Пролегли запутанные эти годы
Тайным шрамом по моей судьбе
И угрозой тайной: берегись!⁴

В это же самое время его, офицера на войне, одолевает еще одно неотступное чувство:

Я предчувствовал, Ostpreussen,
Что скрестятся наши судьбы!⁵

Это было предчувствие роковых событий перед революцией:

Как Четырнадцатым годом
Вот по этим же проходам —
Межозёрным дефиле,
Вот по этой же земле,
В шесть солдатских переходов
От снабженья, от тылов,
За Париж, за чудо Марны
Гнали слепо и бездарно
Сгусток русских корпусов;
Без разведки и без хлеба
Гнали в ноги Людендорфу,
А потом под синим небом
Их топили в чёрном торфе⁶.

Но еще раньше, в юности, он буквально заболел событиями той войны:

— Затая в себе до крика
Стыд и боль того похода,

⁴ *Солженицын А.И.* Протеревши глаза. С. 113–114.

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Там же. С. 124.

В храмном сумраке читален,
Не делясь, юнец, ни с кем,
Я склонялся над листами
Пожелтевших карт и схем.
И кружочки, точки, стрелки
Оживали предо мной
То болотной перестрелкой,
То сумятицей ночной.
Жажда. Голод. Август. Зной⁷.

Какая-то сила связала — сначала студента Солженицына, позже капита-на Солженицына, позже писателя Солженицына — с тем Августом: а тогда, в войну, он стоял посреди горящего города (тот так же горел, когда в 1914-м туда въезжал генерал Самсонов) и уже не по книгам, картам и схемам, а с на-туры, как живописец, записывал свои впечатления в военный блокнот.

То есть еще до войны, со студенческих лет, мысль о революции перекре-стилась с военными походами Первой мировой.

Для человека, рожденного в разгар Гражданской войны, революция была недавним событием его жизни, случившимся вот-вот, по историче-ским меркам *только что*. Он испытал настоящий ожог от революционной темы, которой был опален и испепелен мир взрослых. Что бы и кто бы из родственников ни рассказывал о революции — это *все* было только страш-ным и только зловещим. Все детство революция воспринималась им как ка-тастрофа, пережитая и семьей, и страной, — историческим свидетельством о крушении старого мира. Так он осознал, о *чем* нужно писать — когда-ни-будь. *Революция как событие и как тема стала прологом к его рождению как гражданина, она должна была стать импульсом к его рождению как пи-сателя.*

Совершенно понятно, что писать о революции как о крупнейшем собы-тии эпохи, которое изменило судьбы мира, страны, людей, его собственных родных и близких, было естественным импульсом. Если и писать о чем-то важном, большом, то только об этом.

Весь вопрос был — как о ней писать? С каким внутренним чувством? С каким страстным — или безучастным, так называемым объективным — от-ношением? Что считать за правду этой революции?

Над «Красным Колесом» он размышлял полвека. Писал его все годы из-гнания. «Когда я восемнадцатилетним мальчишкой задумывал этот роман, у меня тоже была идея, что всё дело в Октябрьской революции, а там немнож-ко перед этим была Первая мировая война, а потом дальше Гражданская война. Но в ходе работы у меня происходил сдвиг замысла: я начал пятиться

⁷ Там же.

и, собственно говоря, главную силу всю и главное время я потратил именно на Февральскую революцию»⁸.

Вот этот «сдвиг замысла» и вот это «начал пятиться» означают только одно: у Солженицына не было заранее заданной жесткой концепции, идейной установки: было первоначальное чувство, дальше он изучал историю и строил свой роман, подчиняясь не установкам, а течению жизни. Шел от материала, от фактов, а не от заданных идеологических позиций.

Но вот что главное в «сдвиге замысла»: со временем с ним произошел сдвиг не только замысла, с ним произошел и капитальный сдвиг понимания, занявший десятилетия.

В юности, в студенческие свои годы, он жил с ощущением «предстоящего великого боя, который разрешится только Мировой революцией»⁹. Для этого всему поколению — надо лечь, готовится всем погибнуть, и в этом сознании были счастье и гордость. «Всему поколению — лечь на жалко, если по костям его человечество взойдет к свету и блаженству»¹⁰. «Всё поколение их родилось для того, чтобы пронести революцию с шестой части Земли на всю Землю»¹¹.

Но и еще раньше:

«В бой за всемирный Октябрь!» — в восторге
Мы у костров пионерских кричали...¹²

Кричал вместе со всеми и он, зараженный, как и многие тогда, двоемыслием: вслух — «всемирный Октябрь», про себя — скрывая обстоятельства своей семьи, своего рано погибшего отца и его закопанных в землю царских орденов.

И позже, в школьные годы, слишком рано для мальчика лет 12–13, он задумывался над вопросом неразрешимым:

В те годы красный цвет дробился радугой,
И, жаром переливчатых полос его обваренный,
Я недоумевал речам Смирнова, Радека,
Стонал перед загадочным молчанием Бухарина.
Я понимал, я чувствовал, что что-то здесь не то,

⁸ Солженицын А.И. Радиоинтервью о «Марте Семнадцатого» для Би-би-си / интервью ведет Владимир Чугунов (Кавендиш, 29 июня 1987) // Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль: Верх. Волга, 1997. Т. 3. С. 276–277.

⁹ Солженицын А.И. Протеревши глаза. С. 217.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 215.

¹² Там же. С. 30.

Что правды ни следа
В судебных строках нет,
И я метался: что?
Когда?
Сломило Революции хребет?¹³

Ф.М. Достоевский, уже в свои зрелые годы, имея за плечами опыт создания крупнейших вещей, вывел формулу: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно»¹⁴.

Готовность умереть за Мировую революцию и мучительное осознание, что что-то в этой революции *сильно не так*, и были этими *сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора «Красного Колеса» действительно*.

Кроме того, у этого автора был сильнейший *личный мотив* обратиться в романе о революции к Первой мировой войне.

В начале августа 1914 года, едва только война была объявлена, его отец, студент Московского университета, за три недели до начала учебы сорвался из дому в станице Саблинской, чтобы ехать в Москву. На перроне вокзала Минеральные Воды он встречает знакомую по гимназии девушку, теперь петербургскую курсистку.

Она спрашивает: «Вы тоже едете?.. Или встречаете кого?»¹⁵

Тот отвечает, смущенно улыбаясь: «Да понимаете... Н-не сидится... на хуторе...» Она понимает, что он едет на войну добровольцем.

То реальное (а не придуманное) обстоятельство, тот факт (а не художественный вымысел), что отец, недавний толстовец, студент-филолог Московского университета, имевший все основания уйти от военного призыва и сидеть в библиотеках вплоть до весны 1916-го (вот потом можно было и в военное училище пойти), глубоко волновали Солженицына-сына и требовали непростых объяснений. Но и тут не нужна была реконструкция, ибо загадка имела точную разгадку.

Та самая курсистка никак не может понять, что случилось и со страной, и с юношей. Всего месяц назад мыслящие люди в России не сомневались, что русский царь — презренная личность, достойная лишь насмешки. Что же изменилось? Зачем юноша лезет в гибельный водоворот? Чего он ждет от этой войны — после десятилетий гражданского поиска, демократических идеалов, народолюбия, толстовства наконец, которое уж точно не могло бы одобрить участия в европейской бойне, да еще добровольного? Где же

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Подросток: Подготовительные материалы. Заметки, планы, наброски // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 10.

¹⁵ Солженицын А.И. Август Четырнадцатого // Собр. соч.: в 20 т. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1983. Т. 11. С. 16.

его принципы, последовательность? Его пацифизм? Так поддаться темному патриотическому чувству, которое еще месяц назад значило только одно — *черносотенец!*

Ничего не смог выставить в ответ юноша, кроме невнятного: «Россию... жалко...»¹⁶

Барышня-курсистка взрывается, будто ужаленная: «Кого Россию? Дурака императора? Лабазников-черносотенцев? Попов долгорясых?»¹⁷

Добровольного ухода на войну не могли бы — он это твердо знал — понять и в станице. Не одобрил бы этого и Лев Толстой — так что в его решении была несомненная измена учителю. Но демократические и непротивленческие аргументы, если бы они овладели всем народом, не оставляли России ни единого шанса, и через темную бездну, над которой повисла страна, не было ни единого моста. «И беззащитно почувствовал Саня, что эту войну ему не отвергнуть, не только придётся идти на неё, но подло было бы её пропустить — и даже надо поспешить добровольно»¹⁸.

Этими настроениями и этими событиями и начнется «Красное Колесо», роман «Август Четырнадцатого».

Солженицын, оглядываясь на 1914 год, думал: изменил ли бы Лев Толстой свою точку зрения, доживи он до 1917 года, когда убивали *миллионами, сами друг друга?* — вот вопрос, мучивший Солженицына-сына. Мысли и споры о Толстом сопровождали Солженицына-отца всю войну.

Если государство — это перевернутая телега, то не пора ли ее на колеса поставить? А не бросать на произвол судьбы. А иначе — получается: спасай каждый сам себя. Мудрый старик Варсонофьев формулирует решение: «Когда трубят труба — мужчина должен быть мужчиной. Хотя бы — для самого себя. Это тоже неисповедимо. Зачем-то надо, чтобы России не перешибли хребет. И для этого молодые люди должны идти на войну»¹⁹.

Позже, уже повоевав три года на этой войне, Саня Лаженицын поймет ее гибельные последствия.

Можно задаться вопросом: почему восемнадцатилетний юноша, описывая Первую мировую войну, ставит в центр самсоновскую катастрофу? Отвечает он сам:

«Еще когда мне было 18 лет, я стал ломать голову: как же описать эту войну? Война огромная, мировая, течёт несколько лет, как ее описать? И я решил: надо описать всего-навсего одну битву, заменить всю войну одной битвой, но правильно эту битву выбрать, так, чтобы весь ход её и результат её показывали и вели к причинам революции, показывали слабости или

¹⁶ Солженицын А.И. Август Четырнадцатого. С. 20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ Там же. С. 411.

недостатки нашего государственного и военного строя. Для такого образца я избрал тогда же самсоновскую катастрофу 1914 года. Но описывать битву в общих словах — это не будет доказательно, это никого ни в чём не убедит. Я взял только одну битву, но описал её подробно. И кроме военных деталей на тех же страницах изображены люди, во множестве, такими, какими вскоре они встретят революцию. А потом оказалось, что и 1914 годом не ограничиться, нужно взять причины более глубокие. Тогда пошел второй том «Августа», где Столыпин и царь Николай II, и вся история от начала XX века»²⁰.

Это еще один пример, как работал Солженицын над «Красным Колесом» — он шел от материала, от фактов.

«Я выбрал в 1937 году самсоновскую катастрофу, а в 1945 попал точно в те места в Пруссии, с нашими войсками. И с 1936 года, с восемнадцати лет, у меня никаких колебаний в выборе темы не было, я уже всё равно только ею занимался»²¹.

Это были странные прозрения и странные совпадения.

Война Солженицына-отца проходила в белорусских лесах — там стояла 3-я батарея 1-го дивизиона 1-й гренадерской бригады. Эти места стали для него дороги, как родина, он привык здесь к каждому кусту, к каждому дереву и к каждой тропе ничуть не меньше, чем вокруг своей станицы.

То же самое напишет о своей привязанности к ильменьским болотам, первой своей передовой, Солженицын-сын: только изведав на себе, как привязывается человек к территории своего *внезапного мужества*, своего возможного подвига или своей завтрашней могилы, он перенесет те чувства на отца. Подробности военных будней — как подпоручик Солженицын и несколько батарейцев на позиции разбрасывали руками загоревшиеся зарядные ящики и как получили за это по Георгиевскому кресту (а армейская георгиевская дума утвердила подпоручику также офицерского Георгия) — все эти факты были взяты писателем, сыном того подпоручика, из фондов Центрального военно-исторического архива в Москве.

«Я, — рассказывал Солженицын, — понял всё о Гренадерской бригаде, где она стояла, кто там был командир, когда и какие именно командиры сменялись, в «Красном Колесе» даны точно все истинные фамилии и все истинные даты... Я всё обошел своими ногами, везде был, эти места прошёл во время войны, но не знал, что здесь и отец воевал, и только потом связал одно с другим»²².

Он побывал на месте событий в 1966-м, изучал боевую документацию, списки личного и конного состава, полевые книжки офицеров. За три года войны

²⁰ Солженицын А.И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (Кавендиш, 23 мая 1989) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. 326–327.

²¹ Там же. С. 336.

²² Беседа автора с А.И. Солженицыным 30 июля 2001 года (Троице-Лыково).

Солженицын-старший получил ордена, стал специалистом по противоштурмовым орудиям, обучал этой специальности других офицеров. Но многое изменилось. В 1914-м ему казалось, что нечестно не идти на фронт. Позже выяснилось, что не все будущее страны решается на фронтах войны. Что-то надломилось и в войне: как можно было воевать дальше, читая манифесты и воззвания, которые появлялись в Петербурге? Теперь Россия нуждалась: как благополучно армиям расцепиться да всем разойтись по прежним занятиям.

...Реконструируя образ отца, подпоручика Солженицына, действительно получившего двухнедельный отпуск в апреле 1917 года и поехавшего не к родным в станицу Саблю, а в Москву, где был университет, однокашники и друзья, Солженицын-сын пытался понять чувства молодого человека, приехавшего с фронта мрачным, ибо насмотрелся по дороге, как падает и гибнет русская армия. К этому моменту батарея, где служил отец, так и стояла на передовой, хотя фронт уже почти разбежался. Окопы пустовали, никто даже условно не говорил о продолжении войны.

Первая мировая война закончилась бесславно для России — позорным Брестским миром и самой кровавой революцией. Ленин хотел превратить войну империалистическую в войну гражданскую — и добился этого.

Восточно-Прусская операция виделась Солженицыну ключевым эпизодом, который определил исход всей Первой мировой войны, которая, в свою очередь, представлялась ему как одна из самых главных причин русской революции 1917 года.

Главной, но не единственной: война наложила на крайнее ожесточение общества, накал ненависти образованного класса против высшей власти, катастрофическую слабость царя и его роковое бездействие на троне. «Монархия — сильная система, но с монархом не слишком слабым. Быть христианином на троне — да, — но не до забвения деловых обязанностей, не до слепоты к идущему развалу. В русском языке есть такое слово *зацáриться*. Значит: забытья, царствуя. Парады, ученья, парады любимого войска и цветочные киоски для императрицы на гвардейских смотрах — заслоняли Государю взгляд на страну»²³.

Но была еще и Церковь, утерявшая высшую ответственность и упустившая духовное руководство народом. И было падение священства и крестьянства. И был национальный обморок. Полная потеря национального сознания. Провал русской истории.

Название эпопеи «Красное Колесо» автор объяснил так: «Разожженный вихрь постепенно, но неуклонно захватывает в уничтожение всех, кто этот вихрь готовил и содействовал ему»²⁴.

²³ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 470.

²⁴ Он же. Черты двух революций // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 505.

Заканчивая роман-эпопею, Солженицын уже точно знал, что есть революция вообще и какова была роковая русская революция: «Революция всегда есть пылающая болезнь и катастрофа. Это размах (крушение) от больших высоких надежд и ограниченности первичных задач — до полного разорения страны, всеобщего голода, обесценения денег, упадка производства, народной усталости, тошнотного равнодушия, и хуже — к озверению нравов, к атмосфере всеобщей ненависти, разнузданию зависти, жадности к захвату чужих имуществ (у большевиков открыто сформулировано: “грабь награбленное!”), прорыву самых первобытных инстинктов, к разложению национального характера и порче языка»²⁵.

И еще одно важнейшее определение: «Всякая революция насыщена сгущённым числом отвратительных фигур, она как бы взмучивает их с морального дна, притягивает из разрозненности и небытия, а некоторых таких даже и обожествляет — после смерти (как Марат, Ленин), а то и при жизни (Робеспьер, Сталин). Открывает революция черные пропасти и в таких людях, которые без неё прожили бы вполне благопристойно»²⁶.

Полная рифма к «Бесам» Достоевского: «Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение»²⁷.

* * *

Александр Солженицын прожил огромную жизнь и прошел невероятный путь — от романтической любви к революции, от восторженной мечты о Мировой революции, ради которой готов был погибнуть вместе со всем поколением, через страшную войну, через тюремные решетки этой революции, ее кровь и жертвы — до «Красного Колеса», до глубинного, метафизического понимания революции как пылающего зла и мировой катастрофы.

²⁵ Там же. С. 536.

²⁶ Там же. С. 537.

²⁷ *Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 354.*

Р. Темпест

ЩИТ АХИЛЛА

Я начну разбор повести «Адлиг Швенкиттен» чуть издалека, ибо мое читательское восприятие этого текста, последнего в ряду опубликованных прозаических произведений Солженицына, обусловлено тонкими нитями смыслов, которые протягиваются с его столь русских страниц в направлении Восток — Запад, и из XX века в первое тысячелетие до Р. Х. Тема рецепции писателем иностранной литературы и, шире, культуры и философии лишь начинает разрабатываться, причем — что закономерно — главным образом зарубежными исследователями. Так, книги американских исследователей Даниэла Махони¹ и Джозефа Пирса² предлагают содержательную интерпретацию точек соприкосновения творчества Солженицына с англоязычной политической и религиозной мыслью. В свою очередь, меня давно уже интересует его отношение к последовательности текстов от Платона, определившего основные направления евроатлантической философии на двадцать столетий вперед, до Ницше, который подверг эту традицию радикальному и пророческому, в мрачном свете событий XX–XXI веков, пересмотру. В солженицынской прозе платоническая тема чаще всего присутствует в плане художественной образности. См., напр.: глаза, как «светящихся две пещеры»³, и «голос <...> из пещерной глубины»⁴ авгура Петра Варсонофьева («Красное Колесо») — детали, отсылающие нас к притче о костре и пещере в «Государстве». Варсонофьев — платоник не только умом, но и телом. В свою очередь, ницшеанская доктрина превозмогания боли бытия и освобождения от бремени общественно налагаемой стадности заставляет вспомнить о восстающем против всякой внешней власти — политической,

¹ *Mahoney D.* Aleksandr Solzhenitsyn: The Ascent from Ideology. Boston: Rowman & Littlefield, 2001; *Idem.* The other Solzhenitsyn: Telling the truth about a misunderstood writer and thinker. South Bend: St. Augustine's press, 2014.

² *Pearce J.* Solzhenitsyn: A soul in exile. Grand Rapids: Baker books, 2001.

³ *Солженицын А.И.* Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 7. С. 375 (далее цит. по этому изд.).

⁴ *Он же.* Собр. соч. Т. 7. С. 364.

медицинской, даже любовной — пациенте онкологической больницы и бывшем политзаключенном Костоглодове («Раковый корпус»). Приведу также слова Нержина «Мы — люди бездны»⁵ («В круге первом») и напомним о смеющемся белокуром *Übermensch'e* Польщикове («Красное Колесо»), которым движут и Дионис, и Аполлон. При этом в публицистических и исторических работах Солженицын воздерживался от систематической оценки классических мыслителей, художников и текстов Запада. Еще в самом начале творческого пути он положил за правило обращаться для решения *русского вопроса к концу XX века* исключительно к русским источникам. Впрочем, в беседе с Пирсом 1998 года писатель сделал любопытное высказывание: «У Ницше мы видим физическое противопоставление страданию. Это почти как тренировка, как спарринг»⁶.

Но дадим слово самому философу. В трактате «Человеческое, слишком человеческое» Ницше писал: «В пользу <...> войны можно сказать <...> она варваризует людей и тем делает их более естественными; для культуры она есть пора зимней спячки, человек выходит из нее более сильным для добра и зла»⁷. Подтверждение этой идее можно найти во всех классических военных текстах русской и западной культуры, которая, по мнению *позднего* Солженицына, являет собой неделимое трансконтинентальное целое: «Сегодня, когда мы говорим “Запад”, мы уже подразумеваем и Запад, и Россию. Мы могли бы использовать слово “современность”, если исключим Африку, исламский мир и отчасти Китай. За исключением этих территорий следовало бы использовать не слово “Запад”, а “современность”. Современный мир»⁸. А в интервью австрийскому писателю Даниэлю Кельману Солженицын пояснил: «Принципального разрыва между литературой русской и остальными мировыми я не вижу»⁹.

Итак, «Адлиг Швенкиттен».

Повесть представляет собой художественно оформленное воспоминание об эпизоде Млавско-Эльбингской наступательной операции, в которой автор принял участие как командир звукоразведывательной батареи 2-й бригады тяжелой артиллерии 2-го Белорусского фронта. В последних числах января 1945 года, когда советские танковые клинья вырвались к балтийскому берегу, отрезав группу армий «Центр» от защищавших дальние подступы к Берлину немецких войск, двадцатипятилетний капитан

⁵ Он же. В круге первом // Собр. соч. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 76.

⁶ Pearce J. Solzhenitsyn... P. 309. Обратный пер. с англ.

⁷ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Соч.: в 2 т. / пер. с нем. Я. Бермана, Г.А. Рачинского, К.А. Свасьяна, С.Л. Франка, Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, В.А. Флёровой. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 433.

⁸ Pearce J. Solzhenitsyn... P. 292. Обратный перевод с англ.

⁹ Александр Солженицын: «Мы творим свою историю сами, сами загоняем себя в ямы» // Известия. 2011. 11 дек.

Солженицын оказался в тех же местах, что и армия Самсонова за тридцать лет до этого. Впоследствии писатель прокомментировал это совпадение следующим образом: «Какая-то сила меня связала с этим событием...»¹⁰ При чем мистическое стечение обстоятельств на самом деле оказалось двойным. Как и в «Августе Четырнадцатого», восточнопруссские пейзажи и топонимы (Эльбинг, Алленштейн, Либштадт) проецируют на повесть тень иной, еще более отдаленной в историческом времени кампании: в 1807 году Наполеон завершил разгром основных сил четвертой коалиции в ряде сражений к югу от Кенигсберга, кульминационным моментом которых стала битва при Фридланде.

В произведениях, принесших Солженицыну первую славу, многие центральные персонажи — бывшие фронтовики (Иван Денисович, Костоготов, Нержин), но обретенный ими (причем задолго) до начала главного действия военный опыт не является для них лично определяющим. Стержневым переживанием для этих героев становится тюрьма, каковым она была и для человека, даровавшего им литературную жизнь. В эпосе «Красное Колесо» автор дарует свои фронтовые воспоминания и ощущения ряду персонажей, в их числе штабисту, а затем полковому командиру Воротынцеву, артиллерийскому поручику Лаженицыну и даже новоиспеченному прапорщику и протобольшевику Ленартовичу. В повести «Адлиг Швенкиттен» и опубликованном в тандеме с ней рассказе «Желябугские Выселки» Солженицын вновь дает материалу своей военной памяти *непосредственное* художественное воплощение, спустя сорок лет после начального обращения к этой теме в поэме «Дороженька» и неоконченной повести «Люби революцию». Показательно, что первая публикация двух ранних произведений писателя состоялась в 1999 году, то есть одновременно с выходом «Адлига...» и «Выселков».

«Адлиг Швенкиттен» — это солженицынская Песнь о Роланде, панегирик поколению русских солдат, прошедшему с оружием в руках от Москвы и Сталинграда до Берлина. Канва повести проткана мифологическими шифрами и сюжетными элементами, которые отсылают читателя к древнейшим текстам и ритуалам человеческого общежития. В то же время ее форма и структура характерны для инновационной и даже экспериментальной прозы позднего Солженицына. Посвящение двум майорам, Павлу Боеву и Владимиру Балуеву, погибшим недалеко от деревни, название которой вынесено в заглавие повести, и являющихся ключевыми персонажами произведения, формально подтверждает его мемориальный посыл.

Победоносные советские войска вступают в «цельную, изобильную страну»¹¹, опорожненную от гражданского населения (ср. оккупированную

¹⁰ Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (31 октября 1983) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 176.

¹¹ Он же. Адлиг Швенкиттен // Собр. соч. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 487.

русской армией Восточную Пруссию в «Августе Четырнадцатого» или занятую французами Москву в «Войне и мире»), в то время как остатки вермахта отходят на все четыре стороны, временами оказывая ожесточенное сопротивление. В этой быстротекущей оперативной ситуации артбригада оказывается оторванной от главных сил фронта; или, если хотите, потрепанные немецкие силы теперь находятся за ее флангами и даже у нее в тылу. Немцы производят перегруппировку и контратакуют. Ночью артиллеристы вырываются из окружения, но несут тяжелые потери. В оперативном и тем более стратегическом плане этот эпизод был местной неудачей, следствием ошибки начальника артиллерии армии, который «разрешил так рано развертывание в оперативной пустоте ничем не защищенной тяжелой пушечной бригады»¹².

Датский исследователь Андерс Энгберг-Педерсен пишет, что наполеоновская эпоха продиктовала новые требования к художникам и ученым, пытавшимся осмыслить походы, вторжения и сражения как факт истории и культуры: «...отныне война воспринимается, как призма, дробящая структуру мироздания и преобразующая фундаментальные пространственно-временные категории, чье преломление традиционных модальностей мышления идентифицирует ускользающий феномен, требующий новой теории познания»¹³. Энгберг-Педерсен называет выражающие эту новую теорию культурные тексты «контр-дискурсом»¹⁴ и указывает на Толстого как одного из его создателей. И далее: «Художественная литература сама становится призмой, в которой военный дискурс расщепляется на спектр своих лучей посредством метарефлексии, подвергающей его утверждения и предположения критической оценке»¹⁵.

Эта практика метарефлексии нашла одно из самых памятных своих выражений в романах западных писателей поколения Первой мировой войны — Форда Мэдокса Форда (тетралогия «Конец Парада», 1924–1928), Эриха Марии Ремарка («На Западном фронте без перемен», 1929), Ричарда Олдингтона («Смерть героя», 1929) и Эрнеста Хемингуэя («Прощай, оружие!», 1929). Впрочем, автор «Адлига Швенкиттена» недолюбливал Хемингуэя за картинную маскулинность и туристическое быкоборчество. Что же касается Ремарка, то в 2005 году Солженицын сказал мне о нем так: «Ремарка я прочитал ещё не имея собственного военного опыта. Тогда оценить не мог. Производило жутковатое впечатление. Но когда я уже имел военный опыт, я понял, что у него очень суженный взгляд, тенденциозный»¹⁶. Тем не

¹² Там же. С. 527.

¹³ Engberg-Pedersen A. *Empire of chance: The Napoleonic wars and the disorder of things*. Cambridge: Harvard univ. press, 2015. P. 3.

¹⁴ Ibid. P. 247.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Этот разговор имел место 13 июня 2005 года.

менее повесть Солженицына роднит с романами Ремарка и даже Хемингуэя то внимание, которое уделяется брутально-бытовой стороне фронтовой жизни: «Война — как просто работа, без выходных, без отпусков...»¹⁷ А также сквозящее презрение к официальной пропаганде и ее глашатаям вроде вечно пьяного парторга Губайдулина — ходячего, шатающегося идеологического клише.

«Односуточная» повесть «Адлиг Швенкиттен» ограничена теми же временными параметрами, что и знаменитый «рассказ, хотя и большой, нагруженный»¹⁸, напечатанный в № 11 «Нового мира» за 1962 год, являя уместную симметрию формы между первым и последним опубликованными произведениями писателя. Еще одна параллель: художественный мир «Адлига...», как и его аналог в «Одном дне Иване Денисовича», — всецело мужской, подобно средневековым «песням о деяниях» (*chansons de geste*), в которых женских образов немного, а любовных сцен и того меньше. Смерть приходит от снарядов и пуль, но не только от них. «А к утру 26-го семеро бригадских шофёров — кто с тягачей, кто с ЗИСов — скончались в корчах от метилового спирта. И несколько из расчётов. И несколько — схватились за глаза»¹⁹. В последней главе бригадный смершевец Тарасов, личность «всегда схватчивая, доглядчивая, легкоподвижная»²⁰, принимает срочные меры, чтобы заткнуть рот немецкому перебежчику, который утром судьбоносного дня перешел линию фронта, с тем чтобы предупредить о предстоящей атаке. Как член командного состава бригады, более других ответственный за постигшую ее катастрофу, Тарасов действует в профессиональном соответствии с чекистской методологией: «А за сараем — сразу два выстрела. Они тихие были, после сегодняшней громовой ночи»²¹. Кода заключительной 24-й главы повести — контрольный выстрел.

Хотя «схватчивый» чекист с пистолетом, несомненно, является антигероем произведения, он — лишь одно из дюжины действующих лиц: читателю представлен спектр личностей, стоящих по ту или иную сторону добра и зла или обретающихся где-то посередине. Все эти разнородные персоналии являются объектами воинской дисциплины, а также генеральских приказов и прихотей. Как бывало во всех армиях всех эпох, воля полководцев иногда обходится или игнорируется их подчиненными. В повести показана смертельная игра случая: «А от болванок — осколочных ранений нет, только во что прямо угодит. Все ж — ранило мятучего Юрша и двух из расчета Кольцова»²².

¹⁷ Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 498.

¹⁸ Он же. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. 2-е изд. М.: Согласие, 1996. С. 28 (примеч. 1).

¹⁹ Он же. Адлиг Швенкиттен. С. 488.

²⁰ Там же. С. 493.

²¹ Там же. С. 526.

²² Там же. С. 524.

Мы видим знаменитые боевые машины в действии: американский «Виллис», «королевский» «Тигр» и советский тяжелый танк ИС-2, от брони которого снаряды отскакивают, как «семячки»²³. Даны подробности, которые многое говорят о характере боевых действий в последние месяцы войны: «Между пушками и дальше к Адлигу лежали неубранные трупы батарейцев, несколько десятков. Некоторых немцы добились ножами: патроны берегли»²⁴.

Главные персонажи повести — майоры Боев и Балув и лейтенант Кандалинцев. Из-за своих относительно преклонных лет — ему «под сорок» — последний известен в бригаде как «батя»²⁵. В отличие от первой части «Желябугских Выселок», где Саша, *alter ego* автора, находится в центре повествования, здесь его присутствие эпизодично, даже пунктирно. Сашин силуэт мелькает в промежутках текста, но лишь в двух-трех местах: «...в офицерской ладной шинели — командир звукобатареи <...> математик»²⁶. По словам английского рецензента, «Следуя принципу своих более длинных прозаических произведений, [Солженицын] вытесняет автобиографического героя»²⁷.

Рассказ ведется от первого лица множественного числа (доминантный регистр) и третьего лица единственного числа (вторичный регистр, но более распространенный по тексту). Солженицынское солдатское «мы» вбирает в себя бойцов пушечной бригады, или 2-й Ударной армии, или 2-го Белорусского фронта, одновременно проводя тему братства по оружию, которое повесть прославляет и увековечивает. В эпилоге это же личное или коллективное местоимение семантически свертывается и теперь означает солдат и офицеров, оставшихся в живых после односуточного сражения: «2 февраля мы снова отбили и Либштадт, и восточнее, и разведка пушечной бригады вошла в Адлиг Швенкиттен»²⁸.

Несмотря на множество четко выписанных бытовых и военных подробностей, текст тяготеет к паратаксису, эллипсису и импрессионичности: «Олег наклонился над раненым. Майор. Волоса как лён»²⁹. В эпилоге это тональное *rubato* достигает «сжатости и силы, сравнимой с пушкинской прозой»³⁰. Повествование периодически переключается с фронтового настоящего на до-

²³ Там же. С. 525.

²⁴ Там же. С. 527.

²⁵ Там же. С. 499.

²⁶ Там же. С. 496.

²⁷ *Nicholson M.* «Apricot jam and other stories» by Aleksandr Solzhenitsyn — Review // *Guardian*. 2011. Nov. 4.

²⁸ *Солженицын А.И.* Адлиг Швенкиттен. С. 527.

²⁹ Там же. С. 521.

³⁰ *Кублановский Ю.М.* Проза зримая, слышимая, обоняемая...: Опыт прочтения военных рассказов Александра Солженицына // *Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына*. М.: Русский путь, 2005. С. 517.

военное прошлое через обрамленные предьстории отдельных персонажей, например молодые годы Боева и воспоминания бывшего агронома Кандалинцева о разоренной советской деревне периода коллективизации. Биографические отступления замедляют действие, но не увеличивают сюжетного напряжения. В этом смысле повесть следует модели гомеровского эпоса, согласно определению Эриха Ауэрбаха: «Обращая внимание на всяческое прочее, иное, как бы абсолютное и потому не вполне охватываемое данной ситуацией существование описываемого предмета, они [описательные отступления и эпитеты] не дают читателю односторонне сосредоточиться на конфликте, происходящем в настоящую минуту, на кризисном моменте; даже в мгновение, когда совершаются ужаснейшие события, гомеровские эпитеты не допускают, чтобы восторжествовала над всем остальным тягостная напряженность конфликта»³¹.

Каждая вставка оформлена несобственно-прямой речью соответствующего персонажа. То же следует сказать об отношении действующих лиц к своим жизненным ситуациям и друг к другу: «Боев посмотрел на Вересового исподлобья. С начальством и близким не договоришься»³². В первом предложении явствует угол зрения всеведущего рассказчика, а не майора, о чем сигнализирует слово «исподлобья» (ведь так о себе самом никто никогда не скажет!), но во втором предложении дано уже восприятие Боева.

Подобно военным главам «Августа Четырнадцатого», повесть показывает столкновение русского Родного с германским Чужим. «Столпленные каменные дома с крутыми высокими крышами»³³ дразнят солдатский глаз непривычными очертаниями, а оставшиеся на местах жители суть призрачные фигуры, которые робко служат своим новым господам: «Сбоку распахнута была в обе половинки дверь в столовую — и там сервировался ужин, мелькнули две-три женские фигуры, одна в ярко-синем плати, наверно немка»³⁴. Этот полевой сераль собран для ублажения квартета старших офицеров, в их числе чекиста Тарасова, чье небрежно брошенное предложение отключить связь «и с армией, и с дивизионами», с тем чтобы безмятежно вкушать удовольствие от «ужина и других приятностей»³⁵, возмемет роковые последствия.

Центральная фигура повести — Павел Боев. Подобно другому солженицынскому совершенному воину, полковнику императорской русской армии Воротынцеву, Боев — «отродный солдат»³⁶, который «топографиче-

³¹ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976. С. 31.

³² Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 493.

³³ Там же. С. 487.

³⁴ Там же. С. 493.

³⁵ Там же. С. 494.

³⁶ Там же. С. 497.

скую [карту] читал быстрее и точнее, чем книгу»³⁷. Но если главный вымышленный персонаж «Красного Колеса» обладает сложной личной жизнью и общественными интересами, простирающимися далеко за пределы линии фронта, то этот артиллерийский командир всецело принадлежит сфере войны. Боев — советский самурай. Даже личные привычки и причуды майора носят спартанский характер. Он устраивает ночлег на диване, а не на одной из осененных балдахином и покрытых пуховиком «дивных»³⁸ прусских постелей, потому что «в сапогах на кровать — неудобно. А без сапог — не солдат»³⁹. Походный аскетизм — отличительная черта особой категории воинов: известно, что фельдмаршал Суворов положил за правило спать на голом полу, причем не только в интервалах между сражениями, но и в интервалах между войнами, а генерал Джеб Стюарт, знаменитый американский кавалерист-конфедерат, был «одной из самых здоровых, крепких, храбрых и лихих личностей в армии, [который] не трогает ни капли, не курит и не жует табак»⁴⁰.

Солженицын никогда не идеализирует своих героев, но портрет этого фронтового офицера и «давнего приятеля»⁴¹ Саши является исключением. Каждый раз, когда майор появляется в тексте, тональность повествования обретает возвышенные ноты. Образ Боева дан без психологических подробностей, но емко историцизирован, как и фигуры Балуева и Кандалинцева (хотя последний выписан психологически, в отличие от всех прочих действующих лиц). В 6-й главе — развернутом экскурсе в прошлое майора — представлены детали его детства и юности. Полугодовалый, оборванный мальчик из южносибирской степи был зачарован армейскими кодами порядка и дисциплины: «Четкий распорядок занятий, построений, приветствий, маршировок — и жизнь твоя осмыслена насквозь: жизнь — служба...»⁴² Для личности с иным складом характера подобная строевая и уставная регламентация может возыметь отталкивающий эффект, как мы знаем из романа «На Западном фронте без перемен». Если «Адлиг...» содержит полемический компонент, то он заключается в авторском настоянии, в противоположность Ремарку и другим антивоенным писателям, на ценности и даже красоте армейского образа жизни.

Описание внешности героя сведено к нескольким физическим чертам и выписано по-замятински геометрично: «Голова удлиненная, и при аккуратной короткой стрижке лицо выглядело как вытянутый прямоугольник, с

³⁷ Там же. С. 496.

³⁸ Там же. С. 488.

³⁹ Там же. С. 496.

⁴⁰ *Girardi R.* The Civil War generals: comrades, peers, rivals — in their own words. N. Y.: Zenith press, 2013. P. 270.

⁴¹ *Солженицын А.И.* Адлиг Швенкиттен. С. 496.

⁴² Там же. С. 497.

углами на теменах и на челюсти»⁴³. Боев натура жесткая, но, в армейском смысле, соборная. «Дивизион — семья, офицеры — братья, солдаты — сынки, и каждый своё сокровище»⁴⁴. Майор — ветеран трех войн: «На гимнастёрке его было орденов-орденов, удивисься: два Красных Знамени, Александра Невского, Отечественной войны да две Красных Звезды (ещё и с Хасана было, ещё и с финской, а было третье Красное Знамя, самое последнее, но при ранении оно утерялось или кто-то украл). И так, грудь в металле, он и носил их, не заменяя колодками ...»⁴⁵

Этот отрезок фалеристической прозы плотно закодирован. Последовательно перечисленные награды Боева (с заключенным в скобки комментарием, контрастно отсылающим нас к повседневным реалиям фронтовой жизни) представляют собой исчисляемые и овеществленные свидетельства протяженности и доблести его армейской службы и подтверждают статус этого персонажа как воина *nes plus ultra* солженицынской прозы. Согласно принципам советской орденовской эстетики наградные знаки, украшающие грудь майора, крупны и многоцветны. Блестящая масса этих символов отваги, на которых выбито разнообразие человеческих и геральдических фигур, составляет род кирасы или панциря, создающего ассоциации с рыцарскими доспехами или, на плоскости классической, со знаменитым описанием щита Ахилла в Илиаде. Выкованный Гефестом из олова, бронзы, серебра и золота, волшебный артефакт был украшен сценами из жизни богов и смертных, картинами мира и войны, сухопутными и морскими пейзажами:

Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал⁴⁶.

Жерар Женет называет это пространное, исчисляемое десятками гекзаметров отступление в XVIII песни поэмы «паузой и забавой в повествовании, отправляющей чисто эстетическую функцию, подобно скульптуре в античном здании»⁴⁷. Мысль о том, что описание щита имеет самостоятельное декоративное качество, убедительна, но, кроме того, препрославленный пассаж соотносит Ахилла, сына морской богини Фетиды и царя Пелея, с природным, человеческим и божественным измерением космоса древних греков. В том же гомеровском ключе перечисление наградных знаков Боева текстуализирует личность майора подчеркнуто эпическим образом. Боев — это русский Ахилл или Роланд в самой ужасной из войн, какие знало человечество.

⁴³ Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 488.

⁴⁴ Там же. С. 498.

⁴⁵ Там же. С. 488.

⁴⁶ Гомер. Илиада / пер. с др.-греч. Н.И. Гнедича. М.: ГИХЛ, 1960. С. 300.

⁴⁷ Genette G. Boundaries of narrative // New literary history. 1976. № 1. P. 6.

Один из учеников Карла Юнга, Джозеф Хендерсон, отмечает: «Во время последней войны, например, обнаружился возросший интерес к произведениям Гомера, Шекспира и Толстого. Люди заново перечитывали и открывали для себя те места, в которых передавалось вечное, архетипическое значение войны. Да и у читателя, не пережившего накала эмоций, характерного для военных лет, они вызывают гораздо более глубокий отклик, чем можно было бы ожидать. Сражения у стен Трои были совсем не похожи на битвы при Ажинкуре или под Бородино. Тем не менее великие писатели могут выйти за границы времени и места, выражая универсальные темы.

Чтение захватывает нас, потому что эти темы изначально символичны по своей сути»⁴⁸.

Солженицын обращается к этой традиции универсального, символического письма. Если, согласно формулировке Энгберга-Педерсена, «эпистемология [войны] потерпела контузию при Аустерлице, Ваграме и Бородино»⁴⁹, то «Адлиг Швенкиттен» представляет собой попытку показать Вторую мировую войну не только как дробящий умы и тела катаклизм нового времени, галерею беспрецедентных ужасов, но и как поприще героев мифологического порядка, даже если семенящие вокруг них злодеи — гэбист Тарасов, партиец Губайдулин — выписаны в виде полностью соответствующих идеологическому духу современности нравственных карликов и гротесков. Текст показывает связь орденоносного майора с небесными архетипами мифа: «Луна имела над Павлом Боевым ещё с юных лет особую власть, и навсегда. Уже подростка — она заставляла остановиться, или сесть, или прилечь — и смотреть, смотреть. Думать — о жизни, какая будет у него. И о девушке — какая будет?»⁵⁰ Однако такую жизнь майору не довелось познать: Боев — холостяк и так никогда и не стал предметом нежного девичьего внимания. Быть может, в некоем тайном юнгианском смысле герой повести обручен или обвенчан с Луной, которую люди древности ассоциировали с «доминирующей силой женщины»⁵¹. Как бы то ни было, какая-то странная робость неизменно мешала этому смертному обрести свою земную любовь: «Павел перед каждой женщиной замирал душой, преклонялся перед этой нежностью, хрупкостью, уж боялся не то что сломать её, но даже дыханием обжечь»⁵². Здесь герой предстает перед нами в облике отважного и доброго дракона —

⁴⁸ Хендерсон Дж. Древние мифы и современный человек // Юнг К. и последователи. Человек и его символы. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4121/4124> (дата обращения: 10.05.2018).

⁴⁹ Engberg-Pedersen A. Empire of chance... P. 4.

⁵⁰ Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 507.

⁵¹ Якоби И. Индивидуальная символика: случай из психоаналитической практики // Юнг К. и последователи. Человек и его символы. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4121/4127#t37> (дата обращения: 10.05.2018).

⁵² Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 507.

инверсия образного приема, используемого автором в «Круге первом», где драконы суть демоны коммунизма. Мужественный майор воспринимает женщину как представительницу иного, загадочного человеческого вида: «...красота — вся у женщин, даже чуть не у последней»⁵³ (сходство с Воротынцевым, который неизменно озадачен женщинами и логикой их поведения и восприятия). А пока майор размышляет таким подчеркнуто мужским манером, луна «уже в спину светила. Оглядывался на нее»⁵⁴. Накануне смертельной битвы этот возлюбленный, протеже или пасынок Селены — Павел рос сиротой — окидывает ее прощальным взглядом. В повести не сказано, под каким углом падает на майора лунный свет, но, согласно народному поверью, если человек узрит луну с левой стороны, то это плохая примета. В «Октябре Шестнадцатого» во время ночной прогулки с Воротынцевым высокоученая, но склонная к мистике Ольга Андозерская «вдруг обеими руками обернула его — чтобы месяц молодой, да уже в первую четверть, он увидел бы через правое, а не левое плечо»⁵⁵.

В Илиаде мы не найдем описания смерти Ахилла, и в «Адлиге...» последние минуты майора также остаются за пределами повествования. Мы видим лишь его бездыханное тело: «Он, застреленный в переносицу и в челюсть, — лежал на спине. Полушубок с него был снят, унесен, и валенки сняты, и шапки нет, и ещё кто-то из немцев пожадился на его ордена, доложить успех: ножом так и вырезал из гимнастёрки вкруговую всю группу орденов, на груди покойного запёкся ножевой след»⁵⁶. Эта постсмертная рана имеет форму красного круга или *колеса*.

Друг, к кораблям фессалийским немедля беги, Ахиллесу
 Весть объявить: не успеет ли он спасти хоть нагое
 Тело Патрокла: доспехи совлек торжествующий Гектор!⁵⁷

Погребение павшего воина — один из главных топосов героического эпоса. Почти все протяжение XXII песни Илиады посвящено фюнеральным обрядам, которые Ахилл и его мирмидоняне отправляют над мертвым Патроклом. В повести не показана церемония предания тела майора Боева земле. Эпилог уделяет траурному ритуалу лишь девять слов: «Похоронили его — в Либштадте, на площади, где памятник Гинденбургу»⁵⁸. Читатель может заполнить повествовательный пропуск: собравшиеся у свежевырытой могилы

⁵³ Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 507.

⁵⁴ Там же. С. 507.

⁵⁵ Солженицын А.И. Октябрь Шестнадцатого // Собр. соч. М.: Время, 2007. Т. 9. С. 390.

⁵⁶ Он же. Адлиг Швенкиттен. С. 527.

⁵⁷ Гомер. Илиада. С. 287.

⁵⁸ Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 527.

боевые друзья, почетный караул, последний залп. Крайний лаконизм изложения не скрывает, а утрирует мифический смысл смерти майора и его похорон. Городская площадь — хронотоп. Муниципальная память о немецком фельдмаршале, обрамленном (незаслуженными) лаврами победителя под Танненбергом, ритуально вытесняется новой советской или русской символикой. Память о Второй мировой войне накладывается на память о Первой.

Спустя несколько месяцев по воле победивших союзников границы этих кровавых земель будут перечерчены, и Восточная Пруссия канет в географическое небытие. Либштадт станет польским городом Милаково. Дутая фигура фельдмаршала будет повержена советскими или польскими властями. Но эти события лежат за пределами повествования. Мы узнаем лишь об угрызениях совести повинного в «опрометчивости»⁵⁹ генерала, который гневной рукой вычеркивает из списка представленных к награде офицеров имена тех, кто (как мы знаем) вкушал трофейные блюда и смаковал десертные «приятности» в часы, когда немцы пошли в наступление на изолированную и рассеянную по линии марша бригаду. Боеву посмертно присудят орден Отечественной войны I степени, «только ордена этого, золотенького, никто никогда не видел — и сестра Прасковья не получила»⁶⁰.

Чудесный панцирь так никогда и не будет найден, отреставрирован, воссоздан. Как пишет Ауэрбах в своих комментариях к Песни о Роланде: «Обо всем совершающемся сказано с такой непреложностью, какая соответствует четкости синтаксической структуры (паратаксис); сама эта структура определяет: все должно происходить так, как происходит, иного ничего не может быть, не требуется никаких объяснений и соединительных звеньев»⁶¹. Это — поэтика эпоса, и она присутствует на всем протяжении повести Солженицына.

Показательно сравнение «Адлига...» с одной из определяющих военных эпистемологий в художественной литературе XX века, автобиографической книгой немецкого писателя Эрнста Юнгера «В стальных грозах» (1920). Эти два текста описывают два разных мировых конфликта, с двух разных национальных позиций, но их объединяет аскетизм дикции, гиперреалистическое изображение травмирующей умы и тела *механики* войны и сквозной эффект остранения. Для героев Юнгера и Солженицына мирное время становится странным сном. Эти выдавшие виды ветераны окружены сумрачным ницшеанским ореолом, ибо, как говорил Заратустра, они странники «между двух морей <...> между прошедшим и будущим, как тяжелая туча»⁶². Лейтенант в летах Кандалинцев предупреждает восемнад-

⁵⁹ Там же. С. 527.

⁶⁰ Там же. С. 528.

⁶¹ Ауэрбах Э. Мимесис. С. 116.

⁶² Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч. Т. 2. С. 166.

цатилетнего лейтенанта Гусева: «Нет, Олег, ничего у нас не переменится. Смотри бы хуже не стало»⁶³.

Боев воплощает в себе юнгериянский идеал солдатского самоотречения и траншейного товарищества и, как свидетельствует упомянутая нами выше подлунная сцена, выказывает то же качество мистической отрешенности, что и персонажи «Стальных гроз». Солженицын избирает писательскую установку, определение которой было дано Т.С. Элиотом в его рецензии на роман «Улисс» Джеймса Джойса: «В своем обращении к мифу [Одиссея] и очерчивании непрерывающейся параллели между современностью и античностью г-н Джойс прибегает к приему, которым другие смогут воспользоваться вслед за ним. <...> Вместо повествовательного метода мы теперь располагаем мифическим методом. Это <...> станет шагом в сторону преобразования современного мира в предмет, доступный искусству»⁶⁴.

Советский офицер Боев и когорта его соратников принадлежат «современному миру». Мифы — это их нимб, но история — это их среда, о чем свидетельствует пассаж, в котором командир стрелкового полка Балухев размышляет следующим образом: «...армия в движении: переменчивая конструкция, то ли через сутки окаменеет во мраморе, то ли через два часа начнет рассыпаться, как призрак. <...> И в этой бурной неожиданности, колкости, остроте — сладость война»⁶⁵.

«Начнет рассыпаться, как призрак». Что именно и случилось бы с артиллерийской бригадой, если бы не славные деяния Боева и его товарищей.

⁶³ Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 500.

⁶⁴ Eliot T. *Ulysses, order and myth* // Dial. 2003. № 3. P. 483.

⁶⁵ Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен. С. 506.

Е.А. Дьякова

ОТ «КРАСНОГО КОЛЕСА» ДО «АБРИКОСОВОГО ВАРЕНЬЯ»

*Проза А.И. Солженицына в театральных опытах
2017–2018 годов*

Сценична ли проза Солженицына? Театр России рубежа XX–XXI веков обращался к наследию писателя не столь уж часто. В этом нам видится серьезность отношения, глубина уважения к текстам и личности писателя, интеллектуальная честность.

Сходным образом (тут, возможно, подходит формула «медленно, но верно») складывается сценическая судьба двух других крупнейших эпических прозаиков России XX века: Андрея Платонова и Виктора Астафьева. В 2016 году Миндаугас Карбаускис, один из лучших режиссеров страны, ответил на вопрос — почему его десятилетняя подготовка к постановке «Котлована» Платонова так и не разрешилась пока спектаклем: «Может быть, я не готов. Может быть, эта книга шире и мощнее, чем то, что я сейчас могу. Рано еще... И я все время что-то сочиняю о “Котловане”, и никак не могу решиться его делать»¹.

Кажется, со сходным чувством театр смотрит на наследие Солженицына: рано еще...

И все же яркие (и очень разные) спектакли на сцену выходили. В 1998 году Юрий Любимов поставил в Театре на Таганке «Шарашку» по мотивам романа «В круге первом». Сценографом был Давид Боровский, композитором — Владимир Мартынов. Сам Юрий Петрович сыграл в «Шарашке» Сталина².

¹ Миндаугас Карбаускис: «Мне все-таки хочется, чтоб Бог был...» / беседовала Е. Дьякова // Новая газета. 2016. 3 июня. № 59. С. 21.

² Один из умнейших театральных критиков 1990-х писал о «Шарашке»: «А.И. Солженицын и Ю.П. Любимов — люди одного поколения и жизненного опыта: они оба одержали личную победу над советской властью. <...> Романтический пафос, заставляющий поэтизировать действительность, какой бы жуткой она ни была, присущ обоим. Говоря про Таганку, тут нечего даже доказывать; любой из ее спектаклей был поиском гармонических связей, вну-

Особый сюжет — спектакль Андрея Жолдака «Один день Ивана Денисовича» (2003). Театральный сюрреалист не просил разрешения у писателя на постановку. Поэтому показ харьковского спектакля в Москве вызвал возмущение Солженицына (в ноябре 2003 года спектакль Жолдака открывал в столице РФ фестиваль «NET» («Новый европейский театр»). 14 ноября 2003 года «Известия» опубликовали письмо Жолдака к А.И. Солженицыну: режиссер приносил извинения. Александр Исаевич их принял. Но спектакль этот (в отличие от «Шарашки» Ю.П. Любимова) не видел.

Спектакль Жолдака, казалось, был крайне далек от эстетики Солженицына. Стиль его следовало бы определить как «суровый сюрреализм» — и сама повесть стала тут более галлюциногеном, рождавшим взрывы, гроздя сценических метафор. Но в этой лагерно-лабораторной фантазмагории театр, кажется, спустился в подсознание текста. Сильно и внятно воплотил — через огонь в буржуйке, топот валенок, тяжкий плеск рогожных тряпок, грохот брусков дегтярного мыла по доскам (в бараке моют полы), через плотную вязь сотен таких метафор — нищету, общую для «зэков» и «вольняшек», мороз, голод, изношенность всего и вся в пространстве «одной шестой».

тренних рифм шершавого мироздания; надо понять, что ту же цель преследовала и лагерная эпопея Солженицына. Варлаам Шаламов в «Колымских рассказах» честно писал, как ГУЛАГ растлевает и губит живую душу; Солженицын рассказал о том, как душа может спастись. <...> Для него самого это, конечно, правда — нельзя не поверить. В сюжет «Шарашки» властно вторгается музыка: ее много, ее написал замечательный композитор Владимир Мартынов <...>. Может быть, это и было самым важным: даже здесь найти музыку.

Воля к власти и вера в слово — присущи обоим. Гордое свободолюбие Солженицына и Любимова не мешает им быть людьми авторитарного склада, считать свое мнение законом. Любимов в эмиграции диктовал советскому правительству условия, на которых он согласится вернуться в страну, — и был не менее серьезен, чем автор знаменитого послания «Как нам обустроить Россию?». Это могло бы показаться смехотворным, но ведь условия Любимова выполнились сами собою, а никакой программы национального спасения, более надежной, чем солженицынская, до сих пор никто не сочинил.

Наконец, абсолютное неумение (нежелание) меняться наперегонки со временем. И для Солженицына, и для Любимова авторский стиль есть нечто, раз и навсегда выработанное, изменениям не подлежащее. Можно и нужно восхищаться творческой непреклонностью, но трудно не заметить, как изнашиваются с годами качества формы, некогда дивной и упоительной. «Шарашка» — спектакль плавный до монотонности, гордый собою, несколько тяжеловесный. Главное его свойство — торжественность. Фронтальные мизансцены строго выстроены по оси симметрии, каждое слово четко и весомо, оглушительно работают ревербераторы. На сцене — трибуна с гербом Советского Союза, за ней — места президиума. Все это за полминуты может превратиться в тюремные нары, а потом обратно. За первое превращение — низкий поклон художнику Давиду Боровскому, это было неожиданно и великолепно. Все прочее — Золотухин и Шаповалов, восходящие на трибуну перед своими репликами, сам Ю.П. Любимов, играющий то роль Сталина (на сцене), то роль Юрия Любимова (за своим знаменитым столиком посередине зала) — просто было так, как надо». (Соколянский А. Союз патриархов // Коммерсант. 1998. 19 дек.

О «Шарашке» см. также: Юрий Любимов: «Не доводите Россию до топора» / беседовал А. Соломонов // Известия. 2006. 22 апр.

Жолдак оказался внимателен не к фабуле, не к нарративу историка — но к самому веществу этой прозы. И возможно: опередил время и нащупал важный путь к театральному воплощению Солженицына³.

В 2009 году в Пермском театре оперы и балета, в рамках IV фестиваля «Дягилевские сезоны» прошла мировая премьера оперы Александра Чайковского «Один день Ивана Денисовича» (режиссер-постановщик — Георгий Исаакян, сценограф — Эрнст Гейдебрехт)⁴.

В сезоне 2017/18 года, предшествовавшем 100-летию писателя, самым значительным (как кажется) «солженицынским» театральным проектом стал проект лабораторный. Поисковый. Рассчитанный более на профессиональный рост режиссеров, драматургов, актеров, чем на репертуарный успех.

И это «театральный сериал» «Красное Колесо» в пяти частях. Он был создан в Новом пространстве Театра наций и показан публике в декабре 2017 года. Этот флигель на Страстном — «лабораторный корпус», пространство поискового театра, молодого пластического, перформативного, визуального искусства.

Цикл эскизов по эпосе Солженицына сделан именно в пространстве и среде молодых художников, ищущих пути к театру будущего.

Куратор проекта «Красное Колесо» — Талгат Баталов. Тридцатилетний режиссер и актер прошел школу театра Марка Вайля «Ильхом» (Ташкент). Затем много работал в Центре Мейерхольда, в проектах фестиваля «Территория», в Театре.doc, был сопостановщиком Михаила Угарова в таких известных и остросоциальных проектах, как «Час восемнадцать» (спектакль о последних минутах жизни юриста Сергея Магнитского), «Двое в твоём доме». Его спектакль «Узбек» был номинирован на «Золотую маску — 2013». Баталов — режиссер проектов, лежащих в поле документального и постдраматического театра.

³ Спектакли Андрея Жолдака «Один день Ивана Денисовича» и «Гамлет», реакция А.И. Солженицына на постановку, предпринятую без разрешения, получили в Москве 2003 года яркую театральную прессу. См.: Давыдова М. «Это мы и считаем дикарством»: Харьковский театр поставил спектакль по повести Солженицына, не спросив у него разрешения // Известия. 2003. 11 нояб.; Заславский Г. Среднеевропейское время. «Один день Ивана Денисовича» в постановке Андрея Жолдака-Тобилевича IV // Независимая газета. 2003. 11 нояб.; Гердт О. Актеры затравили и осvistали зрителей: На фестивале «Новый европейский театр» // Газета. 2003. 12 нояб.; Ситковский Г. Солженицына опять обрили наголо // Столичная вечерняя газета. 2003. 12 нояб.; Солнцева А. Из Гамлета нам что-нибудь: Харьковский театр показал Москве спектакли Андрея Жолдака // Время новостей. 2003. 12 нояб.; Шимадина М. Мыльный Гамлет: Спектакли Андрея Жолдака на NET // Коммерсант. 2003. 12 нояб.; Зинцов О. NET, спать: Спектакли Андрея Жолдака на фестивале нового европейского театра // Ведомости. 2003. 12 нояб.; Карась А. Театр Карабаса Барабаса: Фестиваль нового европейского театра NET открылся сенсационными спектаклями Андрея Жолдака // Российская газета. 2003. 12 нояб.; Дьякова Е. «И дольше века длится день Ивана Денисовича» // Новая газета. 2003. 17 нояб. № 86.

⁴ О премьере см.: Солженицына Н. «Самоспасительная флотилия провинции» // Новая газета. 2009. 1 июня. № 57. С. 22–23.; Дьякова Е. Пермь нерасплющенная // Там же.

Баталов отмечает в программке проекта: «Идея этой лаборатории принадлежит Евгению Миронову и Роману Должанскому — как часть творческой программы Театра наций, посвященной 100-летию Русской революции 1917 года. <...> Мне предложили... подумать над возможным материалом. Погрузившись в творческое наследие писателя, я довольно быстро нашел ответ, который многих удивил <...>. Мы бесконечно благодарны Наталии Дмитриевне Солженицыной, которая не просто разрешила нам поработать над “Красным Колесом”, но и дала важные советы, и благословила не заниматься “литературным театром”, а фантазировать, работать “по мотивам”, искать новые способы театральной выразительности, экспериментировать с современными жанрами...»

Действительно: все пять коротких (40–80 минут) эскизов по «Красному Колесу» напоминают пробы почвы, взятые в разных местах материка. И затем изученные.

Здесь нет попыток следить за фабулой эпопеи, за судьбами полковника Воротынцева или студента Лаженицына. Как и за путями реальных героев. Мощнейшие темы романа «сведены в точку». Так, Первая мировая война воплощена в лаконичном этюде «Мертвые» (драматург Константин Стешик, режиссер Сергей Бочаров). Это почти моноспектакль — и он отдан женщине. Актриса Татьяна Владимирова (точный и достойный выбор!) читает под саундтрек, под мерцание нескольких архивных фото на видеоэкране 2–3 страницы «Августа Четырнадцатого»: разоренная боями Восточная Пруссия, агония лошади на поле боя (читатель романа видит ее глазами Воротынцева).

За медленно, беспощадно, потрясенно описанной агонией лошади — смерть сотен тысяч людей. И как бы эта лошадь не оказалась символом Российской империи...

В сходном жанре решен фрагмент «СТОЛЫПИН / БОГ РОВ» (драматург Гульнара Гарипова, режиссер Степан Пектеев). Текст взят из глав «Августа Четырнадцатого» о П.А. Столыпине и его убийстве. Эскиз построен по модному нынче принципу квеста, театральной бродилки: зрители мечутся толпой по этажам флигеля на Страстном, переходя из света в тень, спускаясь в допетровские — мощные и мрачные — подвалы здания. У них в наушниках лихорадочные голоса читают фрагменты романа: Богров в парке (где он не решил стрелять), шум партера, мысли премьер-министра, разрозненные пробы скрипок и фаготов (в яме настраивается оркестр), ключья партитуры «Сказки о царе Салтане» Римского-Корсакова. (И тут, кажется, молодые театральные экспериментаторы угадали замысел А.И. Солженицына: у читателя 64-й главы «Августа Четырнадцатого» и должна звучать в уме эта музыка, звуковой фон последних минут П.А. Столыпина).

Выстрел. Финал. Тьма в подвале. «Красное Колесо» будущего резко убывает.

Эскиз «Вагон системы “Полонсо”» ставил Талгат Баталов. Драматург — Дмитрий Богославский (Минск), один из самых интересных молодых театральных авторов сегодня. Ленина играет Евгений Миронов: Ильич едет в сопровождении Н.К. Крупской, ее матушки и узелка с пирожками из Галиции в Цюрих. Игра Миронова полна скрытого комизма (вообще: иронию, сарказм, даже скрытую карнавальность прозы Солженицына лучше всего проявляет сцена). Этот довольно суетливый разночинец в дорожной кепке, в вечном препирательстве с Плехановым, Мартовым и тещей, в хлопотах о чемодане, с явным наполеоновским комплексом (но он еще упрятан глубоко, как испанская корона Поприщина) — уж наверно не может вершить судьбы империй, династий... (И наши на четыре поколения вперед). Но... он будет эти судьбы вершить.

Ленин — маленький человек, Ленин — «пузырь земли» внушает смех. И ужас.

Карнавальное начало «Красного Колеса» (а оно, по моему убеждению, есть в романе-эпопее) острее всего проявлено в эскизе «Ячейка» (драматург Михаил Башкиров, режиссер Егор Матвеев). Жанр обозначен как «скетч-шоу». Персонажи «Марта Семнадцатого» — в броуновском движении по обезумевшему Петрограду: великий князь Михаил Александрович, честный «трудолик» Кузьма Гвоздев, колдунья Аграфена, эвенк Холчохо, часовые, репортеры, мыслители... голоса из хора солженицынских газетных мозаик (их калейдоскопической пестротой и легким безумием явно был захвачен и автор «Красного Колеса», составляя эти острые кинематографичные монтажи хроники). Революция в осколках строк предстает безумием, камланием в Таврическом саду.

И это лишь пролог к десятилетиям безумия. Уже менее живописного.

Финальный эскиз «НА “ДНЕ”» (драматург Полина Бородина, режиссер Артем Терехин) посвящен семье Романовых. Всем трагическим случаям, которые могли остановить последнего императора на пути из Ставки в Царское Село, удержать от отречения... но...

Каждый из эскизов этого цикла — ступень нисхождения России, главной героини «Красного Колеса», в ее «настоящий XX век».

«Пять вечеров» «Красного Колеса» в декабре 2017 года, в Новом пространстве Театра наций — набросок. Цепочка экспериментов. Образец театрального *work-in-progress*.

Однако эта работа продолжается. На 13–14 октября 2018 года назначена премьера новой версии цикла «Красное Колесо» на сцене Театра наций, в рамках фестиваля-школы «TERRITORY — 2018» (каковой фестиваль тесно связан с самим Театром наций).

На сцены России в сезоне 2017/18 года выходили и иные спектакли «по Солженицыну». «Раковый корпус. Сосланные навечно» Владимирского театра драмы (режиссер — Владимир Кузнецов) — первая театральная версия повести. Премьера была сыграна 29 сентября 2017 года.

Серый задник с широким черным треугольником на сцене — как вход в Аид. Справа бюст на высоком постаменте: профиль Сталина приглядывает за всем действием. Упомянутые в повести решетчатые скамьи приемного покоя онкодиспансера стали в сценографии Дмитрия Дробышева емким символом: койки общей палаты, теплушки, торговые ларьки 1950-х, щелястые «удобства на улице», трибуны физкультурпарада.

Те же грубо сколоченные лари, подвешенные вертикально, спускают из-под колосников. В каждом горит красноватым светом настольная лампа: коммунальные комнаты, кабинеты следователей. И гробы, в которых светятся бессмертные души.

Тридцатидвухлетний режиссер Владимир Кузнецов и сузил, и расширил сюжет. В его спектакле ссыльный Костоглотов (Виктор Мотызлевский) — жесткий, ершистый бывший фронтовик и зэк (и явно бывший мальчишка 1920-х из очереди за хлебом) — похож не столь на тридцатипятилетнего писателя, словно предназначенного *выжить и сказать*, сколь на тысячи людей той же судьбы. Этот Костоглотов — из хора, из строя. Но его жизнь так же единственна.

«Раковый корпус» во Владимире дополнен текстами «Архипелага ГУЛАГа». Переключкой людей в серых ватниках и расшифровкой их «статей»: АСА, КРД, ПШ, СОЭ, ЧСИР. Списком лагерей: Речлаг, Дубровлаг, Озерлаг, Степлаг, Камышлаг гроздьями возникают на карте страны, на заднике — как метастазы на рентгенограммах. И еще списком великих строек на костях зэков: от Волгоканала до МГУ, от Норильска до Комсомольска-на-Амуре, от трассы БАМа до Куйбышевской ГЭС.

Список строек на сцене зачитывает товарищу Сталину (Николай Горохов) министр госбезопасности СССР Абакумов (Анатолий Шалухин). Их диалоги в спектакле восходят к роману «В круге первом». Живой генералиссимус во Владимирской драме под стать мраморному над сценой: так же значителен и зловец. Особенно когда рассказывает партеру о своем 70-летии: «С радостью именем моим были переименованы города и площади... рыболовные баркасы, сапожные артели, детские ясли — и группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну».

Сталин, Абакумов, строй зэка в ватниках кажутся в спектакле общим сном, наведенным на общую палату. Точнее: сном всей страны. Время тут — часть анамнеза для многих историй болезни. Подавленная ярость и бессилие давят опухолью на тело и душу Костоглотова. Его антипод и сосед по палате Русанов (Владимир Лаптев) болен страхом: Русанову снятся те, кто посажен им в 1930-х.

А его соседу по койке — брошенные бабы и зарубленные в Гражданскую контрики.

Белые ширмы меж коек тут никому не защита. Но персонал все ставит их — и эта деталь явно несет символическую нагрузку. «Люди в белых

одеждах» идут против рака и рока. Жестко и сильно сыгранная доктор Донцова (Анна Зайцева) сурова, как диспетчер на прифронтовой станции. За ее усталой бесполой хваткой, за привычкой вершить судьбы в масштабах отделения — воин в поле. С мечом рентгеновского луча устарелой установки. Герой «Ракового корпуса» — один из тех, кого Донцова отбила у смерти.

Психологические пласты романа воплощены в спектакле менее удачно, чем исторические. Любовь героя к доктору Вере Гангарт, строгой и хрупкой Вере, и близость с медсестрой Зоей в те же месяцы лечения — во владимирской постановке утратили контраст и внутреннее напряжение конфликта «небесного» и «земного» у Солженицына, превратились почти в роковой треугольник в составе Костоглотова и двух дам. Даже приобрели некоторый (и явно не запланированный постановщиком) комизм.

Более плоской, чем в романе, стала на сцене и история любви двух подростков, меченных страшным диагнозом, — вдумчивого Демы и юной физкультурницы Аси.

И — еще раз подчеркнем — Костоглотов во Владимирской драме не *alter ego* молодого А.И. Солженицына (при всей автобиографической насыщенности повести). Честный, злой, упрямый ссыльный — один из многотысячного хора будущих персонажей «Архипелага ГУЛАГа». Актера достаточной духовной значительности молодой режиссер Владимир Кузнецов, вероятно, просто не смог найти в труппе или пригласить на постановку. Кажется — и слабость «любовной» линии определяется уровнем игры актеров.

Но все это не отменяет уже названных достоинств «Ракового корпуса» во Владимире.

Наталья Дмитриевна Солженицына была на премьере — и говорила о ней в интервью «Новой газете»:

«В зале не было раскола. Зал встал — и не после долгой овации, как обычно бывает, а почти сразу после финала. И это, я думаю, была дань уважения спектаклю. Но и памяти тех тысяч и тысяч погибших, которые угадываются за спиной героя.

Владимир Кузнецов ввел в спектакль фрагменты “Архипелага ГУЛАГа” и “В круге первом”. Это оправдано. И помогает увидеть за спиной ссыльного Олега Костоглотова (в спектакле он командир батареи, как Солженицын на фронте) — время и страну.

Тем достойней вышел “Раковый корпус” во Владимире, что на сцене 1940–50-е не выглядят фарсом. Народный артист России Николай Горюхов играет Сталина: эта роль трудна в любом спектакле. Особенно в России, сегодня, когда у каждого есть свое мнение об истории. Твердое до ожесточения. И не признающее никаких аргументов, кроме своих.

А в “Раковом корпусе” сыгран психологический портрет Сталина. Не карикатурный, что важно. Сделана попытка проникнуть в психологию этого

человека: уже старого, уставшего, несущего в себе параноидальные черты. Но это крупный человек. И страшный.

Музыка Владимира Брусса к спектаклю — сдержанная, умная. <...> Точно играет Владимир Лаптев прокурора Русанова: “персонального члена”, как говорит в романе Костоготов, доносчика 1930-х... такого же пациента “ракового корпуса”, как все. “Тема Русанова” — тема личного выбора, сделанного под гнетом страха. Осознанной слепоты. И нового страха: скоро от-вернуться от сделанного в 1930-х уже не позволят. И еще тема “новой элиты”: в спектакле — очень сегодняшний Русанов.

Люди, поставившие в 2017 году во Владимире “Раковый корпус” (а большинство из этих людей очень молоды), заявили себя на сцене... как добросовестные оппоненты. Добросовестные оппоненты эпохи, описанной в романе. Их художественная честность, их вдумчивость, спокойное достоинство... это и убеждает. Оттого и встал в финале зал. <...>

Я надеюсь: помимо упертых людей все больше будет становиться добросовестных оппонентов. С позицией, замешанной не на ненависти к правнуку противников твоего прадеда. Не на отказе слышать другую точку зрения. Не на подложных цитатах. Но на спокойном и взвешенном осмыслении. На честно рассказанной хронике побед и поражений.

Такой — честно рассказанной — историю России XX века и будут уважать. А не ощериваться возмущением против истории, которую наспех, но настойчиво нарисовали волей победившей сегодня партии.

Только честно рассказанная история формирует нацию. И ведет к примирению правнуков. Но примирения невозможно достичь на основе забвения»⁵.

3 марта 2018 года во Владимире прошла еще одна «солженицынская» премьера: областной театр кукол поставил «Матрёнин двор». Связь города с этой повестью — особенная. Поселок Торфопродукт, где жила и погибла Матрена, где снимал у нее комнату недавний ссыльный, учитель математики, — находится на краю Владимирской области (Курловский район). 1 сентября 1994 года, вскоре по возвращении в Москву из изгнания, А.И. Солженицын посетил школу в Мезиновке (нынешнее название Торфопrodukта). Был писатель и у могилы Матрены Васильевны Захаровой.

В школе Мезиновки в 1990-х был создан силами учителей и учеников музей писателя (в Торфопродукте сохранилось много подлинных вещей учителя Солженицына). Музей важен для губернии: владимирцы ощущают повесть «Матрёнин двор» как «свой текст».

Спектакль поставила Марина Протасова — главный режиссер Владимирского театра кукол. Художник-постановщик — Наталья Крутова (Санкт-Петербург).

⁵ Наталия Солженицына: «Не следует потомкам хранить волчьих шрамы разъединения» / записала Е. Дьякова // Новая газета. 2017. 23 окт. № 118. С. 20–21.

50-минутный «Матрёнин двор» — спектакль «синтетического жанра». Играют и люди, и куклы. Сцены на железной дороге — с неудобным синим светом, резким лаем рупоров и диспетчеров, громом колес в ночи, усталой станционной суетой мужчин в шинелях и женщин, наглухо умотанных в телогрейки и платки, сыграны как фрагменты обычной драматической постановки. Тема «жизни при железной дороге», вечно на юру и вечно под угрозой — тонко и точно найдена в тексте Солженицына. На фоне людей-гигантов с их рупорами, платформами, рельсами, парами чугунных колес (все это есть на сцене) особо хрупкой и беззащитной кажется горница кукол — изба Матрены, где квартирует Игнатич.

Но сами сцены в доме Матрены радуют меньше, чем станционные: слишком умильны и фольклорны, слишком расцвечены половиками и чашушками многие эпизоды (будь то брань и сплетни «подружек», разговоры с Игнатичем или прощание героини с Фаддеем, уходящим «на германскую»). Самые тонкие и глубокие смыслы текста Солженицына теряются в этом задушевном рассказе о нелегкой судьбе простой женщины.

Примечательно, что Игнатич (и в человеческом, и в кукольном облике) — персонаж второстепенный. Он в спектакле Владимирского кукольного так же не пытается быть *alter ego* автора, как Костоготов — в спектакле Владимирской драмы. Он — не рассказчик, не зоркий наблюдатель жизни Торфопродукта как последней стадии распада русского крестьянского мира (а в этом, кажется, очень важный пласт содержания рассказа). Он — славный малый. Учитель математики. Квартирант нелепой праведницы. И не более того.

В январе 2018 года в Новокузнецком драматическом театре прошла десятидневная актерско-режиссерская лаборатория «Материк Солженицына». Инициатор и руководитель лаборатории — театральный критик Александр Вислов (Москва).

Были подготовлены эскизы спектаклей «Абрикосовое варенье», «Бодался телёнок с дубом», «Матрёнин двор», «Один день Ивана Денисовича».

Первые два из сорокаминутных *work-in-progress* были первыми попытками перенести на сцену двучастный рассказ и фрагменты «Телёнка...». «Абрикосовое варенье» интересно. Прием — динамичный монтаж кратких скетчей (каждый развертывается из двух-трех абзацев рассказа): колыбельная матери (со страшноватым текстом, вполне советской умильной радиоодой Сталину) и дикая пляска беспризорников, к которым вот-вот отправится домашнее дитяtko.

Сильная сцена в трудовом лагере, где под оптимистичный лай «политработника» испуганно суетятся бедолаги в ватниках, пока и труд, и «идейная накачка» трудящихся от бессмысленных повторов, спешки и страха не превращаются в хлыстовскую пляску 1920-х... И — по контрасту, смонтированная в стык — сцена на даче большого писателя, с бессмысленным и беспоп-

щадным сверканием его парчовой домашней куртки, с белыми передниками вполне старорежимных горничных и окороками из папье-маше...

Эскиз еще раз показал яркую театральность прозы Солженицына.

«Бодался телёнок с дубом...» — первый режиссерский опыт критика Александра Вислова. Семьдесят минут. Емкая декорация: стол с кумачовой скатертью и помпезные шторы краеведческого музея. Люди при галстуках за столом кажутся восковыми фигурами функционеров 1950–60-х.

Пародийная экскурсия хорошенькой и деловитой девицы в офисном костюме вмещает все умильные трюизмы о Солженицыне «России, вставшей с колен» и готовой присвоить его наследие, залить патриотическим бетоном.

Но гражданочку перебивает бледная женщина в ватнике, сидящая в углу музейного зала. Под ее ватником — «учительское платье» с белым воротником. Явный опыт ГУЛАГа. Гнев, страсть и честь. И уж эта — говорит с залом словами Солженицына. В полном накале.

Спектакль вместил фрагменты «Телёнка...»: историю публикации «Ивана Денисовича», травлю середины 1960-х, зреющий замысел «Архипелага...». Лучшая сцена — та, где наперебой женщины разных сословий читают свои письма Александру Исаевичу. (География — весь СССР. Опыт — от Солженицына до посадок 1940-х.)

Затем выходит к рампе постановщик, Александр Вислов. И читает письмо к Солженицыну 1962 года. Письмо собственного деда — ученого, прошедшего Особлаг. Сильный и неожиданный фрагмент показывает, в какой степени в эпическую прозу А.И. Солженицына втянут опыт всей страны в XX веке. Сколько нитей (включая совсем прямые, родовые и биографические) тянутся от текстов к нам — и от нас к текстам.

Эскиз «Телёнка...» в Новокузнецке можно упрекнуть в спрямлении, уплощении образа А.Т. Твардовского. А вот «видеофинал» кажется точным. В нем три эпизода. Торжественное, с участием главы города, открытие памятника Солженицыну во Владивостоке. Информация об осквернении памятника. Сообщение: бывший мэр Владивостока ныне (в январе 2018-го) под следствием «по экономике». И сидит он в СИЗО в одной камере с А.А. Малобродским, директором «Гоголь-центра».

Гротескная гримаска времен «России, вставшей с колен» (близкой родственницы «России в обвале») показывает, как актуальна проза Солженицына и ныне.

Собственно: пролог с умильно-лживым чествованием писателя губернской элитой, прямыми наследниками функционеров 1970–80-х, и этот документальный эпилог выстраивают эскиз, придают дополнительную глубину. Снимают юбилейный пафос.

Весь эскиз (как и «Абрикосовое варенье») открывает еще одну тему: как много у Солженицына скрытого смеха, социальной фантазмагии, жутко-

ватого карнавала и 1920-х, и 1960-х. И наших дней, к слову сказать. На сцене это начало стало очень заметно.

Были показаны и еще два эскиза: добротный, хотя и несколько повестьвовательный «Матрёнин двор» — и довольно претенциозный «Один день Ивана Денисовича», в котором сюжет Солженицына обрамляла угарная программа «анимации» в провинциальном клубе наших дней. Контраст работал плохо: ему мешала холодность и неточность интонации наспех придуманных и отрепетированных «лагерных» сцен.

В целом же — путь отечественного театра к интерпретации наследия Александра Солженицына лишь начинается. Особо примечательным кажется то, что самые удачные на сегодня опыты связаны все же не с линейным, фабульным театром — а с действиями документальными, уходящими от буквы текста — чтоб сохранить его дух. В сезоне 2017/18 года открыта опытным путем хотя б одна закономерность постановки этой прозы: *несколько страниц*, лаконичные осколки текстов Солженицына обладают достаточной эмоциональной силой, чтоб «сделать» и «держать» спектакль.

При условии — что эти страницы прочитаны театром тщательно и всерьез.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Три публикуемых ниже коротких очерка написаны людьми разных профессий и поколений с несхожим социальным опытом, однако, по разумению редакции «Солженицынских тетрадей», составляют своего рода смысловое единство. Дело не только в том, что свидетельства музыканта, лингвиста и военного инженера могут и должны быть учтены при составлении летописи жизни и творчества Солженицына. Не менее важно, что сегодняшний читатель получает возможность уточнить представления о социокультурной ситуации 1960-х годов, увидеть въяве тогдашних «рядовых» читателей Солженицына, тех, кто расслышал слово великого писателя и по мере возможностей стремился, чтобы слово это пришло к более широкой аудитории. Личное стремление к правде сопряжено и с тягой к просветительству, и с естественным желанием поддержать того, кто несет эту правду миру, претерпевая гонения и клевету. У нас есть основания сетовать, что таких встреч с Солженицыным, как в Институте русского языка и засекреченном военном НИИ, прошло немного (иные — как мы знаем из солженицынских «очерков литературной жизни» — власть успевала запретить), но мы не имеем права забывать, что такие встречи все же *были*. Перед нами свидетельства человеческого достоинства, мужества (готовности идти на риск), сердечной отзывчивости, благодарности и «странной» надежды на лучшее. Солженицын писал отнюдь не «в пустоту».

Ред.

А.Е. Майкапар

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИСАЕВИЧЕ СОЛЖЕНИЦЫНЕ В 1961 году

В романе «42048000», описывая обстоятельства своей жизни в 60-е годы, я рассказываю о редакции и редколлегии того — старого — «Нового мира», журнала, несомненно делавшего «погоду» в интеллектуальной жизни нашей страны того времени. Это воспоминания моей юности.

В романе:

«Кто только не бывал в тогдашнем “Новом мире”! И поскольку я заходил в редакцию как к себе домой, я многих там видел, встречал. На моих глазах — не фигурально, а совершенно в буквальном смысле — открылась дверь и впервые появился Александр Солженицын. Его привела Анна Самойловна Берзер, сотрудница редакции. Тогда я не придал этому никакого значения: можно сказать, каждую минуту открывалась дверь с улицы и кто-то приходил. Это потом мне стало ясно. У меня хранится маленькая серая книжечка — первое издание (после журнальной публикации) “Одного дня Ивана Денисовича”. С автографом моей матушке»¹.

Теперь хотел бы рассказать об этом подробнее. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что в то время был слишком юн (мне было пятнадцать лет), чтобы быть свидетелем всех обстоятельств сотрудничества А.И. с «Новым миром». К тому же эти обстоятельства изложены самим А.И. в его мемуарах, а также в воспоминаниях едва ли не всех участников событий тех лет — работников редакции и членов редколлегии. Их видения и оценки этих событий разнятся. Но быть может, именно в силу «сторонности» моего взгляда — взгляда чисто внешнего наблюдателя — эти несколько строк воспоминаний могут внести какой-то дополнительный штрих в картину событий того времени.

Насколько я помню, А.И. появился в «Новом мире» зимой 1961 года. Кажется, в декабре. Я не помню точно даты, во-первых, по молодости лет, во-вторых, потому что не придал этому большого значения. В редакции я бывал

¹ *Майкапар А. 42048000. Челябинск: Авто-Граф, 2017. С. 74.*

в то время каждодневно. И это не было для меня событием — *прийти в «Новый мир»*.

Дело в том, что моя матушка, доведя меня до поступления в музыкальное училище при консерватории, устроилась в редакцию «Нового мира» секретарем. Ее должность называлась «литературный сотрудник», и одной из ее обязанностей была регистрация всей поступающей в редакцию почты. Она начала работать в редакции с осени 1961 года и проработала в этой должности 27 лет. Через нее проходили все и всё. Теперь, по прошествии времени, я вполне осознаю, что если лично для меня этот год ознаменовался переходом на профессиональные музыкальные рельсы, то в контексте истории нашей страны он ознаменован открытием Солженицына. Так я смог судить — и сужу — ретроспективно.

Сейчас мне кажется, что я увидел А.И. пожилым человеком. Опять-таки это результат некоей аберрации: мне самому было тогда 15 лет, и люди среднего возраста, то есть далеко не моего поколения, казались уже пожилыми. А.И. было 43. Еще, быть может, такое мое восприятие было вызвано очень неординарным обликом А.И. Он показался мне человеком внутренне напряженным, как натянутая струна. Но напряженность эта была не от смущения в непривычной обстановке или от мысли о встрече с *самим* Твардовским, встречи — на которую, как я позже понял, он шел, точнее, был приведен сотрудницей отдела прозы Анной Самойловной Берзер, а от сознания значительности и важности того, что он намеревался обсуждать. В нем не было ничего деликатно-изысканно-вежливого, так сказать, «спасибо-что-пригласили». Это впечатление было первое и мимолетное. А.И. быстро увлекли в глубь редакции, очевидно прямо к Твардовскому.

Сейчас опубликовано много материалов — документов, воспоминаний очевидцев, думаю, и не-очевидцев. Но я не хотел ни на кого опираться и сверять свои впечатления с другими. Пусть даже рискуя быть неточным.

Дальнейшие месяцы редакционной жизни остались в моей памяти долгими обсуждениями трудностей продвижения произведений А.И. в редакции, которыми буквально ежедневно делилась моя матушка, приходя вечером с работы. Это были обстоятельства обсуждений состояния дел на редколлегии, переговоры с Главлитом, которые обычно вел Кондратович, радости по поводу разрешения печатать и часто шок и ступор при неожиданном отказе, когда очередной номер журнала уже опаздывал в нужный срок быть отправленным в типографию, с которой теснее всего была связана тогдашняя заведующая редакцией Наталия Павловна Бианки.

Но вот обстоятельство, которое совершенно напрямую коснулось нашей семьи и было следствием напечатания в журнале «Одного дня Ивана Денисовича». В обязанности моей матушки, как я уже упомянул, входило разбирать приходящую в редакцию почту, среди которой был так называемый самотек — рукописи неизвестных авторов. Ей приходилось делать первое распре-

деление всего этого материала по отделам — прозы, поэзии, критики. После публикации «Одного дня...» такого самотека стало больше в разы. Каждый день почта в редакцию приходила в буквальном смысле мешками. И вот на столе у матушки гора рукописей. И совершенно случайно при сортировке одна рукопись открылась где раскрылась, и взгляд матушки упал на случайную страницу. Она вечером с большим волнением рассказывала об этом.

В чем же дело? Это оказалась рукопись из Киева. Воспоминания бывшего заключенного Соловецкого лагеря. Взгляд матушки упал на фамилию Выгодский. Это наш близкий родственник. Их было два брата. Марк Яковлевич (1898–1965) — очень крупный математик, автор десятки раз издававшихся справочников по высшей и по элементарной математике, профессор МГУ. А брат его, Николай Яковлевич (1900–1939) — о ком и рассказывал автор воспоминаний — был музыкантом, органистом, доцентом Московской консерватории. В 1939 году он был арестован и просто исчез. В официальных источниках не указываются ни обстоятельства его исчезновения, ни место его смерти. И только из присланных воспоминаний мы узнали об этом. Его арестовали на Каменном мосту, где он оказался незадолго до того, как там должен был проезжать Сталин. Никто тогда абсолютно ничего о нем не знал. Автор вспоминал, как в лагерь доставили новую партию заключенных. Среди них был Николай Яковлевич Выгодский. Он организовал в лагере самодеятельность. Рассказывалось, что когда он нарисовал на нарах клавиши, то надзиратель, увидевший, как он «играет», доложил начальству, и его перевели в одиночную камеру, где «по стенам был лед». Там он закончил свои дни.

Так вот, это стало известно из воспоминаний. А само существование, обнародование и присылка их именно в «Новый мир» оказались возможными лишь после публикации «Одного дня...». Думаю, это один из сотен, если не тысяч, примеров влияния на человеческие судьбы «Одного дня Ивана Денисовича»...

Январь 2018

Л.П. Крысин

«МЫ РАДОВАЛИСЬ И, ДУРАКИ, СОВСЕМ ЗАБЫЛИ, В КАКОМ ГОСУДАРСТВЕ ЖИВЕМ»

В конце октября 1967 года мне пришла в голову мысль пригласить в наш институт — Институт русского языка АН СССР — Александра Исаевича Солженицына.

Своей идеей я поделился с ученым секретарем нашего сектора — сектора современного русского языка (теперь это называется отдел) — Ламарой Андреевной Капанадзе. Мы написали письмо Александру Исаевичу, приглашая его приехать к нам с целью записи его произношения на магнитофон для институтской фонотеки. Письмо было вполне официальным, цель приезда А.И. — научная, хотя в действительности мы хотели, чтобы он почитал нам что-нибудь из своих произведений. В то время уже существовал негласный запрет власти на его публичные выступления. Поэтому приглашать А.И. не в сектор, а в институт мы не решились, да и формально не имели права: надо спрашивать у институтского начальства, а еще, не дай бог, согласовывать с парткомом, с райкомом партии, а это на сто процентов означало, что в итоге — не дадут, запретят. О письме-приглашении мы поставили в известность только заведующего нашим сектором — Михаила Викторовича Панова, замечательного человека, выдающегося ученого-филолога (он заслуживает отдельных воспоминаний).

Панов дал добро.

И мы обычной почтой, опустив конверт с письмом в уличный почтовый ящик, отправили его А.И. Солженицыну на его рязанский адрес (не помню, откуда мы его взяли; может быть, нам могли сообщить его в редакции «Нового мира»?). Отклик был быстрый, по телефону (номер нашего секторского телефона был указан в письме), и мы согласовали с А.И. день его прихода в институт. Это был один из дней в середине ноября, среда, и этот день был выбран не случайно.

Дело в том, что в нашем институте, как и во многих академических институтах гуманитарного профиля, были так называемые присутственные дни — вторник и четверг — и дни для работы в научных библиотеках (остальные дни недели). В присутственные дни на службу в институт должны были приходиться все сотрудники (и, стало быть, в помещении института былолюдно), а в остальные дни их было мало. Среда и была таким малолюдным днем.

Александр Исаевич приехал часов в 11 утра, мы встретили его внизу институтского здания у гардероба, провели в комнату нашего сектора на втором этаже, которая была уже под завязку набита и нашими сотрудниками, и нашими друзьями из других подразделений института. Для публичного выступления такого писателя публики было сравнительно мало — человек двадцать. Но большего числа комната не могла вместить.

В одном углу комнаты на столе стоял магнитофон и лежали бобины с чистой магнитофонной пленкой. Возле магнитофона, в полной готовности к записи, сидел инженер из нашей институтской лаборатории фонетики. Стол в другом углу был предназначен для гостя.

А.И. сел, пристально (я до сих пор помню его пристальный взгляд, упертый прямо в меня) оглядел присутствующих и после короткого вступления начал читать — главы из «Ракового корпуса», из «В круге первом», «Крохотки». Читал часа четыре, не меньше, о чем свидетельствуют несколько больших бобин с записями его голоса.

Расставшись с А.И., мы попросили Сашу-инженера сразу же скопировать запись, что и было сделано. Оригинал в семи коробках хранился многие годы, вплоть до конца 80-х, у меня дома, а копию мы отвезли в Рязань Александру Исаевичу. Не обошлось без накладки: вынимая бобины в квартире Солженицына, я забыл (!) в своем портфеле одну из них. Пришлось потом передавать ее через родственников А.И., которые жили в Чапаевском переулке возле метро «Сокол».

Мы радовались, что так удачно прошла наша встреча с писателем, и, дураки, совсем забыли, в каком государстве мы живем. ГБ узнало о нашем письме, но уже после нашей встречи с А.И., и поэтому опоздало с запретительными мерами: мы собирались в среду, и только на следующий день во Фрунзенский райком партии был вызван директор нашего института академик Виктор Владимирович Виноградов. Там какой-то партийный секретарь — кажется, даже не первый — на повышенных тонах выговаривал (молва передавала — кричал!) всемирно известному беспартийному ученому о письме «за подписью какого-то грузина», отправленном из его, виноградовского, института.

Непосредственно после этого вызова директора нашего института в партийные органы последствий не было почти никаких: никакого «принятия административных мер» к организаторам встречи с Солженицыным, никакого выговора (или чего покруче) М.В. Панову как заведующему сектором. Виноградов только пригласил к себе Панова и спокойным тоном сообщил ему о поездке в райком и неприятном разговоре с партийным чинушей.

Примерно через год Виноградов был снят со своего поста. Не стану утверждать, что из-за этого инцидента, но вполне возможно, что и это ему припомнили. Умер он в начале октября 1969-го. М.В. Панова уволили в 1971-м.

И.А. Бутурлина

«АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ БУТУРЛИНУ СЕРДЕЧНО»

Мой отец Александр Сергеевич Бутурлин (1924–2010), в 2004 году прочитав «Бодался телёнок с дубом», начал набирать на компьютере текст под названием «Читая “Телёнка”». Приведу одну цитату: «Если говорить о том, каким предстает перед читателем автор “Телёнка”, то я заключил бы так: по немыслимому мужеству, добровольной готовности подвергнуться всему, что может обрушить неограниченная власть на человека в его открытом сражении против господствующих устоев, за выполнение представляющегося ему высшего долга А.И. Солженицын более заставляет вспомнить таких подвижников, как протопоп Аввакум, боярыня Морозова или ее сестра кн. Урусова. Но это далекая история. Если же говорить о соотечественниках мне современных, то в ряду великих граждан, которых не должна забыть будущая Россия, высятся лишь две сравнимые гигантские нравственные вершины — Александр Исаевич Солженицын и Андрей Дмитриевич Сахаров. Между ними невозможно делить места и незачем».

Оказалось, что текст «Читая “Телёнка”» содержит не только впечатления о книге и об авторе. Это воспоминания о важнейших событиях и встречах почти всей жизни отца. Периодически он вносил уточнения и дополнения, но так и не успел закончить эту работу.

В 2009 году, спустя год после смерти Александра Исаевича, он начал писать письмо Наталии Дмитриевне Солженицыной, черновик которого приводится ниже.

«Глубокоуважаемая Наталья Дмитриевна! Мой друг по службе в в/ч 42261 Руфина [Руфина Гавриловна Федюкина] 23 августа познакомилась с Вами в Донском монастыре, придя туда почтить память Александра Исаевича. На следующий день она позвонила мне и передала от Вас поклон и большой привет. Я Вам несказанно благодарен за это приветствие. Оно явилось самым драгоценным подарком к моему юбилею, который приходился на 25 августа.

Из короткого разговора Вашего с Руфиной выяснилось, что Вы не знали о встрече Александра Исаевича с коллективом нашей в/ч в мае 1967 года. Поясню, что эта в/ч маскировала настоящее, секретное тогда, название уч-

реждения: НИИ по исследованию и разработке систем ракетного и артиллерийского вооружения сухопутных войск. Я считаю, что эта майская встреча является хоть и очень маленьким, но достаточно интересным штришком в биографии Александра Исаевича, заслуживающим того, чтобы Вам о ней рассказать. Но я сейчас в таком физическом состоянии (с трудом даже сижу), что от моего замысла до его реализации может пройти очень долгое время.

Александр Исаевич был знаком с Милой Харченковой [Людмила Алексеевна Харченкова], моей одноклассницей по всем школьным годам, а в старших классах с нами училась и Галя [Галина Павловна Бутурлина (1924–2003)], моя будущая жена. Мила и Галя закончили один институт, а позже работали бок о бок в одном учреждении. Мила, недавно скончавшаяся, была очень близка со своей двоюродной сестрой Вероникой Туркиной (ныне Штейн) [Вероника Валентиновна Туркина]. Когда сняли Н.С. Хрущева, Александр Исаевич, не зная, к каким последствиям это может привести, уехал из Рязани и жил некоторое время в Москве на квартире Милы.

Мы с женой узнавали о многом из жизни Александра Исаевича и получали неопубликованные его творения по цепочке: Вероника Туркина, Мила Харченкова. Вероника, как Вы знаете, была хорошо знакома с делами Александра Исаевича, даже независимо от того, что была двоюродной сестрой его жены Решетовской.

Зная, что Александр Исаевич начал положительно откликаться на предложения о встрече с читателями, но ему в этом искусственно мешают, я решил попытаться организовать такую встречу в нашей части. Т.к. Александр Исаевич писал и на тему сбережения памятников истории и культуры, я хотел, чтобы его выступление у нас включало бы и эту тему, которой я оправдался бы перед начальством, т.к. в это время шла кампания по созданию Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), а я был членом районного совета этого общества.

В марте 1967 года, когда Александр Исаевич был у Вероники, мы разговаривали с ним по телефону, и он сказал: “Мне о Вас говорили”. Сказал, что последние намеченные встречи с читателями срывались и что для нас обоих будет лучше, если я получу для него официальное письменное приглашение. Мне удалось получить такое приглашение, главная подпись на котором была сделана руководством партийного комитета части. А партком возглавлял всю политическую сторону жизни института. (Вскоре после выступления у нас Александра Исаевича и начавшегося на другой же день расследования Политотделом сухопутных войск в институте был учрежден политотдел, начальник которого назначался свыше, а роль парткома отошла на второй план.)

20 марта мне позвонила Вероника и назвала день и час, когда мы можем встретиться с Александром Исаевичем на ее квартире в Чапаевском переулке. В назначенное время я прибыл на место. Дверь открыл сам Александр

Исаевич. Мы побеседовали 35 минут. Александр Исаевич поинтересовался, много ли пришлось преодолеть препятствий для его приглашения. Сказал: “Будут мешать”. Его выступление в издательстве “Энциклопедия”, действительно, сорвали, как и в некоторых других случаях. Сказал, что выступление в моем институте ему удобнее провести в мае, т.к. он еще собирается выступить в институте в Дубне, а “с ними считаются”. Попросил, чтобы для приезда к нам ему была предоставлена машина, хотя он запросто может приехать и сам. Задал вопросы по моей биографии. Когда я рассказал о долгом знакомстве с Милой Харченковой, произнес: “Так вот откуда...” Дал такой письменный ответ на приглашение:

“Парткому войсковой части 42261
Совету клуба войсковой части 42261

Я признателен Вам за приглашение провести встречу с читателями Вашей части. Я согласен на нее, но предлагаю Вам период с 16 по 25 мая. Более точно дату встречи мы можем согласовать с Вашим представителем во второй половине апреля.

А. Солженицын

Рязань 12, проезд Яблочкова, 1, кв. 11.
Моск. телеф. Д-7-56-83”

Александр Исаевич сказал, что можно будет уточнить у Вероники, когда он предполагает быть в Москве в апреле, но дал и свой рязанский адрес для непосредственной связи.

С тех пор я стал часто бывать у Вероники и очень сдружился с ней и ее семьей.

На работе мне удалось получить разрешение пригласить на встречу с Александром Исаевичем некоторых близких людей. Был составлен список, по которому приглашенных пропускал через проходную начальник строевого отделения подполковник Сидоров [Николай Васильевич Сидоров], мой горячий единомышленник. Моими приглашенными были жена Галя, Вильгельмина Германовна и Наум Исаевич Славуцкие, а также замечательный пушкинист, член Пушкинской комиссии АН СССР Татьяна Григорьевна Цявловская [1897–1978], человек очень пожилой и со слабым здоровьем. Мне хотелось помочь ей добраться до института, а потом найти машину для доставки ее домой».

Здесь я прерываю цитирование письма, чтобы вставить текст записки А.С. Бутурлина от 12 мая 1967 года, переданной Солженицыну через В.В. Туркину:

«Глубокоуважаемый Александр Исаевич! Пока что никаких отклонений от намеченной программы не предвидится <...>. Я мог бы захватить за Вами

на машине в начале 17-го часа к Веронике. Если для Вас удобнее другой вариант, пожалуйста, сообщите. Ваши страницы [«Этюды и крохотные рассказы»] берут за душу. Все они полны поэзии. Странно, что, хотя смысл их часто не радостен, общее настроение после чтения просветленное; и возникает чувство облегчения, как будто давно накипело на сердце и вот наконец высказался. Приходится удивляться, каким количеством мысли и чувства оказываются насыщены немногие слова, если сумеешь ими распорядиться! Большое спасибо за выполнение моей просьбы <...>».

Продолжение письма Наталии Дмитриевне:

«Встреча с Александром Исаевичем была назначена на 22 мая. В 16 часов 30 минут я должен был на машине сослуживца встретить его у МХАТа. По пути в институт мы должны были сделать остановку у ст[анции] м[етро] “Сокольники”, где забрать с собой Т.Г. Цявловскую. В 16.30 я стоял с машиной у МХАТа, но Александр Исаевич, ехавший из Химок, запаздывал. Наконец ко мне подошел Юра Штейн [Юрий Генрихович Штейн — муж В.В. Туркиной], выполняющий роль разведчика. Убедившись, что никаких подвохов нет, он пригласил Александра Исаевича, который был со своей женой. Все сели в машину моего товарища лейтенанта Бурлыги [Владимир Алексеевич Бурлыга] и отправились. В машине Александр Исаевич дважды задавал мне вопрос, какой отрывок я рекомендовал бы прочитать. К сожалению, я не смог этого сделать. Подъехав к метро “Сокольники”, я с досадой обнаружил, что Т.Г. Цявловская еще не приехала. Срывать начало выступления Александра Исаевича я не мог и остался один ждать Цявловскую, а лейтенанта Бурлыгу попросил подвезти Александра Исаевича со спутниками к институтской проходной и передать в распоряжение моего друга подполковника Сидорова, который пропускал гостей по списку, им же составленному и утвержденному у начальника института генерала [А.Н.] Волжина. Так и было сделано. Сидоров привел всех в здание клуба части и передал в распоряжение заведующей клубом Никитиной, также нашей единомышленницы, которая и открыла встречу. Мое неучастие в этих процедурах будет иметь для меня большое значение, когда начнут искать инициатора и организатора встречи.

Когда мы с Татьяной Григорьевной Цявловской добрались до клуба, Александр Исаевич уже читал, сидя на сцене за столом, отрывок из “Ракового корпуса”».

Снова прерываю текст письма Наталии Дмитриевне, чтобы привести запись из дневника А.С. Бутурлина от 6 марта 1967 года:

«Вчера читал машинописную рукопись Александра Исаевича Солженицына: повесть под названием “Раковый корпус”, часть 1. Почти 350 листов. Да еще 30 с лишним листов (текст в 2 раза плотнее) стенограмма обсуждения повести в Московской организации Союза писателей РСФСР. Повесть не так отточена, как “Один день Ивана Денисовича”. Но прямота и честность постановки животрепещущих вопросов — та же. Правильно отметил

кто-то на обсуждении: “Солженицын неправды не напишет”. И опять, как в других его вещах, масса наблюдений, которые мы ведем ежедневно, которые составляют жизнь, но так примелькались, что мы их забываем, отойдя на шаг в сторону, масса таких штрихов в повести. И эти штрихи, поразительно верные, составляют стиль Солженицына. Благодаря им он оживляет рассказ, делает его куском жизни <...>. И как их автор находит, как запоминает для того, чтобы показать другим. Особенно я поражался этому, читая “Один день Ивана Денисовича” <...>. Как мог Солженицын восстановить все это в памяти и на бумаге? Ведь не вел же он дневник. А если вел — он герой вдвойне».

Продолжение письма Н.Д. Солженицыной:

«Надо пояснить, что публика, явившаяся на встречу, была очень неоднородна. Большинство уже хорошо понимало масштаб личности автора “Одного дня Ивана Денисовича”. Но часть офицеров находилась под влиянием лекций, читавшихся регулярно в часы политеминаров и партучебы в этом самом зале. Здесь раз в неделю или чаще звучали речи, прославляющие политику партии. Приходили и лекторы, которые говорили о Солженицыне, повторяя при этом распространявшуюся клевету. Кроме того, небольшая часть присутствовавших — вольнонаемные служащие, которые недавно были офицерами соседней с нами дивизии МВД. В их обязанности входило сопровождение заключенных при пересылках (“зэков”, как они говорили). Читали ли они сами Солженицына — не знаю, но настроены к нему были отрицательно.

Мы с Татьяной Григорьевной уселись в одном из задних рядов аудитории. Галя, Вильгельмина Германовна и Наум Исаевич нашли места недалеко от сцены.

Александр Исаевич читал спокойным, уверенным голосом, но смысл отрывка нелегко было понять. Чтение закончилось без малейшей реакции зала, в полной тишине.

В перерыве я поспешил на сцену к писателю и убедительно просил его перейти к теме сохранения памятников. В это же время Юра Штейн ходил по вестибюлю и прислушивался к разговорам беседовавших. Высказывалось мнение, что вряд ли Солженицын в войну понюхал пороха, некоторые...»

На этом черновик письма к Наталии Дмитриевне обрывается. Я попыталась восстановить события по дневнику отца за 1967 год и рукописи «Читая “Телёнка”».

«Второе отделение началось с чтения “крохоток”. Меня восхитили самообладание и выдержка Солженицына. Он читал так, как будто не было провального первого отделения: твердым, энергичным, выразительным голосом. После первого же рассказика зал заплодировал. После второго — тоже. На просьбу Александра Исаевича: “Не трудитесь хлопать” — не отреагировали, и каждая крохотка вызывала ту же реакцию. Последним был прочитан

рассказик “Путешествуя вдоль Оки”. Потом Александр Исаевич отвечал на вопросы, для чего вышел из-за стола и подошел ближе к аудитории. Из зала передали записку: “Почему раньше не давали интервью и не встречались с читателями?” Ответ на нее окончательно расположил большинство присутствующих в его пользу. (Потом я узнал, что эту спасительную записку специально прислала Вильгельмина Германовна.) Солженицын сказал, что дело писателя — писать. Но что в последнее время против него ширится клевета, что и вынуждает его опровергать ее, рассказывая правду. Были вопросы и такие: “Что хотели показать в зачитанном отрывке? Как относитесь к Ивану Денисовичу, к другим героям? За что арестовывали?” Выяснилось, что Александр Исаевич — боевой офицер, награжден орденами, арестован за критику Сталина во фронтовых письмах к другу. Зал все больше располагался в пользу Александра Исаевича. Потом вспомнили, что в этот день открылся IV Всесоюзный съезд Союза советских писателей, и поинтересовались, не является ли Солженицын делегатом съезда. Александр Исаевич ответил, что он не делегат, но свои предложения направил в президиум съезда. Услышав, что письмо при нем, попросили зачитать.

Александр Исаевич стал читать этот поразительный документ, посланный им не только в президиум съезда, но и персонально многим писателям, а также редакциям литературных газет и журналов. Вот его начало:

“Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить:

I. То нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз писателей не может мириться впредь.

Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем Главлита тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно неграмотных людей над писателями”.

Это было неслыханно! Чем дальше читал Александр Исаевич свое письмо, тем напряженнее я пытался определить реакцию слушателей в первом ряду, где сидели старшие из присутствовавших офицеров. Какое счастье, что не было начальника института, который, оценив грозящую его карьере ситуацию, вполне мог ее изменить: встать и прервать ход встречи, потребовав от писателя прекратить нести “антисоветчину”.

Последними словами Солженицына, обращенными к участникам встречи, были те, что заканчивали письмо.

“Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы ещё успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путь правды, и за движение её я готов принять и смерть. Но, может быть, многие уроки научат нас наконец не останавливать пера писателя при жизни?

Это еще ни разу не украсило нашей истории”.

Реакция аудитории была для меня неожиданной. Заряд нравственной силы в тексте и в самом голосе писателя был таков, что мне показалось — зал содрогнулся от грянувшей овации. Я решил, хотя не мог, конечно, этого видеть, что аплодируют все без исключения, в том числе и те, кто не солидарен с автором.

Чтением письма встреча не закончилась, последовало совершенно неожиданное продолжение, которого и придумать было бы невозможно для закрепления триумфа Александра Исаевича. Начальник одной из лабораторий института подполковник [Анатолий] Строков быстро поднялся на сцену, подошел к писателю, и они дружески обнялись. Оказалось, что Строков, как и Солженицын, был студентом университета в Ростове-на-Дону и они в одной компании совершали туристические велосипедные прогулки. Тут же подошла заведующая клубом и вручила триумфатору букет цветов. Когда Солженицын со своими сопровождающими вышел из зала, Никитина пригласила его в свою комнату для выплаты гонорара. Он был небольшой, что-то около 30 рублей, но и они не были лишними в скромном бюджете неиздаваемого писателя.

Через день я был у Вероники. Узнал, что с письмом Солженицына солидарны многие писатели. Составлено их коллективное письмо в его поддержку. Через неделю я снова был у Вероники. Она сказала, что Александр Исаевич спрашивал обо мне. Ему откуда-то стало известно, что выступление его вызвало в институте неприятности. Если мне что-нибудь грозит, то он может вмешаться через военную прокуратуру. Я просил поблагодарить его за доброе внимание. Обрадовал меня и полученный подарок: «Этюды и крохотные рассказы» Александра Исаевича, отпечатанные на машинке. На заглавном листе его рукой сделана надпись: «/Essais/ вариант проверен» и характерная краткая подпись автора.

А между тем в институте наступил «период последствий». 25 мая меня вызвали в партком».

Дальше описывается вся история расследования, последовавший через некоторое время досрочный уход отца в запас и увольнение его из института.

Кроме «Этюд и крохотных рассказов» Александр Исаевич подарил отцу в 1970 году экземпляр своей Нобелевской лекции с надписью: «Александр Сергеевичу Бутурлину сердечно».

Александра Сергеевича глубоко ранила клевета на Солженицына, вместо честного разбора произведений шельмование автора в советской печати, организованная травля его. В 1972 году Бутурлин подготовил статью «Об осуждении без рассуждений», в которой анализировал критику романа Солженицына «Август Четырнадцатого» иностранными авторами в «Литературной газете» и других периодических изданиях. Перед Бутурлиным стояла задача аргументировано показать несостоятельность этой критики, не обнаружив при этом, что сам он читал роман, не опубликованный в СССР.

Два отпечатанных экземпляра статьи, один с подписью автора, хранятся в семейном архиве. У меня нет сведений о том, куда была отправлена статья. Ее полный текст приводится ниже.

ОБ ОСУЖДЕНИИ БЕЗ РАССУЖДЕНИЙ

За последние два месяца в наших газетах, в основном в «Литературной...», напечатано несколько статей иностранных авторов (Ларни, Штюц, Романовский), критикующих роман Солженицына «Август Четырнадцатого»². В сегодняшнем номере «Литературной газеты» в заметке «Кто заказывает музыку...» итальянец Феррари высказывается относительно других произведений того же автора, не печатавшихся в СССР³. Даже вообще нигде не публиковавшуюся вещь Феррари сделал предметом печатной критики лишь потому, что некие личности, благоразумно остающиеся неизвестными, ему доверительно о ней сообщили; при этом Феррари не стыдится напомнить читателям о протестах Солженицына против подобных приемов. Публикуются в «Л.Г.» и отзывы наших соотечественников, не читавших «Августа Четырнадцатого», но резко осуждающих роман и его автора на основе критики Ларни, Штюц и т.п. Но заслуживают ли эти иностранцы такого безоглядного доверия? Кажется, самый элементарный анализ их высказываний должен был бы убедить в обратном. Приведу лишь несколько соображений в подтверждение.

Начну с финна. Прежде всего, напрашиваются вопросы: читал ли сам Ларни «Август»? Если читал, то почему не высказывается прямо от своего имени, а все время ссылается на мнение пресловутого Шуба и «некоторых западных критиков»? Вот приемы, которыми пользуется Ларни:

«Хотя роман трактует о событиях 1914 г., некоторые западные критики отождествляют его с современностью...»

«Анализируя далее роман, западные критики разделяют... мнение, что поражение... при Танненберге открыло дорогу Октябрьской революции».

«Если “Август Четырнадцатого” намеренно направлен против Советского Союза (а так утверждает, ссылаясь на роман, Анатолий Шуб), то...» и т.д.

Но читал или не читал роман Ларни, его аргументация убеждает только в том, что он оставляет себе лазейку на случай, если кто-либо предъявит ему обвинение в клевете. А что это возможно, постараюсь показать ниже. Статья Ларни напечатана рядом с заметкой М. Штюц, отчего их противоречивость

² Ларни М. Когда историю ставят в угол: [Из швед. газ. «Норшенсфламман»]; Штюц М. в кривом зеркале: [Из газ. «Дойче фольксцайтунг» (ФРГ)] // Лит. газ. 1972. 23 февр. С. 13; Романовский Е. «Август Четырнадцатого» Александра Солженицына, или Правда о книге и мифе / [пер. с польск.] // Лит. Россия. 1972. 7 апр. С. 10–12; Труд. 1972. 7 апр.

³ Феррари Э. Кто заказывает музыку...: Из журн. «Календаро дель пополо» (Милан) // Лит. газ. 1972. 19 апр. С. 13.

проявляется особенно наглядно. Финн относит автора «Августа» к категории людей, «которые не любят свой народ». А немка утверждает, что русский народ «Солженицын изображает отсталым, но наделенным скрытой энергией и здравым умом, которые он черпает в глубоком религиозном чувстве». Из ее высказываний следует заключить, что Солженицын относится к русскому народу с сочувствием и симпатией (особенно если учесть религиозность самого Солженицына, который, как намекает в «Л.Г.» Леонид Прокша, хотел бы слово «бог» писать с большой буквы⁴).

Предвзятость заметки Ларни проявляется с первых же строк, в которых содержится упрек автору «Августа» в том, что он не опубликовал свою книгу на родине. Трудно поверить, что Ларни, наш близкий сосед, бывавший в СССР, настолько незнаком с обстоятельствами, о которых взялся печатно судить.

Далее финский писатель утверждает, что «враги Советского Союза искали и нашли в романе Солженицына четырех тузов для своего политического покера». Первым тузом, по его мнению, является такой: «Царская Россия была просто идеальным государством». Леонид Прокша в статье, названной им «По какой России плачет Солженицын», дает понять, что Солженицын плачет по царской России. Прокша намекает даже, что Солженицын является сторонником написания с большой буквы не только слова «бог», но и «царь». Как видим, высказывания финского и белорусского писателей очень близки по смыслу. Это надо считать естественным, так как Прокша «Августа» не читал, а статья его является откликом на выступления Ларни и Штюц.

Если же обратиться к статье Романовского, то увидим, что мнение его по этому вопросу противоположно. Вот что пишет этот автор: «Утрированное, удручающее описание боев в Восточной Пруссии, которое лежит в основе «Августа Четырнадцатого», преследует очевидную цель — это самый важный пункт обвинения, которое Солженицын бросает неограниченной монархии». Далее Романовский выражается еще определеннее. «Все содержание книги кричит: монархия не могла направить развитие страны по надлежащему... пути и уже за это заслуживает самого сурового осуждения». Если прав Романовский, то Ларни в самом деле может быть уличен в клевете или, по крайней мере, в дезинформации. Но, как я уже отмечал, он принял меры безопасности, и обвинить его в том, что он смошенничал, подбросив Солженицыну своих тузов, не так-то просто. Строго говоря, он ведь писал не о Солженицыне, а о врагах Советского Союза, которые «искали и нашли в романе Солженицына четырех тузов...». В случае чего Ларни имеет возможность пояснить, что сам он этих тузов не находит.

Однако и статья Ежи Романовского не внушает доверия, несмотря на многочисленные цитаты, содержащиеся в ней. Ведь обилие цитат еще не доказывает добросовестности цитирующего. Достаточно сослаться на про-

пагандистские китайские статьи, обильно сдобренные ленинскими высказываниями.

Не могу я поверить этому Ежи Р., что «тяжелые страницы истории (России. — Авт.)... для Солженицына... являются поводом для издевки над всем русским». В такой метаморфозе с автором «Матрёниного двора» и «Захара Калиты» не убеждает меня приведенная Романовским цитата: «И как при таком богатстве мог покуситься Вильгельм на русскую нашу дрань?.. Почтительный страх вызывало одно только благоустройство не русское» и т.д. Что в этой цитате издевательского? Даже во время последней войны солдаты и офицеры наши удивлялись тому, что видели в Германии: в деревнях прекрасные каменные дома, крытые черепицей; около домов — мастерские, прекрасно оборудованные; полная электрификация и т.д. А леса, похожие на образцовой чистоты парки? А железные дороги с вечными металлическими шпалами вместо знакомых деревянных? Много вызывало изумление. А что не было «почтительного страха», так ведь нужно учесть разницу между поголовно грамотными нашими солдатами в 1945 году и наполовину неграмотными в 1914; нужно учесть, что в 1914 году война лишь начиналась, а в 1945 война уже кончалась, мы успели возненавидеть врага и почувствовать себя победителями.

Романовский сообщает, что описание «неудачного наступления царской армии в Восточной Пруссии в августе 1914 года... составляет основное содержание романа», и приводит слова Солженицына, что в своей книге он держится «к истории ближе, а от романистов подальше». Понятно, что такая книга должна быть заполнена описаниями диспозиций, перемещений, наименованиями воинских частей, географическими названиями, датами и даже часами событий. Конечно, такой роман читать труднее, чем детектив, и иной читатель может запутаться. Марина Штюц по этому поводу пишет: «...и так же, как потеряли ориентацию сами генералы, так теряет ее и читатель, не искушенный в военном деле...» Я согласен ей поверить в этом. Конечно, автор должен был принять возможные меры, чтобы читатели его романа путались как можно меньше в неизбежных для такого повествования деталях описания военных действий. С этой точки зрения следующая фраза Романовского должна была бы быть расценена как похвала Солженицыну: «Для того чтобы читатель не заблудился, странствуя с войсками по незнакомой земле, к роману приложены две карты местности, на которой происходили битвы, а динамику событий представляют кроме того главы с педантичными обозначениями дислокации и походов войск». Но как бы спохватившись, что хвалить-то нельзя, Ежи Р. вслед за этим высказывает странное, но облеченное в категорическую форму предположение: «Все это, естественно, рассчитано на то, чтобы ошеломить наивного читателя».

Я думаю, что последнее высказывание Ежи Р. с большим успехом может быть отнесено к его собственной статье. Мне думается, что лишь наивный

читатель не обратит внимания на то, что в одном месте Ежи Р. пренебрежительно пишет об использовании Солженицыным «самых популярных источников», а в другом, где выгодно иное предположение, утверждает, что «по характеру изложения видно, что он пользовался кое-какой военной литературой и, несомненно, трудом Иссерсона» (изданным почти полвека назад Управлением по исследованию и использованию опыта войны штаба РККА).

Может быть, такой читатель поверит, что «наиболее положительной в романе является... семья... Томчаков». Я в это поверить не могу. Уж слишком очевидно ироническое отношение Солженицына к Роману Томчаку в приведенных Романовским для доказательства отрывках.

Не буду останавливаться на прочих высказываниях Ежи Р., вызывающих серьезные сомнения. Но к одному из них не могу не привлечь внимания.

Разве не является обычным в художественной литературе прием, при котором автор дает читателю взглянуть на события глазами участвующих в нем лиц? Разве это не помогает выяснению психологических характеристик этих лиц и мотивов их поведения? Поразительно, что подобный прием, использованный Солженицыным для объяснения, «за что билась немецкая 8-я армия в августе 1914 года», послужил поводом для самых гневных против него обвинений. «Страшно и кощунственно звучат слова Солженицына, — пишет Ежи Р. — Услышали бы их польские и советские солдаты, которые лежат в этой земле...» Далее, приписав Солженицыну еще и «глумление над теми, кто погиб, чтобы мы могли жить», Романовский пишет: «...советские воины Великой Отечественной войны, польские солдаты лицом к лицу встречали наглого врага и не сдавались... Почему же человек, живущий в стране, спасенной подвигами... известных и неизвестных героев, капитулирует перед немецким милитаризмом?»

Это уже не разбор литературного произведения, [что] Ежи Р. обещал заголовком своей статьи. Романовский перешел на личность автора «Августа». Противопоставляя его воинам Великой Отечественной войны, поляк рассчитывает, конечно, на полную неосведомленность своих читателей. Но даже скромнейшие сведения о Солженицыне, не так давно (26 июня 1968 года) сообщавшиеся в «Л.Г.», не оставляют сомнений в том, что во время Великой Отечественной войны командир батареи Солженицын честно шел в одном строю с теми, «кто погиб, чтобы мы могли жить». Надо все-таки полагать, что награды, которых он был удостоен, давались не тому, кто отворачивал от врага лицо и «капитулировал перед немецким милитаризмом». Да, солдаты, которые лежат в советской и польской земле, уже ничего не услышат. Но те, кто вместе с Солженицыным воевал за нее и остался жив, могут прочесть творение сотрудника католического еженедельника и подивиться его наглости.

Перехожу к статье Феррари. Самое интересное в ней — объяснение причины, по которой в СССР не печатают Солженицына. «В Советском Союзе, — пишет автор, — в принципе не публикуются никакие произведения,

призывающие к замене существующего социалистического строя другим». Это, конечно, верно. Но все-таки Феррари плохо знает наши порядки. Иначе бы он должен был сказать и о том, что авторы подобных произведений прямо подпадают под статьи уголовных кодексов. Правда, тогда Феррари оказался бы в трудном положении: ему пришлось бы объяснить итальянцам, почему же не судят Солженицына открытым и честным судом, или же отказаться от оценки его произведений как антисоветских, призывающих к замене существующего строя. Феррари не знает (или делает вид, что не знает) статьи 70 УК РСФСР и может не задумываться над этими вопросами. А как решить их советским читателям его статьи? Я думаю, что решение должно быть принято в пользу Прокуратуры СССР, т.е. надо полагать, что книги Солженицына не содержат незаконных призывов. Да и может ли беспристрастный прокурор следовать примеру итальянца и считать «Раковый корпус» криминальным на том основании, что один из персонажей повести «заявляет, будто общество и государство должно основываться на “моральных принципах” и ссылается при этом на философию В. Соловьева»? Если Феррари не отыскал в книге ничего более преступного, то становится понятной борьба некоторых писателей в 1968 году за ее публикацию. Феррари ведь все-таки признает, что эта повесть, по сравнению с другими работами Солженицына, имеет «больше художественных достоинств».

Из статьи в «Л.Г.» от 26.6.68⁵ можно понять, что В. Каверин даже написал «открытое письмо» в защиту «Ракового корпуса», но в «Л.Г.» само это письмо не напечатано. А жаль. Не сомневаюсь, что нашим читателям интереснее было бы познакомиться с мнением Каверина, чем Феррари. Во-первых, Каверин наверняка более компетентен в этом вопросе. Во-вторых, в отличие от Феррари, Каверин хорошо известен нашему читателю, его любят и уважают. Его «открытое письмо» не напечатано не случайно, так же как не случайны подобранные в статье Феррари выражения, под внешней бесспорностью которых спрятана ложь по существу. Судьба «открытого письма» закономерна, ибо Феррари обманывает итальянского читателя, заявляя, что в СССР «продолжается обсуждение» работ Солженицына. Обсуждения нет, есть подобие осуждения, потому что высказываться можно лишь «против». Но и настоящего осуждения нет, так как высказывающиеся читали не Солженицына, а лишь мнения Ларни, Штюц, Феррари и т.п. авторов.

Заканчивая этот краткий анализ, я сознаю, что очень многое следовало бы добавить. Но думаю, что и сказанного уже достаточно, чтобы можно было, используя музыкальную терминологию Феррари, сделать следующий вывод: «“Литературная” и некоторые другие газеты поставили о Солженицыне лживый спектакль. Для придания ему хоть какой-нибудь убедительности музыку для хора осуждающих постановщики заказали за границей».

⁵ [Ред.]. Идеиная борьба: Ответственность писателя // Лит. газ. 1968. 26 июня. С. 5.

В 1988 году Александр Сергеевич Бутурлин написал письмо в редакцию газеты «Книжное обозрение»:

«Многоуважаемые товарищи!

Пожалуйста, примите сами и передайте Елене Чуковской благодарность за ее публикацию «Вернуть Солженицыну гражданство СССР» («К.О.» 1988 г. № 32).

Присоединяюсь к предложению отменить несправедливое решение, принятое в отношении Солженицына в 1974 году. Он не только высокоталантливый писатель, но и мужественнейший патриот, которым вправе гордиться наш народ.

Развевать завесу клеветы вокруг его имени помогла бы публикация такого выдающегося документа, как письмо А.И. Солженицына делегатам IV съезда писателей СССР в 1967 году. Мне посчастливилось слышать это обращение из уст автора. Он огласил его по просьбе слушателей на своей последней массовой встрече с читателями, которая произошла в день открытия съезда.

С глубоким уважением

Бутурлин Александр Сергеевич
подполковник-инженер в отставке

12 августа 1988»

Ответ пришел 19 сентября 1988 за № 20506. В нем всего три фразы:

«Глубокоуважаемый Александр Сергеевич! Очень признательны Вам за поддержку. Она не имеет цены...»

Г. Кузьминов, ст. корреспондент «КО»

Еще раз к этой теме Александр Сергеевич вернулся в 1990 году, после публикации в «Книжном обозрении» статьи Ст. Лесневского «Верните совесть на родину». Бутурлин направил в редакцию газеты письмо следующего содержания:

«Благодарю редакцию и Ст. Лесневского за статью “Верните совесть на родину” (“КО” № 12, 1990 г.).

Неправедная власть боялась влияния честных и бесстрашных слов А.И. Солженицына на одурачиваемый народ. Великий сын нашей страны был оклеветан, лишен гражданства и насильно вывезен за границу.

Теперь к власти пришли новые люди, раскрывшие глаза народу. Мы знаем, что имена А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына — синонимы неподкупной совести и благородства. Поколения людей будут воспитываться на примерах их жизненного подвига. Мы не можем не гордиться тем, что они — наши соотечественники.

А.Д. Сахаров был возвращен из ссылки не по его просьбе, а потому что в стране начался процесс восстановления справедливости, превращения в правовое государство. Без их просьбы вернули советское гражданство М.Л. Ростроповичу и Г.П. Вишневской. Почему А.И. Солженицын должен просить о возвращении гражданства, тем самым признавая, что он был в чем-то виновен перед нашей страной? Справедливее было бы нам просить, чтобы он простил нашу вину перед ним.

Но реально обстоятельства диктуют иное. Наше руководство просто должно отменить старый, позорящий нас на весь мир Указ о лишении А.И. Солженицына советского гражданства. Ведь для того, чтобы исправить свои ошибки, не требуется ничего, кроме их осознания и желания поступать по совести. Если же какие-то законоположения этому мешают (что сомнительно, о чем свидетельствует пример с Ростроповичем и Вишневской), то их надо отменить.

Не формальные просьбы, чьи бы то ни было, а достоинство нашего народа и государства требуют возвращения великому сыну отечества его природного гражданства.

С глубоким уважением,

подполковник в отставке
А. Бутурлин

24 марта 1990 г.»

Ответ из «Книжного обозрения» пришел 29 марта 1990 года за № 10340.

«Уважаемый т. Бутурлин! Благодарим за поддержку. Надеемся, что она будет массовой со стороны читателей. И тогда с вашего разрешения используем ваше письмо в общем обзоре почты. Еще раз благодарим. С уважением С. Спиридонова».

Могу добавить, что Александр Сергеевич хранил вместе с автографами Солженицына и вырезками из газет с заметками о возвращении писателя с семьей на родину его фотографии и фотографию Наталии Дмитриевны с маленьким Ермолаем на руках — подарок Екатерины Фердинандовны Светловой в июне 1971 года.

Однажды и мне повезло близко увидеть Солженицына и пожать ему руку.

26 октября 1970 года мы с мамой куда-то отправлялись на метро от станции «Октябрьская» кольцевая. Разговаривали, стоя на эскалаторе. Вдруг мама зашептала: «Солженицын», указывая глазами на эскалатор справа от нас. Я увидела широкую спину мужчины в темной одежде, спокойно спускающегося по ступенькам. Мы побежали вниз.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

К этому времени я уже читала всю самиздатовскую литературу, появляющуюся у родителей, знала историю знакомства моего отца с Александром Исаевичем.

Солженицын направился к платформе слева, откуда поезда идут в направлении станции «Добрынинская». Вошли в вагон. Александр Исаевич сел справа от двери, а мы с мамой напротив. Я во все глаза смотрела на него, не думая о том, как неприятен может быть неотрывный взгляд незнакомого человека, даже если этот человек двадцатилетняя барышня. Не помню, что было в руках у Солженицына и было ли что-нибудь. Я сразу заметила покалеченный палец на его правой руке. Александр Исаевич дважды, как мне показалось, несколько настороженно и мрачновато взглянул на меня. К этому времени уже состоялось его исключение из СП СССР, начались новые неприятности в связи с решением Нобелевского комитета от 8 октября 1970 года о присуждении Солженицыну премии по литературе за этот год. Могло ли у него быть спокойно-беззаботное выражение лица?

На станции «Добрынинская» место слева от Солженицына освободилось, мама села с ним рядом, а я встала около нее. Наклонившись к уху Александра Исаевича, мама тихонько поздравила его с Нобелевской премией и назвала нашу фамилию. Александр Исаевич поблагодарил, пожал нам руки и передал привет моему отцу. На следующей станции мы с мамой вышли из вагона.

Точную дату состоявшейся встречи я смогла указать благодаря папиной записи в дневнике после нашего рассказа.

19 марта 2018, Москва

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ПРЕМИЯ 2017¹

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына 2017 года решением жюри от 2 марта 2017 года присуждена Владимиру Петровичу Енишерлову за тридцатилетнее руководство журналом «Наше наследие» со дня его основания; за огромную культурную и просветительскую работу по разысканию и изданию забытых произведений русской словесности и философской мысли; за высококлассные экспертные усилия в деле спасения и сохранения музеев, исторических, архитектурных и природных памятников.

Павел Басинский

Борис Любимов

Виктор Москвин

Валентин Непомнящий

Людмила Сараскина

Александр Солженицын

Наталья Солженицына

Церемония награждения

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

27 апреля 2017

Ведущая: Н.Д. Солженицына

Выступления: В.А. Москвин, Л.И. Сараскина, А.В. Кибовский,

Н.М. Михайлова, И.П. Золотусский

Ответное слово: В.П. Енишерлов

¹ Об истории Литературной премии Александра Солженицына и ее лауреатах за 1998–2012 годы см.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 251–302; о премиях за 2013–2016 годы см. соответственно: Там же. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 237–252; М., 2014. Вып. 3. С. 181–201; М., 2015. Вып. 4. С. 138–152; М., 2016. Вып. 5. С. 224–248. — *Ред.*

Н.Д. Солженицына, член жюри (из вступительного слова):

...Впервые мы вручали нашу премию в 1998 году, сегодня мы делаем это уже 20-й раз, 20-й год подряд. 20 лет — это все же некоторый юбилей, и мы решили отметить его признанием заслуг рыцаря русской культуры, защитника и радетеля ее исторических памятников, писателя, литературоведа, редактора, уже 30 лет возглавляющего знаменитый журнал «Наше наследие», — Владимира Петровича Енишерлова. <...>

За прошедший год нас постигли две горькие потери — в мае 2016-го не стало члена жюри, нашего дорогого многолетнего друга, знаменитого издателя, директора «ИМКА-Пресс», парижского профессора Никиты Алексеевича Струве². В «Телёнке» Александр Исаевич рассказывает о встрече с ним на третий день после высылки из СССР: «С ним встретились сразу очень тепло: такой сразу близкий, понятный, чего бы ни коснулись, — хотя он всю жизнь эмигрант, а я всю жизнь советский. <...> Русскими делами Н.А. был заинтересован глубочайше, пристально. Отсюда и начались наши годы и годы совместной издательской работы и дружбы»³.

Совсем недавно, в начале марта, ушел замечательный литературовед Сергей Георгиевич Бочаров. Десять лет назад, в 2007 году, наше жюри остановило свой выбор на Сергее Бочарове и предложило такое обоснование:

«За филологическое совершенство и артистизм в исследовании путей русской литературы; за отстаивание в научной прозе понимания слова как ключевой человеческой ценности».

Сергей Бочаров считал филологическое исследование «продолжением самой литературы, необходимым ей для самопонимания». А сама филология — «служба понимания», по слову Аверинцева, — призвана служить пониманию не только литературного текста, но и шире — смыслов, присущих бытию.

В.А. Москвин, член жюри:

Дорогой Владимир Петрович, дорогие друзья! Сегодня, когда у нас есть возможность прочитать уже 121-й номер этого великолепного журнала, где содержание так гармонирует с формой, хочется вспомнить о феномене создания «Нашего наследия», ставшего одним из символов перемен, начавшихся в Советском Союзе с перестройкой. Советский фонд культуры, которым руководили Дмитрий Сергеевич Лихачев и Раиса Максимовна Горбачева, был организован как противовес чиновничье-бюрократическому идеологическому руководству в духовной жизни страны. Абсолютно новая организация, сразу заслужившая доверие тысяч наших соотечественников как в стране, так и за рубежом. «Проблемы, стоящие перед Фондом, огромны, — писал в 1988 году

² Материалы «Памяти Никиты Алексеевича Струве (1931–1916)» см.: Солженицынские тетради. М., 2016. Вып. 5. С. 274–311.

³ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 591.

инициатор создания «Нашего наследия» Дмитрий Сергеевич Лихачев в предовице первого номера журнала, — и главная задача фонда — спасти духовно бессмертное от материальной смерти. Собирать, осваивать, сохранять. Собирать, то есть оказывать помощь коллекционерам и в собирании, и в устройстве их коллекций в музеях, библиотеках, устанавливать сам факт наличия тех или иных культурных ценностей. Осваивать, то есть способствовать тому, чтобы люди знакомились с культурными ценностями, получали от них уроки красоты, мудрости, уважения к предкам, знания истории (истории культуры прежде всего) — учились. Сохранять, то есть реставрировать, проводить консервацию, восстанавливать, помещать в музеи»⁴. Именно этому возвращению подлинной русской культуры, включая и огромный массив наследия русского зарубежья, возникший перед обществом как какой-то град Китеж, и посвятил свою работу журнал «Наше наследие».

Первый номер вызывал культурный шок. Еще держалась советская власть, а читатели могли взять в руки издание, где были опубликованы материалы о Павле Флоренском и Николае Гумилеве, статья Ильи Зильберштейна о первом в мире музее частных коллекций, заметки о создании музея династии Бенуа в Петродворце, письма Чаадаева, рассказ о находке неизвестного портрета работы Левицкого. Все это было представлено в прекрасном полиграфическом исполнении. Статьи, посвященные иконописи и православным традициям, материалы о разрушенных церквях и усадьбах, произведения Мандельштама, Ахматовой, Ходасевича, Цветаевой, Набокова, Бердяева, Федотова и многих других продолжали появляться на страницах «Нашего наследия». Сразу был взят курс на издание, синтезирующее разные жанры. Здесь наряду с литературными исследованиями были статьи по искусствоведению, по истории творчества великих русских композиторов, материалы о трагедии и триумфе русской архитектуры XX века. Недаром «Наше наследие» и по сей день называют визитной карточкой русской культуры. Конечно, сейчас мы хорошо понимаем, что журнал продолжил прерванную на 70 лет традицию издания лучших русских литературно-художественных журналов — «Мир искусства», «Аполлон», «Старые годы», «Золотое руно». В редакционной статье к первому номеру «Аполлона» в октябре 1909 года редактор Сергей Маковский так формулировал задачу журнала: «Во имя будущего необходимо ограждать культурное наследие. Отсюда — непримиримая борьба с нечестностью во всех областях творчества, со всяким посяганием на хороший вкус, со всяким обманом — будь то выдуманные ощущения, фальшивый эффект, притязательная поза или иное злоупотребление личинами искусства»⁵. Говоря о преемственности — эту линию 30 лет продолжает и «Наше наследие».

⁴ Лихачёв Д.С. Память преодолевает время // Наше наследие. М., 2013. № 108.

⁵ Маковский С. Вступление // Аполлон. М., 1909. № 1.

В самые трудные времена журнал никогда не отказывался от своей принципиальной установки: рассказ о выдающихся достижениях русской и мировой культуры должен быть подан читателям в самом достойном обрамлении. В связи с этим нельзя не отметить верного рыцаря журнала, его главного художника с первого номера Александра Алексеевича Рюмина. Классическое оформление вовсе не требует консерватизма. На страницах журнала соседствуют Репин и Фальк, Тышлер и Маковский, Малевич и Пластов, Хлебников и Есенин, авангард и живопись русского реализма. Книги футуристов, произведения художников, долгие годы бывших в загоне при советской власти, сменяются шедеврами русской иконописи или материалами о музеях русской провинции. Тема наследия российских регионов — одна из магистральных в журнале. И почти каждый из тысячи опубликованных материалов — открытие. Требования к публикациям очень серьезные, материал должен быть тщательно подготовлен и снабжен исчерпывающими комментариями. Их готовят, как правило, лучшие специалисты в своей области. Очень трудно среди моря публикаций, вышедших в журнале за 30 лет, выделить что-то особенно дорогое. И все-таки я как директор «Русского пути», выпустившего самое полное издание «Чукоккалы», вспомню публикацию тайных страниц легендарного альманаха, подготовленную незабвенной Еленой Цезаревной Чуковской (тоже, кстати, лауреатом Солженицынской премии). И конечно, нельзя не вспомнить издание материалов из архива Солженицына, завершавшее этапный для редакции 100-й номер.

«Наше наследие» — это не только журнал. Редакция в своем старинном особняке архитектора Дельсаля в доме у Садового кольца давно и прочно стала одним из самых известных и самых любимых культурных очагов Москвы. Здесь постоянно проходят выставки, на них можно увидеть и картины мастеров, которые не могли по понятным причинам показывать свои произведения в годы идеологического диктата, и фотовыставки, посвященные старинным усадьбам и храмам или современным деятелям культуры, как, к примеру, Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и Тонино Гуэрра. Среди сотен экспозиций, состоявшихся в стенах редакции, нельзя не вспомнить несколько выставок скульптора Дмитрия Шаховского, автора памятника на могиле Александра Исаевича Солженицына в Донском. Учрежденная редакцией журнала Литературная премия имени Александра Блока, присуждаемая за исследования и публикации, посвященные историко-культурному наследию, стала одной из самых престижных литературных наград в нашей стране. Самые достойные литературоведы и историки искусства, говоря о которых, так хочется привести слова Марины Цветаевой: «Уходящая раса, спасибо тебе!» — были удостоены этой престижной награды. Учредил журнал и премию имени Дмитрия Сергеевича Лихачева, она вручается за заслуги в сохранении культурного наследия, и этой награды был, в частности, удостоен большой друг нашего Дома Сигурд Оттович Шмидт. И здесь я хотел бы

также отметить борьбу Владимира Петровича за создание музея академика Лихачева. Благодаря в том числе и «Нашему наследию» в Москве появилась Библиотека-музей Гоголя.

Здесь, в Доме русского зарубежья, уместно с глубокой признательностью отметить огромную роль, которую сыграла редакция журнала в деле возвращения в Россию наследия русского зарубежья. Это большие архивные комплексы Бунина, Алданова, главнокомандующего русской армией генерала Алексеева, автографы Зинаиды Гиппиус, Сергея Рахманинова, Марины Цветаевой, в Россию вернулись письмо Пушкина, автографы Тургенева и целого ряда других выдающихся деятелей культуры и науки России. Благодаря «Нашему наследию» тома и тома книг, изданных как до революции, так и в изгнании, пополнили фонды библиотек нашей страны. «Наше наследие» подтверждает свой высокий издательский статус не только самим фактом существования этого блистательного журнала, но и выпуском книг, многие из которых стали событиями. Как не вспомнить «Берлинский дневник (1940–1945)» Марии Васильчиковой, замечательные мемуары генерала Епанчина «На службе трех императоров», альбом «Серебряный век в фотографиях А.П. Боткиной». Большой резонанс имела также недавно изданная книга Адриана Васильевича Рудомино «От дымовой завесы до Библии Гутенберга», воспоминания военных лет. «Наше наследие» — не просто журнал, это замечательный очаг русской культуры, сумевший не погаснуть в трудные годы и сыгравший огромную роль в деле просвещения и сохранения духовного богатства России. Спасибо!

Л.И. Сараскина, член жюри:

Уважаемые гости! Дорогие друзья! Жюри поручило мне прокомментировать третий пункт нашей премиальной формулы, а именно: Литературная премия Александра Солженицына присуждается Владимиру Петровичу Енишерлову «за высококлассные экспертные усилия в деле спасения и сохранения музеев, исторических, архитектурных и природных памятников».

Репутация журнала «Наше наследие» — это репутация такого дела и такой деятельности, которые не изменяют себе даже тогда, когда меняется все вокруг. Изначальное решение издателей «Наследия» выпускать «синтетический» журнал, в котором были бы представлены литература и философия, живопись и архитектура, театр и музыка, с серьезным содержанием, современным дизайном и образцовым полиграфическим исполнением, — это решение во многом определило и характер служения Владимира Петровича отечественной культуре. Оно, это служение, тоже и объемно, и синтетично, и многопрофильно — ибо спасение гигантского культурного пласта, созданного предками, сохранение русской культуры как бесценной части мировой цивилизации требует от спасателя, кем и стал Владимир Петрович, много разных умений и разных усилий.

Речь ведь идет не только о публикациях, не только об издательской программе журнала или о многочисленных выставках работ современных художников из частных собраний, не только даже о доме архитектора Петра Дмитриевича Дельсаля в 1-м Неопалимовском переулке, который стал резиденцией журнала. Речь идет о спасении памятников архитектуры и природы, то есть о работе с вечностью и для вечности.

Точно так же как «Наше наследие» спасло свой замечательный дом от запустения и разрушения, добившись для него охранный грамоты, журнал принимал самое активное участие в спасении еще одного драгоценного пространства на литературной карте России — усадьбы Александра Блока Шахматово, которую справедливо называют духовной родиной поэта.

Блок нежно и беззаветно любил Шахматово. Это был для него блаженный край, уголок рая неподалеку от Москвы. Здесь было написано около трехсот стихотворений, не считая статей, писем, дневников, заметок в записных книжках. Блок был впервые привезен в Шахматово в шестимесячном возрасте, бывал здесь ежегодно — в течение тридцати пяти лет из прожитых сорока с небольшим.

Сначала разграбленный, а потом и подожженный крестьянами дом сгорел дотла в 1921 году. «Отчего я сегодня ночью так обливался слезами в снах о Шахматове?» — записал он в своем дневнике. Поэт был потрясен, когда увидел свой чудом спасенный архив со следами сапог и копыт. Владимир Солоухин, одним из первых навестивший этот запустелый блаженный край, размышлял в очерке «Большое Шахматово», что значила для Блока эта утрата.

«Будто бы он говорил своим друзьям: “Туда ему и дорога” и еще: “Поэт ничего не должен иметь”. Надо знать гордость этого человека, его мужество, чтобы понять, почему он не плакался, как говорится, друзьям в жилетку по поводу утраты Шахматова, а так вот сухо и твердо ответил: “Туда ему и дорога”. Гораздо больше об истинном отношении к утрате говорит коротенькая пометка в записной книжке: “Снилось Шахматово: а-а-а...” Что такое здесь это “а-а-а...”, на что больше всего похоже? Я долго старался представить себе это “а-а-а...” в его натуральном виде, в голосе, в степени громкости, протяженности и пришел к тому, что больше всего это похоже на крик внезапно раненного человека»⁶.

Только спустя полвека после разорения усадьбы советская писательская общественность стала думать о том, можно ли залечить раны великого поэта. Однако когда в конце 1960-х любители поэзии стали ездить в заповедные блоковские места, они обнаружили, что никто толком не знает, где был сад, где был пруд, где был легендарный дом с мезонином, где был флигель — все потеряло свои прежние контуры и былем поросло.

⁶ Солоухин В. Большое Шахматово // ЛитЛайф — литературный клуб. URL: <http://litlife.club/br/?b=70626> (дата обращения: 27.08.2018).

В мае 1918 года Александр Блок, отвечая на вопрос одной анкеты — что следует делать сейчас русскому гражданину, ответил как художник: «Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда уже не будет»⁷.

Если понимать высказывание поэта буквально, а не только в его высоком историософском смысле, художники нашего времени должны были ответить себе на вопрос: того Шахматова, того Боблова, того Тараканова, которые были, не будет больше никогда? и лучше оставить свято место пустым? или все же попытаться их вернуть, возродить вместе со страной?

Художники слова ответили: святу месту пустым не бывать. Ведь и до создания музея разоренная усадьба служила местом паломничества знатоков и поклонников Блока. Разграбленное и сгоревшее дотла место все эти десятилетия так или иначе существовало в памяти, в строчках стихов, а значит было живо и ждало того часа, когда ему будет придан материальный, зримый облик.

С 1970 года в Шахматове в начале августа проходят ежегодные праздники поэзии. Музей-заповедник был создан в 1981 году, заповедная территория площадью 307 га включила территорию усадьбы Шахматова и села Тараканово, где в церкви Михаила Архангела Александр Блок венчался с Любовью Менделеевой. В августе 2001 года музей открылся и принял своих первых гостей в главном доме поместья. В 2011 году в состав Государственного мемориального музея-заповедника Д.И. Менделеева и А.А. Блока вошел и музей «Боблово».

Публикации В.П. Енишерлова — сначала в «Огоньке», позже в «Нашем наследии», — как и статьи других литераторов, которые били в одну точку, привели к реальному результату. Понадобилось тридцать лет, чтобы заповедная блоковская территория воссоединилась, обновилась и задышала.

Отвечая несколько лет назад на вопросы газеты «Информпространство», Владимир Петрович заметил: «Конечно, и у Шахматова, и у пушкинского Михайловского, и в Ясной Поляне, и в Муранове, и в других литературных гнездах много проблем, рожденных нашим временем. И главное — это проблема земли. Окружающие музеи-заповедники земли, конечно, необычайно привлекательны для новых русских, “братков”, пацанов etc. Как хорошо поселиться, например, в “шикарном” коттедже за семиметровым забором с вышками для охранников, как в привычной издавна зоне, вблизи Шахматова или Михайловского, стать соседями Пушкина или Блока, жарить на поляне близ усадеб шашлыки, “оттягиваться по-культурному”, оставляя после себя груды мусора и грязи. А тех, кто противится такой экспансии, кто протестует против “добросовестных покупателей” земель в охранных зонах му-

⁷ Блок А.А. <<Что сейчас делать?>> // Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1971. Т 5. С. 449–450.

зеев-заповедников, и приструнить можно. И если кто-то всерьез верит, что минувшим летом (речь о лете 2006 года. — Л.С.) Мураново сожгла шаровая молния, то он или наивен, или плохо знает наши порядки. Вокруг холмов близ усадьбы Баратынского — Тютчева долго шла борьба, а затем случился этот пожар, надолго ввергнувший недавно отреставрированное Мураново в новую реставрацию»⁸.

Енишерлов предлагает кардинальное решение земельного вопроса для культурных музеев-заповедников в России — провести земельную реституцию и специальным законом вернуть в собственность те земли, которые принадлежали владельцам усадеб и были насильственно отобраны в годы революции.

«Наше наследие» серьезно обеспокоено также и судьбой арбатских и пречистенских переулков, которые застраиваются неуместными здесь огромными зданиями. Енишерлов пишет о варварской жестокости по отношению к старой Москве и глухом бескультурье — пишет гневно, адресно. Возле двухэтажного особняка, занятого консульством Австрии, сооружен модуль-накопитель для добывающих визы граждан. «Я не знаю, какой болван в московских властях или районной управе дал разрешение на это варварство, но ведь австрийцы — культурный европейский народ, и их представители должны бы понимать, что в самом центре старой Москвы нельзя сооружать подобные стеклянно-металлические загоны. Я бы хотел посмотреть на этих умельцев-строителей, если бы они в самом центре своей прекрасной Вены посмели соорудить что-то подобное, даже притом, что какой-то муниципальный венский чиновник, сойдя с ума, разрешил совершить это кощунство по отношению к своей столице...»⁹

Борьба за гоголевские места в Москве, битва с Министерством обороны за передачу Провиантских складов на Зубовском бульваре Музею истории Москвы, яркие выступления против строительства высотного монстра Газпрома на Охте, кощунственного замысла, грозившего уничтожить знаменитую петербургскую горизонталь — «небесную линию города на Неве» — это далеко не все экспертные и гражданские усилия «Нашего наследия», увенчавшиеся победой.

Несколько лет назад редакцией журнала совместно с телекомпанией «Голдмедиум» был создан цикл из восьми телевизионных фильмов, посвященных историко-культурному наследию России — их показал телеканал «Культура». В основу фильмов легли материалы, публиковавшиеся в журнале в разные годы. Это прежде всего сюжет о созданном в XIX веке бароном Генрихом Людвигом Николаи парке Монрепо, который в советское время

⁸ Енишерлов В. Цензура вкуса — или диктат золотого тельца // Наше наследие: историко-лит. ж-л. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/001000.php (дата обращения: 27.08.2018).

⁹ Там же.

был переименован в парк культуры и отдыха имени Калинина, некрополь его разорен, останки семьи барона утоплены в ближних водах. Дмитрий Сергеевич Лихачев, полагавший, что просвещать могут не только книги, но также сады и парки, взялся в свое время за спасение Монрепо от полного исчезновения.

В цикле — интереснейшие кинорассказы о блоковском Шахматове, об острове Новая Голландия, волнующий сюжет «Гроза над русским Версалем» — о подмосковной усадьбе Архангельское и мучительной тревоге за нее. «Ее землями владеют несколько хозяев, и желания у каждого свои. Музей мечтает восстановить Архангельское в былой красе, остальные — продать свои земли подороже»¹⁰. Одновременно с фильмом «Наше наследие» опубликовало в 2012 году статью В.П. Енишерлова «В Архангельском гаснет факел жизни». «Как бешеные псы вцепились в юсуповские земли всякого рода проходимцы, рожденные великой криминальной революцией, — ризиторы, инвесторы, чиновники красногорской администрации Московской области, большезвездные генералы и иные деятели Министерства обороны... Как устоять под этим натиском невесть как разбогатевших субъектов, способных платить сотни и сотни миллионов за драгоценную землю?»¹¹

Кажется, усилия журнала в борьбе с косностью, алчностью, местничеством были вознаграждены. Сегодня СМИ сообщают: «Музей-усадьба Архангельское готовится отметить свое столетие. И впервые дворцово-парковый ансамбль ждет полная реставрация. Несколько лет назад излюбленное место отдыха российских императоров едва не застроили элитными коттеджами — предприимчивые дельцы планировали отрезать от территории значительную часть земли, но в последний момент русский Версаль удалось спасти»¹².

Возвращаясь к киноциклу, нельзя не назвать с благодарностью очерк о французе Д'Авиньоне, снявшем в Сибири дагерротипные портреты ссыльных декабристов, этюд о врачах-коллекционерах, собиравших работы нуждающихся художников.

Особо надо сказать о литературной изюминке цикла — о фильме «Жизнь после Пушкина», созданного по мотивам одноименной книги писательницы Татьяны Рожновой и посвященного судьбе Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской. Была ли Наталья Николаевна ангелом-хранителем поэта или его злым гением? Почему так жестко о ней отзывалась Анна Ахматова? А Марина Цветаева определяла ее как роковую женщину, то пустое место, вокруг

¹⁰ Гроза над русским Версалем // Наше наследие. URL: http://www.nasledie-rus.ru/projects/video_online.php#groza_nad_russkim_versalem (дата обращения: 27.08.2018).

¹¹ Енишерлов В.П. В Архангельском гаснет факел жизни // Наше наследие. 2012. № 101; URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10117.php> (дата обращения: 27.08.2018).

¹² Возрождение русского Версаля: Архангельское готовится к 100-летию // Россия-1. Вести. URL: <http://arhangelskoe.su/news/press/vozrozhdenie-russkogo-versalya-arkhangelskoe-gotovitsya-k-100-letiyu/> (дата обращения: 27.08.2018).

которого сталкиваются силы и страсти. Отвечает на эти вопросы в картине Андрей Битов, представляя альтернативную точку зрения.

Однако самый драгоценный фрагмент фильма — это встреча вдовы Пушкина с Лермонтовым в доме Карамзиных в апреле 1841 года. «Они говорили целый вечер. Лермонтов признался, что прежде видел в ней холодную красавицу, и только теперь, уезжая на Кавказ, видит ее настоящую и раскаивается в своем прежнем мнении. “Когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и стать когда-нибудь вам другом, посвятить вам ту беззаветную преданность, на которую я чувствую себя способным”»¹³.

Наталья Николаевна увидела, как растаял ледяной покров и почувствовала в признании поэта *победу сердца*.

Как важно, что в фильме прозвучали эти слова. Ведь многие публикации «Нашего наследия», сам выбор материала, благородный ракурс повествования, позиция главного редактора по многим спорным вопросам — это тоже всегда *победа сердца*.

Жюри сердечное поздравляет Владимира Петровича Енишерлова и его журнал с присуждением ему Литературной премии Александра Солженицына.

В добрый путь и многая лета!

А.В. Кибовский, историк, искусствовед, министр культуры Правительства Москвы:

Если позволите, я не буду давать развернутый анализ. После выступивших это уже избыточно. Я вспомню только две свои личные истории, которые могут подчеркнуть ту роль, которую журнал сыграл в жизни многих моих сверстников. В теперь уже далеком 1988 году я, будучи абитуриентом Историко-архивного института, работал почтальоном. Тогда много что выписывали и много что печатали. Каждая московская квартира на моем участке получала где-то по 5 газет и по 3 журнала. Но когда нам впервые привезли «Наше наследие», первый номер, для почтового отделения это был шок. Я-то там был самый молодой, а были женщины, которые работали по 20, по 30 лет. Они ничего лучше «Советского экрана» не видели.

А тут хорошая бумага, глянцевая плотная обложка, качественная печать, такой вроде бы по содержанию русский, а по исполнению совсем не советский дизайн. И тогда, 30 лет назад, появление издания такого уровня в сфере искусства и культуры — это на самом деле стало настоящим прорывом. Я помню свое восхищение. Журнал открывал нам новую реальность. Кроме того, он имел важные системные последствия. «Наше наследие» задало такую высокую планку, что в дальнейшем просто стыдно было делать хуже. Сегодня мы гордимся высочайшим уровнем и полиграфического исполнения,

¹³ Жизнь после Пушкина // Наше наследие. URL: http://www.nasledie-rus.ru/projects/video_online.php#zhizn_posle_pushkina (дата обращения: 27.08.2018).

и содержания многих альбомов и иных посвященных изобразительному искусству изданий. Но надо помнить, что отправной вклад в это внес именно журнал «Наше наследие», первым вставший на столь сияющий путь.

И еще одна история. Прошло 20 лет с того почтового дня. Я уже возглавлял федеральную службу, имевшую очень длинное название и всем градозащитникам известную как Росохранкультура. В сфере сохранения памятников результат не всегда оценивается напрямую, допустим как в строительстве, когда вы можете показать достижения: вот появилась развязка, станция метро, стадион. С охраной наследия ровно наоборот. Главное, чтобы, не дай бог, что-то не появилось уродливое и старина осталась в своей первозданной красоте. Многие помнят ситуацию со строительством небоскреба «Охта-центр» в Петербурге¹⁴. Об этом мы сегодня уже забыли, и слава богу, как я уже говорил. Но в тот момент лично для меня встал вопрос принципиального выбора: занять лично комфортную позицию пассивного непротивления или все-таки найти в себе гражданское мужество и поступить как должно, пусть и со всеми возможными последствиями. В тот непростой момент на нашей стороне была лишь мощная, единоклубная общественная поддержка, публично заявленная в том числе и «Нашим наследием». У Евгения Евтушенко сказано: «Дай Бог всего, но лишь того, за что потом не станет стыдно». И вот исходя из этого принципа, опираясь именно на эту общественную поддержку, мы в Росохранкультуре всё-таки решили идти до конца. В итоге это оказалось единственно верным решением, которое было поддержано руководством страны.

Данная ситуация показывает, насколько важно, чтобы всегда были общественные и профессиональные вехи, по которым в чиновной работе необходимо сверять часы. Ведь такое понятие — «станет стыдно или не станет стыдно» — никаким регламентом никогда не урегулировать. А вот чтение на страницах уважаемых и авторитетных изданий, каким является «Наше наследие», твердых и обоснованных мнений очень многому помогает, в том числе и в практической повседневной работе.

От всей души поздравляю Вас, Владимир Петрович, желаю творческого долголетия и, само собой разумеется, чтобы Ваша аудитория расширялась и наполнялась за счет тех, кто по-настоящему понимает и ценит то наследие, которое раскрывается на страницах Вашего замечательного журнала.

Большое спасибо за Ваш труд и активную жизненную позицию!

¹⁴ «Охта-центр» («Газпром-сити») — проект небоскреба и делового квартала в Санкт-Петербурге. Был заявлен в 2004 году, со сроком завершения в 2016-м. Вызвал бурные протесты горожан, опасавшихся, что строительство высотки в устье Охты, напротив Смольного монастыря, в непосредственной близости от исторического центра испортит панораму Северной столицы. В октябре 2009 года Росохранкультура направила прокурору города заключение, в котором перечислялись нарушения законодательства, допущенные при разрешении на строительство. В конце 2010 года проект «Охта-центр» был отменен. — *Ред.*

Н.И. Михайлова, пушкинист, писатель:

Мое слово будет словом благодарности. Я благодарю Вас, дорогой Владимир Петрович, за то, что на страницах «Нашего наследия», журнала, который уже стал памятником культуры и XX, и XXI века, нашли свое место Пушкин, литература, искусство, культура пушкинской эпохи. Письмо Пушкина к Ваттемару, о котором упоминал Виктор Александрович Москвин, ведь Вы его привезли из Лондона, Вы вернули эту драгоценность в нашу отечественную культуру¹⁵. Я благодарю Вас за то, что Вы в свое время предоставили мне честь опубликовать автограф Пушкина на альманахе Дельвига «Северные цветы»¹⁶. Я благодарю Вас за сотрудничество с московским Музеем А.С. Пушкина. Выставки, собрания нашего музея — обо всем этом всегда публиковались и, я надеюсь, будут публиковаться материалы на страницах руководимого Вами журнала. Мое особенное благодарение — за то, что Вы никогда не забывали почтенного Василия Львовича Пушкина и недавно открытый музей в его доме на Старой Басманной. Особенно ценной является публикация письма Василия Львовича из Москвы к Вяземскому из частного собрания¹⁷. Благодаря этой публикации письмо включено в научный и культурный оборот.

Как сказал Александр Пушкин, «бывают странные сближенья». Мне особенно радостно, что Вы получаете эту высокую награду сегодня, в день рождения «дяди на Парнасе», в день рождения Василия Львовича Пушкина, которому сегодня исполнился 251 год. Да, это действительно замечательно. Я полагаю, что стихи Василия Львовича Пушкина могут быть обращены и к Вам, патриоту своего отечества, ревнителю культуры и ревнителю просвещения:

Не тот к стране родной усердие питает,
Кто хвалит все свое, чужое презирает,
Кто слезы льет о том, что мы не в бородах,
И, бедный мыслями, печется о словах!
Но тот, кто, следуя похвальному внушенью,
Чтит дарования, стремится к просвещенью.

Владимир Петрович, не говорили ли Вам о том, что Вы во многом сходствуете с почтенным Василием Львовичем? Вы действительно остроумнейший человек, блистательный собеседник, галантный поклонник прекрасных дам, путешественник, театрал, к тому же библиофил. К тому же вы вслед за Василием Львовичем могли бы сказать:

¹⁵ См.: Енишерлов В. Неизвестное письмо // Наше наследие. 1989. № 9. С. 5–7.

¹⁶ См.: Михайлова Н. «...От Пушкина» // Там же. 2011. № 100. С. 11–13.

¹⁷ См.: Она же. «Преданный тебе В. Пушкин» // Там же. 2014. № 108. С. 32–40.

К чему мне пышные обеды,
 Где в винах дорогих купают стерлядей?
 Живу для мирных, приятных беседы
 И добрых, ласковых людей.

Вы так же, как и Василий Львович, — библиофил, справедливо считаете, что лучший подарок — книга. Вы, как и Василий Львович, справедливо считаете, что самый лучший подарок — это книга великого племянника Василия Львовича Пушкина или же книга о нем, об Александре Пушкине. Поэтому сегодня, в этот торжественный день, мне хотелось бы подарить Вам только что вышедшую книгу — книгу-альбом, которая называется так: «“Между жарким и бланманже”: А.С. Пушкин и его герои за трапезой»¹⁸. Позвольте мне вручить Вам этот подарок и поздравить Вас.

И.П. Золотусский, писатель, литературный критик:

Я очень рад, что наша теперь уже большая семья лауреатов Солженицынской премии пополнилась именем Владимира Петровича Енишерлова, человека, которого я знаю уже много-много лет и который сегодня представлен вам в полном блеске и своих дел, и своего письма. Жюри сделало безошибочный выбор. Я думаю, Александр Исаевич был бы доволен им.

Я познакомился с Енишерловым, когда он работал в таком одиозном журнале, как «Огонек», одиозном с точки зрения, конечно, передовой интеллигенции и прочих прогрессистов. Редактором этого журнала был господин Сафронов, а Владимир Петрович руководил отделом искусства и литературы. Там я появился много-много лет назад и был встречен самыми доброжелательными людьми. Мне понравилось, что я попал в атмосферу культурного совершенства, — то, чего мне так не хватает каждый день. Поздравляя Владимира Петровича и его сотрудников, фамилии которых я не буду называть, я их знаю в лицо, они представлены на обложке журнала, я могу сказать, что эти люди преданы высокому искусству, как только истинно верующий человек может быть предан Христу. Эта преданность, которая начинается с руководителя журнала и передается его сотрудникам, является принципом ведения этого редчайшего издания.

Думая об этом издании, я вспомнил одну историю из Ветхого Завета, когда Моисей, бежавший из Египта и обосновавшийся в земле Мадьямской, был простым пастухом и пас стада овец. И вот однажды он увидел горящий терновый куст. Это была та самая неопалимая купина, которая теперь отражена во многих иконах, в том числе русских иконах, одна из самых древних хранится в нашем Благовещенском соборе. Когда этот испуганный пастух увидел горящий и не сгорающий терновый куст, он подумал, что это, оче-

¹⁸ «Между жарким и бланманже»: А.С. Пушкин и его герои за трапезой : [альбом] / сост. Н.И. Михайлова, Е.А. Пономарева. М.: Фонд «Связь эпох»; Кучково поле; Музеон, 2017.

видно, судьба его народа, который он должен спасти. Я думаю, что каждый очаг культуры похож на этот горящий неопалимый куст, потому что он тоже способствует спасению нашего народа. Кстати, редакция журнала «Наше наследие» находится в Неопалимовском переулке в Москве.

К несчастью, такое спасение стоит на повестке дня. В море культурной пошлости вдруг появляется такой горящий, неопалимый куст, который далеко светит, не гаснет и освещает собой души пускай не всех, но множества людей.

Какой-то умный человек сказал, что если даже семь процентов населения будут жить на уровне такого отношения к жизни, к искусству, просто к самим себе, такого, я бы сказал, христианского отношения к самим себе и своему делу, то тогда нация спасется. Семь процентов.

Я думаю, что этот журнал — конечно, очаг культуры, который «горит, не сгорая». Эти очаги есть по всей России. И это, прежде всего, наши музеи, музеи в Орле, музеи в любом губернском русском городе, где хранится память о наших великих предшественниках.

Недавно наша телевизионная группа была в Музее Пушкина на Пречистенке, где мы снимали фильм об Иване Сергеевиче Тургеневе, 200 лет со дня рождения которого исполняется в 2018 году. И дирекция, и сотрудники музея показали нам все, что у них есть о Тургеневе, потому что тургеневский музей, который находится на Остоженке, принадлежит также пушкинскому музею. В их архивах мы видели и рукописи Тургенева, и книги, изданные при его жизни, и даже книгу поэтессы Шаховской, героини «Первой любви», которую Тургенев описал в своей повести, это книга стихов. И если бы вы видели, с какой уважительностью, с каким старанием и любовью к тому, что они делают, нас встречали сотрудники этого музея. Низкий поклон им за это. И таких людей в России я видел не раз, не раз.

Это вот и есть неопалимые кусты, которые горят на всем пространстве нашей огромной и великой страны и освещают ее, разгоняя тьму культурной пошлости, завладевшей эфиром, печатью, театром и так далее, — вы уж простите меня, но это так.

Владимир Петрович принадлежит к роду, к которому принадлежал Александр Блок. Собственно говоря, мы имеем дело с человеком, который является веточкой, отошедшей от ветки Блока. И это не случайно, что русская классическая культура, которую последний представлял Блок в XX веке перед началом грядущих потрясений, передала нам этого человека, чтобы он делал то дело, которое он делает.

Блок как-то прекрасно написал:

Блекнут ланиты у дев златокудых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины¹⁹.

¹⁹ А. Блок. «Странных и новых ищущих на страницах...» (1902).

Вот к этим смиренным и мудрым я отношу сегодняшнего лауреата. Я уже человек старей, мне бы хотелось, чтобы его дело доходило не только до изысканных любителей красоты, живописи, поэзии, музыки, но и до наших потомков. Это делается, собственно говоря, для них, потому что спасти Россию будут они.

Ответное слово

В.П. Енишерлов:

Глубокоуважаемая Наталия Дмитриевна, члены жюри, друзья, коллеги, товарищи мои! Я вспоминаю сейчас, что академик Д.С. Лихачев, тогда председатель Советского фонда культуры, созданной перестройкой чрезвычайно эффективной общественной культурной организации, задумал как одну из основных задач фонда — издание журнала нового типа, в котором глубина и серьезность содержания поддерживались бы качественным дизайном и полиграфическим исполнением самого высокого уровня. Это было особенно важно, потому что журнал должен был быть посвящен прошлому отечественной истории и культуры — ее драгоценному наследию. Идея была еще и в том, чтобы объединить под одной обложкой нового издания по возможности максимум того, чем была славна наша культура и что осталось неизвестным за семь десятилетий советской власти. Цензурные оковы уже не сдерживали поток публикаций, буквально обрушившихся на журнал. Конечно, выпуск такого издания — дело не одного человека, поэтому эту высокую премию, носящую имя великого Солженицына, я по праву разделяю со своими друзьями-коллегам, журналистами, редакторами, художниками, искусствоведами, многие из которых работают в журнале со дня его основания.

Может быть, вы не знаете, что первые три года журнал печатался в Лондоне в издательстве «Pergamon Press». Тогда, на венце перестройки, Запад был к новой России весьма расположен и нам очень помогал. Мы с главным художником Александром Рюминым прилетели печатать первый номер в Лондон и привезли макет журнала. Довольно скептически нас встретили холодные англичане, взяли наши папки, тогда же это было не так, как сейчас, в компьютерных файлах, и мы расстались. Но вы бы видели, как у этих английских специалистов поменялось настроение на следующий день. Они сказали, что поражены: им приходится печатать много всякого рода изданий развивающихся стран, но вы-то, как они сказали, дали нам абсолютное «сливочное масло», даже у нас так не готовят журналы. Вот это была первая работа нашего художника. Весь визуальный образ «Нашего наследия» держится на его таланте. Развивается идея основателей издания, что визуальный ряд журнала должен быть адекватен его содержанию. В этом наблюда-

ется преемственность с журналами начала XX века, и мы эту традицию по сей день поддерживаем.

Особое значение в издании «Нашего наследия» имеет творчество его главного художника, заслуженного художника России, члена-корреспондента Российской академии художеств Александра Алексеевича Рюмина. С первого номера он сумел придать журналу тот интеллигентный, художественно-точный облик, который адекватен его содержанию. Я должен назвать еще и других своих товарищей-единомышленников, выпускающих наш журнал порой в очень сложных условиях. Кстати, некоторые из них пришли в «Наше наследие» вместе со мной из знаменитого перестроечного «Огонька» и продолжают работу в журнале, далеко от политики, посвященном историко-культурному наследию. Это мой первый заместитель, литературный критик, труженик и подвижник, работающий в журнале с первых его дней, Дмитрий Иванов, блестящий искусствовед Александр Басманов, редактор нашей компьютерной версии, искусствовед и журналист Юрий Михальцев. Необычайно велика роль в выпуске журнала руководителя нашей компьютерной службы Евгения Багрянцева, компетентного и талантливого редактора литературного отдела Аркадия Маньковского, заместителя главного редактора Бориса Егорова, на котором держатся все общественные связи «Нашего наследия», историка, журналиста Алексея Савельева, директора журнала Хусана Бабаджанова. Если я кого-то забыл упомянуть, простите. Все мои товарищи и коллеги по редакции отдают максимум сил и таланта журналу, который, поверьте, пожалуйста, мне, очень не просто выпускать в наш прагматичный, жестокий век. С печалью должен сказать, что культура сейчас далеко не приоритетное направление в деятельности нашего государства.

Тем не менее идея о максимальной публикаторской направленности журнала выполняется с первого номера по настоящее время. Неизвестные ранее произведения философов, писателей, искусствоведов, художников, литературоведов, исследователей живописи и древнерусского искусства, драматического театра, балета, кино, музыки появились на страницах нашего журнала. Мы нашли и первыми напечатали неопубликованные стихи Марины Цветаевой, письма Александра Блока, статьи Андрея Белого, дневники Зинаиды Гиппиус, письма и рисунки Алексея Ремизова, тексты Николая Гумилева, Корнея Чуковского, огромный массив переписки Ивана Бунина и т.д., и т.д.

«Наше наследие» стало уникальным, не имеющим у нас, да и в мире, аналогов периодическим изданием, посвященным самым широким, требующим заботы и пристального внимания проблемам и реалиям историко-культурного наследия, ставящим перед собой цель исследовать и сохранить самое хрупкое и ранимое в нашем прошлом и настоящем — культуру.

Публикации в журнале по литературе, философии, истории — это же самая настоящая научная работа, у нас иногда комментарии занимают больше

места, чем основной корпус. Они делаются самым тщательным образом. Вот сейчас мы печатали дневники Сергея Дурьлина в трех номерах, вы посмотрите, какие профессор Анна Резниченко сделала замечательные комментарии, без которых не был бы понятен путь этого религиозного философа. Так что работа нашего журнала — это работа большого-большого количества людей, и всем им огромная благодарность.

У журнала существует небольшая, но весьма эффективная книжно-издательская программа. Ее осуществление, как вы понимаете, напрямую связано с финансированием. А с этим все хуже и хуже. Но нельзя забывать, что выпуск изданий, посвященных культуре, — это в последнюю очередь коммерческие проекты. Тем не менее нам удалось издать книги и альбомы, привлечшие внимание культурной общественности. Вспомним хотя бы знаменитый мировой бестселлер «Берлинский дневник. 1940–1945 гг.» княжны Марии Васильчиковой, впервые изданный нами на русском языке, воспоминания деда легендарного нашего соотечественника барона Фальц-Фейна генерала от инфантерии Н.А. Епанчина «На службе трех императоров», мемуары князя Бориса Васильчикова, книгу-альбом «Азбука “Мира искусства”» М. Добужинского, чудесный фотоальбом «Серебряный век в фотографиях А.П. Боткиной», признанный самой красивой книгой года, альбом-биографию недавно ушедшего тонкого художника, сына Н. Бухарина Юрия Ларина и еще целый ряд изданий.

Мы собрались сейчас в доме, где по инициативе А.И. Солженицына аккумулируются материалы и документы русского зарубежья, создается на их основе музей русской эмиграции. «Наше наследие» с первых дней существования занималось проблемой возвращения в Россию архивов и библиотек деятелей русского зарубежья. Благодаря авторитету журнала в русском зарубежье в библиотеки, архивы, музеи России после публикаций в «Нашем наследии» были переданы книги, письма, рукописи, дневники и другие бесценные материалы из архивов З. Гиппиус, А. Белого, Н. Тэффи, С. Маковского, А. Ремизова, И. Тургенева, уникальный архив М. Алданова с неопубликованными художественными текстами писателя, архив Верховного главнокомандующего русской армией генерала М.В. Алексеева, одного из основателей Белого движения, произведения выдающихся художников И. Билибина, В. Серова, И. Репина, письма, ноты, фотографии выдающихся русских композиторов А. Лядова, И. Стравинского, А. Гречанинова и других. Я помню, как я вез из Англии, наверное, последнее неопубликованное письмо А.С. Пушкина актеру Ваттемару, и над Ла-Маншем раскрыл это письмо и вглядывался в его летящие строки. Это был волнующий момент. Сейчас это письмо в Пушкинском Доме в Петербурге.

И еще одна из сторон деятельности «Нашего наследия» привлекает широкое общественное внимание. Вот уже четверть века в уютном выставочном зале редакции в 1-м Неопалимовском переулке ежемесячно проходят

выставки современных художников, скульпторов, фотографов, а также мастеров прошлого из частных собраний. Наш выставочный зал пользуется большой популярностью у художественной интеллигенции Москвы. Руководит им искусствовед Елена Пашутина, сумевшая создать чудесную, почти домашнюю атмосферу на наших выставках, устраивающая талантливые, исполненные вкуса экспозиции. На годы вперед расписаны выставки в «Нашем наследии».

В нашем выставочном зале ежегодно с 2000 года мы вручаем литературную премию имени Александра Блока. Достойные литературоведы, искусствоведы, журналисты стали за эти годы блоковскими лауреатами: В. Лоская и Е. Коркина, С. Лесневский и А. Лавров, Е. Чуковская, М. Нащокина, П. Нерлер, Е. Степанов, Н. Михайлова, В. Черных, Я. Гришина, М. Спивак и другие.

Здесь следовало бы еще особо упомянуть о том, что журнал, активно выступая на своих страницах за восстановление памятников истории и культуры, помогает реально восстанавливать блоковское Шахматово, менделеевское Боблово, активно сотрудничает с Государственным музеем А.С. Пушкина. Считая, что любовь к наследию должна быть действенной, мы помогаем музеям в розыске и приобретении экспонатов, активно печатаем материалы из музеев на наших полосах.

Почти сорок лет тому назад в своей статье «Память истории священна» Дмитрий Сергеевич Лихачев среди первоочередных задач, стоящих перед государством в деле восстановления памятников, назвал и возрождение храма XVIII века Михаила Архангела на Лутосне, где в 1903 году венчался А.А. Блок со своей Прекрасной дамой Л.Д. Менделеевой, где плакал великий Менделеев, растроганный этой свадьбой, где отпевали отца русской ботаники, ректора С.-Петербургского университета А.Н. Бекетова, деда А. Блока, где бывали многие представители Серебряного века русской культуры. В этой церкви пела блоковская девушка — «Девушка пела в церковном хоре...». А недавно нашли на церковном погосте могилу этой девушки, которая оказалась крестьянкой села Тараканово, ныне входящего в состав Музея-заповедника Д.И. Менделеева и А.А. Блока. Церковь Михаила Архангела, о которой не раз писал Блок — «белеет церковь над рекою...», не раз начинали восстанавливать, а потом бросали работу из-за недостатка финансирования. Малюсенькая усадебная церковь будет восстановлена, как мы надеемся, в 2019 году. Во всяком случае, «Наше наследие» делает для этого все, что может, чтобы это произошло и сбылись мечты наших друзей и сподвижников, с которыми мы когда-то бродили по бурьяну вокруг развалин древнего храма и мечтали, что вновь заговорят его колокола.

Тяжелое положение сложилось в стране со многими культурными и историческими памятниками. Посмотрите, что происходит с великолепной усадьбой Архангельское, этим русским Версалем, который находится

под постоянной угрозой отторжения заповедных земель под варварскую коттеджную застройку современными нуворишами, как гибнет шедевр — Белый домик в Николо-Урюпине, как многоэтажная застройка грозит уничтожить великолепные луга вдоль Москвы-реки в районе Николиной Горы. Наша задача — всемерная защита национального наследия во всех его ипостасях.

Вот, очень вкратце, чем занимается журнал «Наше наследие». Конечно, мы не могли бы, да и не сможем, существовать в безвоздушном пространстве. Я должен искренне поблагодарить присутствующего в этом зале Сергея Михайловича Миронова, который после кончины Д.С. Лихачева согласился стать председателем нашего общественного редакционно-попечительского совета и, будучи председателем Совета Федерации, во многом помог нам. Без этой помощи было бы невозможно осуществить такое серьезное масштабное издание. Не скрою, издавать журнал «Наше наследие» становится все труднее и труднее. Современный бизнес мало заинтересован в длительных «бездоходных» проектах. И поддержки от него мы почти не видим. А государственная помощь заведомо мала и необычайно забюрократизирована. Я вижу в зале бывшую некогда министром культуры Н.Л. Дементьеву, которая в свою бытность министром всячески помогала становлению и развитию «Нашего наследия». Спасибо ей и нашим многочисленным друзьям, коллегам, помощникам, тем, кто работал с журналом, писал для нас, помогал всем, чем мог.

Конечно, мы, пока существуем, будем продолжать нашу публикаторскую деятельность. В начале нашей работы, тридцать лет тому назад, неопубликованных в России прекрасных, важнейших материалов было море разливанное. Сейчас искать и находить что-то интересное и важное стало сложнее. Но архивы, например РГАЛИ, библиотеки, музеи, частные собрания по сегодняшний день хранят огромные драгоценности в области гуманитарных знаний. И надо сделать так, чтобы они не лежали втуне. Задача «Нашего наследия» — привлекать к ним внимание. Иногда небольшая публикация в журнале становится как бы «визитной карточкой» для будущей монографии, альбома. Когда-то Д.С. Лихачев, который дал мощный толчок нашему журналу, сказал, что он хотел бы видеть «Наше наследие» как журнал-подарок, который приятно взять в руки, вернуться к нему, перелистать еще раз, перечитать, просмотреть внимательно. Нам, конечно, приятно, что многие библиотеки имеют в своих библиотеках полные комплекты «Нашего наследия», начиная с 1-го номера, и буквально охотятся за недостающими выпусками. Это также одно из признаний нужности нашей работы. Мы действительно стараемся делать журнал-подарок о русской культуре, ни в коем случае не снижая планку серьезности и тщательной научной подготовки материалов. В то же время мы стремимся делать журнал познавательным и доступным всем, интересующимся культурным наследием. Сочетание серьезности и популярности — сложная задача, которую мы также призваны решать.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Еще раз большое спасибо за эту премию, которая была для меня абсолютно неожиданной и тем более приятной. То, что она учреждена А.И. Солженицыным и носит его имя, для меня особенно важно. Моя семья многое претерпела в те времена, о которых повествуют и «Один день Ивана Денисовича», и «Архипелаг ГУЛАГ», и «В круге первом». Для меня, моих друзей и близких Александр Исаевич был не только большим художником, публицистом, гражданином, он был человеком, который сказал Правду о времени и людях, живших в те времена. Я помню, какое впечатление произвел «Один день Ивана Денисовича» в «Новом мире» и на тех, кто прошел лагеря, и на тех, кто только слышал о них. Получить премию имени великого художника и гражданина, автора бессмертного «Архипелага ГУЛАГа» для меня, повторюсь, необычайно почетно, и я очень благодарен, что именно ею отмечена моя работа. Спасибо!

ПРЕМИЯ 2018

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына в год 100-летия со дня рождения писателя решением жюри от 31 января 2018 года присуждена двум выдающимся художникам — иллюстраторам книги —

Виктору Глебовичу Бритвину за выдающиеся по качеству и выразительности иллюстрации к сказкам и мифам народов мира; за глубокое и взволнованное прочтение русской лагерной прозы взглядом художника-графика;

Сергею Викторовичу Любаеву за преданную любовь к литературной классике и ее конгениальное книжное оформление; за богатейший изобразительный язык, превращающий книгу в дизайнерский шедевр.

Павел Басинский

Борис Любимов

Виктор Москвин

Валентин Непомнящий

Людмила Сараскина

Александр Солженицын

Наталья Солженицына

Церемония награждения

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

26 апреля 2018

Ведущая: *Н.Д. Солженицына*

Выступления: *Л.И. Сараскина, А.П. Анохин, И.Б. Котунова, Г.М. Кружков*

Ответное слово: *В.Г. Бритвин, С.В. Любаев*

Н.Д. Солженицына, член жюри (из вступительного слова):

...Сегодняшней церемонией наша премия начинает третий десяток своей жизни. Из уважения к такому ее долголетию в наше непостоянное время

и памятуя, что в этом году — юбилей ее основателя, мы решили отметить эти обстоятельства двойной наградой, то есть присудить в этом году две премии, двум выдающимся художникам-иллюстраторам, чье искусство умножает и обновляет радость встречи с книгой.

У многих из нас с детства сохраняется память о той или иной книге, неотделимая от иллюстраций к ней. Я позволю себе прочесть несколько строк из очерка Александра Исаевича «Мой Лермонтов»²⁰. Семилетний Саня Солженицын получил в подарок книгу, чудом сохранившуюся сквозь всю его размашистую жизнь. На авантитуле — поздняя карандашная надпись рукой владельца: «Любимая книга моего детства». Этот очерк написан в 2004 году, спустя 80 лет от обретения мальчиком драгоценного подарка:

«После разорения нашей семьи в революцию — в детстве у меня оказалось совсем мало своих книг. А читать — жадно хотелось. И то, что было у меня — я, ещё до школы, перечитывал и перечитывал по многу раз... И вот, из близкой нам семьи, подарили мне огромный, тяжёлый вольфовский двухтомник Лермонтова, “Полное собрание”, да переплетённый в одну книгу, чуть поменьше Евангелия²¹.

В моём крупном томе Лермонтова было много выразительных живописных картин, в целый большой лист, — они врезались в память на всю жизнь. Одни — на кавказские темы, с горцами и русскими военными, — а Кавказ я и без того ощущал как свой близкий, соседний с местами моего детства, да в редкие прозрачные утра мне даже доводилось, из южного Ставрополя, видеть весь величественный Хребет в его целостности и грозности. Не какие-то дальние страны из Фенимора Купера и Жюль Верна — а вот Он, великий сосед. “У Казбека с Шат-горою был великий спор”...

Но ещё больше кавказских сцен захватывали меня — такие же поражающие, в лист, картины с ангелами — вот уносящим в небо душу умершей — “Он душу младую в объятиях нёс” — или противостояние его с Демоном в борьбе за страждущую душу Тамары. А в перелист картин — “И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли” — и прямые молитвы: “...Теплой заступнице мира холодного”...

В годы гонения на иконы, лампы и само Божье слово — эти лермонтовские строки [переслоенные картинками] наслаивались в утверждение и моей души».

Что же может быть достойнее и выше, чем участие в утверждении чьей-то души? Низкий поклон тому художнику Полякову, рубежа XIX–XX веков, чьи инициалы — «В.А.» — не раскрывает даже ни одна энциклопедия. <...>

²⁰ Солженицын А.И. Мой Лермонтов // Что читать. М., 2008. № 1. Сент.–окт. С. 86–89.

²¹ Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 2 т. / под ред. В.В. Чуйко; с портретом Лермонтова, его биографией и 41 отдельными картинками художника В.А. Полякова. 2-е изд. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, [б/г]. — 309 + 376 с.

Похоже, что у русских художников-иллюстраторов выдался урожайный год. Мы огласили имена наших лауреатов в начале марта. А в конце марта в Болонье на ярмарке детской книги были объявлены имена лауреатов премии имени Андерсена, престижнейшей награды в области детской литературы, ее называют «Малая нобелевка». У этой премии две номинации — авторы и иллюстраторы. Лучшим детским автором названа японка Эйко Кадоно, а лучшим художником-иллюстратором — наш замечательный Игорь Олейников.

Это лишь второй раз в 50-летней истории премии: больше 40 лет назад премию Андерсена получила русская художница Татьяна Маврина. Мы все радуемся и поздравляем Игоря Юльевича Олейникова.

Всеми нашими лауреатами мы гордимся, любим их и по сложившейся традиции вспоминаем на нашем ежегодном празднике тех, кого потеряли за истекший год.

Был у нас лауреат, к которому можно отнести едва ли не каждый вид деятельности из нашего уставного перечня, — лингвист, литературовед, историк, писатель. Это был ученый мирового уровня и выдающийся Просветитель, Андрей Анатольевич Зализняк. Он умер 24 декабря 2017 года.

С его именем в прессе чаще всего связывают расшифровку новгородских берестяных грамот и лингвистическую аргументацию подлинности «Слова о полку Игореве». Но всем нам, пользователям интернета, надо бы знать, что мы ежедневно и по многу раз в день употребляем компьютерные программы, в основу которых лег труд Андрея Зализняка. А именно — составленный им (в течение 20 лет вручную составлявшийся) классический «Грамматический словарь русского языка» — исчерпывающее и строгое описание русского словоизменения, по существу — алгоритм построения всех меняющихся форм русских слов, с учетом ударения, — и именно этот словарь и этот алгоритм стали основой практически всех поисковых программ, программ машинного перевода, систем проверки орфографии и т.д.

По совпадению именно сегодня на семинаре В.Л. Янина²² проходит презентация новой книги Андрея Зализняка «Прогулки по Европе». Нет сомнения, что для любого из нас, независимо от профессии, это будут счастливые прогулки, счастливое чтение.

Л.И. Сараскина, член жюри:

Уважаемые гости, дорогие друзья! Жюри поручило мне рассказать, почему в год столетнего юбилея со дня рождения Александра Исаевича Солженицына литературная премия его имени присуждается двум художникам-иллюстраторам, то есть не литераторам, не художникам слова, а художникам книги. Я попробую.

²² Новгородский семинар (рук. В.Л. Янин) работает на кафедре археологии исторического факультета МГУ с осени 1979 года.

Конечно: *в начале было Слово*. У первой строки Евангелия от Иоанна есть множество вариантов переводов и толкований, дающих разные уровни понимания божественного смысла.

Но если воспринимать эту строку в контексте повседневной жизни, как то, с чего человек начинает самостоятельное чтение, то это будет не слово. Малыш, в полтора-два года, еще не умеющий читать, берет в руки свою первую книжку и видит рисунок, картинку. Для него как для читателя книжка начинается с картинок, по ним он узнает драматическую историю девочки Тани, которая громко плачет, оттого что уронила в речку мячик. Потом сознание ребенка проникается сагой о трех поросятах, потом сопереживает титанической борьбе козы и семерых козлят с голодным волком. Позже, видя на картинке Бабу-ягу и ее избушку на курьих ножках, маленький книголюб начинает понимать, что в мире есть не только злые силы, но и логово, где они обитают. Картинки для него — это главные путеводители по сказкам и стихам; еще не зная букв, но водя по ним пальчиком и декламируя стихотворение про бычка, который вздыхает и качается на ходу, малыш воображает, что он *так* читает. Он любит подробные рисунки и картинки, с множеством персонажей, так, чтобы можно было посчитать, сколько здесь зайцев и птиц, елок и бабочек. Малыш доволен, когда картинка похожа на предмет изображения — на ежика или волка, которых он уже умеет распознавать.

Итак, в начале чтения бывает рисунок, иллюстрация. Каждый из нас так или иначе сталкивался с иллюстрациями и иллюстраторами. Или как читатель, в книжках детских и взрослых, или как писатель, когда его книжка оформляется художником.

Однажды мне очень повезло. В начале 80-х, когда в печати стали появляться мои первые статьи о Достоевском, я познакомилась с замечательной художницей Александрой Николаевной Корсаковой, известной, в частности, тем, что в течение сорока лет она создавала иллюстрации к роману Ф.М. Достоевского «Бесы». Были в ее творческой жизни еще и Булгаков, и Бодлер, и Цветаева, и Рильке, но Достоевский оставался ее главным и любимым предметом. Мы часто общались, она посвящала меня в тайны портретных иллюстраций — и это был потрясающий мастер-класс: чем отличается, например, словесный портрет Николая Ставрогина на страницах романа от его портретов маслом, тушью или черным карандашом.

Когда я придумала статью с фантастическим названием «История одного путешествия. Ставрогин в Исландии» (о следах чтения Достоевским романа Жюль Верна «Путешествие к центру Земли»), показала ее Корсаковой, а потом предложила журналу «Знание — сила» (он выходил тогда в газетном формате), Александра Николаевна вызвалась оформить эту статью своими композициями. Эффект был удивительный: это был 1986 год, я по-прежнему была начинающей, так что коллеги с трудом поверили, что эти девять иллюстраций к «Бесам», выложенных на журнальной странице в форме креста, на

вершине которого сиял изумительный портрет Достоевского, предоставлены мне художницей.

Много позже везение случилось еще раз.

В 2002 году издательство «Детская литература» заказало мне вступительную статью к рассказам Солженицына в серии «Школьная библиотека». Книга вышла в том же 2002 году с моим предисловием — «Подпольная проза Александра Солженицына в проломе свободы». Когда мне выдали авторские экземпляры, я увидела оформление: на обложке — Матрёна в голубоватой линиялой рубашке с закатанными рукавами и гладком сереньком платочке, завязанном по-деревенски под подбородком. Она сидит, опершись локтями на стол, подперев правую щеку кулачком и полуопустив глаза. Руки тяжелые, уработанные, с напряженными венами, лицо мирное, просветленное, едва теплится лучезарная улыбка: Матрёна в минуту отдыха.

А на задней стороне обложки — знакомая нам обитательница Матрёниной избы безымянная кошка, про которую в рассказе говорится: «Кошка была немолода, а главное — колченога. Она из жалости была Матрёной подобрана и прижилась. Хотя она и ходила на четырёх ногах, но сильно прихрамывала: одну ногу она берегла, больная была нога. Когда кошка прыгала с печи на пол, звук касания ее о пол не был кошачье-мягок, как у всех, а — сильный одновременный удар трех ног: туп! — такой сильный удар, что я не сразу привык, вздрагивал. Это она три ноги подставляла разом, чтоб уберечь четвертую»²³.

Художник, однако, пощадил кошку и поберег все ее четыре ноги — она уютно сидит на широком облезлом подоконнике, ее больной лапки не видно, все свои четыре конечности она завернула под себя. Над ней склонились сочные зеленые фикусы, сидит она спиной к двойным рамам и смотрит не в тусклое окошко, а куда-то в горницу, может быть, на Матрёну, а может, и на жильца, которому предстоит обессмертить и эту избу, и грязно-белую козу, и тараканов, и мышей, и взъерошенную задумчивую кошку, и хозяйку избы. Ничто на этих обложках еще не предвещает беды...

Каждый год «Детская литература» допечатывает тираж, то есть выходит с этим же предисловием и в этом же оформлении уже 15 лет. Все эти годы мы с Вами, Виктор Глебович, заочно знакомы. И как было мне не запомнить и не полюбить выполненный Вами графический портрет Солженицына на титульном развороте. Спасибо Вам за него!

Даже простой перечень всего сделанного Сергеем Викторовичем Любавевым тянет на целую библиотеку. Это — Толкин, Киплинг, Марк Твен, Уайт, Стоун, Хемингуэй, Гоголь, Толстой, Есенин, Блок, Лесков, Достоевский, Чуковский, Паустовский, Аверченко, Перельман, Песков, Кружков, Орлов, Гайдар. И еще сказки! Мир, который населяют гномы, эльфы, тролли, велика-

²³ Солженицын А.И. Матрёнин двор // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 120.

ны, колдуны, волшебники и феи. К этому же миру принадлежат и образы сказочных персонажей Скандинавии, иллюстрации к Антологии английской и ирландской детской литературы в переводе с английского и староирландского Григория Кружкова, нашего лауреата 2016 года. Художник, наполнивший книжку диковинными петухами, кошачьими царями, совами, мышами, игрушечными лошадками и звездочетами, стал полноправным соавтором поэтического волшебства — в этом, наверное, и состоит правильно понятая и виртуозно выполненная задача иллюстратора.

Любаев не отделяет «детское» рисование от «взрослого». Каждая книга, считает он, созданная и оформленная в едином и цельном ключе, должна быть интересна всем возрастам, и на первом месте в ее создании всегда должны стоять выразительность и изобретательность.

Особо хочу сказать о его выдающейся работе над четырьмя томами «Войны и мира» — здесь более двух тысяч иллюстраций. Любаев, тонкий знаток реалий Отечественной войны 1812 года, участник сообщества, которое занимается исторической реконструкцией Бородинской битвы, с высочайшей точностью передает детали костюмов и амуниции, создает портретную галерею персонажей, сохраняя легкость и воздушность рисунков, внося в них мягкую, добродушную улыбку. Итог трехлетней работы — Гран-при конкурса «Искусство книги — 2013» Ассоциации книгоиздателей России.

Глаз читателя, разглядывающего книгу «Ночь перед Рождеством», изданную к 200-летию со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, радуется и ликует: здесь перекликаются монохромные рисунки на полях, красочные картинки и распашные иллюстрации. Мир Гоголя в деталях, фантазиях и мечтах — так бы я назвала художественную гоголиану Любаева. О цикле его работ по книге Киплинга «Подарки фей» хочется говорить в превосходных степенях, употребляя самые громкие эпитеты.

Комментируя свои работы к «Приключениям Тома Сойера» и «Приключениям Гекльберри Финна», художник замечает: «Дагерротипы, этикетки и фантики, монетки, оловянные солдатки, рыболовные крючки, обрывки газет, игрушки, буквари, гербарии и прочие “натуральные” иллюстрации должны были жить рядом с рисованной фантазией, формируя единый образный мир детей американского Юга... Мне близко и любимо незамученное, стремительное рисование, но с необходимой сюжету и настроению детальной оснасткой, отображение темы не в лоб, часто через изобразительные синонимы. И цвет не должен был рвать страницу, а изображение, притонув, сидело бы в бумаге»²⁴.

Поражает и творческий диапазон заслуженного художника России Виктора Бритвина — свыше 150 книг. Это Андерсен и Гомер, Метерлинк и Жюль Верн, Перро и Распе, Дюма и О'Генри, Гюго и Буссенар, Майн Рид и Гумилев.

²⁴ Любаев, Сергей Викторович // Биографии известных людей. URL: <https://peoplelife.ru/172828> (дата обращения: 27.08.2018).

И еще Оскар Уайльд. Иллюстрации к книгам автора «Дориана Грея» наряду с иллюстрациями арабских сказок Бритвин считает своими лучшими работами. Едва хватит слов в превосходной степени, чтобы воздать должное этим прекрасным работам.

Сам художник высшей похвалой называет случаи, когда на его выставках посетители оставляют такие вот записи: ваша тематика так разнообразна, вы работаете в стольких техниках, что даже не всегда угадаешь, работы ли это одного и того же человека.

Действительно, в творческом досье художника мы видим скупую, аскетичную графику к «Одному дню Ивана Денисовича», где нет даже намека на цвет, но есть сполохи света в измученных лицах эзков. Но как радуется глаз роскоши, многоцветью, волшебной красоте его иллюстраций к «Василисе Прекрасной» или к сказке «Али-Баба и сорок разбойников», дизайнерскому шедевру. А еще есть русские и чувашские богатыри, загадочные незнакомки на женских портретах, каменные великаны, Царевна и Серый Волк, цикл иллюстраций к «Графу Монте-Кристо» и к «Собачьему сердцу» — всего не перечислить. Но книга «Правдивая история Деда Мороза» — это нечто совершенно особенное; интерактивное издание, где почти на каждой странице читателя ждет сюрприз: вращающиеся куранты, трехмерная коробка с солдатиками, книжечка-календарь, распахивающиеся резные дверцы. Кажется, что сказку, сделанную из слов, художник поместил в восхитительную раму из своей фантазии, и сказка удвоила, утроила свою сказочность.

Виктор Глебович, будучи еще и литератором, автором рассказов и повестей, которые он сам иллюстрирует, справедливо полагает, что художник — это тоже читатель, но читатель особенный, необычный: он превращает абстракции слов в конкретность картинки, причем картинки сугубо индивидуальной, которая по определению не может совпасть ни с представлением писателя, ни с представлением любого другого читателя. Он убежден, что хорошая иллюстрация способна влиять на читателя, переубеждать его, доказывать ему, что образ, предложенный художником, не просто достоверный, но единственно возможный.

Это, согласимся, необычайно высокая планка: книжный дизайнер дерзает пересоздать образ, созданный воображением пусть даже искушенного читателя, новым образом, графическим рисунком или цветной картинкой. Но, обращаясь к работам обоих художников, я убеждаюсь, что это более чем возможно. Так и вдохновенная конгениальная экранизация способна вытащить из классического текста смыслы, сразу не пойманные, упущенные при чтении.

Листая «Записки сумасшедшего» в оформлении Сергея Любаева, видишь, насколько убедительны образы безумия: это мир даже не глазами Гоголя, но глазами Поприщина. Книжные проекты Любаева — это всегда творческое испытание, ибо работы его многослойны и объемны, сложны по конструкции и общему замыслу.

Откуда берется столь трепетное и требовательное отношение к облику книги? Ответ дает сам мастер: из детского чтения. «Читали почти все, — вспоминает Любаев, — паиньки и хулиганы, деревенские и городские... Книга и библиотека равнялись телику и компьютеру, DVD и игровому автомату за вычетом прилипшей к ним дряни. Печатное слово было бесконечно емким, доверительным, красочно-образным. И книги были разными, неповторимыми, вкусными — с какими-то особыми запахами, стойкой осязательной памятью. Дранные и засаленные, новые и плотные, в бумажно-картонных и коленкорových переплетах... Почти во всех книгах были картинки — они чудесно дополняли словесные образы, были гармоничны тексту»²⁵.

Пересматривая работы Виктора Бритвина, я не раз ловила себя на ощущении, что уже не могу вообразить Матрёну и ее кошку иными, чем на обложке книги из «Школьной библиотеки»: так, в рисунке к сказке Джанни Родари «Джельсомино в стране лжецов» на одном листе — двадцать одна кошка, все разные, все прелестные, но ни одна не подходит для Матрёниной избы, ни у одной нет таких огромных прозрачных глаз и пронзительного взгляда. Иллюстрации Бритвина действительно дают эффект мгновенного опознавания.

Рассказ Достоевского из «Дневника писателя» «Мальчик у Христа на елке» иллюстрировали многие художники — есть карандашные рисунки, есть акварель и пастель, есть строгая графика. Но сюжетная иллюстрация с мальчиком возле умирающей матери воспринимается как откровение, ибо это тот самый мальчик, который проснулся утром в сыром холодном подвале, вышел на улицу и замерз в подворотне, на чужом дворе, присев за дровами на корточках.

«Книгу не хочется выпускать из рук» — так пишут читатели о книгах, оформленных Сергеем Любаевым. «Это не книга — это настоящее произведение искусства» — можно прочесть в отзывах на книги, где художником значится Виктор Бритвин.

Наши лауреаты — художники одного поколения, обучавшиеся своему мастерству в художественных учебных заведениях СССР (Любаев в Москве, Бритвин в Чебоксарах и Ленинграде), оба — члены Союза художников, оба — участники международных, всероссийских художественных и книжных выставок, награжденные дипломами и грамотами. Их художественные работы находятся в больших музеях и частных коллекциях России, ближнего и дальнего зарубежья.

Насколько я смогла увидеть, они ни разу не пересеклись в своих литературных предпочтениях, но выразительно дополняют друг друга. Оба признают, как необходимы иллюстраторам постоянное профессиональное самораз-

272 ²⁵ Мургина О. Книги и дети // Библиогид. URL: <http://bibliogid.ru/khudozhniki/740-lyubaev-sergej-viktorovich> (дата обращения: 27.08.2018).

витие, раскованная фантазия, свободное рисование без натуры, композиционная гибкость. А также широкая образованность, знание истории, географии, этнографии, психологии, материальной культуры, как нужны навыки исследователя-литературоведа, режиссера и даже актера²⁶.

Итак, Литературная премия Александра Солженицына вручается Виктору Глебовичу Бритвину за выдающиеся по качеству и выразительности иллюстрации к сказкам и мифам народов мира; за глубокое и взволнованное прочтение русской лагерной прозы взглядом художника-графика.

Сергею Викторовичу Любаеву Литературная премия Александра Солженицына вручается за преданную любовь к литературной классике и ее гениальное книжное оформление; за богатейший изобразительный язык, превращающий книгу в дизайнерский шедевр.

И это самое малое, что можно сказать об этих замечательных художниках.

Хочется пожелать вам, дорогие художники, и нам всем, чтобы компьютерный фастфуд не затмил штучное мастерство книжного дизайнера, чтобы агрессивный издательский маркетинг не погасил свет высокого оформительского искусства.

Сердечно поздравляем художников книги с литературной наградой!

А.П. Анохин, живописец и педагог, заслуженный художник Чувашии:

Добрый день, дорогие друзья! Когда мне предложили сделать доклад о моем замечательном друге, я искренне испугался. Доклад. Долго думал, как же мне выйти из этого испуга, и решил просто познакомить вас с нашей жизненной историей. Художественная школа при Чебоксарском художественном училище, мы, пацаны, выбегающие на снег, чтобы полепить, покидаться снежками. Я тогда впервые увидел бегущего в школу мальчишку, всегда опаздывающего почему-то, — я только потом понял почему. На просмотрах Виктор показывал очень интересные композиции, он тогда уже определился, на мой взгляд, стать иллюстратором. Он уже тогда был художником, — я еще мальчишка, а он уже художник. Так мне казалось тогда. И это возрастание на моих глазах юного художника было удивительным. Затем училище, поступаем в один год, но Виктор оказывается на втором курсе благодаря тому, что, окончив 10 классов, он был уже успешным рисовальщиком. И школу он окончил на «отлично», с золотой медалью, одновременно и музыкальную школу завершил, тоже с отличием. Со слов Виктора Глебовича: перед ним стоял вопрос — быть ему музыкантом, художником или пойти по пути науки, поскольку он по многим дисциплинам в школе преуспевал. Все-таки он выбирает художественное училище, поступает, мы вместе спешим каждый

²⁶ См.: Юрьева Е. Художник Виктор Бритвин: «Работа иллюстратора приучает видеть в жизни сюжет» // URL: https://artchive.ru/publications/1570~Khudozhnik_Viktor_Britvin_Rabota_illjustratora_priuchaet_videt_v_zhizni_sjuzhet (дата обращения: 27.08.2018).

день по проспекту Ленина в городе Чебоксары в училище, и по пути я успеваю услышать много интересных историй. Виктор Глебович, надо сказать, любитель литературы с детства, а я-то не столь начитан был по тем временам и с удовольствием слушал его пересказы, его рассуждения. Те самые 20 минут ходьбы открыли мне и еще одну удивительную сторону Виктора, сторону актерскую, я бы сказал, литературно-языковую сторону его общения. До сегодняшнего дня я с удовольствием слушаю его речи, когда он выступает в училище или на каких-то презентациях, это человек, замечательно владеющий словом. Не случайно в 2002 году он выступает еще и как литератор. Но хочу вернуться в училище. У нас там был замечательный кружок драматический, в котором мы тоже вместе участвовали. В «Обыкновенном чуде» Виктор играл короля, и так великолепно исполнял эту роль. Все эти способности — музыка, театр, литература, которой он увлекается до сегодняшнего дня, иллюстрируя сотни целые литературных произведений, эта удивительная разносторонность — одна из ярких характеристик нашего сегодняшнего героя.

Но это соцветие талантов, наверное, не состоялось бы в полной мере, если бы Виктор Глебович не был таким самодисциплинированным. Я поражаюсь, как это можно — четыре дня в неделю преподавать в училище, отдавая студентам полностью, до последнего, а убегая домой, еще успевать иллюстрировать, писать и быть общественным деятелем у нас в Чувашии. Это непостижимая способность человека. И при этом творческая его работа отличается глубиной, каждый герой продуман, прочувствован, внутреннее состояние его выстроено интересно и внятно для зрителя.

Художник Виктор Глебович Бритвин является сильнейшим представителем российского изобразительного искусства. Я очень благодарен Фонду Александра Исаевича Солженицына за то, что отмечен его выдающийся труд, от души поздравляю своего друга и благодарю всех за то, что вы отдали часть своего сердца художнику. Спасибо большое!

И.Б. Котунова, главный редактор издательства «Детская литература»:

Сегодня мы очень рады тому, что замечательный талантливый человек отмечен высокой наградой. Готовясь к этому вечеру, мы подняли наши справки исторические и нашли, что в нашем издательстве вышло больше сорока произведений с иллюстрациями Виктора Глебовича Бритвина. Первые книги появились в 80-е годы вот уже прошлого века, и поражает тот широчайший диапазон, который представлен в работах этого художника. Он рисует и для детей младшего возраста, и для подростков, иллюстрирует серьезные, классические произведения, и всюду он совершенно разный, необычный. Когда мы начинали, еще не было компьютеров, не было возможности получить работы по электронной почте. И когда Виктор Глебович, если позволяла его напряженная жизнь, приезжал сам или приходила от него бандероль — в

издательстве был праздник. Мы, замирая, собирались, вскрывали Вашу посылку, Виктор Глебович, и с волнением открывали каждую иллюстрацию. Это всегда было неожиданно, всегда потрясающе интересно, каждая работа была не похожа на предыдущую. Это была радость — работать над книгой с таким замечательным, глубоким, тонким художником, необыкновенно при этом знающим предмет, то есть всю атрибутику: костюм, эпоху. Никакой приблизительности, совершенно точная, выверенная каждая деталь.

Виктор Глебович необыкновенно скромный и милый в общении человек, а для нас просто родной, и всегда, когда он в стенах издательства, — это маленький праздник. И он действительно прекрасный педагог, вырастивший целую плеяду учеников, поступивших в очень престижные московские художественные заведения, — и они тоже уже становятся нашими авторами. Спасибо Вам и за то, что из Вашего гнезда вылетают действительно прекрасные ребята. Дай Бог здоровья, сил, чтобы работа продолжалась, у нас еще есть задумки и прекрасные проекты, чтобы Вас на все хватило. Я очень благодарна Фонду Солженицына за то, что отмечается работа великолепного художника. Удачи, творческих открытий, еще новых и новых книг впереди!

Г.М. Кружков, поэт, переводчик, эссеист:

Здравствуйте. Очень приятно присутствовать на этом замечательном событии. Я познакомился с Сергеем Любаевым больше 25 лет назад. Познакомил нас Киплинг, который написал дилогию о «Паке с Волшебных Холмов». Я ее перевел вместе с Мариной Бородицкой, а Сергей Любаев проиллюстрировал. На этом мы сошлись и подружились. Сергей не только создал обаятельные образы эльфа Пака, девочки Уны и мальчика Дана, которым Пак рассказывает свои волшебные истории (кстати, прототипом их были собственные дети Киплинга), но предложил еще делать рисованный комментарий, в котором был бы изображен исторический фон. Действие у Киплинга происходит на протяжении почти всей истории Англии. Так что реалии, которые нужно было наглядно объяснить, — оружие, одежду, жилище — относятся и к каменному веку, и к саксонскому периоду, и к нормандскому, и к эпохе Возрождения, и так далее, со всеми остановками. И все это художник изобразил со знанием дела, глубоким пониманием времени и места. Еще тогда меня очаровала в Сергее его увлеченность историей культуры, этой великой человеческой сагой, частью которой являемся и мы с вами. Напитанность культурой, начитанность и насмотренность, растворенная в крови, позволили ему работать с таким огромным диапазоном авторов и тем, от кельтской древности до XX века, от Средиземья Толкина до стихов Блока и Есенина. Это фундамент, без которого, конечно, не может быть настоящего художника книги. И все-таки я не решусь назвать это главным в профессии: тут важно все, в том числе ощущение гармонии всех элементов книги, взаимодействия ее как артефакта с содержанием, безошибочный художественный вкус и конечно

творческое воображение. Может быть, оно и есть самое главное, ведь книгу нужно сначала, еще до работы, придумать, решить как целое, изобрести.

Вот только один маленький пример изобретения — «Скандинавские сказки», изданные в «Терре» в роскошном цветном футляре. Как эффектно обыгран там обычная полукруглая выемка, которую делают, чтобы удобнее было вынимать книгу из футляра! Здесь она превратилась в пасть злобного тролля, пожирающего, глотающего солнце каждый раз, когда мы задвигаем книгу в футляр. Зато когда книга вынимается, прекрасное янтарное солнце освобождается от плена, выходит наружу из пасти чудовища. Какой более точный образ можно придумать для оформления именно скандинавских сказок?

Из последних работ обратите внимание на четырехтомник «Война и мир». Тут нарисованы, выведены на страницы книги буквально все герои, в том числе эпизодические, промелькнувшие, — это может показаться искусственным приемом, вот, мол, художник решил: таких иллюстраций к «Войне и миру» еще не было, так я их сделаю. Но на самом деле это не случайное решение, оно, конечно, отражает широту замысла самого Толстого, эпический размах его произведения, этой великой дворянской саги века. (Потому что это все-таки прежде всего дворянская сага, — что бы ни говорили про народность этого романа, в нем все же отражена судьба и жизнь не всего народа, а лишь 3–4 процентов населения России, и увидено все под этим углом.)

И еще немного о нашей совместной работе. Особенно тесно мы общались с Сергеем, когда готовили книгу «Лекарство от Фортуны» о золотом веке английской поэзии. Это оказалась, наверное, самая красивая книга, к которой я приложил руку. Стихи, эссе о поэтах, живописные портреты, гравюры, страницы старинных книг, рисунки художников Возрождения — все это сплелось и сплавилось в единое целое, где автор и художник предстают полноценными соавторами. Мне посчастливилось сделать с Сергеем Любавевым еще немало книг, назову лишь антологии «Англасахаб», «Единорог», «Пироскаф» (это о викторианской поэзии), «Большая книга чепухи» Эдварда Лира. И всегда мне был важен совет художника, его искушенный взгляд на вещи.

Мне кажется, что совместная работа пошла на пользу и моему, если можно так выразиться, художественному сознанию, ведь до встречи с Сергеем я был на удивление не развит визуально. Я, говоря коротко, смотрел и не видел. Если бы у меня спросили, какого цвета волосы и глаза какого-нибудь близкого друга, человека, с которым я общался много-много лет, или в каком платье была девушка, с которой я гулял, может быть, целый день по Москве, я бы не мог ответить на этот вопрос. Я помнил лишь какие-то мимолетные впечатления, токи, идущие от идей и предметов, ощущение холода и тепла. Так я был устроен. Но однажды — и в этом я вижу влияние Сергея — мне приснился удивительный сон. Мне приснилось, что я художник, что я вос-

принимаю вещи не просто как смутные платоновские идеи, но что я могу воспроизвести их по памяти, отчертить по контуру — нарисовать, одним словом. Это было очень сильное ощущение, сравнимое, наверное, с ощущением полета. Я даже написал тогда стихотворение, которое посвятил Сергею Любаеву. Оно так и называется — «Художник».

Я долго к зренью привыкал;
Оно во мне как будто зрело,
Когда в толпе живых зеркал
Я озирался оробело.

Я выросал, но много лет
В порывах льющегося света
Еще я видел не предмет,
А облако вокруг предмета.

Как поздно мне открылся мир!
Как будто только я проснулся,
Как будто вправду серафим
Крылом моих ресниц коснулся.

И я теперь, глаза закрыв,
Козу и девочку босую,
Как некий воплощенный миф,
Перстом горящим нарисую.

Мне кажется очень правильным, что жюри Солженицынской премии наряду с писателями, поэтами, а также переводчиками, режиссерами и критиками, чья работа имеет прямое касательство к литературе, обратило свое внимание на художников-иллюстраторов. Это область, в которой, еще начиная с догутенберговских времен, создавались шедевры. Можно вспомнить, например, древнеирландскую книгу из Келлса, иллюминированные французские часословы, и много других примеров, уверен, вам сейчас приходят на ум. Говорить о важности этого искусства и его роли в восприятии книги значит ломиться в открытые двери. Художники книги заслуживают не меньше внимания, чем, например, переводчики, режиссеры. В сущности, книжный художник — он и есть переводчик со словесного языка на визуальный, он режиссер-постановщик своего собственного немомого спектакля. И конечно — интерпретатор, тут его сходство с литературоведом и критиком. Вот к таким универсальным художникам, которые являются и тем, и другим, и третьим, можно отнести Сергея Любаева. Он настоящий рыцарь книги, и сегодняшняя награда заслужена его трудом, умом и талантом. Спасибо!

Ответное слово

В.Г. Бритвин:

Имя Александра Исаевича Солженицына, которое осеняет и этот дом, и наше собрание, — великое имя.

В годы изгнания мы мало знали о его жизни, но списки книг тайно ходили по рукам. И было чувство, что на той стороне Земли есть другая Россия, неведомая и невидимая, как град Китеж, равновесная ветвь единого ствола русского мира.

Мы ждали его возвращения как пророка, как мудреца, наделенного особым знанием.

Покоряющая искренность и страстность, вдохновенная любовь к России, вера в ее обновление делали каждое его слово событием.

Громада личности Солженицына и моя скромная работа — несопоставимые вещи, и факт выбора жюри вызывает глубокую благодарность, но и не может не смущать.

То, что в год столетия Александра Исаевича было принято решение отметить художников книги — это не только оценка роли эстетического начала в создании книги-вещи, но и, возможно, повод лишний раз задуматься над ее судьбой.

Мы живем в эпоху, когда в судьбе книги происходят важные изменения.

Подобно тому как в древности книга-свиток вытеснялась книгой в форме кодекса, но долгое время они существовали параллельно, в наши дни возникла и все большее распространение получает книга электронная. Виртуальность электронной книги уводит ее из мира вещей, книга теряет форму, теряет внешность. Компактность, дешевизна и мобильность электронных библиотек — это огромный плюс в современном мире.

Электронная книга — в определенном смысле книга идеальная. Это тот случай, когда читатель соединен с текстом напрямую. Функция художника здесь может быть выключена, как лишнее звено дискурса. Впрочем, возможно, со временем, иллюстрация проникнет и в электронную книгу, но это будет уже другое искусство.

Виртуальность электронной книги, казалось бы, пока не угрожает существованию привычного нам кодекса. Более того, многократно возросшее количество издательств и изданий, которые соревнуются между собой в избретательности маркетинговых ходов и красоте оформления, — это настоящий книжный бум.

В наши дни появилась плеяда смелых дизайнеров и блистательных художников — мастеров книги.

Лидеры издательского мира, культивирующие книжную эстетику, выпускают в свет роскошные книги-шедевры, способные утолить самый изысканный вкус.

Улучшилось общее качество книгоиздания. Дорогая бумага, материалы, высококачественная печать. На полках книжных магазинов мы видим сегодня широчайший спектр изданий на все вкусы, от самых низкопробных до высоких. Занимательные книги-игрушки, книги-трансформеры, книги-игры, подарочные и суперподарочные фолианты.

А между тем со всех сторон мы слышим о том, что дети перестают читать.

Чтение — непростой труд, требующий воспитания и особой организации мышления. Книга сегодня все увереннее вытесняется из жизни более комфортными способами познания: телевидением, компьютером, социальными сетями, а это формирует уже другого человека, с другими мозгами, с другим эстетическим и этическим кодом.

Роль художника в книге может быть очень велика.

Это не только оформление книги как товара.

По сути дела, художник организует восприятие книги до ее прочтения. Эстетический вид книги подспудно формирует образ литературного произведения. Подобно композитору, пишущему музыку для песни, художник создает своего рода мелодию и аранжировку книги. Его работа может заглушить текст, а может раскрыть в нем новые грани, подчеркнуть его пафос.

Иллюстрация — прежде всего главный атрибут детской книги. Но она не только учит ребенка понимать слово и конструировать образы, развивает воображение, фантазию и пробуждает творческое начало. Это в значительной мере — воспитание художественного вкуса, эстетических и этических представлений, воспитание со-чувствования, всего того, что в России коротко называют — душа.

Дизайн книги имеет глубокие корни, традиции, восходящие к средневековым инкунабулам.

Расчеты идеальных божественных пропорций страницы и полосы текста, высоты строки, ритма и насыщенности письма составляли в свое время сердцевину художественных исканий в книгоиздании.

Книги мастеров дизайна сегодня — продолжение этих исканий на новом витке, мощное средство воспитания эстетического вкуса. Их достижения впечатляют.

Иллюстрирование как способ освещения содержания, создание параллельного изобразительного повествования — не столь однозначно.

Создание иллюзорной глубины изображения, по сути — приемы станковой живописи, перенесенные в книгу, разрушают плоскость страницы, превращают ее в окно и уже таким образом выступают как некий зрительный антипод ткани-текста.

Профессия иллюстратора вторична по определению, его долг — смиренно следовать за автором текста. Однако изображение и слово слишком раз-

лично по природе, и в этом залог творческой свободы иллюстратора. Ведь, в сущности, слово и изображение антагонистичны. Слово абстрактно и неисчерпаемо по количеству рождаемых образов, и у каждого читателя он свой, единственный и неповторимый. Изображение же конкретно и неподвластно слову, всякое его описание будет неполно. И тем не менее они прекрасно уживаются в книге.

Казалось бы, искусство иллюстрации — это попытка найти тот зрительный эквивалент текста, который будет максимально приемлем в дискурсе чтения как автором, так и читателем, и иллюстратор является чем-то вроде медиума. Но на самом деле иллюстрирование — это то же чтение, но чтение особого рода: это воплощение тех мимолетных зримых образов, которые возникают у каждого читателя. И здесь важно не то чтобы совпасть с восприятием читателя, что невозможно, но убедить его в адекватности изображения и авторского слова. А это предъявляет особые требования к эрудиции, проницательности и мастерству художника.

Я работаю иллюстратором много лет и благодарен судьбе за то, что она сводит меня с такими разными темами, с выдающимися авторами, за каждым из которых целый мир.

Жизнь иллюстратора фантастически интересна. Работая над книгами, мы путешествуем по разным странам и временам, по разным вселенным, вслушиваемся в голоса великих людей и сочувствуем великим страстям. С каждой новой книгой мы перерождаемся, проживая новую жизнь.

Порой, погружаясь в книгу, мы видим, как время играет акцентами, стирает одни смыслы и заменяет их другими. Воистину, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Но человеческое чувство с помощью искусства соединяет всех нас, и свой долг иллюстратора я вижу в том, чтобы воспитывать способность к эмпатии, пробуждать в человеке благодать сочувствия.

С.В. Любаев:

Я, конечно, хорошо устроился: предыдущие ораторы, коллеги, друзья все сказали. Не стану лишним раз мучить всех друзей, уважаемую публику, я просто хочу рассказать, как появляются эти импульсы, один из примеров, как люди становятся художниками. Далекий 1969 год. Серый коридор больницы, унылый, противный коридор, мы все знаем, какие в больницах бывают коридоры. Высокие потолки, унылые стены, по коридору бродят больные туда-сюда, снуют врачи, пробегая суетливо. Маленький мальчик бредет по коридору, держа в руке книжку, кажется «Чехов детям». Дойдя до последней двери, он останавливается и опасно косится в эту стеклянную дверь, огромная дверь до потолка, из стекла. Все больные доходят до этой двери, потом возвращаются обратно, кто-то плюясь, кто-то говоря «Страсть какая!». Поскорее торопятся отвести глаза. Мальчик тоже доходит до этой двери, но,

подходя, он уже знает прием: он поднимает глаза, голову вверх. И он уже не видит страшные столы из полированного дерева, которые стоят буквой «П» по огромному кабинету и на которых аккуратно расставлены банки со страшными головастыми зародышами, внутренностями и прочей требухой. Мальчик видит сияющие картины, которые развешаны по периметру всего кабинета. На этих картинах изумительной красоты золотисто-синие горы, горы фруктов необыкновенных и ярких цветов, какие-то сказочные павлины в райских кущах, в зеленых садах. Мальчик (это, конечно, я, как вы понимаете) замороженно смотрит на эту красоту, на эти дивные дивеса. Насмотревшись на эти дивные дивеса, не опуская голову, он уходит от этого кабинета. В коридоре на диванчике сидит художник, который тоже лежит в этой больнице и зарисовывает портрет своего «сопалатника» в альбом. Художник пожилой, кудлатый, зовут его Николай Николаевич. Он, не глядя на мальчика, спрашивает: «Ну как, Сережка, хороши картины?» — «Да, у нашего Арама Яковлевича таких картин много». Арам Яковлевич — про него говорят все больные с придыханием — это главный в стране «по почкам», герой соцтруда и самого Брежнева лечит, Арам Яковлевич Абрамян, великий хирург-уролог. «У нашего Арама Яковлевича великолепная коллекция этого художника, запомни его имя, его зовут Мартирос Сарьян, он тоже армянин, как и Арам Яковлевич. А ты коллекцию собираешь?» — «Собираю: марки со зверями африканскими». Художника звали Николай Николаевич Жуков, потом папа мне объяснил, что это главный военный художник в стране и рисовал даже самого Ленина, даже маленького. Как я убедился потом, дети у него получались лучше всего на свете, у Николая Николаевича. Он нарисовал мой портрет в альбомчик и, вырвав страницу, подарил. И вот так, осененный искусством, я вышел из этой страшной унылой больницы и стал рисовать. А до этого совсем не рисовал. Потом я, конечно, учился.

Когда я узнал о присуждении премии, это меня ошарашило по-хорошему, это ведь признание литературным миром еще одного вида искусства, полноценное признание. Я знаю, что литераторы всегда с уважением относились к художникам книги, но, конечно, автор, писатель всегда стоит на первом месте, он создает эти образы первым, — и я был известием о премии потрясен.

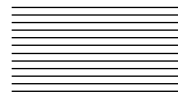
Вот опять вернусь к 1969 году. Какая-то стояла осень очень хмурая, страшная, сырая, с дождями, и папа мне сказал, когда мы вышли из больницы, что вот умер великий сказочник Корней Чуковский, сказки которого ты очень любил. И знал бы я тогда, что через 30 — да больше! — лет судьба меня сведет с его внучкой, которая изображена в «Бибигоне», с Люшей, с Еленой Цезаревной Чуковской. И мы будем вместе делать собрание сочинений ее деда великого, 10 лет мы делали это большое собрание. А когда я с ней встретился впервые, я подарил ей двухтомник «Пак с Волшебных Холмов», который переводил Григорий Михайлович Кружков с Мариной Бородинской. И вот так получается, что судьба каким-то образом сплетает людей, там, в буду-

щем их объединит вот это лауреатство²⁷. Так что я верю в жизненные знаки, в Провидение хорошее, в какое-то «скрещение судеб».

Благодаря гениальным художникам книги мы все настолько образно можем представить того или иного знаменитого героя, что эти образы сопровождают нас всю жизнь, как, например, персонажи «Мертвых душ» Анненского или гранвилевский Робинзон Крузо, Ласочка Кибрика с вишенкой во рту, Василий Теркин Верейского, лицеист Пушкин Фаворского. То есть художник становится как бы законодателем образа.

Еще раз хочу поблагодарить всех, кто причастен к этому событию, благодарность моя безмерна, и я очень тронут всем тем, что произошло, огромное всем спасибо.

²⁷ Е.Ц. Чуковская и Г.М. Кружков — лауреаты Литературной премии Александра Солженицына, 2011 и 2016 годов соответственно. — *Ред.*

«ЖЕЛАЮ ВАМ — СЧАСТЬЯ — КАПИТАН!»:

Фронтной путь Александра Солженицына в архивных документах

*Вступительная заметка, публикация и комментарий
М.П. Акулова, В.А. Мазаева, Г.А. Тюриной*

Военная тема присутствует во всех, за редким исключением, произведениях Александра Солженицына. «Память фронта» (короткая, но исчерпывающая формулировка заглавного героя «Захара-Калиты»¹) сопровождает писателя на всем долгом творческом пути, и почти всегда почвой для литературной работы является его собственный фронтной опыт. В повести «Люби революцию», которую заключенный Солженицын тайно писал в 1948 году на марфинской шарашке, представлены реалии первых месяцев его военной службы. В рассказе «Желябугские Выселки» и повести «Адлинг Швенкиттен» писатель вспоминает события полувековой давности, восстанавливая их в памяти с удивительной точностью² и живым внутренним чувством. Военные главы сочиненной в уме в каторжном лагере «Дороженьки», безунывный «Пир победителей» (единственная в истории литературы пьеса, написанная на *общих работах устно*³), «Случай на станции Кочетовка», многочисленные эпизоды в других произведениях — всякий раз, используя в литературной работе факты военной жизни, писатель строго документален и не позволяет «протиснуться» в повествование и доле вымысла. Этот принцип прослежи-

¹ Солженицын А.И. Захар-Калита // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 254.

² Этой точности способствовала помощь однополчан Солженицына, с которыми он общался в 1990-х, после возвращения в Россию. Более всего помогли разыскания Олега Николаевича Гусева (1926–2010), командира взвода, самого молодого офицера бригады, выведенного Солженицыным в повести «Адлинг Швенкиттен» под его истинной фамилией. О.Н. Гусев — сын командующего 48-й армией Николая Ивановича Гусева (1897–1962); после войны он собирал доступные в то время документы, связанные с путем своей бригады.

³ Рукописная помета на авторской машинописи пьесы 1958 года: «1951, Экибастуз, на *общих работах устно*». См.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014] / [авт.-сост. Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина]. М.: Русский путь, 2013. С. 131–132.

вается и в военных эпизодах первых узлов «Красного Колеса», свидетелем которых Солженицын не был (все же и в этом случае личный опыт автора присутствует: трагический путь самсоновской армии 1914 года пролегал в непосредственной близости от передвижений дивизиона Солженицына в 1945 году; горящий Найденбург он видел своими глазами⁴).

Война стала первым этапом испытаний, определивших, по признанию самого писателя, его творческую биографию. Военные дневники, погибшие в «адском зеве лубянской печи» в ходе следствия весной 1945-го, были началом его литературного взросления. «Я не верил в силу нашей удивительной памяти и все годы войны старался записывать всё, что видел (это б ещё полбеда), и всё, что слышал от людей. Я безоглядчиво приводил там полные рассказы своих однополчан — о коллективизации, о голоде на Украине, о 37-м годе <...>. От самого ареста... раскалённые клещи сжимали мне сердце. Эти все рассказы, такие естественные на передовой, теперь дышали сырою тюрьмою для чистых, мужественных, мятежных моих однополчан»⁵. По счастью, никто из батареи Солженицына от литературных занятий своего командира не пострадал⁶. Тюрьма писателя началась с *самого легкого вида* ареста — так он скажет много позже, по прошествии двадцати лет начиная свой *опыт художественного исследования* «Архипелаг ГУЛАГ». В самый же момент ареста это событие ему, боевому офицеру, орденоносцу, виделось совершенно иначе: «ослепляющая вспышка и удар, от которых настоящее разом сдвигается в прошедшее, а невозможное становится полноправным настоящим»⁷. Жизнь в этом *невозможном* у Солженицына начинается совершенно *немыслимым* образом: простым человеческим пожеланием счастья, столь не подходящим к ситуации, но оказавшимся столь действенным в судьбе писателя: «...Через этот глу-

⁴ Солженицын так вспоминал об этом: «У меня... совпало удивительно — я задумал эту эпопею до войны, избрал Восточную Пруссию, избрал самсоновскую катастрофу, — и вдруг, волею судьбы, я в эту, свою войну пошёл точно по тем местам: как шла самсоновская армия, так и я прошёл в 1945 году. Какая-то сила меня связала с этим событием, я как бы снова его увидел, в тех же местах был, спустя тридцать с лишним лет. Но, конечно, это не всё. Для того чтобы написать такую вещь, пришлось сильно войти в стратегические планы. Я читал очень много описаний вместе с картами, работ генерального штаба... Гораздо больше прочёл, чем смог отобразить» (Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения: Кавендиш, 31 октября 1983 // Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль: Верх. Волга, 1997. Т. 3. С. 176).

⁵ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 133.

⁶ См. письма однополчан Солженицына, разыскавших своего боевого командира и товарища после публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича»: «Дорогой Иван Денисович!...»: Письма читателей: 1962–1964 / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; [сост., коммент., предисл. Г.А. Тюриной]. М.: Русский путь, 2012. С. 235–270.

⁷ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 4. С. 24.

хой обруб между остававшимися и мною, обруб от тяжело упавшего слова “арестован”, через эту чумную черту, через которую уже ни звука не смело просочиться, — перешли немислимые, сказочные слова комбрига:

— Солженицын. Вернитесь. <...>

Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда мне её не протягивал!) и, в рукопожатии, при немом ужасе свиты, с теплённостью всегда сурового лица сказал безстрашно, раздельно:

— Желаю вам — счастья — капитан!»⁸

Это напутствие боевого командира, полковника З.Г. Травкина⁹, поразительным образом сбывшееся, отбрасывает тень и вперед, и назад: на дальнейшее повествование «Архипелага...», страницы которого, несмотря на страшное содержание, оставляют в душе читателя надежду и свет, и на весь предшествующий военный опыт Солженицына, навсегда сросшийся в нем (несмотря на не менее страшные реалии) с ощущением чистоты и святости фронтового братства. «Ребята чистые, друзья фронтовые» — так он писал о своих товарищах в конце 1950-х, такими они предстают в его военной прозе 1990-х.

Военная тема у Солженицына, как уже было отмечено, строго документальна, хотя главным источником в этой работе писателя была его собственная память. Возможность исследовать соответствующие архивные материалы появилась совсем недавно: Министерство обороны Российской Федерации предоставило в широкий доступ большой массив военной документации, более полувека остававшейся засекреченной. Сегодня можно ознакомиться с оперативными документами 794-го отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона (ОАРАД), в котором служили Солженицын и его товарищи, ставшие впоследствии героями его произведений¹⁰. Такое изучение позволяет, в частности, составить подробный, развернутый документальный комментарий буквально к каждой

⁸ Там же. С. 35–36.

⁹ Захар Георгиевич Травкин (1904–1973) — командир 68-й армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады, в которую входил дивизион Солженицына. Войну окончил генерал-майором артиллерии. См. профиль З.Г. Травкина на интернет-портале Министерства обороны Российской Федерации «Память народа», где размещены документы его фронтового пути.

Комбриг Травкин еще раз поддержал своего бывшего комбата, подписав в 1946 году уже осужденному Солженицыну блестящую боевую характеристику. После публикации «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицын его разыскал, см.: «Дорогой Иван Денисович!..»: Письма читателей. С. 250. Ответное письмо З.Г. Травкина: Там же. С. 251.

¹⁰ Общее число документов дивизиона, представленных в широкий доступ, составляет на сегодняшний день 232 446 ед. хр. См. интернет-портал Министерства обороны РФ «Память народа».

строке рассказа «Желябугские Выселки», где описан эпизод боевой работы батареи Солженицына в момент начала важнейшего наступления наших войск — Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов» (12 июля – 18 августа 1943). Круг источников составляют журналы боевых действий 794-го ОАРАД, карты, схемы боевых порядков, приказы командования по подразделениям, наградные листы бойцов, именные списки безвозвратных потерь личного состава и др.¹¹ Оперативные документы подписаны именами, многие из которых хорошо известны читателям военной прозы Солженицына: начальник штаба дивизиона старший лейтенант Марфунин, помощник начштаба ст. лейтенант Доброхотов-Майков, командир дивизиона капитан Пшеченко, заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Пашкин, командир бригады полковник Травкин и др. Среди оперативных документов выявлено и боевое донесение, подписанное командиром батареи звуковой разведки (БЗР-2) лейтенантом Солженицыным. Оно датировано концом июня 1943-го, временем подготовки дивизиона к наступлению. Документ озаглавлен «Артиллерийские ОП (огневые позиции), обнаруженные по звуку выстрелов и засеченные без учета систематической ошибки БЗР-2 794 ОРАД с 22.6. по 28.6.43 г.». В таблицу простым карандашом вписаны подробные характеристики засеченных огневых позиций артиллерии противника: даты и время обнаружения, точные координаты, количество и калибр орудий, район обстрела, количество выпущенных снарядов и характер стрельбы. Общее количество засеченных огневых точек — 26. В начавшемся через две недели наступлении роль звукоразведывательных батарей была исключительно важной: находясь на передовой, они выявляли огневые пункты противника, которые сразу подавлялись нашей артиллерией, что позволяло наступлению успешно продвигаться вперед. Самым живым и «доходчивым» источником являются наградные листы бойцов дивизиона, также доступные ныне для исследований (см. ниже).

Возвращаясь к сюжету рассказа «Желябугские Выселки», отметим, что география событий, характер боевых действий и состав войск в тексте Солженицына абсолютно точно подтверждаются документами и картами того времени (особенно поражает описание стрельбы катюш и данные о конкретной части, которая ее осуществляла, а также безошибочность в представлении действий немецкой авиации). Большинство героев рассказа имеют реальных прототипов, с полным совпадением фамилий, имен, воинских званий и должностей, наград и других биографических подробностей. Лишь несколько персонажей не поддаются однозначной иденти-

¹¹ Важным дополнением к документам являются опубликованные труды специалистов и свидетельства участников событий, как напр.: *Таланов А.В.* Звуковая разведка артиллерии. М.: Воен. изд-во МВС СССР, 1948; или: *Черняховский Л.Я.* Я помню: воспоминания ветеранов (2013): URL: <http://mobile.iremember.ru/index.php?task=topic&id=2013> (дата обращения: 12.09.2018).

фикации, можно выдвинуть различные предположения, кого именно из однополчан Солженицын вывел под измененной фамилией¹². Есть вопрос датировки: у Солженицына обозначено 15 июля 1943 года, по доступным фрагментам журналов боевых действий (которые, впрочем, имеют лакуны или неточности) более вероятной датой представляется 20 июля 1943 года. Уточнение хронологии требует дополнительных данных, пока нами не выявленных¹³.

В значительной мере освоены документы, связанные с сюжетом односуточной повести «Адлиг Швенкиттен». Их круг составляют все виды архивных материалов, которые упоминались выше: оперативные документы и документы личного состава. Описанный Солженицыным драматичный эпизод Восточно-Прусской стратегической наступательной операции (13 января – 25 апреля 1945) отмечается и в военно-исторической литературе, в частности в воспоминаниях командующего войсками 2-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского¹⁴. Солженицын повествует об этом событии с обычной для него документальной точностью, начиная с печальной истории отравления бойцов техническим спиртом¹⁵ и упоминания норм трофейных по-

¹² Особенно «соблазнительно» сопоставить присутствующего в «Желябугских Выселках» сметливого *Шухова* с тем бойцом батареи Солженицына, что послужил в определенной мере прототипом Ивана Денисовича (см., напр., об этом: *Солженицын А.И.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве: Париж, март 1976 // Публицистика. Ярославль: Верх. Волга, 1996. Т. 2. С. 427). Между тем выявить документы бойца с такой фамилией в батарее Солженицына не удалось. Главный «кандидат» — Василий Иванович Шихов (1912 г.р., ефрейтор, телефонист, начальник звукопоста БЗР-2). По наблюдению А.С. Немзера, изменение огласовки в фамилии главного героя рассказа могло быть вызвано тем, что «Шухов» звучит «тише» (мягче), чем «Шихов», а Солженицыну нужна была такая смысловая краска.

¹³ Не все боевые донесения штаба 794-го ОАРАД рассекречены и доступны. Так, за период с 11 июля по 3 августа 1943 года в распоряжении исследователей имеются № 62–67, 69–73, 76 и 77; за 6,8 и 9 октября 1943 № 252, 257 и 264, и т.д. Из донесений БЗР-1 за период с 12 июня по 9 июля 1943 года № 42–47, 49–59, 61 и 70.

¹⁴ Две страницы посвятил Рокоссовский рассказу об этом событии: «Эта ночь мне запомнилась. С вечера поднялась сильнейшая метель <...> передали мне тревожную телеграмму командарма 48 Н.И. Гусева: противник наступает большими силами. Командарм опасался, сможет ли его армия удержать эти рвущиеся на запад полчища. Хорошо зная Гусева, вдумчивого и опытного генерала, мы поняли, что раз уже он поднимает тревогу, значит, опасность действительно велика» (*Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. С. 319–321).

¹⁵ Из приказа войскам 48-й армии от 3 февраля 1945 года «О предотвращении отравлений личного состава продуктами питания, спиртными напитками и водой на территории Германии»: «...Несмотря на ряд приказов и директив войскам армии, обязывающих командиров соединений и частей повести решительную борьбу с фактами отравления... за последнее время вновь имели место многочисленные случаи отравления военнослужащих. Так... 21.1.45 г. от употребления антифриза отравились 31 человек сержантского и рядового состава 68 ПАБР, из них 11 умерло. ... Командиров, потворствующих распитию захваченного у противника спирта и вин — без предварительного анализа строго наказывать — вплоть до предания суду».

сылки¹⁶ и заканчивая обозначением диспозиций и передвижений воинских подразделений, как наших, так и противника. Временные рамки повести раздвигаются деталями биографии некоторых персонажей (например, майора Боева или ст. лейтенанта Кандалинцева), которые ныне подтверждаются документацией личного состава дивизиона. За бой у Адлига Швенкиттена были награждены десятки бойцов, но особенно обращает на себя внимание наградной лист майора Пашкина (рассекречен в 2008) — описание обстоятельств его подвига в деталях подтверждает рассказ Солженицына (см. ниже).

Благодаря документам мы можем поправить ошибку, закравшуюся в текст повести. «Адлиг Швенкиттен» имеет посвящение двум героям, майорам Балуеву и Боеву, погибшим в этом бою. Иван Иванович Балуев, командир 350 стрелкового полка, ошибочно назван в произведении Владимиром Кондратьевичем — несомненно, это объясняется временем работы над повестью: рассказывая в 1990-х о тех далеких событиях, Солженицын совместил в памяти двух майоров-однофамильцев, с которыми не так много общался на фронте: комполка Ивана Балуева и адъютанта командующего армией Владимира Балуева (последний благополучно довоевал до победы, скончался в 2010 году)¹⁷. Судьба майора Боева представлена с детальной точностью: дважды (1 июля и 27 сентября 1944) он представлялся к званию Герой Советского Союза, но так его и не получил. За свою доблестную смерть на поле боя он, как и Балуев, был представлен к ордену Отечественной войны 1-й степени, который «никто никогда не видел — и сестра Прасковья не получила» (этот факт, упомянутый в «Адлиге Швенкиттене», также находит сегодня подтверждение¹⁸). Повесть Солженицына стала обелиском памяти всех его павших товарищей.

В ходе работы с источниками неизбежно возникает и сюжет ареста Солженицына. Произошел он вскоре после событий, описанных в повести, не так далеко от тех мест, что в ней упомянуты. Известна топография передвижений Солженицына: из места расположения вверенной ему батареи он был вызван по телефону на командный пункт, который находился в полутора километрах, согласно выявленным документам, близ деревни Дойтшендорф

¹⁶ Из приказа об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов действующих фронтов в тыл страны от 26 декабря 1944 года: «Государственный комитет обороны постановлениями за № 7054 от 1 декабря 1944 г. и за № 7192с от 23 декабря 1944 г. разрешил хорошо исполняющим службу красноармейцам, лицам сержантского и офицерского состава, а также генералам действующих фронтов отправку личных посылок на дом. Отправка посылок может производиться не более одного раза в месяц в размерах: для рядового и сержантского состава — 5 кг, для офицерского — 10 кг и для генералов — 16 кг».

¹⁷ См.: Балуев В.К. Есть о чем вспомнить. Иваново, 2008.

¹⁸ До войны Павел Боев жил в городе Петропавловске (Северный Казахстан) с сестрой Прасковьей Афанасьевной Чириковой, которой весной 1945 пришло извещение о том, что майор Боев числится без вести пропавшим. См.: <http://libed.ru/konferencii-istoriya/784423-2-departament-kulturi-hmao-yugri-byudzhetnoe-uchrezhdenie-hmao-yugri-muzey-prirodi-cheloveka-svyaz-vremen-materiali.php> (дата обращения: 31.08.2018).

(ныне польская деревня Вильчента). Ночь он провел в карцере армейской контрразведки — подвале домика пастора. На следующий день началась «пешая Владимирка» из городка Остероде (ныне Оструда) в Бродницу, где в подвале величественного кирпичного здания находилась тюрьма контрразведки 2-го Белорусского фронта. Оттуда арестант был доставлен поездом в Москву, на Лубянку. Стараниями польских краеведов в 2008 году на здании бывшей тюрьмы Смерша установлена мемориальная доска в память трехдневного пребывания в ней будущего нобелевского лауреата, а в центральном парке Бродницы, носящем имя Иоанна Павла II, был установлен обелиск с барельефом писателя (единственный на сегодняшний день памятник Солженицыну за пределами России). Остаются неразрешенными два вопроса — точное место расположения БЗР-2, где Солженицын принял по телефону приказ явиться к командиру бригады, и дома, где находился командный пункт Травкина, в котором и произошел арест. Эта информация не зафиксирована в доступных журналах боевых действий и схемах расположения частей (возможно, она найдется в следующей партии рассекреченных документов). Пока мы можем лишь выдвигать предположения, исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных: накануне ареста комбата Солженицына 68-я армейская пушечная артиллерийская бригада, совершив марш, заняла боевые позиции в районе Дойтшендорфа, в 16 км северо-западнее города Вормдигта (ныне Орнета).

Поиски указанных точек продолжаются нами при участии специалистов краеведческого музея в Броднице. Работа осложнена тем обстоятельством, что население края полностью сменилось после окончания войны (немцы, жившие в этой области Восточной Пруссии, ушли, их дома заняли переехавшие в эти места поляки). Больше людей «говорят» здания и сооружения, сохранившиеся с довоенных и военных времен (после окончания войны в этой местности мало что восстанавливали или строили нового), или следы и руины тех, что были разрушены. Так, во время экспедиции нами были обнаружены фрагменты первоначальных опор железобетонного моста на реке Пассарге (ныне Пасленка), который был частично поврежден в ходе боев и заменен современным на прежнем месте¹⁹.

Из огромного массива выявленных на сегодняшний день архивных источников мы отобрали для публикации в первую очередь — документы, запечатлевшие фронтową путь Солженицына. Часть из них уже публиковалась в тех или иных изданиях, их содержание отражено в биографии писателя²⁰. Тем не менее мы сочли нужным собрать их вместе и представить единым корпусом — для исследователей такая публикация, несомненно, будет полезной. Предваряем тексты документов Солженицына фрагментами наград-

¹⁹ Этот мост описан в повести «Адлиг Швенкиттен».

²⁰ Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2009. (ЖЗЛ).

ных листов его однополчан — не требующее комментария свидетельство жизни и боевой работы разведывательного дивизиона, с которым связана военная дорога Солженицына.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ НАГРАДНЫХ ЛИСТОВ БОЙЦОВ 794-го ОТДЕЛЬНОГО АРМЕЙСКОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДИВИЗИОНА

*Июль 1943 – февраль 1945*²¹

Овсянников Виктор Васильевич. 1923 г.р. лейтенант. Командир линейного взвода БЗР-2. Представляется к медали «За отвагу»²². <...>

16.7.43 г. после продвижения наших передовых частей вперед, БЗР-2 заняла новый боевой порядок, который подвергся сильной бомбежке авиации противника, в результате чего связь звукопостов была прервана, но, несмотря на сильный артиллерийский минометный огонь противника и благодаря умелой организации лейтенанта Овсянникова, связь звукопостов была восстановлена полностью в продолжение 25 минут. 26 июля 1943 г. Командир 794 ОАРАД капитан *Пшеченко*²³.

Марфунин Петр Ефимович. 1914 г.р. Ст. лейтенант. Начальник штаба 794 ОАРАД²⁴. Представлен к ордену Отечественной войны 2-й степени. <...>

За умелое планирование в определении укрепленного района Казарь, высоты 248,2 Большой Малиновец, за точный анализ группировки артиллерии противника, что дало возможность подавить и быстро прорвать нашими частями сильно укрепленную линию обороны немцев, и за личное руководство по топопривязке боевого порядка дивизиона, под интенсивной бомбежкой с воздуха, при этом будучи ранен 24.7.43 г., но приказ по топоразведке был выполнен в срок²⁵. 31 июля 1943 г. Командир 794 ОАРАД капитан *Пшеченко*²⁶.

²¹ Мы не приводим шифров публикуемых документов, все они доступны на интернет-портале «Память народа».

²² Дополнительные сведения из наградного листа: в Рабоче-крестьянской Красной армии с 1 января 1942 года. Место призыва: Александровский районный военный комиссариат, Ивановская обл., Александровский р-н. Участвовал в Великой Отечественной войне с марта 1943 года.

После ареста Солженицына в феврале 1945 стал командиром БЗР-2.

Герой нескольких произведений Солженицына: прототип Ячменникова в «Пире победителей» и в «Дороженьке», под своим именем выведен в «Архипелаге...», «Желябутских Выселках» и «Адлге Швенкиттене».

²³ Приказ командующего артиллерией 63-й армии № 5/н от 10 августа 1943 года.

²⁴ В РККА с 1937 года. Место призыва: Щекинский РВК, Тульская обл., Щекинский р-н. Участвовал в Великой Отечественной войне с 22 июля 1942 года. Ранен 24 июля 1943 года.

²⁵ Сохранен синтаксис текста документа.

²⁶ Приказ командующего артиллерией 63-й армии № 018/н от 9 сентября 1943 года.

Пашкин Арсений Алексеевич. 1909 г.р. Капитан. Зам. командира 794 ОАРАД по политчасти²⁷. Представляется к награде орденом «Отечественной войны 2-й степени. <...>

На Орловском направлении 14 июля 43 г. в районе Прогресс, видя, что усилился огонь противника, он по своей личной инициативе под ураганным огнем минометов и артиллерии противника выбросил ВЗОР (взвод оптической разведки) в районе пехоты 287 и 348 стрелковой дивизии и сам немедленно приступил к засечке целей противника, которые передавал артиллерии для их подавления, что дало возможность почти без потерь продвигаться пехоте вперед и взять д. Сетуху.

16.7.43 г. при взятии Архангельское сильно мешал минометный и артиллерийский огонь противника продвигаться вперед. Нужно было немедленно развернуть БЗР-1 (при наличии больших потерь) для выявления огневых позиций артиллерии и минометов противника. Тов. Пашкин своей конкретной распорядительностью обеспечил в срок развертывание батареи, а сам немедленно взялся за эвакуацию 21 раненого в госпиталь. 26 августа 1943 г. Командир 794 ОАРАД капитан *Пшеченко*²⁸.

Пшеченко Евгений Федорович. 1913 г.р. Капитан. Командир 794 ОАРАД. Представляется к ордену Отечественной войны 1-й степени²⁹. <...>

В период подготовки к наступательным боям тов. Пшеченко организовал разведку артиллерийских батарей противника, в результате чего ни одна стреляющая батарея не проходила незамеченной. Всего до 11.7.43 г. ОАРАД засечено 25 арт. батарей противника.

В период прорыва сильно укрепленной полосы противника 12.7.43 г. тов. Пшеченко правильно организовал работу звукобатарей по пристрелке и подавлению батарей противника. С помощью БЗР подавлено 5 батарей противника. В последующие дни наступательных боев т. Пшеченко лично руководил работой звукобатарей по засечке и подавлению батарей противника.

В период последующего наступления звукобатареями ОАРАД засечено 35 батарей противника, подавлено со звукобатареями 10 батарей противника.

Тов. Пшеченко своевременно и правильно давал выводы о группировке артиллерии противника, обнаруженные ОАРАД батареи противника немед-

²⁷ В РККА с мая 1939 года. Место призыва: Орчевский РВК, Бессарабия. Участвовал в Великой Отечественной войне с июля 1942 года. Тяжело ранен 18 августа 1941 года на Южном фронте. Прототип Ванина в «Пире победителей».

²⁸ Приказ командующего артиллерией 48-й армии № 136/н от 20 февраля 1945 года.

²⁹ В РККА с 1935 года. Место призыва: Богодуховский РВК, Украинская ССР, Харьковская обл., Богодуховский р-н. Участвовал в Великой Отечественной войне с 22 июня 1941 года. Трижды ранен.

Прототип Бербенчука в «Пире победителей».

ленно подавлялись или уничтожались, что обеспечивало успешное продвижение пехоты вперед. 3 августа 1943 г. Командир 44 ОТПАБр РК гвардии полковник *Айрапетов*³⁰.

Степанов Сергей Максимович. 1910 г.р. Ст. лейтенант. Командир БЗР-1³¹. Представляется к ордену Отечественной войны 2-й степени. <...>

Во время подготовки операции по захвату плацдарма на западном берегу р. Сож батарея, которой командует ст. лейтенант Степанов занимала боевой порядок в г. Ветка и ежедневно находилась под непрерывным арт. обстрелом со стороны противника, но, несмотря на то что снаряды рвались вокруг центральной станции, ст. л-т Степанов лично руководил засечкой артиллерии противника и сам корректировал пристрелку и подавление вражеских батарей. 7 ноября 1943 г. Командир 794 ОАРАД майор *Пшеченко*.

Пшеченко Евгений Федорович. 1913 г.р. Майор. Командир разведдивизиона 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады. Представляется к ордену Александра Невского. <...>

Командир разведдивизиона майор Пшеченко в период подготовки прорыва сильно укрепленной обороны противника севернее г. Рогачев и форсировании р. Друть с 10.6.44 г. по 23.6.44 г. и в период боев 24–25.6.44 г. умелой организацией разведслужбы своим дивизионом разведал: артбатарей — 19, отдельных орудий — 43, минбатарей — 1, отдельных минометов — 3, дзотов — 25, блиндажей — 51, НП (наблюдательных пунктов) — 8.

За дни боев (24–25.6.44 г.) из разведанных целей дивизионом майора Пшеченко только огнем бригады подавлено артбатарей — 15, отдельных орудий — 5, минбатарей — 1, уничтожено пультачек — 3, разрушено дзотов — 11, НП — 8.

Благодаря хорошо поставленной майором Пшеченко разведке, данные которой были переданы в штабы 29 и 42 СК (стрелковых корпусов), артиллерией была предоставлена возможность подавить и разрушить оборонительную систему противника, в результате чего за два дня боев пехота соединений 29 СК продвинулась в глубину на 10–12 км. 5 июля 1944 г. Командир 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады полковник *Травкин*³².

Соломин Илья Матвеевич. 1921 г.р. Ст. сержант. Командир отделения вычислителей батареи звукоразведки разведдивизиона 68 артиллерийской

³⁰ Приказ войскам 68-й армии № 053/н от 08 августа 1943 года.

³¹ В РККА с 1935 года. Место призыва: Запорожский РВК, Украинская ССР, Запорожская обл., Запорожский р-н. Участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 года. Ранен 9 октября 1941 года.

³² Приказ командующего артиллерией 48-й армии № 81/А от 10 июля 1944 года.

пушечной С-Р бригады³³. Представляется к ордену Отечественной войны 2-й степени. <...>

В боях 24 и 25 июня во время напряженной артиллерийской канонады с обеих сторон, совершенно исключавшей работу звукобатареи, ст. сержант Соломин, не вставая из-за стола дешифровщика в течение 36 часов, сумел проявить исключительную находчивость и высокие знания специальности.

Среди сплошных записей звуков боя он сумел определить трудно различимые звуки целей № 299, 300 и 301, которые, находясь в д. Марусино и южнее, вели ожесточенный фланговый огонь по г. Рогачеву, переправе через р. Друть и нашим войскам, наступающим на правом берегу р. Друть, которые были подавлены 3-й батареей. 5 июля 1944 г. Командир РАД-68 майор *Пшеченко*³⁴.

Овсянников Виктор Васильевич. 1923 г.р. Лейтенант. Командир взвода звукобатареи № 2 разведдивизиона 68 АПАБ. Представляется к ордену Красной Звезды. <...>

Во время преследования противника 15.7.44 г. при развертывании на рубеже р. Россь... командир линейного взвода лейтенант Овсянников с утра и до успешного форсирования р. Россь лично работал на предупредителе — на безымянной высоте юго-западнее дер. Михайлово. По высоте, где стояли на прямой наводке наши орудия и лежала пехота, противник весь день вел непрерывный яростный огонь.

Каждую минуту находясь под смертью, оглушенный разрывами, л-т Овсянников весь день руководил засечкой целей. В шуме канонады, благодаря большому фронтовому опыту и искусству разведчика, он умело отделял, находил выстрелы минометных и артиллерийских батарей противника. Ему удалось засечь 6 активных батарей, стрелявших с основных ОП (огневых пунктов). По трем из них он же провел корректировку огня 2-го дивизиона. Батареи замолчали, пехота форсировала р. Россь. 17 июля 1944 г. Командир РАД майор *Пшеченко*³⁵.

Травкин Захар Георгиевич. Полковник. Командир 68-й Армейской пушечно-артиллерийской бригады³⁶. Представляется к ордену Суворова 2-й степени. <...>

Подготовив операцию к прорыву сильно укрепленной обороны противника на реке Друть северо-западнее г. Рогачев, полковник Травкин уделил

³³ В РККА с 1939 года. Место призыва: Ворошиловский РВК, Белорусская ССР, г. Минск. Прототип Сомина в «Дороженьке».

³⁴ Приказ командующего артиллерией 48-й армии № 81/А от 10 июля 1944 года.

³⁵ Приказ 68-й армейской пушечной артиллерийской бригады 1-го Белорусского фронта № 21 от 18 июля 1944 года.

³⁶ См. выше, примеч. 9.

большое внимание обороне противника и его огневым точкам, используя средства разведки бригады.

Только на участке бригады было обнаружено 23 НП, 38 дзотов, 82 блиндажа, 10 пулеметных точек, склад с боеприпасами, 35 артбатарей, 8 минометных батарей, 57 отдельных орудий и 8 отд. минометов. Действуя с частями 29 стрелкового корпуса, умело руководил огнем своей бригады и только за первый день прорыва было подавлено: 22 арт. батареи, 4 мин. батареи, 11 отдельн. орудий. Уничтожено: 5 НП, 10 дзотов, 1 танк, зарытый в землю. Умело взаимодействуя с пехотными частями, сопровождая ее огнем валом, обеспечил ей успех почти без потерь овладеть высотами 147,1, 149,5 и северной окраиной Вишеньки.

За весь период Бобруйской операции бригада успешно справилась с задачей контрбатарейной борьбы, что способствовало успешному продвижению наших войск. 10 августа 1944 г. Командующий артиллерией 48-й армии генерал-майор артиллерии *Тимотиевич*³⁷.

Доброхотов-Майков Александр Сергеевич. 1917 г.р. Капитан. Помощник начальника штаба 121 стрелкового корпуса по разведке³⁸. Представляется к ордену Отечественной войны 2-й степени. <...>

В период прорыва укреплений противника при форсировании реки Днепр, реки Неман лично своим наблюдением с наблюдательного пункта обнаружил расположение огневых точек противника. При выполнении боевого задания был тяжело контужен, но несмотря на контузию, товарищ Доброхотов-Майков отказался ехать в госпиталь, а находился при исполнении своих обязанностей. [Число не проставлено.] августа 1944 г. Начальник штаба артиллерии 121 стрелкового корпуса майор *Малашенков*³⁹.

Кончиц Андрей Андреевич. 1922 г.р. Рядовой. Топограф звукобатарей развед. д-на 68 арм. пуш. арт. Севско-Речицкой ордена Суворова бригады⁴⁰. Представляется к ордену Красной Звезды. <...>

3.09.44 г. из района Жонсьных-Майдан 3-орудийная 105 мм батарея противника открыла беглый огонь по скоплению пехоты. Рядовой Кончиц,

³⁷ Указ Президиума Верховного совета СССР.

³⁸ В РККА с 1939 года. Место призыва: Ростокинский РВК, г. Москва. Участвовал в Великой Отечественной войне с 22 июня 1941 года. Ранен 25 сентября 1941. Контужен 24 июля 1944 года. Погиб 9 февраля 1945 года.

Выведен под своим именем в «Пире победителей», но сделан в пьесе начальником штаба (вместо Марфунина, который нигде у Солженицына не упоминается). Прототип Райцева-Ярцева в «Красном Колесе».

³⁹ Приказ войскам 49-й армии 2-го Белорусского фронта № 090 от 2 сентября 1944 года.

⁴⁰ В РККА с 1943 года. Место призыва: Светиловичский РВК, Белорусская ССР, Гомельская обл., Светиловичский р-н. Участвовал в Великой Отечественной войне с октября 1943 года.

Прототип Турича в «Дороженьке», под своим именем выведен в «Желябугских Выселках».

работая чертежником, с исключительной быстротой и точностью засек по данным ему отчетам стреляющую батарею, которая тотчас же была подавлена огнем 3/68 ПАБР.

При проверке на местности обнаружили одно орудие разбитое и два исправных с большим запасом боеприпасов. 9 сентября 1944 г. И.о. командира разведывательного дивизиона капитан *Марфунин*⁴¹.

Овсянников Виктор Васильевич. 1923 г.р. Ст. лейтенант. Командир линейного взвода БЗР-2 разведдивизиона. Представляется к ордену Отечественной войны 2-й степени. <...>

14.01.45 г. после артподготовки в условиях сильного шума, когда аппаратура работать не могла, дополнительно размотав две катушки кабеля, идя вслед за пехотой и дойдя до первых траншей противника, сумел под сильным обстрелом, благодаря выработанной тренировке, с помощью секундомера и буссоли определять направления и примерные дальности до целей, мешавших продвигаться нашей пехоте. Три таких оживших огневых точки противника были подавлены огнем дивизионом. 21 января 1945 г. Командир разведывательного дивизиона подполковник *Пшеченко*⁴².

Пашкин Арсений Алексеевич. 1909 г.р. Майор. Зам. командира 794 ОАРАД по политчасти⁴³. Представляется к ордену Отечественной войны 1-й степени. <...>

С 26 на 27 января 1945 г. противник обходным маневром с юга обошел дер. Дитрихсдорф и в составе около 200 чел. колоннами шел по дороге на д. Адлинг Швенкиттен, где находилась вся боевая техника 2-й звукобатареи. 3 полуторки с грузом выехали по направлению Дитрихсдорф и загрузили в снегу перед лесом и в лесу в указанном направлении.

С получением радиogramмы от командира батареи о том, что противник обходит его расположение, зам. по политчасти ком. дивизиона майор Пашкин немедленно выехал к месту, угрожающему опасности техники и действует ему свойственной здоровой инициативой.

Всю звукоаппаратуру отправляет на конной тяге в господский двор д. Питтинен, а сам с группой бойцов выехал к машинам с трактором для буксировки их и вывода из леса в этот же господский двор. Противник подошел вплотную к ним с восточной стороны дороги и открыл ружейно-автоматный огонь по личному составу батареи, отрезав пути отхода. Майор Пашкин немедленно подал команду открыть ответный огонь и приостановить надвигающую группу немцев в д. Адлинг Швенкиттен, что и было сделано.

⁴¹ Приказ 68-й Севско-Речицкой бригаде № 029 от 16 сентября 1944 года о награждении медалью «За боевые заслуги».

⁴² Приказ командующего артиллерией 48-й армии № 131/н от 9 февраля 1945 года.

⁴³ В РККА с мая 1939 года. Место призыва: Орчевский РВК, Бессарабия.

В результате умелого руководства личным составом, его личной здоровой инициативы в бою была спасена: вся звукоаппаратура, был выведен из-под огня трактор с пушкой, весь состав людей в полном вооружении без потерь.

За проявленное мужество и отвагу в борьбе с немецкими захватчиками на территории Восточной Пруссии достоин правительственной награды орденом Отечественной войны 1-й степени. 28 января 1945 г. Командир разведдивизиона подполковник *Пшеченко*⁴⁴.

Исаков Роман Васильевич. 1894 г.р. Рядовой. Повар БЗР-2⁴⁵. Представляется к медали «За боевые заслуги». <...>

Рядовой Исаков на должности повара больше года. За время службы умело, заботливо и добросовестно относится к своим обязанностям. В каких трудных условиях батарея ни находилась, рядовой Исаков всегда обеспечивал трехразовое питание.

14.01.45 г. во время нашей артподготовки... под ответным огнем противника доставил завтрак на наблюдательный пункт. Возвращаясь с НП (предупредителя)... увидел порванную линию и немедленно ее исправил, за что получил благодарность от командира батареи. 29 января 1945 г.⁴⁶

Боев Павел Афанасьевич. 1915 г.р. Майор. Командир 2 дивизиона 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой ордена Суворова бригады⁴⁷. Представляется к ордену Отечественной войны 1-й степени (посмертно). <...>

В наступательных боях в Пруссии майор Боев проявил мужество, отвагу и умение руководить маневренностью огнем дивизиона. На его счету большое количество подбитых танков, орудий, уничтоженных батарей, пехоты.

Его дивизион 152 мм пушка-гаубица 37 г., преследуя противника, занял боевой порядок в районе Адлинг.

Противник в ночь на 27.01.45 г. силами танков и пехоты перешел в контратаку. Майор Боев, находясь на наблюдательном пункте в боевых порядках пехоты, открыл огонь по противнику.

С флангов, до 7 танков с пехотой, прорвались на его наблюдательный пункт. С группой разведчиков и связистов майор Боев принял этот неравный

⁴⁴ Приказ командующего артиллерией 48-й армии № 136/н от 20 февраля 1945 года.

⁴⁵ В РККА с декабря 1942 года. Место призыва: Ак-Курганский РВК, Узбекская ССР, Ташкентская обл., Ак-Курганский р-н. Участвовал в Великой Отечественной войне с марта 1943 года. Под своим именем упоминается в «Желябугских Выселках».

⁴⁶ Приказ командующего артиллерией 48-й армии № 136/н от 20 февраля 1945 года.

⁴⁷ В РККА с 1939 года. Место призыва: Петропавловский ГВК, Казахская ССР, Северо-Казахстанская обл., г. Петропавловск.

Герой «Желябугских Выселок» и «Адлига Швенкиттена».

бой. Приказав сменить наблюдательный пункт, сам занимал новогоднешний рубеж. Майор Боев встретился лицом к лицу с танками противника, и здесь на боевом посту оборвалась жизнь решительного, храброго волевого командира дивизиона. [*Число не проставлено.*] февраля 1945 г. Командир 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой ордена Суворова бригады полковник *Травкин*⁴⁸.

Балуев Иван Иванович. 1915 г.р. Майор. Командир 350 стрелкового полка 96 стрелковой Гомельской ордена Суворова дивизии⁴⁹. Представляется к ордену Отечественной войны 1-й степени (посмертно). <...>

В ночь с 26 на 27 января 1945 г. противник перешел в контратаку на участке полка. Тов. Балуев принял командование полком и организовал бой с превосходящими силами противника. Сам лично несколько раз водил в контратаку бойцов.

В боях за деревню Альбрехсдорф и в районе г. Вормдитта 28.1.45 г. противник силой до 2 батальонов пехоты с танками переходил 3 раза в контратаку. Тов. Балуев с группой бойцов и офицеров мужественно отразил их. В этом бою сам лично тов. Балуев уничтожил 18 гитлеровцев. Всего за 3 дня с 26 по 29 января 1945 г. за время его командования полком нанесены большие потери противнику в живой силе и материальной части.

29.1.45 г. в период отражения контратаки был смертельно ранен, но не уходил с поля боя и продолжал командовать полком и только после разрешения был эвакуирован в госпиталь, где и умер. 12 февраля 1945 г. Командир 96 стрелковой Гомельской ордена Суворова дивизии генерал-майор *Булатов*⁵⁰.

Ларин Алексей Николаевич. 1914 г.р. Ст. лейтенант. Оперуполномоченный отдела контрразведки Смерш 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой орденов Суворова, Александра Невского бригады⁵¹. Представляется к ордену Отечественной войны 2-й степени. <...>

За период наступательных операций в Восточной Пруссии тов. Ларин отлично выполнил важное государственное спец. задание по изъятию вражеского элемента. Лично Лариным было изъято несколько десятков этого элемента.

⁴⁸ Приказ командующего артиллерией 48-й армии № 140/н от 4 марта 1945 года.

⁴⁹ В РККА с 1936 года. Место призыва: Нытвенский РВК, Молотовская обл., Нытвенский р-н. Участвовал в Великой Отечественной войне с марта 1942 года.

Герой «Адлига Швенкиттена».

⁵⁰ Приказ войскам 48-й армии № 717/н от 28 февраля 1945 года.

⁵¹ В РККА с сентября 1936 года. Место призыва: РВК Красноярский край. В Отечественной войне с 25 июля 1941 года. 10 сентября 1942 года легко ранен.

Под своим именем упоминается в «Адлиге Швенкиттене».

Ларин провел большую работу внутри части о недопущении и своевременном пресечении измены родины и дезертирства со стороны враждебного и неустойчивого элемента. Им лично предупреждено 7 случаев дезертирства и измены родины.

Ларин во время боя всегда находился вместе с бойцами и своей оперативной чекистской работой способствовал успешному продвижению наших частей.

Ларин, в результате проведенных им оперативных мероприятий внутри части по очищению от всякой вражеской нечисти, способствовал командованию по выполнению основной задачи в разгроме врага.

За отличное выполнение возложенных на него государственных заданий тов. Ларин достоин правительственной награды ордена Отечественной войны 2-й степени. [*Не позднее 2 мая 1945.*]⁵² Начальник отдела контрразведки СМЕРШ 63 Артбригады *Тарасов*.

ДОКУМЕНТЫ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

1941–1957

1. Военный билет А.И. Солженицына. 1941⁵³

Военный билет

ФИО *Солженицын Александр Исаевич*

Выдан *10 мая 1941*

I. Военно-учетные сведения

Год рождения *1918*

Отметка о категории учета *Запас второй категории*

Группа учета *НКО (Народный комиссариат обороны)*

Состав *рядовой*

№ военно-учетной специальности *134-а*

Наименование военно-учетной специальности *ограниченно годный, необученный*

II. Общие сведения

Специальность (гражданская) *математик*

Состоит ли в ВЛКСМ *член ВЛКСМ 1938*

Национальность *русский*

Родной язык *русский*

Знание иностранных языков *немецкий, слабо английский*

⁵² Документ датируется по штампу о приеме в делопроизводство. Точная дата представления не указана.

⁵³ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

Общественная группа служащих

Грамотность и образование *Ростовский госуниверситет физмат 1941*

Место рождения *Орджоникидзевского края г. Кисловодск*

III. Сведения о прохождении призыва *Призывной комиссией Кировского Райвоенкомата г. Ростов н/Д. в 1941 г. признан годным к нестроевой службе в военное время по ст. 7-б гр. I пр. 184-40*

Начальник 1 части Кировского РВК [*Подпись нрзб.*]

IV. Краткие сведения о прохождении службы в кадрах РККА [*записи отсутствуют*]

V. Принятие военной присяги *Принял военную присягу при 74 Отдельном гуж. трансп. батальоне 21 декабря 1941 г. Командир части и военный комиссар части [Подписи нрзб. Печать батальона].⁵⁴*

2. Справка А.И. Солженицына из 74-го Отдельного гужево-транспортного батальона. 1941⁵⁵

Народный Комиссариат Обороны Союза СССР. 74-й Отдельный гужтранспортный батальон. Общая часть. 10 марта 1941 г. № 1/1043

Справка

Дана гр. Решетовской Наталье Алексеевне в том, что ее муж, красноармеец т. Солженицын Александр Исаевич находится на действительной военной службе в 74-м Отдельном гужтранспортном батальоне с 28 октября 1941 г. в должности рядового красноармейца 296-й Отдельной гужтранспортной роты.

Справка выдана для предоставления льгот, положенных семьям военнослужащих.

Командир 74-й ОГТБ капитан [*нрзб.*], военком *Юрин*

3. Приказ о зачислении А.И. Солженицына в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. 1942⁵⁶

Приказ по 3 Ленинградскому артиллерийскому училищу № 155

15 апреля 1942 г. По части строевой: §2.

Зачислить в списки переменного состава училища и на все виды довольствия: военнослужащего Солженицына Александра Исаевича, прибыв-

⁵⁴ В документе проставлены штампы: постановка на учет в Ростове 12 мая 1941 года, снятие с учета 13 августа 1941 года, постановка на учет в Морозовске 21 августа 1941 года; таблица «Измерения роста, головы, ступни в сантиметрах или условных номерах (ростовках)». Зафиксирован только размер обуви, «6-43 (с)», остальные показатели отсутствуют.

⁵⁵ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

⁵⁶ ЦАМО. Ф. 60167. Оп. 35251. Д. 60. Л. 40, 40 об.

шего из Артиллерийских Краснознаменных Курсов Усовершенствования Комсостава Красной Армии, с 15.4.42 г.

Основание: командировочное предписание 43/60.

Начальник училища полковник *Слепаков*, военком училища полковой комиссар *Шубович*, начальник строевого отдела ст. лейтенант *Кузнецов*

4. Справка А.И. Солженицыну из 3-го Ленинградского артиллерийского училища. 1942⁵⁷

3 Ленинградское Артиллерийское училище. По части строевой. 29 апреля 1942 г. № СО/2904.

Справка

Дана настоящая Солженицыну А.И. в том, что он действительно является курсантом 3 Ленинградского Артиллерийского училища. Справка выдана для предъявления по месту жительства родителей. Начальник строевого отдела ст. лейтенант *Кузнецов*⁵⁸

5. Приказ о присвоении А.И. Солженицыну воинского звания «лейтенант». 1942⁵⁹

Приказ по Главному управлению начальника артиллерии Красной армии по личному составу артиллерии № 0274

1 ноября 1942 г. Москва

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 года «О введении персональных военных званий Начальствующего состава Красной Армии» курсантам, окончившим в ноябре 1942 года 3 Ленинградское артиллерийское училище Красной Армии присвоить военное звание «ЛЕЙТЕНАНТ» и назначить в распоряжение командира 9 запасного разведывательного артиллерийского полка: <...>⁶⁰

116. СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича

Заместитель начальника артиллерии Красной армии генерал-лейтенант артиллерии *Тихонов*

⁵⁷ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

⁵⁸ На обороте — отметка нотариуса удостоверяет «верность настоящей копии с подлинником ее, представленным в контору гр. Солженицыной Таисией Захаровной жит[ельницей] Георгиевска, Линейная № 36... тысяча девятьсот сорок второго года июля двадцать пятого дня».

⁵⁹ ЦАМО. Ф. 36. Оп. 11575. Д. 340. Л. 303, 315, 318, 330.

⁶⁰ Здесь и далее в опущены фамилии других бойцов, упомянутых в приказе.

6. Боевое донесение штаба 794-го ОАРАД о действиях БЗР. 1943⁶¹

Боевое донесение штаба 794 ОАРАД № 65

Роща (кв. 68–54). 17.00 15.7.43 г.

Карта 1:50000 — 41 г.

1. Наши части занимают рубеж: вост. окраина дер. Паниковец, овраг юж. Паниковец, 1 км. вост. ст. Ворошилово. Овраг кв. 65–48.

Наша артиллерия обстреливала позиции, занимаемые противником и ст. Ворошилово. Артиллерия противника проявляла значительную активность. Дивизион занял новый боевой порядок.

БЗР-2 засекла цели:

№ 781 — 105 м/м миномет $x = 67958$ $y = 48440$

№ 782 — 105 м/м батарея $x = 68750$ $y = 48293$

№ 783 — 105 м/м орудие $x = 67850$ $y = 46600$

№ 784 — 105 м/м орудие $x = 68465$ $y = 48114$

№ 785 — 105 м/м миномет $x = 66766$ $y = 48154$

БТР (батарея топографической разведки) подтягивала сеть опорных точек. ВЗОР вел наблюдение за полем боя.

Фотозвод занимался спецподготовкой по расписанию.

При перемещении БЗР-1 на новый боевой порядок шедшая пешая колонна натолкнулась на минное поле. В результате взрывов мин убит один человек — красноармеец Лебедев звукометрист, 7 чел. тяжело раненных, легко раненных 15 человек [список раненных].

При разрыве снаряда вблизи поста ВЗОР нач. поста мл. сержанту Сопову оторвало осколком левую ногу в бедре, итого в дивизионе вышло из строя 24 человека. Раненым оказана первая помощь и отправлены в госпиталь.

Потерь в технике нет.

Продовольствием дивизион обеспечен на 1 сутки.

Бензина по 2 заправки на автомашину.

Политико-моральное состояние личного состава здоровое.

Нач. штаба старший лейтенант *Марфунин*

7. Наградной лист А.И. Солженицына с представлением к ордену Отечественной войны 2-й степени. 1943⁶²

Наградной лист

ФИО *Солженицын Александр Исаевич*

Звание *лейтенант*

⁶¹ ЦАМО. Ф. 9849. Оп. 1. Д. 20. Л. 72 и след.

⁶² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 147. Л. 307, 307 об.

Должность командир батареи звуковой разведки – 2 794 ОАРАД
Представляется к Ордену Отечественной войны 2-й степени
Год рождения 1918
Национальность русский
Партийность беспартийный
Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР Отечественная война в 1943 г. марта месяца
Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне нет
С какого времени в Красной Армии октября 1941
Каким РВК призван Морозовским РВК Ростовской обл.
Чем ранее награжден нет
Постоянный домашний адрес Казахская ССР. Алма-Атинская область Талды-Курганский сах-комбинат 10-я улица № 6 Техникум пищевой промышленности⁶³

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Командир БЗР-2 лейтенант Солженицын получил в январе 1943 г. необученных бойцов. К 17 марта 1943 г. батарея звуковой разведки была обучена звуковой разведке и готова к выполнению боевой задачи. За период май — июнь месяца БЗР-2 под умелым руководством лейтенанта Солженицына выявила основную группировку артиллерии противника на участке Малиновец — Сетуха — Бол. Малиновец (Орловское направление) и 11.6.43 г. в период операции три вражеских батареи, засеченных БЗР-2, 44-й ПАБР подавила. В период наступления наших войск 12.7.43 г. вся группировка артиллерии противника, которая была выявлена БЗР-2 — подавлена 44 ПАБР, что дало возможность успешно и быстро прорвать сильно укрепленную линию обороны немецко-фашистских войск. За успешную и быструю подготовку личного состава, за умелое руководство по выявлению группировки артиллерии противника на участке Малиновец — Сетуха — Бол. Малиновец командира БЗР-2 представляю к награде. Орден «Отечественной войны 2 степени».

Командир 794 ОАРАД капитан Пшеченко

26 июля 1943 г. [печать 794 ОАРАД]

II. Заключение вышестоящих начальников

Достоин правительственной награды орденом «Отечественной войны 2 степени». Командир 14 ОТПАБР РГК гвардии-полковник Айрапетов
30 июля 1943 г.

III. Заключение Военного Совета Армии

Наградить орденом Отечественной войны 2 степени.

Командующий артиллерией 63 армии, генерал-майор артиллерии Семенов. 8 августа 1943 г.

VI. Отметка о награждении

Приказом командующего артиллерией 63 армии № 05/н от 10.8.43 г. награжден орденом «Отечественной войны 2 степени».

Нач. отд. кадров УК Арт 63 армии капитан *Анохин*⁶⁴
12 августа 1943 г.

8. Приказ о награждении А.И. Солженицына орденом Отечественной войны 2-й степени. 1943⁶⁵

Приказ командующего артиллерией 63 армии № 05/н.

10 августа 1943. Действующая Армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленную при этом доблесть и мужество наградить: орденом «Отечественной войны 2 степени»: <...>

6. Лейтенанта Солженицына Александра Исаевича — командира батареи звуковой разведки 794 Отдельного Армейского разведывательного артиллерийского дивизиона.

Командующий артиллерией 63 армии, генерал-майор артиллерии *Семенов*

9. Благодарность А.И. Солженицыну. 1943⁶⁶

Приказ № 18 по 794 Отдельному Разведывательному Артиллерийскому дивизиону

1 мая 1943 г. с. Сапуновка.

По части строевой. §2:

За хорошую дисциплину, отличную подготовку и хорошее руководство объявляю благодарность <...>

39. Командиру батареи лейтенанту Солженицыну.

Командир 794 ОРАД капитан *Пшеченко*, начальник штаба ст. лейт. *Марфунин*

⁶⁴ Подпись и печать Управления начальника артиллерии 63-й армии.

⁶⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 147. Л. 298, 298 об.

⁶⁶ ЦАМО. Ф. 51. Оп. 121259. Д. 13. Л. 17, 17 об., 18 об.

10. Благодарность А.И. Солженицыну. 1944⁶⁷

Из Книги приказов 794 ОАРАД РРК на 1944 год

Приказ по 794 Отдельному армейскому разведывательному артиллерийскому дивизиону № 14

23 февраля 1944 г. Дер. колхоз им. Дмитрова

§2. За хорошую боевую работу по вскрытию группировки артиллерийских и оборонительных сооружений противника, способствующую прорыву обороны немцев на правом берегу р. Днепра, объявляю благодарность <...>

2. Командиру БЗР-2 старшему лейтенанту Солженицыну Александру Исаевичу.

Командир 794 ОРАД майор *Пшеченко*, нач. штаба капитан *Марфунин*

11. Приказ об утверждении А.И. Солженицына в должности командира батареи звуковой разведки. 1944⁶⁸

Приказ войска 48 армии (по личному составу) № 0272

5 апреля 1944 г. 1 Белорусский фронт

Нижепоименованный офицерский состав артиллерии армии освобождается от занимаемых должностей и назначается <...>

24. Командир звукобатареи 794 Отдельного Армейского Разведывательного артиллерийского дивизиона старший лейтенант Солженицын Александр Исаевич утверждается в занимаемой должности.

Командующий войсками 48 армии генерал-лейтенант *Романенко*, член Военного совета армии генерал-майор *Истомин*, член военного совета армии командующий артиллерией генерал-майор артиллерии *Тимотиевич*, начальник отдела кадров УКА армии майор *Наумов*

12. Удостоверение личности А.И. Солженицына. 1944⁶⁹

1. Предъявитель сего *Солженицын Александр Исаевич* состоит на действительной военной службе в 794 отдельном армейском разведывательном артиллерийском дивизионе Р[езерва] Г[лавного] К[омандования].

2. Присвоение воинских званий

Воинское звание *старший лейтенант*

Приказ 63 арм. № 0198 от 5 сентября 1943 г.

⁶⁷ ЦАМО. Ф. 51. Оп. 212298. Д. 16. Л. 11, 11 об., 12 об., 13.

⁶⁸ ЦАМО. Ф. 403. Оп. 9675. Д. 17. Л. 330, 332 об.

⁶⁹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

Присвоено воинское звание *капитан*
Приказ 1 Бел[орусского] ф[ронта] № 0557 от 7 мая 1944 г.
[Печать и подпись] капитан Марфунин

3. Служебное положение

Штатная должность *командир батареи звуковой разведки*

Приказ 48 арм. № 0272 от 5 апр. 1944 г.

Назначен *командир батареи звукоразв. разведдивиз. 68 АПАСРОСБР.*

Приказ 68 бр. № 083 от 24 июня 1944.

[Печать и подпись] н[ачальник] ш[таба] подполковн. [нрзб]

4. Награды и особые права, присвоенные владельцу данного удостоверения. *Орден Отечественной войны 2 ст[епени].*

Приказ УКАРТ 63 арм. № 05/н от 10.8.1943 г.

Нач. штаба 794 ОАРАД РК капитан Марфунин

5. Родился 1918 г. декабря 11 дня

6. Какой местности уроженец *город Кисловодск*

7. Холост или женат и состав семьи *женат, жена — Решетовская Наталья Алексеевна.*

8. Разрешено ношение оружия *Пистолет № ГЛ 727. Система «тт».*
Выдано дек. 1942 794 ОАРАД

9. Подпись владельца удостоверения *Командир БЗР-2 ст. лейтенант Солженицын*

[Печать и подпись командира части]

Командир 794 ОАРАД майор Пшеченко

30 апреля 1944 г.

13. Приказ о присвоении А.И. Солженицыну
воинского звания «капитан». 1944⁷⁰

Приказ войскам 1 Белорусского фронта (по личному составу) № 0557.

7 мая 1944 г. Действующая Армия

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 24 июля 1943 года нижепоименованному офицерскому составу артиллерии Красной Армии присвоить очередные воинские звания: «КАПИТАН» <...>

31. Командиру батареи звуковой разведки 794 Отдельного Армейского Разведывательного артиллерийского дивизиона — старшему лейтенанту Солженицыну Александру Исаевичу.

Командующий войсками фронта генерал армии *Рокоссовский*

Члены военного совета: генерал-майор И/С *Стахурский*, генерал-полковник артиллерии *Казаков*

Начальник отдела кадров полковник *Миляховский*

⁷⁰ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 23336. Д. 47. Л. 33, 35, 40, 56.

14. Наградной лист А.И. Солженицына
с представлением к ордену Красной Звезды⁷¹

Наградной лист

ФИО *Солженицын Александр Исаевич*

Звание *капитан*

Должность *командир звукобатареи – 2 Разведдивизиона – 68 АПС.-Р. бригады*

Представляется к правительственной награде *орденом «Красная Звезда»*

Год рождения *1918*

Национальность *русский*

Партийность *б/п*

Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР *Отечественная война в 1943 г. марта месяца*

Имеет ли ранения в отечественной войне *нет*

С какого времени в Красной Армии *с октября 1941*

Каким РВК призван *Морозовским РВК Ростовской обл.*

Чем ранее награжден *Орденом «Отечественная война II степени» Приказ командующего Артиллерией 63 армии за № 05/н от 10.8.43*

Постоянный домашний адрес *Гор. Ростов н/Д, Средний проспект 27/29, кв. 8.*

В боях с немецко-фашистскими захватчиками перед прорывом и во время прорыва глубокоэшелонированной обороны немцев в районе севернее Рогачева тов. Солженицын благодаря своей хорошей организации и руководству сумел обеспечить разведкой левый фланг наших наступающих частей. 24.06.44 две батареи противника вели фланговый огонь по переправе через реку Друть и нашей наступающей пехоте. Тов. Солженицын, несмотря на сплошной шум, сумел обнаружить эти две батареи и скорректировать по ним огонь наших 3 батарей, которые были подавлены, тем самым обеспечил беспрепятственную переправу наших войск и продвижение их вперед.

Тов. Солженицын достоин правительственной награды ордена «Красная Звезда»

Командир 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады полковник *Травкин*. 8 июля 1944 г.

Приказом по 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригаде награжден орденом «Красная Звезда». Приказ № 019 от 8 июля 1944 года.

Начальник штаба 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады подполковник *Кравец*

15. Приказ о награждении А.И. Солженицына орденом Красной Звезды⁷²

Приказ 68 армейской пушечной артиллерийской севско-речицкой бригады № 019

8 июля 1944 г. Действующая Армия 1 Белорусский фронт

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

1. Орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» <...>

24. Капитана СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича — командира звуковой батареи Разведывательного дивизиона 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады.

Командир 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады полковник *Травкин*

16. Приказ об исключении А.И. Солженицына из списков личного состава бригады. 1945⁷³

Приказ 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой ордена Суворова бригады (по личному составу) № 033

28 марта 1945 года Действующая Армия

Бывшего командира БЗР-2 капитана Солженицына Александра Исаевича, взятого отделом контрразведки «Смерш» армии, исключить из списков личного состава и со всех видов довольствия с 18 февраля 1945 года.

Командир 68 армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой ордена Суворова бригады полковник *Травкин*, нач. штаба подполковник *Кравец*

17. Боевая характеристика А.И. Солженицына. 1946⁷⁴

Боевая характеристика на бывшего командира 2 звукобатареи капитана Солженицына Александра Исаевича

В моей части капитан Солженицын А.И. служил с декабря 1942 года по февраль 1945 года.

В 1942 году, получив вновь призванное пополнение, он начал усиленно его готовить к фронту и в феврале 1943 года он с этим подразделением

⁷² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4097. Л. 139, 141, 147.

⁷³ ЦАМО. Ф. 9891. Оп. 2. Д. 6. Л. 68 об.

⁷⁴ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Копия. Характеристика была составлена для подачи документов на пересмотр дела осужденного Солженицына весной 1946 года.

уже действовал на Северо-Западном фронте. В мае 1943 года часть была на Орловском направлении, где начинается его настоящая боевая работа. За время пребывания в моей части Солженицын был лично дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, его подразделение по боевой работе и дисциплине считалось лучшим подразделением части.

Выполняя боевые задания, он неоднократно проявлял личный героизм, увлекая за собой личный состав, и всегда из смертельных опасностей выходил победителем. Так, в ночь с 26 на 27 января 1945 года в Восточной Пруссии при контратаке немцев его батарея попала в окружение. Гибель ценной, секретной техники и личного состава казалась неминуемой. Солженицын же, действуя в исключительно трудных условиях, личный состав из окружения вывел и технику спас.

За время боевой работы на фронте его подразделение выявило тысячу двести батарей и отдельных орудий противника, из которых сто восемьдесят было подавлено и шестьдесят пять уничтожено огнем нашей артиллерии с его личным участием.

К боевой технике, автомашинам, оружию Солженицын относился бережно и всегда содержал в боевой готовности.

За отличные боевые действия на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками Солженицын был награжден орденами «Отечественная война 2 ст.» и «Красная Звезда».

Командир разведдивизиона подполковник *Пшеченко*

С характеристикой согласен командир в/ч 07900 генерал-майор артиллерии *Травкин*

27 апреля 1946 г.

18. Отзыв о военной службе А.И. Солженицына. 1946⁷⁵

Отзыв

Я, Мельников Аркадий Степанович, капитан, находящийся в резерве при в/ч п/п 81095, член партии с 1943 года, партбилет № 5563363, награжденный орденами «Отечественная война 1 и 2 степеней», знаю и служил в 794 ОАРАД с января 1943 года по январь 1945 года с Солженицыным Александром Исаевичем.

Знаю его как боевого, смелого командира батареи. Солженицын А.И., выполняя должность командира звукобатарей разведывательного дивизиона, показал себя в боях на плацдарме р. Сож, р. Днепр, р. Нарев храбрым и находчивым офицером. Работой своей звуковой батареей он выполнял исключительную важную роль в вскрытии артиллерии противника и подавлении ее во время артиллерийской подготовки. От успеха работы звуковой

батареи во многом зависит успех успешного прорыва обороны противника перед Орлом, сев. Гомеля, в рогачевской операции, и под Пултуском, для окружения и уничтожения Восточно-Прусской группировки немцев.

Солженицын Александр Исаевич пользовался авторитетом как среди подчиненных, так и среди офицерского состава.

Бывший командир БТР 794 ОАРАД, ныне находящийся в резерве в/ч п/п 81095 капитан *Мельников*

Подпись капитана Мельникова заверяю

Начальник штаба 7 ОПРОС подполковник *Костюков*

19. Приказ об увольнении А.И. Солженицына в запас. 1957⁷⁶

Приказ министра обороны Союза ССР по личному составу № 01093.
29 апреля 1957 г., г. Москва

13. Капитана СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, бывшего командира батареи звуковой разведки 794 Отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона, считать уволенным из кадров Советской армии в запас с 21 марта 1956 года по статье 59 пункту «а» — по выслуге установленного срока действительной службы.

1918 г. рождения. Календарная выслуга в Советской армии с зачетом времени пребывания в заключении 14 лет 5 месяцев.

Реабилитирован 6 февраля 1957 года. Подлежит направлению на учет в Курловский райвоенкомат Владимирской области.

Приказа об увольнении не издавалось.

(Вх. № 04957–57 г.)

Заместитель министра обороны СССР маршал Советского Союза *И. Конев*

20. Указ об отмене постановления о лишении А.И. Солженицына ордена Отечественной войны 2-й степени. 1957

Указ Президиума Верховного Совета СССР⁷⁷

Об отмене указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР и постановления Президиума ЦИК СССР о лишении Амбольтда Е.Ф., Ашимбаева Т., и других лиц⁷⁸ орденов и медалей СССР

Отменить указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР и постановления Президиума ЦИК СССР о лишении наград нижеследую-

⁷⁶ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 737309с. Д. 8. Л. 258, 270, 283.

⁷⁷ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 871437. Д. 61. Л. 111, 113, 114.

⁷⁸ Всего в списке 30 человек в алфавитном порядке.

щих лиц, судебные дела в отношении которых в настоящее время прекращены <...>

20. Солженицына Александра Исаевича, лишённого ордена Отечественной войны 2 степени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1947 года.

Заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР

В. Козлов

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *М. Георгадзе*

Москва, Кремль

18 сентября 1957 г.

ПОЛВЕКА НАЗАД: СОЛЖЕНИЦЫНУ — 50

Фотодокументы, письма, телеграммы (1967–1968)

*Публикация, фотографии и комментариев М.Н. Кураева,
вступительная заметка и публикация писем и телеграмм Д.В. Топилиной*

Фотография, о которой пойдет речь, никогда не публиковалась в отечественных изданиях, между тем она известна читателям Александра Солженицына старшего поколения, тем, кто знакомился с его произведениями «из первых рук» в 1960-е. Сегодня этот снимок (весьма плохой его отпечаток, явно не первую фотокопию) можно встретить в архивах деятелей культуры и искусства тех лет, в особенности людей из кинематографической среды (например, в личных фондах РГАЛИ таких неожиданных для этой истории «персонажей», как Фаина Раневская и Рина Зеленая¹). Объяснение этому обстоятельству дал в 2014 году писатель и сценарист Михаил Николаевич Кураев. Вот что он сообщает:

Эта фотография, напоминающая о юбилее А.И. Солженицына, — своего рода «листочка». К 1968 году положение писателя, стойко перенесшего недавний триумф, испытание «медными трубами», существенно изменилось. Прежде всего, изменились отношения с властью, как государственной, так и с руководством Союза писателей СССР.

Не изменилось отношение к писателю тех, для кого он стал примером сохранения внутренней свободы и гражданской независимости. На киностудии «Ленфильм», где я начал работать в сценарном отделе в 1961 году, 60-е годы ознаменовались тем, что называется «смена поколений». В режиссуру шагнули Динара Асанова, Алексей Герман, Илья Авербах, Глеб Панфилов, помолодел и сценарный отдел, операторский цех «Ленфильма» пополнился молодыми мастерами — Владимир Чумак, Дмитрий Долинин, Валерий Федосов и др. Непуганным «детям XX съезда» море было по колено. Самиздат, где перепечатывалось все, вплоть до «Хроники текущих событий», даже

¹ РГАЛИ. Ф. 2788. Ф.Г. Раневская. Оп. 1. Ед. хр. 768; Ф. 3008. Р.В. Зеленая. Оп. 1. Ед. хр. 498.

не маскировался. Деньги для машинисток собирались чуть ли не в студийном кафе.

1968 год — год «чехословацких событий». Год, когда мы почувствовали внимание к нам со стороны «людей в штатском». Тем не менее поджимать, как говорится, хвост не было никакого резона.

Инициатором идеи отметить 50-летие А.И. Солженицына была Майя Чумак, сотрудница сценарного отдела, жена великолепного оператора «москвинской школы» Владимира Чумака. (Посмертную книгу ее прозы мне удалось издать в 2013 году. При жизни ни строчки ее прозы опубликовано не было.) Решили отпечатать юбилейный портрет писателя и послать ему телеграфные поздравления в адрес правления Союза писателей СССР. Телеграммы подписывали своими фамилиями и отправляли с ближайшего от «Ленфильма» телеграфа на Кировском проспекте. Фотографии вполне кустарным способом, штук сто, были изготовлены Валерием Федосовым и Дмитрием Долининым. Майя Чумак их раздавала. Была вручена такая фотография и Галине Поповой, сотруднице сценарного отдела, жене полковника КГБ Ю.И. Попова, «курировавшего» ленинградскую интеллигенцию.

Сегодня мы можем восполнить эти сведения благодаря документам, выявленным в архиве самого юбиляра. Фотография, размноженная осенью 1968-го в качестве «листочка», была сделана годом раньше, весной 1967-го, при личной встрече Солженицына с белорусским писателем Василем Быковым, который его и щелкнул. В конце июня того же года Быков прислал отпечатки в следующем письме:

«Дорогой Александр Исаевич!

Спасибо Вам за привет, Алексей² мне передал его, слышали о Вашем разбирательстве в секретариате СП и пр.³ Жаль, конечно, но... Как-нибудь! Главное — держитесь в добром здравии и работайте. Хотя, конечно, и то и другое в данной ситуации не просто.

Шлю Вам фотографии. Оцените мое фотомастерство, но не очень строго: только еще берусь за это ремесло. Ждем Вас в наших краях.

² Алексей Карпюк (1920–1992), белорусский писатель, друг Быкова. См.: Шапран С. Василь Быкаў: Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах. Мінск: Гародня, 2009. Ч. 2. С. 68.

³ Речь идет о «последствиях» Письма съезду писателей, которое в мае 1967 года Солженицын разослал 250 делегатам и которое, не будучи оглашено на съезде, получило открытую поддержку значительного их числа. 12 июня 1967 года из редакции «Нового мира» Твардовский повез Солженицына в Союз писателей, секретариат которого никак не мог принять решение, как отреагировать на сложившуюся ситуацию. «Надо разобраться и найти выход... помогите найти выход!» — таков был лейтмотив этой встречи. См.: Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 171–177.

На этом очень желаю Вам всего-всего самого хорошего и прежде всего — здоровья. С уважением Ваш В. Быков. 25 июня 1967 г.»⁴

В письмо были вложены две фотографии, черно-белые отпечатки формата 10×15 см: портрет Солженицына и снимок, на котором они с Быковым запечатлены вместе⁵.

Сохранилась копия ответа Солженицына:

«29.6.67

Дорогой Василий Владимирович!

Спасибо за карточки. Они очень хороши. Очевидно, Вы владеете самоограничением, наиболее трудным для начинающего фотографа: отбрасывать 35 плохих или средних негативов и печатать только 36-й хороший.

Дошли ли до Вас письма съезду — Г. Владимова? Сосноры?⁶

Не знаю, в какой форме Вы слышали о моем “разбирательстве” — оно даже и разбирательством не было: три недели глупо промолчав, просили помочь, как выйти теперь из положения. И избрали самое глупое: молчать и дальше...

Очень огорчаюсь, но как бы Гродно не оказалось в стороне от нашего пути⁷.

Всего Вам доброго!

С искренним расположением

Солженицын»⁸

Присланные Быковым фотографии сохранились в домашнем альбоме Солженицына — уникальные кадры, запечатлевшие писателя времени Письма съезду. В белорусском издании материалов о жизни и творчестве Василя Быкова находим портрет Солженицына без каких-либо комментариев, с указанием даты съемки: май 1967⁹. Возможно, их встреча состоялась в дни самого съезда писателей, делегатом которого Быков был и потому находился в Москве (его подпись в числе других стоит под письмом президиуму с требованием обсудить на съезде письмо Солженицына¹⁰). Сделанный им портрет разошелся по кинематографической среде, по-видимому, от него са-

⁴ Автограф В.В. Быкова. 1 л. Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Публикуется впервые.

⁵ См. вклейку между с. 352–353 наст. изд. — *Ред.*

⁶ Письма в президиум съезда писателей в поддержку письма Солженицына. См.: Слово пробивает себе дорогу: сб. ст. и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974 / сост. В. Глоцер, Е. Чуковская. М.: Русский путь, 1998. С. 221, 228.

⁷ В июле 1967 года Солженицын совершил автомобильное путешествие в Калининградскую область, по местам своего фронтового пути и передвижения армии генерала Самсонова. Сведений о посещении Гродно в эту поездку не имеется.

⁸ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись. Копия. Публикуется впервые.

⁹ *Шапран С. Василь Быкаў... Ч. 2* (вклейка между с. 512–513).

¹⁰ См.: Слово пробивает себе дорогу. С. 217.

мого. После успеха картины «Альпийская баллада» (1965) Быков постоянно сотрудничал с кино. Так или иначе, его фотография оказалась в распоряжении сотрудников «Ленфильма» и стала самодельной открыткой к 50-летию Солженицына.

Сохранилась поздравительная телеграмма с юбилеем и самого автора снимка, отправленная в Рязанское отделение Союза писателей РСФСР: «Сафонову¹¹ для Исаевича» — так указан получатель телеграммы:

«Дорогой Александр Исаевич! Обнимаю, поздравляю, верю. Ваш Быков» (Москва)¹².

О своем памятном 50-летию Солженицын писал: «У моих предшественников в глухие десятилетия сколько таких юбилеев прошло задуманными, так что близкие даже друзья боялись посетить, написать. Но вот — отказали чумные кордоны, прорвало запретную зону! И — к опальному, к проклятому, за неделю вперёд, понеслись в Рязань телеграммы, потом и письма, и меньше “левых”, больше по почте, и мало анонимных, а всё подписанные. <...> Всего телеграмм было больше пятисот, писем до двухсот, и полторы тысячи отдельных личных бесстрашных подписей»¹³.

Папка с этими поздравлениями — самая толстая в архиве переписки писателя до изгнания из СССР, общее количество писем и телеграмм в этой папке превышает 800. Однако тех, что были направлены на адрес Союза писателей, среди них немного, большинство таких поздравлений до Солженицына так и не дошло. По-видимому, этим обстоятельством объясняется отсутствие в юбилейной папке тех телеграмм сотрудников «Ленфильма», о которых пишет М.Н. Кураев. Большая часть тех, что *дошли*, была послана в редакцию «Нового мира» (Пушкинская площадь, 5), единственного журнала, где был напечатан Солженицын; кто-то, как Быков, писал в Рязанское отделение СП; кто-то знал домашний адрес Солженицына (почта доставила ему *все* поздравления, которые пришли в Рязань: и направленные на его актуальный адрес на улице Яблочкова, и на устаревшие, где он жил раньше (на улице Урицкого и в Касимовском переулке), и несколько писем, надписанных просто «В Рязань Солженицыну»). Примечательно, что, доставляя в течение нескольких дней пачки писем и телеграмм, сотрудники рязанского почтового отделения сочинили и свое поздравление (см. ниже). Были письма, переданные юбиляру через Чуковских и других его близких знакомых. Некоторые бросили в почтовый ящик без указания обратного адреса. Наиболее *опытные* поздравители выслали копии на разные адреса в надежде, что хоть одна да дойдет. Подавляющее большинство телеграмм имеет фамилии отправителей, но есть и безымянные, авторы которых воздержались откры-

¹¹ Эрнст Сафонов (1938–1994) — писатель, ответственный секретарь Рязанского отделения Союза писателей РСФСР.

¹² Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Телеграмма. Публикуется впервые.

¹³ *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 230.

то подписываться. Несколько поздравлений отправлено под именами героев неопубликованных (но прочитанных!) произведений юбиляра (Шулубин, Нержины). География корреспондентов широка: больше всего поздравлений пришло из Москвы и Ленинграда, но писали и из других городов СССР и из-за рубежа (последние телеграммы известны главным образом по копиям, которые уже позже были переданы Солженицыну, оригиналы их до него не дошли).

Краткие выдержки из поздравлений Солженицын привел в «Телёнке»¹⁴, некоторые публиковались в 1990-е, после отмены запрета его имени на родине¹⁵. Вспоминая ныне об отклике культурного сообщества на юбилей опального писателя, мы сочли уместным расширить круг опубликованных писем и телеграмм — по прошествии полувека они приобрели статус документов, передающих уникальную атмосферу времени, когда рядом с официальной культурой, вычеркнувшей Солженицына почти сразу же после его появления в ней, существует параллельная реальность, в которой Солженицын прочитан (благодаря неумолимости *самиздатских батальонов*) и признан. Сам Солженицын удивлялся мощи читательской поддержки тех лет: «таким особым клином заклинился я в советское общество, что помогать мне держаться казалось — тогда! — задачей всех образованных»¹⁶.

Мы не приводим археографического описания каждого отдельного документа, большинство — телеграммы на типовых бланках, есть несколько фототелеграмм, есть и короткие письма (конверты в архиве не сохранились). Значительное число этих текстов печатается впервые, без сокращений, знаки препинания (отсутствующие в телеграммах) расставлены нами исходя из содержания. Порядок следования — произвольный (как и тогда, когда рязанская почта доставляла пачки этих поздравлений адресату).

«В год пятидесятилетия великого писателя Александра Исаевича Солженицына, не зная ни точной даты его рождения, ни его адреса (даже города), прошу редакцию журнала “Новый мир” передать ему поздравление и пожелание здоровья, долголетия, благоденствия и новых творческих успехов во славу русской литературы. С уважением, М.Д. Александров» (Псковская обл.) [Через «Новый мир».]

«Уважаемая редакция!

Поскольку я не знаю адреса писателя Солженицына Александра Исаевича, очень прошу передать ему в связи с пятидесятилетием горячие поздравления и самые лучшие пожелания.

¹⁴ См.: Там же. С. 230–231.

¹⁵ См.: Слово пробивает себе дорогу. С. 389–392.

¹⁶ Там же. С. 532.

Очень хотелось бы увидеть в печати его новые произведения.

С уважением, Гладилин В., физик, научный сотрудник» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

«Разрешите через Вашу редакцию горячо поздравить с юбилеем нашего замечательного писателя Солженицына. Пожелать здоровья, творческих удач, а журналу печатать его произведения. Группа читателей» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

«Прошу редакцию передать Александру Исаевичу Солженицыну сердечное поздравление по случаю его пятидесятилетия. Научный сотрудник Пулковской обсерватории Меркулов» (Ленинград) [*через «Новый мир».*]

«Поклон и сердечные пожелания любимому писателю. Много добрых лет, новых книг, здоровья и сил. Лингвисты-русисты Винокур, Еськова, Золотова, Калакуцкая, Максимова, Букчина, Страховская, Граудина, Шварцкопф» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

«Дорогой Александр Исаевич!

Поздравляем Вас с днем рождения и желаем крепкого здоровья, крепких нервов и удач на Вашем трудном пути. Разрешите выразить наше глубокое уважение к Вам — писателю, гуманисту и гражданину. Спасибо Вам за замечательные книги. Пусть мы знакомы с ними не по роскошным изданиям, а по затертым машинописным копиям — от этого их ценность не понижается. Ваши произведения — это то немногое оставшееся, что напоминает о человеческом достоинстве, о естественных правах человека.

Сейте разумное, вечное, доброе!

Ковалев, Махнач, Мельников, Трегубов» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

«Глубокоуважаемый Александр Исаевич, как хорошо, что Вам еще только 50 лет.

Сердечно поздравляем Вас с днем рождения. Будьте здоровы, деятельны, счастливы на радость всем, кто любит и ценит Ваш мужественный яркий умный талант.

Пачка бумаги (правда, далеко не высшего качества), наверное, не будет лишней в Вашем хозяйстве.

Ваши друзья» (адрес отправителей отсутствует) [*Через «Новый мир».*]

«Уважаемая редакция!

В день полувекового юбилея горячо поздравляем гордость нашей литературы, писателя Александра Исаевича Солженицына и желаем, чтобы скоро увидели свет многие-многие произведения многоуважаемого и дорогого юбиляра!

Редакцию “Нового мира” поздравляем с “Новорожденным” и надеемся на Ваше тесное и долгое сотрудничество.

Ваши читатели Вас поддержат.

Канд. биолог. наук И.В. Успенский, канд. биолог. наук И.Д. Иоффе»
(Москва) [Через «Новый мир».]

«Уважаемые товарищи!

Я — Ваш многолетний подписчик, научный работник из Ленинграда. Дает ли это мне право просить Вас о следующем: я не знаю адреса Александра Исаевича Солженицына, а хотел поздравить его с пятидесятилетием.

Передайте великому русскому писателю, что его творчество — радость для нас; это — почва нашей эпохи; голос нашего общества.

Какая радость знать, что он жив и работает! Этого и желаю ему, еще здоровья и духовной свободы, права на работу.

Какое счастье быть современником Солженицына!

Ваш всегда Кудашев» (Ленинград) [Через «Новый мир».]

«Дорогой Александр Исаевич! Нам, студентам историко-филологического факультета Горьковского университета, приятно поздравить Вас с 50-летием, пожелать Вам доброго здоровья, сил, творческой дерзости, мужества, новых книг, исполненных правды, гражданской честности, неиссякаемой любви ко всему, что творит добро и живет ради него!

Мы убеждены в том, что, пока есть такие писатели, как Вы, — жива великая русская литература, живы ее великие гуманистические традиции, жива ее прямота, сила, честность!

Большое спасибо Вам за “Один день Ивана Денисовича”, “Матренин двор”, “Случай на станции Кречетовка” и многое другое, что нам довелось прочитать. Ваши книги для многих открыли жизнь совершенно по-новому, заставили пристальнее смотреть на мир, на человека, на дела, творимые человеком в этом мире. Мы понимаем, что за многое ответственны, и за это мы благодарны Вам, Вашему творчеству.

Пусть всегда светит Вам солнце добра, любви и справедливости!

Студенты истфака ГГУ» (Горький) [Через «Новый мир».]

«Дорогой Александр Исаевич! Великий народ, чтобы утвердить свое величие в годы наибольшего морального упадка нации, дает миру титанов. Горжусь тем, что и мой народ оказался способным на это. Преклоняясь перед Вашим титаническим талантом, желаю ему в день Вашего пятидесятилетия цвести и плодоносить еще многие и многие годы. Петр Григоренко»¹⁷
(Москва) [Телеграмма направлена на домашний адрес Солженицына, копия в «Новый мир».]

¹⁷ На бланке помета рукой Солженицына: «доставкой задержана в Москве на всю ночь».

«Примите, дорогой друг, мои сердечные поздравления по случаю нынешней даты. Живите еще пятьдесят, не теряя прекрасной силы Вашего таланта. Все минется, только правда останется. Поклон мой Наталье Алексеевне. Обнимаю Вас. Всегда Ваш Твардовский» (Москва)¹⁸

«Вашим голосом заговорила сама немота. Я не знаю писателя более долгожданного и необходимого, чем Вы. Где не погибло слово, там спасено будущее. Ваши горькие книги ранят и лечат душу. Вы вернули русской литературе ее громовое могущество. Лидия Чуковская» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич!

Очистительной буре “Одного дня Ивана Денисовича” всего несколько лет, а уже трудно представить, что было время, когда мы и не подозревали о том, что где-то рядом живет и трудится такой большой, такой родной и близкий нам человек. Вы вошли в великую литературу сразу и навсегда, и никому не удастся ничего изменить в этом светлом и гордом событии.

Нам хочется, чтобы Вам было хорошо, чтобы Вы знали о нашей любви к Вам, о том сердечном отклике, который вызывает у нас Ваша принципиальная и независимая от временщиков позиция по главным вопросам духовного развития нашей Родины.

Будьте здоровы и благополучны.

Сотрудники знакомого Вам Института русского языка АН СССР

Григорьев, Ходорович, Строганова, Апресян, Касаткин, Эр. Ханпира» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

«Дорогой Александр Исаевич!

Поздравляю Вас с днем рождения и желаю Вам и впредь той же удивительной силы и стойкости, которою Вы обладаете, того же веселого презрения к высокооплачиваемой литературной сволочи и — свободы, в жизни и в творчестве.

Уверен, что мы еще прочтем и «Круг», и «Корпус», и новые Ваши книги не только в самиздате, но и напечатанными.

Всего доброго!

Л. Крысин¹⁹

Институт русского языка» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

¹⁸ Отсутствие указания на «посредника» в передаче поздравления здесь и далее означает, что оно было отправлено на домашний адрес Солженицына в Рязани.

¹⁹ См. в наст. изд. его воспоминания: «Мы радовались и, дураки, совсем забыли, в каком государстве живем...».

«Дорогой Александр Исаевич,

В день Вашего рождения я хочу пожелать Вам такого же глубокого и доброго творчества, как то, которым Вы утвердили на родной земле свою славу Первого писателя. Ю. Апресян» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

«Дорогой Александр Исаевич!

Я, к сожалению, не сумею найти точных и ярких слов, чтобы выразить то, что я хотел бы от всего сердца пожелать Вам, — поэтому просто скажу: Спасибо Вам за все, что Вы сделали для славы русской литературы!

И. Мельчук, научный сотрудник» (Москва) [*Через «Новый мир».*]

«Многоуважаемый Александр Исаевич!

Позвольте поздравить Вас с пятидесятилетием. Судьба дала нам всем радость быть современниками великого писателя. Пусть будут успешны все Ваши начинания. Будьте здоровы и благополучны. Чудаков» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич!

Позвольте сердечно поздравить Вас с Вашим 50-летием и пожелать Вам от души доброго здоровья и всего самого лучшего.

Желаю Вам душевного покоя, хорошей работы и новых произведений. Впрочем, этого я желаю не только ради Вас, но и ради русской литературы.

Сердечные приветы Вашей супруге.

Зара Григорьевна шлет Вам сердечные приветы и наилучшие пожелания. Ваш Ю. Лотман» (Тарту)

«Дорогой Александр Исаевич!

Примите в день Вашего пятидесятилетия огромное спасибо за то, что фактом своего существования вы вселяете в нас веру в русскую литературу, великую литературу, помогаете жить честно, совестливо.

Дай бог Вам крепкого здоровья, большого мужества для Вашего великого подвига.

Пусть Вас согревает огромная любовь, бесконечное уважение Ваших многочисленных друзей, к которым принадлежит и пишущая Вам простая учительница литературы.

Горбачева В.А.» [*Помета рукой А.И. Солженицына: «брошено в почтовый ящик»*]

«Поздравляю с пятьюдесятью годами прекрасной жизни. Володин» (Ленинград) [*Через «Новый мир».*]

«Дорогой Александр Исаевич! От души поздравляем Вас с пятидесятилетием. Желаем долгой жизни, здоровья, удачи. Аделаида и Борис Стругацкие» (Ленинград) [*Через «Новый мир».*]

«Четвертый день пью за Ваше здоровье. Желаю видеть Вас бодрым, славным, напечатанным. Владимов» (Москва)

«Дорогой Саня! Пьем твоё здоровье по пятьдесят грамм, итого пять кило. Виктор Некрасов» (Киев)

«Дорогой Саня!
Поздравляю с полувековым славным перевалом. Желаю тебе ещё 50 лет таких блистательных успехов. Обнимаю, Борис Можаяев» (Москва)

«Поздравляем дорогого Александра Исаевича с пятидесятилетием! Желаем прежде всего здоровья самого по себе и как условия дальнейшего творческого напряжения и радостей. Гордимся им. Эма и Люба Коржавины» (Москва)

«Поздравляем с пятидесятилетием. Желаем хорошего здоровья и всего доброго. Заболоцкие» (Москва)

«Нежно и почтительно поздравляю Вас и благодарю. Белла Ахмадулина» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич! Примите мои самые сердечные поздравления и пожелания. Здоровья, творчества, счастья. Анатолий Жигулин» (Москва)

«Дорогого Александра Исаевича, замечательного писателя и человека, поздравляю от всего сердца. Низкий Вам поклон за великое мужество, которое помогает выстоять всем нам. Обнимаю Вас, Александр Галич»

«От всей души поздравляю большого писателя, мужественного человека. Константин Богатырев»

«Дорогой Александр Исаевич! Если человеческие пожелания имеют силу, Вам будет хорошо. Сац»

«Дорогой Александр Исаевич! Обнимаю Вас, желаю сил и здоровья ещё на пятьдесят лет и долгой хорошей работы на счастье нашей литературы. Лакшин» (Москва)

«Спасибо за Ваши книги. Борис Слуцкий» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич! В день Вашего 50-летия поздравляем, желаем дорого здоровья, любим Вас. От всех, Олег Ефремов» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич! Нежно Вас обнимаем и желаем Вам здоровья. Любимов, Вознесенский и Театр на Таганке» (Москва)

«Моего несостоявшегося ученика, большого писателя поздравляю с пятидесятилетием. Желая доброго здоровья, бодрости. С уважением, Юрий Завадский, народный артист СССР» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич,
В день Вашего 50-летия примите лучшие пожелания от искренних почитателей Вашего изумительного таланта.

Вы принадлежите к числу тех редких и замечательных писателей, которые с таким вдохновляющим достоинством представляют великую русскую литературу в наши дни. О. Малашкина, Г. Литинский»²⁰ (Москва)

«Дорогой и уважаемый Александр Исаевич! Вы совесть, мужество и талант нашей литературы. Живите долго. Мы Вас любим. Бурляев, Векслер, Герцель, Долинин, Ефремов, Ивановский» (Тбилиси) [Через «Новый мир».]

«Тепло поздравляем с пятидесятилетием. Желаем мужества, успехов в творчестве. Крымские астрофизики» (пос. Научный, Крым) [Через «Новый мир».]

«От всей души поздравляю Вас, дорогой Александр Исаевич. Желая счастья и таких же великих успехов. Шафаревич» (Москва)

«Великого русского писателя Солженицына горячо поздравляю с юбилеем. Академик Понтрягин» (Москва) [Через «Новый мир».]

«Поздравляем с юбилеем! Спасибо за Ваши честные и мужественные книги. Желаем Вам здоровья, много сил душевных для творчества. Ваши читатели» (Фрунзе)

«Позвольте поздравить Вас с юбилеем и пожелать Вам самого хорошего и счастливого во второй половине Вашего мужественного века. Инженер Зимин» (Николаев)

«Александр Исаевич! В день Вашего 50-летия передовая прогрессивная молодежь России с Вами, с писателем, чье имя стало символом самоотверженной борьбы человека-патриота за свободу литературного творчества, за

²⁰ На поле рукописная помета «Большой театр».

справедливость и гуманизм, за интеллектуальную свободу личности. Мы с Вами в этой нелегкой борьбе. Разум восторжествует. С уважением, Геннадий Алексеев» (Таллин)

«Поздравляю с половиной века. Желаю здоровья. Горжусь, живя с Вами в одном веке. Татьяна Баева, служащая» (Москва)

«От всей души поздравляю с полувеком. Пожалуйста, не откладывайте перо. Поверьте, не все любить умеют только мертвых. Ваш читатель Кирилл Кайсаров» (Саратов)

«Дорогой Александр Исаевич!

День Вашего пятидесятилетия — экзамен для многих окрест нас. Не грустите, коли он выдержан не на отлично, зато выставленная отметка одним баллом обязана Вам. Сердечно поздравляю, успехов Вам, бодрости, здоровья, стойкости. Ваш читатель Николай Владимиров» (Ленинград)

«В день Вашего пятидесятилетия желаю Вам здоровья и бодрости, а себе читать и перечитывать Ваши новые произведения. Данилевич» (Новосибирск)

«Глубокоуважаемый Александр Исаевич! Сердечно поздравляем с днем рождения, желаем крепкого здоровья, творческих успехов, ждем новых произведений. Библиотекари библиотеки ЛГИК им. Крупской» (Ленинград)

«Поздравляем с юбилеем. Желаем долгой плодотворной жизни. Неизвестные Вам друзья, сотрудники Экономико-математического института» (Москва)

«Солдату Брянского и Белорусского фронтов, бойцу гражданского фронта в день пятидесятилетия. Соломины из Одессы» (Одесса)

«Дорогой Александр Исаевич! С Вами наша любовь, бесконечное уважение и благодарность. Без Вас и Ваших книг мы не живем сегодня и не мыслим будущего. Желаем Вам долгих лет здоровья и здоровья. Студенты литфака Герценовского института» (Ленинград)

«Глубокоуважаемый, дорогой Александр Исаевич! Поздравляем Вас с днем рождения. Желаем крепкого здоровья, многие годы плодотворной работы. С сердечным приветом. Костоготов» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич! Поздравляем с юбилеем. Желаем здоровья, творческих успехов. Нержины» (Ленинград)²¹

²¹ Помета на бланке рукой Солженицына: «через 7 мин после Шулубина из Москвы».

«Уважаемый Александр Исаевич! В день торжественный Вашего 50-летия сердечно поздравляем Вас, желаем Вам долгого здоровья и новых книг, которые мы с нетерпением ждем. Сибиряки» (через Москву)

«Дорогой Александр Исаевич! От всей души поздравляем Вас с днем Вашего 50-летия. Обнимаем. Тимофеевы-Ресовские» (Обнинск)

«Дорогой А.И.! Поздравляем с половиной срока. Очень Вас любим, верим Вам и желаем самого главного — верности самому себе, радости, здоровья и сил, необходимых для работы. И счастья, счастья, счастья. Политэка: Калныньш, Ронкин, Галансков, Даниэль, Гинзбург, Мошков» [*Записка передана из мордовского лагеря ЖХ 385/17 через Ирину Жолковскую.*]

«Поздравляем с пятидесятилетием Александра Исаевича. Мужественного человека, совесть и гордость русской литературы. Ботвинник» (Ленинград) [*Через Рязанское отделение СП.*]

«Дорогой Александр Исаевич!
Сердечно поздравляю Вас с днем рождения, желаю бодрости и здоровья. Всего Вам самого наилучшего. Н. Майкопар» (Москва)

«Дорогой Александр Исаевич!
Поздравляем Вас с пятидесятилетием!!
Ваши читатели, почитатели, издатели:
Гамбаряны: Н.П. (физик), Н.П. (химик), Саша (студентка), Маша (абитуриентка), Гая (школьница); Балакирева: Дорина (студентка)» (Москва)

«Александр Исаевич! Коллектив 23-го городского отделения связи поздравляет Вас с пятидесятилетием. Желает Вам крепкого здоровья, творческих успехов, долгих лет жизни. По поручению коллектива Новосельская» (Рязань)

«Французские поклонники желают самому крупному советскому писателю много счастья и здоровья» (Ницца) [*Копия, оригинал, отправленный и в ССП, и в «Новый мир», не дошел.*]

«Рязанская писательская организация поздравляет Вас, Александр Исаевич, с пятидесятилетием. Пожелаем Вам творческих успехов, доброго здоровья Вам и Вашим близким. Сафонов, Матушкин» (Рязань)

«Воронежская писательская организация приветствует Вас по случаю пятидесятилетия. Желаем здоровья, душевных сил, новых книг. Гордейчев» (Воронеж) [*Через Рязанское отделение ССП.*]

На последние два поздравления — единственные от советских писательских организаций — Солженицын ответил. 13 декабря он написал в Воронеж:

«Друзья и коллеги!

Тронут Вашим поздравлением, благодарю!

Оно было несколько (сильно) неожиданно для меня, тем более ценно. Союз Писателей меня не балует: Рязань да Вы.

Не зная, как ответить всем поздравителям, я сделал тщетный, конечно, шаг: написал письмо в “ЛитГазету”. Она не напечатает, но копию шлю теперь Вам²².

Ответно желаю всем бодрости, здоровья, удач с пером!

Жму руки.

Солженицын»²³

Закончим одним, особенным поздравлением. Оно было получено Солженицыным самым первым — еще в феврале 1968-го. Отправители не знали, какого числа родился писатель, знали только год. Потому, чтобы не опоздать с поздравлением, отправили телеграмму заранее и сразу на два адреса: в «Новый мир» и Союз писателей (дошли обе):

«Уважаемый Александр Исаевич!

Поздравляем Вас с Днем Советской армии. Пользуемся случаем и поздравляем Вас с Вашим пятидесятилетием, хотя и не знаем точной даты юбилея. Мы высоко ценим Вас как писателя и гражданина и надеемся скоро увидеть в печати Ваши новые произведения. Город Актюбинск. Завод Актюбрентген. Чистяков, Шаронина, Евстигнеева, Кравченко, Терновский, Кудактин, Ералиев, Крат, Басина».

Солженицын ответил:

«Друзья мои!

Очень тронут Вашим двойным поздравлением, спасибо! Совсем новые имена, кажется никто из Вас мне не писал. Обе Ваши телеграммы пришли в один день, да только меня дома не было.

Благодарю за дружеские слова. Очень бы хотел, чтоб дошли до Вас мои романы — но они пока в заколдованном кругу. В декабре чуть-чуть не начали “Раковый корпус” в 12-м “Новом Мире” — и запретили.

Жму руки!

Будьте здоровы, бодры, благополучны!

Ваш *Солженицын*»²⁴

²² Ответ поздравителям, не напечатанный «Литературной газетой», многократно публиковался впоследствии. См., напр.: *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 620.

²³ Идентичный ответ Солженицын отправил Рязанскому отделению СП.

²⁴ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинописная копия с подписью Солженицына. Публикуется впервые.

«БИША-ГРИША»

Из переписки епископа Аляскинского Григория (Афонского) с А.И. и Н.Д. Солженицыными (1975–1979)

*Публикация, вступительная заметка
и примечания А.Ю. Никифоровой*

В числе корреспондентов Александра Солженицына в годы его вынужденного пребывания на Западе (1974–1994) были такие широко известные лица духовного звания, как архиепископ Иоанн (Шаховской)¹, архиепископ Антоний (Бартошевич)², протопресвитер Александр Киселев³, протопресвитер Александр Шмеман⁴. Архиепископ Ситкинский и Аляскинский Григорий (в

¹ Архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (ПЦА) Иоанн (Шаховской, 1902–1989). Воевал добровольцем в армии генерала А.И. Деникина. Эмигрировал через Константинополь во Францию. Окончил историко-филологический факультет Лёвенского университета (Бельгия) в 1926 году, в том же году принял монашеский постриг. Служил в Сербии, Франции, Германии, США. Вел с Солженицыным переписку, встречался, передал ему в дар для домашней Свято-Сергиевской часовни в Вермонте частицы мантии прп. Серафима Саровского и облачения прав. Иоанна Кронштадтского.

² Архиепископ Женевский и Западно-Европейский (РПЦЗ) Антоний (Бартошевич, 1910–1993) родился в семье военного инженера в Санкт-Петербурге. В 1924 году с матерью выехал в Сербию. Окончил богословский факультет Белградского университета. После пострига и рукоположения в 1941 году служил в Сербии и Бельгии. В январе 1974-го, в разгар публичной травли А.И. Солженицына после публикации в Париже первого тома «Архипелага ГУЛАГа», по инициативе владыки Антония и епископа Лавра (Шкурла) Архиерейский синод РПЦЗ постановил: «предписать совершать молебное пение во всех храмах РПЦЗ об избавлении русского писателя А.И. Солженицына и его семьи от опасности, нависшей над ними со стороны безбожной власти». Владыка Антоний пригласил Солженицына составить обращение к Третьему Всезарубежному собору, прошедшему осенью 1974 года в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле.

³ Протопресвитер Александр Киселев (1909–2001) ребенком был вывезен в Эстонию. Окончил Рижскую духовную семинарию. Служил приходским священником в Эстонии до ликвидации ее независимости, затем выехал Германию, с 1949 года жил и работал в США. В 1991 году вернулся в Россию. О. Александр был участником Третьего Всезарубежного собора (1974), на котором зачитывал обращение А.И. Солженицына.

⁴ Протопресвитер Александр Шмеман (1921–1983), богослов. Родился в Эстонии, но вскоре с семьей переехал в Париж. Там в 1945 году окончил Свято-Сергиевский православ-

миру Георгий Сергеевич Афонский, 1925–2008) не принадлежал к числу «заметных» архиереев, чьи труды определили облик русского православия в изгнании; его имя редко встречается в литературе по истории русского зарубежья. Однако его письма занимают особое место в архиве писателя, а дружба с ним — в жизни семьи Солженицыных после высылки из СССР.

Заочное общение епископа Григория и Александра Исаевича началось по инициативе владыки, который испытывал глубокое уважение к писателю и защитил диссертацию о его творчестве в одном из американских университетов. А первое знакомство состоялось так.

В поисках дома

История поисков дома для писателя и его семьи, поселившихся после высылки в Цюрихе, описана Солженицыным в автобиографических очерках «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (гл. «Ещё год перекаати»). Оставаться в Европе было нельзя («не жить нам в Европе, не дадут мне там спокойно работать, везде достанут; и кроме Франции нигде не хочется»⁵), «заманчивые имения» в Канаде близ самой реки Святого Лаврентия уже были заняты «устойчивыми первыми поселенцами». В середине мая 1975 года Александр Исаевич вызвал из Цюриха Наталию Дмитриевну, и вместе они решили «попытать счастья в Аляске»: из Оттавы трансканадским экспрессом отправились на тихоокеанское побережье, а в Принц-Руперте пересели с поезда на аляскинский пароход.

Аляска, в особенности по контрасту с «сонной Канадой», глянулась Солженицыным сразу: «...для нас, уже за год истосковавшихся по России, нельзя было начать знакомство со Штатами лучше, чем через Аляску. Кроме самой России — уже такого русского места на Земле не осталось <...>. Здесь, на северо-западе американского материка, — поразишься русской удали, настойчивости, землепроходству»⁶. «Тихой обособленностью» и «нерастревженностью» Аляска манила; несмотря на май, было очень холодно, над самыми верхушками деревьев летали «огромные белопепельные орлы... Даже

ный богословский институт, где преподавал до переезда в США в 1951 году. Читал лекции в Свято-Владимирской семинарии, был ее деканом, сыграл значительную роль в признании автокефалии Православной церкви в Америке. О. Александр — автор публикаций о творчестве А.И. Солженицына в «Вестнике РСХД» (Париж; Нью-Йорк): «О Солженицыне» (1970. № 98. С. 72–87), «Зрячая любовь» (1971. № 100. С. 141–152), «Сказочная книга» (1973. № 108/110. С. 169–173) и др. Несмотря на дружбу, публично полемизировал с писателем по ряду вопросов («Письмо из Америки» // Вестник РСХД. 1975. № 116; ответ Шмемана в «Вестнике РСХД» (1976. № 117); Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973–1983 / сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман. 2-е изд., испр. М.: Рус. путь, 2007. С. 191–193, 488).

⁵ Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Ч. 1 (1974–1978) // Новый мир. 1998. № 11. С. 122.

⁶ Там же. С. 123, 124

страшно: вот снизится, схватит когтями Алю в меховом капоре и унесёт»⁷. «...Ситха (Ново-Архангельск), — вспоминал Солженицын, — встретила нас совсем по-русски, да и русским епископом Григорием Афонским. <...> Мы жили у епископа Григория, как будто вернулись в Россию, ещё и в радушии по горло. Стояли на службе его в храме. А после службы плотным кольцом жались к нему ребятишки алеутские (как на нашем бы Севере) и теребили: “Биша-Гриша!” (“бишоп” – епископ по-английски)»⁸.

И хотя окончательный выбор места для приобретения участка пал на окрестности Кавендиша в Вермонте, а от идеи Аляски пришлось отказаться («Нет, пожалуй — это уже слишком заповедник, глубоко в Девятнадцатый век»),⁹ епископ Григорий остался другом семьи Солженицыных. Установившаяся между ними переписка, часть которой ныне доступна для изучения, показывает, что общение приносило обоюдную радость. Иначе не мог бы обратиться Александр Исаевич в одном из писем к владыке (имея в виду его планы после выхода на пенсию) с такими словами: «...не хотели ли бы Вы разделить жизнь с нашей семьёй как фактический член её?.. Мы бы выиграли при этом и постоянный храм на своей территории, и наставника детям и прекрасного друга» (см. письмо № 4).

Епископ Григорий: штрихи к портрету

Епископ Аляскинский и Ситкинский Григорий родился в Киеве 17 апреля 1925 года в потомственной священнической семье¹⁰. Большое влияние оказал на формирование его личности дедушка, протоиерей Михаил Едлинский (1959 – расстрелян в 1937), позднее причисленный к лику новомучеников¹¹. Святой Иоанн Кронштадтский так высоко ценил отца Михаила, что удивлялся: зачем паломники из Киева, где живет этот великий угодник Божий, едут к нему? Во время Великой Отечественной войны немцы вывезли в 1942 году семнадцатилетнего Георгия на принудительные работы в Германию. В 1949-м по ходатайству дяди, известного церковного регента и композитора Николая Афонского, он переехал в США, где получил музыкальное образование и около 15 лет служил регентом на приходах. После окончания Университета Коннектикута и Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, в 1965 году был рукоположен во священника, приписан к часовне Святого Сергия при митрополичьем доме в Сайосете (штат Нью-Йорк) и состоял архивариусом Американской митрополии. В 1971 году перемещен в Ни-

⁷ Там же. С. 124.

⁸ Там же. С. 123, 124.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ См.: Григорий (Афонский), еп. // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 12. С. 568.

¹¹ См.: *Едлинский Георгий, свяц., Едлинский Михаил, свяц.* Любящее Господа сердце: Труды. Проповеди. Воспоминания. Киев: Дух і Літера, 2004.

кольский храм в Портленде (штат Орегон), где состоялось его знакомство с русскими староверами, и вскоре пострижен в монашество в Свято-Тихоновском монастыре в Южном Ханаане (штат Пенсильвания) с именем Григорий в честь святого Григория Богослова.

Вот как пишет об этом Солженицын, несомненно со слов самого владыки Григория: «...надо было жениться до принятия сана. Но вопреки его жизненным намерениям это не состоялось, и принял он сан иеромонаха, а затем вскоре и стал епископ. (Позже, гостя у нас в Вермонте, рассказывал свою жизнь, — Аля спросила: “Жалеете, Владыка, что не женились?” Он, с мягкой добродушной своей улыбкой: “Да нет. Жалею только, что остался без детей”.)»¹²

13 марта 1973 года отец Григорий, к тому времени уже получивший степень магистра богословия Свято-Владимирской духовной семинарии и кандидата богословия в Университете Хофстра в Хемпстеде (штат Нью-Йорк), был хиротонисан в епископа Ситки и всей Аляски. И двадцать три года посвятил подвижническому служению Церкви на Аляске, продолжая дело святителя Иннокентия (Вениаминова)¹³, который «добровольно переехал сюда — просвещать ещё прежде того крещёных, но покинутых вниманием алеутов; переплывал на острова, переводил Евангелие, молитвы и песнопения на местных шесть языков. И вот сегодня священник-алеут, и дьякон-индеец, и все здешние аборигены — на вопрос “кто вы?” отвечают: Russian Orthodox (русский православный)»¹⁴. Владыка преподавал догматическое богословие и каноническое право в Свято-Германовской семинарии в Кадьяке¹⁵. За годы пастырства в чрезвычайно сложных климатических условиях посетил все 87 приходов своей огромной епархии, отстроил новые церкви, восстановил после пожара Свято-Михайловский собор в Ситке. В 1995 году, вскоре после возведения в сан архиепископа, владыка Григорий ушел на покой в связи с ухудшением здоровья. Тогда он смог посетить Москву и Киев, где встретился с братьями и сестрами, с которыми был разлучен более 50 лет¹⁶. Скончался он в 2008 году в возрасте 82 лет в городе Джексон (штат Нью-Джерси).

¹² Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 123.

¹³ Митрополит Иннокентий (Вениаминов, 1797–1879), миссионер, первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья, Северной Америки.

¹⁴ Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 124.

¹⁵ Научные труды Григория (Афонского), епископа Аляскинского: Догматическое, свято-отеческое, каноническое учение о епископе. Нью-Йорк, 1965; A History of the Orthodox Church in Alaska: 1794–1917. Kodiak, 1977; The History of the Orthodox Church in America, 1917–1934. Kodiak, 1994; Christ and the Church in Orthodox Teaching and Tradition. Crestwood, 2001 (рус. пер.: Иисус Христос и Его Церковь. Киев, 2002); Введение в каноническое право Православной Церкви. Киев, 2001.

¹⁶ В архиве ПЦА хранятся машинописные воспоминания архиепископа Григория об этой поездке «В Москве и Киеве по святым местам» (1996, 20 с.).

О своем многолетнем служении на Аляске говорил: «Я благодарен Богу за то, что Он дал мне на Аляске... такое большое поле для взращивания виноградника Господня, и особенно за то, что Он дал мне людей — молодых, добрых и искренних прихожан. Это для меня дар Божий. Другой судьбы мне не надо»¹⁷.

Переписка

Часть переписки епископа Григория и семьи Солженицыных в настоящее время выявлена в архиве Православной церкви в Америке (черновики писем епископа Григория, письма Солженицыных), а также в архиве писателя в Троице-Лыкове (более двух десятков писем владыки и копии нескольких ответов). Содержание этих документов свидетельствует о том, что часть переписки утрачена или пока не обнаружена. Несмотря на это обстоятельство, предлагаем вниманию читателя ее фрагмент — уникальный источник, свидетельство из первых рук о повседневной самоотверженной жизни русского человека, малоизвестного верного служителя России и Русской Православной Церкви, миссионера Аляски и весьма важный документ для понимания личности Солженицына.

Публикуемые письма датируются 1975–1979 годами, трудным временем для Александра Исаевича и его семьи, когда им, высланным из родной страны, нужно было найти место для работы писателя, жизни семьи, создать условия для воспитания детей. Любовь, молитва и доброе слово епископа Григория (такое, на первый взгляд, простое и бесхитрое), несомненно, были действенной, душевной поддержкой. Освящение владыкой Григорием часовни Преподобного Сергия Радонежского в вермонтском доме Солженицыных в октябре 1977 года завершило их устройство на новом месте, открыло новый период их жизни — многолетнего труда в ожидании «нескорого, нескорого возврата на родину»¹⁸. Какой драгоценностью это общение было для епископа Григория, видим в его письмах, дышащих теплом и любовью. Это взаимное живое чувство передается читателю, что стало еще одним немаловажным аргументом в пользу публикации — в год общего для участников переписки десятилетия со дня кончины.

Письма епископа Григория печатаются по оригиналам (авторизованная машинопись на официальном бланке епархии, реже автографы владыки) из архива Солженицына в Троице-Лыкове, ответы А.И. и Н.Д. Солженицы-

¹⁷ Косицкая З. На всю жизнь: К 80-летию со дня рождения Григория (Афонского), архиепископа Аляскинского и Ситкинского // URL: http://churchs.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=3216:-80-&catid=77:2011-08-30-13-38-08&Itemid=6 (дата обращения: 05.09.2018).

¹⁸ Солженицын А.И. Прощальное слово в Кавендише, 28 февр. 1994 // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх. Волга, 1997. Т. 3. С. 472.

ных — по оригиналам из архива Православной церкви в Америке (ПЦА) и рукописным копиям, отложившимся в архиве писателя. В качестве пролога помещена заметка епископа Григория о посещении Солженицыными Аляски, дополняющая рассказ в «Зёрнышке».

Сердечно благодарим архивариуса ПЦА Алексея Либеровского и друзей владыки Григория за предоставленные ими для публикации письма и фотографии и Н.Д. Солженицыну за возможность изучения и публикации документов из архива писателя в Троице-Лыкове.

Тексты приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, с частичным сохранением авторских особенностей (в т.ч. написания географических названий). Опечатки исправлены без оговорок, сокращения развернуты.

Еп. Григорий Аляскинский

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН ПОСЕТИЛ АЛЯСКУ¹

К величайшему удовлетворению и радости местного населения, великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Александр Исаевич Солженицын с супругой Наталией Димитриевной в течение целой недели пребывали на территории Аляски.

Как и следовало ожидать, уже при переезде границы из Канады аляскинцы быстро узнали знаменитого писателя и приняли его с большой любовью, почтением и типично аляскинским гостеприимством. Не имея возможности повидать писателя на пароме, люди стали передавать ему приветы и подарки уже с первых остановок.

По словам А.И., в детском возрасте прочитавшего всего Джека Лондона (его произведения печатались как приложение к журналу «Всемирный следопыт»), Аляска привлекала его своей суровостью, недоступностью и особенностями истории.

Увы, Аляска и сегодня оказалась не вполне доступной: А.И. намеревался посетить как юг, так и ее север, вплоть до Берингова пролива. Этот план, к сожалению, ему пришлось отменить, так как водного транспорта на север Аляски сейчас нет.

Два дня пребывали Солженицыны в г. Джуно, столице Аляски. Здесь они посетили знаменитый Джуновский ледник, штатные музей и библиотеку, Свято-Николаевскую православную церковь, где были тепло приняты настоятелем о. Кириллом Булашевичем. На вечернем чае в доме штатного судьи Стюарта А.И. познакомился с губернатором Аляски Хаммондом. В Джуно А.И. обратил внимание на то, как бережно штатные власти относятся к сохранению исторических памятников, относящихся к периоду истории до 1867 года, когда Аляска называлась Русской Америкой.

Четыре дня пробыли Солженицыны в Ситке, бывшем Новоархангельске до 1867 года, и, по словам А.И., это были дни тихой духовной радости и простого физического отдыха. Посетив собор Св. Архистратига Михаила, построенный в 1848 году «апостолом Аляски» епископом Иннокентием Вениаминовым (сгоревший во время городского пожара в 1966 году, собор все еще достраивается), Александр Исаевич и Наталия Димитриевна приложились к чудотворному образу Ситкинской Божией Матери, а затем осмотрели и другие духовные ценности, оставшиеся в соборе со времен Русской Америки.

¹ Впервые: Русская жизнь. Сан-Франциско, 1975. 4 июня. С. 1; Публикуется по этому тексту. То же: Новое русское слово. Нью-Йорк, 1975. 5 июня. С. 2. См. также этот текст в англ. переводе: *Gregory, Bishop of Sitka and Alaska. Solzhenitsyn Visits Alaska // The Orthodox Church. Syosset, NY, 1975. Oct.; Orthodox Alaska. Kodiak, Alaska, 1975. Vol. 5. № 5.*

Ничто в Ситке не ускользнуло от любознательного взора писателя: ни архиерейский дом, старейшее здание в Ситке, где помещалась первая духовная семинария, ни холм, на котором был спущен русский флаг после продажи Аляски в 1867 году, ни аллея, по которой в начале XIX века прохаживался первый русский губернатор Аляски А.А. Баранов, ни красоты сотен малых островов, тесно окружающих Ситку, ни бережливое отношение городских властей к прошлому Русской Америки, ни предметы русского домашнего обихода в музее, ни исторические памятники. Не пропустил глаз писателя и могучих североамериканских «лысых орлов», почти уничтоженных на материке. Познакомился писатель с мэром города Дапцевичем, православным сербом, посетил редакцию местной газеты, чем обрадовал издателя, в местных лавках супруги приобрели и сувениры.

Ситка, однако, знала, что это не простые туристы. Вежливо, корректно, тем не менее десятки раз на улице, в парке, в музее великого писателя останавливали школьники, преподаватели, простые рыбаки и жители Ситки, прося подписать то «Ивана Денисовича», то «В круге», то «ГУЛАГ». Радостные, смущенные, жали руку писателя и обязательно говорили: Мы Вас узнали! Желаем Вам хорошо отдохнуть! И прибавляли: Как Вам нравится Аляска? И писатель искренне отвечал: Очень нравится, спасибо!

Можно только поражаться, каким путем и имя, и книги русского писателя дошли даже до «краев земли». Наверно потому, что А.И. уже не только русский, но и мировой писатель.

Очень тепло обошлись Солженицины с местными православными индейцами — тлинкитами и алеутами, которых и нельзя не полюбить за простоту и непосредственность. А индейцы, в свою очередь, подарили А.И. весло с головой орла, и это означает, что он принят в их клан. Дали ему и имя «Садуахч», в переводе: «тот, которого слушают».

Видно было, что писатель и его жена остались довольны своей поездкой по Аляске, да они этого и не скрывали. Из Ситки Александр Исаевич с Натальей Димитриевной улетели в субботу, 31 мая, как здесь говорят, в нижние 48 штатов. Доброго им пути.

ПИСЬМА

1. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

3 февраля 1975

3 февраля, 1975 года

Глубокоуважаемый Александр Исаевич,

На днях получил я из Парижа номер 112, 113 «Вестника Русского христианского движения», в котором впервые напечатана глава из Вашего «Круга» под заглавием «Тверской дядюшка». Прочитав эту главу, я и решил побеспокоить Вас этим письмом, и вот почему.

В свое время, вернее в 1970 году, в университете Гофстра, в США, я защитил магистерскую диссертацию на тему «Вечные вопросы в романах Солженицына»². Примером преображенной совести и ее значения для духовного возрождения человека был в моей работе Володин. Не хватало только одного — самого момента перерождения или момента «крещения». Теперь этот момент есть в главе «Тверской дядюшка», где Володин, «облитый огнем», был отмыт³.

Спасибо, дорогой Александр Исаевич, за эту дополнительную главу и еще большее спасибо за моих дедушку, папашу и других родственников, погибших в лагерях Архипелага⁴ и за которых Вы единственный заступились.

Неисповедимыми путями привел меня Господь на Аляску, бывшую Русскую Америку, духовно руководить наследством наших миссионеров, — православными алеутами, эскимосами, индейцами. Есть у нас приличный архив, есть тихие и совершенно уединенные места, и все это в Вашем распоряжении для работы и для отдыха, если окажете нам честь.

Храни Господь Бог Вас и Вашу семью в добром и крепком здравьи на многие и многие годы и на радость всем нам.

Всегда Ваш † *Епископ Григорий*

¹ С этого письма началось знакомство А.И. Солженицына и епископа Григория, затем переросшее в дружбу. Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² *Afonsky George. Eternal Themes in Alexander Solzhenitsyn's Novels. N.Y.: Hofstra University, Department of Comparative Literature and Languages, MA, PhD, 1971. 67 p. (на рус. яз.).*

³ Иннокентий Володин — герой романа А.И. Солженицына «В круге первом». Источником для диссертации епископа Григория была «лекарственная» версия романа, вышедшая в свет в 1968 году сначала в Цюрихе, затем в Париже. Новая глава «Тверской дядюшка» была написана Солженицыным в ходе восстановления полной, «атомной», редакции, которое писатель предпринял в том же 1968 году.

⁴ Дед — протоиерей Михаил Емельянович Едлинский (1859–1937), расстрелян, вероятно, в Лукьяновской тюрьме г. Киева, причислен к лику новомучеников РПЦЗ в 1989 году; отец — Сергей Петрович Афонский (1889–?), исповедник, в 1938 году арестован и до 1944-го находился в ссылке на Урале, по возвращении служил в киевских храмах, открыл в 1947 году закрытую большевиками Киевскую духовную семинарию, был ее ректором.

2. Н.Д. Солженицына — епископу Григорию¹

14 июня 1975

14 июня 75
Portland

Дорогой Владыка Григорий!

Пишу Вам из дома Гаврилы Владимировича Кривошеина, который очень нам помог, несмотря на болезни, свои и жены. Он — сердечный, скромный, добрый человек. Спасибо, что Вы связали нас с ним.

Очень благодарны мы Вам и за сведения об оregonских староверах. Оказалось, что не только аляскинские, но и канадские староверы приехали от этих, из Орегона. Так что мы повидали главное их поселение на этом континенте².

Впечатлений много, самых разных. А главное: как же сильно, как горько их 300 лет назад обидели, — и как стойко они свою веру и обличье сохраняют.

Завтра я возвращаюсь в Швейцарию к детям, А.И. еще продолжает путь по Канаде и Штатам. Низко кланяюсь Вам за Вашу сердечность, ласку, за Ваше радушие и широту. Мы Вас полюбили сердечно и всегда будем помнить Вас и Вашу солнечную Ситку с храмом, орлами, островами, аллеей Баранова.

Почта, которую Вы переслали, получена, спасибо.

Желаем Вам всякого добра, здоровья и успеха на Вашем необыкновенном, старорусском месте.

Храни Вас Господь!

Ваша *Наташа Солженицына*

¹ Архив ПЦА. 1 л. Автограф Н.Д. Солженицыной.

² После Аляски Солженицыны посетили старообрядческие деревни в Америке — как возможное место для жизни семьи: «...была у меня мечта — расположиться близ русского населения, — и самим нам дышать родней, и чтобы дети росли в русской среде. <...> Оставались в задумке старообрядцы в Штатах, но стал я уже отчаиваться в таком соседстве поселиться» (*Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // *Новый мир.* 1998. № 11. С. 121, 122). Владыка Григорий служил в Орегоне в начале 1970-х годов и поэтому располагал сведениями об оregonских староверах.

3. Епископ Григорий — Н.Д. Солженицыной¹

8 июля 1975

8 июля, 1975 года

Милейшая Наталия Димитриевна,

Вот только сейчас я вернулся в Ситку после пятидневной поездки по северу Аляски, которую начал сразу же после Вашего отъезда. Бесконечно рад Вашему письму с припиской А.И., а еще больше был рад Вашему посещению нашей «солнечной» Ситки. Никогда Вашего визита не забудем.

Надеюсь, что Вы дома нашли все благополучно и всех домашних в добром здравии.

<...>²

Моя поездка по Аляске была удачной. Посетил такие деревушки, где епископа еще никогда не было, а священник приезжает раз в два-три года. Вот какие есть еще здесь места! Но люди остаются православными, что просто чудо. Как их жаль и как хочется помочь.

Имел возможность предварительно узнать о ценах на землю в Кенае. Об этом Вам нужно будет сообщить А.И. и узнать, как он сейчас смотрит на идею «Моржовки»³, о создании которой здесь шла речь.

Посылаю Вам несколько снимков, — это только начало. Другие еще пришлю, и хорошие. Мой сердечный привет дорогому Александру Исаевичу и целую Вас обоих. Храни Вас Всех Господь в добром и крепком здравьи. Не забывайте.

Любящий,

Всегда Ваш

† *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 2 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² Купюры здесь и далее сделаны на месте сведений о жизни прихода епископа Григория или других, требующих отдельного комментария, не имеющего отношения к теме публикации.

³ Предполагаемое место жизни на Аляске, удаленное от городской суеты, Солженицын шуточно назвал Моржовкой — по аналогии с Борзовкой под Москвой, где у него был летний домик. Вероятно, не обошлось и без юношеских воспоминаний: всегда любивший холод Солженицын еще в студенческие годы получил прозвище Морж, очень уместное для Аляски.

4. А.И. Солженицын — епископу Григорию¹

17 июля 1975

17.7.75
под Нью-Йорком

Дорогой Владыка Григорий!

Как Вы поживаете? Как Ваше здоровье? Как управляетесь со службой и поездками?

Всегда сердечно вспоминаем Вас. Н.Д. уезжала в Европу и ещё раз прилетала (да вот и опять улетела) — на мое отчаянное турне с крупными выступлениями (Вашингтон, Нью-Йорк, Meet the press на TV и речь в Сенате)². Молитесь Богу, чтобы был в последующем результат — а пока надежды немного.

А что там с Моржовкой? Ничего не приглядывается? В ближайшие недели я хочу решить подобную покупку в Новой Англии, если найдётся что хорошее. Хочется, потому, знать — если на Аляске Вам что приглянулось.

До того мы Вас сердечно полюбили, что от имени нас обоих хочу Вас спросить:

- 1) когда именно Вы уйдёте на пенсию?
- 2) есть ли у Вас определённые планы на дальнейшую жизнь?
- 3) не хотели ли бы Вы разделить жизнь с нашей семьёй как фактический член её — устроим ли мы такое имение в Штатах или пока в Швейцарии. Мы бы выиграли при этом и постоянный храм на своей территории, и наставника детям и прекрасного друга.

Напишите, что Вы об этом всё думаете.

<...>³

Сердечно обнимаю

Ваш Солженицын

¹ Архив ПЦА. 1 л. с об. Автограф А.И. Солженицына.

² Солженицын пишет в «Зёрнышке»: «...о моём странном въезде в Штаты, как бы не парадного входа, узнал Джордж Мини, чьё приглашение я... отклонил в прошлом году, — и теперь он звал меня выступить на всеамериканском профсоюзном съезде в Вашингтоне, и большом их собрании в Нью-Йорке, но это уже — с конца июня, и я успевал уложить в маршрут все дела и поиски. Да, в этой стране покою не дадут, затеребят, как же здесь жить?.. Но — когда же и где говорить иначе? И когда же выступать, как не сейчас, после их вьетнамского поражения? Сейчас наиболее непопулярно будет, что я им скажу, — но и наиболее своевременно. Я согласился» (*Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 127*). См. также: *Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 229–255; 256–279; 280–283. 1996. Т. 2. С. 284–291.*

³ Опущено указание временных адресов Солженицына во время поездки по США.

5. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

22 июля 1975

22 июля, 1975 года

Дорогой Александр Исаевич,

Бесконечно рад Вашему письму от 17 июля. Отвечаю по адресу Монреаля, в надежде, что Вы его там получите. С почтой сегодня пришли газеты из Нью-Йорка, в одной из которых полностью напечатана Ваша речь в Вашингтоне². Вот это хлопнули, как полагается, по всем местам! Никто до сих пор ТАК не говорил Америке, а говорить надо и даже кричать³.

Радуюсь, что Америка приняла Вас тепло и гостеприимно, а президент просто сел в калошу со своим советником. Видно, он готов сейчас Вас принять с почетом, но выступление в конгрессе, однако, важнее свидания с президентом⁴. Честь Вам и слава!

Я возвратился в Ситку из очередной поездки по северу две недели назад, а в воскресенье снова отправляюсь в путь на несколько недель.

Теперь отвечаю на Ваши вопросы:

1. Официально на пенсию я могу выйти только через одиннадцать лет. Думаю, однако, что мои правители в Нью-Йорке освободят меня от епархии, если я попрошу, — им будет спокойней.

2. Никакого определенного плана на будущее у меня, кроме Церкви, нет.

3. Как я Вам сказал при встрече, я предан Церкви и Вам. Большого удовлетворения, чем быть полезным Вам и Церкви, для меня не может быть. Вопрос только, как это согласовать. Мне кажется, что из Европы нужно было бы выбирать: Аляска в Вашем распоряжении, но и Новую Англию я знаю — там прожил пятнадцать лет.

Сердечный привет милейшей Наталии Димитриевне. Храни Вас Господь. Не забывайте.

Любящий Вас † *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² Речь на приеме в сенате США 15 июля 1975 г. См.: *Солженицын А.И.* Речь на приёме в Сенате США (1975) // *Солженицын А.И.* Публицистика. Т. 1. С. 280–283.

³ О реакции СМИ на его выступления Солженицын пишет: «Центральная американская пресса успела достаточно заляпать мои выступления. <...> Я совсем не зову Запад к крестовому походу, а лишь прошу перестать помогать угнетателям, — свободная американская пресса исключительно тугоуха к тому, что ей невыгодно слышать, она предпочитает наслушивать то, что ей надо» (*Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // *Новый мир.* 1998. № 11. С. 133–134).

⁴ Историю о том, как в дни американских выступлений Солженицына не состоялась встреча с ним президента Форда, см.: Там же. С. 132, 134, 135.

6. Епископ Григорий — Н.Д. Солженицыной¹

7 сентября 1975

7 сентября, 1975 г.

Милейшую Наталию Димитриевну сердечно поздравляю с завтрашним днем Ангела и от всей души желаю доброго и крепкого здоровья на многая и многая лета и на радость верным друзьям на Аляске.

Дорогого Александра Исаевича поздравляю с именинницей и обоих обнимаю с любовью.

Только вчера возвратился из шестинедельного похода по Аляске. Теперь все приходы и деревушки (а их более сотни) имели возможность повидать своего епископа. Масса впечатлений и столько же духовной радости.

В Ситке я останусь до конца года и буду бесконечно рад весточке из далекой Швейцарии.

Есть ли решение относительно Моржовки?

Храни Вас Всех Господь. Не забывают.

Ваш любящий,

† Епископ Григорий

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 2 л. Автограф епископа Григория.

7. Н.Д. Солженицына — епископу Григорию¹

19 сентября 1975

19.9.75

Цюрих

Дорогой Владыка Григорий!

Сердечно благодарна Вам за поздравление. В этот день, на мои именины, 2 года назад родился наш младшенький, Стёпа, — так что мы вместе праздновали.

Очень рады, что Вы так глубоко вживаетесь в Вашу необыкновенную Аляску, она Вам ответит любовью!

После почти 4-месячной поездки А.И. с головой нырнул в работу, писем не пишет, — но просит передать Вам низжайший поклон и самые добрые пожелания.

О Моржовке: если присмотрите *очень симпатичное* место, то сразу напишите (и сколько надо денег), да и берите.

Аляску вспоминаем с нежностью. Ваши письма и фотографии все получили.

Прошу Ваших молитв и благословения всей нашей семье.
Любящая Вас,
Наталья Солженицына

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Автограф Н.Д. Солженицыной. Копия.

8. Епископ Григорий — Н.Д. Солженицыной¹

20 октября 1975

20 октября, 1975 года

Дорогая Наталья Димитриевна,

Большое спасибо за Ваше такое милое письмо и за память об Аляске. Особенно было приятно в письме услышать, что Александр Исаевич «окунулся в работу». Значит, скоро можно будет ожидать новую книгу, может окончание Гулага, а может и продолжение Августа 14-го. В том и в другом случае с нетерпением буду ждать выхода книги в свет.

Две недели тому назад мне пришлось проехать по необыкновенно красивым местам в штате Калифорния, и я решил послать Вам несколько карточек, с тем чтобы соблазнить А.И. сделать для себя и семьи летнюю прогулку по этим местам. Вид Красных деревьев-гигантов совершенно неопишуемый (вернее, описать их может только настоящий художник-гигант). Проехать туда довольно просто: прилететь в Сиаттль и Портланд Орегон (оба места Вам уже знакомы), там взять напрокат автомашину и катить в Калифорнию по берегу океана. Вечером останавливаться в мотелях, которых по дорогам сотни, и все они прекрасно оборудованы. Такая поездка может стать настоящим отдыхом для А.И. и для всей семьи просто удовольствием. Если такое путешествие Вас заинтересует, то могу написать более детально, что и как надо делать.

Вот еще удивительное совпадение: во время моей поездки среди Красных гигантов мои сопутники поставили вечером кассет... Крохотных рассказов, которые читал сам А.И. Как он хорошо читает! Тогда же я решил написать Вам о деревьях-гигантах, которых должен посетить наш мировой литературный гигант.

Мой сердечный привет дорогому Александру Исаевичу. Я читал в газете, что в монастыре «Новое Дивеево»² А.И. встретил речью епископ Андрей³. Он ведь тоже киевлянин и был как бы учеником моего дедушки, а для меня наставником. Храни Вас Всех Господь. Сердечно Вас обнимаю. Не забывайте.

Любящий

Вас † *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 2 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² Ново-Дивеевский женский монастырь — ставропигиальный монастырь РПЦЗ, расположенный в местечке Нануэт в 30 км к северу от Манхэттена. Основан в начале 1950-х годов протопресвитером Адрианом Рымаренко, впоследствии архиепископом Андреем. Солженицын посетил монастырь 22 июля 1975 года.

³ Архиепископ Роклендский (РПЦЗ) Андрей (в миру Адриан Адрианович Рымаренко, 1893–1978). Родился в семье промышленника на Полтавщине. Ученик последних оптинских старцев — прп. Анатолия Младшего (Потапова) и Нектария (Тихонова). В 1920–30-е годы служил в Киеве то легально, то тайно, не раз арестовывался. С конца 1940-х годов и до кончины жил в США.

9. А.И. Солженицын — епископу Григорию¹

14 декабря 1975

14.12.75

Дорогой любимый владыка Григорий!

Поздравляю Вас уже — и с Новым Годом и с Рождеством Христовым.

Простите, что не писал так долго: не смотрел переписки все осенние месяцы, полностью в работе.

Всегда радостно вспоминаем пребывание у Вас, Ваше необыкновенное гостеприимство — и сохраняем надежду непременно еще с Вами увидиться и видеться. Очень тепло представляем, как Вы посещали этим летом заброшенных прихожан и как они были Вам рады.

С интересом смотрел и Ваши фото тихоокеанского побережья.

Раздумались мы о Моржовке и вот что: боимся, что в перспективе развёртывающихся событий Аляска *не станет* спокойным глухим местом. Из-за этого возникла и остановка во всём проекте. Надо обдумать лучше. Еще напишу Вам весной.

Не откажите и Вы как-нибудь в весточке.

Сердечный привет всем Вашим приближённым друзьям в Ситке, которые стали и нашими.

Душевно Вас обнимаю!

Всегда Ваш *Солженицын*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Автограф А.И. Солженицына. Копия.

10. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

[Январь 1976]

С Рождеством Христовым и Новым Годом сердечно поздравляю дорогое моему сердцу Семейство Солженицыных. Да хранит Вас Всех Господь и Царица Небесная в добром здравьи на многая лета.

С любовью

† E<пископ> Г<ригорий>

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Автограф епископа Григория.

11. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

26 января 1976

26 января, 1976 года

Дорогой и бесценный Александр Исаевич,

Через два дня я улетаю из Ситки на север, в Анкоридж и Кодияк, где буду преподавать в нашей Пастырской школе несколько недель. Перед отъездом решил написать Вам пару слов, чтобы сообщить, что здоров, в хорошем настроении и в этом году с большой надеждой на некоторое улучшение церковной жизни здесь, чтобы можно было с достоинством отметить двухсотлетие рождения православия на Аляске, как и сами США отмечают свой двухсотлетний юбилей.

Начинаю письмо с большой просьбой к Вам, дорогой Александр Исаевич. Во время посещения Ситки Вы видели наш Св.-Михайловский собор. Он тогда восстанавливался после пожара 1966 года. Этот первый на Американском континенте православный собор был построен в Ново-Архангельске (Ситке) в 1848 году апостолом Аляски, епископом Иннокентием Вениаминовым, ставшим впоследствии митрополитом Московским. Собор является Историческим Памятником Православной Церкви в Америке и Национальным Памятником США.

Теперь, после десяти лет страшного напряжения (Вы видели, как трудно строить на Аляске, а у нас всегда были затруднения со средствами для постройки), собор восстанавливается во всей своей красе, и с Божией помощью пасхальные службы в этом году будут совершаться наверху, в новом здании собора. Здесь и лежит моя просьба к Вам: если можете, пришлите нам приветствие к этому знаменательному для всего православия в Америке событию, — к окончательной в марте постройке Свято-Михайловского собора. Ваше будет первое и ценнейшее для Ситки и вообще для всей Русской Православной Церкви приветствие, а для меня оно станет вознаграждением за годы забот, беспокойства и зачастую простого отчаяния. Хочу только Вас

предупредить, что об окончании собора я сообщу в русские газеты, и если Вы напишите нам приветствие, то я его или приведу полностью, или сообщу о нем. Весь мир должен знать о Вашей любви к православию, а наш собор является ее источником в Америке.

Кроме этой просьбы у меня еще одна забота: как бы перевезти Вас с семьей на наш материк. Вы знаете, мой дом, как и я сам, всегда в Вашем распоряжении.

Если есть у Вас какие планы относительно отпуска в наших краях (нашем континенте), то сообщите, так как я бесконечно был бы рад Вас повидать. Мой сердечный привет и благословение дорогой Наталии Димитриевне. Храни Вас Господь нам всем на радость.

Вас любящий

† *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

12. А.И. Солженицын — епископу Григорию¹

11 апреля 1976

Епископу Ситкинскому и Аляскинскому Григорию

Ваше Высокопреосвященство,
Глубокочтимый Владыко!

Вместе с Вами и Вашей паствой радуюсь послепожарному восстановлению Свято-Михайловского собора в городе Ситке. Эта работа потребовала от всех вас многих жертв, забот и усилий, но настойчиво утверждает православную традицию на Аляске, которая так трогает сердце. Никогда не утеряю поразительного ощущения от верности православию — индейцев, алеутов и эскимосов Аляски, воспринявших веру свою с чистотой и полнотой, редкой в современном мире. Восхищаюсь и Вашим личным неутомимым служением, полярным днем и полярной ночью по недоступным завьюженным местам материка, в отдаленных малых селениях.

Прошу Вас, примите и передайте мои самые сердечные поздравления всем прихожанам и соработникам Свято-Михайловского собора. В пасхальные дни возобновления его служб

искренне с Вами,
А. Солженицын
11 апреля 1976

¹ Архив ПЦА. 1 л. Машинопись с подписью А.И. Солженицына.

13. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

14 апреля 1976

14 апреля, 1976 года

Дорогой бесценный Александр Исаевич,

Какой же Вы мне сегодня сделали сюрприз! И как обрадовали! Вижу Ваш почерк на адресе, а письмо из Сан-Франциско, а Вы должны быть в Англии. Открываю, а там Ваше чудеснейшее приветствие новоосозданному собору и письмо дружеское, и Вы совсем близко около нас... Боже, как я Вам признателен за внимание и память! Собор наш окончен внутри, перебираемся на этой неделе, будем в нем служить Страстную седмицу и Пасху, и Ваше приветствие пришло как нельзя вовремя. Вот и вознаградили за годы трудов. Да вознаградит и Вас Господь Бог добрым и крепким здоровьем на многие годы, а любовь миллионов благодарных Вам людей Вы уже имеете.

На прошлой неделе я послал Вам в Швейцарию небольшое поздравление к Пасхе. Тогда я окончил третью часть «ГУЛАГа» и вот жалею только о том, что не дожил до него мой папаша. Вывернет эта книга всю советскую жизнь наизнанку, рано или поздно. Остановить ее или уничтожить у них нет на то больше возможности.

Вы, наверно, собираете материалы в университете². Кстати, мне для Вас прислали одну книгу о Гражданской войне в Сибири. Она называется «ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ» А.Г. Ефимова (борьба с большевиками 1918–20 гг.). Что прикажете с ней сделать? Послать Вам ее в Швейцарию? Книга может пригодиться, так как в ней много новых материалов (по крайней мере, для меня). Сообщите.

У меня пока никаких особых перемен нет. Даже здоровье держится в относительном порядке. После Пасхи еду на север Аляски, но главное путешествие будет в августе. Есть ли у Вас какие планы для отдыха летом? Могу ли я быть Вам чем-нибудь полезен? Мой сердечный привет милейшей Наталии Димитриевне. Никогда Вас не забываю. Храни Вас Господь во всем. Если найдете минутку, то позвоните «коллект»³ (907) 747-89-14. Это мой личный телефон. До сих пор не могу прийти в себя от радости!

Ваш любящий, † Епископ Григорий

П.С. Конечно, я читал Вашу статью в «Вестнике»⁴. Об Аляске там сказано очень хорошо и то, что есть. Об автокефалии Вы мое мнение уже знаете. Должен сказать, что наши «столпы» Архиепископ Иоанн (Шаховской) и о. Александр Шмеман приняли ее, говоря мягко, по-своему. Поэтому, вероятно, и ответы⁵. Пусть Вас это не смущает.

† Е.Г.

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² Солженицын в это время находился в Стэнфорде, где изучал материалы библиотеки Гуверовского института войны, революции и мира: «Хотя уже сорок лет я готовился писать о революции в России, вот в 1976 наступало сорок лет от первого замысла книги, — я только теперь, в Гувере, — в большом объеме, в неожиданной шири — получил, перешушывал, заглядывал материал. Только теперь обильно его узнавал...» (*Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Ч. 1 (1974–1978) // Новый мир. 1999. № 2. С. 67*).

³ Коллект — в США и Канаде звонок за счет вызываемого абонента.

⁴ Имеется в виду публикация: *Солженицын А.И. Письмо из Америки // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1975. № 116. С. 121–131.*

⁵ Об ответе о. Александра Шмемана (*Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1976. № 117. С. 121–135*) см. выше, примеч. 4 к вступ. заметке.

14. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

7 декабря 1976

7 декабря, 1976 года

Дорогой и бесценный Александр Исаевич,

Пишу только пару слов, так как вчера возвратился домой из больницы, где мне была сделана операция. Как это ни странно, но первая операция у меня была накануне Вашего посещения Ситки в прошлом году. Пожалуйста, не волнуйтесь, — я чувствую себя уже совсем хорошо и надеюсь на полную поправку.

Вы помните, что 21 ноября у нас было полное освящение собора в Ситке. Все прошло великолепно и очень духовно-радостно. Знаю, что о торжестве напишет о. Александр Шмеман, да и я уже написал небольшую статью о событиях и пошлю ее сегодня в газету. Надеюсь, напечатают².

Посылаю Вам для памяти Мемориальную книгу, которую мы приготовили ко дню освящения. К сожалению, она по-английски, но я знаю, это для Вас не препятствие. В книге написана история собора, и я вложил туда и Ваше приветствие, которое найдете на странице 15.

Часто вспоминаю Вас и Наталию Димитриевну с самым лучшим чувством. Храни Вас Господь в добром и крепком здорovьи на многие лета.

Ваш любящий,

† *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² *Григорий Аляскинский, еп. А.И. Солженицын поздравляет Ситку // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1976. 22 апр. С. 3.*

15. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

25 января 1977

25 января, 1977 года

Дорогой мой и бесценнейший Александр Исаевич,

Вчера я возвратился домой из Сан-Франциско, куда летал для осмотра после моей операции и по другим личным делам. Вернувшись, нашел Ваше милое письмо, на которое сейчас отвечаю.

Я нисколько не удивляюсь тому, что часовенка строится². Ну пусть немного будет задержки, беда не велика. Зато преподобный Сергей будет постоянно Вас всех охранять, как сохранил он и меня в самые тяжелые дни моей жизни, — в лагерях Германии. Перед своей кончиной моя мамаша прислала мне частицы мощей преп. Сергея.

Буду бесконечно рад освятить часовню, а повидать Вас снова будет для меня великой радостью. Все необходимое для освящения и для совершения литургии я привезу с собой, а некоторые вещи, как антиминс, оставлю и на будущее. В данном отношении я никаких проблем не вижу. На восток для участия в архиерейском соборе я прилетаю обыкновенно два раза в году: весной, во время Великого поста, и осенью, — в октябре. Если к тому времени все будет готово, то сообщите детали, и я приеду.

Был у нас в Ситке на освящении собора о. Александр Шмеман. Вспомнили Вас часто, так как о. Александр Вас очень любит и уважает, а я и подавно. Вот и собрались два Ваших поклонника. Надеюсь, у Вас уши не горели.

Мой сердечный привет милейшей Наталии Димитриевне. Какой она молодец в своем ответе тем мерзавцам, которые до сих пор только то и делают, что мучают людей³. В свое время женщины, как моя мамаша, спасли церковь от полного разгрома, и я верю, что мужественные женщины в России спасут и эту многострадальную страну. Целую Вас крепко. Храни Вас Господь.

Ваш любящий † *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² О строительстве вермонтского дома и устройстве в нем часовни см.: *Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Ч. 1. (1974–1978) // Новый мир. 1999. № 2. С. 80–81.*

³ Имеется в виду выступление Н.Д. Солженицыной в связи с обыском КГБ в квартире Александра Гинзбурга, проведенного с целью пресечения его деятельности в качестве распорядителя Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям. Протест Н.Д. был передан агентством Ассошиэйтед Пресс. В нем, в частности, говорилось, что объявленная в сообщении ТАСС связь Гинзбурга с НТС «есть не что иное, как бесстыдная ложь, в которой нуждается советское правительство для преследования Гинзбурга и для прекращения помощи семьям заключенных и жертвам политических преследований в СССР». См.: Протест Натальи Солженицыной // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1977. 6 янв. С. 1.

16. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

6 апреля 1977

6 апреля, 1977 года

Дорогой и любимый Александр Исаевич,
Только вчера я отправил Вам пасхальную открытку, а сегодня пришло Ваше поздравление. Отвечаю на него сразу, так как оно меня взволновало и огорчило. Почему так тяжело у Вас на душе? И как можно этому помочь?

О Вас и Всей Вашей семье мы молимся постоянно. И весь мир молится о Вашем здоровье. Скоро и у Вас самих будет часовенка и возможность передать Господу Богу, Божией Матери и преподобному отцу Сергию Радонежскому все Ваши тяжести душевные.

Но некоторые тяжести Вам придется нести на своих плечах всю Вашу жизнь, — тяжесть быть мировой известностью и во многом надеждой мира. С этим будут связаны тревоги, опасности, заботы, и всю жизнь Вас будет заедать суета сует. Зато у Вас, как, наверно, ни у кого сейчас на свете нет, столько любящих и преданных Вам людей, которые сделают все от них зависящее для облегчения Вашей крестной тяжести.

Да укрепит Господь Бог Вашу волю и да возвысит Ваш талант до всех пределов вселенной.

Да поможет Вам святой и преподобный Сергей Радонежский в Вашем служении человечеству, как он помог России восстать из пепла татарского.

Ваш любящий всегда

† Епископ Григорий

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

17. Епископ Григорий — А.И. Солженицыну¹

22 сентября 1977

22 сентября, 1977 года

Дорогой и незабываемый наш Александр Исаевич,
Наконец, после двух месяцев путешествий по Аляске, я снова в Ситке и немедленно Вам пишу, так как собираюсь снова в отъезд, и на этот раз на восток. Примерно 10 октября или в этих числах я буду в Нью-Йорке, когда Вам и позвоню для соглашения относительно моего визита к Вам. Вы, наверно, уже знаете, что 25 октября в Монреале состоится избрание нового митрополита Православной Церкви в Америке. Я буду на этом соборе, но перед собором

мог бы навестить Вас и освятить дом и часовню и вообще послужить и быть в Вашем распоряжении. Так как мне трудно из Аляски везти с собой все облачения и утварь, то я буду рад, если Вы или кто другой мне скажет, есть ли у Вас какая церковная утварь. Мне не будет затруднений получить в Нью-Йорке все, что нужно для служения, в случае надобности.

Как хочется уже Вас повидать, поговорить хоть немного, может, и почитать что-либо новое. Я наверно приеду на своей машине (я долго жил в Коннектикут, а поэтому для меня автомобиль там всегда готов), тем более я буду с чемоданом. На этом закончу, в надежде повидать Вас и Наталию Дмитриевну очень скоро. Храни Вас Господь.

Ваш любящий

† *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

18. А.И. Солженицын — епископу Григорию¹

23 сентября 1977

23.9.77

Дорогой Владыко!

Надеюсь, Вы получили моё письмо (кажется, августовское), где я писал Вам, что с радостью ждём Вас в любой день октября. Повторяю это еще раз, поскольку от Вас не было ответа.

Часовня наша как таковая — заканчивается (на следующей неделе стелют пол, а стены уже окрашены и люстра висит). Но нет — отделения алтарной части, нет иконостаса (иконы Спаса и Богородицы нам обещаны, но не успеют быть) и вообще с оборудованием пока плоховато. Достали старинный подсвечник. Но мы можем собрать домашние иконы из комнат. Сергей Радонежский заказанный тоже не готов, но есть бумажное изображение — можно ли?

К нам от Нью-Йорка или Бостона надо лететь малым самолетом (несколько раз в день кроме бурь и туманов) до Lebanon, New Hampshire — а здесь мы встретим Вас на машине!

Попрежнему выбор дней предоставляем Вам.

Обнимаю Вас душевно.

И Н.Д. шлет самый сердечный поклон.

Ваш Солженицын

¹ Архив ПЦА. 1 л. Автограф А.И. Солженицына.

19. Н.Д. Солженицына — епископу Григорию¹

8 октября 1977

8 октября 77

Дорогой и высокочтимый Владыка!

Ждём Вас с любовью и радостью. Нашлись и певчие: приедут отец Алексей Виноградов с матушкой (он недавно рукоположён, а с матушкой Елизаветой Вы в прошлом году говорили в Нью-Йорке²). Не знаю, имеет ли право священник служить дьяконом, а нет, так будет просто петь. Поют они оба замечательно. Кадило у нас будет, свечи, ладан, в алтаре престол, иконы, какие с собой привезли из Москвы. Евангелие, конечно. Чаш нет, семисвешника нет, и, конечно, антиминса нет, и быть не может. Крест на престольный есть. Но в общем — было бы внутри, а снаружи обзаведёмся когда-нибудь.

Добираться к нам нужно так. Из Коннектикута едете по 91-й дороге на Север. При въезде в Вермонт начинается заново счёт съездов. Наш — 8-й. Съехав, поворачиваете налево, на дорогу 131-вест. По ней нужно проехать до поворота на нашу просёлочную безномерную дорогу примерно 13 миль. 131 дорога очень красивая, но довольно сильно петляет. Перед самым поворотом со 131-й на нашу будет знак перекрёстка, сразу вслед за ним — маленький бетонный мостик, а сразу за мостом поворот направо, на нашу дорогу. При повороте висит маленькая табличка: Whitesville Road. Ещё одна примета: как только повернёте, по левую руку в 20 метрах впереди стоит чёрный обгорелый амбар. По нашей просёлочной надо ехать примерно 2 с половиной мили, не сворачивая ни на какие ответвления в сторону. По левую руку будет кладбище на пригорке, и сразу вслед за ним — резкий поворот налево (это единственное место, где надо быть внимательным, потому что можно поехать и прямо, и направо, — дороги как будто равноценны, но надо Вам налево). При этом повороте написано на табличке: Trace brook. Вскоре будет каменный красный дом слева от дороги, а справа — надпись: Miss Tiemann. После этого дома проехать надо несколько десятков метров — и по левую руку начнётся лёгкий прозрачный забор, это уже, значит, прибыли. Слева увидите ворота, при въезде кнопка звонка. Нажмёте — и Вы у нас. Если запутаетесь по дороге, позвоните, мы Вас встретим. Ближайшие городки — Кавендиш, Прокторсвилл, Ладлоу, но, едучи с 91-й, Вы через них не проезжаете (это просто для ориентира, если будете пользоваться картой).

В ожидании Вашего благословения,

Н. Солженицына

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Автограф Н.Д. Солженицыной. Копия.

² Протоиерей Алексей Виноградов (род. 1946), священник ПЦА, до рукоположения, будучи архитектором, помогал Солженицыным с постройкой дома в Вермонте. Его жена Елизавета — племянница протопресвитера Александра Шмемана.

20. Епископ Григорий — А.И. и Н.Д. Солженицыным¹

4 ноября 1977

4 ноября, 1977 года

Дорогое и близкое моему сердцу Семейство, дорогой Александр Исаевич и Наталия Димитриевна,

Наконец я после всевозможных мытарств и путешествий по Канаде добрался домой в Ситку и, конечно, в наш благодатный дождь, как и полагается на Аляске. Немедленно пишу Вам это маленькое письмо, чтобы еще раз выразить Вам Всем признательность за такой теплый и гостеприимный прием, какой Вы мне оказали. Никогда не забуду Вашего внимания и сердечной любви.

Как Вы и предсказывали, так на соборе и случилось. Котировались только те кандидаты, которые были рождены в Америке, всего три человека. Один из них и стал митрополитом, мой предшественник на Аляске². Думаю, это был лучший выбор из всех, нам данный, — посмотрим, что покажет будущее. Для меня новое положение дела не меняет. Еще пять лет, если проживу, и потом в отставку — административную, но не деятельную. Посылаю Вам три крестика для молодежи и две иконки Божией Матери для бабули и Ирины Алексеевны³. Буду заказывать в Японии еще сотню крестов, так что будет и для Вас двадцать, как было приказано⁴.

Шлет Вам большой привет архиепископ Иоанн (Шаховской), который очень интересовался освящением часовни и вообще всем. Он пришлет А.И. свою новую книгу — биографию. Никаких осложнений относительно освящения часовни не было, антиминос держите, — каждый священник может служить на этом антиминосе. Всех Вас целую и еще раз большое спасибо.

Прошу молодых молиться за меня. Храни Вас Господь.

Ваш любящий † *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

² На упомянутом епископом Григорием соборе был избран третий предстоятель Православной церкви в Америке Феодосий (в миру Фрэнк Лазор, 1933), архиепископ Вашингтонский и Нью-Йоркский, с 2002 года — митрополит Всея Америки и Канады. Ныне на покое.

³ «Бабуля» — Екатерина Фердинандовна Светлова (1919–2008), мать Наталии Дмитриевны Солженицыной. Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти (1924–2000), филолог, журналист, общественный деятель, секретарь А.И. Солженицына с 1976 по 1979 год.

⁴ Крестики, заказанные Солженицыными владыке Григорию, предназначались для тайной передачи в СССР подопечным Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям.

21. Н.Д. Солженицына — епископу Григорию¹

[Январь 1978]

Дорогой наш и высокочтимый Владыка!

Сердечно поздравляем Вас с Рождеством Христовым. Будьте здоровы и благополучны в Новом году.

Вспоминаем Вас всегда тепло и благодарно. Те дни, что Вы пробыли у нас в Вермонте, освящение часовни, литургию и молебны — помним так, будто это было только что. Надеемся, что Вы сможете ещё раз посетить нас. Вы всегда желанный и дорогой гость в нашем доме.

У нас всё по-прежнему: работаем с утра до вечера, учим детей, печатаем Собрание. А.И. всё так же много и успешно пишет. Все здоровы и бодры, хотя и устаём временами сильно.

Спасибо Вам большое за ноты и печать просфорную. Наладимся печь просфоры обязательно. А Ваши ещё живы. После Вас только единожды была у нас литургия: служил о. Алексей Виноградов.

11 декабря был День Ангела младшего Степана, и наш священник взял его впервые в алтарь прислуживать. Дома молимся с ними утром и вечером и поминаем Вас.

Просим Ваших молитв и благословения.

Ваша любящая

Семья Солженицыных

¹ Архив ПЦА. 1 л. Машинопись с подписью Н.Д. Солженицыной.

22. Епископ Григорий — А.И. и Н.Д. Солженицыным¹

[Январь 1978]

Дорогие мои Александр Исаевич и Наталия Димитриевна,

Только пару слов пишу, чтобы сообщить, что сейчас я в очень хорошем состоянии после моей борьбы с высоким давлением. Причина болезни была ясна сразу — недержание ни в еде, ни в поведении. Поэтому я взялся сразу же за искоренение источника болезни — много и разно ядение. Соль играла большую роль в поднятии давления (Вы меня об этом предупреждали), а волнения усугубляли. С Божьей помощью на этот раз все обошлось без последствий, серьезных. Все же я дал себе слово съездить в Иерусалим, пока жив, а поэтому, возможно, после нашего Рождества и полечу, чтобы помолиться у Гроба Господня. Думаю в марте быть в Нью-Йорке на соборе епископов, ког-

да надеюсь побывать у Вас и послужить, если, конечно, будет удобно. Всех целую. Храни Вас Господь.

Любящий † *Епископ Григорий*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

23. Епископ Григорий — А.И. и Н.Д. Солженицыным¹

24 апреля 1978

24 апреля, 1978 года

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогое моему сердцу семейство!

Сердечно приветствую Вас Всех с великим, всерадостным и всеторжественным днем праздника праздников и торжества торжеств светлого Христова Воскресения.

Да подаст Воскресший Христос-жизнодавец Вам Всем доброго и крепкого здоровья на многие и многие лета и на радость русскому народу.

И да озарит Всех Вас Господь наш Иисус Христос светом чистой духовной радости мира и любви.

Ваш любящий, † *Епископ Григорий*

П.С. Большое спасибо за теплый и такой поистине родственный прием. Как хотел бы быть с Вами в пасхальные дни и послужить в нашей чудесной часовенке. Даст Бог, еще и это будет. Всех Вас обнимаю крепко и целую трикратно и прошу не забывать и меня своими молитвами.

Ваш, † *Е.Г.*

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Машинопись с подписью епископа Григория.

IN MEMORIAM

Н.Д. Солженицына

ГОД ПОТЕРЬ

Во второй половине 1970-х годов, после многолюдной Москвы и оживленного Цюриха затерявшись в молчаливом Вермонте, мы особенно остро ощущали каждую потерю, весть о которой запоздало приходила от друзей. И как-то само собой, естественно возник обычай, ставший традицией на все годы изгнания — раз в год собираться всей семьей на поминальной службе по дорогим ушедшим. Об этом обычае не раз пишет Александр Исаевич в «Зёрнышке»: «Многие, кого успел и лично узнать, умерли на моей памяти, уже за эти годы. Стали мы звать отца Андрея служить в ночь под старый Новый год в нашей домовый церковке панихиду по всем им, кто скончался в минувший год. Мальчикам рассказывали о каждом: кто он, что пережил». Те поминальные списки, ежегодно составлявшиеся Александром Исаевичем, я храню. Не иссякла эта традиция и по возврате на родину, только поминали теперь в московском храме, и не всей семьей, а кто, по счастью, был в январе с нами.

В последних выпусках «Тетрадей» мы отдали память общественно значимым людям «солженицынского круга» — Елене Чуковской, Клоду Дюрану, Эмилию Мазину (2015, выпуск 4); Никите Струве, Александру Горлову, Дмитрию Шаховскому (2016, выпуск 5).

Прошедший год был годом потерь.

С опозданием узнали мы о трагическом уходе из жизни **Александра Вадимовича Андреева**, Саши, в 1968 году переправившего из Москвы в Париж пленку, на которую Солженицын отснял «Архипелаг ГУЛАГ», и тем навсегда занявшего место в пантеоне «невидимок». Внук Леонида Андреева, сын В.Л. и О.В. Андреевых, Александр родился в Париже, учился в Нью-Йорке, отслужил во французской армии и, полноценно владея французским, русским и английским языками, всю жизнь работал синхронным переводчиком, с 1984 года заняв должность начальника русской службы переводов ЮНЕСКО в Париже. «Троицына отправка» 1968 года описана

Солженицыным в «Телёнке»¹ и рассказана самим Александром Андреевым в документальном фильме Николая Милетича и Жана Крепю «Тайная история «Архипелага ГУЛАГ»» (2008).

19 февраля 2017 года на 94-м году жизни скончался **Игорь Ростиславович Шафаревич**, выдающийся математик, академик Российской академии наук (1991), внесший фундаментальный вклад в теорию чисел, теорию Галуа и алгебраическую геометрию. Ранняя и яркая научная карьера (защита докторской диссертации в 23 года (1946), избрание членом-корреспондентом Академии наук СССР в 35 лет (1958)) встретила трудности в связи с общественной деятельностью (будучи профессором мехмата, был в 1975 году отстранен от преподавания в МГУ, где преподавал 30 лет). В конце 1960-х познакомился и подружился с Солженицыным, вместе с ним готовил издание сборника «Из-под глыб»². Шафаревичу этих лет посвящены страницы «Телёнка» в главе «Пришло молодцу к концу»³. Игорь Ростиславович был человеком разносторонних знаний и интересов. Глубоко знал музыку и в течение десятилетий был постоянным посетителем консерватории. Широко известны его публицистические и историко-философские работы — «Социализм как явление мировой истории» (1974), «Русофобия» (1982), «Две дороги — к одному обрыву» (1989) и др. Гораздо менее известна, например, его статья о творчестве Шостаковича. Сокращенный вариант этой большой статьи мы помещаем в настоящем выпуске «Тетрадей» в память об ее авторе.

В декабре 2016-го и в июле 2017 года мы простились с двумя высокоталантливыми переводчиками с русского (на польский и шведский) — **Ежи Помяновским** (Jerzy Pomianowski) и **Хансом Бьёркегреном** (Hans Björkegren).

Польский писатель, театральный критик и переводчик Ежи Помяновский сотрудничал со знаменитым эмигрантским Литературным институтом Ежи Гедройца в Париже, перевел для него «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ» и Гарвардскую речь (в Польше его переводы Солженицына называют «конгениальными»), пьесы Евгения Шварца, рассказы Бабеля, публицистику Сахарова. В 1995 году приезжал в Москву, встречался с Александром Исаевичем. В 1999-м основал журнал «Новая Польша» и был его бессменным редактором.

Шведский поэт, писатель, историк, Ханс Бьёркегрен был одним из основных переводчиков на шведский русских писателей и поэтов XX века. Сол-

¹ См.: Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 224–225, 527–531.

² Сборник статей шести российских авторов. И.Р. Шафаревичу принадлежат три статьи сборника: «Социализм», «Обособление или сближение», «Есть ли у России будущее?». Впервые опубликован в Париже (1974). В 1975-м переведен на европейские языки, издан во Франции, США, Англии и Германии. В СССР распространялся в самиздате. Напечатан впервые в 1990 году в изд-ве «Из глубин».

³ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 385–390.

женицына он переводил много: «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кречетовка», «Матрёнин двор», «Правая кисть», «Раковый корпус» и «В круге первом», «Август Четырнадцатого», «Архипелаг ГУЛАГ» и «Бодался телёнок с дубом». Написал и в 1971 году опубликовал биографию Солженицына (английский перевод в 1972-м). В декабре 1974-го встречал нас по приезде в Стокгольм и на следующий день был нашим гидом в национальном парке Скансен, оставившем счастливое воспоминание, описанное Солженицыным в «Зёрнышке»⁴. Написал исследование о российских революционерах в Финляндии (1985), переведенное и на русский⁵.

29 апреля 2017 года на 78-м году жизни скончался **Эдвард Э. Эриксон, мл.** (Edward E. Ericson, Jr.), профессор английской литературы Кальвин-колледжа в Мичигане. Между Эриксоном и Солженицыным была переписка, в которой профессор убедил Александра Исаевича, что для американских студентов была бы полезна сокращенная версия «Архипелага...». В 1983 году Эдвард представил вариант сокращения и приехал к нам в Вермонт, Солженицын тепло пишет об этом в «Зёрнышке»⁶. В 1985 году сокращенное издание вышло по-английски и время от времени переиздается. Эриксон автор книг «Солженицын: моральное видение» («Solzhenitsyn: the Moral vision», 1980), «Солженицын и современный мир» («Solzhenitsyn and the modern world», 1993), в соавторстве с А.Е. Климовым — «Душа и колючая проволока: Введение в мир Солженицына («The Soul and barbed wire: An introduction to Solzhenitsyn», 2008). Вместе с Дэниелом Махони он в 2006 году составил сборник произведений Солженицына в английском переводе «Хрестоматия по Солженицыну: Новые и классические тексты. 1947–2005» («The Solzhenitsyn reader: New and essential writings, 1947–2005»). Эриксон составил целый корпус западной критики Солженицына (36 статей от 30 разных авторов), чтобы ознакомить с ней российских читателей и исследователей, написал вступительную статью и введения к разделам, затем в России статьи переводились, редактировались, комментировались, и в 2010 году этот трехлетний проект «обратного перевода» был закончен⁷.

В 2007 году Солженицынская премия отметила свое десятилетие двойной наградой — филологу **Сергею Георгиевичу Бочарову** и лингвисту **Андрею Анатольевичу Зализняку**. Церемония вручения вылилась в счастли-

⁴ См.: *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 92–93 (гл. 1: Без прикрепы).

⁵ *Бьёркегрен Х.* Скандинавский транзит: Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М.: Омега, 2007.

⁶ См.: *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С. 148–149 (гл. 10: Замыкаясь).

⁷ Солженицын: Мыслитель, историк, художник: Западная критика, 1974–2008: сб. ст. / сост., автор вступ. ст. и введений Э.Э. Эриксон, мл.; коммент. О.Б. Василевской; пер. с англ. и фр. М.: Русский путь, 2010.

вый праздник, «похвалу филологии». Спустя десять лет, в 2017-м, обоих наших лауреатов не стало.

Сергей Георгиевич Бочаров скончался 6 марта 2017 года. На нашем премиальном собрании в апреле мы почтили его память⁸. Его филологическая научная проза сама становилась литературой. Поколения филологов и просто преданных читателей росли с книгами С.Г. Бочарова. Их перечень скажет о нем лучше всяких слов: «Роман Л. Толстого “Война и мир“» (1963, 1971, 1978, 1987), «Поэтика Пушкина» (1974), «О художественных мирах» (1985), «Сюжеты русской литературы» (1999), «Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества» (в соавторстве с И.З. Сураат, 2002), «Филологические сюжеты» (2007), «Генетическая память литературы» (2012), «Вещество существования» (2014).

Весть о смерти Андрея Анатольевича Зализняка пришла в воскресенье 24 декабря 2017 года и многим казалась невместимой: только что на буднях он читал лекцию... Газеты, радио, интернет наполнили горестные отклики. Среди попыток выразить значимость потери я бы выделила слова Максима Кронгауза: «Современная наука потеряла своего великого представителя, но еще, что, может быть, не до конца осознано, — ученого, задающего меру научного и, если хотите, человеческого поведения». Несколько слов памяти было сказано и на премиальной церемонии 2018 года⁹. Если в любой поисковой системе набрать имя Зализняка — выскочат сотни материалов, и едва ли не каждый второй будет упоминать и цитировать речь А.А. Зализняка на церемонии вручения литературной премии Александра Солженицына. Вероятно, потому, что в наше время, когда наука подвергается атакам агрессивного невежества, эта речь приобрела характер манифеста ученого. И хотя в год произнесения мы напечатали ее целиком¹⁰, представляется уместным в память автора привести в этом выпуске «Тетрадей» ее главные положения.

⁸ См. наст. изд., с. 246. — *Ред.*

⁹ См. наст. изд., с. 267. — *Ред.*

¹⁰ Зализняк А. Слово лауреата // Похвала филологии. М.: Русский путь, 2007. С. 73–81.

И.Р. Шафаревич

Д.Д. ШОСТАКОВИЧ¹

Шостаковичу посвящена целая литература. Специалисты исследовали его симфонии, камерные и вокальные произведения, выяснили, кто из предшественников Шостаковича влиял на его творчество и какое влияние он оказал на развитие музыки. Написаны его биографии и воспоминания о нем и неслучайно большое число отзывов об отдельных концертах.

Но дилетант может рискнуть на большее: попытаться увидеть, какой общий смысл, какая общая идея объединяет все творчество Шостаковича. Конечно не для того, чтобы тут же на этот вопрос ответить — такая надежда была бы слишком легкомысленной даже для дилетанта — но чтобы нащупать, при помощи каких понятий можно такой вопрос обсуждать, и, особенно, чтобы оправдать осмысленность самого вопроса.

Творчество Шостаковича нам особенно важно было бы понять, так как в течение длительной и драматической эпохи (20–50-е годы) оно наиболее ярко выражало духовную жизнь страны. В то время музыка, ввиду неоднозначности ее истолкования и меньшей доступности для контроля властей, играла приблизительно ту же роль, что в последующие десятилетия — самиздат. И ярче и глубже всего эта эпоха отразилась как раз в творчестве Шостаковича; как мне кажется, именно его, а не Прокофьева, который умел уходить в какое-то четвертое измерение красоты и иронии и отсюда посмеиваться и над пасомыми, и над их властителями (как, например, в забавной оратории на слова классиков марксизма, написанной в 1937 году!).

Статья о музыке сталкивается со специфическими трудностями: здесь нельзя привести цитату, каждое произведение гораздо менее однозначно поддается интерпретации. В этой статье я применяю следующий прием: я описываю те образы, которые у меня возникали при слушании произведения или потом, когда я задавался вопросом — «о чем это?» — то есть сочиняю нечто вроде его программы. Такое описание конечно очень неточно и неоднозначно; его цель — лишь в общих чертах передать мое понимание

¹ Написано в 1973 году. Впервые опубликовано: Вестник Русского христианского движения. Париж, 1978. № 125. С. 232–250.

общей мысли или настроения этого произведения. Даже для меня самого яркость и четкость моей «программы» зависит также и от исполнения. Но я заметил, что те образы, о которых будет ниже рассказано, возникали у меня гораздо отчетливее, если исполнитель (или одним из исполнителей) был сам Шостакович.

Разумеется, такой прием не может служить основой для сколько-нибудь широкого анализа творчества Шостаковича. Поэтому я выбираю в качестве примера три его произведения, в которых особенно ярко проявляются те тенденции, на которые я хочу обратить внимание.

а) XIV симфония. За несколько лет до своей смерти Шостакович написал симфонию о смерти. Первое впечатление — что симфония есть собрание загадок. Начиная с названия этого произведения: называется оно симфонией, но состоит из одиннадцати песен, которые исполняются сопрано и басом в сопровождении оркестра.

Тема всего цикла — Смерть. Что хочет сказать автор? В самой расшифрованной форме ответ, казалось бы, содержат тексты песен. Но они-то и не помогают, скорее сбивают с толку. Особенно те, которые взяты из Аполлинера: их внешняя красивость, бессодержательное жеманство, сейчас раздражает и корбит. За Лорелеей идут толпы томящихся любовью мужчин, а она бросается в Рейн, тоскуя по возлюбленному... Самоубийца — в могиле без креста, из его тела растут три прекрасные лилии, красота которых проклята... Все это такие примелькавшиеся, находившиеся в долгом употреблении образы. Узник замурован в темнице, где «есть только двое: я и рассудок мой»... Это сочиненная фигура настолько бледнее тех бесчисленных реальных узников, о которых мы знаем! Да и какое это вообще имеет отношение к Смерти? И наконец, как венец непонятности, среди трагического цикла вдруг «Ответ запорожских казаков константинопольскому султану». «Нечистотами вскормленный», «весь ты в ранах и струпьях», «окривевший, гнилой и безносый», «зад кобылы и рыло свиньи» — как все это вписывается в симфонию о Смерти?

Можно было бы перестать думать об этой симфонии, решить, что она, видимо, не удалась, если бы не оставляемое ею ощущение сильнейшего воздействия. Многие дни и недели спустя она вспоминается — слышится и видится в образах. От мыслей о ней невозможно избавиться (чему одно из доказательств и эти заметки).

...Остается поискать другого пути для понимания симфонии — не через тексты. Ведь если бы тексты полностью выражали мысли автора, то ему нечего было бы трудиться писать музыку. В одном музыка и текст согласуются вполне — что тема симфонии — Смерть.

С точки зрения того рационалистического и атеистического мировоззрения, в котором воспитана большая часть современного интеллигентного человечества, смерть — чисто пассивное, отрицательное понятие — отсутствие жизни. Можно констатировать как закон биологии, что живые суще-

ства (по крайней мере, многоклеточные) имеют конечную продолжительность жизни, то есть смертны, а как закон психологии — что представление о смерти вызывает у человека сильное чувство страха. Последнее можно, вероятно, объяснить как дополнительный страховочный механизм, который полезен для сохранения индивидуума, так как заставляет его напрягать до предела все силы в момент опасности. Правда, эта «тоска по бессмертию» сильнее всего не в момент наибольшей близости смерти, а в молодости, в расцвете сил. Этими словами Рильке кончается симфония Шостаковича:

В час высшей жизни она в нас страдает,
Поет и жаждет
И плачет в нас.

Почему «в час высшей жизни»? Я не могу представить себе, что это мировоззрение может на такой вопрос ответить.

На почве этого мировоззрения все мысли о смерти сразу же натываются на стену: здесь и вопросов нет — есть только констатация факта. Этот факт с поразительной силой констатируют, например, «Песни об умерших детях» Малера. Но проблема смерти теряет смысл.

Вот и еще одна загадка! Как может автор, который, судя по всему, что мы о нем знаем, стоит на этой точке зрения, сказать о смерти что-то столь несомненно значительное?

Гораздо легче было бы попытаться понять симфонию Шостаковича исходя из религиозной точки зрения.

Для христианства жизнь и смерть являются активными и борющимися силами. Обе эти силы обладают столь тонкой и сложной структурой, что их можно воспринимать как индивидуальности — это Христос и Дьявол. С особенной яркостью такая точка зрения выражена апостолом Павлом. В Первом послании к коринфянам он рассматривает воскресение Христа как поворотный момент мировой борьбы жизни и смерти.

«Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение из мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживают».

На другом конце цепи христианских мыслителей можно указать русского философа Федорова, автора концепции «общего дела» христианского человечества — воскрешения предков.

Я привел только эти примеры из громадного их числа, чтобы напомнить, что религиозное мировоззрение (и, по-видимому, только оно) дает основу для все более глубокого, до бесконечности углубляющегося понимания Проблемы Смерти. Не предположить ли, что именно это мировоззрение составляет духовную основу Четырнадцатой симфонии? Может быть, такая точка зрения несколько рассеет ее непонятность?

Начнем сразу с того места, которое казалось самым непонятным: «ответ султану». Но исходить теперь попробуем из музыки, глядя на текст лишь как на ее иллюстрацию.

Как далека эта музыка от настроения терпкого украинского юмора, знакомого по картине Репина! Резкие звуки струнных создают впечатление хлоппанья гигантских крыльев, какого-то ледяного вихря. На ум приходят химеры со старинных готических соборов.

Музыка вводит нас в совершенно иной круг образов. Таким издавна представляли себе Князя Тьмы — Сатану. Он гнездится в могилах, среди нечистот, крови и струпьев (как говорит Евсевий), имеет вид нечистых животных: верблюда, свиньи (говорит св. Иероним), отравляет воздух (говорит Лютер). Таким он изображен на многих средневековых фресках. А чтобы понять связь этого образа с темой Четырнадцатой симфонии, вспомним, что одно из его употребительных имен — Князь Смерти, и в Евангелии он называется «человекоубийцей от начала». Да ведь и в тексте, которым воспользовался Шостакович, имя Вельзевула упоминается во второй же фразе.

Теперь сразу же вспоминается, что и другие образы в текстах песен — невесты, ждущей жениха, смерти как избавления из плена, замурованного узника — типичны для мистической литературы (например, они стандартны в германской средневековой мистике).

Ни в какой мере я не хочу утверждать, что эти замечания делают симфонию Шостаковича ясной, что они полностью уничтожают то чувство затрудненности понимания, о котором я говорил вначале. Если моя основная мысль правильна, то так оно и должно быть. Слишком далек от духа современной культуры весь тот строй мыслей, на котором симфония основывается. Да думаю, не менее он непривычен и для композитора.

Было бы, пожалуй, натяжкой признать Четырнадцатую симфонию произведением религиозного искусства — наравне, скажем, с музыкой Шютца или Баха. Слишком явно в ней господствует ощущение непроглядного мрака, безвыходной тоски. «Реквием», который Моцарт писал на свою смерть, золотисто светится красотой найденного ответа. А из музыки Шостаковича дышит ужас существования — не жизни — без этого ответа. Так понятые, разве не становятся и образы текстов ясными и убедительными? Можно ли выразить это существование в лучшем образе, чем «могила без креста», на которой все, что ни вырастет — красота (и красота музыки!) — все проклято? Разорвав связь с Богом, человек оказывается отрезанным и от мира, замурованным в своей индивидуальности. И опять прекрасный, глубоко символический для всего современного человечества, образ узника в темнице, в которой «только двое — я и рассудок мой». А третьего — Бога — нет.

Если в музыке Шостаковича и нет явного положительного отражения Божественной Правды, то невозможность жизни без этой Правды показана

в ней так, как нигде во всем Искусстве. Этой своей стороной она обращена к религии.

б) Трио. Эти же соображения можно попробовать применить и к другим произведениям Шостаковича. Через многие из них проходит образ Злой Силы, Зла. Ему давали много толкований, чаще всего социальных, связывая его с современной композитору действительностью. Так, часто видели в этом изображение германского фашизма — хотя совершенно непонятно, почему Шостакович через годы после окончания войны так страстно пытался бы изобразить психологию фашизма. Еще менее убедительное объяснение: что это картина мрачных сторон дореволюционной России, — которую Шостакович и увидеть-то не успел. Был распространен и такой взгляд, что Шостакович отражал мрак, который он ощущал в то время, в которое он жил, в собственной своей стране, — но мне это объяснение не кажется исчерпывающим. Конечно, на художника не могла не влиять окружавшая его жизнь, может быть, именно эти впечатления дали ему первый толчок. Но мне представляется, что в музыке Шостаковича речь идет о каких-то глубинных проблемах, связанных с существованием Зла в мире, об истинах, затрагивающих саму природу человека, лишь одно из проявлений которых можно наблюдать в нашей истории.

Человек, мыслящий мистически, нашел бы, вероятно, вполне адекватное выражение этого образа — Антихрист. К этой теме Шостакович возвращался снова и снова (особенно ярко она выражена в 7-й и 8-й симфониях, в трио). И если предложенное объяснение правильно, то он, по-моему, создал наиболее глубокое толкование образа Антихриста во всем мировом искусстве: роль Антихриста — показать Образ Зла, столь темный, что он способен затмить, сделать бесцельными все лучшие стремления человечества.

Одно из самых совершенных произведений Шостаковича, стоящее под знаком этой темы, — его трио, в особенности это относится к двум его последним частям. Конечно, бессмысленно искать его программу. Если даже в произведении, написанном на текст, не он раскрывает сущность произведения, то тем менее это может сделать придуманный «постфактум» текст, программа. Поэтому нижеследующая фантазия имеет целью только характеризовать то умонастроение, в котором, по-моему, следует воспринимать это трио.

Фоном драмы служит конец мира. Войны, гражданские войны, взаимное истребление — как будто сдвинули ось природы. Началась чума, реки вышли из берегов, море пошло на сушу. Землетрясения разрывают землю. И тут до сознания и битников, и академиков-атомщиков стало доходить, что это — конец мира. Откуда ждать спасенья? Молиться? Но и отцы, и деды их забыли, что это такое.

Правда, остался один человек на земле, который сохранил веру в Бога... и многие годы спасался в пещере. К нему стали стекаться толпы. Под звуки

мерно рушащихся гор он все глубже и глубже уходит в молитву, в которой смешаны скорбь и вера в то, что даже один человек способен спасти мир.

Тут начинается самое сильное место произведения, ради которого оно, думаю, и написано. В пещеру отшельника нечто не то вползает, не то втекает. Это или змейка, или струйка тумана. Оно ползет и переливается, как переливается змея. Все больше и больше его втекает в пещеру. Оно растет, корчится и кривляется, хохочет и плачет. Чувствуется, что здесь совершается какой-то космический ритуал, танец. Оно уже закрыло весь мир, затмило солнце. И с такими же стонами и хохотом оно вытекает из пещеры.

Звучат опять торжественные аккорды молитвы, но в них чувствуется теперь слабость. И икона на стене не так свята, как прежде, и лампада перед ней не такая ясная. Тема молитвы, спасения перепутывается с той скользкой, ползучей темой. Вместе они замирают. Конец.

в) Восьмая симфония. Это, мне кажется, величайшее творение Шостаковича. Ее громадная первая часть является как бы самостоятельной симфонией — я не буду здесь о ней говорить, она требует отдельного разбора. Для второй части, как говорят, Шостакович сам указал заглавие: «Дурак шествует по жизни». Можно было бы даже сказать «дурак властвует над жизнью» — в бодрой теме чувствуется тупая и самодовольная сила, весело похохатывая, давящая все, что ей непонятно. — Центральная тема следующей части сразу вызывает образ какого-то мучительного перепиливания, пытки, прерывающейся взрывами хохота. Сначала представляется средневековая картинка, изображающая камеру пыток: заплечные мастера заняты своим делом, а на переднем плане уселись два шута, перебрасывающие друг другу бутылку вина и отпускающие остроты. Но вслушавшись и вдумавшись, чувствуешь, что здесь подвергается пытке не человек, а нечто большее: Добро или все Человечество. Резко оборвавшись, эта часть без перерыва переходит в следующую — Пассакалию. Характер музыки совершенно меняется, вместо вскриков и хохота предшествующей части слышны какие-то шорохи, еле различимые стоны. Представляется громадное поле, еле видимое в сумерках, покрытое грудой тел, где не различишь трупов от еще живых. Изредка раздается вздох — может быть предсмертный. Где-то подымается рука и опять падает...

Поразителен финал симфонии. Эта нежная, какая-то убаюкивающая музыка нагоняет даже большую тоску, чем ужасы предшествующих частей. Мне передавали, что Шостакович дал этой части «заглавие»: «Пастораль. В космическом пространстве Земля летит навстречу своей гибели». У меня финал 8-й симфонии ассоциируется с явлением, игравшим столь большую роль в Истории — УТОПИЕЙ. Это поразительно, как все без исключения Утопии оставляют ощущение тоски, иногда даже ужаса — и чем талантливее она написана, тем сильнее это ощущение. Казалось бы, автор берется придумать самое счастливое состояние человечества и при этом освобождает себя от

обязанности доказать реальность, осуществимость своих мечтаний — какой простор для самых радужных фантазий! А в результате всегда выходит что-то гнетущее, вызывающее тоску. По-видимому, потому, что картина человеческого общества, не выросшего органически, а логически сконструированного, как строят механизм, воспринимается нами как превращение людей в заводных кукол, как изящная и остроумно сконструированная смерть человечества. Этот образ изящной, ласковой смерти видится мне в финале 8-й симфонии (в этом смысле и есть «Пастораль»).

Вероятно, эти примеры достаточно ясно определяют ту линию в музыке Шостаковича, которую я хотел очертить и которую считаю самой глубокой в его творчестве, может быть, его центром: это вопрос о смысле Зла и его роли в мире. Проблема Смерти включается сюда как частный или предельный случай: смерть есть крайнее Зло и его самое полное проявление. Точно так же, как и этот частный случай, и вся проблема Зла может быть предметом обсуждения лишь в рамках религиозного понимания мира. Иное мировоззрение капитулирует перед наиболее последовательным проявлением Зла (например, смертью) — признает его неизбежным и в принципе необсуждаемым, а другие проявления считает внешними недостатками строения человека или общества, устранимыми при помощи технических усовершенствований.

Можно попытаться в очень общих чертах сформулировать, что же нового вносит музыка Шостаковича в понимание этого древнего вопроса. Насколько я себе представляю (и насколько вообще возможно столь суммарное обсуждение такого тонкого вопроса), точка зрения христианского богословия заключается в признании глубинного, но **не равноправного** характера обеих категорий: Добра и Зла. Оно, во-первых, исходит из **первенствующей** роли Добра, из того, что мир создан Единым и Всеблагим Богом, но, во-вторых, понимает и Зло как более глубокую сущность, чем просто недостаток социальной или психической организации, — через концепцию грехопадения ангелов и человека, приведшего к тому, что «мир во зле лежит». Мне кажется, что это единственно возможная **устойчивая** концепция, т. е. такая, которая не приводит к противоречию и самоотрицанию в результате своего логического развития.

Но, по-видимому, в господствующей тенденции богословия центр тяжести лежал в уяснении первой из этих двух взаимосвязанных концепций — в понимании **подчиненного** характера Зла, его интерпретации как **отсутствия Добра**. Так, св. Дионисий Ареопагит говорит: «Для всех: и умов, и душ, и тел — зло состоит в бессилии обладать свойственным им благом и в отпадении от него»; или св. Максим Исповедник: «Зло есть недостаток деятельности присущих естеству сил в отношении к их цели, и решительно ничего больше», а св. Георгий Нисский сравнивает грех с тенью (хотя последнее сравнение очень емкое: если тень есть отсутствие света, то ведь должен

существовать и предмет, отбрасывающий тень). Но История — и тем больше, чем ближе к нашему времени — заставляет обратить внимание на другую, до сих пор менее продуманную сторону — на роль Зла как АКТИВНОЙ СИЛЫ. В своей последней и, может быть, самой глубокой работе В. Соловьев с характерной для него четкостью формулирует проблему: «Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов **владеющая** нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь опоры в ином порядке бытия?» Мне кажется, что творчество Шостаковича, основывающееся на новом опыте человечества, и особенно нашей страны, является и новой ступенью в понимании этого вопроса.

Но это тема и небезопасная для исследователя: погружение в стихию Зла не может пройти для человека бесследно, если он не обладает надежной защитой, а такой защитой может быть, вероятно, только глубокая вера. Этой защитой Шостакович не обладал, и таково, по-видимому, объяснение неудач и падений в его творчестве или его печальных общественных действий (хотя в самые тяжелые для него моменты он радовал нас своим мужественным достоинством). В этом он повторил судьбу своей страны: колеблющийся между Светом и Мраком, падающий и подымающийся, но все же пробивающийся к Свету.

Есть и другой вопрос, относящийся к общемировой культуре, для ответа на который много может дать понимание творчества Шостаковича. Последние несколько веков выделяются из всей Истории тем, что это, вероятно, те единственные столетия из насчитывающей много десятков тысячелетий истории человечества, когда религия не является для него основной руководящей силой, влияние религии на его жизнь непрерывно падает. Великие географические открытия, стремительное развитие науки и техники, промышленная революция, борьба за всеобщее избирательное право, создание индустриального и сверхиндустриального общества — вся эта деятельность если и не была враждебна религии, то протекала совершенно независимо от нее, как бы в другом пространстве. Но проявляется и прямая вражда к религии — целые государства объявляют себя враждебными любой (а не какой-либо определенной) религии, начинаются гонения на религию.

Поразительно в этом процессе то, что здесь не выдвигается никакой альтернативы: религия просто отбрасывается без попытки заменить ее чем-то высшим. Как бы ни оценивать роль религии, представляется весьма вероятным, что благодаря этому процессу происходит грандиозное духовное опустошение человечества, которое может привести к его духовной (а тогда, вероятно, и физической) гибели. Возникает основной вопрос: является ли эта тенденция последних веков лишь временной болезнью человечества или необратимым процессом?

Вопрос этот отражается в любой области культуры, в частности и в музыке. Здесь можно обратить внимание на то, что в последние десятилетия пишут много музыки религиозного характера. Из наиболее знаменитых примеров — «Симфония Псалмов» и «Кантата Святого Марка» Стравинского, «Глория» Пуленка, «Страсти от Луки» Пендерецкого. Но все эти произведения вызывают вопрос: не стилизация ли это? Быть может, это подражание старинным образцам, а не передача собственных чувств — типичный продукт упадочного искусства. Здесь музыка Шостаковича — особенно тонкий индикатор. Если правильно то понимание его творчества, которое предложено в этой статье, то религиозные основы музыки Шостаковича не вполне осознавались самим композитором, а это полностью исключает возможность того, что его музыка подражательна. Но именно поэтому для него закрыт и путь использования традиционных форм религиозной музыки — хоралов, псалмов, месс. Это и придает его музыке такую силу: «новое вино не вливают в мехи старые».

И если наше толкование творчества Шостаковича правильно, тогда необычайная популярность его музыки, его мировая слава являются важнейшим симптомом: они указывают на то, что в душе современного человечества есть мощные пласты религиозного чувства, которые пока им ощущаются лишь подсознательно, но могут стать основой для возрождения сознательного религиозного понимания мира.

А.А. Зализняк

СЛОВО ЛАУРЕАТА¹

Я благодарю Александра Исаевича Солженицына и все жюри за великую честь, которой я удостоен.

...Мне хотелось бы сказать также несколько слов о моей упоминавшейся здесь книге про «Слово о полку Игореве». Мне иногда говорят про нее, что это патриотическое сочинение. В устах одних это похвала, в устах других — насмешка. И те и другие нередко меня называют сторонником (или даже защитником) подлинности «Слова о полку Игореве».

Я это решительно отрицаю.

Полагаю, что во мне есть некоторый патриотизм, но, скорее всего, такого рода, который тем, кто особенно много говорит о патриотизме, не очень понравился бы.

Мой опыт привел меня к убеждению, что если книга по такому «горячему» вопросу, как происхождение «Слова о полку Игореве», пишется из патриотических побуждений, то ее выводы на настоящих весах уже по одной этой причине весят меньше, чем хотелось бы.

Ведь у нас не математика — все аргументы не абсолютные. Так что если у исследователя имеется сильный глубинный стимул «тянуть» в определенную сторону, то специфика дела, увы, легко позволяет эту тягу реализовать — а именно, позволяет находить все новые и новые аргументы в нужную пользу, незаметно для себя самого раздувать значимость аргументов своей стороны и минимизировать значимость противоположных аргументов.

В деле о «Слове о полку Игореве», к сожалению, львиная доля аргументации пронизана именно такими стремлениями — тем, у кого на знамени патриотизм, нужно, чтобы произведение было подлинным; тем, кто убежден в безусловной и всегдашней российской отсталости, нужно, чтобы было поддельным. И то, что получается разговор глухих, в значительной мере определяется именно этим.

¹ Ответное слово лауреата Литературной премии Александра Солженицына, произнесенное на церемонии вручения в Доме русского зарубежья 16 мая 2007 года. Печатается с небольшими сокращениями.

Скажу то, чему мои оппоненты (равно как и часть соглашающихся), скорее всего, не поверят. Но это все же не основание для того, чтобы этого вообще не говорить.

Действительным мотивом, побудившим меня ввязаться в это трудное и запутанное дело, был отнюдь не патриотизм. У меня нет чувства, что я был бы как-то особенно доволен от того, что «Слово о полку Игореве» написано в XII веке, или огорчен от того, что в XVIII. Если я и был чем-то недоволен и огорчен, то совсем другим — ощущением слабости и второсортности нашей лингвистической науки, если она за столько времени не может поставить обоснованный диагноз лежащему перед нами тексту.

У лингвистов, казалось мне, имеются гораздо большие возможности, чем у других гуманитариев, опираться на объективные факты — на строго измеренные и расклассифицированные характеристики текста. Неужели текст не имеет совсем никаких объективных свойств, которые позволили бы отличить древность от ее имитации?

Попытка раскопать истину из-под груды противоречивых суждений в вопросе о «Слове о полку Игореве» была также в значительной мере связана с более общими размышлениями о соотношении истины и предположений в гуманитарных науках — размышлениями, порожденными моим участием в критическом обсуждении так называемой «новой хронологии» Фоменко, провозглашающей поддельность едва ли не большинства источников, на которые опирается наше знание всемирной истории.

Все мы понимаем, что в стране происходит великое моральное брожение.

Близ нас на Волоколамском шоссе, где годами нависали над людьми гигантские лозунги «Слава КПСС» и «Победа коммунизма неизбежна», недавно на рекламном щите можно было видеть исполненное столь же громадными буквами: «Все можно купить!» Столь прицельного залпа по традиционным для России моральным ценностям я не встречал даже в самых циничных рекламках.

Вот Сцилла и Харибда, между которыми приходится искать себе моральную дорогу нынешнему российскому человеку.

Моральных, этических и интеллектуальных проблем здесь целый клубок.

По характеру моих занятий мне из них ближе всего тот аспект — пусть не самый драматичный, но все же весьма существенный, — который касается отношения к знанию.

Вместе с яростно внушаемой нынешней рекламой агрессивной гедонистической идеей «Возьми от жизни все!» у множества людей, прежде всего молодежи, произошел также и заметный сдвиг в отношении к знанию и к истине.

Не хочу, однако, обобщать поспешно и чрезмерно. Всю жизнь, начиная с 25-летнего возраста (с одним не очень большим перерывом), я в той или иной мере имел дело со студентами. И это общение всегда было окрашено большим удовлетворением. Наблюдая сейчас за работой тех довольно многочисленных лингвистов, которых я в разное время видел перед собой на студенческой скамье, я чувствую, что их отношение к науке и способ действия в науке мне нравятся. И студенты, с которыми я имею дело теперь, по моему ощущению, относятся к своему делу с ничуть не меньшей отдачей и энтузиазмом, чем прежние.

Раздел подготовлен А.Ю. Никифоровой, Е.Н. Савельевой, Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына

Альманах «Солженицынские тетради» продолжил публикацию неизданных прежде произведений писателя: в предыдущем выпуске напечатаны воспоминания о встречах с Анной Ахматовой (1986) и заметки о ее стихах (нач. 1990-х) (публикация Н.Д. Солженицыной)¹. В том же выпуске завершается публикация переписки Солженицына с Лидией Чуковской (последняя часть — 36 писем, датированных 1980–1993 годами²) и печатается переписка с В.Г. Распутиным 1994–2007 годов (публикация О.В. Лосевой и Н.Д. Солженицыной)³.

В 2017 году впервые напечатан сценарий телесериала «В круге первом» (2006, режиссер Г.А. Панфилов). Этот текст вошел в очередной том собрания сочинений, которое с 2006 года выпускает издательство «Время». Здесь же напечатаны изданные (но труднодоступные) пьесы (драматическая трилогия «1945 год», «Свет, который в тебе» («Свеча на ветру»)) и сценарии «Знают истину танки» и «Тунеядец» (сопроводительная статья Б.Н. Любимова)⁴. Большим и долгожданным событием явилась публикация «очерков литературной жизни» (единственное полное издание книги (1996) давно стало библиографической редкостью). Впервые «Телёнок» сопровождается аннотированным именованным указателем⁵.

¹ Солженицынские тетради: Материалы и исследования / гл. ред. А.С. Немзер. М.: Русский путь, 2016. Вып. 5. С. 5–21.

² См.: «Открытую почту нам Москва обрубил в оба конца...»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1974–1977) // Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 47–100; «Слово “Самиздат” пишется с большой буквы...»: Из переписки... (1967–1974) // Там же. М., 2013. Вып. 2. С. 43–92; «Работаю радостно и много»: Из переписки... (1977–1979) // Там же. М., 2014. Вып. 3. С. 11–50; «Тяжел искус такой разлуки»: Из переписки... (1980–1993) // Там же. Вып. 5. С. 22–102.

³ Солженицынские тетради. Вып. 5. С. 255–265.

⁴ Солженицын А.И. Пьесы и сценарии // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2017. Т. 19.

⁵ Он же. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни // Там же. 2018. Т. 28.

Издательство «Время» осуществило несколько переизданий: «Август Четырнадцатого» (тома 7 и 8 Собрания сочинений; планируются дополнительные тиражи и других узлов «Красного Колеса»), сокращенный «Архипелаг ГУЛАГ»⁶; роман «В круге первом» (серия «Сквозь время»; сопровод. ст. А.С. Немзера⁷).

Пальму первенства по количеству переизданий Солженицына сохраняет издательство «Азбука-Аттикус»: в 2017 году в нем напечатаны все художественные произведения (за исключением «Красного Колеса»): Малое собрание сочинений (рассказы и «Раковый корпус»); рассказы 1960-х в серии «Мировая классика»; «Раковый корпус» в серии «Азбука Premium. Русская проза»; обояма книг выпущена в формате PocketBook — рассказы 1960-х и крохотки, рассказы 1960-х и рассказы 1990-х, «В круге первом» и «Раковый корпус», трехтомный «Архипелаг ГУЛАГ», пьесы и киносценарии, публицистика (в годы изгнания). К 100-летию революции републикованы статьи «Размышления над Февральской революцией» и «Черты двух революций» — впервые под одной, твердой обложкой⁸. К этой же годовщине АСТ переиздало двухтомник избранных глав «Красного Колеса»⁹.

К 100-летию со дня рождения писателя издательство «Русский путь» переиздало фронтовые рассказы¹⁰. Издательство «Слово» подготовило уникальную книгу: крохотки 1960-х и 1990-х с репродукциями фотографий, сделанных Солженицыным во время путешествий по России. Подавляющее большинство снимков никогда не публиковалось. Факсимильно приводятся подписи Солженицына на обороте отпечатков¹¹.

Своеобразным переизданием текстов Солженицына стал каталог выставки «Писатель и тайна: Александр Солженицын» (декабрь 2017 – февраль 2018; Музей-заповедник «Царицыно»). По замыслу создателей экспозиции основной корпус экспликаций к экспонатам (более 50 оригинальных рукописей и мемориальных предметов) составили выдержки из произведений Солженицына: «Архипелага ГУЛАГа», «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» и др.¹²

⁶ *Он же.* Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования. Сокращ. изд. М.: Время, 2017.

⁷ *Он же.* В круге первом. М.: Время, 2017. (Сквозь время).

⁸ *Он же.* Размышления над Февральской революцией. Черты двух революций. М.: КоЛибри, 2017.

⁹ *Он же.* Царь. Столыпин. Ленин: Главы из «Красного Колеса»; *Он же.* Наконец-то революция: Главы из «Красного Колеса». М.: АСТ, 2018.

¹⁰ *Он же.* Армейские рассказы. М.: Русский путь, 2017.

¹¹ *Он же.* Крохотки. М.: Слово, 2018.

¹² По материалам выставки «Писатель и тайна: Александр Солженицын». Музей-заповедник «Царицыно». Хлебный дом 11 декабря 2017 – 28 февраля 2018. М.: Русский путь, 2018.

В сборнике к 80-летию В.П. Лукина опубликован фрагмент его переписки с А.И. Солженицыным 1992–1993 годов, а также дневниковые записи Н.Д. Солженицыной того времени¹³.

Вышли в свет переводы на английский язык Третьего Узла «Красного Колеса»¹⁴ и очерков изгнания «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»¹⁵, впервые публикуемых в США. Издательство «Fayard» завершило публикацию «Красного Колеса» на французском языке, выпустив второй том «Апреля Семнадцатого»¹⁶.

Появились и иные новые переводы: сокращенный «Архипелаг ГУЛАГ» — на португальском; первый том полного «Архипелага...» — на македонском; двучастные рассказы — на итальянском и китайском; «Матрёнин двор» и рассказы — на албанском и армянском; «Эго» и «На краях» — на испанском. На албанском языке впервые напечатан «Август Четырнадцатого»¹⁷. Выполнены новые переводы рассказов 1960-х на итальянский; «Один день Ивана Денисовича» переведен на датский¹⁸, на немецком языке изданы две книжечки: рассказ «Для пользы дела» и двучастные рассказы «Эго» и «На краях»¹⁹. Переизданы «Иван Денисович» и трехтомный «Архипелаг...» на польском языке. В журнале «National review» републикована Гарвардская речь (1978)²⁰.

Литература о творчестве А.И. Солженицына

В марте 2018 года вышло второе издание биографии писателя в серии ЖЗЛ²¹. Впервые опубликована книга о жизни и творчестве Солженицына финского исследователя Эрки Веттенимени²².

В ноябре 2017 года в Российской национальной библиотеке состоялась презентация второй части биобиблиографии писателя, которая включает

¹³ «Я — не первый воин, не последний...»: К 80-летию В.П. Лукина. М.: Весь мир, 2018. Кн. 1. С. 110—121. Впервые письма Солженицына опубликованы в «Российской газете» (2017. 12 июля).

¹⁴ *Solzhenitsyn A. March 1917: The Red Wheel. Node III. Book 1. South Bend: Notre Dame Press, 2017. (The Center for Ethics and Culture Solzhenitsyn Series).*

¹⁵ *Solzhenitsyn A. Between Two Millstones. Book 1. Sketches of Exile: 1974–1978. South Bend: Notre Dame Press, 2018. (The Center for Ethics and Culture Solzhenitsyn Series).*

¹⁶ *Soljénitsyne A. La Roue rouge: Avril 17. T. 2. P.: Fayard, 2017.*

¹⁷ *Sollzhenjicin A. Gusht 1914. Tiranë, 2018.*

¹⁸ *Soljénitsyn A. En dag i Ivan Denisovitjs liv. København: Gyldendal, 2018.*

¹⁹ *Solschenizyn A. Im Interesse der Sache; Heldenleben. München: Piper Verlag, 2017.*

²⁰ *Solzhenitsyn A. My Harvard speech in retrospect // National review. 2018. June 25.*

²¹ *Сараскина Л.И. Солженицын. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 2018. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1681).*

²² *Vettenniemi E. Solzhenitsyn: elämä ja eetos. Teos, 2015.*

издания произведений Солженицына и литературу о нем за 2002–2017 годы (первая книга библиографии, охватывающая 1962–2001 годы, увидела свет к 90-летию писателя, в 2007-м²³). Работа над второй частью велась с января 2015-го, ее основу составили результаты выявления и сбора информации, которая ведется старшим научным сотрудником и библиографом отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья Е.Н. Савельевой. Совместно со специалистами РНБ собран огромный материал — как за 2000-е годы, так и тексты, упущенные в предыдущем издании. Просмотрены de visu русскоязычные зарубежные периодические издания (например, «Новое русское слово» (США), «Наша страна» (Аргентина) и др.), бывшие недоступными при работе над первой частью указателя, проведен поиск публикаций в библиографических базах (WorldCat, E-Library и др.), а также в электронных каталогах библиотек России и мира. Общее количество библиографических записей во второй части указателя превышает восемь тысяч.

Сотрудники научно-исследовательского отдела библиографии Российской государственной библиотеки опубликовали (пока в электронном варианте) указатель зарубежных изданий на русском языке за 1963–1991 годы²⁴. Издание содержит сведения о зарубежных русскоязычных книгах Солженицына и литературу о нем — от первой публикации за рубежом до появления у писателя возможности вновь издаваться на родине (192 библиографические записи). Для каждой публикации указано ее место хранения (это и РНБ, и ВГБИЛ, и ГА РФ, а также Университет Северной Каролины, национальные библиотеки Великобритании и Франции, Библиотека Конгресса США и др.).

Статьи о Солженицыне появились в ряде научных журналов²⁵. Особо отметим книгу Л.Е. Герасимовой, в которую вошли семь работ о Солженицыне разных лет (благодаря Людмиле Ефимовне изучение творчества Солженицы-

²³ Александр Исаевич Солженицын: материалы к биобиблиогр. / сост. Д.Б. Азиатцев, Н.Г. Левитская, М.А. Бенина [и др.]. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2007.

²⁴ Александр Исаевич Солженицын (1918–2008): Жизнь и творчество: указ. зарубеж. изд. на рус. яз., 1963–1991 гг. / Рос. гос. б-ка, Науч.-исслед. отд. библиогр.; сост. Н.Ю. Бутина, Н.Н. Носов; библиогр. ред. Н.Ю. Бутина. М., 2018.

²⁵ Хасибуллина Д.А. Историко-культурологическая специфика индивидуально-авторских фразеологизмов: (на материале произведений А.И. Солженицына и их переводов на английский язык) // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусства. 2017. № 4. С. 55–58; Цзюньжу Би. Образ Ирины Томчак в кубанских главах романа-эпопеи «Красное Колесо» А.И. Солженицына // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 282–290. (Литературоведение); Тупова Е.В. Полемическое переосмысление сочинений Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына в поэме Давида Самойлова «Струфиан» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 414. С. 29–33; Кудинова И.Ю. Полифонизм или диалог?: Нарративные стратегии в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 104–108. (Литературоведение); Петрухина Е.В. Темпоральные модели расширения настоящего в грамматической системе и художественном тексте: (на материале «Крохоток» А.И. Солженицына) // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 169. № 4 (19). С. 176–193. (Филология).

на на кафедре русской литературы XX века Саратовского университета является приоритетным направлением научной работы)²⁶.

В книге Б.Н. Любимова, заслуженного деятеля искусств России, ректора Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина, озаглавленной «Век нынешний — минувшие века», многие материалы посвящены творчеству Солженицына²⁷.

В предыдущем выпуске «Солженицынских тетрадей» напечатаны статьи М.Е. Федяниной «“Архипелаг ГУЛАГ” А.И. Солженицына как эпопея: Особенности поэтики»; И.Е. Мелентьевой «Жизнь животных в “Раковом корпусе”»; Г.А. Тюриной «“Язык сам знает, чего он хочет”: Сорок лет работы Солженицына над “Русским словарем языкового расширения”»; Г. Пшебинды «Солженицын и Польша. Годы 1962–1989»; И.В. Дорожинской «“Московский след” в рассказе “Как жаль”»; А.Е. Аркатовой «Глазами ребенка: Сказочный подтекст рассказа “Как жаль”».

Журнал «Мир музея» отвел целый номер публикациям архивных материалов о Февральской революции, открывающее журнал «Слово редактора» посвящено эпопее «Красное Колесо»²⁸. В каталоге выставки «Москва 1917. Взгляд с Ваганьковского холма» (РГБ, июнь–сентябрь 2017), где особая витрина представляла работу Солженицына над темой русской революции, помещен сопроводительный очерк-экспликация о «московских» главах эпопеи²⁹.

Многочисленные сведения о Русском общественном фонде помощи преследуемым и их семьям, основанном Солженицыным в 1974 году, находим в книге об Александре Гинзбурге, первом распорядителе фонда³⁰. В связи со 100-летием со дня рождения Генриха Бёлля опубликована по-русски его переписка со Львом Копелевым, в которой неоднократно упоминается Солженицын³¹ — как и в монографии о Копелеве³². Неоднократно заходит речь о Солженицыне в сборнике интервью Г.А. Морева «Диссиденты: Двадцать разговоров»³³.

²⁶ Герасимова Л.Е. Пунктирная линия жизни: сб. ст. / Саратов. нац. исслед. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018.

²⁷ Любимов Б.Н. Век нынешний — минувшие века. М.: ГИТИС, 2017.

²⁸ Пищулин А.Ю. «Великая безмозглость спустилась на страну...» // Мир музея. 2017. № 2 (354). С. 12–14.

²⁹ Москва в эпопее Александра Солженицына «Красное Колесо» // Москва 1917. Взгляд с Ваганьковского холма: [изд. к выст. в РГБ, 14 июня – 20 сент. 2017] / авт.-сост. О.И. Барковец; худож. Е.В. Казейкина; РГБ, ГАРФ, ГМИИ им. А.С. Пушкина, ГИМ. М.: Пашков дом, 2017. С. 146–151.

³⁰ Орлов В. Александр Гинзбург: русский роман. М.: Русский путь, 2017.

³¹ Генрих Бёльль. Лев Копелев: Переписка 1962–1982 / пер. с нем. А. Филиппова-Чехова. Libra, 2017.

³² См.: Meier R. Lew Kopelew. Humanist und Weltbürger. Stuttgart: Theiss Verlag, 2017.

³³ Морев Г.А. Диссиденты: Двадцать разговоров. М.: АСТ, 2017.

Опускаем перечень газетных публикаций о Солженицыне — в 2017-м и первой половине 2018 года только в «Российской газете» было помещено более 30 материалов.

Из интервью Н.Д. Солженицыной упомянем посвященную статью «Размышления над Февральской революцией»³⁴, а также беседу с Е. Гордеевой, собравшую большое число просмотров и откликов³⁵.

Конференции, лекции, обсуждения

«Личность и творчество А.И. Солженицына в современном искусстве и литературе»: Международная научная конференция

*Москва, Государственный институт искусствознания,
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 15–17 марта 2017*

Череда научных мероприятий в честь 100-летия со дня рождения А.И. Солженицына открылась конференцией, посвященной теме «Солженицын в искусстве» (Москва, 15–17 марта 2017). Ее организаторами выступили Министерство культуры Российской Федерации, Государственный институт искусствознания, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Русский благотворительный фонд Александра Солженицына. К обсуждению были предложены документальные фильмы о Солженицыне; художественные фильмы, театральные и оперные постановки по его произведениям, музыка в жизни писателя и музыкальная тема в его творчестве; живопись и фотография в прозе Солженицына; памятники и музеи писателя.

Торжественное открытие конференции состоялось в Доме русского зарубежья. С приветственными словами обратились к аудитории Н.В. Сиповская, директор Государственного института искусствознания; В.А. Москвин, директор Дома русского зарубежья; Н.Д. Солженицына, президент Русского благотворительного фонда Александра Солженицына. На пленарном заседании выступили:

Б.Н. Любимов (Высшее театральное училище им. М.С. Щепкина, Москва) «Театр и театральность в биографии и творчестве А.И. Солженицына»;

Г.Г. Исаакян (Детский музыкальный театр им. Н.И. Сац, Москва) «Опера “Один день Ивана Денисовича” — опыт переживания истории в проектах Пермского оперного театра»;

³⁴ Наталия Солженицына: «Весь текст пронизан болью»: Вдова писателя рассказала «Родине» о том, как создавалась знаменитая статья «Размышления над Февральской революцией» // Родина. 2017. № 2. С. 4–14. Интервью предваряет републикацию «Размышлений...».

³⁵ «У нас обоих было не “заячье сердце”»: Наталия Дмитриевна Солженицына: большое интервью // URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/17197> (дата обращения: 5.09.2018).

В.В. Иванов (Театр им. Е. Вахтангова, Москва) «О постановке спектакля “Матрёнин двор” в театре им. Е. Вахтангова»;

С.В. Мирошниченко (кинорежиссер-документалист, Москва) «Документальная реальность как художественный образ в произведениях А.И. Солженицына»;

А.Г. Денисов (ВГТРК, телеканал «История», Москва) «О создании документального фильма “Один день Ивана Денисовича”. 50 лет спустя»;

Е.А. Корнеев (книжный дизайнер, Москва) «Облик книги “Александр Солженицын. Из-под глыб”»;

А.А. Кабаков (писатель, Москва) «Александр Солженицын и Василий Аксенов — двуглавый орел русской свободной литературы XX века»;

Е.А. Попов (писатель, Москва) «Веселый Солженицын. О смеховой культуре великого писателя»;

Р. Темпест (Иллинойский университет, США) «Тайные языки искусства в произведениях А.И. Солженицына»;

Г. Пшебинда (Ягеллонский университет, Польша) «Солженицын глазами польских писателей (Герлинг-Грудзинский, Рудницкий, Чапский, Ват)»;

Г.А. Тюрина (Дом русского зарубежья, Москва) «Жизнь и творчество Александра Солженицына в пространстве художественного музея»;

Н.Т. Ашимбаева (Музей Ф.М. Достоевского, С.-Петербург) «Достоевский и Солженицын. Скрещения судеб и творчества. Выставка в петербургском Музее Достоевского. 2014»;

Е.Ю. Колбановская (Государственный литературный музей, Москва) «А.И. Солженицын в музейном пространстве России и зарубежья».

Второй день конференции начался открытием выставки «Солженицын-фотограф» в Государственном институте искусствознания: экспозицию, которую составили 50 репродукций фотографий, сделанных писателем в 1950–60-е годы, представила Д.В. Топилина (Русский благотворительный фонд Александра Солженицына, Москва).

Во второй день выступили:

Н.А. Хренов (Государственный институт искусствознания, Москва) «Империальный комплекс России и его критики: А. Солженицын»;

Ю.Н. Гирин (Институт мировой литературы РАН, Москва) «К типологии репрессивных культур»;

А. Дель’Аста (Католический университет Брешии, Италия) «Монтаж и полифония в творчестве А.И. Солженицына»;

А.С. Варганов (Государственный институт искусствознания, Москва) «Незавершенный телевизионный цикл на Первом канале»;

М.М. Голубков (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «А.И. Солженицын об А. Тарковском: опыт критической интерпретации фильма “Андрей Рублев”»;

Е.В. Сальникова (Государственный институт искусствознания, Москва) «Реалистическое и жанровое в телеэкранизации романа А.И. Солженицына “В круге первом”»;

- Л.И. Сараскина (Государственный институт искусствознания, Москва) «Споры о “звонке дипломата”: роман “В круге первом” и его киноверсия»;
- Е.В. Жуйкова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Проблема точки зрения в литературе и кино (роман “В круге первом” и его экранизация)»;
- В.А. Котельников (Институт русской литературы РАН, С.-Петербург) «Визуальные память и воображение в текстах Солженицына»;
- И.Ю. Кудинова (Саратовский государственный университет, Саратов) «Визуальные коды в повести А.И. Солженицына “Раковый корпус”»;
- И.Е. Мелентьева (Дом русского зарубежья, Москва) «О кинематографической поэтике двучастных рассказов А.И. Солженицына»;
- М. Николсон (Оксфордский университет, Великобритания) «Как относятся к эволюции солженицынской прозы конца 1950-х годов полотна художника “Кондрашева-Иванова”»;
- И.В. Дорожинская (Дом русского зарубежья, Москва) «Александр Солженицын: театральные невстречи. 1960-е»;
- О.Н. Мальцева (Российский государственный институт сценических искусств, С.-Петербург) «О театральном претворении романа А.И. Солженицына “В круге первом”» (спектакль Ю.П. Любимова “Шарашка”»);
- Е.С. Абелюк (НИУ Высшая школа экономики, Москва) «Роман А.И. Солженицына “В круге первом” в спектакле Ю.П. Любимова “Шарашка”»;
- Г.А. Тюрина (Дом русского зарубежья, Москва) «Солженицын в музыке»;
- Ж. Нива (Женевский университет, Швейцария) «“В круге первом” французского композитора Жильбера Ами: о переходе романа в оперу»;
- Е.М. Петрушанская (Государственный институт искусствознания, Москва) «О смысловых обертонах музыкальной ткани оперы А.Б. Чайковского “Один день Ивана Денисовича”»;
- Г. Жень (Институт Конфуция, Китай) «О влиянии лагерной темы в творчестве А. Солженицына на тему “Шрама” современной китайской литературы»;
- П.Е. Спиваковский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Александр Солженицын и Владимир Сорокин»;
- А.Е. Климов (Вассер-колледж, США) «Незабываемая ночь» (о повести “Адлиг Швенкиттен”»);
- Г.В. Кузовкин, И.А. Мартынов («Мемориал», Москва) «Иконография Александра Солженицына по материалам “Хроники текущих событий”»;
- Н.М. Щедрина (Московский государственный областной университет, Москва) «Портрет как средство выразительности в прозе Александра Солженицына (образ Ленина в “Красном Колесе”)»;
- Г.М. Алтынбаева (Саратовский государственный университет, Саратов) «А.И. Солженицын в саратовском крае (по материалам фото-, аудио- и видеоархивов)».

В завершение заседания состоялось обсуждение итогов конференции, и участники, и слушатели признали ее бесспорно удавшейся и очень интерес-

ной. Форум выявил актуальность и перспективность темы, которая только начинает становиться в центре внимания исследователей.

По окончании заседания состоялся показ документального фильма «Жить не по лжи» (2001, режиссер С.В. Мирошниченко).

Сборник материалов конференции Государственный институт искусствознания планирует выпустить до конца 2018 года.

**«История русской революции в творчестве
Александра Солженицына»: Круглый стол**

Москва, Дом русского зарубежья, 26 октября 2017

Круглый стол «История русской революции в творчестве Александра Солженицына» был организован отделом по изучению наследия писателя ДРЗ в рамках Международной научно-просветительской конференции «1917 год в истории и судьбе русского зарубежья», проходившей в Доме с 26 по 28 октября 2017 года. Первая часть обсуждения была посвящена работе Солженицына над эпопеей «Красное Колесо», во второй речь шла о том, кто и как обращался к этой работе писателя в год 100-летия революции в России.

Открыл заседание В.А. Москвин, директор Дома русского зарубежья. В своем кратком слове он подчеркнул важность освоения «Красного Колеса» на фоне удручающей исторической безграмотности, выявленной многочисленными публичными обсуждениями темы революции в этом году. Ведущий первой части круглого стола А.С. Немзер поддержал этот тезис и передал слово первому докладчику: Л.И. Сараскиной, д.ф.н., главному научному сотруднику Государственного института искусствознания³⁶. Затем слово взяла Е.В. Иванова, д.ф.н., ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН. Ее выступление было посвящено Солженицыну-писателю, чьей главной задачей всегда было понять *человеческое* содержание исторических событий и его воздействие на ход истории. По Е.В. Ивановой, урок Солженицына: не спорить о формулах, а понять историю в ее каждодневном течении.

Выступления вызвали дискуссию, эмоциональный накал которой в очередной раз указал на расколотость интеллектуального сообщества (и общества в целом) по отношению к истории революции. В обсуждении приняли участие князь А.А. Трубецкой (Париж), теоретик культуры, публицист Р.А. Гальцева, литературный критик, лауреат премии Александра Солженицына И.Б. Роднянская.

Вторую часть круглого стола открыл А.Ю. Пищулин, художник, писатель, главный редактор журнала «Мир музея», режиссер-документалист, один из создателей фильма «Жизнь Солженицына» (1998). Он начал выступление с

³⁶ См. публикацию выступления Л.И. Сараскиной в наст. изд. С. 191–199.

признания, что еще в юности рассчитал, что доживет до столетия революции, и надеялся, что тогда будут раскрыты многие исторические тайны, рассекречены архивы. Однако в медийном пространстве сегодня доминирует фигура умолчания, попытки анализа русской катастрофы единичны. Словно на государственном уровне принято решение — не бередить, дабы не актуализировать поляризацию суждений о революции. В январе 1917 года Российская империя была сложным, но еще относительно слаженно работающим механизмом, который обеспечивал каждому из 150-миллионного населения представление о жизненных перспективах, даже несмотря на Первую мировую войну. Ровно через год этот механизм остановился: ни один гражданин уже не мог быть уверен в том, что его ждет на следующий день. Безусловно, любая катастрофа — это ряд сбоев, происходящих одновременно в разных системах. И хотя Российская империя имела многоступенчатую систему безопасности (Церковь, армия и т.д.), которые должны были обеспечивать ее устойчивость, катастрофа постепенно назревала во всех этих институтах. Аналогичные процессы — метастазы революции — мы наблюдаем и в современном российском социуме, именно поэтому, по мнению докладчика, сегодня редко попытки всерьез осмыслить прошлое.

О.И. Барковец, историк, куратор выставки «Москва 1917. Взгляд с Ваганьковского холма» рассказала об этом событии, которое проходило в июне–сентябре 2017 года в Ивановском зале Российской государственной библиотеки. Выставка была посвящена жизни библиотеки (в 1917 году — еще Румянцевского музея) в дни революционных событий, а также тому, что происходило за ее стенами в самом центре Москвы: на Моховой, в Кремле, у памятника Пушкину. Среди экспонатов были представлены материалы архива А.И. Солженицына — «московские» главы рукописи «Красного Колеса» и несколько конвертов картотеки писателя. О.И. Барковец продемонстрировала фильм-презентацию — ряд репродукций фотографий, сделанных в 1917 году на улицах Москвы (хранятся в отделе изо РГБ; прежде не публиковались).

Е.А. Дьякова, обозреватель «Новой газеты», поделилась впечатлениями от премьеры во Владимирском академическом театре драмы — открывшего сезон спектакля «Раковый корпус: Сосланные навечно»³⁷.

И.Е. Мелентьева, к.ф.н., ведущий научный сотрудник ДРЗ, поделилась размышлениями о том, что и как читать с сегодняшними студентами-филологами о революции и ее следствиях. По ее мнению, хорошо для этой цели подходят двучастные рассказы Солженицына, в которых концентрированно представлена история России с 1910 по 1990 год. Рассказы составляют единый цикл, смысловой стержень которого — «деформация времени, человека, культуры в России после революции». В двучастных рассказах Солженицын

³⁷ См. статью Е. Дьяковой в наст. изд. С. 213–223.

показывает, как «раны, нанесенные революцией 1917 года, превращаются в шрамы на теле России, как эти шрамы кровоточат, болят, зудят».

О личном опыте чтения «Красного Колеса» и других произведений Солженицына говорил постоянный участник солженицынских семинаров ДРЗ И.С. Гамбарян, представившийся аудитории «продвинутым читателем». Для него чтение Солженицына — вопрос самоидентификации, а «Красное Колесо» — неисчерпаемый источник для размышлений о том, как же все-таки такая страшная катастрофа могла случиться с Россией.

Воодушевление аудитории вызвало выступление студентов 3-го курса МГИМО Александра Давыдова и Стеллы Абрашевой, участников проекта телеканала «Культура» — чтения студентами и преподавателями МГИМО «Размышлений над Февральской революцией», запись которого прошла в эфире 13 апреля 2017 года. По словам студентов, чтение статьи стало важным событием в их жизни. Ведь на уроках истории они «проходили» русскую революцию как само собой разумеющееся, свершившийся факт. Участие в проекте придало их знаниям «невероятную эмоциональную окраску и ощущение реальности переживания». Неожиданно для себя молодые люди, многим из которых предстоит работать в сфере государственного управления, наконец, впервые почувствовали тяжесть ответственности за будущее страны: главный вопрос, вставший перед ними, был — как такое могло произойти? и как не допустить повторения?

Слово для подведения итогов круглого стола было передано самому Александру Исаевичу: на экране демонстрировались фрагменты интервью, в котором писатель рассказал французскому журналисту Бернару Пиво о работе над «Красным Колесом» (1983). Солженицын говорит о ней с воодушевлением, передающимся и сегодняшним зрителям. Покидая большой зал ДРЗ, участники встречи обменивались впечатлениями, главным из которых была радость от того, что состоялся этот — столь нужный сегодня — прямой разговор.

**«Писатель в неволе: Ссылка, каторга, тюрьма в творчестве
А.И. Солженицына и мировой литературе»:**

Международная научно-исследовательская конференция

*Санкт-Петербург, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 20–22 ноября 2017*

При поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям международная научная конференция, приуроченная к 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына, была проведена в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН 20–22 ноября 2017 года. В конференции приняли участие 20 докладчиков из России, Великобритании, Израиля,

Испании, Италии и Швейцарии. В их числе: В.Е. Багно («Писатель и персонаж в неволе (Сервантес и Дон Кихот)»); Е.Г. Водолазкин («Из опыта работы над лагерной темой (роман “Авиатор”)»); И.Е. Мелентьева («Как течет время в “Круге первом”)»); А.С. Немзер («Споры о литературе в повести А.И. Солженицына “Раковый корпус”)»); Ж. Нива («Тюрьма и лагерь — два полюса неволи. От Пеллико до Селина и Солженицына»), М. Николсон («Разрыв творческой непрерывности как фактор в становлении “Колымских рассказов” и “Одного дня Ивана Денисовича”)»), О.В. Панченко («Д.С. Лихачев и А.И. Солженицын. Об одном из источников соловецкой главы “Архипелага ГУЛАГ”)»); Н.В. Поньрко («Россия в изгнании: взгляд Солженицына на старообрядчество»), М. Саббатини («Творчество Александра Солженицына в зеркале итальянской интеллигенции 1960–1970-х гг.»); Р. Сан-Висенте («Солженицын и Шаламов: отличия и совпадения»); Д.В. Топилина («Александр Солженицын: ссыльный фотоальбом»); Г.А. Тюрина («“Остров Сахалин” Чехова в “Архипелаге ГУЛАГе” Солженицына»). Героями других докладов были Байрон, Блок, Данте, Достоевский, Овидий, Петрарка, Пушкин, Радищев, Ремизов, Тассо и др. В рамках конференции состоялась презентация очередного тома писем и дневников Н.И. Тургенева, «европейца поневоле», подготовленного к изданию сотрудниками Пушкинского Дома³⁸.

Конференцию сопровождала одноименная выставка рукописей и книг из фондов ИРЛИ. В экспозиции были представлены рукописный сборник с автографом «Жития...» протопопа Аввакума, письма Ф.-М.-А. Вольтера, письмо А.Н. Радищева Павлу I, записка Николая I коменданту Петропавловской крепости по поводу В.К. Кюхельбекера, рукописи стихотворений А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, письма Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского, В.Г. Короленко, план Соловков, нарисованный Д.С. Лихачевым, документы из фонда А.И. Солженицына в Пушкинском Доме.

Выставки

Выставки, посвященные Солженицыну, проводились на протяжении предъюбилейного и юбилейного годов во многих учреждениях культуры и образования России и зарубежья. Чтобы помочь в организации таких мероприятий, сотрудниками отдела по изучению наследия А.И. Солженицына были разработаны несколько выставок в виртуальном формате, которые можно было рассылать по интернету в любую точку планеты. География проекта весьма широка: Москва, Подмосковье, Санкт-Петербург, Саратов, Ростов-

³⁸ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. 4: Путешествие в Западную Европу. 1824–1825 / отв. ред. М.Ю. Коренева; подгот. текста Е.О. Ларионовой; коммент. Р.Ю. Данилевского, Н.Л. Дмитриевой, П.Р. Заборова, М.Ю. Кореновой, Е.О. Ларионовой. СПб.: Нестор-История, 2017. 1032 с.: ил. (Архив братьев Тургеневых; вып. 7).

на-Дону, Рязань, Калининград, Чистополь, Брянск, Унеча, Чебоксары, Томск, Воронеж, Салехард, Грозный, Минск, Ереван, Баку, Милан, Вена, Белград...

Наибольшим успехом пользовалась выставка **«Доверенный летописец эпохи: К 100-летию со дня рождения Александра Солженицына»** (составитель Г.А. Тюрина, дизайнер Э.И. Белоусов). На 12 планшетах представлены уникальные материалы из архива писателя, отражающие творческую биографию писателя: фотографии, репродукции документов, рукописей и мемориальных предметов, печатные издания. Экспозиция напоминает историю создания и публикации многих произведений: сочиненной устно в каторжном лагере автобиографической поэмы «Дороженька», рассказов «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор», романа «В круге первом», повести «Раковый корпус», художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ», колоссальной исторической эпопеи «Красное Колесо», ряда статей. В центре каждого стенда — цитата из того или иного текста Солженицына, лейтмотивом экспозиции стала народная пословица, которой Солженицын завершил Нобелевскую лекцию: «Одно слово правды весь мир перетянет».

Выставка «Доверенный летописец эпохи» много путешествовала по Москве: в частности, была представлена на XXXI Московской Международной книжной выставке-ярмарке на ВДНХ 5–9 сентября 2018 года, а весь октябрь 2018-го была открыта для посещения в клубе-музее «Эльдар», где три вечера были посвящены Солженицыну: 11 октября Александр Сокуров представлял свой фильм «Беседы с Солженицыным», 20 октября народный артист России Александр Филиппенко читал «Один день Ивана Денисовича», а 31 октября демонстрировался фильм «Хранить вечно» по мотивам романа «В круге первом» (режиссер Г.А. Панфилов).

28 июня 2018 года в Рязанской областной универсальной научной библиотеке им. Горького состоялось открытие выставки фотографий «Не пропустим достойных, не наградим пустых», посвященной 20-летию Литературной премии Александра Солженицына. В Мультимедиа Арт Музее с 20 декабря 2017 по 1 марта 2018 года работала выставка «Жертвам политических репрессий посвящается», на которой были представлены архивные документы, газеты, фотографии, кинохроника, интервью с бывшими заключенными, артефакты жизни и быта узников ГУЛАГа. Особый раздел выставки был посвящен тюремно-лагерно-ссылным годам Солженицына. Экспонировались мемориальные вещи писателя и издания его произведений. В витрине были выставлены лагерный блокнот и четки, нашивки с номерами экибастузского каторжного лагеря, блокнотики с выписками из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и рукописи повести «Люби революцию», которую Солженицын тайно писал в марфинской шарашке.

Скажем отдельно о выставках Солженицына, которые стали заметным событием культурной жизни двух центров освоения наследия писателя: Москвы и Парижа.

19 мая 2017 года в книжном магазине «УМСА-Press» в Париже состоялось открытие **Культурного центра им. А.И. Солженицына** — давнюю мечту Никиты Алексеевича Струве удалось реализовать в преддверии столетия писателя. Второй этаж магазина отреставрировали, коридор и большой зал снабдили необходимым оборудованием. Закономерно, что первой акцией центра стала выставка, посвященная важнейшему свершению издательства, — «**Архипелаг ГУЛАГ**»: История литературного взрыва». Основу экспозиции составили материалы архива Н.А. Струве: его тайная переписка с Солженицыным, в которой книга обозначается именем «Лёня». Особое внимание посетителей притягивало наборное место (деревянный пюпитр с ящичками с литерами), за которым работал наборщик книги Л.М. Лифарь.

В подготовке выставки участвовала Хели Сузи, дочь Арнольда Сузи, лубянского сокамерника Солженицына в 1945 году, помогавшего писателю организовать тайную работу над книгой в эстонском «Укрывище» двадцать лет спустя, в 1965-м. Хели привозила в «Укрывище» еду и увозила написанные главы. Для выставки она предоставила оригиналы писем Солженицына к Арнольду Сузи и кусок трубы, в которой рукопись «Архипелага...» хранилась в земле до 1990 года, когда появилась возможность ее откопать и вернуть автору.

Сильным экспонатом стало старое зеркало, на котором теперь — с напряжением — прочитываются имена «невидимок», помогавших с переправкой рукописей Солженицына на Запад. Этот сюжет был представлен и рядом иных предметов — например, обычной коробкой из-под конфет, в которой Анастасия Борисовна Дурова тайно перевозила из СССР на Запад копии текстов и «левые» письма (часть архива Дуровой недавно передана в «Имку»).

О рецепции «Архипелага...» на Западе свидетельствовали многочисленные публикации во французской прессе 1970-х годов.

На вечере, посвященном открытию выставки, сын Никиты Алексеевича Даниил Струве рассказал о планах развития культурного центра и поблагодарил за поддержку членов попечительского совета, в том числе дипломата Пьера Мореля, проф. Жоржа Нива, директора ДРЗ В.А. Москвина. Особая благодарность прозвучала в адрес Н.Д. Солженицыной: из архива Солженицына на выставке были представлены фрагменты рукописей произведений, изданных в «Имке», а также рабочие инструменты писателя.

Выставка работала почти год, и на протяжении всего этого времени поток посетителей не ослабевал: к ней проявляли интерес и русские и французы, и взрослые и школьники. К завершению выставки был издан ее каталог.

Следующим событием Культурного центра в «Имке» стала выставка, организованная в марте 2018 года Государственным музеем истории российской литературы им. В.И. Даля и отделом по изучению наследия А.И. Солженицына ДРЗ. «**На родине Солженицына: Пролог “Красного Колеса”**» — такое название получила экспозиция, посвященная первому в России госу-

дарственному музею Солженицына в Кисловодске. Музей, расположенный в доме М.З. Гориной, тети писателя, представляет историю семьи Солженицына на Ставрополье, географию мест, связанных с его детством и юностью, жизненную и творческую биографию до 1962 года — первой публикации. Ввиду отсутствия мемориальных вещей (в Кисловодске не сохранилось ничего из дома Гориной 1920-х годов) основу экспозиции составили копийные материалы из архива Солженицына в Троице-Лыкове в Москве. Они размещены в виде коллажей в восьми объемных витринах. На выставке в «Имке» коллажи были представлены в виде планшетов в несколько уменьшенном, по сравнению с оригинальным, виде. Фонд кисловодского музея дополнил ее галереей фотографий Солженицына, сделанных в 1994 году, по возвращении его в Россию, и заключительным стендом, рассказывающим об истории создания и сегодняшней жизни кисловодского музея.

Бесценным расширением выставки в «Имке» стали подлинные вещи матери писателя Таисии Захаровны Щербак, предоставленные специально для этого случая хранителем архива писателя Н.Д. Солженицыной. В отдельной витрине помещены материалы из архива «Имки» — документы и рукописи, связанные с первой публикацией «Августа Четырнадцатого» (которая состоялась в «Имке» в 1971 году), в их числе — подлинные автографы Солженицына.

Посетители неизменно отмечали талантливую работу художников, Евгении Ионовой и Виктории Черновой, которым удалось представить столь разнообразную экспозицию внятно и очень красиво.

Эпиграфом выставки **«Писатель и тайна: Александр Солженицын»** (Москва, Государственный музей-заповедник «Царицыно», 14 декабря 2017 – 28 февраля 2018), открывшей юбилейный год в столичном культурном пространстве, стала цитата из книги «Бодался телёнок с дубом»: «То не диво, когда подпольщиками бывают революционеры. Диво — когда писатели». Организаторы выставки (дизайнер Евгений Корнеев) стремились показать то, что не должно было быть доступно постороннему глазу — творческую лабораторию писателя, который занимался литературным трудом в жестких условиях советского времени, всегда оставаясь верным своим нравственным и художественным принципам.

В залах Хлебного дома заповедника «Царицыно» были представлены рукописи, документы, мемориальные предметы из архива Солженицына: лагерная телогрейка и нашивки с номерами экибастузского каторжного лагеря, четки, с помощью которых заключенный Солженицын сочинял в уме поэму «Дороженька», фотоаппарат и фотоувеличитель — его инструменты для изготовления фотокопий текстов, пишущая машинка и наборная машина IBM Composer, на которой Н.Д. Солженицына верстала 20-томное «вермонтское» собрание сочинений, — всего более полусотни экспонатов, многие из которых впервые стали достоянием широкой публики. В отдельном зале стоял рабочий

стол Солженицына из его кабинета в Троице-Лыкове. Важную роль в экспозиции играли фрагменты текстов произведений писателя, повествующие о творческой работе в условиях многолетней конспирации, фотографии, конспиративные схемы. В медиазоне можно было увидеть фрагменты фильмов со свидетельствами Солженицына и других участников тех далеких событий.

Организаторы разработали обширную образовательную программу. В частности, была сделана запись интервью Павла Лунгина с Н.Д. Солженицыной о тех сюжетах, что были представлены на выставке, ныне оно доступно на сайте «Царицына»³⁹. Каталог выставки опубликован⁴⁰.

Семинар, посвященный трудам и дням писателя

В Доме русского зарубежья продолжает работу семинар, посвященный освоению наследия А.И. Солженицына. В сезоне 2017/18 года на семинаре были представлены результаты исследований самых разных аспектов творчества писателя:

22 февраля 2017 года с докладом «*Стыд, позор и гордость* в произведениях Александра Солженицына» выступил А.Д. Шмелев, д.ф.н., заведующий Отделом культуры русской речи Института русского языка РАН⁴¹.

28 апреля 2017 года об «Изображении внутренней колонизации в книге Александра Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ”» говорила Т.Ю. Кучинко, научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья.

25 мая 2017 года Т.Е. Фейгина, ученица 10-го класса гимназии № 1543 и И.В. Дорожинская, вед. научн. сотр. ДРЗ, представили результаты исследования «“В круге первом”: графические особенности авторского оформления текста романа»⁴².

27 февраля 2018 года семинар был посвящен военной прозе Солженицына. С докладом «Односуточная повесть “Адлиг Швенкиттен”: люди, документы, факты» выступил рязанский исследователь В.А. Мазаев, создатель экспозиции «Солженицын в Солотче» в гостиничном комплексе «Боровница»⁴³.

³⁹ Разговор Наталии Солженицыной и Павла Лунгина // Заповедник «Царицыно»: сайт. URL: <http://tsaritsyno-museum.ru/events/education/p/razgovor-natalii-solzhenitsynoj-i-pavla-lungina/> (дата обращения: 15.08.2018).

⁴⁰ См. выше, примеч. 12.

⁴¹ См. с. 80–110 наст. изд.

⁴² См. с. 111–120 наст. изд.

⁴³ Это уже второе выступление В.А. Мазаева на солженицынском семинаре. 2 ноября 2016 года он докладывал о своем изучении документов, связанных с событиями, описанными в рассказе «Желябугские Выселки». См. публикацию «Желаю вам — счастья — капитан!» в наст. изд. С. 283–297.

М.П. Акулов (Москва) дополнил его рассказ отчетом о полевой экспедиции «Восточная Пруссия в произведениях А.И. Солженицына», предпринятой им в августе 2017 года.

11 апреля 2018 года Л.И. Сараскина, д.ф.н., главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, прочла доклад «“Бесы” Ф.М. Достоевского: По дороге к “Красному Колесу” А.И. Солженицына».

28 мая 2018 года завершил семинарский сезон доклад «Август Четырнадцатого: коннотации слова *интеллигенция* как характерная черта времени», который представила постоянная участница семинара Т.Е. Фейгина.

Расскажем подробнее о заседании, собравшем наибольшую аудиторию (зал не вместил всех желающих, часть слушателей была вынуждена стоять в коридоре). На нем обсуждалась тема, которая сегодня вызывает острые дискуссии: о цифрах жертв коммунистического террора. 19 сентября 2017 года М.С. Высоков, д.и.н., руководитель рабочей группы по подготовке научного комментария к книге «Архипелаг ГУЛАГ», представил доклад «О демографических потерях СССР в 1917–1959 годах».

В первой главе третьей части «Архипелага ГУЛАГа» Солженицын приводит с оговоркой «мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных» следующую статистику:

«По подсчётам эмигрантского профессора статистики И.А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, — оно обошлось нам в... 66,7 миллионов человек (без этого дефицита — 55 миллионов).

Шестьдесят шесть миллионов! Пятьдесят пять!

Свой или чужой — кто не онемеет?»⁴⁴

Материалы архива Солженицына свидетельствуют о том, что он, работая над текстом «Архипелага...» в 1960–70-е годы, был знаком со всеми опубликованными к тому времени наиболее авторитетными подсчётами демографических потерь СССР в период нахождения у власти коммунистических вождей. Однако для окончательного варианта своего текста А.И. Солженицын остановился именно на тех данных, которые в своей статье «Три цифры» опубликовал профессор Курганов.

Кто такой Курганов и откуда он взял свои цифры? Человек неординарной судьбы и, видимо, столь же неординарных способностей: ваковский профессор без диплома о высшем образовании, доктор экономических наук, антикоммунист, сделавший карьеру при советской власти, директор оказавшегося на оккупированной территории советского вуза, пошедший на службу к немцам и ушедший вместе с ними в Берлин, власовец, выданный амери-

⁴⁴ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 5. С. 10.

канцами советским властям, но бежавший из репатриационного лагеря от ждавшего его советского трибунала, товарищ Кошкин, ставший в Америке господином Кургановым. Выйдя из крестьянской вятской семьи, он большую часть своей советской жизни занимался практикой и преподаванием бухгалтерского учета и финансов, а оказавшись в США, переквалифицировался в «американского советолога» и публициста.

Именно Кошкин-Курганов осуществил одну из первых попыток подсчета потерь населения СССР за период советской власти. В 1964 г. вышла его статья «Три цифры» (*Курганов И. Три цифры // Новое русское слово. 1964. 12 апр.; перепечатка: Посев. 1977. № 12*). Эти цифры: 66,7 миллиона (общие потери в процессе революционного переустройства России в 1917–1959 годах), 44 миллиона (потери в годы Великой Отечественной войны, включая эмиграционные потери, связанные с беженством и невозвращенчеством, а также естественные потери, связанные с падением рождаемости во время войны), то есть 110,7 миллиона (всего).

Метод, который использовал Курганов, заключался в том, что на основании открытых советских демографических данных исследователь подсчитал гипотетическую численность населения СССР на начало 1959 года в том случае, если бы народам нашей страны удалось избежать проведенного над ней коммунистического эксперимента. То есть в том случае, если бы мы смогли избежать Гражданской войны, красного, белого и зеленого террора, попытки истребления целых социальных групп, голода, эпидемий, коллективизации, массового раскулачивания и высылки миллионов крестьян, массовых расстрелов, переполненных тюрем и концентрационных лагерей, этнических чисток, бегства из страны миллионов людей, авантюристической внешней политики, позволившей Гитлеру начать Вторую мировую войну и нанести нашей стране страшный удар, последствием которого стали невиданные в истории войн жертвы.

Итак, профессор Курганов взял за основу численность населения Российской империи в 1917 году и, употребив коэффициент естественного ежегодного прироста 1,7 %, вычислил ожидаемую численность населения СССР на начало 1959 года и из этого числа вычел реальную численность населения на 1959 год. Разрыв между двумя этими числами он назвал «потерями» (более подробный анализ см. в статье Курганова⁴⁵). Получив в итоге 110,7 миллиона человек, Курганов вспомнил суждение из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «...как мир ни лечи, все равно не вылечишь, а срезав радикально сто миллионов голов и тем облегчив себя, можно вернее перескочить через канавку»⁴⁶.

⁴⁵ Курганов И. Три цифры // Издательство «Русская идея»: сайт. URL: <https://rusidea.org/32030> (дата обращения: 13.09.2018).

⁴⁶ Достоевский Ф.М. Бесы. Ч. 2, гл. 7.

Статистика Курганова была критически исследована М.С. Высоковым, который привел в докладе результаты собственных вычислений. Основываясь на опубликованных данных переписей населения в СССР в указанный период, он получил цифру демографических потерь 103 миллиона. Подчеркнув, что точность вычислений не может быть признана безукоризненной ввиду приблизительности исходных данных, докладчик тем не менее убежден, что порядок конечного результата верен.

Отвечая на вопросы аудиторрии, М.С. Высоков подчеркнул, что демографические потери от коммунистического эксперимента нельзя, разумеется, сводить исключительно к числу расстрелянных. Войны, голод, непосильный труд в лагерях, эпидемии погубили гораздо больше жизней, чем пули палачей ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД. К этому следует добавить бегство из страны миллионов людей в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, а также многие миллионы неродившихся детей, родителями которых могли стать те, кто погиб в результате всех демографических катастроф.

Что же касается многочисленных оппонентов А.И. Солженицына, то они пытаются просто подменить понятия. От вопроса о цене коммунистического эксперимента они уходят к вопросу о количестве расстрелянных в сталинскую эпоху советских людей. И обвиняют автора «Архипелага...» в том, что он в десятки раз увеличивает число жертв коммунистического режима. Но имеющиеся в нашем распоряжении цифры подтверждают приводимую Солженицыным цену коммунистического эксперимента над страной.

Второй докладчик, архимандрит Стефан (Садо), заведующий библиотекой Санкт-Петербургской духовной академии, рассказал о работе над книгой «Мартиролог ассирийцев СССР: 1920–1950 гг.» (СПб., 2017). Ассирийцы — древний народ, потомки жителей Передней Азии. Из-за гонений в Турции они попали в 1914–1918 годах в пределы России и расселились в разных губерниях вплоть до столиц. Но и тут их судьба сложилась драматично. Участь своего народа разделила и семья отца Стефана: прошли через лагерь его дед Йоханн и отец Михаил. И теперь отец Стефан вслед за отцом кропотливо собирает информацию об ассирийцах, пострадавших в советской России. Главная идея мартиролога — отыскать и упомянуть всех репрессированных. Уже ранее усилиями отца и сына Садо был издан мартиролог пострадавших в Петербурге (2012) и в Левашовской пустоши, на месте расстрелов, установлен мемориал погибшим ассирийцам.

Информация об ассирийцах добывалась через местные книги памяти. Также рассылались запросы в региональные УФСБ и информационные центры МВД.

В результате анализа документов отцу Стефану удалось сделать следующие выводы. Если грекам, финнам или полякам вменялся в вину шпионаж, работа на соответствующие разведки, то «Ассирийского государства» не существовало, и ассирийцы, как правило, проходили по «Иранской операции» или обвинялись в шпионаже в пользу Англии.

Докладчик охарактеризовал основные волны репрессий:

- единичные расстрелы во время Гражданской войны на территории белых войск,
- в 1926 году в Грузии задержан и расстрелян выдающийся представитель ассирийцев в России врач и общественный деятель Фрейдун Атураия,
- в конце 1920-х годов многие ассирийские семьи в Закавказье, Ставрополье и других областях страны разделили участь раскулаченных крестьян во время коллективизации,
- в 1920–30 годах особое подозрение падало на духовенство,
- Большой террор — с августа 1937-го до ноября 1938 года, в эти годы было репрессировано от 1,5 до 2 тысяч ассирийцев. Сроки получали на 5, 8 и 10 лет; 45–50 % осужденных на лагерь там и погибли. Обвинялись по статье 58-6 (сотрудничество с иранской, английской и любой иностранной разведкой), реже 58-10 (антисоветская и контрреволюционная пропаганда).

Далее, в конце 1938 года, когда было сменено ежовское руководство, а тюрьмы полны, аресты прекратились. Немцы ассирийцев не преследовали, некоторые из ассирийцев ушли с немцами в Европу.

- в 1948–1949 годах многие из «набора» 1938 года выходили на свободу и получали повторные сроки, значительная часть «повторников» была выслана в Томскую область.

Работая с приговорами (в Центральном архиве ФСБ, ГА РФ, в Петербурге, Ереване, Смоленске и др.), о. Стефан пытался уяснить логику судей: почему один приговорен к высшей мере наказания, другой к десятке, а третий отпущен на свободу, но был вынужден признать, что решения принимались вне какой-либо логики. Те, кто избежал расстрелов, вышел после лагеря больным или сломленным и после испил горькую чашу жизни в советском обществе с ярлыком изменника родины. История о таком человеке есть почти в каждой ассирийской семье в России. Невозможно вместить бессмысленности расстрелов безвинных женщин, да еще и тех, что были поборницами советской власти!

Более трех часов заседания пролетели на одном дыхании, люди не покидали зал, потому что речь шла о нашем прошлом, без которого невозможно ни понять настоящее, ни выстроить будущее.

Музей А.И. Солженицына в Кисловодске

Единственный на сегодняшний день в России государственный музей Солженицына в Кисловодске, открытый 31 мая 2015 года, продолжает «осваиваться» в культурной среде города и региона. В музее проводится множество мероприятий, призванных привлечь к экспозиции, а значит и к заглавному ее герою, внимание жителей и гостей Кисловодска. Главной целевой аудиторией являются школьники и молодежь. При участии Управления образования администрации Кисловодска и Кисловодской горной астрономической станции Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН организован астрономический кружок, который ведут заведующий станцией д.ф.-м.н. А.Г. Тлатов, научные сотрудники М.П. Пашенко и Я.О. Чернов. Часть занятий проходит в формате интересных лекций с показом слайдов и учебных видеороликов о тайнах космоса. Другая часть посвящена практическому наблюдению за небесными светилами с помощью телескопа музея Солженицына.

Цикл лекций о литературном Кисловодске и его примечательных местах читает научный сотрудник музея В.С. Яновский.

Особенным событием стала третья годовщина открытия музея, 31 мая 2018 года, когда его посетила Мелания Струве-Ракович, дочь Никиты Алексеевича Струве. Этому визиту предшествовала выставка о кисловодском музее в Культурном центре им. А.И. Солженицына в Париже (о ней см. выше), в работе которого Мелания Струве принимает большое участие. На торжественном вечере были представлены результаты работы музея: за три года здесь побывало более 6000 посетителей из 107 городов России и восьми иных стран — Франции, Германии, Финляндии, Великобритании, США, Украины, Белоруссии и Болгарии.

К столетию Солженицына были приурочены гастроли Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова, прошедшие 7–13 сентября 2018 года в Кисловодске и других городах региона. Театр привез семь спектаклей в рамках общероссийской программы «Большие гастроли» Федерального центра поддержки гастрольной деятельности. 8 сентября в Кисловодске в Северо-Кавказской государственной филармонии им. В.И. Сафонова прошла большая пресс-конференция, посвященная этому событию. В ней приняли участие актеры Сергей Маковецкий, Людмила Максакова, Елена и Александр Михайловы, директор театра К.И. Крок, художественный руководитель филармонии, в залах которой проходят спектакли, С.В. Бережная, зав. отделом ГМИРЛИ им. В.И. Даля «ИКЦ “Музей А.И. Солженицына”» А.Г. Подольский и др.

Сотрудники музея Солженицына организовали для вахтанговцев экскурсии по экспозиции, по Кисловодску и близлежащим заповедным местам, а также в Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова в Пятигорске.

К юбилею писателя на Привокзальной площади Кисловодска установили памятник работы З.К. Церетели. Пятиметровая фигура Солженицына стоит на высоком постаменте, обрамленном картушами с фрагментами произведений писателя.

Конкурс на памятник А.И. Солженицыну в Москве

По инициативе Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына Союз московских архитекторов при поддержке Министерства культуры РФ провел всероссийский открытый творческий конкурс на проект памятника писателю. Конкурс был объявлен весной 2017 года, к участию были приглашены скульпторы, архитекторы, дизайнеры, художники. Срок подачи проектов: 27 ноября 2017 года. Партнерами конкурса выступили Российская академия художеств, Союз архитекторов России, Творческий союз художников России, Объединение московских скульпторов. На конкурс было подано более 70 заявок от авторских коллективов из Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Белгорода, Орла, Самары, Тулы, Курска, Омска, Красноярска, Нижнего Новгорода, Воронежа, Челябинска, Иркутска, Ростова-на-Дону, Брянска. В состав жюри вошли представители Министерства культуры РФ, Правительства Москвы, Российской Академии художеств, Союза московских архитекторов, а также члены семьи А.И. Солженицына.

Поданные на конкурс проекты были представлены на выставке, которая проходила в Центральном доме архитектора с 28 ноября по 7 декабря 2017 года. Итоги конкурса были подведены в два этапа. 6 декабря состоялось заседание жюри, на котором было принято решение продлить конкурс и предложить авторам четырех лучших проектов продолжить над ними работу, чтобы в середине января представить их на повторное рассмотрение. Конкурсанты должны были более тщательно проработать композиционное и масштабное соответствие памятника окружению — скверу между домами 11 и 13 по ул. Солженицына, тихой исторической улочке в центре Москвы. Для сохранения анонимности авторских коллективов отобранные проекты фигурировали под своими девизными номерами: 641972, 733195, 781648/104297, 947183.

В январе 2018 года авторы представили доработанные проекты на повторное рассмотрение. После детального обсуждения путем открытого голосования были определены победитель и лауреаты, занявшие второе и третье места, а также проект, который жюри посчитало нужным отметить специальным дипломом за художественную выразительность и профессионализм исполнения.

Победителем конкурса стал проект под номером 733195, разработанный авторским коллективом под руководством народного художника России

скульптора Андрея Николаевича Ковальчука. Команда представила сразу два варианта памятника, отличающихся оформлением постамента. Второе место заняла работа под номером 104297, которую представил молодой авторский коллектив в составе скульптора Кирилла Чижова и архитекторов Александры Дроновой и Сергея Рожкова. Жюри отметило оригинальную композицию и портретное сходство с Александром Исаевичем. Третье место присуждено проекту 641972, автором которого является президент Российской академии художеств Зураб Константинович Церетели.

Еще один проект, вышедший в финал конкурса и заслуженно претендовавший на призовое место, было решено наградить специальным дипломом. Работа под номером 947183 была представлена двумя молодыми специалистами, скульптором Николаем Жуковым и архитектором Глебом Шошиным.

Авторы проектов, занявших призовые места, получили денежные призы, а проект-победитель — возможность реализации к 100-летию юбилею Александра Солженицына.

Открытие мемориальной доски на доме А.И. Солженицына

В 99-й день рождения Александра Солженицына, 11 декабря 2017 года, состоялось открытие памятной доски на доме 12, строение 8 по улице Тверской, где в 1970–1974 годах жила семья писателя, а с 1992 года находилось представительство Русского благотворительного фонда Александра Солженицына, где он часто бывал и встречался с людьми после возвращения в Россию в 1994-м. Проект доски был создан народным художником России Андреем Николаевичем Ковальчуком (см. вклейку). Церемонию открытия возглавил заместитель мэра Москвы по вопросам социального развития Л.М. Печатников, в ней участвовали заместитель председателя Правительства РФ С.Э. Приходько, советник Президента РФ по вопросам культуры В.И. Толстой, президент Российского книжного союза С.В. Степашин, руководитель департамента культуры Москвы А.В. Кибовский, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский, член Совета Федерации В.П. Лукин, президент Русского благотворительного фонда А. Солженицына Н.Д. Солженицына. Среди гостей присутствовали сын писателя Степан Солженицын, народный артист России Евгений Миронов (исполнитель роли Нержина в экранизации романа «В круге первом»), множество почитателей творчества Солженицына.

Прозвучало много теплых слов. В частности, В.П. Лукин вспомнил «не вынужденный отъезд Александра Исаевича из этого дома, но его возвраще-

ние»: «Так получилось, что я его встречал в Новосибирске, на полдороге в Москву. Там он выступал перед учеными Академгородка... и между прочим сказал: “Высший смысл существует. Надо его разгадать. И главное, понять, что делать в жизни лично тебе!” И я бы сказал, что не знаю другого человека, который бы так точно разгадал высший смысл о том, что следует делать в жизни, и исполнил во всей полноте». С.В. Степашин отметил, что в этот день ему особенно приятно выступать в качестве председателя Книжного союза. Отвечая нашим современникам — приверженцам ленинского комсомола, называющим Солженицына предателем, он сказал: «Я прочитал “Один день Ивана Денисовича” комсомольцем. Ни Солженицына, ни себя я предателем не считал. А то, что произошло дальше, в 1990-е годы, всем показало, что он если не пророк, то человек, который заглянул надолго вперед. Предатели бегут с поля боя — Александр Исаевич не убежал. Его, как в свое время лучшие умы моей страны с философским парходом выслали, но не лишили любви к России, к русскому языку, к русской культуре. Он не только писатель и нобелевский лауреат, но удивительно честный и последовательный гражданин, любящий свою родину. Когда он вернулся в страну, он не все принял в политике, в сегодняшней жизни и один из немногих, кто говорил то, что думал, не кривил душой».

В завершение церемонии прозвучали слова благодарности от Н.Д. Солженицыной и приглашение приходить в гости к Солженицыну — в мемориальную квартиру в этом доме, которая откроется к 100-летию юбилею писателя.

Добавим несколько слов о двух других памятных местах, непосредственным образом связанных с Солженицыным. 27 сентября 2017 года открылся мемориал **«Сад памяти» на Бутовском полигоне**, крупнейшем в московском регионе месте массовых расстрелов и захоронений жертв политических репрессий. Памятник представляет собой символический расстрельный ров, состоящий из двух аллей, 1937 и 1938 годов, которые сходятся у площадки с «колоколом памяти». На гранитных плитах высечены имена 20 762 человек, расстрелянных на полигоне с августа 1937 года по октябрь 1938 года. Общая длина памятника составляет 300 метров, высота — два метра. Участниками церемонии открытия стали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, член Совета Федерации В.П. Лукин, член Совета по правам человека при Президенте РФ С.А. Караганов, Н.Д. Солженицына и др.

30 октября 2017 года на пересечении проспекта Академика Сахарова и Садовой-Спасской улицы был открыт монумент **«Стена скорби»**, созданный по проекту скульптора Георгия Франгуляна, — масштабный бронзовый барельеф с изображением человеческих фигур, символизирующих жертв советского ГУЛАГа, выживших и ушедших. На плоскостях барельефа высечено слово «Помни» на всех языках Советского Союза. Площадь перед «Стеной скорби» вымощена камнями, привезенными из мест, где находились лагеря

для заключенных. Открытие мемориала прошло в присутствии первых лиц государства, а также глав всех религиозных конфессий России.

Завершим наш обзор событий, связанных с именем Солженицына, словом Н.Д. Солженицыной, которое она произнесла во время церемонии освящения памятника святому равноапостольному князю Владимиру на Боровицкой площади в Москве, собравшей представителей всех ветвей государственной и духовной власти.

«Господин Президент!

Ваше Святейшество!

Дорогие друзья!

Памятник князю Владимиру — не просто еще одно украшение нашего города, на фоне которого будут фотографироваться гости столицы. Это еще и вызов, вопрос ко всем нам и к каждому из нас: а как мы выйдем на его фоне?

Двадцатый век был для России веком предельных испытаний. Две мировые войны, а между ними — война Гражданская, и коллективизация, и ГУЛАГ.

Но и двадцать первый век не обещает быть спокойным. В чем черпать силу, чтобы не просто выжить, но быть достойными наших предков? Все говорят: в единении и согласии. Но сегодня, после нашего бурного XX века и непростого перехода в XXI — надо признать: по многим жизненным вопросам нет у нас пока единения и согласия. Из главных разногласий — оценка нашего прошлого.

И тут хорошо бы обратиться к князю Владимиру, который собой являет не погасший в веках пример преображающей силы христианства. Он оглянулся на свою жизнь, осудил в ней то, что было несправедно и темно, взял с собой все доброе, чем был наделен, — и решительно повернулся к свету.

Так следовало бы поступать и нам. Это значит — уважать свою историю. Гордиться свершениями народа, его героями и его праведниками. Но это также значит иметь честность и мужество осудить зло, не оправдывать его и память о нем не заметать под ковер, чтобы не было видно, — таким путем нам не достичь чистоты в нашем Доме.

Во Владимировом крещении Русь обрела такую веру, которая учила: «НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ». Будем же верны этой заповеди. Давайте беречь высокие традиции и ясный дух — от них зависит достойное будущее нашего Отечества»⁴⁷.

⁴⁷ Российская газета. 2016. 5 нояб.

ОБ АВТОРАХ

Акулов Михаил Павлович — инженер путей сообщения, кандидат экономических наук, заслуженный работник транспорта Российской Федерации (Москва).

Аркатова Анна Евгеньевна — филолог-славист, доктор философии, Assistant Professor of Russian Объединенного международного колледжа Баптистского университета Гонконга. Автор статей о произведениях А.И. Солженицына, русской поэзии и прозе XX века (Чжухай, КНР).

Бутурлина Ирина Александровна — исследователь и публикатор семейных архивов Бутурлиных и кн. Гагариных (Москва).

Дьякова Елена Александровна — кандидат филологических наук, театральная обозреватель «Новой газеты», лауреат Премии города Москвы (Москва).

Крысин Леонид Петрович — филолог, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом современного русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

Кураев Михаил Николаевич — писатель, сценарист, лауреат Государственной премии Российской Федерации (Санкт-Петербург).

Мазаев Владимир Александрович — предприниматель, организатор выставки «Солженицын в Солотче» в гостинице «Боровница» (поселок Солотча, Рязань).

Майкапар Александр Евгеньевич — клавесинист, органист, музыковед, искусствовед, автор книг «Новый Завет в искусстве» (1997), «Шедевры русской оперы» (1998), «Жизнь Христа в произведениях живописи» (совместно с Н.А. Борисовской, 2001) (Москва).

Немзер Андрей Семенович — автор статей и книг о русской литературе XIX–XXI веков, кандидат филологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (Москва).

Никифорова Александра Юрьевна — исследователь византийской гимнографии и истории литургии, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына, старший научный сотрудник Центра истории богословия Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва).

Савельева Елена Николаевна — библиограф, автор-составитель справочника по библиографии А.Д. Сахарова, старший научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва).

Сараскина Людмила Ивановна — автор статей и книг по истории русской литературы XIX–XX веков, биографий Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Государственно-го института искусствознания РАН (Москва).

Смыковская Татьяна Евгеньевна — автор монографии, посвященной творчеству В.И. Белова, статей о произведениях А. Альвинга, Л.И. Бородина, А.И. Солженицына, А.И. Цветаевой, о литературе БАМлага, учебных пособий по русскому языку как иностранному, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск).

Солженицына Наталия Дмитриевна — редактор и публикатор текстов А.И. Солженицына, в том числе 20-томного («вермонтского») и 30-томного Собрания сочинений, куратор архива А.И. Солженицына, президент Русского благотворительного фонда Александра Солженицына (Москва).

Темпест Ричард — профессор Илинойского университета в Урбана-Шампейн, старший редактор «Journal of Political Marketing» (Чикаго), автор публикаций о русской и мировой культуре на русском, болгарском, английском и французском языках; автор (под псевдонимом Роланд Харингтон) романа «Золотая кость» (2004). Его книга «В борьбе с хаосом: художественные миры Александра Солженицына» («Overwriting chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's fictive worlds») выйдет в начале 2019 года (Урбана-Шампейн, США).

Топилина Дарья Владимировна — секретарь Русского благотворительного фонда Александра Солженицына (2009–2018), с 2018 года — хранитель музейных предметов Музея-квартиры А.И. Солженицына на Тверской (Москва).

Тюрина Галина Андреевна — автор статей и монографии по греческой палеографии, истории классической филологии и образования в России, источниковедческих исследований, связанных с творчеством А.И. Солженицы-

на, кандидат исторических наук, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва).

Фейгина Тамара Евгеньевна — выпускница московской школы № 1543, студентка первого курса отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

Шмелев Алексей Дмитриевич — автор статей и книг по языкознанию, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

SUMMARY

In accord with past practice, the current issue of *Studying Solzhenitsyn* opens with a section titled **NEW PUBLICATIONS**. The two texts presented here, both previously unpublished, were composed while the author was in exile in the West.

Upon completing Node Three of *The Red Wheel (March 1917)* in 1985, Solzhenitsyn began work on an autobiographical narrative, titled “Childhood”, that was originally intended for only the closest of his readers – for his sons and future grandchildren. In terms of content it overlaps somewhat with the early recollections recorded in his narrative poem *The Trail* [Dorozhen’ka], certain other episodes are featured in the writer’s essays (e.g. the sudden appearance of Cheka men with their peaked helmets at a church service), and the main characters in this text (the future writer’s mother, his grandparents, his uncle and aunt) will be familiar to readers of *The Red Wheel*. There is a detailed portrayal of the life of “the dispossessed ones” [byvshie] in the early years of the Soviet regime, with the history of the family constantly linked to the larger historical account of a Russia ruled by bolsheviks, and with a later-in-life understanding of what had been seen, heard, and felt in childhood. We learn of a child’s perception of urban (Kislovodsk, Novocherkassk, Yeysk) and rural spaces, of simple everyday objects, of outings, of uncomplicated toys, of the first time verse made an impression, of books read, and of the first trip that would result in a passionate love of everything linked to train travel... And of course of the life of adults with their daily trials and hopes, and of the way a unique human personality takes shape.

Solzhenitsyn confessed that he seemed unable to compose any “miniatures” [krokhotki] while living abroad. However his papers were found to contain a text titled “At the ultimate...” that unquestionably belongs to this genre. Although it is impossible to be certain that this “poem in prose” represents a fully completed text, it is indisputable that this “long-lost miniature” (as the writer termed it when he unexpectedly discovered these lines among his manuscripts after his return to Russia) is an inherent and indispensable part of the literary world created by Solzhenitsyn.

It is fully appropriate that in the jubilee year of Solzhenitsyn’s centenary, the section titled **ARTICLES AND ADDRESSES** should open with a transcript of the round table discussion panel titled “Aleksandr Solzhenitsyn: Writer, Thinker, and Public Figure” that took place at the UNESCO headquarters in Paris on March 19, 2018. The gathering was welcomed by Aleksandr Kuznetsov, the Russian Federation’s permanent representative to UNESCO and by Jyoti Hosagrahar, Director of the Division of Creativity. The first speaker and chair of the panel was one of the world’s most authoritative

Solzhenitsyn scholars, Georges Nivat, professor at the University of Geneva. His talk was titled “The Energy of Combat and the Energy of Writing”. Other participants of the round table and the titles of their prepared remarks were Aleksei Varlamov (“Solzhenitsyn’s Autobiographical Prose”), Pierre Morel (“*Invisible Allies* or Atonement Through Literature”), Natalia Solzhenitsyna (“Dedication to the Written Word”), Yves Hamant (“Solzhenitsyn: The Power of the Literary Word”), Lyudmila Saraskina (“Enemies on Right, Enemies on the Left: Solzhenitsyn Faced by his Detractors”), Yuri Kublanovsky (“Solzhenitsyn and Christianity: In the Service of God?”), and Eugene Vodolazkin (“Solzhenitsyn’s Call to Repentance and the Reaction of Society”). Yves Hamant’s words could be considered emblematic of the panel’s deliberations: “In the course of planning this round table discussion, Georges Nivat suggested that I might wish to address the theme “Solzhenitsyn – prophet or ideologue?” To such a question I would respond as emphatically as possible: WRITER. That is why I would like to see the centenary becoming a rationale for discovering or re-discovering Solzhenitsyn the writer, a writer endowed with the enormous power of literary expression”.

A.D. Shmelev’s article, “*Pride, Shame and Disgrace* in the Works of Aleksandr Solzhenitsyn” examines the evolving meaning of these Russian words over time and the way they are used by the writer. Shmelev shows that the significant changes affecting the linguistic conceptualization of the world are directly reflected in the works of Solzhenitsyn and can in fact play a key role in their interpretation. The author draws on texts of a whole gamut of genres, including the early stories, the novel *In the First Circle*, the tale [povest’] *Cancer Ward*, *The Gulag Archipelago*, *The Oak and Calf*, the nodes of *The Red Wheel*, the binary tales, and articles from a range of years.

T.E. Feigina’s article, “Typographical textual elements in Aleksandr Solzhenitsyn’s novel *In the First Circle*”, examines the ways in which typographical means are used to mark elements of the text in various ways: italic font, capital letters, quotation marks, etc., as well as elements of punctuation like the dash. For example, italics can be used to signal items or concepts that lie outside the usual meaning of the word in question, but in different contexts the author used this device for other purposes, and no rigid classification is possible.

A.S. Nemzer’s “Nine preliminary sketches for a monograph on *Cancer Ward*” is an analysis of short sections drawn from each of nine chapters of Solzhenitsyn’s work (chapters 1 to 8, plus 21, the last chapter in Part I). The author seeks to demonstrate motif-related links between episodes that are far removed from each other, and that may involve different characters and outwardly dissimilar circumstances. The textual sections in question seem less than significant at first sight, but attain new – often symbolic – meanings with the development of the narrative. The associative links create an unobtrusive semantic density that compensates for the deliberately weakened plot line and a narrative that appears to proceed in simple chronological fashion.

A.E. Arkatova’s “The Kengir Uprising as a Revolution of the Righteous: A Temporary Return to Life” examines the metaphysical aspects of the camp revolt, as it is portrayed in the screenplay *Tanks Know the Truth* as well as in chapter 12 of Part V in *The Gulag Archipelago*. Arkatova links the Kengir events to the distortions of social consciousness described in detail in the *Red Wheel* series. The “revolution of the righteous”

temporarily restores the human (God-given) norms that were supposed to disappear after the revolution and its Gulag-based consequences. Particular attention is accorded to the restoration of norms in the relations between men and women. A.E. Arkatova argues that the brutal end of the mutineers can be likened to death on the cross.

One aspect of the color scheme characteristic of the writer is addressed in T.E. Smykovskaya's essay titled " 'A year will come, a black year for Russia': Observations on the Symbolism of the Color Black in Solzhenitsyn's Works". The focus is mostly on *The Gulag Archipelago* and *The Red Wheel* (particularly chapter 8 of *August 1914*, the episode involving the anarchist Zhora).

L.I. Saraskina's article, "*The Red Wheel* as an epic on the Russian revolution", is a meticulous description of the writer's movement toward the long-cherished goal that he had first formulated in his youth, but which turned out to be very much unlike the project he had envisaged in his student days in Rostov. Saraskina shows how the writer's life experiences as well as his work as a researcher kept affecting the frame of reference of the writer-as-historian. She concludes: "Solzhenitsyn lived a very long life and covered an enormous distance – from the romantic love of revolution <...> to *The Red Wheel* with its deep metaphysical understanding of revolution as a raging evil and a catastrophe of world-wide significance".

Richard Tempest's article, "The Shield of Achilles" addresses the last literary text produced by Solzhenitsyn, the "twenty-four-hour-long novella" titled "Adlig Schwenkitten". The very title of the article points to the analytical approach taken by the author: He is viewing Solzhenitsyn's war-themed writing in the light of a great mythopoetic tradition (which in this case is consistently linked to Nietzsche's philosophical constructs). Tempest argues that the principal heroes of Solzhenitsyn's novella owe less to the characters depicted by prose writers of the "lost generation" and much more to the mighty warriors celebrated by Homer. The tragedy of war does not negate its heroic (masculine and "male") poetics. In this sense the set of medals covering Boyev's chest can be seen as an analogy to the shield of Achilles, forged by Hephaestus, the god of fire.

The article by E.A. Dyakova, titled "From *The Red Wheel* to "Apricot Jam": A.I. Solzhenitsyn's Prose in Experimental Theatrical productions of 2017 – 2018" opens with a fundamental question: "Is Solzhenitsyn's prose stage-worthy?" Looking at a number of recent productions does not yield a single answer, according to the author. But she shows that the various attempts are very dissimilar and can be quite successful. Her sample ranges from explicitly experimental productions (the "theatrical serial" in five parts titled *The Red Wheel*, produced by five young directors and staged in the new "laboratory" space of the Theater of Nations; the several theatrical sketches staged in the Novokuznetsk Drama Theater as part of the "The Solzhenitsyn Continent" project – "Apricot Jam", "The Oak and the Calf", "One Day in the Life of Ivan Denisovich" and "Matrena's Home"), as well as more traditional ones ("Cancer Ward. Exiled Forever" staged by the Vladimir Drama Theater, directed by Vladimir Kuznetsov; "Matrena's Home" produced by the Vladimir Puppet Theater and directed by Marina Protasova). Dyakova describes these very dissimilar productions in some detail and concludes: "The most successful of the contemporary attempts are not those

linked to traditional plot-based theater, but rather those that depart from the literal text in order to preserve its spirit”.

TESTIMONIES, a new section in *Studying Solzhenitsyn*, contains three entries. The musician A.E. Maikapar reminisces of seeing the still unknown writer in *Novy mir*'s editorial offices in 1961, and also of the avalanche of letters and manuscripts that descended on the journal after the publication of “Ivan Denisovich” (“On Aleksandr Isaevich Solzhenitsyn in 1961”). The linguist L.P. Krysin reports on the meeting between Solzhenitsyn and members of the Institute of Russian Language at the Soviet Academy of Sciences and of its consequences (“We rejoiced, and, fools that we were, completely forgot what kind of country we were inhabiting...”). The materials provided by I.A. Buturlina consist of the reminiscences of her father, the military engineer A.S. Buturlin (with I.A.'s commentary), his letter to N.D. Solzhenitsyna, his diary entries and an essay in defense of Solzhenitsyn that was quite unpublishable in the Soviet press. Also included are a number of documents related to the relationship between Buturlin and Solzhenitsyn and to the appearance of the writer before a military group (the closed National Research Institute) in May 1967, when he gave a public reading of chapters from *Cancer Ward*, of some of his “miniatures” and of his letter to the Union of Soviet Writers. Buturlin was fired as a result of having organized this meeting and was forced to resign his commission and transfer to the Reserves. The Buturlin materials are titled with the inscription that Solzhenitsyn had made on a copy of the Nobel Lecture that he had presented to Buturlin: “To Aleksandr Sergeevich Buturlin with heartfelt good wishes”.

Because of the year-long hiatus in the publication of *Studying Solzhenitsyn*, the section on THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE has two separate parts. In 2017 the recipient was Vladimir Enisherlov, honored for his “thirty-years-long stewardship of the journal *Nashe nasledie* from the day of its founding; for his prodigious labors in cultural and educational terms in seeking out and publishing forgotten works of Russian literature and philosophy; for the highest quality expert help in the task of preserving and maintaining museums and sites of high historical, architectural and natural interest”. The ceremony of presenting the prize included welcoming statements from members of the Prize selection jury, V.A. Moskvina and L.I. Saraskina, from the Minister of Culture, City of Moscow, A.V. Kibovsky, the Pushkin scholar N.I. Mikhailova, and the former Solzhenitsyn Prize winner I.P. Zolotussky. The new laureate's comments in reply followed.

In 2018 the prize was awarded to two book artists – to Viktor Britvin “for his outstandingly expressive illustrations to the fairytales and myths of the world and for his profound and emotionally involved rendition of Russian camp prose through the eyes of a graphic artist” and to Sergei Liubaev “for his love and dedication to the classics of literature and for his ability to render their appearance in ways that create masterpieces of designer art”. The laureates were welcomed by the member of the Prize selection jury L.I. Saraskina, by the artist A.P. Anokhin, by I.B. Kotunova, the editor in chief of the “Children's literature” publishing house, and by G.M. Kruzhkov, translator and winner of a former Solzhenitsyn Prize. Words of gratitude by the two new laureates concluded the session.

The titles of two entries in the **FROM PERSONAL FILES** section speak for themselves. The first one, is ““I wish you happiness, captain!”: Documenting Aleksandr Solzhenitsyn’s Front-Line Service” (introductory note and commentary by M.P. Akulov, V.A. Mazaev and G.A. Tyurina). This is the first publication of the entire corpus of documents related to the writer’s military career – his 1941 draft card, a certificate from the horse-transport battalion, papers from the Artillery School, orders concerning his promotion to senior lieutenant and captain, awards nominations on battalion commander Solzhenitsyn, etc. Also included are fragments of awards nominations for some members of his regiment – testimonies to the activity of the 794th sound ranging battery that is reflected in a number of the writer’s works.

The second one is titled “Half a Century Ago: Solzhenitsyn Turns 50 – photos, letters, telegrams (1967–1968)”. The writer M.N. Kuraev relates how a photograph of Solzhenitsyn turned into a greeting card on the occasion of the 50th jubilee by dint of the efforts of people from the “Lenfilm” studios. The congratulations received by the writer from many individuals, both famous and unknown, are presented by D.V. Topilin. These letters and telegrams have great deal in common with the “testimonies” published in the current volume, and allow us to better understand the complexities and nuances of the last years of the 1960s in the USSR.

The archival section concludes with the publication of the correspondence between Gregory (Afonsky), OCA Bishop of Alaska and A.I. and N.D. Solzhenitsyn in the period between 1975 and 1979. Also included is a newspaper article authored by Bp. Gregory and titled “A.I. Solzhenitsyn visits Alaska”. With their colorful details and emotional warmth, these letters, along with the article and the biographical sketch provided by A.Yu. Nikiforova, acquaint us with the remarkably attractive and impressive personality of Bishop Gregory.

The **IN MEMORIAM** section opens with N.D. Solzhenitsyna’s note titled “A Year of Losses”. In the period after the appearance of the fifth volume of *Studying Solzhenitsyn*, the following individuals have departed from this world: Aleksandr Vadimovich Andreev, the “invisible ally” who brought a film copy of *The Gulag Archipelago* out to the West, Igor Rostislavovich Shafarevich, member of the Russian Academy of Sciences, a mathematician and thinker portrayed with deep sympathy in *The Oak and the Calf*, Jerzy Pomianowski and Hans Björkegren, translators of Solzhenitsyn’s works into Polish and Swedish respectively, Edward E. Ericson, Jr., author of outstanding works on Solzhenitsyn who persuaded the writer to prepare an abridged version of *The Gulag Archipelago* for Anglophone readers, the literary scholar Sergei Georgievich Bocharov and the linguist Andrei Anatolievich Zalizniak who were both honored in 2007 with the Aleksandr Solzhenitsyn Literary Prize.

The editors of *Studying Solzhenitsyn* deemed it appropriate to republish I.R. Shafarevich’s 1973 article titled “D.D. Shostakovich” (first published in *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia*, №125 [1978]) together with A.A. Zalizniak’s remarks at the ceremony when he was the recipient of the Aleksandr Solzhenitsyn Literary Prize: his words at that occasion are rightly considered a definitive “apologia” of authentic philology.

The section titled **NOTES ON CURRENT EVENTS**, compiled by A.Yu. Nikiforova, E.N. Savelyeva and G.A. Tyurina, is structured in the traditional way. First comes information about new editions of the works of Solzhenitsyn (including the added volumes to the ongoing *Collected Works* edition: vol. 19 [*“Plays and Filmscripts”*] and vol. 28 [*“The Oak and the Calf”*]). This is followed by a listing of new publications focused on the life or works of the writer, among which a particularly important entry is the second part of a comprehensive bibliography. Then comes information on conferences, round table discussions, exhibits (including “itinerant” ones), on the sessions of the Solzhenitsyn Seminar that meets regularly at the Dom russkogo zarubezhya (including detailed reviews of M.S. Vysokov’s paper on the number of victims of the Communist regime), on the activities of the Solzhenitsyn museum in Kislovodsk, on the ongoing competition concerning a proposal for a monument to the writer to be erected in Moscow, and on the commemorative panel that has now been affixed to the house where Solzhenitsyn was arrested in 1974. The section concludes with the remarks delivered by N.D. Solzhenitsyna at the ceremony of the blessing of the monument to St. Vladimir, Prince of Kiev and Equal-to-the-Apostles.

CONTENTS

NEW PUBLICATIONS

SELECTIONS FROM THE PAPERS OF ALEKSANDR SOLZHENITSYN

<i>Aleksandr Solzhenitsyn. Childhood</i>	5
<i>Edited and introduced by N.D. Solzhenitsyna</i>	
The long-lost miniature	35
<i>Edited and introduced by N.D. Solzhenitsyna</i>	
At the ultimate... ..	36

ARTICLES AND ADDRESSES

«Aleksandr Solzhenitsyn: Writer, Thinker, and Public Figure»	
<i>Round table discussion</i>	37
<i>Moderator:</i> Georges Nivat	
<i>Welcoming remarks:</i> Aleksandr Kuznetsov, the Russian Federation's permanent representative to UNESCO and Jyoti Hosagrahar, Director of the Division of Creativity, UNESCO	
<i>Speakers:</i> G. Nivat, A.N. Varlamov, P. Morel, N.D. Solzhenitsyna, Y. Hamant, L.I. Saraskina, Yu.M. Kublanovski, E.G.Vodolazkin, E.Yu. Sidorov	
<i>A.D. Shmelev. Pride, Shame and Disgrace in the Works of Aleksandr Solzhenitsyn</i>	80
<i>T.E. Feigina. Typographical textual elements in Aleksandr Solzhenitsyn's novel In the First Circle.</i>	111
<i>A.S. Nemzer. Nine preliminary sketches for a monograph on Cancer Ward.</i>	121
<i>A.E. Arkatova. The Kengir Uprising as a Revolution of the Righteous: A Temporary Return to Life</i>	171
<i>T.E. Smykovskaya. "A year will come, a black year for Russia": Observations on the Symbolism of the Color Black in Solzhenitsyn's Works</i>	182

<i>L.I. Saraskina. The Red Wheel as an epic on the Russian revolution</i>	191
<i>R. Tempest. The Shield of Achilles</i>	200
<i>E.A. Dyakova. From The Red Wheel to “Apricot Jam”: A.I. Solzhenitsyn’s Prose in Experimental Theatrical Productions of 2017–2018</i>	213

TESTIMONIES

<i>A.E. Maikapar. On Aleksandr Isaevich Solzhenitsyn in 1961</i>	225
<i>L.P. Krysin. “We rejoiced, and, fools that we were, completely forgot what kind of country we were inhabiting...”</i>	228
<i>I.A. Buturlina. “To Aleksandr Sergeevich Buturlin with heartfelt good wishes”</i>	230

ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE

The 2017 Prize	
The jury’s statement	245
The Solzhenitsyn Prize presentation ceremony	245

Moderator: N.D. Solzhenitsyna
Speakers: V.A. Moskvina, L.I. Saraskina, A.V. Kibovsky,
 N.M. Mikhailova, I.P. Zolotussky
Response: V.P. Enisherlov

The 2018 Prize	
The jury’s statement	265
The Solzhenitsyn Prize presentation ceremony	265

Moderator: N.D. Solzhenitsyna
Speakers: L.I. Saraskina, A.P. Anokhin, I.B. Kotunova, G.M. Kruzhev
Responses: V.G. Britvin, S.V. Lyubaev

FROM PERSONAL FILES

“I wish you happiness, captain!” <i>Documenting Aleksandr Solzhenitsyn’s Front-Line Service</i>	283
--	-----

*Edited, with introduction and commentary by M.P. Akulov, V.A. Mazaev,
 G.A. Tyurina*

Extracts from awards nominations on soldiers in the 794 th Artillery Reconnaissance Battery	290
A.I. Solzhenitsyn’s Documents. 1941–1957	298

Contents

Half a Century Ago: Solzhenitsyn Turns 50
Photos, letters, telegrams (1967–1968) 311

Photograph and commentary by M.N. Kuraev, letters and telegrams edited and introduced by D.V. Topilina

“Bisha-Grisha”
Selections from the correspondence of Gregory (Afonsky), Bishop of Alaska with A.I. and N.D. Solzhenitsyn between 1975 and 1979 325

Edited with introduction and commentary by A.Yu. Nikiforova

Gregory, Bishop of Alaska. A.I. Solzhenitsyn visits Alaska. 331
Letters 333

IN MEMORIAM

N.D. Solzhenitsyna. A Year of Losses 352
I.R. Shafarevich. D.D. Shostakovich 356
A.A. Zalizniak. The Laureate Takes the Floor 365

NOTES ON CURRENT AFFAIRS

Compiled by A.Yu. Nikiforova, E.N. Savelyeva, G.A. Tyurina

New editions of the works of A.I.Solzhenitsyn 368
Literature on the works of A.I. Solzhenitsyn 370
Conferences, lectures, discussions 373
Exhibits 379
Seminar on the life and works of the writer 383
The Aleksandr Solzhenitsyn museum in Kislovodsk 388
The competition concerning a monument proposal 389
The commemorative panel on Solzhenitsyn’s house in 1974 390

NOTES ON CONTRIBUTORS 393
SUMMARY 396

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Александр Солженицын. Детство</i>	5
<i>Публикация, подготовка текста и вступительная заметка Н.Д. Солженицыной</i>	
<i>Утерянная крохотка.</i>	35
<i>Публикация, подготовка текста и вступительная заметка Н.Д. Солженицыной</i>	
<i>На последнем</i>	36

СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

«Александр Солженицын — писатель, мыслитель, общественный деятель» <i>Круглый стол</i>	37
<i>Ведущий: Ж. Нива</i>	
<i>Приветственное слово: постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО А.И. Кузнецов, директор департамента творчества ЮНЕСКО Дж. Хосаграхар</i>	
<i>Выступления: Ж. Нива, А.Н. Варламов, П. Морель, Н.Д. Солженицына, И. Аман, Л.И. Сараскина, Ю.М. Кублановский, Е.Г. Водолазкин, Е.Ю. Сидоров</i>	
<i>А.Д. Шмелев. Гордость, стыд и позор в произведениях Александра Солженицына</i>	80
<i>Т.Е. Фейгина. Графика в романе А.И. Солженицына «В круге первом»</i>	111
<i>А.С. Немзер. Девять этюдов к монографии о повести «Раковый корпус»</i>	121
<i>А.Е. Аркатова. Кенгирский мятеж как революция праведников: временное возвращение к жизни</i>	171
<i>Т.Е. Смыковская. «Настанет год, России черный год...»: Из наблюдений над символикой черного цвета у Солженицына</i>	182

<i>Л.И. Сараскина. «Красное Колесо» — эпопея о русской революции</i>	191
<i>Р. Темпест. Щит Ахилла</i>	200
<i>Е.А. Дьякова. От «Красного Колеса» до «Абрикосового варенья»: Проза</i> <i>А.И. Солженицына в театральных опытах 2017–2018 годов</i>	213

СВИДЕТЕЛЬСТВА

<i>А.Е. Майкапар. Об Александре Исаевиче Солженицыне в 1961 году</i>	225
<i>Л.П. Крысин. «Мы радовались и, дураки, совсем забыли, в каком государстве живем»</i>	228
<i>И.А. Бутурлина. «Александр Сергеевичу Бутурлину сердечно»</i>	230

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Премия 2017	
Решение жюри	245
Церемония награждения	245
<i>Ведущая: Н.Д. Солженицына</i>	
<i>Выступления: В.А. Москвин, Л.И. Сараскина, А.В. Кибовский, Н.М. Михайлова, И.П. Золотусский</i>	
<i>Ответное слово: В.П. Енишерлов</i>	

Премия 2018	
Решение жюри	265
Церемония награждения	265
<i>Ведущая: Н.Д. Солженицына</i>	
<i>Выступления: Л.И. Сараскина, А.П. Анохин, И.Б. Котунова, Г.М. Кружков</i>	
<i>Ответное слово: В.Г. Бритвин, С.В. Любаев</i>	

ИЗ АРХИВОВ

«Желаю вам — счастья — капитан!»: <i>Фронтовой путь Александра Солженицына в архивных документах.</i>	283	
<i>Вступительная заметка, публикация и комментарий М.П. Акулова, В.А. Мазаева, Г.А. Тюриной</i>		
<i>Извлечения из наградных листов бойцов 794-го Отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона. Июль 1943 – февраль 1945</i>		290
<i>Документы А.И. Солженицына. 1941–1957</i>		298

Полвека назад: Солженицыну — 50	
<i>Фотодокументы, письма, телеграммы (1967–1968)</i>	311
<i>Публикация фотографии и комментариев М.Н. Кураева,</i> <i>вступительная заметка и публикация писем</i> <i>и телеграмм Д.В. Топиловой</i>	
«Биша-Гриша»:	
<i>Из переписки епископа Аляскинского Григория (Афонского)</i> <i>с А.И. и Н.Д. Солженицыными (1975–1979)</i>	325
<i>Публикация, вступительная заметка</i> <i>и примечания А.Ю. Никифоровой</i>	
<i>Еп. Григорий Аляскинский. А.И. Солженицын посетил Аляску</i>	331
<i>Письма</i>	333

IN MEMORIAM

<i>Н.Д. Солженицына. Год потерь</i>	352
<i>И.Р. Шафаревич. Д.Д. Шостакович</i>	356
<i>А.А. Зализняк. Слово лауреата</i>	365

ХРОНИКА

Раздел подготовлен А.Ю. Никифоровой, Е.Н. Савельевой, Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына	368
Литература о творчестве А.И. Солженицына	370
Конференции, лекции, обсуждения	373
Выставки	379
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	383
Музей А.И. Солженицына в Кисловодске	388
Конкурс на памятник А.И. Солженицыну в Москве	389
Открытие мемориальной доски на доме А.И. Солженицына	390
ОБ АВТОРАХ	393
SUMMARY	396
CONTENTS	402

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 6 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2018. — 408 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-494-2

Альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются воспоминания Солженицына о детских годах и утерянная крохотка; фрагменты переписки писателя с епископом Аляскинским Григорием (Афонским) (1975–1979), архивные документы, представляющие фронтальной путь Солженицына, документальные материалы, связанные с его 50-летним юбилеем. Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Солженицынские
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

6

Редактор: *О.Б. Василевская*

Корректор: *О.А. Савичева*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 14.10.2018. Формат 70x100/16. Тираж 1000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»

125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, оф. 64. Тел.: +7 (495) 629-04-82

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru или русский.путь.рф

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ISBN 978-5-85887-494-2

9 785858 874942 >